

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region
Proceedings of scientific seminar

Issue 17

Moscow
2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара

Выпуск 17

Москва
2021

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Энговатова (отв. редактор), В. Ю. Коваль (составитель), И. Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Л. А. Беляев,
доктор исторических наук А. Е. Леонтьев

Археология Подмосковья: Материалы научного семинара.
А87 **Выпуск 17.** – М.: Институт археологии РАН, 2021. 392 с.
ISBN 978-5-94375-334-3

В сборнике «Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Выпуск 17» публикуются материалы ежегодного семинара, состоявшегося в феврале 2020 г. Сборник содержит три крупных раздела. Два из них объединяют статьи по хронологическому принципу: «Древности эпохи раннего железного века и древнерусского времени» и «Археология Нового времени». Третий уже традиционно публикует материалы исследований керамики – «Керамология». Четвертый раздел не содержит научных статей, он посвящен памяти коллег, всю жизнь изучавших древности Подмосковья и граничащих с ним территорий – М. И. Гоняного и А. В. Трусова.

Для археологов, историков, музейных работников и краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-334-3
ISSN 2686-6897
DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-334-3

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2021
© Авторы статей (фамилии выделены
в содержании курсивом), 2021

Содержание

Древности эпохи раннего железного века и древнерусского времени

<i>Миненко В. В., Разумов И. Н., Сироштан И. И.</i> Находки мелкой глиняной пластики юхновской культуры на городище Воробейня-1	9
<i>Тавлинцева Е. Ю., Хохлова О. С., Максименко И. Л.</i> Исследование многокамерной жилой постройки I тысячелетия до н. э. на городище Ростиславль	29
<i>Новоселова Т. Н., Вишневецкий В. И.</i> Селище Ваулино – новый памятник раннего железного века на реке Дубне	57
<i>Новоселова Т. Н., Вишневецкий В. И.</i> Погребальное сооружение – «домик мертвых» Ратьковского финно-угорского могильника VI–VII веков (по материалам раскопок в 2018–2019 годах)	66
<i>Поляков Ф. А.</i> Стоянка «Мыс Доброй Надежды V» на территории Сасовского района Рязанской области (по материалам разведок 2020 года)	80
<i>Сыроватко А. С., Гусева В. П., Клеценко Е. А.</i> К вопросу о границах Щуровского могильника (погребения из раскопок 2019 года)	85
<i>Сыроватко А. С., Клеценко Е. А., Свиркина Н. Г.</i> Лужки Е – кремации и ингумации на одном могильнике	98
<i>Столярова Е. К., Савосина Т. Ю.</i> Бусы подмосковных курганных могильников Дарьино 1 и 2	110
<i>Завьялов В. И., Лазаренко П. Г.</i> Технологическая характеристика кузнечных изделий из древнерусского города Вщиж	119
<i>Энговатова А. В., Яковчик М. С., Орфинская О. В., Чернова О. Ф.</i> Коллекция веревок из коллективного захоронения в колодце XIII века (Ярославль)	127
<i>Прилепская Н. Е., Энговатова А. В.</i> Определение сезона смерти копытных из санитарных захоронений XIII века в Ярославле с помощью анализа ростовых слоев в зубном цементе	141
<i>Гольева А. А.</i> Результаты почвенных исследований на селище Захарково (Московская область)	147

Археология Нового времени

<i>Алексеев А. В.</i> К дискуссии о семантике русского средневекового белокаменного надгробия	155
<i>Агеев В. В.</i> Новые данные о надгробных памятниках Кунцевского городища	161
<i>Зоц Е. П., Зоц С. А., Курицын М. А.</i> Надворные печи и печи в хозяйственных помещениях XVI века из раскопок в Троице-Сергиевой лавре в 2017 и 2019 годах	170
<i>Зацаринный С. В.</i> Деревянные изделия XVI–XVIII веков из раскопок на территории Тульского кремля	197
<i>Новиков А. В., Новикова О. В., Осипов Д. О.</i> Коллекция изделий из кожи из раскопок Галича Мерьского	209
<i>Лихтер Ю. А.</i> Стекло из раскопок Археологической службы Москвы (1989–2015 годы). Полуоткрытые формы	224

<u>Гоняный М. И.</u> , Шевяков Е. С. Результаты археологических исследований у деревни Тетеринки, на месте боя правого фланга русской армии во время первого этапа Тарутинского сражения 18 октября 1812 года	237
Яганов А. В. О периодизации пространственно-планировочной структуры собора Чудова монастыря 1501–1503 годов	263

Керамологические исследования

Глазунова О. Н. Выбор сюжета для печных изразцов в XVII веке: Троице-Сергиева лавра и Новый Иерусалим	274
Лазарев А. С. Печные изразцы из раскопок на территории Торговых рядов в Костроме в 2013–2018 годах	280
Кочкина А. Ф. Изразцы из культурного слоя исторической части Самары	289
Полюлях А. А. Археологическое исследование селища Меткомелино 2: характер и особенности культурного слоя, находок и состава комплекса керамики	306
Смирнов А. Л., Меньшиков М. Ю. Керамические изделия необычных форм. Археология и этнография	324
Энговатова А. В., Авдеев А. Г., Кадиева Е. К. Граффити на сосудах второй половины XVI – начала XVIII века из раскопов Троице-Сергиевой лавры: атрибуция, классификация, хронология	331
<u>Фёдорова Л. И.</u> , Ткаченко В. А., Фёдоров В. В. Приемы изготовления некоторых зооморфных глиняных игрушек в Калужском крае	353

In memoriam

Памяти Михаила Ивановича Гоняного (1953–2020)	361
Памяти Александра Васильевича Трусова (1951–2020)	373
Список сокращений	460

Contents

Early Iron Age and Old Russian Time

<i>Minenko V. V., Razumov I. N., Siroshstan I. I.</i> The small clay figurines of the Yukhnovo culture at the Vorobeynya-1 hillfort	9
<i>Tavlintseva E. Yu., Khokhlova O. S., Maksimenko I. L.</i> Early Iron Age Dwelling Excavated at Rostislavl Hillfort	29
<i>Novoselova T. N., Vishnevsky V. I.</i> The village of Vaulino – a new monument of the early iron age on the Dubna river	57
<i>Novoselova T. N., Vishnevsky V. I.</i> TeBurial structure – “house of the dead” Ratkovsky Finno-Ugric burial ground of the 6 th –7 th centuries (based on excavations in 2018–2019)	66
<i>Polyakov F. A.</i> Archaeological site "Mys Dobroi Nadezhdy V" on the territory of Sasovsky district of the Ryazan region (based on the materials of exploration in 2020)	80
<i>Syrovatko A. S., Guseva V. P., Kleshchenko E. A.</i> To the question of the boundaries of the Shchurovsky burial ground (burials from the excavations of 2019)	85
<i>Syrovatko A. S., Kleshchenko E. A., Svirkina N. G.</i> Luzhki E – cremations and inhumations at one burial ground	98
<i>Stolyarova E. K., Savosina T. Yu.</i> Beads of the Darino 1 and 2 burial mounds near Moscow	110
<i>Zavyalov V. I., Lazarenko P. G.</i> Technological characteristics of blacksmith products from the ancient Russian town Vshizh	119
<i>Engovatova A. V., Yakovchik M. S., Orfinskaya O. V., Chernova O. F.</i> Collection of cords from a collective burial in a well of the 13 th century (Yaroslavl)	127
<i>Prilepskaya N. E., Engovatova A. V.</i> Determination of the season of death of ungulates from sanitary burials of the 13 th century in Yaroslavl using the analysis of growth layers in dental cement	141
<i>Golyeva A. A.</i> Pedological research at the archaeological site Zakharkovo (Moscow region)	147

Archeology of the Modern Times

<i>Alekseev A. V.</i> To discussion of the semantics of the Russian medieval white stone tombstone	155
<i>Ageev V. V.</i> New data on the tombstones of the Kuntsevo hillfort	161
<i>Zots E. P., Zots S. A., Kuritsyn M. A.</i> Courtyard ovens and stoves in household rooms of the XVI century of excavations in the Trinity Lavra of St. Sergius in 2017 and 2019	170
<i>Zatsarinny S. V.</i> Wooden products of the 16 th – 18 th centuries from excavations on the territory of the Tula Kremlin	197
<i>Novikov A. V., Novikova O. V., Osipov D. O.</i> Collection of leather goods from the excavations of Galich Mersky	209
<i>Lighter Yu. A.</i> Glass from the excavations of the Archaeological Service of Moscow (1989–2015)	224

<i>Gonyaniy M. I.</i> , <i>Shevyakov E. S.</i> Archeological investigations in the Teterinka area at the site of the Russian army's right flank positions during the first phase of the Tarutino battle on October 18, 1812	237
<i>Yaganov A. V.</i> About the periodization of the spatial and planning structure of the Cathedral of the Chudov Monastery 1501–1503	263

Ceramology

<i>Glazunova O. N.</i> Kulturträger on a particular example of choosing a plot of an image on a stove tile	274
<i>Lazarev A. S.</i> Stove tiles from the excavations on the territory of the Trading Rows in Kostroma in 2013–2018	280
<i>Kochkina A. F.</i> Tiles from the cultural layer of the historical part of Samara	289
<i>Polyulyakh A. A.</i> Archaeological study of the Metcomelino 2 settlement: the nature and characteristics of the cultural layer, finds and composition of the pottery complex	306
<i>Smirnov A. L.</i> , <i>Menshikov M. Yu.</i> Ceramic products of unusual shapes. Archeology and Ethnography	324
<i>Engovatova A. V.</i> , <i>Avdeev A. G.</i> , <i>Kadieva E. K.</i> Graffiti on vessels of the second half of the 15 th – early 18 th century from the excavations of the Trinity-Sergius Lavra: attribution, classification, chronology	331
<i>Fedorova L. I.</i> , <i>Tkachenko V. A.</i> , <i>Fedorov V. V.</i> Techniques for making some zoomorphic clay toys in the Kaluga region	353
In memoriam	361
List of abbreviations	460

Древности эпохи раннего железного века и древнерусского времени

В. В. Миненко, И. Н. Разумов, И. И. Сироштан
Институт археологии РАН, Москва

Находки мелкой глиняной пластики юхновской культуры на городище Воробейня-1

В настоящее время среди специалистов, занимающихся проблематикой археологических культур раннего железного века, сложилось мнение, что находки мелкой глиняной пластики, в том числе фигурок животных, крайне редки на памятниках лесной зоны Восточной Европы.

Считается, что эти предметы характерны для скифоидных культур более южной, лесостепной зоны. Например, в диссертационном исследовании Н. Н. Белой, посвященном глиняной пластике скифского времени днепро-донской лесостепи, учтены данные о находках 583 предметов с 35 памятников, в то время как на городищах раннего железного века лесной зоны известны находки единичных предметов. Исследователь приходит к выводу, что «для юхновских племен традиция применения культовой глиняной пластики не была характерна. Известно только десять подобных изображений, которые разновременные, разрозненные, их находки не связаны с какими-либо комплексами. Известно одно схематичное антропоморфное изображение, от которого сохранилась верхняя часть, где вдавлениями показаны глаза и рот. Остальные изображения – зооморфные, поврежденные в древности, их сохранность не позволяет делать выводы о видовой принадлежности изображаемых животных. Таким образом, юхновскую глиняную пластику нельзя рассматривать как традиционную часть культовой практики, возможно, ее находки явились результатом случайных контактов с населением лесостепи» (Белая, 2011. С. 93).

Д. В. Каравайко считает данное утверждение вполне приемлемым, однако отмечает, что оно базируется на малом количестве находок и отсутствии их связи с комплексами и поэтому требует большей доказательности (Каравайко, 2012. С. 109).

На территории северного ареала юхновской культуры в бассейне Верхней и Средней Дес-

ны в пределах современной Брянской области на сегодняшний день достоверно известно пять памятников, содержащих находки как минимум 14 предметов мелкой глиняной зооморфной пластики (рис. 1).

В 1937 г. сотрудники ИИМК и Смоленского музея провели спасательные раскопки на городище Торфель, расположенном на окраине пос. Бежица (в черте современного г. Брянска), недалеко от устья р. Болвы (левый приток р. Десна, левого притока р. Днепр). Была вскрыта вся площадка городища (1600 кв. м) и сделано пять разрезов валов. Вся научная документация и коллекции поступили в Смоленский музей и в годы Великой Отечественной войны были утрачены. Научный руководитель и участник раскопок Е. И. Горюнова в небольшой заметке частично опубликовала зарисовки некоторых находок. Так, в верхнем слое городища, датированном автором I в. н. э., были найдены «две небольшие фигурки лося, вылепленные из глины» (рис. 2, 1), которые отнесли к числу детских игрушек (Горюнова, 1950).

В 1958 г. А. К. Амброз проводил раскопки на городище Полужье-1 (Красное, Крутая гора), расположенном на правом коренном берегу р. Десны. Им было исследовано 80 кв. м на площадке памятника. В заполнении мусорной кучи II (общая мощность 120 см, возвышается от материка на 140 см), в прослойке 2 найдена глиняная фигурка животного (рис. 2, 2) (Амброз, 1958. С. 12, 28). Юхновский слой городища датирован автором IV–III вв. до н. э.

В 1970 г. на городище Поповка, расположенном на правом берегу р. Уса (правый приток р. Судость, правого притока р. Десна), были проведены археологические раскопки под руководством О. Н. Мельниковской общей площадью 282 кв. м. «Не встречены нами до сих пор на юхновских городищах и фигурки животных, обычные для

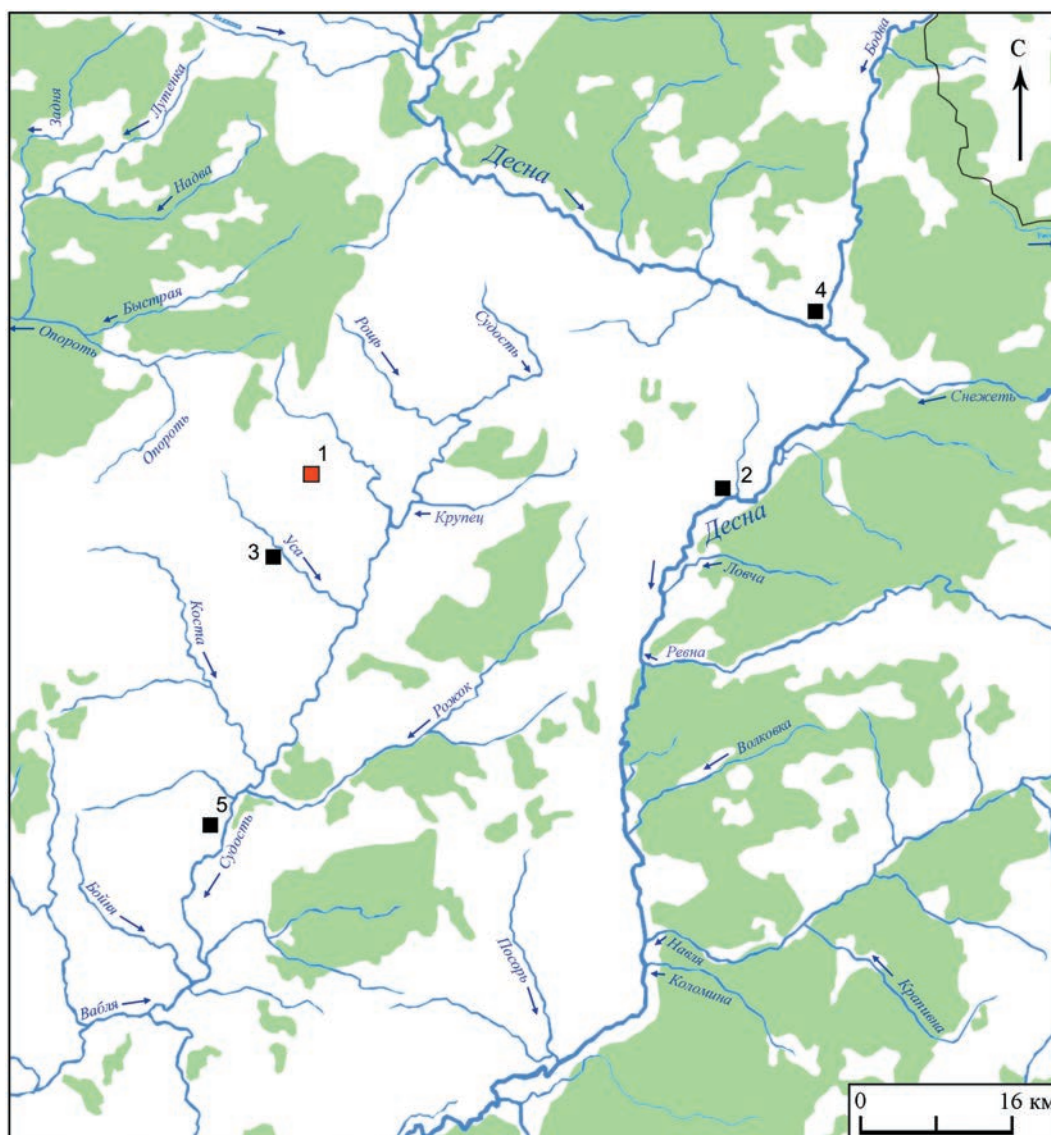

Рис. 1. Находки глиняных фигурок на городищах раннего железного века в Брянской области (по архивным данным)

1 – Воробейня-1; 2 – Полужье-1; 3 – Поповка; 4 – Торфель; 5 – Баклянь-1

милоградских и скифских лесостепных поселений. Одна из фигурок изображает лягушку или жабу, аналогий чему мы не знаем... Найдены глиняные фигурки животных, одна из которых изображает странное животное с двумя рогами без головы (может быть, улитку)». И далее: «Встреченные здесь впервые в юхновской культуре фигурки животных в смежных милоградских памятниках относятся только к средним и поздним этапам» (рис. 3, 1–4; 4, 1–7). По мнению автора раскопок, статуэтки животных могут служить косвенным свидетельством скотоводства и охоты, возможно, культов. В целом памятник был датирован IV–II вв. до н. э. (Мельниковская, 1970. С. 11–24).

В 1973 г. при проведении разведочных работ под руководством Г.Н. Пронина на городище Воробейня-1 найдена глиняная фигурка (рис. 5, 1): «Любопытна находка глиняной фигурки животного. Голова и конечности не сохранились, но, судя по намеченной гриве, поделка изображала лошадь. Длина изделия – 7 см, высота – около 5 см» (Пронин, 1973. С. 4–5).

В 1989 г. в ходе обследования городища Баклянь-1, расположенного на северной окраине с. Баклянь Почепского р-на, на правом берегу р. Судость (правый приток р. Десна), Ю.И. Слюнченко «найден глиняная фигурка, видимо, «собачка» (рис. 5, 2) (Слюнченко, 1989. С. 3, 12).

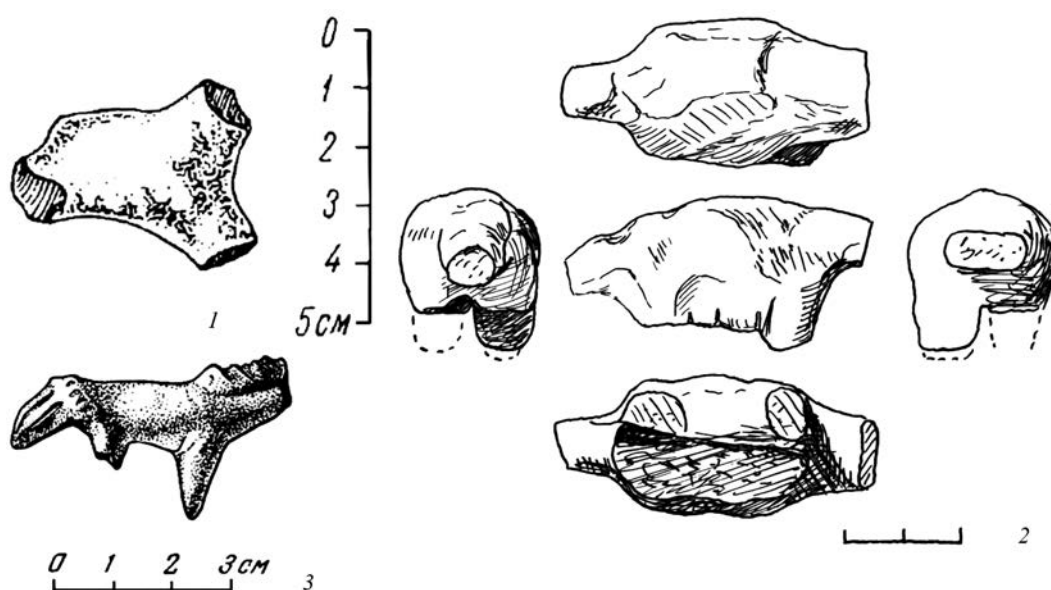

Рис. 2. Глиняные фигурки животных

1 – городище Торфель (Горюнова, 1950. С. 152. Рис. 53, 28); 2 – городище Полужье-1 (Амброз, 1958. Рис. 27, 66-6); 3 – городище Кузина гора (Алихова, 1962. Рис. 7, 21)

Исследования, проведенные сотрудниками отдела сохранения археологического наследия ИА РАН в 2019 г. на территории Брянской обл., позволили значительно увеличить количество предметов мелкой глиняной пластики юхновской культуры раннего железного века¹.

Село Воробейня, начиная с М.П. Погодина (1848), отождествляется исследователями с остатками летописного древнерусского города Воробин (Воробеин), впервые упомянутого в летописи под 1147 г., а затем – под 1160 г. (Поляков, 2011). Городище Воробейня-1 впервые отмечено в списках графини П.С. Уваровой в 1906 г. как «курган, называемый «Городец», на котором вещь», расположенный на запад от села Воробейня Алексеевской волости Мглинского уезда (Уварова, 1906. С. 81), обследовано С.А. Гатцуком (1906) и описано Д.Я. Самоквасовым в 1908 г.

Во второй половине XX в. городище Воробейня-1 неоднократно посещали и обследовали археологи Ф.М. Заверняев (1948. Л. 17об), О.Н. Мельниковская (1970. С. 2), Г.Н. Пронин (1973. С. 4–5), В.Н. Гурьянов (1989. С. 2–3). Но, как правило, это были небольшие разведочные работы без вскрытия культурного слоя, ограниченные визуальным

осмотром памятника, съемкой топографического плана, сбором подъемного археологического материала и в ряде случаев проведением зачисток существующих обнажений культурного слоя.

Б.А. Рыбаков в 1949 г. провел «разведывательные раскопки». В раскопе, заложенном на краю площадки городища, обнаружен «незначительный древний вал высотой около 1 м со следами плетня по гребню. В другой части городища обнаружено 16 тонких пожарных прослоек, оставшихся, по всей вероятности, от сгорания легких плетеных жилищ с соломенными кровлями. В одной из верхних прослоек найден бронзовый колокольчик V–VII вв., имеющий ряд аналогий в древностях более южных областей (например, Суук-Су). Эта находка позволяет датировать верхний горизонт юхновской культуры» (Рыбаков, 1951. С. 34–35). Однако эти работы не вошли в итоговый отчет о раскопках во Вщиже и его округе, отсутствует какая-либо документация по стратиграфии и планиграфии памятника, нет данных о составе находок и месте хранения коллекции.

На основании этих работ датировка памятника в соответствии с данными справочника «Археологическая карта России: Брянская область»

¹ Авторы статьи выражают глубокую признательность за помощь в обработке полученного материала заместителю директора Музея ремесла, архитектуры и быта города Калуги В.А. Ткаченко; ведущему научному сотруднику отдела фондов Государственного Дарвиновского музея И.В. Фадееву; д.и.н., старшему научному сотруднику отдела теории и методики (группа истории керамики) ИА РАН Ю.Б. Цетлину; к.и.н., заведующему отделом средневековой археологии ИА РАН В.Ю. Ковалю.

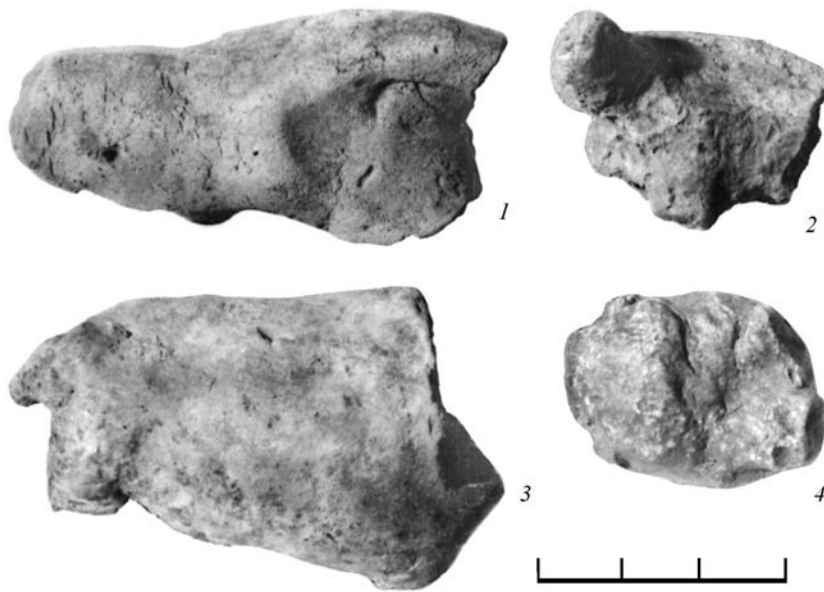

Рис. 3. Глиняные фигурки животных с городища Поповка (по: Мельниковская, 1970. Рис. 82)

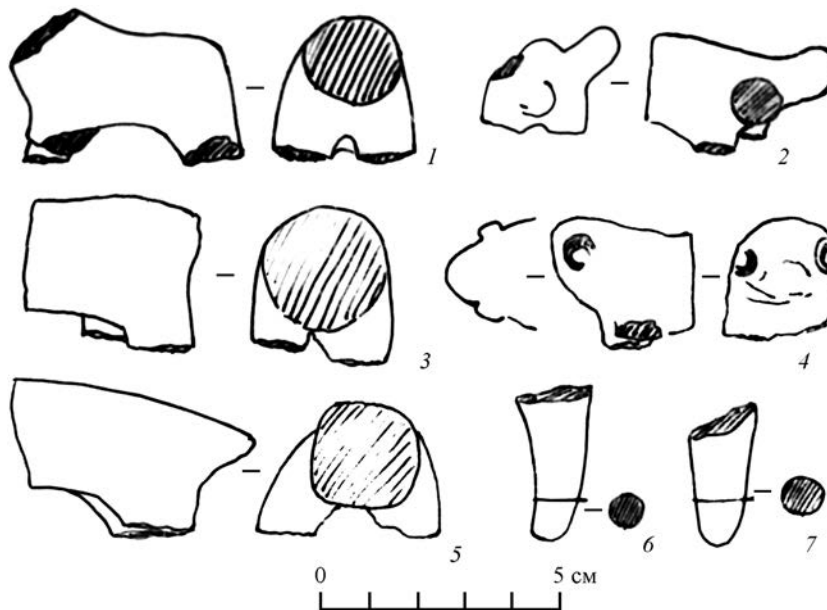

Рис. 4. Глиняные фигурки животных с городища Поповка (по: Мельниковская, 1970. Рис. 98)

определена как р. ж. в. (АКР, 1993. С. 72). При этом А. К. Амброз датировал городище Воробейня-1 IV–III вв. до н. э. – началом I в. н. э., V–VIII вв. (?), XI–XIII вв. (Амброз, 1964. С. 68. Табл. 2).

Таким образом, знания о городище Воробейня-1 по состоянию на 2019 г. носили весьма туманный и расплывчатый характер. Авторы приняли решение произвести детальное изучение памятника на современном научном уровне, провести шурфовку площадки городища для уточнения мощно-

сти культурного слоя, его сохранности и общей датировки памятника.

Городище Воробейня-1 расположено на западной окраине с. Воробейня Жирятинского р-на Брянской обл. Городище занимает останец левого коренного берега р. Теремушки (правый приток р. Пёс, правого притока р. Судость, правого притока р. Десна, левого притока р. Днепр). «Останец коренного берега, на котором расположено городище, вытянут в направлении СВ – ЮЗ. Склоны останца

Рис. 5. Глиняные фигурки животных

1 – городище Воробейня-1 (по: Пронин, 1970); 2 – городище Баклянь-1 (по: Слонченко, 1989. Рис. 8, 1)

искусственно выровнены, подрезаны. Крутизна склонов достигает 60° . С СВ стороны останец отрезан от коренного берега глубокой ложиной, поросшей лиственным лесом. Площадка городища округлой формы, имеет небольшое падение в двух направлениях: с севера на юг – 1,8 м, с запада на восток – 1,5 м. Размеры площадки: по линии север – юг – 56,5 м, по линии запад – восток – 62,5 м. Поверхность площадки задернована, в некоторых местах повреждена неглубокими ямами. Культурный слой городища в зачистке склона достигает мощности 1,8 м. Слой членится на два горизонта: верхний – темно-серый, почти черный, насыщенный углем, золой, с прослойками светлого песка и красноватой глины – до 1 м; нижний – светло-серый золистый, более однородный – 0,7–0,8 м. Слой насыщен многочисленными обломками юхновской керамики, обломками глиняных яйцевидных блоков, костями животных. Найдены несколько целых глиняных блоков» (Пронин, 1973. С. 4–5).

Шурф № 1 размером 2×1 м был заложен в южной, прибрежной части площадки городища. Общая мощность культурного слоя в шурфе составила -280/-290 см от условного нуля (всего было

пройдено 15 условных пластов по 20 см каждый, пласт 15 – неполный). В пластах 8–10 найдено 11 глиняных фигурок животных (и еще одна фигурка в поверхностном залегании на юго-юго-западном приречном склоне городища). По пластам находки распределялись следующим образом (рис. 6): пласт 8 (гл. -140/-160 см) – 6 находок; пласт 9 (гл. -160/-180 см) – 4; пласт 10 (гл. -180/-200 см) – 1 находка. Как видно, максимальная концентрация приходится на пласт 8 и постепенно уменьшается к 10-му. Находки распространены в культурном слое достаточно равномерно, не образуя скоплений. Связать их с каким-либо археологическим объектом пока не представляется возможным. Но необходимо отметить, что на уровне пласта 9 на глубине -161/-170 см в юго-западном углу шурфа зафиксировано пятно прозоленного песка округлой в плане формы (исследовано шурфом частично), в котором зафиксировано скопление *in situ* целых глиняных блоков яйцевидной или овальной формы (рис. 7, 1–6). Подобные блоки различной формы являются характерными находками именно на поселениях юхновской археологической культуры и неоднократно

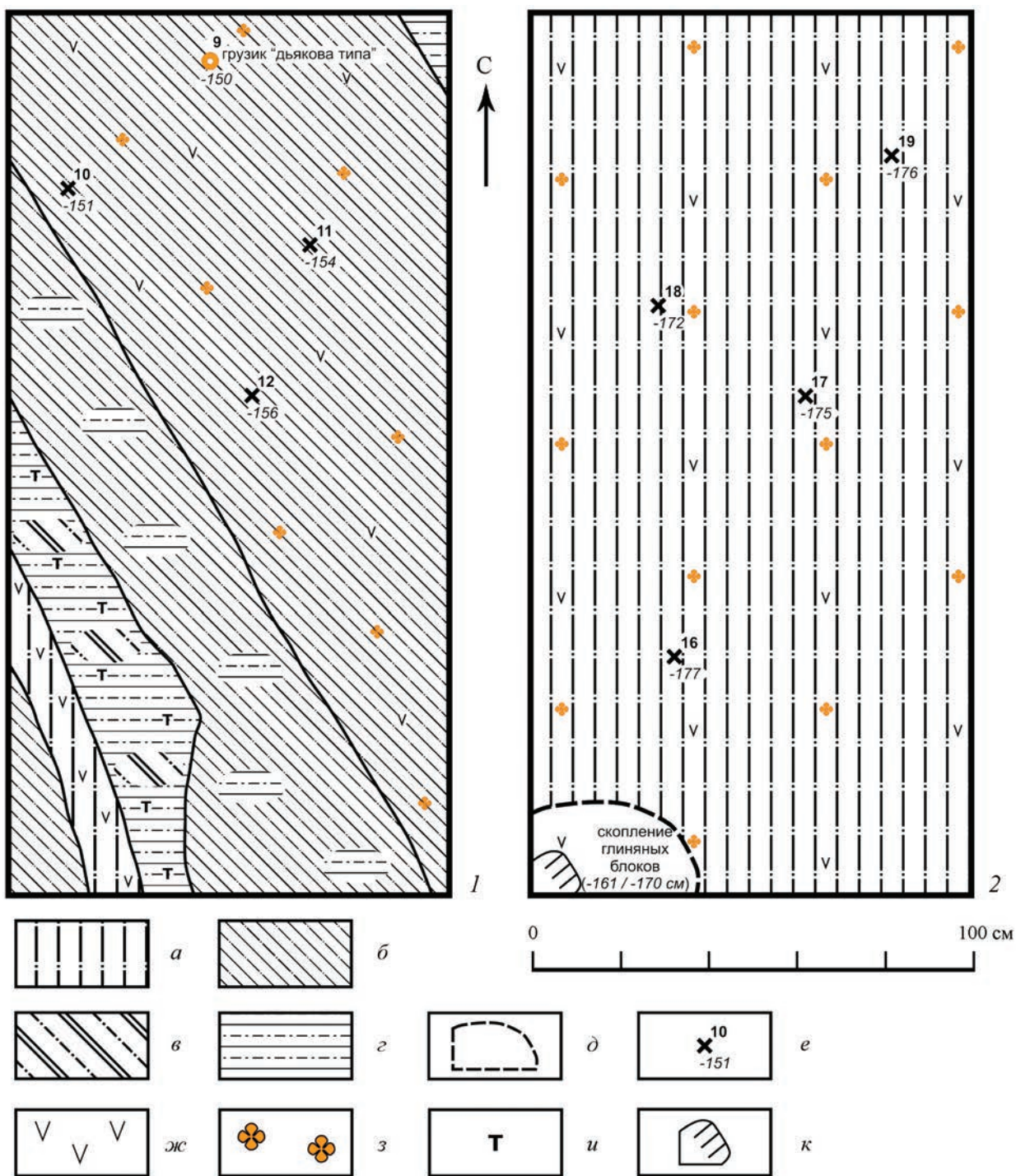

Рис. 6. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Планиграфия

1 – пл. 8 (-140/-160 см); 2 – пл. 9 (-160/-180 см). а – темно-серая супесь; б – серая супесь; в – коричневая супесь; г – бело-желтая супесь; д – прозоленный песок; е – находка глиняной фигурки; ж – угольки древесные; з – печина; и – тлен древесный; к – камень

Рис. 7. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Глиняные блоки (пл. 9, гл. -161/-170 см)

были обнаружены авторами на городищах бассейна Десны (например, Неготино-8, VII–I вв. до н. э.) и Судости (городище Издежичи, VII–III вв. до н. э.) (Миненко, Разумов, 2018; 2019; Миненко, Разумов, Сироштан, 2020). И если первоначально этот объект рассматривался как остатки отопительного устройства, в котором обжигались эти блоки, то наличие в непосредственной близости от него фигурок животных не исключает возможности интерпретировать этот зольник в качестве сооружения ритуального характера.

Также в пласте 8 на глубине -150 см найден практически целый глиняный грузик дякова типа (рис. 8). Он относится к промежуточному варианту между типами 12Б и 14 (по типологии К. А. Смирнова – 1971. С. 82. Рис. 1; С. 95–97; 1974. С. 64–65). На памятниках дяковской культуры в Подмосковье эти два типа грузиков датируются VII–VI – IV–III вв. до н. э. В пользу ранней датировки этого изделия также свидетельствуют его достаточно крупные размеры (диаметр – 74 мм, высота – 40 мм, диаметр внутреннего канала – 9 мм).

К сожалению, в шурфе встречено небольшое количество индивидуальных находок, поэтому при датировке зооморфных фигурок авторам приходится опираться в основном на керамический посудный материал.

Керамика (рис. 9–13) из пластов 8–10 представлена обломками лепной посуды, характерной для среднего этапа юхновской культуры (IV–III вв.

Рис. 8. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Глиняный грузик дякова типа (пл. 8, гл. -150 см)

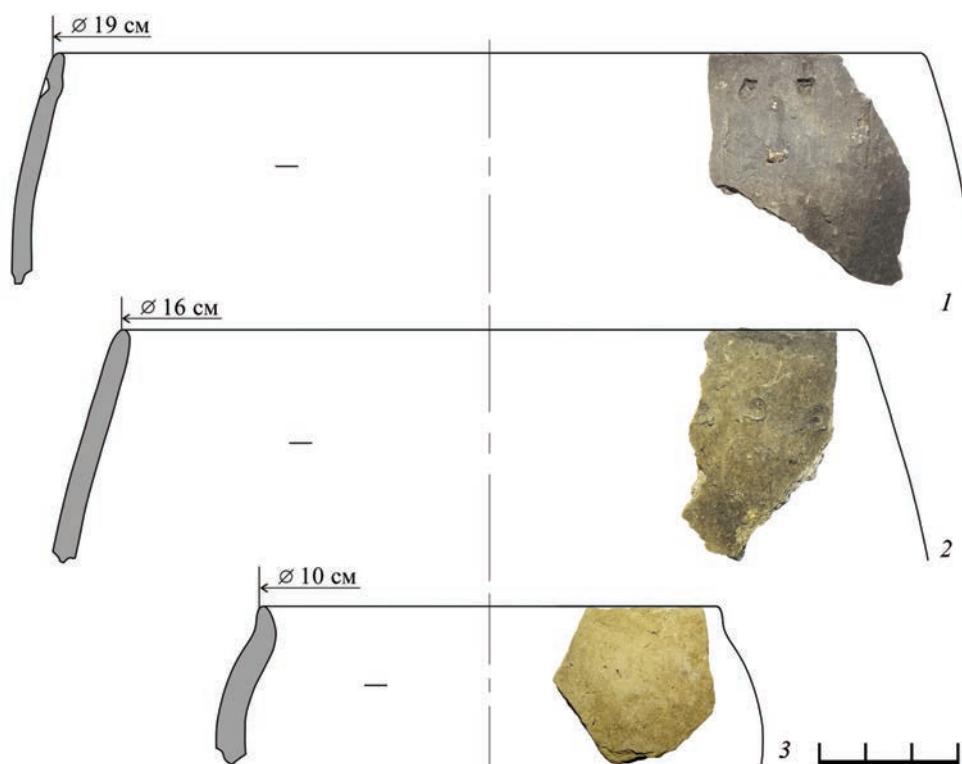

Рис. 9. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Лепная керамика южновской культуры (пл. 8)

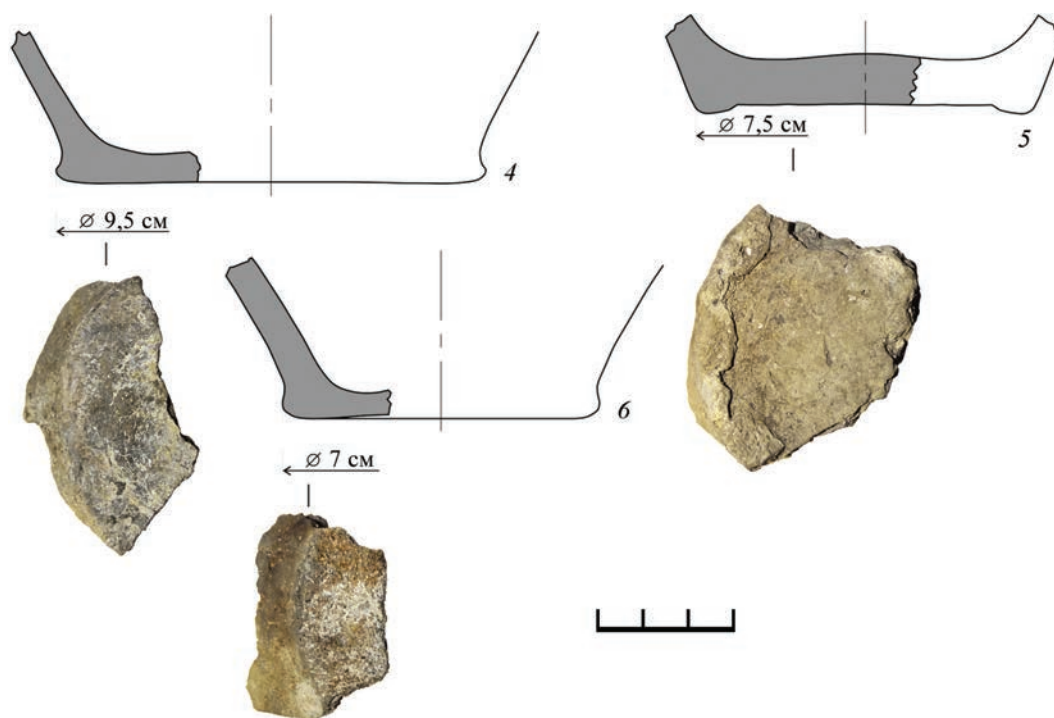

Рис. 10. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Лепная керамика южновской культуры (пл. 8)

Рис. 11. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Лепная керамика юхновской культуры (пл. 9)

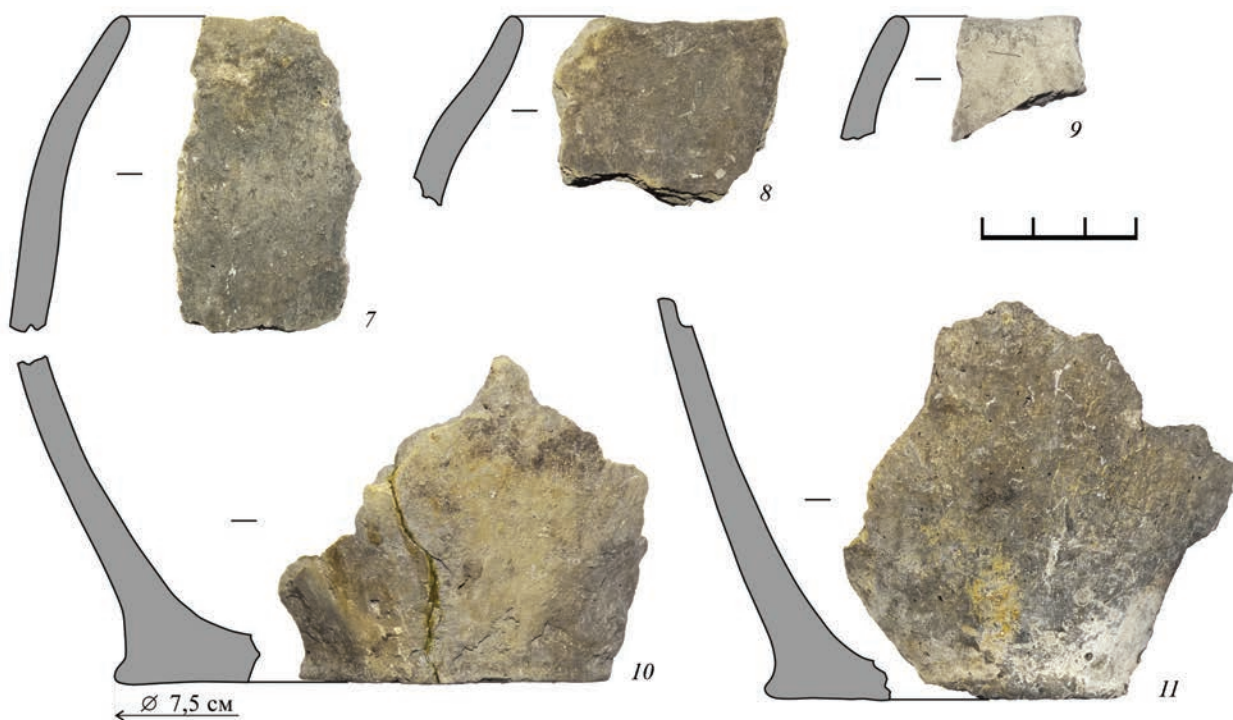

Рис. 12. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Лепная керамика юхновской культуры (пл. 9)

Рис. 13. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Лепная керамика юхновской культуры (пл. 10)

до н.э.). Среди форм горшков встречены слабопрофилированные сосуды, сосуды баночного типа, так называемые тюльпановидные сосуды, миски и фрагмент миниатюрного сосудика. Орнамент расположен в верхней части сосудов, в области шейки или плечиков. Преобладает углубленный орнамент, нанесенный горизонтально расположенными отпечатками округлой деревянной палочки (рис. 9, 1–2), вдавлениями обломка трубчатой кости в виде треугольного зигзага (рис. 11, 1) и двумя горизонтальными рядами отпечатков зубчатого штампа (рис. 13, 1). Донца горшков имеют характерный «сапожок» или закраину, выполнены без использования подсыпок (в одном случае зафиксировано использование мелкой толченой дресвы) (рис. 10, 6).

Обращает на себя внимание один обломок венчика слабопрофилированного сосуда (рис. 9, 3),

изготовленный из нежелезненной беложгущейся глины (в тесте содержатся естественные включения мелкого песка и органики). Лепная керамика из беложгущихся глин не характерна для юхновских древностей, однако часть зооморфной пластики, о которой речь пойдет ниже, также изготовлена из нежелезненных или слабожелезненных глин.

Таким образом, находки фигурок животных из пластов 8–10 могут быть датированы IV–III вв. до н.э.

При определении биологического вида описываемых животных авторы опирались на типологическую схему, предложенную Н.Н. Белой (2011. С. 29–42) (с учетом особенностей фауны лесной полосы), и учитывали следующие критерии: пропорции и типобразующие морфологические признаки изображения, форму туловища и линию спины, а также, при наличии, форму и длину шеи,

Рис. 14. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Глиняная фигурка лошади (№ 10, пл. 8, гл. -151 см)

хвоста и лап, наличие гривы, рогов и других видовых особенностей. Также при описании учитывалось исходное глиняное сырье, состав примесей и обжиг готовых изделий. Номера предметов в тексте соответствуют полевой нумерации находок.

Практически все фигурки (за исключением одного экземпляра из подъемного материала, по всем своим параметрам отличающегося от основной массы находок, о чем будет сказано ниже) изготовлены из береговой глины, а не из илистых, пойменных или болотных отложений, о чем свидетельствует отсутствие характерных примесей (например, кусочков болотной руды). Разная степень запесоченности и степень ожелезнения глины говорят о происхождении сырья для изготовления фигурок животных из разных источников (мест).

Все найденные на городище Воробейня-1 фигурки относятся к типу 1 (по Н.Н. Белой) – объемные изображения животных, туловище которых может рассматриваться во всех проекциях, такие изображения имеют две пары конечностей (Белая, 2011. С. 30). Фигурки изготовлены способом ручной лепки, отличаются крайней схематичностью и грубостью моделирования, какая-либо детализация отсутствует или достаточно условна. Все фигурки разломаны в древности. По мнению Н.Н. Белой, «глиняные фигурки являлись во-

площением парциальной магии, часть или изображение могло заменять целое, прослеживается мотив разламывания фигурки – умерщвления жертвы. Культы, для отправления которых использовалась глиняная пластика, связаны с плодородием. Умерщвление божества предполагает начало нового цикла возрождения» (Белая, 2011. С. 121–122).

Предмет № 10² (рис. 14; 15, 1) (условия находки – пласт 8, глубина –151 см) – зооморфная объемная статуэтка (подтип 1, вид 2) (здесь и далее – по типологии, предложенной Н.Н. Белой).

Линия спины немного вогнутая. Ноги, шея с головой и правая передняя часть туловища отколоты. Изображение характерно для короткошерстного животного, хвост приподнят и загнут вниз. Основание хвоста (репица) имеет продольное рифление, обозначающее хвост лошади, так называемый венник. Все четыре ноги разделены, задние ноги расставлены в стороны, вероятно, были прямые и отогнуты назад от линии туловища, передние располагались параллельно друг другу и отогнуты вперед от линии туловища. На левом боку имеется проработанное ребро или мышца в виде горизонтально наплыва и углубления под ним.

Размеры: длина сохранившейся части – 52 мм, высота сохранившейся части – 27 мм, ширина туловища – 28 мм, толщина туловища – 20 мм.

² Здесь и далее по тексту указаны номера находок по полевой описи в научном отчете.

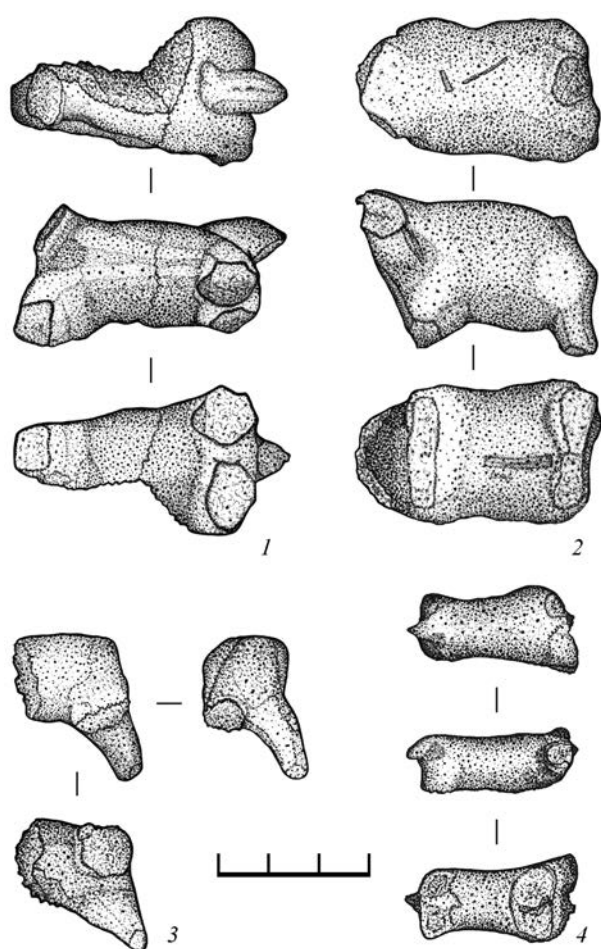

Рис. 15. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Глиняные фигурки животных

1 – лошадь (№ 10, пл. 8); 2 – баран (?) (№ 16, пл. 9); 3 – бык или баран (?) (№ 17, пл. 9); 4 – собака (?) (№ 20, пл. 8)

При изготовлении фигурки применен комбинированный способ лепки (объединяет лепку из целого куска глины и отдельных частей). Туловище, ноги и шея вылеплены из целого куска глины, хвост прилеплен к туловищу. Фигурка изготовлена из глины средней запесоченности, с естественными включениями мелкого песка, мелкого известняка и органики. Обжиг окислительный, с последующей выдержкой в восстановительной среде (задымливание) (цвет поверхности фигурки темно-серый, на изломе – светло-серый).

Фигурка представляет собой изображение лошади.

Предмет № 11 (рис. 16) (пласт 8, гл. -154 см) – орнитоморфная объемная статуэтка.

Линия спины прямая. Шея с головой, крылья и задняя часть туловища (возможно, с хвостом и лапами) отколоты. Шея расположена под углом к линии спины, наклонена вперед, сохранилась на высоте 7 мм, в сечении округлая, диаметр – 11 мм. Возможно, крылья были примазаны к туловищу и сложены на спине (сохранилось окончание правого крыла в виде небольшого наплыва на спине фигурки

Рис. 16. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Глиняная фигурка птицы (?) (№ 11, пл. 8, гл. -154 см)

Рис. 17. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Фрагменты глиняных фигурок. Фото
 1 – рог быка или тура (№ 12, пл. 8); 2 – нога лошади (?) (№ 18, пл. 9); 3 – фр-т изделия (стержня) (№ 19, пл. 9);
 4 – нога лошади (?) (№ 21, пл. 8); 5 – нога животного (№ 22, пл. 8)

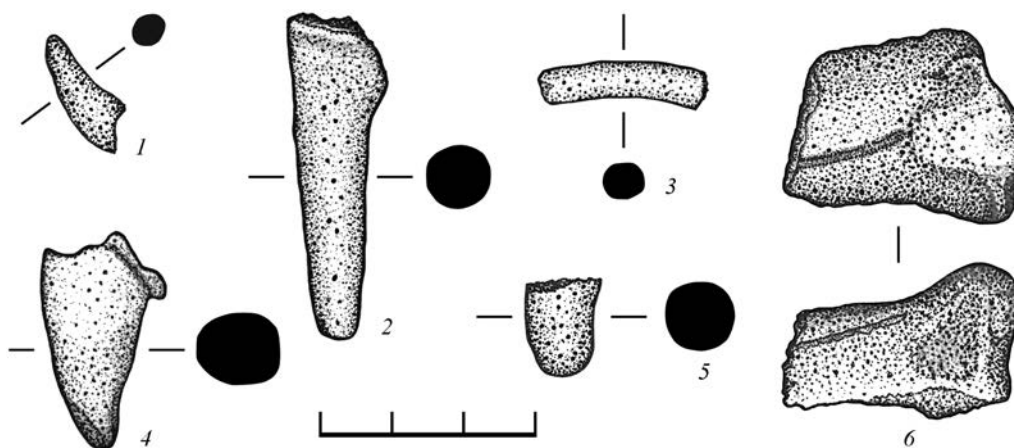

Рис. 18. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Фрагменты гиняных фигурок. Рисунок
 1 – рог быка или тура (№ 12, пл. 8); 2 – нога лошади (?) (№ 18, пл. 9); 3 – фр-т изделия (стержня) (№ 19, пл. 9);
 4 – нога лошади (?) (№ 21, пл. 8); 5 – нога животного (№ 22, пл. 8)

и часть левого крыла на участке прикрепления к туловищу). Размеры: длина сохранившейся части – 32 мм, высота сохранившейся части – 28 мм.

При изготовлении фигурки, вероятно, применен пластический способ лепки (лепка из целого куска глины, когда все части вытягиваются из одного куска). Изготовлена из глины средней запесоченности, с естественными включения-

ми мелкого песка и органики. Обжиг окислительный, неполный (цвет поверхности фигурки белесый, на изломе – светло-желтый).

Фигурка представляет собой, вероятно, изображение птицы.

Предмет № 12 (рис. 17, 1; 18, 1) (пласт 8, пл. -156 см) – обломок зооморфной объемной статуэтки.

Рис. 19. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Глиняная фигурка барана (?) (№ 16, пл. 9, гл. -177 см)

Представляет собой рог полорогого животного. Слабо изогнут внутрь, заостряется к верхнему краю. Длина сохранившейся части – 19 мм, основание округлое, диаметром 7 мм, в верхней части – овальное, 4×2 мм. На поверхности сохранились отпечатки папиллярных линий пальцев мастера. Изготовлен из сильно запесоченной глины, с естественными включениями мелкого песка, мелкого известняка и органики растительного происхождения. Обжиг окислительный (цвет поверхности светлый серо-коричневый).

Является частью изображения быка или коровы, возможно, дикого быка (тура) или зубра.

Предмет № 16 (рис. 15, 2; 19) (пласт 9, гл. -177 см) – зооморфная объемная статуэтка (подтип 1, вид 3).

Линия спины выгнутая. Ноги, шея с головой и хвост отколоты. Изображение характерно для длинношерстного животного. Передние и задние ноги не разделены, вероятно, были прямые, передние немного отогнуты вперед от линии туловища, задние – отогнуты назад.

Размеры: длина сохранившейся части – 50 мм, высота сохранившейся части – 33 мм, ширина туловища – 24–26 мм (сужается к плечевой части), толщина туловища – 24 мм. Шея расположена под углом к линии спины, наклонена вперед, в сечении овальная, 12×19 мм. Передние и задние ноги толщиной 23 мм, шириной 8–9 мм. При изготовлении фигурки применен пластический способ лепки.

Туловище, ноги и шея вылеплены из целого куса глины. Изготовлена из глины средней запесоченности, с естественными включениями мелкого песка, мелкого известняка и органики растительного происхождения. Обжиг окислительный (цвет поверхности светлый серо-коричневый).

Фигурка представляет собой изображение барана или овцы.

Предмет № 17 (рис. 15, 3; 20) (пласт 9, гл. -175 см) – зооморфная объемная статуэтка (подтип 1, вид 3).

Линия спины выгнутая. Передние ноги и задняя левая нога, шея с головой, передняя часть туловища и хвост отколоты. Задние ноги разделены, расставлены в стороны, слабоизогнутые и отогнуты назад от линии туловища. Размеры сохранившейся задней части туловища (округлое в сечении) и задней правой ноги: длина – 24 мм, высота сохранившейся части – 32 мм, ширина туловища – 18 мм, толщина туловища – 18 мм. Задняя нога сохранилась на длину 13 мм, округлая в сечении, плавно сужается от туловища к краю (от 10 до 7 мм). Способ лепки установить затруднительно.

Изготовлена из глины средней запесоченности, с естественными включениями мелкого песка, мелкого известняка и органики. Обжиг окислительный, с последующей выдержкой в восстановительной среде (задымление) (цвет поверхности фигурки темно-серый, на изломе – светло-серый).

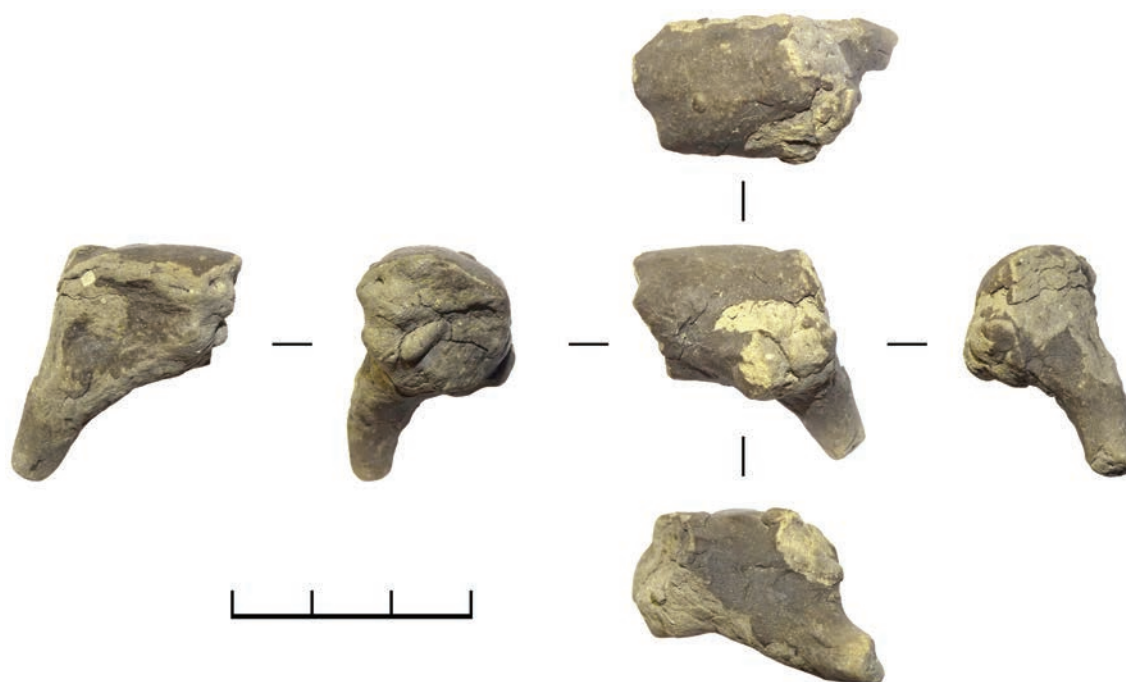

Рис. 20. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Фрагмент глиняной фигурки быка или барана (?) (№ 17, пл. 9, гл. -175 см)

Возможно, фигурка представляет собой изображение быка или барана.

Предмет № 18 (рис. 17, 2; 18, 2) (пласт 9, гл. -172 см) – обломок зооморфной объемной статуэтки.

Сохранилась предположительно передняя левая нога животного. Нога прямая, длиной 45 мм, в сечении – округлой формы, диаметр у основания (на участке крепления к туловищу) – 11 мм, плавно сужается и приостряется к краю до 8 мм. Изготовлена из ожелезненной глины средней запесоченности, с естественными включениями мелкого песка и органики. Обжиг окислительный, неполный (цвет поверхности фигурки серо-коричневый, на изломе – серый).

Определить вид животного затруднительно, возможно, перед нами часть изображения лошади.

Предмет № 19 (рис. 17, 3; 18; 3) (пласт 9, гл. -176 см) – фрагмент зооморфной объемной статуэтки (?). Отнесен к числу зооморфных изображений условно. Представляет собой слабоизогнутый стержень длиной 25 мм (внутренний диаметр – 10 мм), округлого сечения, диаметром 6 мм. На поверхности имеются следы кручения и заглаживания стержня. Изготовлен из ожелезненных сортов глины с естественными включениями мелкого песка и органики. Обжиг окислительный, короткий, затем слабое задымление (цвет поверхности фигурки светлый серо-коричневый с пятнами серого цвета).

Определить вид животного затруднительно. Похожие стержни обнаружены на Дьяковом городище (3 фр-та) в нижнем слое (слой В) (в этом же слое была найдена и фигурка животного – свиньи или кабана). Высказано предположение о возможной связи этих изделий (стержней) с изготовлением моделей для литья (Кренке, 2011. С. 53). Возможно, данное изделие является частью изображения змеи, обломки скульптур которых были найдены, в частности, на Бельском городище скифского времени (территория современной Полтавской обл. Украины) (Шрамко, 1987. С. 135, 136. Рис. 64, 2), и этот образ мог быть связан с различными культами.

Предмет № 20 (рис. 15, 4; 21) (пласт 8) – зооморфная объемная статуэтка (подтип 1, вид 1). Линия спины прямая. Передние и задние ноги, шея с головой и нижняя часть хвоста отколоты. Задние и передние ноги, вероятно, не разделены, прямые. Хвост загнут вниз. В грудной части животного путем вдавливания пальцами (с отпечатком ногтя) сформирован небольшой выступ.

Размеры сохранившейся части фигурки: длина – 35 мм, высота сохранившейся части – 12 мм, ширина туловища – 12–15 мм (расширяется к грудной части), толщина туловища – 12 мм. Способ лепки, вероятно, пластический, из целого куска глины.

Изготовлена из ожелезненной глины средней запесоченности, с естественными включениями

Рис. 21. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Глиняная фигурка собаки (?) (№ 20, пл. 8)

мелкого песка, мелко известняка и органики. Обжиг окислительный, короткий, потом слабое задымление (цвет поверхности фигурки серо-коричневый с пятнами темно-серого цвета).

Вероятно, фигурка представляет собой изображение собаки.

Предмет № 21 (рис. 17, 4; 18, 4) (пласт 8) – обломок зооморфной объемной статуэтки.

Сохранилась предположительно передняя нога животного. Нога слабо изогнута, длина – 32 мм, имеет конусовидную форму, в сечении округлая, диаметр у основания (на участке крепления к туловищу) – 15 мм, плавно сужается к краю до 9 мм. На внутренней стороне ноги имеется след от пальцевого вдавления с отпечатком ногтя, с помощью которого, вероятно, мастер пытался изобразить копыто животного.

Изготовлена из глины средней запесоченности, с естественными включениями мелкого песка и органики. Обжиг окислительный, неполный (цвет поверхности фигурки белесовато-коричневый).

Определить вид животного затруднительно, возможно, это часть изображения лошади.

Предмет № 22 (рис. 17, 5; 18, 5) (пласт 8, гл. -156 см) – фрагмент зооморфной объемной статуэтки.

Сохранилась одна нога животного. Нога прямая, длиной 14 мм, в сечении округлой формы, диаметр у основания (на участке крепления к туловищу) – 10 мм, плавно сужается до 7 мм и имеет округлый край. Изготовлена из нежелезистой глины слабой запесоченности, с естественными включениями мелкого песка. Обжиг окислитель-

ный, полный (цвет поверхности и излома фигурки белый).

Определить вид животного затруднительно, такой вариант оформления ног характерен для изображения свиньи.

Предмет № 23 (рис. 18, 6; 22) (пласт 8) – зооморфная объемная статуэтка (подтип 1, вид 1). Линия спины прямая. Передняя часть туловища с шеей и головой, ноги и брюшная часть отколоты. Хвост поднят вверх, под углом к спине. Размеры сохранившейся задней части туловища (длина) – 33 мм.

Способ лепки, вероятно, пластический. Хвост вылеплен путем пальцевых защипов задней части туловища. Фигурка изготовлена из слабо ожеженной глины средней запесоченности, с естественными включениями мелкого песка, мелко известняка и органики. Обжиг окислительный, полный (цвет поверхности фигурки светлый серо-коричневый).

Вероятно, представляет собой изображение собаки.

Подъемный материал (рис. 23) – зооморфная объемная статуэтка (подтип 3).

Фигурка имеет массивное туловище, линия спины прямая, ноги, шея с головой и передняя часть туловища отколоты. Задние конечности не разделены, изображены единым массивом. Задние ноги толщиной 40 мм, шириной 73 мм. Хвост короткий, длиной 7 мм, округлый, диаметром 16 мм, немного приподнят вверх. Прикреплен к туловищу путем нажима и последующего заглаживания. Размеры сохранившейся части: длина – 89 мм,

Рис. 22. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Глиняная зооморфная фигурка (№ 23, пл. 8)

Рис. 23. Городище Воробейня-1. Шурф 1. Глиняная фигурка медведя (подъемный материал)

высота – 54 мм. Туловище овальное в сечении, ширина – 67 мм, толщина – 44 мм.

В задней части фигурки, под хвостом, имеются три параллельные полосы, нанесенные путем оттиска (не прочерчивания) по сырой глине, до обжига. Возможно, они имитируют складки шерсти (у медведя это так называемые гачи).

С внешней стороны фигурки по обе стороны от хвоста имеются два сквозных отверстия диаметром 2–3 мм. На изломе внутренней части прослежены три отверстия, одно из них, центральное, не сквозное. Возможно, это следы некоего каркаса, который оберегал массивную скульптуру от разрушения и деформации при формовке и обжиге.

Фигурка изготовлена из ожелезненных сортов глины, степень запесоченности средняя. В тесте содержатся естественные включения мелкого песка, бурого железняка, обломки очень тонкой раковины. Вероятно, в качестве источника сырья использовался береговой или прибрежный ил. В тесте также содержится большое количество растительной органики, предположительно половы (отходы при обмолачивании и очистке зерна хлебных злаков).

Обжиг в окислительной среде, слабый, непродолжительный. Цвет поверхности – светло-коричневый, на изломе – серый.

Фигурка представляет собой изображение медведя. К сожалению, датировка данной находки затруднительна, поскольку она найдена в переотложенном состоянии на юго-юго-западном склоне городища.

Исследования городища Воробейня-1 в 2019 г. позволили получить и ввести в научный оборот еще 12 новых предметов мелкой глиняной пластики лесной зоны Восточной Европы периода раннего железного века. Таким образом, их общее количество на Брянщине достигло 26 экземпляров. Эти находки ставят под сомнение выводы предшествующих исследователей о появлении подобных предметов на территории юхновской культуры в результате одних лишь случайных контактов с населением лесостепи. Кроме того, можно предположить наличие у представителей юхновской культуры сложившейся системы верований, важную роль в которой играло использование во тивных предметов. Наверняка в будущем, с появлением новых материалов, эта гипотеза получит подтверждение.

Литература

- АКР. Брянская область. М.: ИА РАН, 1993. 304 с.
- Алихова А. Е., 1962. Древние городища Курского Посеймья // Лесостепные культуры скифского времени. М.: АН СССР. (МИА. № 113). С. 86–129.
- Амброз А. К., 1958. Отчет о работах Верхнеднепровской экспедиции в Брянской области в 1958 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5483.
- Амброз А. К., 1964. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. // СА. № 1. С. 56–71.
- Белая Н. Н., 2011. Глиняная пластика скифского времени Днепро-Донской лесостепи. Дис... канд. истор. наук. 316 с.
- Гатуцк С. А., 1906. Отчет о раскопках в Мглинском уезде Черниговской губернии / Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 1906/55.
- Горюнова Е. И., 1950. Городище Торфель (Краткая информация о раскопках 1937 г.) // КСИИМК. Вып. XXXI. М. – Л.: АН СССР. С. 148–156.
- Гурьянов В. Н., 1989. Отчет о разведках в Выгоничском и Жирятинском районах Брянской области в 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14741.
- Заверняев Ф. М., 1948. Разведки в Брянской области. 1948 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 201.
- Каравайко Д. В., 2012. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАНУ. 276 с.
- Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.
- Мельниковская О. Н., 1970. Отчет о работах Деснинского отряда в 1970 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4391.
- Миненко В. В., Разумов И. Н., 2018. Городища раннего железного века бассейна верхней Десны и Судости в свете новых археологических данных // Вестник БГУ. № 4 (38): истор. науки и археология / юр. науки / эконом. науки. Брянск: РИСО БГУ. С. 94–108.
- Миненко В. В., Разумов И. Н., 2019. Городища Жуковского и Жирятинского района Брянской области – результаты исследований 2017 г. и перспективы изучения // Деснинские древности: материалы X межгос. науч. конф. «История и археология Подесенья», посвященной памяти Ф. М. Заверняева. Брянск. С. 65–80.
- Миненко В. В., Разумов И. Н., Сироштан И. И., 2020. Неготино-8 («Красный городок») – городище раннего железного века на верхней Десне // АП. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 93–107.
- Погодин М. Н., 1848. Розыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г. Часть II. Княжество Черниговское // Древние русские княжества с 1054 по 1240 г. СПб. (Из Журнала МВД. Т. XXIII. Кн. 7). С. 1–43.
- Поляков Г. П., 2011. Древний Воробейня // Древние летописные центры Брянской области (история, археология, топонимика и историческая география). Брянск: РИО БГУ. С. 62–64.
- Пронин Г. Н., 1973. Отчет о работе Судостьского отряда Среднеднепровской экспедиции ИА РАН СССР в 1973 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4991.
- Рыбаков Б. А., 1951. Раскопки во Вщиже в 1948–1949 г. // КСИИМК. Вып. XXXVIII. М. – Л.: АН СССР. С. 34–41.

Самоквасов Д. Я., 1908. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М.: Синодальная Тип. 120 с.

Слюнченко Ю. И., 1989. Отчет о разведках на территории Почепского района в 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14367.

Смирнов К. А., 1971. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука. (МИА. Вып. № 184). С. 80–98.

Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура

(материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 7–89.

Уварова П. С., 1906. Выборки из дел Черниговского Статистического Комитета, Исторического Общества Нестора Летописца и Архива графини П. С. Уваровой. – Городища и курганы // Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. Вып. 1. М. С. 73–93.

Шрамко Б. А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). К.: Наукова думка. 184 с.

V. V. Minenko, I. N. Razumov, I. I. Siroshant

The small clay figurines of the Yukhnovo culture at the Vorobeynya-1 hillfort

Summary

The article analyzes the clay sculpture figurines found during the archaeological research in the 2019 at the Vorobeynya-1 hillfort of the Early Iron Age situated in the Zhiryatinsky district of the Bryansk region. Such items are considered typical for Scythian-like cultures of the southern forest-steppe zone. There are 5 certain known sites with such finds at the northern area of the Yukhnovo culture on the Upper and Middle Desna River's basin within the modern Bryansk region.

Archaeological research of the Vorobeynya-1 hillfort allowed to get the information and make the scien-

tific publication about significant number of new clay sculpture finds of the Early Iron Age at the forest area of Eastern Europe.

Being an objects of worship, these finds raise doubts about the conclusions of the previous researchers about the appearance of such items at the Yukhnovo culture's territory as a result of only accidental contacts with the population of the forest-steppe area. It is possible to assume that the Yukhnovo culture's population had a belief system with an important role of using votive objects.

List of figures

Fig. 1. Finds of clay sculpture figurines at the hillforts of the Early Iron Age in the Bryansk region (according to archival data)

1 – Vorobeynya-1; 2 – Poluzhye-1; 3 – Popovka ; 4 – Torfel; 5 – Baklan-1

Fig. 2. Clay animal figurines

1 – Torfel hillfort; 2 – Poluzhye-1 hillfort; 3 – Kuzina gora hillfort

Fig. 3. Clay animal figurines from the Popovka hillfort

Fig. 4. Clay animal figurines from the Popovka hillfort

Fig. 5. Clay animal figurines

1 – Vorobeynya-1 hillfort; 2 – Baklan-1 hillfort

Fig. 6 Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Planigraphy

1 – layer 8 (-140 / -160 cm); 2 – layer 9 (-160 / -180 cm). *a* – dark gray sandy loam; *b* – gray sandy loam; *e* – brown sandy loam; *z* – white-yellow sandy loam; *d* – sand with ash; *e* – find of a clay figurine; *ж* – charcoals; *з* – hard fired clay; *u* – wood ashes; *к* – stone

Fig. 7. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Clay blocks (layer 9)

Fig. 8. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Clay sinker of diakov type

Fig. 9. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Molded ceramics of the Yukhnovo culture (layer 8)

Fig. 10. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Molded ceramics of the Yukhnovo culture (layer 8)

Fig. 11. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Molded ceramics of the Yukhnovo culture (layer 9)

Fig. 12. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Molded ceramics of the Yukhnovo culture (layer 9)

Fig. 13. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Molded ceramics of the Yukhnovo culture (layer 10)

Fig. 14. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Clay sculpture horse figurine (№ 10, layer 8, depth -151 cm)

Fig. 15. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Clay animal figurines

1 – horse (№ 10, layer 8); 2 – ram (?) (№ 16, layer 9); 3 – bull or ram (?) (№ 17, layer 9); 4 – dog (?) (№ 20, layer 8)

Fig. 16. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Clay sculpture bird figurine (?) (№ 11, layer. 8, depth -154 cm)

Fig. 17. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Clay figurines

1 – bull or tour horn (№ 12, layer 8); 2 – horse leg (?) (№ 18, layer 9); 3 – product fragment (rod) (№ 19, layer 9); 4 – horse leg (?) (№ 21, layer 8); 5 – animal leg (№ 22, layer 8)

Fig. 18. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Clay figurines

1 – bull or tour horn (№ 12, layer 8); 2 – horse leg (?) (№ 18, layer 9); 3 – fragment of a product (rod) (№ 19, layer 9); 4 – horse leg (?) (№ 21, layer 8); 5 – animal leg (№ 22, layer 8)

Fig. 19. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Clay figurine of a ram (?)

Fig. 20. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Clay figurine of a bull or ram (?)

Fig. 21. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Clay dog figurine (?)

Fig. 22. Vorobeynya-1 hillfort. Prospect trench 1. Clay zoomorphic figurine

Fig. 23. Vorobeynya-1 hillfort. Clay bear figurine (artefactual remains)

Е. Ю. Тавлинцева*, О. С. Хохлова, И. Л. Максименко***

* Музейное объединение «Музей Москвы», Москва

** Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино (Московская обл.)

Исследование многокамерной жилой постройки I тысячелетия до нашей эры на городище Ростиславль

Археологические раскопки, проводившиеся в течение 19 полевых сезонов (1998–2016 гг.) на городище Ростиславль (раскоп V), позволили выделить несколько этапов освоения мысовой площадки городища в раннем железном веке¹. Одним из наиболее важных результатов раскопок стало изучение двух многокамерных жилищ (так называемых длинных домов), относящихся к раннебронзовому времени. Обе постройки, с условными наименованиями «постройка А» (ранняя) и «постройка Б» (более поздняя), были раскопаны почти полностью. Предварительные результаты исследования постройки А опубликованы (Тавлинцева, Коваль, Гольева, 2020). Данная работа посвящена введению в научный оборот материалов из раскопок постройки Б².

Датировку этого жилища можно определить пока лишь очень приблизительно, в рамках последней трети или четверти I тысячелетия до н. э. В заполнении постройки А-2, предшествовавшей возведению постройки Б, найден железный наконечник стрелы с двушипным черешком, что указывает на дату IV–III вв. до н. э. Ее можно принять в качестве нижней хронологической границы для заполнения постройки Б (Тавлинцева, Коваль, Гольева, 2020. С. 90).

Это жилище сохранилось лучше, чем постройка А, хотя и со значительными утратами (рис. 1). Его северную часть, доходившую почти до края мысовой площадки, впоследствии уничтожила эрозия. Южная оконечность постройки располага-

лась вплотную к валу городища. Общая длина сооружения составляла не менее 44 м. Как и более ранний «длинный дом», постройка Б сооружена вдоль западного края мыса. Ее возвели с небольшим отступом к востоку, поэтому западная половина постройки на всем протяжении частично перекрывала более раннее жилище. Восточная часть постройки Б была заглублена в материк, максимальная глубина от поверхности материка (40 см) зафиксирована в центральной части постройки. В период функционирования, видимо, она была больше (этот вывод следует из отсутствия почвенного горизонта вдоль восточного края постройки, то есть он был подрезан).

При возведении постройки Б над заполнением постройки А сделали нивелирующую подсыпку из желтого материкового суглинка, мощность которой колебалась от нескольких сантиметров в северной части, где она почти сходила на нет, до 30–40 см в центральной (рис. 2). Под южными отсеками эта подсыпка не фиксировалась, здесь постройка Б перекрывала заполнение построек А-1 и А-2, возникших, вероятнее всего, уже после возведения основного объема постройки А (Тавлинцева, Коваль, Гольева, 2020. С. 87, 88. Рис. 1). Очевидно, искусственная подсыпка была необходима, чтобы сгладить неровности рельефа и подготовить надежную ровную площадку для строительства нового жилища. Можно предположить, что при возведении постройки Б значительную часть заполнения постройки А уничтожили.

¹ Начиная с 1998 г. и по настоящее время раскопки на памятнике ведет Ростиславльская археологическая экспедиция Института археологии РАН (нач. экспедиции – В. Ю. Коваль). Все материалы раскопок хранятся в Музее Москвы.

² Анализ индивидуальных находок и керамического материала из постройки Б будет посвящена отдельная работа.

Рис. 1. Сводный план постройки Б (условные обозначения см. на рис. 3)

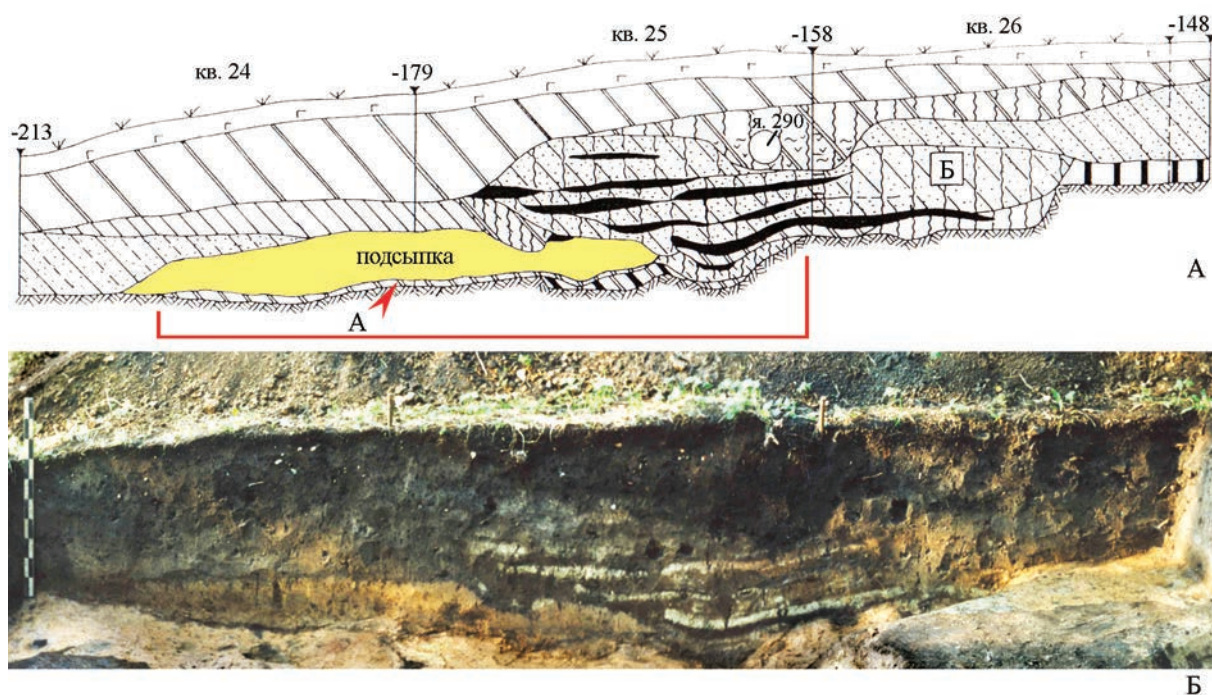

Рис. 2. Северный профиль раскопа 2001 г. (участок Г). Полы на чертеже обозначены черным

В процессе раскопок удалось проследить в отдельных местах не только канавки от внешних стен жилища, но и поперечные канавки, оставшиеся от перегородок, разделявших «длинный дом» на отдельные отсеки. Удалось установить, что постройка Б состояла из не менее чем 5–6 отапливаемых отсеков. Теплые отсеки располагались парами и разделялись перегородкой. Для удобства отсеки были пронумерованы. Нумерация шла с севера на юг: отсекам присвоены обозначения Б1, Б2, Б3, Б4, Б5 и Б6. Согласно принятой системе очагам также присвоена новая нумерация от 1 до 6³, при этом номер очага всегда совпадает с номером жилого отсека, где он находится. Если отопительное устройство представляло собой сложную конструкцию, состоящую из нескольких очагов, им присваивалась дополнительная буквенная нумерация, например, очаг 3а и т. д. В скобках дано обозначение отопительного устройства по отчету о раскопках, например: (очаг II, участок В).

Особенностью постройки Б были так называемые полы – протяженные горизонтальные подсыпки из светлого суглинка на полу постройки, каждая из которых соответствовала определенному периоду

функционирования жилища. Полы регулярно ремонтировались, при этом старый пол не разбирали, поверх него и скопившегося на его поверхности культурного слоя делали еще одну суглинистую подсыпку. Толщина подсыпок разная: от 2–3 до 6–10 см. Вместе с полом, как правило, перестраивали очаг. Стенки отопительных устройств делались из того же материала, что и полы, поэтому бортики очагов плавно переходили в поверхность пола.

Ниже следует описание отсеков постройки с севера на юг.

Отсек Б1 (рис. 3; 4)

Самый северный сохранившийся отсек постройки. Раскапывался в течение трех сезонов, в 2014, 2015 и 2016 гг. Мощность заполнения жилища составила 20–40 см. В юго-восточном углу верхняя часть его заполнения повреждена средневековыми ямами 692 и 693, а в западной части оно нарушено сооружением 38, узкой траншеей прорезавшим в этом месте постройку Б по направлению северо-запад – юго-восток⁴.

³ Она отличается от нумерации, принятой в отчете.

⁴ Сооружение 38 является траншеей от частоккола. По данным стратиграфии (сооружение прорезало ямы XIV в.), этот частоккол мог быть сооружен в конце XIV или в XV в.

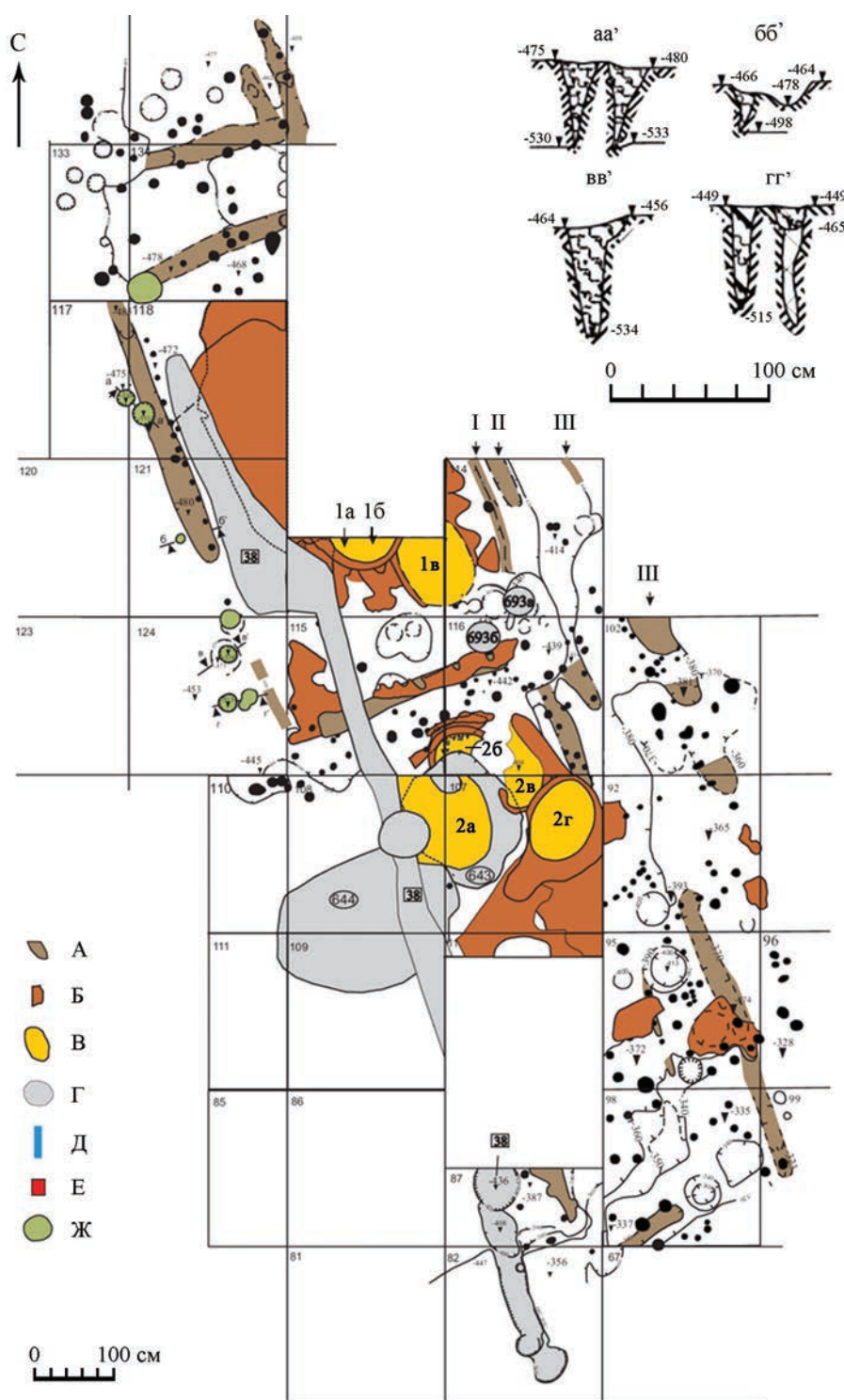

Рис. 3. Сводный план северных отсеков постройки Б (отсеки Б1 и Б2)

А – канавки от стен постройки; Б – остатки суглинистых полов; В – очаги; Г – перекопы и поздние ямы; Д – стратиграфические разрезы; Е – место отбора образцов для микроморфологического анализа; Ж – ямы от стены постройки Б

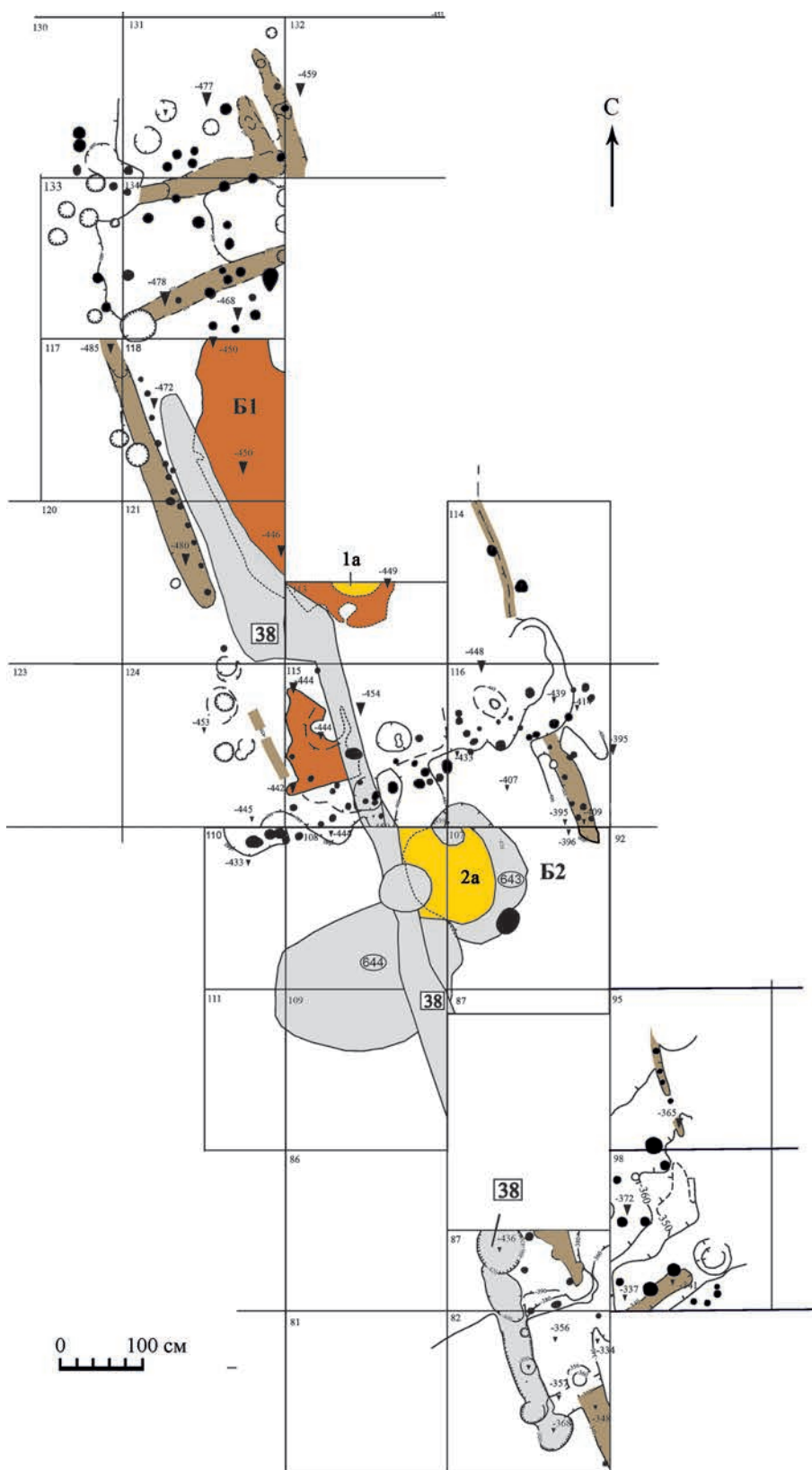

Рис. 4. Сводный план северных отсеков постройки Б (отсеки Б1 и Б2) на уровне горизонта 1 (условные обозначения см. на рис. 3)

Лучше всего сохранились центральная и северо-западная части жилого помещения. В 2014 г. исследованы остатки трех последовательно сменявших друг друга отопительных устройств (очаги 1а, б, в) и соответствующие им суглинистые подсыпки на материковом полу постройки, маркирующие три разных горизонта существования жилища. Все три очага попали в раскоп не полностью. Два ранних очага, 1а и 1б, располагались практически в центре помещения. Поздний очаг 1в заметно смещен к юго-востоку (ближе к южной, дальней от входа стенке) относительно двух первых очагов, построенных один над другим (рис. 3).

Очаг 1а (очаг V, участок С 2014 г.) (рис. 3; 4) сооружен на первоначальном полу постройки. В раскоп 2014 г. попал только южный край очага, его полные размеры установить невозможно. Заполнение – коричневатый суглинок с обильными включениями углей и золы. Бортик очага, разрушенный, по-видимому, при сооружении более позднего очага 1б, переходил в суглинистую подсыпку на полу, продолжавшуюся дальше к северо-западу и вдоль западной стены жилища. Неясно, подходила ли она вплотную к стене, поскольку в этом месте ее прорезало более позднее сооружение 38. Еще один довольно крупный участок пола, который, судя по глубине залегания, относился к горизонту очага 1а, расчищен в юго-западном углу жилого отсека.

Очаг 1б (очаг IV, участок С 2014 г.) (рис. 3; 5) сооружен над очагом 1а при переустройстве жилища. В раскоп 2014 г., как и в предыдущем случае, попал только южный край очага, имевший бортик из светло-серого суглинка шириной 6–20 см. Заполнение – коричневатый суглинок с обильными включениями углей и золы. Этому очагу соответствовал достаточно мощный суглинистый пол, крупный фрагмент которого расчищен к северо-западу от отопительного устройства.

Очаг 1в (очаг III, участок С 2014 г.) (рис. 3; 6). Исследован, как и предыдущие два очага, не полностью, но в раскоп попала большая его часть. Очаг немного смещен к юго-востоку по отношению к первым двум очагам. Форма овальная, вытянут по линии северо-запад – юго-восток, ширина очага вместе с бортиками составляла около 100 см, длина в пределах раскопа – 100 см, общая же длина очага была, по-видимому, около 120–130 см. Бортик – из светло-серого суглинка шириной 6–8 см. Заполнение – угли и зола с включениями коричневого суглинка. Как и предыдущие, составлял единое целое с соответствовавшей ему суглинистой подсыпкой пола. Этот пол сохранился значительно хуже, чем два ниже лежащих, но наи-

более крупные его фрагменты по-прежнему фиксировались к северо-западу от очага.

Анализ размещения очагов и подсыпок пола в отсеке Б1 позволяет сделать вывод, что наиболее мощные и протяженные по площади подсыпки находились в северной части отсека, то есть они шли по направлению от очагов к входу в помещение, находившемуся, по-видимому, в северной стене комнаты. Лучше всего они сохранились в северо-западной части помещения (кв. 118 и 121). В восточном профиле участка Т 2015 г. хорошо видны три последовательно сменяющих друг друга строительных горизонта (рис. 7).

При исследовании подсыпок пола, несмотря на достаточно четкую стратиграфию, зачастую очень сложно отделить в горизонтальной плоскости один уровень пола от другого. Временами они сливались. В восточном профиле участка Т хорошо видно, как самый верхний пол наползает на пол горизонта 2. В этом месте расстояние между полами минимальное, а культурный слой между ними практически отсутствует. Мощность культурного слоя между полом среднего горизонта и самым нижним полом постройки значительно больше, что свидетельствует о более длительном периоде функционирования жилого отсека перед насыпкой следующего пола. Можно предположить, что при ремонте интерьера полы могли меняться не на всей площади комнаты, а только на участке, подвергавшемся наибольшему воздействию, вблизи очагов. Именно здесь можно предположить максимальную изнашиваемость напольного покрытия. К югу от очагов, по всей видимости, также располагались суглинистые подсыпки, но, так как в этом месте заполнение постройки в значительной степени нарушено перекопками, удалось зафиксировать только их отдельные фрагменты.

О конструкции стен жилища можно судить по канавке от западной границы помещения. Она хорошо читалась на участке Т 2015 г. в кв. 121 и 118 (рис. 3). Глубина канавки от уровня материка составила 14 см (рис. 3; разрез бб'). По внутреннему краю канавки расчищена линия ямок диаметром около 6 см, отстоящих друг от друга на расстояние около 30 см. Таким образом, можно предположить в этом месте наличие плетневой конструкции. Также к конструкции стены можно отнести несколько ям, контуры которых расчищены на внешней стороне канавки. Это ямы от столбов диаметром до 25 см, концы которых сильно заострены и вбиты в материк на глубину не менее чем 55–60 см (рис. 3; разрезы аа', вв', гг'). Их

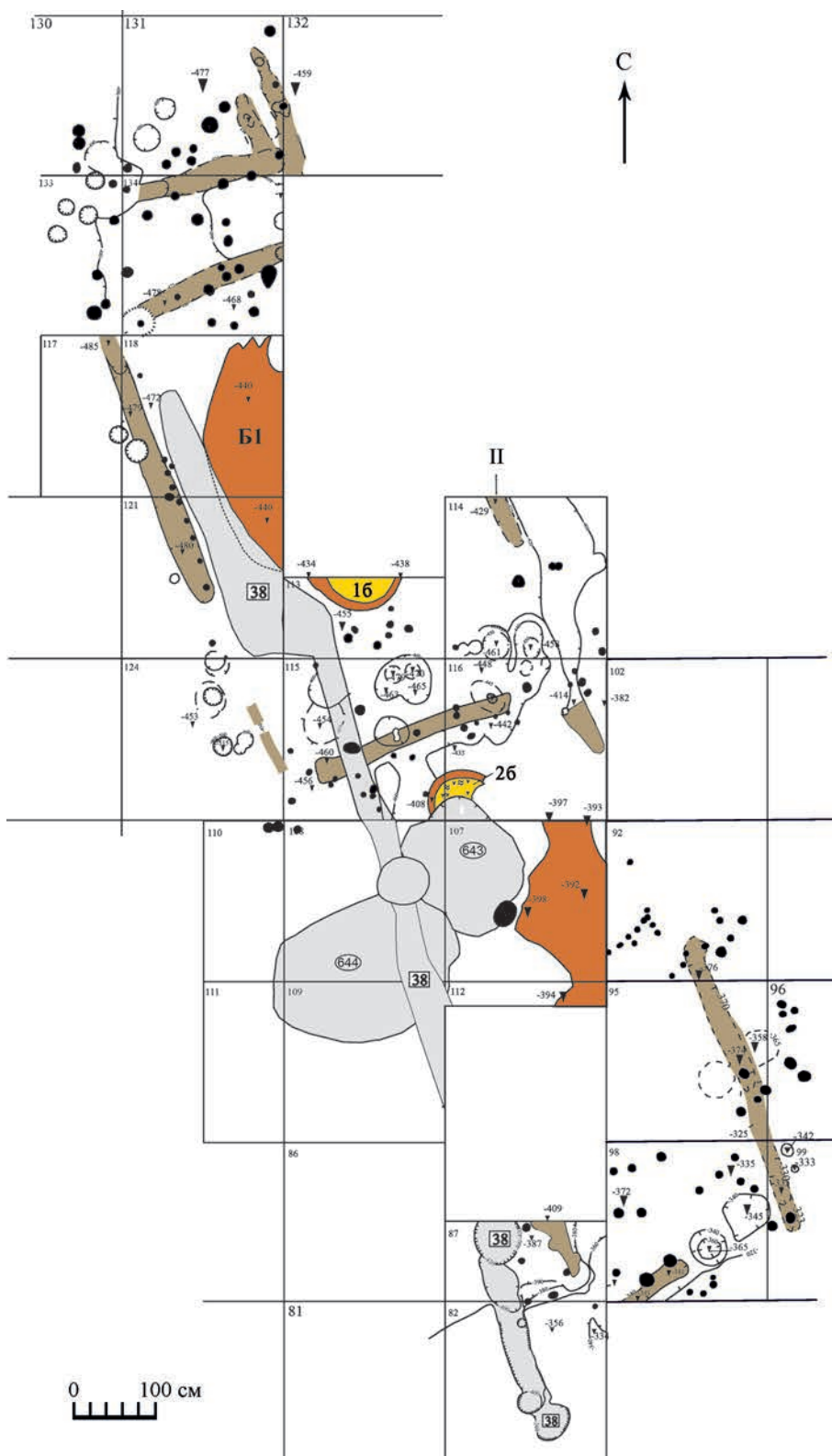

Рис. 5. Сводный план северных отсеков постройки Б (отсеки Б1 и Б2) на уровне горизонта 2 (условные обозначения см. на рис. 3)

Рис. 6. Сводный план северных отсеков постройки Б (отсеки Б1 и Б2) на уровне горизонта 3 (условные обозначения см. на рис. 3)

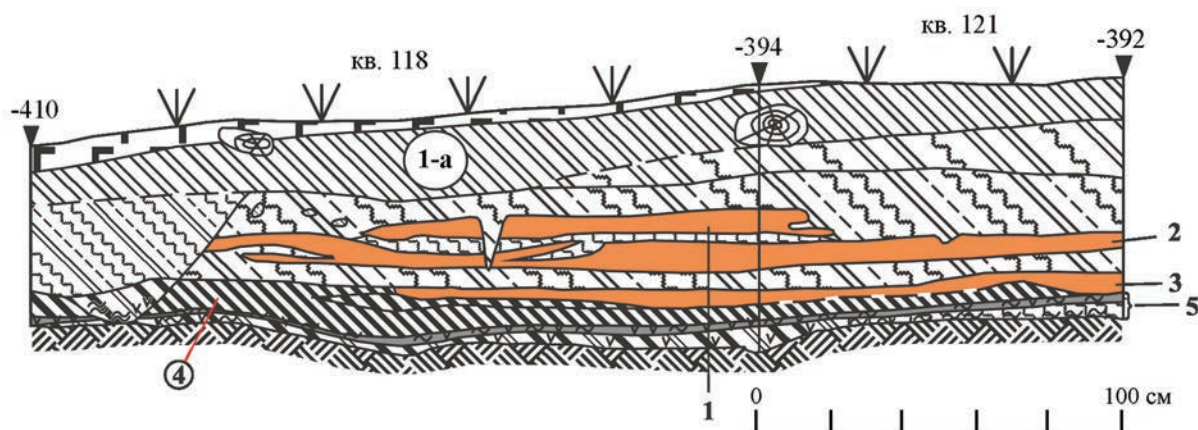

Рис. 7. Восточный профиль участка Г (2015 г.)

1 – горизонт 3; 2 – горизонт 2; 3 – горизонт 1; 4 – нивелировочная подсыпка; 5 – заполнение постройки А

значительная глубина и заполнение – коричневым суглинок с углем и золой, близкий к заполнению самой ранней постройки городища (постройка А), свидетельствуют о том, что они относятся к ранним слоям.

Отсек I пережил как минимум две капитальные перестройки. Первая из них случилась при создании очага 1б и соответствующего ему пола. В профиле северной стенки кв. 114 (рис. 8) хорошо видны углубления от двух параллельных канавок, расположенных на минимальном расстоянии друг от друга (канавки I и II), и суглинистые полы. Нижний пол, залегающий в этом месте непосредственно на материке, соответствует глубине очага 1б. Он перекрывает канавку I и заканчивается у внутреннего края канавки II. Таким образом, во время первой перестройки стену помещения немного сместили к востоку относительно предыдущей (рис. 1; 5).

На следующем этапе последовали более радикальные перемены: самый верхний очаг помещения построили не над двумя прежними очагами, а с небольшим смещением к юго-востоку, практически вплотную к старой канавке от восточной стены помещения. Более того, на профиле северного борта кв. 114 хорошо видно, как участок пола, соответствующий этому очагу, перекрывает заполнение обеих канавок от восточной стены постройки (рис. 8). Вероятнее всего, при перестройке отсека передвинули не только очаг, но и восточную стену помещения. На ее местоположение могут указывать небольшой уступ в материке в северо-восточном углу кв. 114 и канавка, зафиксированная на участке П 2012 г. (канавка III) (рис. 1; 6).

Северная торцевая стена отсека также маркировалась двумя параллельными канавками, расстояние между которыми составляло всего метр. Это расстояние достаточно для входного тамбура, проходные неотапливаемые помещения такой длины зафиксированы во время раскопок Дьякова городища (Кренке, 2011. С. 32, 34). В то же время нельзя исключать и того, что перед нами – следы перестройки стен жилища в разные периоды его существования.

Южную границу отсека определить сложно, поскольку в этом месте заполнение постройки нарушено поздними перекопами. Более или менее надежно она определяется для строительного горизонта 1 (см. ниже): на уровне материка она выглядела как небольшая ступенька высотой около 10–20 см. Вдоль верхней ее части на поверхности материка расчищено множество ямок от тонких колец диаметром 6–10 см, маркировавших, по-видимому, границу отсеков Б1 и Б2 (рис. 4). Позднее стенка, разделяющая отсеки, могла смещаться. В верхних слоях в этом месте расчищены контуры нескольких канавок, идущих по линии предполагаемой перегородки между отсеками в кв. 115 и 116, однако какая из них относится к заполнению постройки, определить сложно. Одна из канавок перекрыта сверху участком пола, относящимся к верхнему горизонту заполнения жилища, поэтому ее предположительно можно интерпретировать как границу между отсеками Б1 и Б2 на уровне строительного горизонта 2. Однако в этом случае перегородка должна располагаться слишком близко к очагу отсека Б2, что выглядит маловероятным.

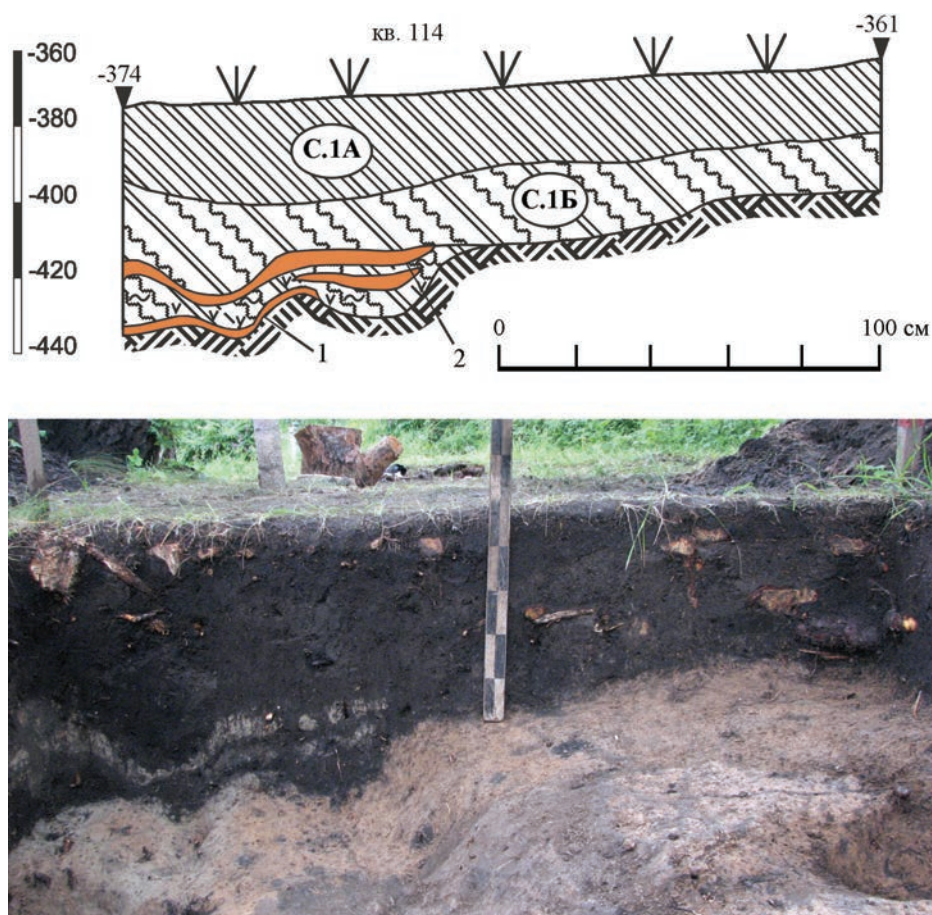

Рис. 8. Северный профиль участка С (2014 г.) в кв. 114

1 – горизонт 2; 2 – горизонт 3

Отсек Б2

Располагался в северной части постройки и примыкал с юга к жилому помещению Б1 (рис. 3). Исследовался в течение четырех сезонов, в 2010, 2012, 2013, 2014 гг., при этом часть помещения не исследовалась: в этом месте росла большая сосна. Практически вся северная часть отсека нарушена многочисленными средневековыми ямами, а также предположительно заполнением постройки, относившейся к концу I тысячелетия до н.э. Значительно лучше сохранилась юго-восточная часть отсека на участке П 2012 г.

Скопление очагов (очаги 2а, б, в, г) располагалось в северной части жилого отсека. Всего в этом месте расчищено четыре очага, располагавшихся на разных уровнях и частично перекрывавших друг друга. Эти отопительные устройства и соответствующие им подсыпки пола оказались сильно разрушены позднейшими перекопами (рис. 3).

Очаг 2а (очаг III, участок Р) (рис. 3; 4). Форма овальная, вытянут по линии северо-запад – юго-восток. Верхняя часть очага нарушена средневековой ямой 643, а западная – сооружением 38. Размеры – 124×70 см (реконструированная длина очага – ок. 140 см, ширина – ок. 100 см), бортик не сохранился. Заполнение – зола и мелкие угольки. В 2013 г. после разбора очага 2а югу от него на материке зафиксировано пятно прокала, вплотную примыкавшее к очагу. Возможно, оно представляло собой следы еще одного очага, полностью разобранного в древности, который мог относиться в том числе и к заполнению самой древней постройки городища – постройке А.

Очаг 2б (очаг II, участок С) (рис. 3; 5). Это отопительное устройство было настолько разрушено перекопами, что от него сохранился лишь небольшой край бортика в кв. 115 и 116. Заполнение – темно-серая и коричневая супесь с золой и углем. Размеры неясны. Частично перекрывал очаг 2а.

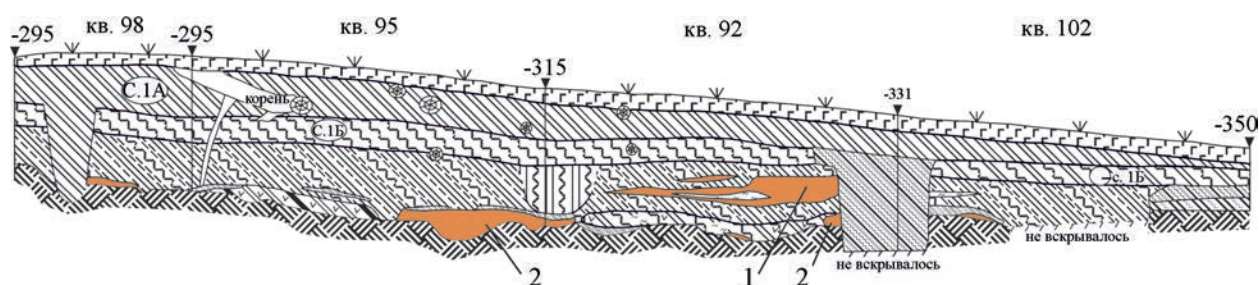

Рис. 9. Западный профиль участка П (2012 г.)

1 – уровень очага 2г; 2 – уровень очага 2б

Очаг 2в (очаг 2, участок Р – очаг I, участок С) (рис. 3; 6) в значительной степени разрушен средневековой ямой 643. По-видимому, имел овальную форму и был вытянут по линии северо-запад – юго-восток. Перекрывал восточную часть очага 2б и располагался на одной линии с очагом 1в. Ширина сохранившегося бортика из светло-серого суглинка – 6–10 см. Заполнение – коричневый суглинок, зола и угли. На дне этого отопительного устройства зафиксировано пятно прокала.

Очаг 2г (очаг I, участок Р) (рис. 3). Этот наиболее поздний очаг в скоплении находился к востоку от очага 2в, почти вплотную к нему. Форма очага овальная, вытянут почти по линии север – юг, с некоторым отклонением к северо-востоку, размеры 105×76 см, имел бортик из светло-серого суглинка шириной 8–10 см. Заполнение – коричневый суглинок с включениями темно-серого суглинка, углей и золы. Очагу 2г соответствовал крупный участок суглинистого пола, расчищенный на глубине -370/-380 см. Остатки остальных отопительных устройств находились ниже. Можно предположить, что этот самый поздний по времени очаг 2г не относился к постройке Б: он располагался немного в стороне, а его ориентировка отличалась от остальных очагов постройки. Вместе с тем его конструкция полностью соответствовала отопительным устройствам этого времени и была идентична другим очагам постройки Б. Если допустить, что он относился к заполнению другого сооружения, то оно по времени не должно было быть сильно позже, чем постройка Б, а его основные характеристики (суглинистые подсыпки на полу, овальные очаги с бортиками) были такими же, как и у постройки Б.

Суглинистые полы отсека 2 сохранились очень плохо. С очагами отсека Б2 можно лишь очень приблизительно связать участки пола, расчищенные в кв. 107. Один из них, расчищенный на глубине -383/-386 см, вероятно, относился к очагу 2в. Очагу 2б предположительно соответствовал про-

тяженный участок пола на глубине -392/-398 см. Судя по западному профилю участка П, этот пол продолжался дальше к югу (рис. 9).

В юго-восточной части помещения на участке П были зафиксированы только аморфные пятна светло-серого суглинка, представлявшие собой остатки суглинистых подсыпок на полу сооружения, однако значительные фрагменты этих подсыпок тут не сохранились. Судя по статистике керамики (присутствие в комплексе обломков позднедьяковских сосудов), заполнение постройки в этом месте было сильно нарушено перекопами.

Следы от стен отсека Б2 сохранились очень плохо, особенно западная стена помещения, которая была, видимо, полностью уничтожена сооружением 38. Достаточно четко на уровне материка читался только юго-восточный угол отсека в виде ступеньки в материке глубиной 20 см (кв. 98 и 99). Как и предыдущий жилой отсек, это помещение, видимо, также перестраивалось, причем одновременно с отсеком Б1. Трассы от канавок восточной стены отсека Б2 полностью совпадают с направлением восточной стены отсека Б1 на всех этапах его существования. Каждый новый очаг был сдвинут к востоку относительно предыдущего, но при этом очаги располагались всегда на одной линии с очагами соответствующего горизонта отсека Б1.

Таким образом, строительная история отсеков Б1 и Б2 могла выглядеть следующим образом:

– строительный горизонт 1. Ему соответствуют очаги 1а и 2а, восточная граница отсеков маркируется канавкой I;

– строительный горизонт 2. Восточная граница отсеков сдвигается немного восточнее и проходит по трассе канавки II, очаги 1б и 2б также строятся восточнее очагов предыдущего горизонта, но частично их перекрывают;

– строительный горизонт 3. Восточная граница отсеков отодвигается дальше (канавка III – ?), новые очаги 1в и 2в строятся еще дальше к востоку.

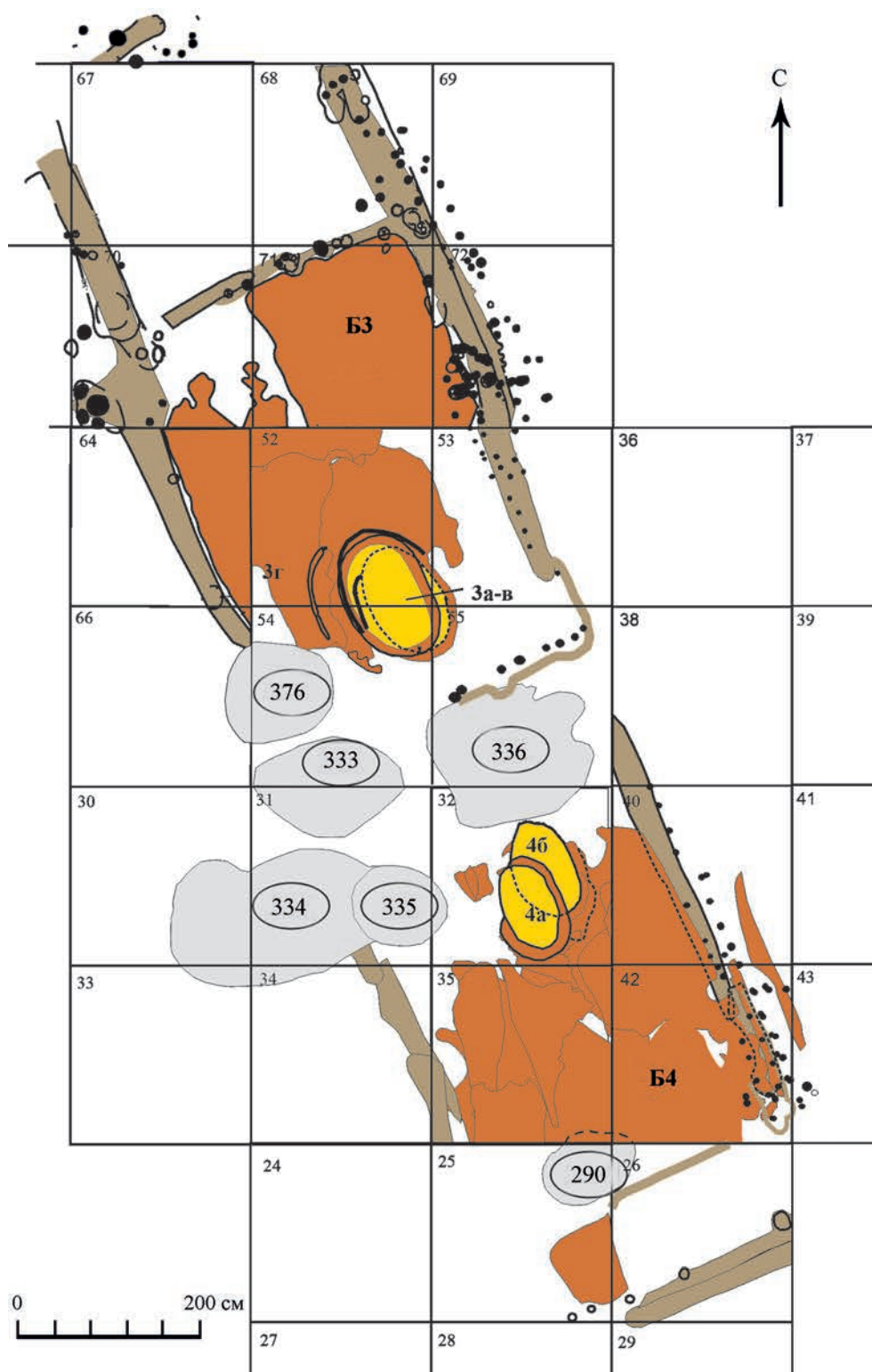

Рис. 10. Сводный план центральных отсеков постройки Б (отсеки Б3 и Б4)
(условные обозначения см. на рис. 3)

Рис. 11. Юго-восточный угол отсека Б3 на уровне материка. Вид с юга

У нас нет надежных данных о том, где располагалась западная стена отсеков Б1 и Б2 на позднем этапе (строительный горизонт 3). Возможно, она не совпадала с границей двух более ранних отсеков. Что касается восточной границы этой пары отсеков, то она не фиксируется южнее, на других исследованных участках, поэтому можно сделать предположение, что на позднем этапе отсеки Б1 и Б2 существовали как отдельное жилище.

Отсек Б3

Находился в центральной части постройки (рис. 10). Исследовался в течение трех сезонов, в 2004, 2008, 2009 гг. Его западная стена практически не сохранилась, границы отсека читались

только в профиле северного борта участка К. Остатки северной стены помещения представляли собой неглубокую (2–3 см) канавку в материке, идущую перпендикулярно восточной стене постройки. Границы восточной стены постройки хорошо прослеживались на участке Л 2009 г. (кв. 68 и 72) и на участке 3 2004 г. (кв. 53 и 55). В последнем случае на поверхности материка очень четко был виден юго-восточный угол отсека и отходящая от него поперечная южная стена (рис. 11). Ее следы представляли собой небольшую ступеньку в материке глубиной до 10 см, вдоль края которой с внутренней стороны были расчищены контуры ям от небольших столбов диаметром 6–15 см, что, возможно, свидетельствует о существовании в этом месте плетневой конструкции. Контуры

Рис. 12. Отсек Б3. Горизонт 1
(условные обозначения см. на рис. 3)

ямок от таких же небольших столбиков прослежены в материке вдоль внешнего края канавки от восточной стены постройки. Часть из них также шла по дну канавки. Сама канавка была заглублена в материк на 2–3 см относительно пола постройки. С внешней стороны от поверхности материка ее глубина больше, около 10 см.

В отсеке Б–3 находились четыре очага (очаги 3а, б, в, г). Все они располагались вместе, один над другим, у южной стены помещения, на очень близком расстоянии от нее. Эта очажная конструкция сохранилась лучше всего (рис. 10).

Очаг 3а (очаг 6, участок 3) (рис. 12; 13) был самым ранним. Форма овальная, размеры – 144×94 см. Как и все предыдущие очаги, он ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Его заполнение не содержало прослоек угля или золы. Располагался непосредственно на материке, в восточной части его дно немного заглублено. Высота бортика очага в этом месте составляла 14 см. В западной части очага высота бортиков не превышала 5–6 см. На дне очага было расчищено небольшое пятно слабого прокала размером 74×50 см. Этому очагу соответствовал небольшой участок суглинистого пола в северной части отсека.

Очаг 3б (очаг 5, участок 3) (рис. 14; 15) был сооружен вокруг очага 3а, фактически надстроен над ним, причем ориентировка осталась прежней.

Рис. 13. Отсек Б3. Очаг 3а. Вид с запада

В северной части бортик нового очага был возведен на бортике предыдущего. Ширина бортика очага составила 8–11 см, высота – 10–15 см. Размеры очага 36 – 124×80 см, форма овальная. Заполнение очага состояло из коричневого суглинка с включениями золы, углей, светло-серого и темно-серого суглинков. Дно очага не фиксировалось (не было следов прокаленности грунта). В северо-западной части очага его бортик плавно переходил в суглинистую подсыпку пола.

Очаг 3в (очаг 4, участок 3) (рис. 16) имел бортик из светло-серого суглинка шириной 6–10 см и высотой до 10 см. Овальный по форме, он вытянут с северо-запада на юго-восток по линии оси постройки (размеры очага 130×80 см). Дно у очага отсутствовало. Бортик очага переходил в связанную с ним суглинистую подсыпку на полу постройки, толщина которой составляла 1–6 см.

Очаг 3г (очаг 3, участок 3) (рис. 17) наиболее поздний, в значительной степени разрушен перекопами. Сохранился лишь его западный борт высотой до 10 см, сделанный из светло-серого суглинка, на внешней стороне которого прослеживались следы воздействия высоких температур в виде рыхлой спекшейся корки. Из-за плохой сохранности размеры очага восстановить не удалось, но, судя по всему, они сопоставимы с расчищенными ниже очагами 3а и 3б. Очаг имел овальную форму

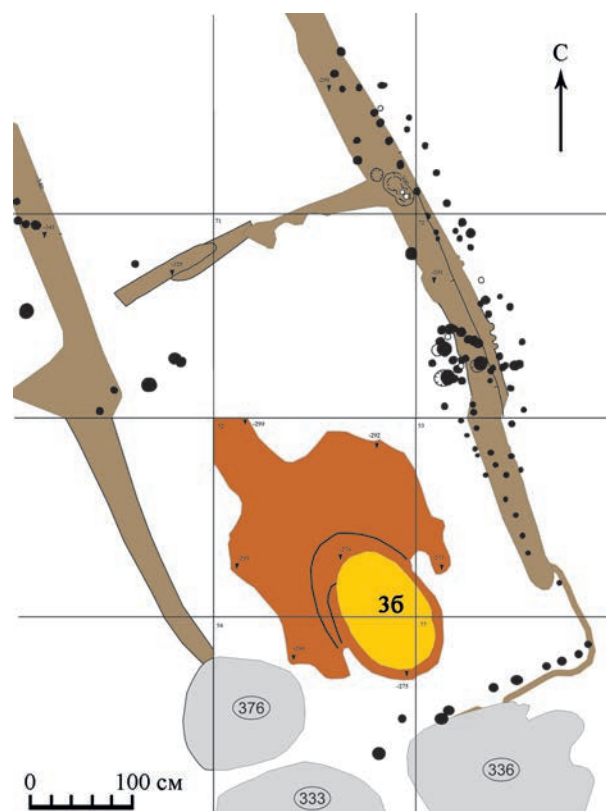

Рис. 14. Отсек БЗ. Горизонт 2
(условные обозначения см. на рис. 3)

Рис. 15. Отсек БЗ. Очаг 3б и пол горизонта 2. Вид с юго-востока

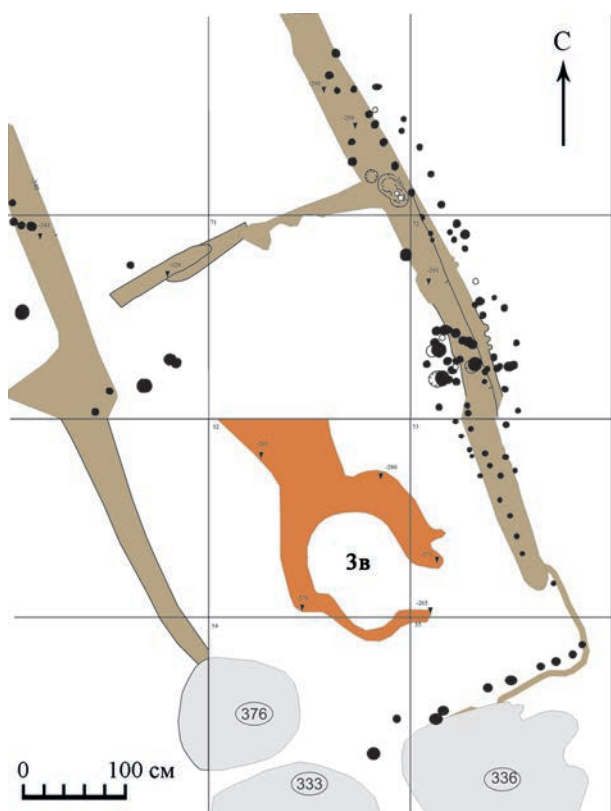

Рис. 16. Отсек Б3. Горизонт 3
(условные обозначения см. на рис. 3)

и вытянут по линии оси постройки с северо-запада на юго-восток. Он располагался над очагом 3в, но немного смещен к западному борту раскопа относительно него.

В период функционирования постройки Б интерьер этого жилого отсека неоднократно обновлялся: перестраивались не только очаги, но и связанные с ними полы из светло-серого суглинка. Очаги составляли единое целое с полом: бортики отопительных устройств плавно переходили в соответствующие им суглинистые подсыпки на полу постройки. Полы имели небольшой уклон к северо-западу. Всего зафиксировано не менее четырех горизонтов, каждому из которых соответствовали полы разной степени сохранности. Лучше всего они сохранились в нижних придонных горизонтах помещения, соответствующих очагам 3а и 3б. Достаточно большие участки этих полов открыты к северу и северо-западу от очагов на глубине -297/-310 см, они подходили вплотную к северной стене комнаты, где, вероятно, находился вход. Остатки полов не зафиксированы только у южной стены помещения. В юго-западном углу их могли уничтожить поздние ямы. В юго-во-

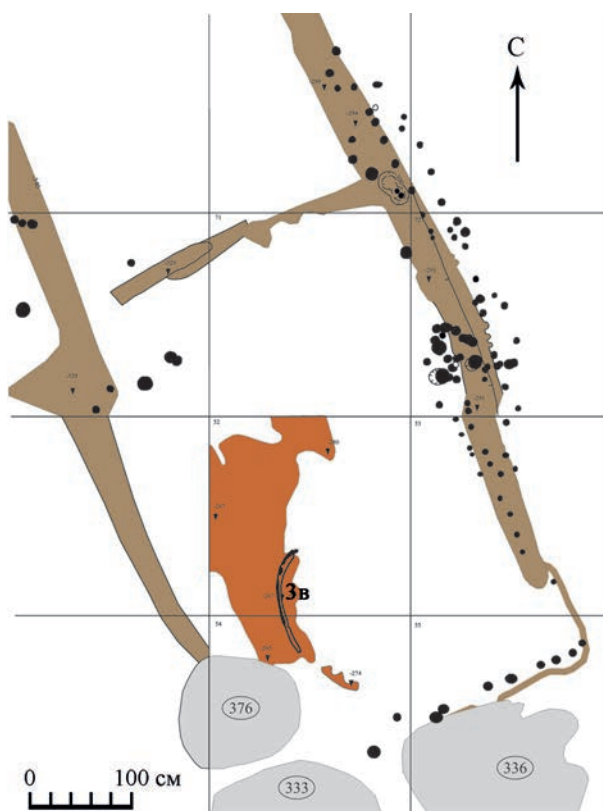

Рис. 17. Отсек Б3. Горизонт 4
(условные обозначения см. на рис. 3)

сточном углу заполнение постройки сохранилось *in situ*: здесь у очагов расчищены развалы сетчатого и гладкостенного сосудов баночной формы, но полы в этом месте отсутствовали.

Отсек Б4

Находился в центральной части постройки, с юга примыкал к отсеку Б3 (рис. 10). Раскапывался в течение трех сезонов, в 2001, 2002, 2004 гг. Котлован отсека четко читается на северном профиле участка Г (рис. 2). Глубина постройки составляла здесь 45–60 см, но верхний горизонт жилища оказался в значительной степени переработан вышележащими слоями. Лучше всего сохранилась его придонная часть – нижние 40 см заполнения. На профиле также хорошо видна нивелировочная подсыпка над заполнением постройки А.

Северная часть отсека оказалась в значительной степени разрушена позднейшими ямами 333–336. Хорошо сохранились следы от восточной стены отсека на участке Е. Они представляли собой канавку, идущую по линии северо-запад – юго-восток, вдоль внешнего края которой

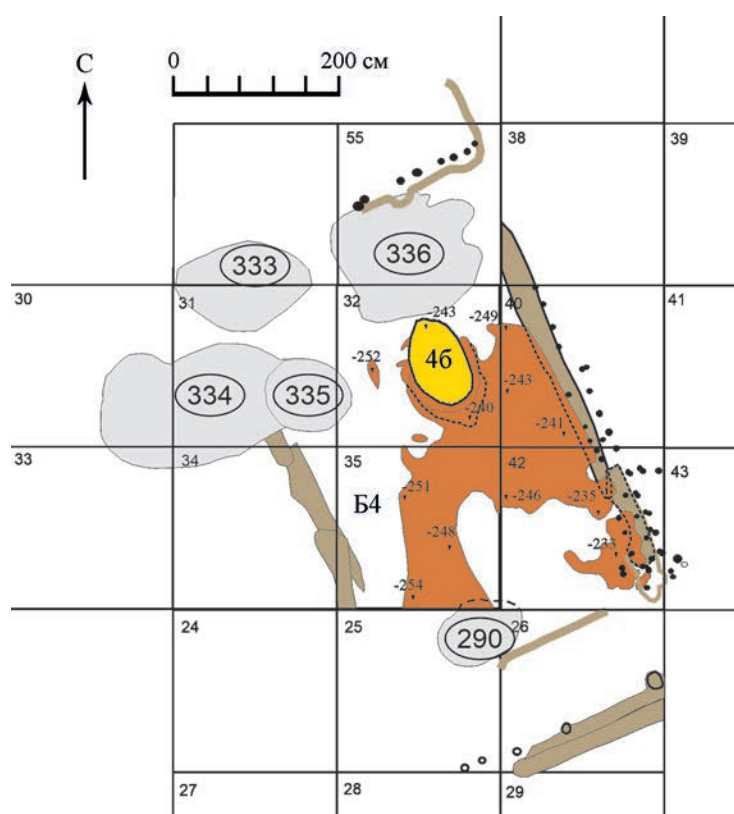

Рис. 18. Отсек Б4. Горизонт 2 (условные обозначения см. на рис. 3)

и по ее дну расчищены ряды ямок от небольших кольев, поставленных на равном расстоянии друг от друга (16–20 см). Возможно, это следы неоднократных перестроек стены, когда ее не переносили, а возводили новую стену практически вплотную к старой, лишь чуть отодвигая ее дальше к востоку.

Очажная конструкция отсека Б4 состояла из двух последовательно сменявших друг друга очагов, каждый из которых соответствовал определенному строительному горизонту.

Первоначально был сооружен *очаг 4а* (очаг 2, участок Д) (рис. 10). Он соответствовал «нулевому» (материковому) полу постройки Б. Большая его часть располагалась на материке, но краем он заходил на слой плотного рыжего суглинка – нивелировочную подсыпку, перекрывавшую заполнение постройки А. Очаг овальный в плане, вытянут по оси северо-запад – юго-восток, на 8–11 см заглублен в материк. Размеры очага – 112×80 см. Его окружал бортик из светло-серого суглинка высотой 12 см и толщиной 8–14 см. Заполнение очага – золистая супесь с вкраплениями угольков, темно-серого и коричневого суглинков. Участок пола, соответствующий этому очагу, расчищен в южной части отсека.

Жилище использовалось какое-то время: на первоначальном полу постройки сформировался культурный слой в виде прослойки однородного темно-серого суглинка мощностью 4–6 см. Затем была осуществлена достаточно большая перепланировка: почти на всей площади отсека сделан новый пол, представлявший собой слой плотного светло-серого суглинка мощностью 4–6 см. Пол, фиксируемый этой подсыпкой, был практически горизонтальным, с небольшим уклоном к западу (перепад отметок 3–8 см). На уровне этого пола устроили новый очаг 4б, несколько больший по размерам, причем он оказался сдвинут к востоку относительно месторасположения очага 4а (рис. 18).

Очаг 4б (очаг 1, участок Д) (рис. 18) овальный в плане (размеры 132×90 см, глубина 5–10 см), со всех сторон окружен бортиком шириной 8–12 см. Дно очага плоское, немного углубленное в центральной части. Заполнение очага – золистая супесь с вкраплениями угольков, темно-серого и коричневого суглинков.

Вероятно, очагов и подсыпок на полу постройки в прошлом было больше: отдельные сохранившиеся фрагменты этих полов расчищались в пластах, перекрывающих нижние горизонты постройки.

Отсек Б5

Южная оконечность постройки, где находились отсеки Б5 и Б6, исследовалась в 1998 г., а затем, после большого перерыва, в 2004–2005 гг. Этот участок примыкал к валу, поэтому мощность слоя в этом месте была значительной. Тем не менее отсек Б5 сохранился значительно хуже, чем все остальные помещения постройки. В пользу того, что на этом месте располагался еще один жилой отсек, свидетельствует общая планировочная структура постройки: у самого южного отсека Б6 должно было размещаться парное ему помещение. Между ним и отсеком Б4 значительное расстояние, соответствующее средней длине жилого помещения постройки Б. Канавки от западной и восточной стен отсека Б6 продолжались дальше к северо-западу на значительное расстояние, а внутри их границ в культурном слое расчищены участки полов, соответствующие предполагаемой глубине залегания отсека Б5 (рис. 1).

Неизвестно, где проходила южная граница помещения, проследить ее в слое не удалось. Неясно также, где находилось его отопительное устройство, но, скорее всего, как и в других отсеках, оно должно было располагаться ближе к внутренней перегородке, разделяющей эти два жилых помещения, образуя пару с очагом отсека Б6. На материке внутри границ отсека расчищен огромный очаг, однако его связь с постройкой Б вызывает сомнения. Его размеры значительно превышали размеры остальных очагов постройки Б. Он вытянут скорее по линии север – юг с небольшим отклонением к западу, что несколько отличается как от направления других очагов, так и от направления постройки Б в целом. Размеры – 240×130 см. Дно очага заглублено в материк на 5–10 см. В сечении яма очага имела наклонные стенки, плавно переходившие в уплощенное дно (глубина 43 см). Заполнение и конструкция очага включали глиняную обмазку стенок и дна толщиной от 10 до 40 см. При этом на дне, западном, северном и восточном бортах очага эта обмазка была прокалена до кирпично-красного цвета, а на южном борту имела светло-серый цвет и не несла следов действия огня. Материк под дном ямы также имел следы прокала. Заполнение очага состояло из песка с включениями золы и светло-серого суглинка. В придонной части фиксировалась прослойка золистого супеси толщиной 2–10 см. Встречены отдельные фрагменты гладкостенной и сетчатой лепной керамики.

Отсек Б6

Северная часть отсека Б6 выявлена в 1998 г. (первый год исследований на раскопе V), когда проследить разновременные строительные этапы в горизонтальной проекции не удалось, но прослойки полов хорошо читались на южном и восточном профилях раскопа. Зафиксировано не менее трех строительных горизонтов. На материке расчищен очаг, соответствующий самому раннему из них.

Очаг б (яма 125, участок А) (рис. 1), овальный в плане, вытянут длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Размеры: 160×100 см. В сечении имел наклонные стенки, плавно переходившие в уплощенное дно, врезанное в материк на 8–10 см. Глубина очага достигала 23 см. Очаг имел бортики из светло-серого суглинка толщиной около 15 см. В северной части бортики отсутствовали. На дне очага на материке зафиксировано ярко-красное пятно прокала толщиной до 10 см. Заполнение очага состояло из золистого супеси и линзы чистого белого песка в центре ямы (толщина 15 см, диаметр 80 см). Горизонт пола, которому соответствовал этот очаг, продолжался дальше к югу, где он вплотную примыкал к юго-западной стене постройки. Очаги двух верхних горизонтов в раскопе отсутствовали. Возможно, они располагались восточнее, на небольшом участке отсека, оставшемся неисследованным.

Неясным на данный момент остается устройство тамбуров постройки, разделявших расположенные попарно жилые отсеки. Как правило, их существование можно было только предполагать, исходя из общей логики планировки многокамерного дома: они разделяли пары жилых отсеков. Тамбуры не только служили входами, но и обеспечивали дополнительную теплоизоляцию. Тамбуры могли располагаться в двух местах: между отсеками Б2 и Б3 (тамбур 1) и между отсеками Б4 и Б5 (тамбур 2).

В первом случае на месте предполагаемого тамбура не зафиксировано никаких участков полов и следов отопительных устройств. Можно предположить, что здесь находилось проходное помещение, откуда попадали сразу в два отсека постройки: Б2 и Б3. В пользу того, что перед нами именно тамбур, а не свободное пространство между двумя отдельно стоящими жилищами, говорит его граница с востока – канавка от северо-восточной стены отсека Б4, продолжавшаяся дальше к северо-западу и с небольшим разрывом переходившая в канавку от северо-восточной стены отсека Б5. Вход в тамбур, вероятно, находился именно здесь, со стороны

внутренней площадки. Возможно, что его обозначает как раз этот разрыв в трассе канавки. Важно отметить, что во время исследования постройки Б не найдено следов, которые можно интерпретировать как остатки дверных проемов, ведущих как с улицы в тамбуры, так и из тамбуров постройки в ее теплые отсеки. Упомянутый выше разрыв в трассе канавки, пожалуй, является единственным исключением.

Поскольку отсеки несколько раз перестраивались, то длина тамбуров могла меняться, и точно установить ее для каждого горизонта не представляется возможным. Оценка может быть лишь очень приблизительной. Так, расстояние между отсеками Б2 и Б3 составляло около 3 м, что довольно много для тамбура и не совсем согласуется с данными по другим городищам. Так, например, на городище Настасьино длина тамбуров была около 2 м (Энговатова, 2004. Рис. 1). На Дьяковом городище зафиксированы тамбуры длиной 1,0–1,5 м (Кренке, 2011. С. 32, 34).

Границы второго тамбура постройки определить достаточно сложно. На первый взгляд граница отчетливо видна в северной части кв. 26 участка Г, где материк образовывал выраженную ступеньку; таким образом, отсек Б4 был заглублен в материк относительно находящегося рядом помещения. В этом же квадрате южнее расчищена еще одна канавка, шедшая параллельно юго-восточной стенке отсека Б4. Ее принадлежность постройке Б вызывает некоторые сомнения, однако, поскольку отсек Б4 несколько раз перестраивался, его юго-восточная стена вполне могла переноситься. Следовательно, если северной границей отсека Б5 была канавка в кв. 3, то длина тамбура в этом месте могла составлять от 2,4 до 4 м (рис. 1).

Размеры жилых отсеков также могли быть разными на разных этапах. Неизменной оставалась ширина – около 3,5 м. Длина варьировалась от 5–6 м у центральных и южных отсеков до 6–7 м у северных. Значит, площадь жилых отсеков составляла в среднем около 20 кв. м (и более).

Таким образом, постройка Б представляла собой многокамерное жилище, где отапливаемые отсеки чередовались с холодными тамбурами. Жилища похожей конструкции выявлены на других памятниках раннего железного века в Московичах. Постройки типа «длинный дом» исследовались на городищах Круглица, Настасьино, Щербинское, Кузнечики, Дьяково (Дубынин, 1970. С. 153–155. Рис. 2; 1974. С. 216, 217; Энговатова, 2004. Рис. 1; Кренке, 2011. С. 28, 29. Рис. 34, 35; Кренке, Чаукин, 2013).

Постройка имела ступенчатую конструкцию: каждый новый отсек располагался чуть ниже предыдущего, что объясняется общим рельефом мыса, имеющего естественный уклон к северо-западу. Конструкцию стен можно реконструировать лишь предположительно: использовался плетень, возможно, только с одной стороны, а с другой – вертикально поставленные на расстоянии друг от друга столбы, поддерживавшие положенные плашмя бревна (?). Такая реконструкция предложена по материалам раскопок Дьякова городища (Кренке, 2011. С. 34, 35).

Стены отсеков постройки Б неоднократно перестраивались, причем, как показал анализ северных отсеков постройки, это каждый раз сопровождалось перестройкой интерьера: сооружением нового пола и очага. В том случае, если археологически перестройка стен не фиксировалась, наличие нескольких горизонтов подсыпок пола позволяет предположить, что она все же осуществлялась. При этом стены могли не перемещать на заметное расстояние, а возводить вновь на том же самом месте с небольшим отступом. В пользу этого говорят параллельные ряды ямок от кольев на месте восточной стены отсека Б4.

В заполнении постройки подсыпки пола всегда составляли единый комплекс с очагами, то есть каждой подсыпке на полу постройки соответствовал отдельный очаг, при перестройке интерьера делалась новая подсыпка пола, и возводился новый очаг, как правило, над старым. Таким образом, новый строительный горизонт полностью повторял предыдущий. Судя по стратиграфии постройки Б, такие перестройки проводились не менее четырех раз. Так, при исследовании отсека Б3 зафиксировано четыре строительных горизонта, но вряд ли эту цифру можно считать окончательной. По-видимому, подобных горизонтов было больше, так как отдельные обрывки суглинистых подсыпок пола фиксировались уже в самой верхней части заполнения жилища, сильно поврежденной разнообразными перекопами. Можно предположить, что иногда подсыпка пола производилась лишь частично, не на всей площади помещения.

Подобная картина наблюдалась и на других памятниках. Ближайшая аналогия – Мутенковское городище, где в 2001–2003 гг. В.В. Сидоров исследовал постройки с глиняными полами из «белой, слегка зеленоватой глины толщиной 4–8 см» и круглыми или овальными очагами с глиняными бортиками. Постройки не раз перестраивались: очаги перекрывали друг друга (Сидоров, 2004. С. 108. Рис. 2, 4). В качестве возможных

остатков подобных теплых отсеков можно интерпретировать открытые на городище Боршева ярусы последовательно сменявших друг друга «платформ» с очагами (Крис, Чернай, Данильченко, 1984. С. 134; Кренке, 2019. С. 44). Остатки построек, где находились овалыные очаги с глиняными бортиками и глинобитные остатки полов, зафиксированы во время раскопок Дьякова городища (Кренке, 2011. С. 34, 35). Овальный глинобитный очаг с бортиком исследовал на городище Круглица Л. И. Пимакин (Кренке, Чаукин, 2013. Рис. 3).

Теплые отсеки располагались парами, очаги размещались по центральной оси помещения, но были сдвинуты к теплой внутренней перегородке подале от входа. Судя по нивелировочным отметкам, уровень пола немного повышался по направлению к очагу. Перепад высот небольшой, около 10 см. Полы, скорее всего, покрывали все пространство отсека, но наиболее выражены они были между очагом и входом в помещение. Подобная планировка повторялась в пяти отсеках постройки, в отсеке Б5 очаг не выявлен, но есть все основания полагать, что интерьер этого помещения не отличался от других. Все это говорит об определенных требованиях к организации жилого пространства, в том числе к цветовому решению интерьера: полы всегда делались из очень светлой глины, кремового цвета, крайне редко встречалась глина более рыжего оттенка. Следовательно, перед нами осознанный выбор, определенные предпочтения в устройстве интерьера, повторявшиеся из поколения в поколение. Залежи нежелезистой глины, которая могла служить источником для создания «полов», имеются в окрестностях Ростиславля, в том числе на склоне ближайшего оврага. Тем не менее открытым оставался вопрос, использовался местный суглинок в «сыром» виде или же напольные покрытия представляли собой специально подготовленную смесь.

Исследование построек Дьякова городища показало, что полы имели дополнительное покрытие – циновки из растительного материала. Их сгоревшие остатки в виде пятен белой золы расчищены на полах построек нижнего слоя (Кренке, 2011. С. 32, 33). В Ростиславле они археологически не прослежены. Тем не менее в почвенных образцах, взятых из разных участков постройки Б, отмечалось большое количество валового фосфора, фитолитов, в том числе фитолитов культурных злаков, тростника и мхов. Помимо фитолитов встречались кутикулярные слепки, что свидетельствует о разложении *in situ* больших объемов растений. Все это позволило предположить, что на полах по-

стройки, вероятно, лежало какое-то покрытие: циновки, тростниковые маты, шкуры, войлок и т. п. (Гольева, Тавлицева, Коваль, 2018. С. 41, 42).

С целью проверки изложенных выше предположений был проведен микроморфологический анализ 12 образцов из северной части постройки в отсеке Б1 (рис. 1). Стратиграфия на месте отбора образцов выглядела следующим образом:

- слой над верхним полом постройки Б – верхняя часть ее заполнения, мешаный слой мощностью около 10 см, где встречаются включения разрушенных полов (образцы 1, 2);

- самый верхний из сохранившихся полов постройки Б (строительный горизонт 3). Выглядит как слой очень плотного светло-серого суглинка толщиной 4–6 см (образцы 2, 3, 4);

- слой между верхним и средним полами, толщина небольшая, около 2–3 см (образцы 3, 4, 5);

- средний пол (строительный горизонт 2) самый мощный, до 10 см толщиной, по составу аналогичен верхнему полу (образцы 4, 5, 6, 7);

- слой между средним и нижним полами постройки мощностью 4–5 см (образцы 7, 8);

- нижний пол (строительный горизонт 1), толщина 2–4 см, аналогичен двум предыдущим. В том месте, где отбиралась колонка, лежал прямо на искусственной подсыпке из желтого суглинка. Визуально слоя между ним и подсыпкой не прослеживалось, в других местах этот слой зафиксирован (образцы 7, 8, 9);

- искусственная подсыпка из очень плотного желтого материкового суглинка, сделанная над заполнением более ранней постройки А в тот момент, когда строили постройку Б. Представляет собой стерильный слой (почти без находок) мощностью 15–5 см, четко отделяющий заполнение двух построек (образцы 9, 10, 11);

- углистый слой мощностью 1–2 см, залегал сразу под искусственной подсыпкой – самая верхняя часть заполнения постройки А, в какой-то момент пострадавшей от пожара (образцы 10, 11, 12);

- нижний слой заполнения постройки А, мощность 1–4 см (образцы 11, 12);

- материк (образец 12).

Образцы представляли собой монолитные участки слоя размером 6×4 см, частично дублировавшие друг друга. Образцы 1–9 взяты из заполнения постройки Б, образцы 10–12 – из постройки А. Из микромонолитов изготовлены шлифы: образцы пропитывались искусственной смолой при нагревании, затем шлифовались специальными порошками до толщины 0,02–0,03 мм и наклеивались на предметные стекла. По техническим причинам

шлифы не делались целиком из всего отобранного образца, а лишь из его части. Они представляли собой наклеенные на стекло фрагменты образца размером 1,8×2,0 см, зачастую меньше. Затем проводились микроморфологический анализ и фотографирование полученных шлифов с помощью микроскопа CarlZeiss AxioScopeA1 в Центре коллективного пользования ИФХиБПП РАН (г. Пущино, Россия)⁵.

В основе метода лежит изучение шлифов из образцов почв ненарушенного сложения с помощью поляризационного микроскопа при увеличении от 30 до 100 раз, а при рассмотрении деталей – в 500 раз и более. Микроморфология изучает микростроение почв, то есть общую картину пространственного расположения всех видимых под микроскопом ее составных частей, простых (например, минеральные зерна, частички гумуса, различные включения и новообразования) и сложных (например, микроагрегаты). Задача микроморфолога – выявить взаимосвязи этих частей, объяснить происхождение и роль каждой из них, выделить среди них ведущие. При микроморфологическом анализе археологических образцов на первое место выходят обнаружение и идентификация сохранившихся фрагментов естественных почв и искусственных, привнесенных человеком материалов, выявление различных видов их преобразований.

В полученных шлифах с остатками полов можно было достаточно надежно связать включения уплотненного бурого материала. Подобные включения наблюдались во всех образцах, отобранных на участках с остатками полов (образцы 1–9) (рис. 19, а). А в образцах 3 и 6, большая часть которых приходилась на заполнение полов (образец 3 – пол горизонта 3; образец 6 – пол горизонта 2), они составляли основу шлифов (рис. 19, б, в). По данным стратиграфии, в трех последних образцах (№ 10–12) фрагментов полов не было. В шлифах участки бурого материала отсутствовали, за исключением образца 10, где присутствовала микрозона уплотненного бурого материала со следами замеса (рис. 19, г – правая нижняя четверть снимка) и совсем слабыми признаками горизонта Vt (материка). Присутствие такой микрозоны в образце носило, по-видимому, случайный характер.

Во всех шлифах участки бурого материала имели схожую структуру. В них частично или слабо сохранялась структура исходного Vt горизонта окружающих почв – железисто-глинистые кутаны и округлоскелетная ориентировка тонкодисперсного же-

лезисто-глинистого материала (рис. 20, а). Вместе с тем в буром материале встречались крупные зерна кварца, угольная пыль, иногда отмечались угольки довольно крупные, с выраженной структурой травянистой растительности (рис. 20, б, в – стрелки), и древесный уголь (рис. 20, г – стрелка), растительные остатки (рис. 19, а – в центре кадра), в некоторых образцах – редкие либо единичные осколки карбонатной щебенки (рис. 20, д – в центре кадра, стрелка). Растительные остатки попали в бурый материал не в результате деятельности почвенной зоофауны, а специально внедрены внутрь замешанного агрегата или фрагмента. Они расположены внутри этого бурого материала (рис. 20, е). Такое впечатление, что люди добавляли растительный материал для скрепления глины. Это не похоже на остатки выстилок на полах постройки, попавших в смесь случайно. В бурый материал, вероятно, замешивали угольную пыль – ее можно отличить по потемнению материала. Карбонатную щебенку также могли добавить только искусственно, в фоновой почве в этом районе она не встречается. В некоторых частях четко видны следы перемешивания бурого тонкодисперсного материала с песчаной фракцией (рис. 19, д).

Таким образом, можно предположить, что материал пола специально замешивался. В образцах присутствуют три признака специально созданной смеси для пола: растительные остатки и угольная пыль внутри бурого уплотненного материала, расположение крупных зерен кварца по окружности и слабая сохранность исходной структуры горизонта Vt. Сюда же можно отнести наличие множества округлых плотных комочков внутри разрыхленного материала, что хорошо видно на скане любого шлифа из пола целиком. Таким образом, получается, что бурый материал несет как следы замеса, так и некоторые микроучастки в нем полностью сохранили исходную структуру Vt горизонта. Следовательно, замес был грубый, некоторые фрагменты исходного горизонта уцелели.

В одном случае (образец 5) растительные остатки отличались от других образцов. В шлифе встречен обрывок растительной ткани, имеющий упорядоченный рисунок – остаток растительного мата со специальным плетением (?) (рис. 21, а – левый верхний угол, стрелка), что косвенно подтверждает использование специальных растительных покрытий на полах постройки. Но в рассмотренных образцах такой растительный остаток встретился единично.

⁵ Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН. Микроморфологический анализ выполнен в рамках Государственного задания № 0191-2019-0046 (Хохлова О. С.).

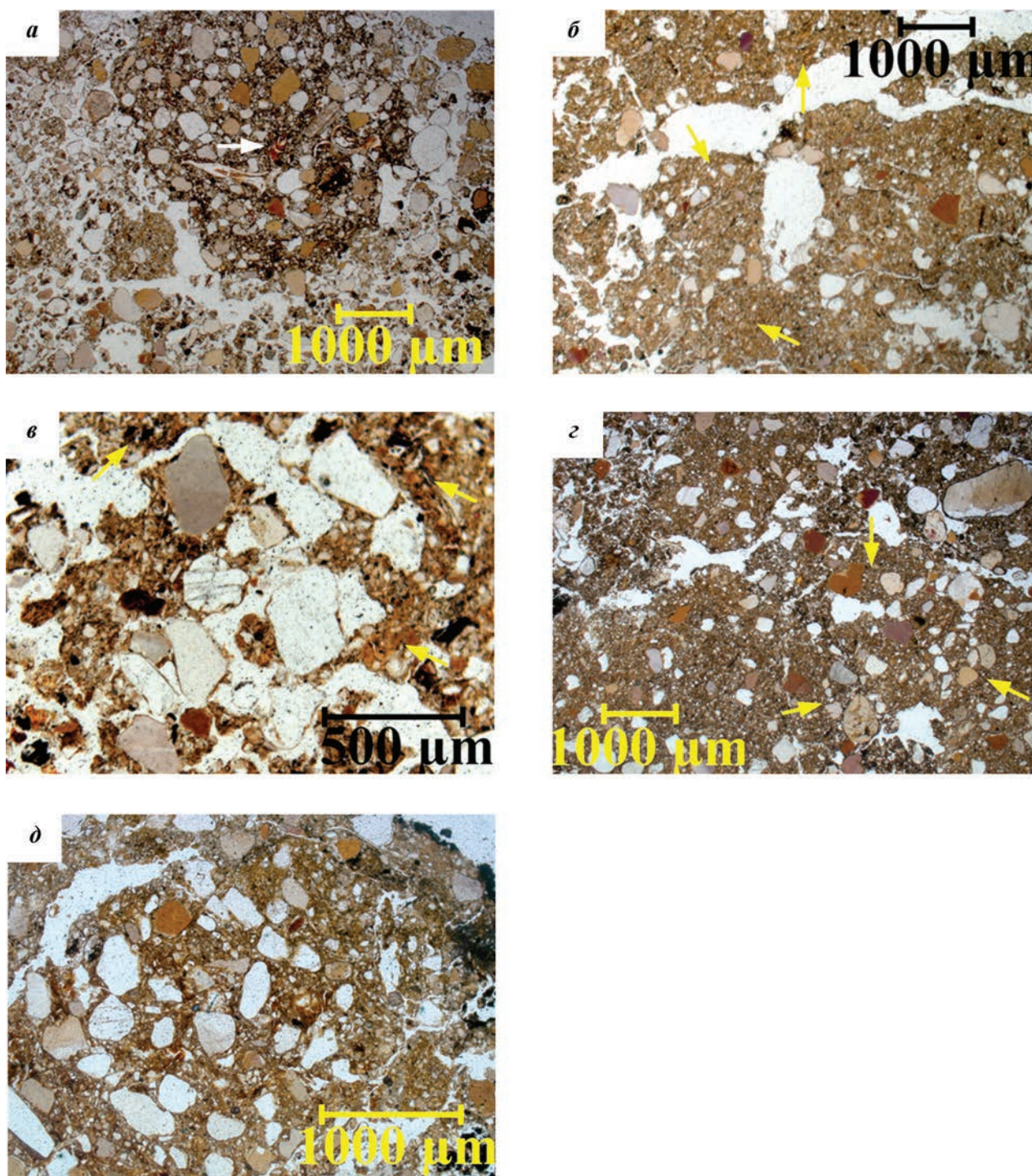

Рис. 19. Микростроение фрагментов полов

a – включения уплотненного бурого материала с внедренными растительными остатками, образец 2; *б* – сохранившиеся фрагменты ненарушенного строения гор. Вт с железисто-глинистыми кутанами, образец 3; *в* – фрагменты гор.

Вт с ненарушенными железисто-глинистыми кутанами среди зерен кварца, образец 6; *г* – уплотненный и грубо перемешанный с зернами кварца фрагмент (комочек) бурого материала, видно расположение зерен кварца по кругу или дуге, образец 10; *д* – зерна кварца, замешанные в буром материале гор. Вт, образец 9. Стрелки на фото *a–в* показывают на железисто-глинистые кутаны или пятна, на фото *г* – на зерна кварца, образующие подобие окружности. Фото *a–д* сняты без введения анализатора (PPL)

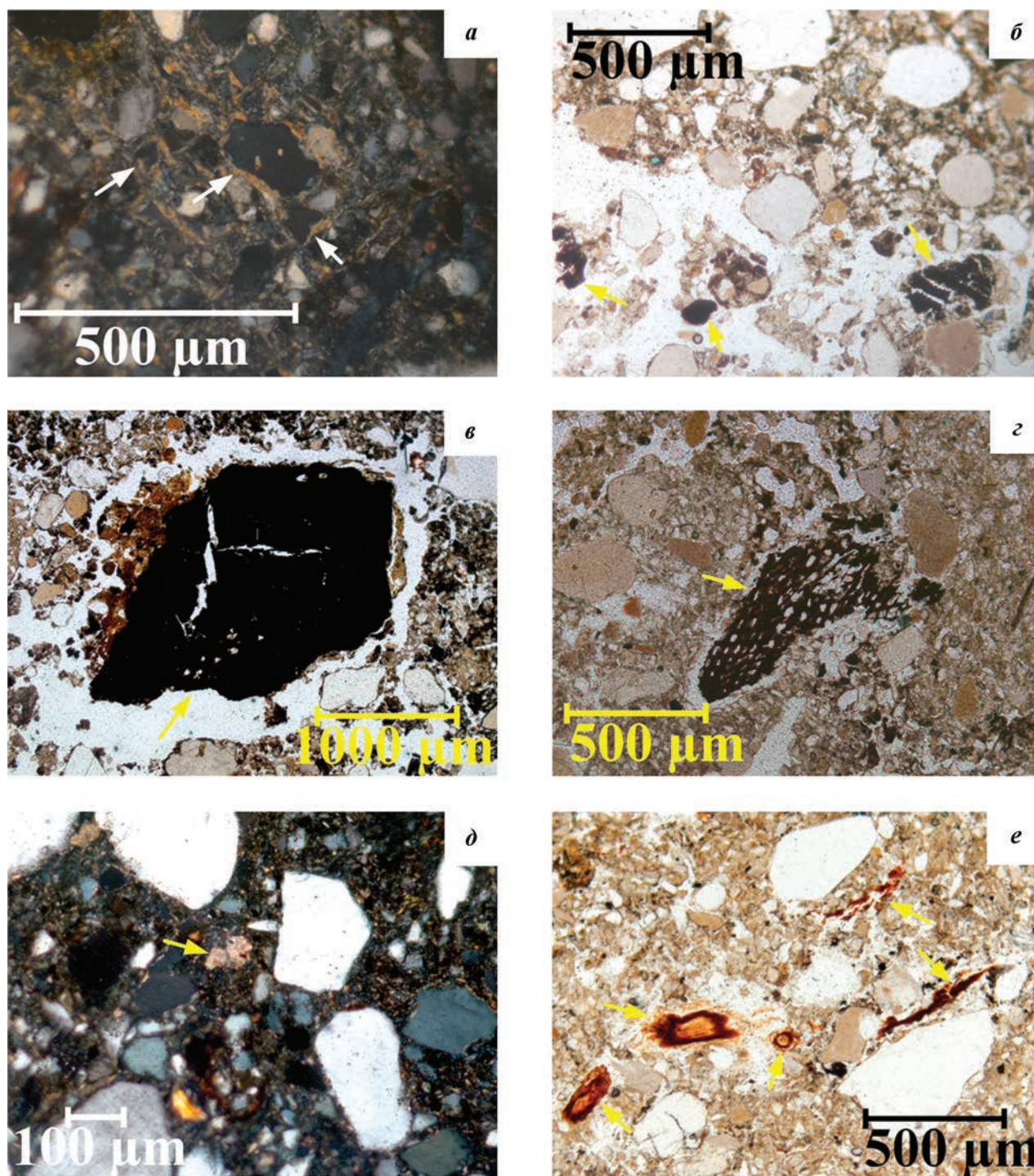

Рис. 20. Микростроение фрагментов полов

a – вокругскелетная ориентировка (стрелки) железисто-глинистого материала, образец 1;
б – мелкие недифференцированные угольки (стрелки) разбросаны в материале, образец 2; *в* – крупный фрагмент недифференцированного угля травянистой растительности (стрелка), образец 4; *г* – сравнительно крупный древесный уголь с сохранившимся клеточным строением (стрелка), образец 6; *д* – единичные осколки карбонатной щебенки (стрелка), образец 2; *е* – ярко-бурые аморфные растительные остатки (стрелки) внутри бурого материала полов и среди крупных зерен кварца, образец 3. Фото *a*, *д* сделаны при введенном анализаторе (XPL); остальные – без анализатора (PPL)

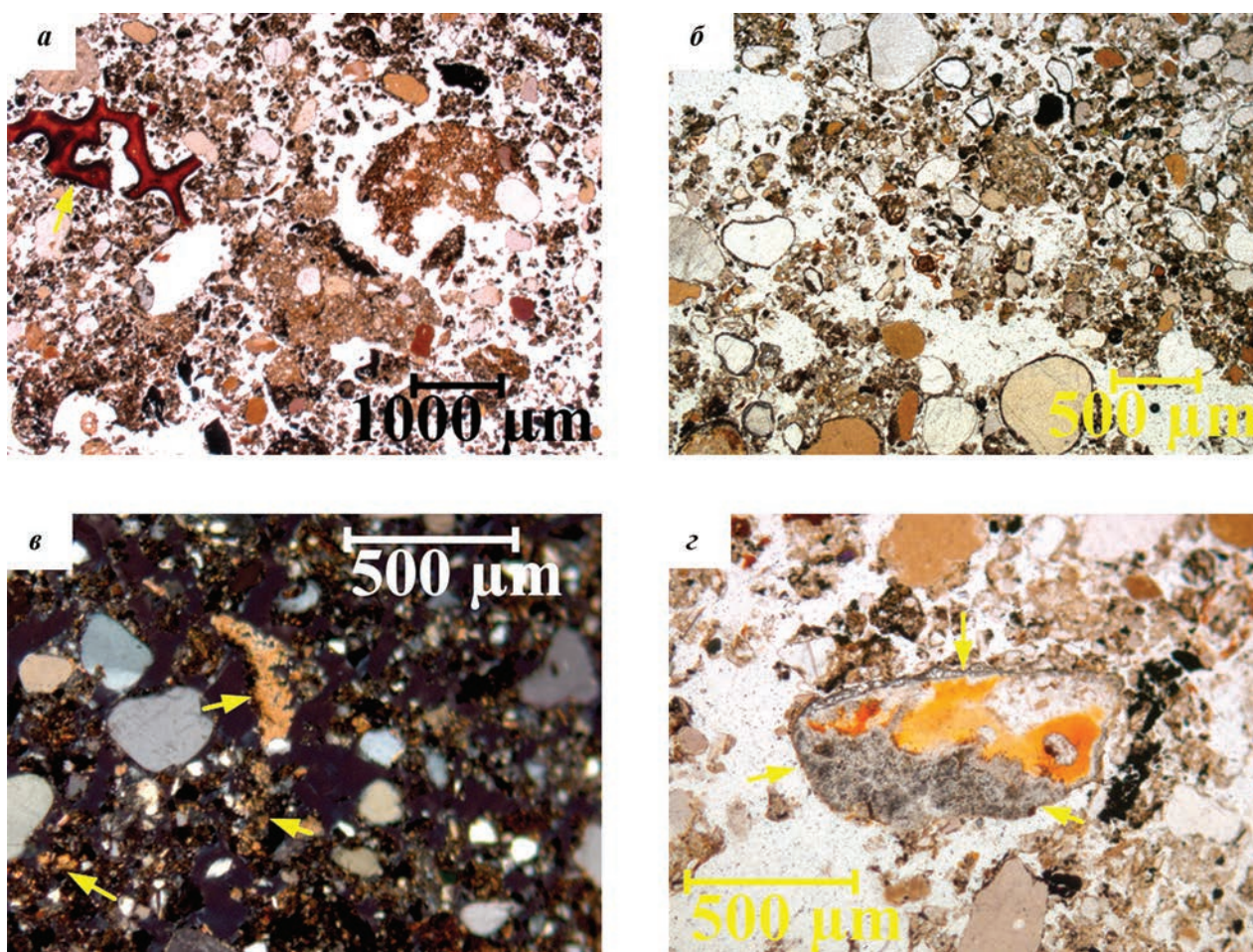

Рис. 21. Микростроение полов жилища

a – обрывок растительного мата (стрелка), образец 5; *b* – угольные черные оболочки вокруг практически всех видимых в шлифе зерен кварца, многие зерна кварца имеют трещины на поверхности, образец 3; *v* – перекристаллизованные карбонатные стяжения (стрелки) среди силикатного материала, образец 5; *z* – железисто-глинистый натек оранжевого цвета на осколке кости (стрелки), образец 6. Фото *a*, *b*, *г* сняты без анализатора (PPL); *v* – с анализатором (XPL)

Отдельно следует сказать о следах воздействия воды. В образце 3 кое-где отмечаем следы перемещения углистой пыли с водой, поскольку вокруг кварцевых зерен видны «траурные» угольные покровы (рис. 21, *b* – практически все зерна кварца с черными оболочками). Кроме того, многие зерна кварца на этом микроучастке и других имеют сеть трещин на поверхности. В тех же микроразонах с кварцевыми зернами с угольной оболочкой отмечены мелкие карбонатные стяжения, возникшие в результате перекристаллизации исходной карбонатной щебенки. Все это говорит о том, что воздействие воды было значительным.

Следы вмывания углистого материала есть и в уплотненном буром материале (рис. 19, *b* – правая часть фото, черные полосы). Согласно стратиграфии, это уровень верхнего сохранившегося

пола постройки (строительный горизонт 3 отсека В1) и культурного слоя под ним. В образце 5 воздействие воды отмечено в виде перекристаллизованных карбонатных стяжений (рис. 21, *v* – стрелки). На этом участке они очень локальные, единичные; возможно, что эти карбонатные стяжения попали из вышележащего слоя. Это уровень среднего пола (строительный горизонт 2 отсека В1), поэтому логично предположить, что масштабное воздействие воды было в период, когда уже насыпали следующий пол. В образце 6 (уровень среднего пола) отмечены осколки костей (рис. 21, *z* – стрелки), но в них уже частично произошло минералообразование – замена костной ткани минералом, а также видны железисто-глинистые натёки оранжевого цвета. Все эти преобразования с костью могли случиться в результате локального воз-

действия воды, механического воздействия, физико-химических реакций, приводящих к замещению органической ткани минералами. Единично в буром материале встречаются сравнительно крупные зерна кальцита, и так же единично кальцит в виде скрытокристаллической массы образует оболочки на кварцевых зернах. Это тоже свидетельствует о воздействии воды. Но не о таком обширном и продолжительном воздействии, которое зафиксировано для образца 3, а о локальном, времени от времени, но много раз.

Таким образом, прослеживаются разные следы воздействия воды: интенсивное (уровень верхнего пола, строительный горизонт 3 отсека Б1) и локальное повторяющееся (уровень среднего пола, строительный горизонт 2 отсека Б1). В первом случае можно предположить тушение пожара, затопление вследствие дождя или таяния снега, пролившиеся на пол в больших количествах воду. Во втором – нечто иное, скорее связанное с хозяйственной деятельностью (может быть, брызги воды периодически попадали на пол). Следует отметить, что участок, с которого отбирались образцы, находился рядом с очагами отсека Б1, и эта часть помещения интенсивно использовалась.

На уровне постройки А, ниже постройки Б и самой ранней на городище, в образце 10 отмечена интересная микрizona, в которой видно, что обуглен именно фрагмент прежде бурого уплотненного материала (рис. 22, а – среди черного проглядывают недогоревшие бурые участки). Опять напрашивается мысль: что-то горело, тушили с помощью воды, часть материала на полу обуглена, часть осталась не тронутой огнем, но в нее вмыто много углистой пыли. В обугленном материале видны перекристаллизованные карбонатные стяжения (рис. 22, б – стрелки), не единичные, практически вся обугленная масса сопровождается окарбоначиванием с признаками перекристаллизации, что также подтверждает воздействие воды. Не в первый раз (см., например, описание образца 3) обращает на себя внимание наличие кварцевых зерен с сетью трещин по поверхности (рис. 22, в). Обычно такой рисунок на кварцевых зернах связывают в ненарушенных почвах с криогенным воздействием (морозобойное растрескивание), но в данном случае, да и в других, со следами тушения огня: крупные зерна могли растрескаться под термическим воздействием. Хотя совсем не исключено, что зерна кварца для добавления в исходный бурый материал горизонта Вt при создании смеси для полов брали из глубоких горизонтов, где в раннем плейстоцене при отложении

осадка эти зерна могли испытать воздействие вечной мерзлоты.

На данный момент трудно сказать, к заполнению какого жилища относится исследованный фрагмент бурого уплотненного материала, то есть пола. По археологическим данным, постройка А в какой-то момент своего существования пострадала от пожара, тонкий углистый слой прослеживался практически на всех ее участках, однако остатки полов в заполнении этой постройки зафиксированы не были. Учитывая, что от заполнения постройки остался лишь придонный слой, нельзя однозначно отрицать существование полов в этом помещении. Менее вероятно, что фрагмент пола попал в заполнение постройки А из верхнего горизонта (в этом случае он должен относиться к нижнему полу постройки Б).

Нивелировочная подсыпка из желтого суглинка, на которой возвели постройку Б, состоит из смеси мельчайших комочков бурого материала, зерен кварца самого разного размера, часть из них с траурными оболочками, единичных угольков сгоревшей травы и угольной пыли, единичных рыжих растительных остатков (рис. 22, г). Никаких крупных растительных остатков – следов выстилки – в ее составе не отмечено.

В шлифе 12, соответствующем заполнению постройки А, отмечен очень интересный углистый прослой, он отличается от всего увиденного ранее (рис. 22, д), так как состоит из сравнительно крупных частиц угольной пыли, неразрывной с еще более крупными угольками от сгоревшей травы. Эти крупные угольки не являются включениями, они – составная часть углистого прослоя. Возможное образование: пол был подготовлен для жилища и мог сезонно зарости травой, сожженной перед «вселением» в жилище, угольки оказались втоптаннными в горизонт Вt. А пол, возможно, застелили другой растительностью, остатки выстилки имеются в буром материале среди разрозненных (растоптанных, разнесенных ногами) угольков от сгоревшей травы (рис. 22, е – стрелка). Кстати, ввиду быстрого сгорания травы при сравнительно низкой температуре его нельзя сравнить с реальным пожаром в жилище, следы которого зафиксированы нами в образцах 3 и 10. В образце 12 практически не обнаружено зерен кварца с сетью трещин на поверхности. Это может быть косвенным подтверждением нашей идеи, что трещины на зернах образовались в результате именно «настоящих» (сравнительно интенсивных) пожаров, а не унаследованы от криогенного воздействия на зерна кварца в плейстоцене.

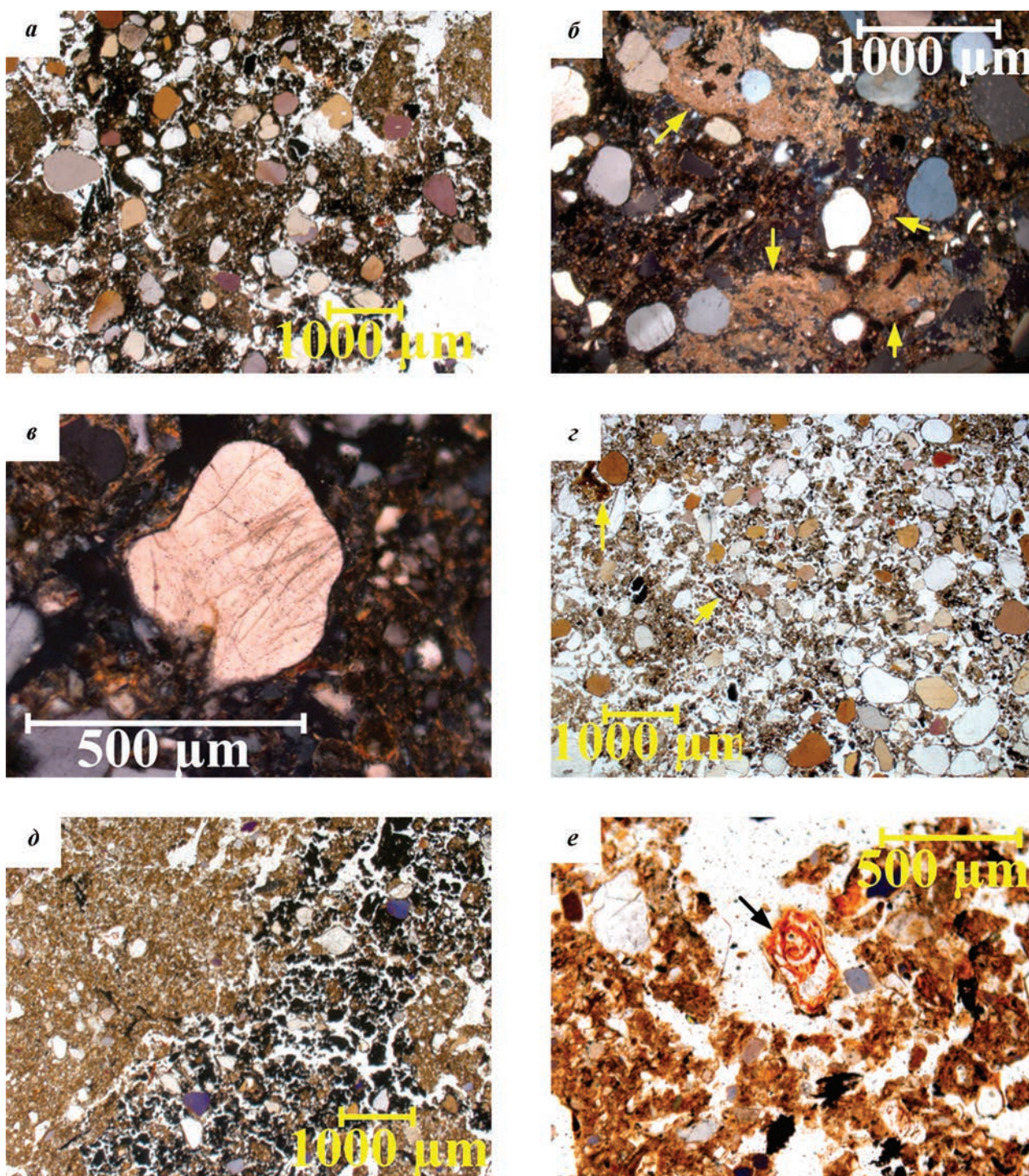

Рис. 22. Микростроение слоев постройки А (*a-z* – образец 10; *д-е* – образец 12)

a – полностью сгоревший фрагмент бурого материала; *б* – микрозоны вторичного окарбонирования, а именно перекристаллизованные карбонатные стяжения (стрелки) среди силикатного материала; *в* – зерно кварца крупно с прекрасно видными трещинами на его поверхности; *г* – смесь из мельчайших комочков бурого материала, зерен кварца самого разного размера, часть из них с траурными оболочками, единичных угольков сгоревшей травы и угольной пыли, единичных рыжих растительных остатков (стрелки); *д* – сравнительно крупные частицы угольной пыли, неразрывной с еще более крупными угольками от сгоревшей травы; *е* – бурый аморфный растительный остаток (стрелка) среди разрозненного бурого материала с включениями сравнительно крупных травянистых угольков. Фото *a*, *г*, *д*, *е* сняты без анализатора (PPL); *б*, *в* – с анализатором (XPL)

Литература

- Гольева А. А., Тавлинцева Е. Ю., Коваль В. Ю., 2018. Исследование жилищ дьяковской культуры Ростиславля Рязанского естественнонаучными методами // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 32–43.
- Дубынин А. Ф., 1970. Городище Кузнечики в Подмоскowie // СА. № 1. С. 152–164.
- Дубынин А. Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 198–281.
- Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.
- Кренке Н. А., 2019. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М. – Смоленск: ИА РАН. 392 с.
- Кренке Н. А., Чаукин С. Н., 2013. Городище дьякова типа Круглица на Москве-реке // РА. № 1. С. 116–118.
- Крис Х. И., Черной И. Л., Данильченко В. П., 1984. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., Наука. С. 130–137.
- Сидоров В. В., 2004. Мутенковское городище // АП. М.: ИА РАН. С. 108–127.
- Тавлинцева Е. Ю., Коваль В. Ю., Гольева А. А., 2020. Древнейшая постройка раннего железного века на городище Ростиславль // АП. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 76–92.
- Энговатова А. В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // АП. М.: ИА РАН. С. 108–127.

E. Yu. Tavlintseva, O. S. Khokhlova, I. L. Maksimenko

Early Iron Age Dwelling Excavated at Rostislavl Hillfort

Summary

An early Iron Age house (dwelling B) dating back to the last third-quarter of the 1st millennium B.C. was excavated at Rostislavl hillfort between 1998 and 2006. It was a kind of a “long house” separated into at least 5–6 individual compartments built in pairs. The rooms were equipped with hearths located along the central axis of the dwelling. They were always built far from an entrance and closer to a warm wall separating every pair of compartments. All compartments contained several layers of clay floors, each of them having its own hearth. The floor was usually made of a light-colored clay which was obviously chosen on

purpose, the fact that speaks of certain requirements for the interior design. Micromorphological analysis carried out for the samples taken from the dwelling B shows that the material from which the floors were made was a rough mixture of clay, plant residues, fragments of carbonate chips and coal dust. In case of reconstruction not only new walls were built, but the whole interior was changed: a new floor was made and a new hearth was built, usually over former ones. Thus, the new horizon completely repeated the previous one in its structure. Judging by the stratigraphy of building B, this could have happened 4 or more times.

List of figures

Fig. 1. General plan of dwelling B (for legend see fig. 3)

Fig. 2. Northern stratigraphic cut of the excavations in 2001 (area Г)

Fig. 3. Dwelling B. General plan of the northern compartments (compartments Б1 and Б2)

A – grooves of the walls; Б – floor remains; В – hearths; Г – medieval pits and zones of destroyed cultural layers; Д – stratigraphic cuts; Е – place where the samples for micromorphological analysis were got; Ж – pole pits of dwelling B walls

Fig. 4. Dwelling B. General plan of the northern compartments (compartments Б1 and Б2). Horizon 1 (for legend see fig. 3)

Fig. 5. Dwelling B. General plan of the northern compartments (compartments Б1 and Б2). Horizon 2 (for legend see fig. 3)

Fig. 6. Dwelling B. General plan of the northern compartments (compartments Б1 and Б2). Horizon 3 (for legend see fig. 3)

Fig. 7. Eastern stratigraphic cut of the excavations in 2015 (area T)

1 – horizon 3; 2 – horizon 2; 3 – horizon 1; 4 – leveling bed; 5 – dwelling A cultural layer

Fig. 8. Northern stratigraphic cut of the excavations in 2014 (area C, sq. 114)

1 – horizon 2; 2 – horizon 3

Fig. 9. Western stratigraphic cut of the excavations in 2012 (area II)

1 – hearth 2r level; 2 – hearth 2б level

Fig. 10. Dwelling B. General plan of the central compartments (compartments Б3 and Б4) (for legend see fig. 3)

Fig. 11. Southeast corner of compartment Б3 at the mainland surface level. View from the south

Fig. 12. Compartment Б3. Horizon 1 (for legend see fig. 3)

Fig. 13. Compartment Б3. Hearth 3a. View from the west

Fig. 14. Compartment Б3. Horizon 2 (for legend see fig. 3)

Fig. 15. Compartment Б3. Hearth 3б and its clay floor 2. View from the southeast

Fig. 16. Compartment Б3. Horizon 3 (for legend see fig. 3)

Fig. 17. Compartment Б3. Horizon 4 (for legend see fig. 3)

Fig. 18. Compartment Б4. Horizon 2 (for legend see fig. 3)

Fig. 19. The microstructure of floor fragments

a – inclusions of compacted brown material with embedded plant residues, sample 2; *б* – preserved fragments of the undisturbed structure of the Bt horizon with ferruginous-clay coatings, sample 3; *в* – fragments of the Bt horizon with undisturbed ferruginous-clay coatings among quartz grains, sample 6; *г* – a fragment (lump) of brown material compacted and roughly mixed with quartz grains; quartz grains are arranged in a circle or arc, sample 10; *д* – quartz grains mixed in the brown material of the Bt horizon, sample 9. Arrows in photo а–в in all cases point to ferruginous-clay coatings or spots, arrows in photo г point to quartz grains forming a kind of circle. Photos а–д were taken without an analyzer (PPL)

Fig. 20. The microstructure of floor fragments

a – granostriated b-fabric of ferruginous-clay material, sample 1; *б* – small undifferentiated coals (arrows) are scattered in the material, sample 2; *в* – a large fragment of undifferentiated coal of herbaceous vegetation (arrow), sample 4; *г* – comparatively large charcoal with preserved cellular structure (arrow), sample 6; *д* – single fragments of carbonate chips (arrow), sample 2; *е* – bright brown amorphous plant residues (arrows) inside the brown floor material and among large quartz grains, sample 3. Photos а, д were taken with the analyzer (XPL); б, в, г, е – without the analyzer (PPL)

Fig. 21. The microstructure of floors in living spaces

a – a piece of plant mat (arrow), sample 5; *б* – black coal coatings around almost all quartz grains visible in the thin section, many quartz grains have cracks on the surface, sample 3; *в* – recrystallized carbonate accumulations (arrows) among silicate material, sample 5; *г* – the ferruginous-clay spots orange-colored on a bone fragment (arrows), sample 6. Photos а, б, г were taken without an analyzer (PPL); в – with an analyzer (XPL)

Fig. 22. The microstructure of dwelling B layers

a – completely burnt fragment of brown material, sample 10; *б* – microzones of secondary carbonate accumulation, namely, recrystallized carbonate concretions (arrows) among the silicate material, sample 10; *в* – a quartz grain under large magnification with perfectly visible cracks on its surface, sample 10; *г* – a mixture of the smallest lumps of brown material, quartz grains of various sizes, some of them with coal coatings, single coals of burnt grass and coal dust, single reddish-brown plant remains (arrows), sample 10; *д* – relatively large particles of coal dust, which is inseparable from even larger coals from burnt grass, sample 12; *е* – reddish-brown amorphous plant residue (arrow) among scattered brown material with inclusions of relatively large coals from herbaceous vegetation, sample 12. Photos а, г, д, е were taken without an analyzer (PPL); б, в – with an analyzer (XPL)

Т. Н. Новоселова, В. И. Вишневский
СПГИХМЗ, г. Сергиев Посад (Московская обл.)

Селище Ваулино – новый памятник раннего железного века на реке Дубне

Селище Ваулино в северной части Сергиево-Посадского р-на Московской обл. открыто экспедицией Сергиево-Посадского музея-заповедника в 2018 г. на основании информации рыбаков, принесших в музей фрагмент сетчатой керамики из отвала лисьей норы на берегу р. Дубны.

По списку археологических памятников Московской области Р. Л. Розенфельдта и А. А. Юшко на этом участке течения Дубны, в 3 км к востоку, числился памятник дьяковской культуры Дубровское городище: «На мысу левого берега р. Дубна, при впадении в нее реки Куньи, по сведениям В. А. Городцова, имеется городище. Судя по схематическому плану, площадка ее треугольной формы, с ЮЗ стороны (напольной) два вала на значительном расстоянии друг от друга. Во внутреннем валу в центре его прорыв. Время поселения не определено» (справка составлена по отчету В. А. Городцова. Результаты раскопок в 1921 г. ОПИ ГИМ. Ф. 134.) (Розенфельдт, Юшко, 1973. С. 27). После осмотра нами еще в начале 1980-х годов мыса коренного берега Дубны при впадении Куньи, то есть на мысу, по высоте и площади сопоставимом с размерами памятников раннего железного века, обнаружен карьер (рис. 1, 1). Дубровское городище, вероятно, уничтожено в конце 1960-х годов в процессе строительства Загорской ГАЭС.

Обнаруженное новое селище располагается в местности, определенной по карте Генерального межевания XIX в. как земли «д. Становищи с пустошьми» (рис. 2) (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 3/39. Александровский уезд. № 306), согласно карте, тогда (как и в настоящее время) занятой лесом (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. ВХ. 177. Карта Генерального межевания. Описание смежных уездов Московской губернии: Богородский, Дмитровский, Тверской губернии: Калязинский, Владимирской губернии: Александровский, Переславль-За-

лесский, Киржачский). Но, судя по карте Сергиевского уезда 1925 г., этот участок тогда был свободен от леса.

Селище Ваулино расположено на мысу левого берега р. Дубны (правый приток Волги) в 1,8 км к юго-западу от д. Ваулино, в 1,85 км к юго-востоку от д. Большие Дубравы Селковского сельского поселения Сергиево-Посадского района, в 1,95 км к северо-северо-востоку от д. Федоровское городского поселения Богородское Сергиево-Посадского р-на Московской обл. (рис. 1, 2; 3; 4). Мыс, отделенный от террасы коренного берега, находится: северный край – в 76 м к югу от русла р. Дубны, западный край – в 80 м от русла р. Дубны и в 320 м к западу-северо-западу от устья ее левого притока – небольшого ручья Нарка. Площадка селища подтреугольной формы, вытянута с юго-запада на северо-восток, на высоте 14 м от уровня воды в р. Дубне, 142 м от Балтики (определено навигатором ГлоНАСС-GPS), размерами 31×22 м (юго-запад – северо-восток – 31 м, юго-восток – северо-запад – 22 м), площадью 535 кв. м. Склоны крутые: с севера – на 10 м горизонтали 10 м па-

Рис. 1. Фрагмент карты генерального штаба 1964 г.
1 – место Дубровского городища; 2 – селище Ваулино

Рис. 2. Фрагмент карты Генерального межевания. Место слияния Дубны и Нарки

Рис. 3. Селище Ваулино. Вид с северо-запада

дения, с запада – на 10 м горизонтали 13 м падения, с востока – на 10 м горизонтали 10 м падения, с юга – на 10 м горизонтали 7,5 м падения. Площадка и склоны поросли лесом. С юго-восточной стороны имеется относительно пологий, свободный от леса вход на площадку (на 10 м горизонтали – 5,5 м падения). С юго-западной стороны вы-

дается узкий (3 м) пологий (4 м падения на 10 м горизонтали) гребень-спуск, загибающийся к западу на 30 м. Следов рвов и валов не выявлено (рис. 5).

На площадке было вскрыто 20 кв. м (пять шурфов размерами 2×2 м – один в центре и четыре по краям; рис. 5). Культурный слой селища мощностью 20–40 см – темно-коричневая рыхлая супесь

Рис. 4. Селище Ваулино. Вид с северо-северо-запада

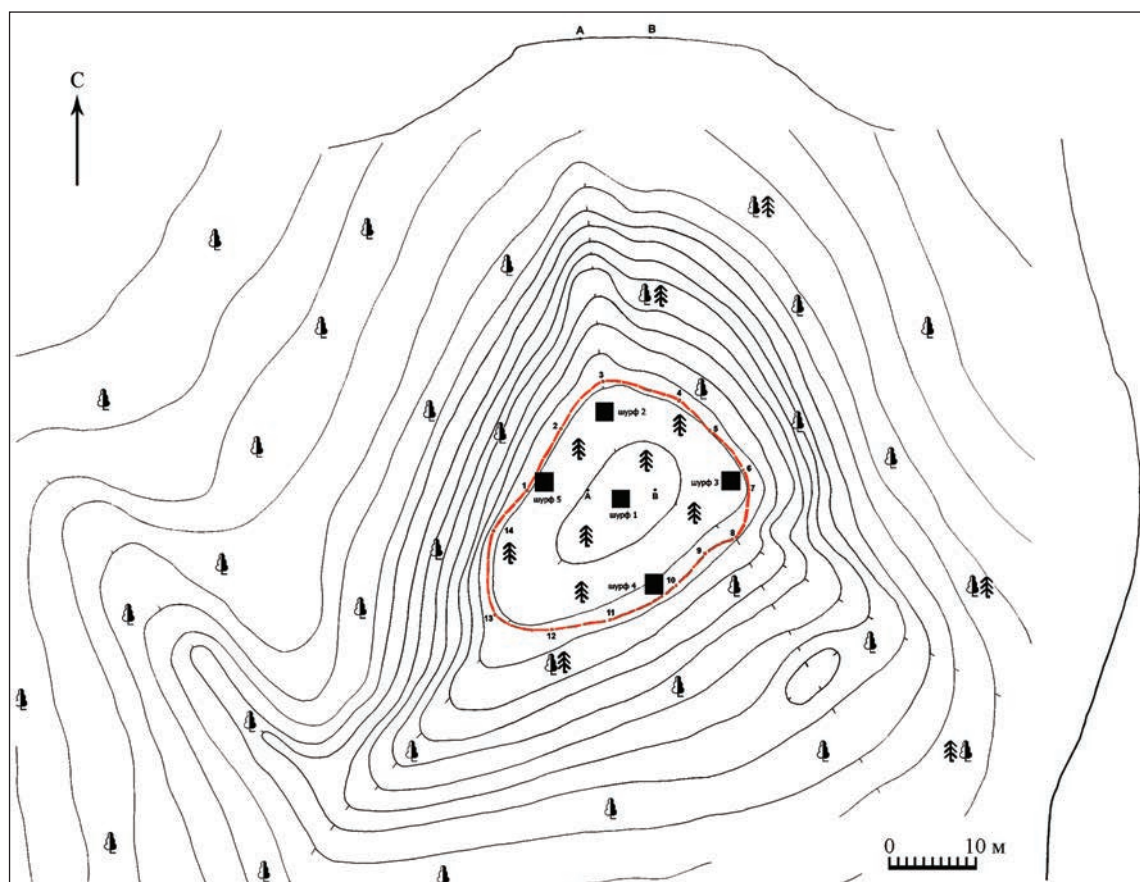

Рис. 5. Селище Ваулино. План

Рис. 6. Селище Ваулино.
Фрагменты фатьяновской керамики

с примесью светло-коричневой супеси и мелко- и крупного гравия. Встречаются отдельные камни размером до 10 см и немногочисленные обломки сетчатой керамики. В шурфах 1 и 3 зафиксированы ямы глубиной до 80 см, причем в шурфе 1 яма, скорее всего, являлась следами пня, а яма в шурфе 3 имела заполнение из более темной супеси, включавшей обломки керамики, железные серп и шило.

Небольшие скопления фрагментов керамики отмечены в шурфах 2 и 4.

Почти вся керамика с сетчатой поверхностью. Два обломка с гладкой поверхностью и прочерченным орнаментом «двойной зигзаг» принадлежали, скорее всего, венчику фатьяновского сосуда (рис. 6).

Среди 486 обломков 6 со штрихованной поверхностью, на 7 фрагментах с сетчатой внешней поверхностью штриховка отмечена на внутренней стороне, 18 обломков имеют гладкую поверхность, 7 при этом с гребенчатым орнаментом, но, может

быть, лишь 2 или 3 из них имеют действительно заглаженную поверхность и более тонкий черепок. Керамика с гребенчатым орнаментом, но с гладкой поверхностью (подобная отмечена на окских городищах – Старшем Каширском и Мутенковском, а также на Саввино-Сторожевском) может относиться уже к позднему бронзовому веку (Лопатина, 2009. С. 417–430).

Всего орнаментировано 35 стенок (из 377) и 23 венчика (из 47). Таким образом, из 57 орнаментированных обломков 47 – с гребенчатым орнаментом (81%), 10 – с ямочным (табл. 1). Большинство черепков окатано, 20 фрагментов обожжены, некоторые довольно сильно, до состояния пемзы.

Сетка отмечена разных видов – «рябчатые» (ячеистые) отпечатки, в том числе сопоставимые с отпечатками еловой шишки (рис. 7, 4, 6–12), и немногочисленные (около 10 экз.) «нитчатые» (рис. 8, 4). Встречаются черепки с двусторонней сеткой, сеткой на внутренней стороне днищ сосудов.

Можно выделить следующие группы керамики.

1. Фатьяновская – с прочерченным орнаментом-зигзагом по венчику. III тыс. до н. э. (рис. 6).

2. Ранняя дьяковская (преддьяковская) (рис. 8; 9) – профилированные сетчатые горшки с гребенчатым орнаментом по краю, аналогичные слою погребенной почвы Дьякова городища (Кренке, 2011. С. 471. Рис. 173), селища Чертов Городок (Кренке, 2011. С. 534. Рис. 237; 1995. С. 175–176), городищ Дунинского (Кренке, 2019. С. 293. Рис. 124), Щербинского (Розенфельдт, 1974. С. 115. Рис. 10, 3; С. 154. Рис. 34, 5–7), Селецкого, Отмичи (Исланова, 2008. С. 164. Рис. 121, 1–4). Датируется IX–VIII вв. до н. э. (Кренке, 2011. С. 110).

3. Дьяковская развитая – профилированные сетчатые горшки с редкими ямками и розетками

Таблица 1. Керамика из раскопок селища Ваулино в 2019 г.

Шурфы	Фрагменты керамики (шт.)										
	Стенки	Орнамент		Штрихованная	Венчики	Орнамент		Донна	Штрихов	Всего с орнаментом (12%)	Итого
		гребенчатый	ямочный			гребенчатый	ямочный				
1	40	1	1	1	2	1	1	–	–	5	42
2	73	–	1	–	14	–	7	6	1	8	93
3	154	12	–	2	13	6	–	18	2	18	185
4	125	20	–	–	18	7	1	6	–	28	149
5	17	–	–	–	–	–	–	–	1	–	17
Итого	409	33	2	3	47	14	9	30	3	57	486

Рис. 7. Селище Ваулино. Фрагменты раннедьяковской керамики

Рис. 8. Селище Ваулино. Фрагменты предьяковской керамики с гребенчатым орнаментом

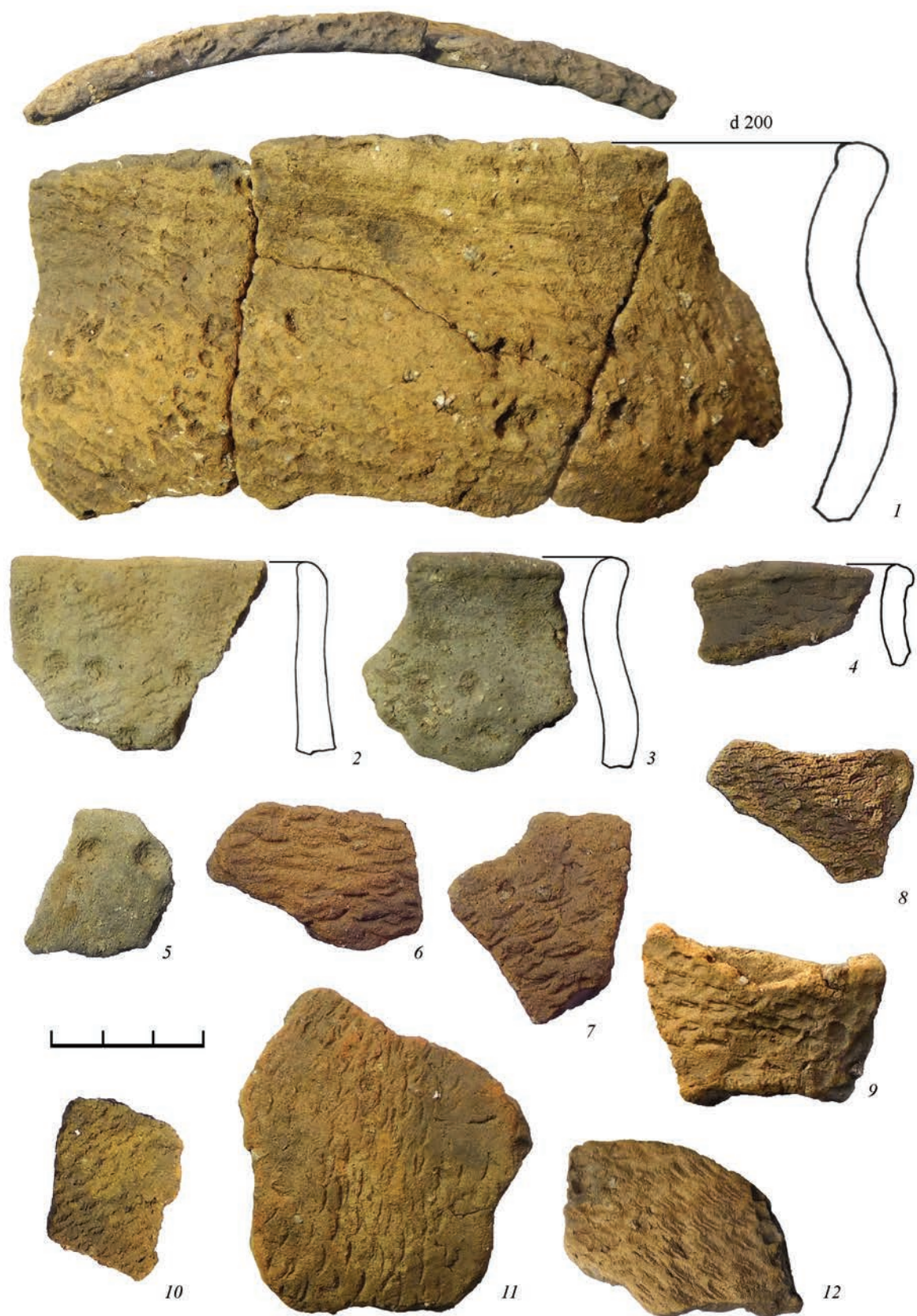

Рис. 9. Селище Ваулино. Фрагменты предьяковской керамики с гребенчатым орнаментом

Рис. 10. Селище Ваулино. Шурф 3. Железные предметы

1 – серп; 2 – шило

по краю (рис. 7). Эта керамика, аналогичная нижнему слою Дьякова городища, может быть датирована второй половиной I тысячелетия до н.э. (по мнению Н. А. Кренке, периодом до II в. до н.э.) (Кренке, 2011. С. 143).

4. Два фрагмента белоглиняной миски с зеленой поливой XVIII в. найдены в пластах 1 и 2 шурфа 4, что указывает на посещение этого мыса в Новое время.

В шурфе 3 в яме (пласт 6) найден небольшой (длина 20 см) железный серп и железное четырехгранное шило (рис. 10). Серп принадлежит типу 2 по К. А. Смирнову (1974. С. 82. Табл. III, 10), типу VI по Ю. А. Краснову (1971. С. 75), группе I типа В по Р. С. Минасяну (1979. С. 74–85) – с черешком, поставленным под небольшим углом к лезвию. Найдены на городищах Пекуновское (Бадер, 1950. С. 124), Дьяков Лоб (Смирнов, 1973. С. 106), Лесничино (Смирнов, 1971б. Л. 25), Савики (Смирнов, 1986. С. 89). Тип этот датируется серединой и второй половиной I тысячелетия

н.э. (Краснов, 1966. С. 22, 23). К. А. Смирнов справедливо отнес начало его бытования к рубежу эр (Смирнов, 1971а. С. 174).

Ваулинский серп имеет совсем небольшой угол черешка к полосе лезвия, а сам черешок прямой ровный сплюснутый, имеет следы сварки при соединении с лезвием. Датировка его остается открытой, принимая, однако, во внимание, что серпы появляются на ранее середины I тысячелетия до н.э.

Таким образом, Ваулинское селище – памятник раннего этапа дьяковской культуры. Предварительно оно датировано первой половиной I тысячелетия до н.э. – рубежом эр. По размерам и мощности культурного слоя селище Ваулино сопоставимо с поселениями-спутниками в окрестностях Дьякова городища. Памятник вряд ли являлся стационарным поселком, в пользу чего говорит отсутствие очагов, костей животных, углей, обмазки. Вероятно, это стоянка рыболовов или пастухов (место для дневной дойки скота?) (Кренке, 2011. С. 198) обитателей Дубровского городища.

Литература

Бадер О. Н., 1950. Древние городища на Верхней Волге // МИА. № 13. С. 90–132.

Дубынин А. Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 198–281.

Исланова И. В., 2008. Городище Отмичи. М.: ИА РАН. 283 с.

Краснов Ю. А., Краснов Н. А., 1963. Обследование памятников дьяковской культуры в бассейне Москва-реки // СА. № 1. С. 204–218.

Краснов Ю. А., 1966. Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР // КСИА. Вып. 107. С. 17–27.

Краснов Ю. А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. (МИА. № 174). 168 с.

Кренке Н. А., 1988. Периодизация дьяковских памятников Москва-реки // КСИА. Вып. 194. С. 44–48.

Кренке Н. А. 1995. «Чертов городок» селище железного века в окрестностях села Коломенского // РА. № 3. С. 165–178.

Кренке Н. А., 2019. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья. М. – Смоленск: Свиток. 392 с.

Лопатина О. А., 2009. Древнейшая керамика Каширских городищ // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 417–432.

Минасян Р. С., 1979. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 19. Л.: ГЭ. С. 74–85.

Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А., 1973. Список археологических памятников Московской области. М.: Б.и. 265 с.

Розенфельдт И.Г., 1974. Керамика Щербинского городища // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 90–189.

Смирнов К.А., 1971а. Железные изделия Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоско-

вье. (МИА. № 156). С. 170–178.

Смирнов К.А., 1971б. Отчет о раскопках на городище Лесничино 1971 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4415.

Смирнов К.А., 1973. Городище Дьяков Лоб // КСИА. Вып. 133. С. 103–107.

Смирнов К.А., 1986. Раскопки городища у д. Савики // КСИА. Вып. 186. С. 88–90.

T. N. Novoselova, V. I. Vishnevsky

The village of Vaulino – a new monument of the early iron age on the Dubna river

Summary

In 2019, an expedition of the Sergiev Posad Museum explored a new monument of early Dyakovo culture in the Northern part of the Sergiev Posad district of the Moscow region on the Dubna river. Vaulino village – a monument to the early stage of the Dyakovo culture. The cultural layer contains the “net” ceramics of BC size and layer thickness the village of

Vaulino comparable to the settlements in the vicinity of Dyakovo settlement. The monument is unlikely to have been a permanent settlement (no hearths, animal bones, coals, or daub) – most likely, it is a fishing or shepherds’ camp. It can be pre – dated to the period – the first half of the I Millennium BC – the turn of the ad.

List of figures

Fig. 1. Fragment of a map of the General Staff of 1964

1 – the place of the Dubrovsky hillfort; 2 – village of Vaulino

Fig. 2 Fragment of a general survey map. The confluence of Dubna and Narka

Fig. 3. The village of Vaulino. View from the northwest

Fig. 4. The village of Vaulino. View from the north-north-west

Fig. 5. The village of Vaulino. Plan and profiles

Fig. 6. The village of Vaulino. Fragments of Fatyanovo pottery

Fig. 7. The village of Vaulino. Fragments of “pre-Dyakovo” pottery with comb-like patterns

Fig. 8. The village of Vaulino. Fragments of “pre-Dyakovo” pottery with comb-like patterns

Fig. 9. The village of Vaulino. Fragments of “pre-Dyakovo” pottery with comb-like patterns

Fig. 10. The village of Vaulino. Prospect trench 3. Iron items

1 – sickle; 2 – awl

Т. Н. Новоселова, В. И. Вишнеvский
СПГИХМЗ, г. Сергиев Посад

Погребальное сооружение – «домик мертвых» Ратьковского финно-угорского могильника VI–VII веков (по материалам раскопок в 2018–2019 годах)

В 2018–2019 гг. экспедиция Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника открыла и исследовала погребальное сооружение на Ратьковском могильнике позднедьяковской культуры, расположенном на мысу при впадении р. Рассоловки (Куньемы) в р. Дубну у д. Ратьково Александровского р-на Владимирской обл.

Памятник открыт в 1996 г. В.И. Вишнеvским и исследуется с 1999 г. (*Вишнеvский, 2002; Вишнеvский, Кирьянова, Добровольская, 2007; Вишнеvский, Новоселова, 2010; Новоселова, Вишнеvский, 2015, 2016, 2017, 2019; Новоселова, Вишнеvский, Гольева, 2018*). На сегодняшний день исследована площадь 968 кв. м и найдено 1673 предмета. Ровная площадка мыса площадью около 1000 кв. м распахана в Средневековье (*Новоселова, Вишнеvский, Гольева, 2018. С. 61*). Культурный слой представляет собой рыхлую темно-коричневую супесь мощностью 0,3–0,5 м и содержит остатки погребений (измельченные обожженные кремированные кости людей), погребальные инвентарь, фрагменты керамики и зерна.

Памятник расположен на мысу стрелки рек, отделенном с трех сторон реками и оврагом, но не является городищем. Это могильник. Как показала траншея на южном склоне мыса, от коренного берега его отделяет не искусственный ров, а небольшой овраг (*Новоселова, Вишнеvский, 2015*). В разрезе не выявлено следов культурного слоя, сползших по склону, и остатков каких-либо сооружений. Анализ почвы показал, что мы имеем дело с пахотным горизонтом, содержание фосфора в нем меньше нормы культурных слоев поселений (*Новоселова, Вишнеvский, Гольева, 2018. С. 61*).

Мыс имеет две черты, делающие его негодным к устройству укрепленного поселения: изрезанные очертания и неровную (покатую) поверхность. Таким образом, на средней по размеру для дьяков-

ских городищ площадке (2400 кв. м) ровный участок составляет меньше половины ее территории (около 1000 кв. м). Это, на наш взгляд, объясняет, почему могильник сохранился. Если могильники устраивали на мысах, пригодных для устройства поселения, то в последующие века после запустения могильник уничтожался в процессе строительства нового поселения. Памятнику на мысу в устье Куньемы в этом отношении повезло.

Топография могильника имела гнездовую структуру: участки, заполненные погребальными комплексами, отделены друг от друга пространствами, практически не содержащими вещей, а лишь единичные обугленные зерна и фрагменты кремированных костей. Учитывая, что находки инвентаря и остатки погребений находятся главным образом на глубине 0,1–0,3 м, мы склонны считать, что захоронения совершались в наземных сооружениях. Так, в раскопе 2015 г. при зачистке 3-го пласта выривывалось углистое пятно неправильной подпрямоугольной формы (2×3 м), сопоставимое с небольшой постройкой («домиком мертвых»). Этот слой прослеживался на глубину 0,3 м и материка не достигал. Здесь зафиксировано 40 находок (в т.ч. развалы двух горшков), 690 фрагментов костей (комплекс № 29) (*Новоселова, Вишнеvский, 2015*).

В 2018–2019 гг. вскрыто 114 кв. м в юго-восточной части могильника, на самом южном краю мыса (рис. 1), у «входа» на кладбище, за оврагом, где найдены остатки сооружения, не уничтоженные поздней распашкой и сохранившиеся благодаря обугленности и расположению во впадине. В 2018 г. на глубине 0,4–0,6 м (в кв. Я–20–21, Яя–19–21, частично в кв. Ю–20 и Яя–18) расчищены остатки небольшого обугленного сруба (2,8×1,7 м) из бревен диаметром от 14 до 20 см, лежавших на материке, в одном месте фиксировалось соеди-

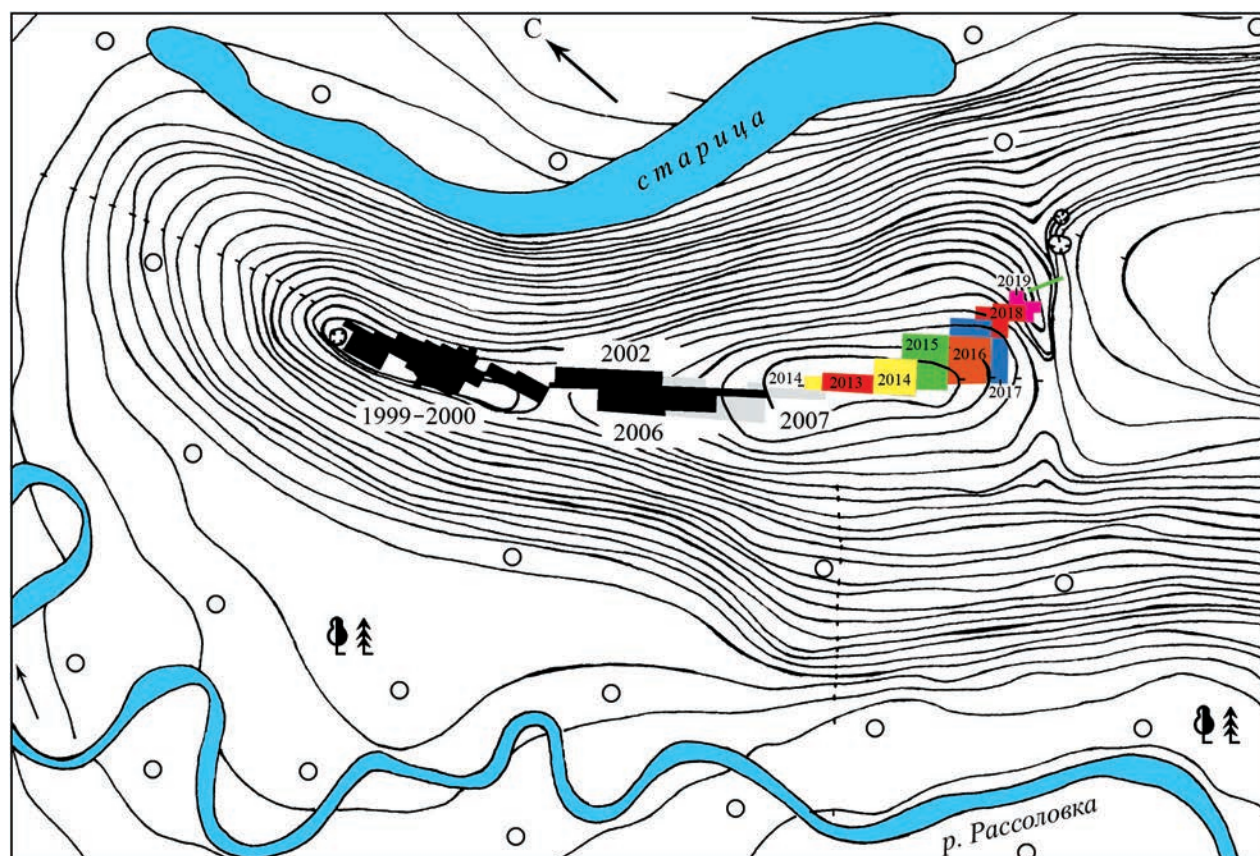

Рис. 1. Ратьковский могильник. План раскопов

нение «в чашу» (рис. 2). Рядом со срубом, частично и под ним, выявлена яма № 5 размером 2,6×2,4 м, глубиной 0,6 м (рис. 2, X–Y). На дне ее обнаружены развал лепного красноглиняного сосуда *in situ* (рис. 3, а; 4, 1), около 40 фрагментов кремированных костей и шесть обугленных зерен. Еще два сосуда также находились *in situ*: один – в восточном углу конструкции (рис. 2, b; 4, 2), другой – в 0,5 м к северу от нее (рис. 2, c; 4, 3).

В ходе реконструкции восстановлены формы четырех сосудов (рис. 4). Небольшой горшочек с почти сферическим туловом и отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 3) имеет тонкие стенки, поверхность заглажена и подлощена (диаметр 12,5 см, высота – 10,5 см). Такой тип сосудов распространен на дьяковских городищах (Кренке, 2011. С. 502. Рис. 204; С. 511. Рис. 213; С. 514. Рис. 216).

Два других горшка из керамики с примесью крупного песка и дресвы, с хрупким черепком, плохого обжига, с бугристой, трещиноватой поверхностью (рис. 4, 1, 2) (диаметры – 19 и 20 см, высота – 20 и 22 см), со сфероконическим туловом, высоким уровнем расположения места наибольшего расширения и слабопрофилированной

придонной частью, имеют в верхней части выделенное плечико, переходящее в прямой невысокий венчик с чуть отогнутым краем. Горшки имеют высокую степень сходства с сосудом из «домика мертвых» с Саввино-Сторожевского городища (Кренке, 2016. С. 328. Рис. 43). Форма ближе всего к серии 3 керамики рязано-окских могильников (Румянцева, 2007. С. 247, 258. Рис. 4, 1–2).

В 4 м от обугленной срубной постройки найдены фрагменты крупной миски, заметно сужающейся к днищу (рис. 4, 4). При переходе стенок к днищу – небольшой уступ. В верхней части сосуда – выделенное плечико, переходящее в чуть отогнутый наружу венчик. Диаметр венчика (33 см) вдвое превышает высоту сосуда (15 см) и втрое – диаметр дна (10 см). Поверхность заглажена и подлощена.

Подобные миски немногочисленны среди инвентаря рязано-окских могильников (Румянцева, 2007. С. 247, 258. Рис. 4, 1–2), в большинстве случаев они найдены разбитыми в засыпке погребений. По мнению исследователей, лощеные миски характерны и для дьяковской культуры (Румянцева, 2007. С. 254; Белоцерковская, 2000. С. 106). Подобная посуда есть среди находок

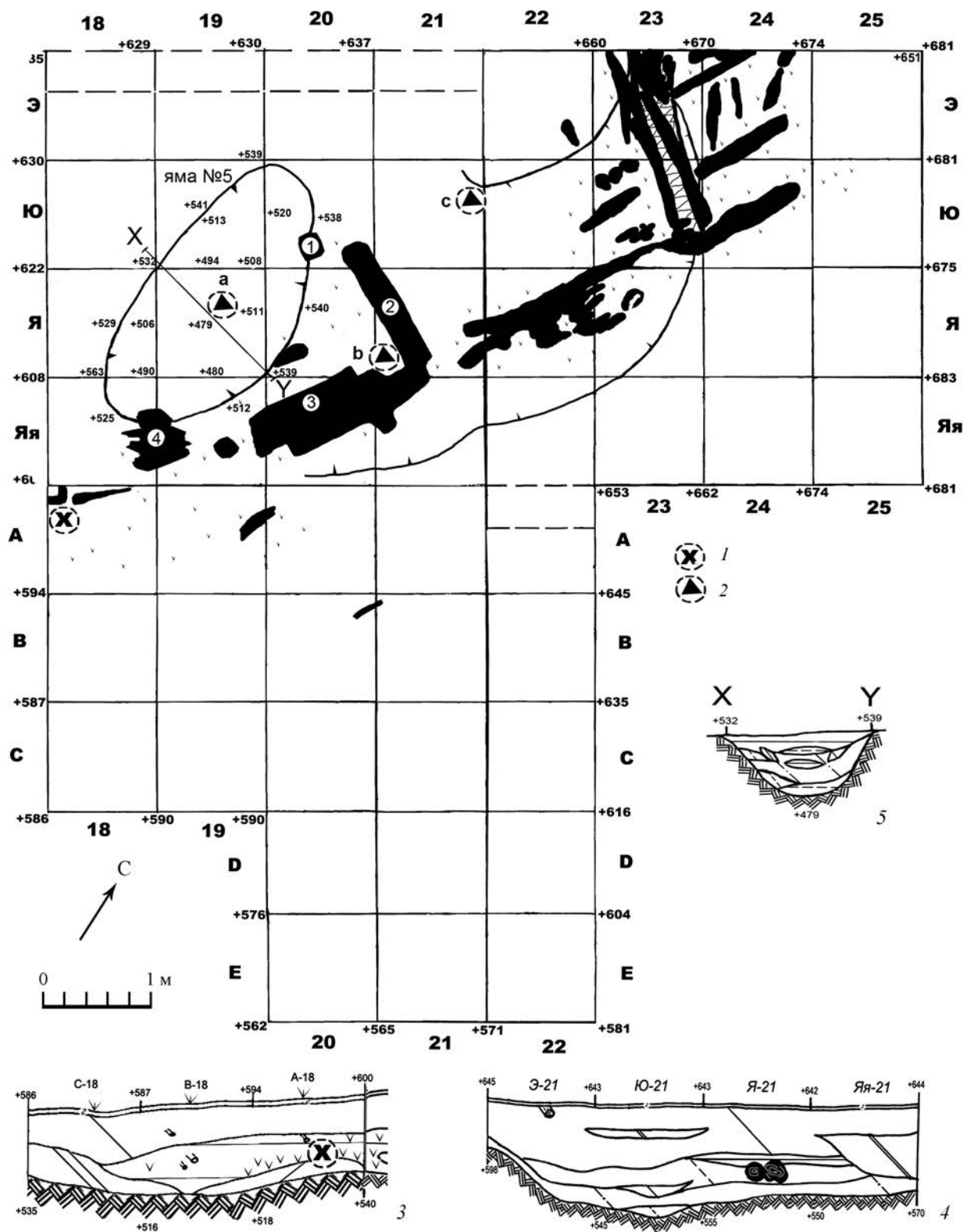

Рис. 2. Ратковский могильник. План раскопов 2018 и 2019 гг. с остатками погребального сооружения
 1 – скопление бронзовых находок; 2 – развал сосуда; 3 – западный профиль; 4 – восточный профиль; 5 – профиль ямы № 5

Рис. 3. Ратьковский могильник. Обугленные остатки погребального сооружения

1 – раскоп 2018 г.; 2 – раскоп 2019 г.

на позднедьяковских городищах – Дьяково (*Кренке*, 2011. С. 509. Рис. 211, 142), Отмичи (*Исланова*, 2008. С. 35. Рис. 106, E; 151), Кикинское (*Вишневецкий*, 2007. С. 86. Рис. 2, 3, 4). Миски с отогнутым краем и туловом, резко сужающимся ко дну, отмечены (скорее как исключение) в материалах муромского Безводнинского (*Краснов*, 1980. С. 217. Рис. 54, 1), мерянского Сарского (*Леонтьев*, 1996. С. 181. Рис. 77, 4, С. 183) могильников, а также курганных могильников Верхнего Поволжья – Плещково-1 (*Комаров*, 2002. С. 188. Рис. 11, 19) и Киучер (*Комаров*, 1989. С. 38. Рис. 4).

В 2019 г. с восточной и южной сторон к раскопу 2018 г. сделали прирезки (линии кв. 21–25 и кв. А–Е). С восточной стороны на площади 6 кв. м обнаружено скопление обугленных бревен диаметром 15–20 см, общим протяжением по линии север – юг около 7 м (рис. 2; 3). Они располагались по краю склона с общим перепадом высот около 0,8 м. Можно выделить два отдельных сруба размерами 2,6×2,4 м и 2,4×3,6 м (рис. 2). В двух местах выявлены соединения «в чашу». Срубы были врезаны материк на глубину от 30 до 50 см, столбовых ям не обнаружено.

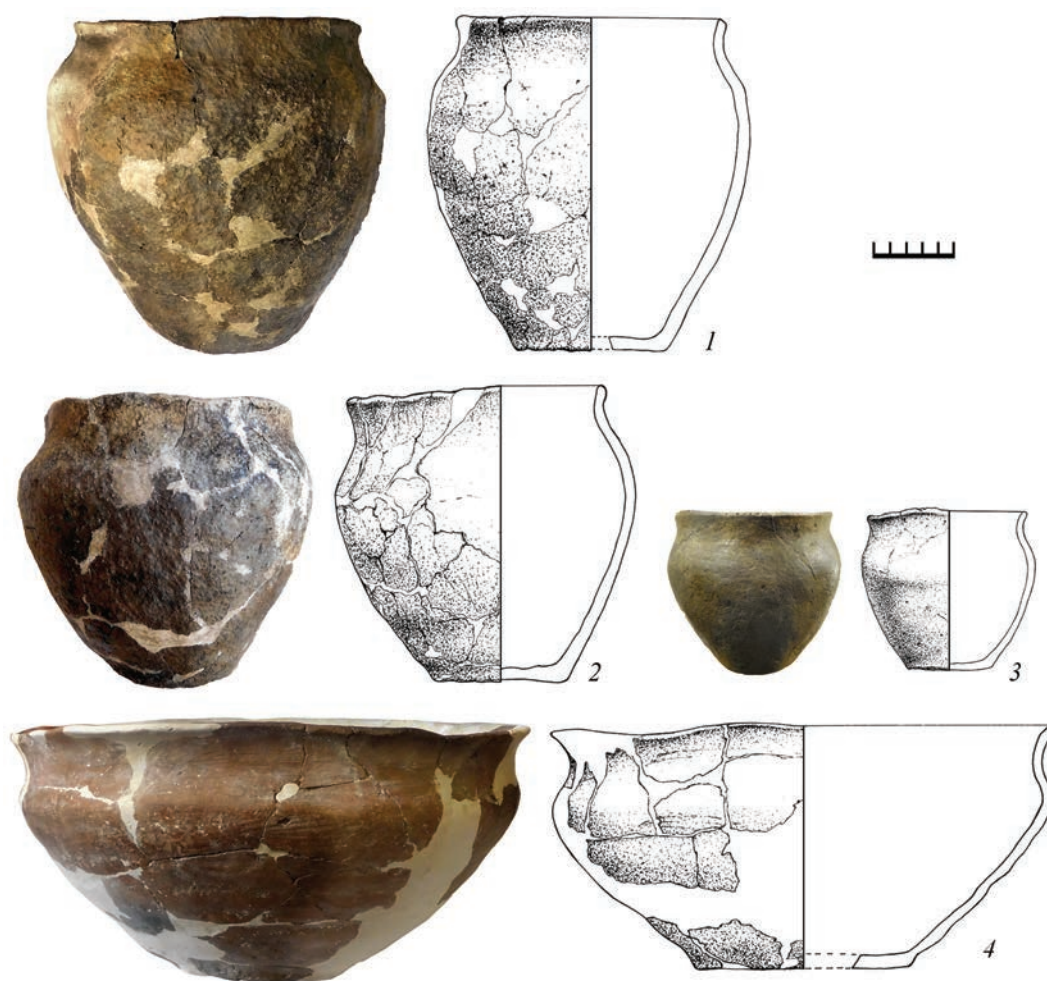

Рис. 4. Ратьковский могильник. 2018. Сосуды из «домика мертвых»

В южной прирезке раскопа 2019 г., в кв. А-18, во впадине, под деревянными обугленными бревнами, на глубине 0,5–0,6 м найдено *in situ* (рис. 2) скопление обожженных, сильно корродированных бронзовых предметов, по-видимому, остатков головного венчика, перемешанных с углем и фрагментами ткани простого полотняного плетения.

В этом комплексе собрано:

– 16 бляшек с петлей: 10 полусферических (рис. 5, 1–8, 14) и 6 конических (рис. 5, 9–13, 15), причем некоторые с остатками ткани, к которой они были пришиты (рис. 5, 12, 13);

– 9 фрагментов трапециевидных привесок из тонкого листа с отверстиями сверху, через которые продевались колечки для привешивания. На пяти из них сохранился чеканный выпуклый

орнамент в виде полусферы, окруженной кружком (рис. 6);

– 13 пронизок-спиралей из сплюсненной проволоки (рис. 7, 1–10, 14–16);

– 3 пронизки-трубочки из тонкого листа (рис. 7, 11–13);

– 13 колечек-бусин, причем в трех случаях они спеклись по две и по три вместе (рис. 7, 17–22);

– 3 обломка ушек от привесок, фрагмент шумящей привески, обломок пластины, мелкие фрагменты обожженной ткани.

В 2018 г. с обугленных бревен взяты четыре образца для радиоуглеродного датирования (рис. 2, 1–4), проведенного в лаборатории Геологического института РАН¹. По пробам получены даты, калиброванные по программе *OxCalv 4.3.2*² (табл. 1).

¹ Исследование проведено сотрудником ГИН РАН М. М. Певзнер.

² Приносим благодарность Н. А. Кренке за консультации.

Таблица 1. Радиоуглеродные датировки сооружения из раскопок Ратьковского могильника в 2018 г.

Пробы	Место отбора образца	№ ГИН	Возраст ¹⁴ C	Калибр. календ. возраст
1	Кв. Ю–20, пл. 6, гл. -52	5776	1520+/20	530–600 гг.
2	Кв. Я–21, пл. 6, гл. -54	5777	1500+/20	535–620 гг.
3	Кв. ЯЯ–20, пл. 6, гл. -56	5778	1525+/20	530–600 гг.
4	Кв. ЯЯ–19, пл. 7, гл. -69	5779	1440+/20	580–650 гг.

Таблица 2. Время бытования основных типов вещей Ратьковского могильника.

Категории	Границы бытования, в. н.э.	
	нижняя	верхняя
Крестовидная фибула	V	VII
Заклепка с вогнутыми сторонами	VI	VII
Конусовидные привески	VI	VII
Бляшки-скорлупки	VI	VII
Гривна с проволочной обмоткой	VI	VII
Обоймицы с вдавленным орнаментом	VI	VII–VIII
Бусы прямоугольные синего стекла	2-я пол. 1 тыс. н.э.	
Наконечники стрел трехлопастные	V	VIII
Каплевидная привеска	Кон. VII	1-я пол. VIII
Подвески-проници шумящие	VI–VII	IX–X
Каменные литейные формы	VII	X
Височные кольца	VI	IX

Конструкция датируется серединой VI – серединой VII в., что сопоставимо с большей частью дат вещей небольшого хронологического диапазона (VI–VII вв.) и не противоречит датировкам долго бытовавших вещей (табл. 2).

Радиоуглеродный анализ бревен обугленной конструкции позволяет сузить дату могильника, ранее определенную как VI–IX вв., до VI–VII вв. Отметим, что погребальные комплексы, вскрытые на противоположном, северном краю площадки могильника, включают находку крестовидной фибулы типа A14, по И. Р. Ахмедову датируемую второй четвертью V в. (Ахмедов, 2008. С. 13), что может говорить о более ранней начальной дате функционирования могильника.

В 2018 г. вскрыто 60 кв. м в широкой, юго-восточной части могильника. Среди находок (39 экз.), относящихся к могильнику (16 экз.), обнаружены:

– железные предметы (8 экз.): наконечники стрел (2 экз.) с жалом и трехгранным туловом треугольного продольного сечения, с зауженным упором и черешком в виде заостренного длинного штыря (один наконечник имеет на черешке многочисленные насечки) (рис. 8, 1, 2). Наконечники (тип 15 по А. Н. Медведеву) датируются VII–X вв. (Киртчичников, Медведев, 1985. С. 348–349) и встречаются на мерянских поселениях: Сарском, Криушкинском, Попадьянском (Леонтьев, 1996. С. 50.

Рис. 15, 1; С. 101; Горюнова, 1961. С. 88. Рис. 33, 16). Найдены пластинчатое кресало удлиненной плоской формы с загнутым зауженным концом (рис. 8, 10), пряжка кольцевидной уплощенной формы с остатками закрепленной иглы и фрагмент плоского кольца, возможно, часть пряжки (рис. 8, 15, 16). Шилья четырехгранные квадратного сечения (два из них во фрагментах; рис. 8, 11, 12) дополняют многочисленную коллекцию железных шильев на памятнике, составившую за все время исследований 43 экземпляра. Аналогии шильев (в т. ч. с перевитой серединой) происходят исключительно с позднедьяковских поселений Троицкое (Дубынин, 1970. С. 75. Табл. 14, 3, 5), Кикинское (Вишневский, 2009. С. 33. Рис. 1, 14), Попадьянское (Горюнова, 1961. С. 88. Рис. 33, 17);

– фрагменты литейных форм (3 экз.) изготовлены из песчаника с глиняным цементом. На одной из них, подпрямоугольной уплощенной формы с пятью зашлифованными поверхностями, использованы широкая и узкая грани с литниками по краям – сегментовидными углублениями для заливки бронзы (рис. 8, 7). Другой фрагмент является недостающей частью литейной формы, собранной из 16 кусков из раскопок могильника в 2017 г. и предназначенной для отливки застежки-сюльгамы уплощенного треугольного сечения с усами (Новоселова, Вишневский, 2018. С. 37. Рис. 5, 6);

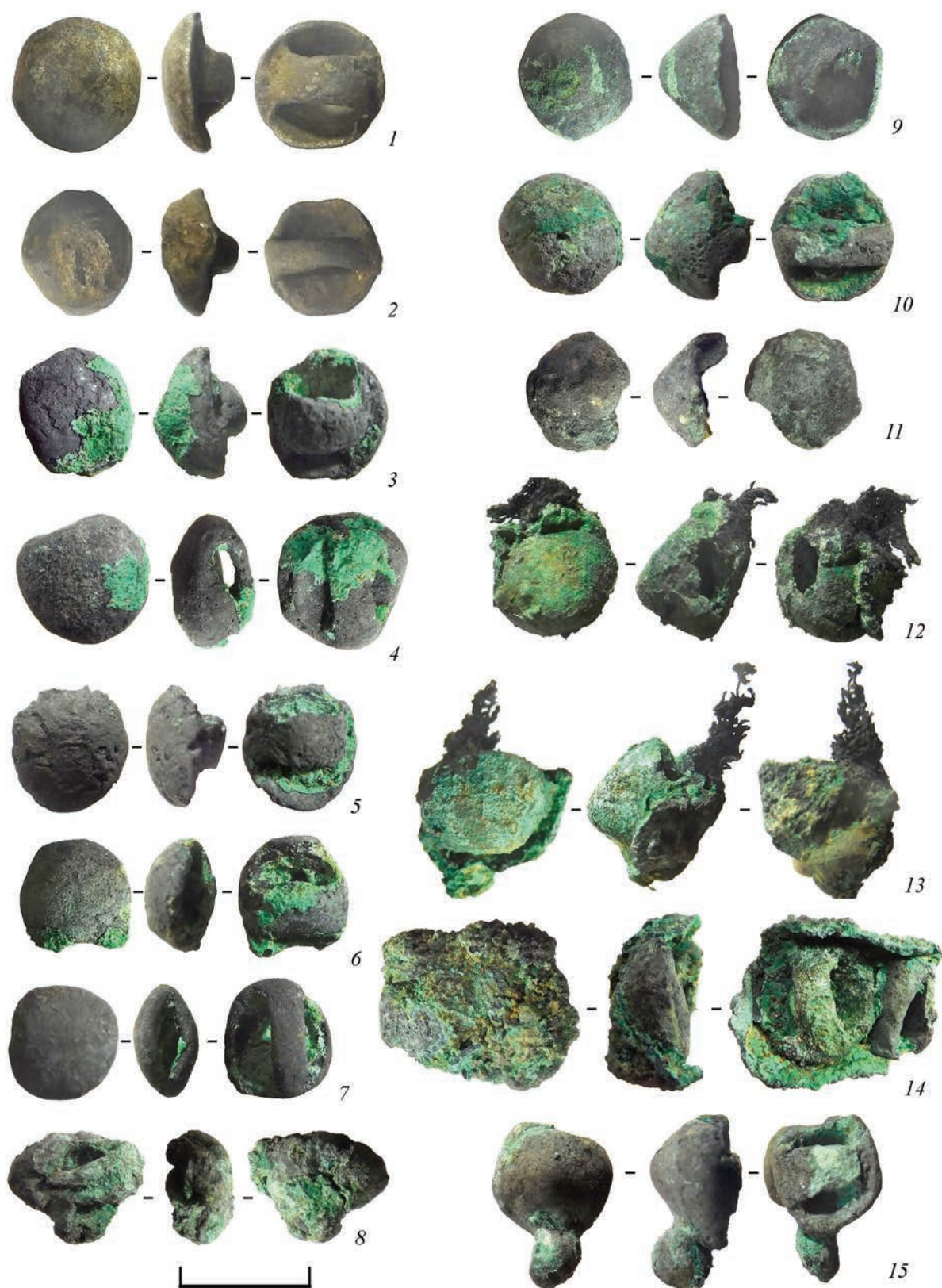

Рис. 5. Ратьковский могильник. 2019. Фр-ты головного украшения из «домика мертвых». Бляшки-скорлупки

Рис. 6. Ратковский могильник. 2019. Фр-ты головного украшения из «домика мертвых». Фр-ты трапециевидных привесок

Рис. 7. Ратъковский могильник. 2019. Фр-ты головного украшения из «домика мертвых»

1–10, 15, 16 – пронизки-спирали; 11–14 – пронизки-трубочки; 17–22 – бусины-колечки

– обломок оселка из камня-песчаника сиренево-коричневого цвета в виде удлиненного бруска подквадратного сечения с четырьмя сточенными вогнутыми гранями. Вторая его часть найдена в раскопе 2017 г. (рис. 8, 18) (Новоселова, Вишневский, 2017);

– фрагмент пряслица подцилиндрической формы со сглаженными ребрами и каналом диаметром 8 мм (рис. 8, 8).

Находки и кремированные кости не имеют на вновь изученных площадях определенной концентрации, они рассеяны по всему раскопу

и не связаны с ямами. Основная часть находок, костей, зерен и керамики приходится, как и на других участках могильника, на пласты 2 и 3.

В 2019 г. вскрыто 54 кв. м в широкой, юго-восточной части могильника (рис. 1). Заложено четыре раскопа. № 1 и № 2 примыкали к раскопу 2018 г.: № 1 (4×4 м, 16 кв. м) – с северо-востока; № 2 (5×5 м, 25 кв. м) – с юго-востока. Раскоп № 3 (2×6 м, 12 кв. м) примыкает с северо-востока к раскопу 2015 г., раскоп № 4 (2×5 м, 10 кв. м) примыкает с северо-востока к раскопу 2014 г. (рис. 1). Культурный слой представляет собой рыхлую

Рис. 8. Ратьковский могильник. 2018–2019 гг.

1–3 – наконечники стрел; 4, 11–13 – шилья; 5 – фр-т лезвия топора (кресало?); 6 – поясная накладка; 7 – фр-т литейной формы; 8, 9 – пряслица; 10 – кресало; 14 – кольцо; 15, 16 – пряжки; 17 – фр-т шумящей подвески; 18 – оселок. (1–6, 10–16 – железо; 7, 18 – камень; 8, 9 – керамика; 17 – бронза)

темно-коричневую супесь мощностью от 0,3–0,5 м и содержит остатки погребений: погребальный инвентарь, измельченные обожженные кремнированные кости людей, фрагменты керамики и зерна.

Среди находок, относящихся к могильнику (73 экз.), есть железные предметы (5 экз.), в т. ч. наконечник стрелы (тип 15 по А. Н. Медведеву). Всего на могильнике обнаружено 6 подобных наконечников (*Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007*). Фигурная поясная накладка на двух заклепках с выделенной центральной частью (тип II, вид 2 по И. Г. Розенфельдт), но с закругленными концами. Аналогии из позднедьяковских городищ и рязано-окских могильников датируются VI и VII вв. (*Розенфельдт, 1982. С. 113. Рис. 28, 8–9, С. 114*). Похожие фигурные накладки из Безводнинского могильника (тип IX) датируются временем 3-й стадии могильника – VI–VII вв. (*Краснов, 1980. С. 210. Рис. 40, 2*). Найдены также разомкнутое плоское кольцо (рис. 8, 14), четырехгранное шило квадратного сечения (рис. 8, 4), обломок лезвия топора (или кресало?) (рис. 8, 5), керамическое пряслице подцилиндрической формы со сглаженными ребрами (рис. 8, 9).

На краю площадки на раскопе 3, рядом с раскопом 2015 г., найден фрагмент шумящей подвески с ажурным щитком и привесками-колокольчиками, сильно деформированный в огне (рис. 8, 17). Щиток представлял собой рамку из «двойного шнура», в которую вписаны сомкнутые попарно полусферические бляшки. Подобное украшение найдено в 2013 г. (*Новоселова, Вишневский, 2015. С. 132. Рис. 4, 2*). Здесь же оказались два обломка бронзовых пластинок, одна из которых, возможно, принадлежала колокольчатой привеске.

Керамический комплекс раскопок 2018–2019 гг. составил 1457 фрагментов сосудов. Керамика лепная, неорнаментированная, с примесью крупного песка и дресвы, по большей части плохого качества (т. е. слабого и среднего обжига), поэтому сильно фрагментированная. Встречено 15 обожженных и ошлакованных обломков; 85% фрагментов керамики залежали в пластах 2 и 3 (табл. 1).

Керамическую коллекцию по качеству можно разделить на плохо выделанную (грубую) (61%), хорошо выделанную (гладкую) (33%), заглаженную (включая подлощенную) (6%).

Собрана коллекция кремневых ножевидных (28 экз.) и неправильных микропластин удлиненной формы (11 экз.), отщепов (15 экз.). Найдены два отщепа с совмещенными поверхностями, т. е. расщепление кремня проходило на площадке городища, где, вероятно, находилась кратковремен-

ная мезолитическая стоянка. Один кремь призматической формы можно отнести к ружейному кремню.

Случайными находками, относящимися к древнерусской эпохе, являются половина каменного мельничного жернова и колесиковая железная шпора XIII–XV вв.

Ратьковский могильник – не первая находка погребальных сооружений в Волго-Окском междуречье, относящихся к позднедьяковской культуре, но первый исследованный могильник позднедьяковской культуры, занимавший всю площадь мысового холма.

Заметим, что в двух случаях (Ратьковский могильник и погребение на Саввино-Сторожевском городище) площадь мыса не превышала 1000 кв. м, кладбища были устроены не на существующем поселении, а на пустом месте (в Ратькове поселенческий культурный слой отсутствовал, а на Саввино-Сторожевском городище период существования поселения датируется концом I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э. (*Краснов Ю. А., Краснов Н. А., 1963. С. 207*), т. е. до появления погребений мыс был заброшен). Оба этих примера подтверждают справедливое соображение Ю. А. Краснова, что «домики мертвых» обычно располагались вне поселений (*Краснов Ю. А., Краснов Н. А., 1978. С. 153*). У обских угров «кладбище, как правило, располагалось на возвышенном месте, речном яру, близ поселка, от которого отделялось обычно водной преградой – ручьем, старицей и т. п.» (*Зенько, 1997. С. 106*).

«Домик мертвых» на городище Березняки противоречит указанным закономерностям. А. Е. Леонтьев высказал сомнение в том, что постройка № 5 на городище Березняки являлась захоронением, а не местом с жертвами большого пожара (*Леонтьев, 1996. С. 231, 232*). Последствия такого пожара налицо: почти не сохранились кость и рог как в виде изделий, так и в виде кухонных отбросов (*Третьяков, 1941. С. 61, 114*), сильно (на 50%) пострадала от огня керамика (*Третьяков, 1941. С. 124*). Наличие погребального инвентаря, характерного для финно-балтской культуры, не отмечено. Вещи из «домика мертвых» мало чем отличаются от набора находок в других постройках. В то же время в постройке № 5 нет остатков керамической посуды, присутствующей в погребениях Саввино-Сторожевского и Ратьковского могильников. Таким образом, находка на городище Березняки явно противоречит археологическим и этнографическим данным, тем более П. Н. Третьяков отмечал, что «погребальный домик на поселении

в устье р. Сонохты не являлся, по-видимому, единственным местом погребения, т.к. число встреченных там погребений не соответствует числу жителей поселения, существовавшего не одно столетие. Где покоятся останки других умерших... это остается пока неизвестным» (Третьяков, 1941. С. 60).

Рассмотрим вопрос о культурной принадлежности могильника. Располагаясь на значительном удалении от другого подобного памятника дьяковской культуры – «домика мертвых» на Саввино-Сторожевском городище, он имеет с ним прямые аналогии: находка фрагмента позднедьяковской серьги – подвижной цепочки, представляющей собой фигурный стержень из плетенки, по обе стороны которой группами в два шарика расположена зернь, а концы завершаются неподвижными кольцами (Новоселова, Вишневецкий, 2015. Рис. 3, 19). Два аналогичных украшения происходят из погребального комплекса на Саввино-Сторожевском городище (Краснов Ю.А., Краснов Н.А., 1978. С. 145. Рис. 5, 1, 2). И.Г. Розенфельдт этот тип позднедьяковских серег (отдел А. Серьги с двумя кольцами. Тип V, вариант 3) датировала второй половиной VIII – началом IX в. (Розенфельдт, 1978; 1982. С. 34. Рис. 8, 1–3. С. 35–38), тогда как Ю.А. Крас-

нов датирует «домик мертвых» Саввино-Сторожевского городища третьей четвертью I тыс. н.э. (Краснов Ю.А., Краснов Н.А., 1978. С. 150). Типы горшков из комплексов «домиков мертвых» Саввино-Сторожевского городища (Кренке, 2019. С. 327. Рис. 158) и Ратьковского могильника очень близки. Позднедьяковский характер памятника помимо описанных вещей определяют находки бляшек-скорлупок и железных шильев с витой серединой.

В то же время в инвентаре Ратьковского могильника значительны аналогии другим группам могильников: рязано-окских (крестовидная фибула окского типа, шумящие подвески-пронизки, спирали-пронизки, обоймицы-пронизки, поясные накладки геральдического типа), муромских (подвески трапециевидные, кресало, спирали-пронизки, обоймицы-пронизки, незамкнутые перстни), мерянских (шумящие подвески-пронизки, трехгранные наконечники стрел, литейные формы). Сходство с инвентарем мордовских могильников значительно меньше.

Эти элементы ратьковских погребальных комплексов говорят о культурной инфильтрации в позднедьяковскую культуру населения с соседних территорий.

Литература

- Ахмедов И.Р., 2008. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 7–27.
- Белоцерковская И.В., 2000. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Тр. ГИМ. Вып. 122. С. 99–108.
- Вишневецкий В.И., 2002. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны // ТАС. Вып. 5. Тверь: Тверской музей-заповедник. С. 550–557.
- Вишневецкий В.И., 2007. Комплекс керамической посуды Кикинского городища // ТАС. Вып. 6. Т. 2. Тверь: Триада. С. 85–93.
- Вишневецкий В.И., 2009. Финно-угры и балты Северного Подмосковья в раннем средневековье (Кикинское городище и Ратьковский могильник) // Древности Радонежской земли. Сергиев Посад: Ремарко. С. 31–37.
- Вишневецкий В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В., 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: Хронология, культура, обряд // РА. № 2. С. 89–107.
- Вишневецкий В.И., Новоселова Т.Н., 2010. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2006–2007 гг.) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 67–83.
- Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В., 2005. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. // Тр. отдела охранных раскопок ИА РАН. Т. 3. М.: ИА РАН. 176 с.
- Горюнова Е.И., 1961. Древняя история Волго-Окского междуречья. М.: АН СССР. (МИА. № 94). 267 с.
- Дубынин А.Ф., 1970. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука. (МИА. № 156). С. 5–98.
- Зенько А.П., 1997. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск: Наука. 152 с.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука. (Археология СССР). С. 298–363.
- Комаров К.И., 1989. Курганный могильник «Бутриха» у д. Киучер // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 1. Иваново: Бюро ОП Ивоблупрстат. С. 32–39.
- Комаров К.И., 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Ар-

хеологические статьи и материалы. Сб. участников Великой Отечественной войны. Тула: Гриф. С. 141–189.

Краснов Ю. А., Краснов Н. А. 1963. Обследование памятников дьяковской культуры в бассейне Москва-реки // СА. № 1. С. 204–218.

Краснов Ю. А., Краснов Н. А., 1978. Погребальное сооружение на городище дьякова типа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука. С. 140–153.

Кренке Н. А., 2019. Древности бассейна Москва-реки от неолита до средневековья. М. – Смоленск: Свиток. 392 с.

Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. К пред истории Северо-Восточной Руси. М.: Гозко. 340 с.

Новоселова Т. Н., Вишнеvский В. И., 2015. Ратьковский финно-угорский могильник (по материалам раскопок 2013 г.) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 127–137.

Новоселова Т. Н., Вишнеvский В. И., 2016. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (по материалам раскопок 2014 г.) // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 45–52.

Новоселова Т. Н., Вишнеvский В. И., 2017. Ратьковский раннесредневековый могильник (результаты раскопок 2015 г.) // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 19–31.

Новоселова Т. Н., Вишнеvский В. И., 2018. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник (результаты раскопок 2017 г.) // Художественное наследие Владимирского края. История и культура. Александров: Владим. книж. изд. «Собор». С. 33–41.

Новоселова Т. Н., Вишнеvский В. И., 2019. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (раскопки 2017 г.) // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 21–28.

Новоселова Т. Н., Вишнеvский В. И., Гольева А. А., 2018. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник (результаты раскопок 2016 г.) // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 52–63.

Розенфельдт И. Г., 1978. Об одном типе позднедьяковских племенных украшений // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука. С. 158–164.

Розенфельдт И. Г., 1982. Древности Западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука. 179 с.

Румянцева О. С., 2007. Керамика центральной группы // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН. (Археология славян и их соседей. Вып. 9). С. 246–272.

Третьяков П. Н., 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. М.-Л.: АН СССР. (МИА. № 5). 150 с.

T.N. Novoselova, V.I. Vishnevsky

TeBurial structure – “house of the dead” Ratkovsky Finno-Ugric burial ground of the 6th –7th centuries (based on excavations in 2018–2019)

Summary

In 2018–2019, the expedition of the Sergiev Posad Museum during the excavation of the Ratkovsky late Dyak burial ground (in the Northern part of the Sergiev Posad district of the Moscow region on the Dubna river) examined the remains of a burial structure – the “house of the dead”.

The remains of small charred log cabins measuring 2,8×1,7 m, 2,6×2,4 m; 2,4×3,6 m of logs with a diameter of 14 to 20 cm, buried in the mainland up to 30–50

cm were cleared. A pit measuring 2,6×2,4 m and 0.6 m deep was found near one log cabin and partially under it. at the bottom of the pit, the collapse of a stucco red clay vessel in situ and fragments of cremated bones were found. Inside the structure and next to it, the ruins of two more vessels are recorded, as well as the remains of the head Corolla – a cluster of bronze ornaments and fragments of fabric. Radiocarbon dates of the log house – mid-6 – mid-7 centuries.

List of figures

Fig. 1. Ratkovsky burial ground. Excavation site plan

Fig. 2. Ratkovsky burial ground. Excavations Plan 2018 and 2019 with the remains of the burial structure

Fig. 3. Ratkovsky burial ground. The charred remains of a burial structure

1 – excavation site 2018; *2* – excavation site 2019.

Fig. 4. Ratkovsky burial ground. 2018. Vessels from the “house of the dead”

Fig. 5. Ratkovsky burial ground. 2019. Fragments of headpiece decoration from the «house of the dead».
Hemispherical round plaques

Fig. 6. Ratkovsky burial ground. 2019. Fragments of headpiece from the «house of the dead». Fragments of trapezoidal pendants.

Fig. 7. Ratkovsky burial ground. 2019. Fragments of headpiece from the “house of the dead”

1–10, 15, 16 – spiral beads; *11–14* – tube - beads; *17–22* – ring beads

Fig. 8. Ratkovsky burial ground. 2018–2019

1–3 – arrowheads; *4, 11–13* – awls; *5* – fragment of an ax blade (steel?); *6* – belt mound; *7* – fragment of a casting mold; *8, 9* – spindle whorls; *10* – steel; *14* – ring; *15, 16* – buckles; *17* – fragment noise-making pendant; *18* – touchstone. (*1–6, 10–16* – iron; *7, 18* – stone; *8, 9* – pottery; *17* – bronze)

Ф. А. Поляков

Институт археологии РАН, Москва

Стоянка «Мыс Доброй Надежды V» на территории Сасовского района Рязанской области (по материалам разведок 2020 года)

Территория Сасовского р-на в археологическом отношении исследована лучше других районов Рязанской обл. Однако его изучение сводилось по большей части к обследованию течений рек Цны и Мокши, а их малые притоки оставались почти неисследованными. В целом такое положение дел характерно почти для каждого региона: исследования привязываются к наиболее крупным речным артериям, а более мелкие остаются вне поля зрения ученых (вероятно, это связано с их меньшей транспортной доступностью).

Изучение памятников археологии на современной территории Сасовского р-на Рязанской обл. началось во второй половине XIX в. и с переменным успехом продолжается сейчас. Наиболее интенсивно поиск и изучение памятников археологии происходили здесь в 70–90-х гг. XX в., что связано с работой В. М. Буланкина, Н. И. Панина, В. П. Челяпова и др. Особое место в изучении района занимают исследования А. А. Спицына и В. Н. Глазова Кошибеевского грунтового могильника в конце XIX – начале XX в. (*Спицын*, 1901. С. 10–24; *Шитов*, 1988). За все время изучения получена информация о более чем сотне археологических памятников, относящихся к неолиту, эпохе бронзы, раннему железному веку и Средневековью.

Основная цель данной статьи – ввод в научный оборот данных, полученных в результате археологических разведок 2019 г. под руководством автора у с. Мыс Доброй Надежды.

Во второй половине 2018 г. местный житель С. А. Пронин при распахке близ села нашел ряд артефактов. Вместе с информацией о месте их обнаружения находчик передал и сами предметы из медных сплавов. В составе найденного оказались:

– бутылковидная подвеска с широкой «юбкой» и выделенным переходом к сужающемуся верху;

– сьюльгама овальная, с закрученными и отогнутыми наружу усами и с остатками дужки от железного язычка;

– пластинчатый браслет с тонким ободком и орнаментацией по краю и центру в виде линий точечных вдавлений;

– нагрудная пластинчатая бляха диаметром 12 см (рис. 1). Лицевая сторона бляхи покрыта серией окружностей, разделяемых полосой шириной 1,3 см. Обратная сторона без орнамента. К диску заклепками прикреплены четыре планки с нанесенным на них орнаментом в виде чередующихся ромбов и прочерченных параллельных линий вокруг них, образующих крест. Оконечности планок имеют дужки для крепления колец, из которых сохранилось только одно. Помимо планок к краю диска приклепаны семь петель с расположенным по краям орнаментом в виде серии прочерченных коротких линий. В центре бляхи – два овальных отверстия. По типологии В. И. Вихляева данная бляха принадлежит к группе III отдела А, тип ША1 и имеет определенную аналогию с бляхой из погребения 67 Кошибеевского могильника (*Спицын*, 1901. С. 69. Табл. 8. № 3; *Вихляев*, 1977; *Ставицкий В. В., Ставицкий А. В.*, 2015). По его мнению, подобные бляхи образуют эволюционное звено, время бытования большинства предметов которого приходится на хронологическую стадию 7, что соответствует времени с конца IV по вторую половину V в. (*Вихляев и др.*, 2014. С. 135–137). По мнению В. В. Гришакова, бляхи с крестовидными накладками получают распространение во второй половине IV в. (*Гришаков*, 2008. С. 101–102, 109–110);

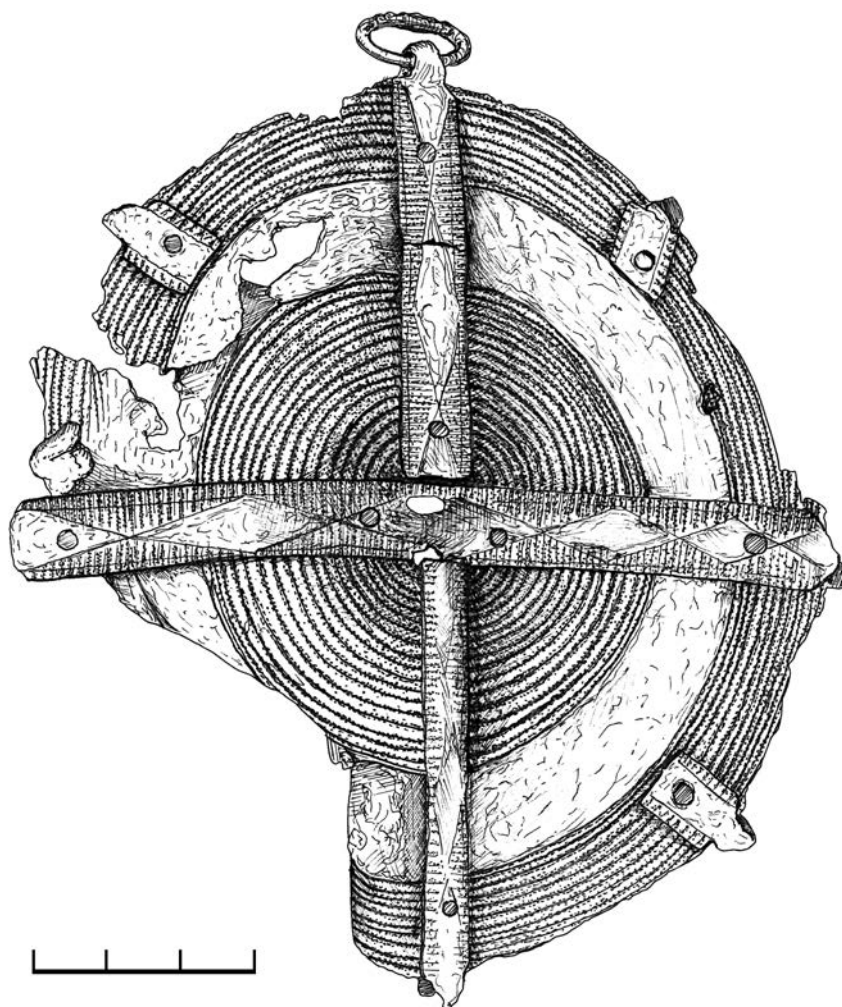

Рис. 1. Мыс Доброй Надежды, V стоянка. Нагрудная пластинчатая бляха. Случайная находка

– обломок дна лепного горшка коричневого цвета, из красножгущейся глины с примесью крупного шамота и органики;

– дровая гривна круглого сечения, без замка на концах, диаметром 17,5 см;

– дровый браслет подквадратного сечения с приостренными концами;

– стеклянные бусины (177 экз.), округлые, красно-коричневые, непрозрачные и с металлической фольгой, одно- и многочастные.

Помимо предметов найден антропологический материал¹ – человеческий зуб, принадлежащий индивиду возрастом 12–15 лет.

Все перечисленные предметы указывают на разрушенное распашкой грунтовое погребение, залегавшее на глубине примерно 0,3–0,4 м.

Согласно архивным материалам, место обнаружения всех этих предметов располагается на территории уже известного памятника «Мыс Доброй Надежды V стоянка», выявленного В.П. Челяповым в 1986 г. (Челяпов, 1986. Л. 4. Рис. 1, 20–23). Он обнаружил здесь материалы, относившиеся к неолиту, эпохе бронзы и золотоордынскому времени.

Для проверки обстоятельств находки перечисленных вещей автор статьи в составе Подмосквонной экспедиции ИА РАН (руководитель А.В. Энговатова) в 2019 г. выполнил обследование данной стоянки (Поляков, 2020), расположенной в 2 км к юго-востоку от села и занимающей первую надпойменную террасу правого берега р. Исток (правый приток р. Мокши). Судя по распространению

¹ Автор выражает благодарность антропологу ИА РАН Н.Г. Сvirкиной за проведенные определения.

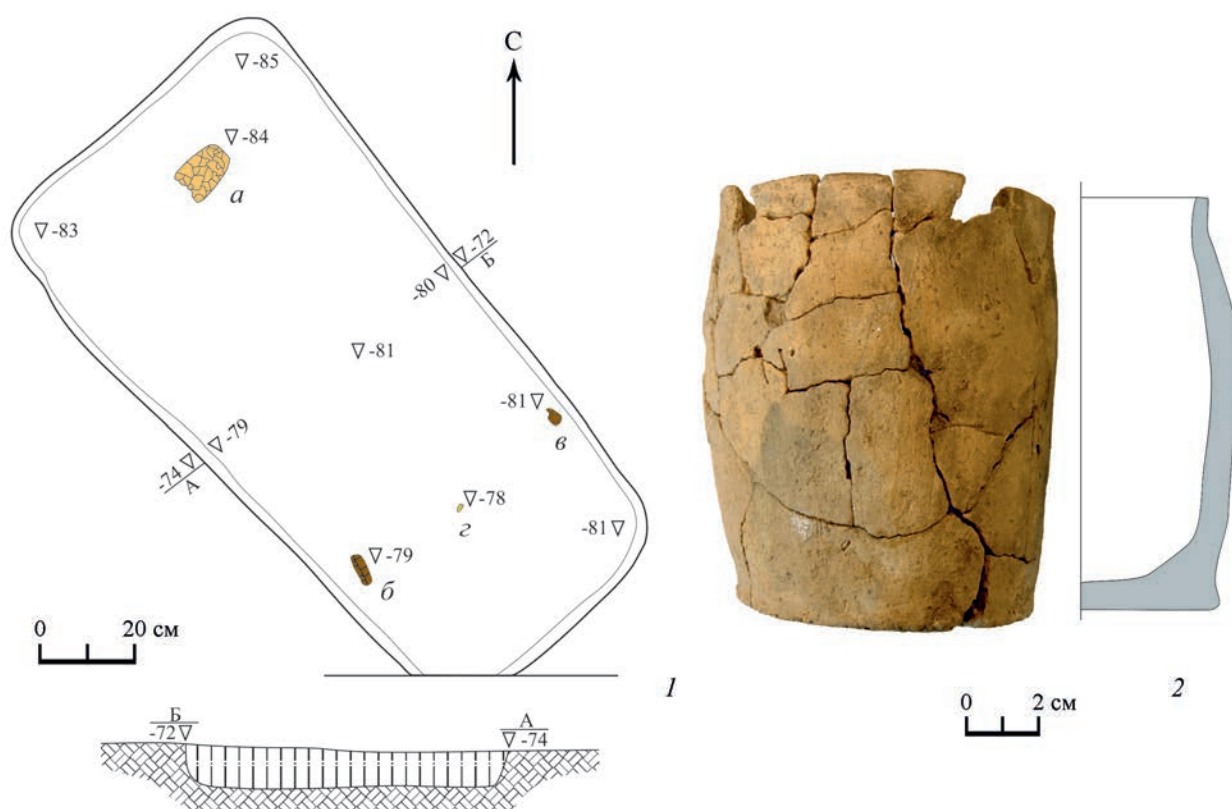

Рис. 2. Мыс Доброй Надежды, V стоянка. Погребение 1

1 – план погребения, 2 – сосуд из погребения; а – лепной сосуд; б – кремневый скребок № 1; в – кремневый скребок № 2; г – человеческий зуб (первый нижний моляр)

подъемного материала, стоянка имеет площадь около 10 000 кв. м. Ее поверхность активно распахивается, зафиксированы следы деятельности черных копателей.

На территории стоянки заложено два шурфа размером 2×2 м. Какой-либо четкой стратиграфии при этом выявить не удалось. Культурный слой здесь подвергался многолетней распашке и состоит из верхнего пахотного слоя в виде темно-серой супеси мощностью до 0,45–0,50 м и подстилающего его материка – светло-коричневой супеси. К сожалению, из-за активного противодействия археологическим работам собственника земли уточнить границы объекта не удалось. Но, несмотря на это, полученный материал довольно интересен и представляет разные этапы функционирования памятника.

К эпохе бронзы принадлежит керамика (27 фр.) из довольно рыхлой темноцветной формовочной массы из глины с примесью песка, в нескольких случаях с примесью толченой ракушки либо мелкой дресвы. Орнаментация представлена отпечатком и расчесами, выполненными гребенчатым штампом.

К раннему железному веку относится лепная «рогожная» керамика городецкой культуры (7 фр.). Формовочная масса достаточно плотная, с примесью песка и мелкого толченого шамота.

С ранним Средневековьем можно связывать лепную керамику (34 фр.) из относительно плотной формовочной массы с примесью песка и изготовленную, вероятно, финно-угорским населением (мордвой, мокшей?).

XII–XIV вв. представлены несколькими обломками стенок (9 фр.) круговой посуды с орнаментом в виде горизонтальных и волнистых линий.

Керамика XVIII–XIX вв. представлена всего двумя фрагментами, их появление здесь случайно.

Помимо керамики получена серия индивидуальных находок, состоящая из двух кремневых скребков, одной заготовки кремневого орудия и железного предмета, вероятно ножа, о чем говорит клиновидное сечение.

Помимо описанного выше материала в шурфе 1 удалось выявить грунтовое погребение 1 (рис. 2, 1). Погребение представляет собой трапециевидную в плане яму, вытянутую по линии северо-запад – юго-восток, размером 0,55–0,75×1,40 м

и углубленную в материк на 0,1 м. Заполнение состояло из однородной темно-серой супеси, откуда извлечен фрагмент керамики с большим содержанием органики. На дне ямы, в центре юго-восточной половины погребения, обнаружен только один человеческий зуб – первый нижний моляр, принадлежащий погребенному (рис. 2, з), возраст которого варьируется в пределах от 3 до 6 лет. Отсутствие остальных частей скелета погребенного объясняется особенностями местной почвы, в которой органический материал довольно плохо сохраняется, а также юным возрастом погребенного.

В северо-западной половине погребения находился развал слабопрофилированного невысокого сосуда, лежавший на боку, венчиком к юго-западу (рис. 2, а, 2). Высота сосуда 10,5–11,0 см, диаметр по венчику – 8,5 см, диаметр по тулову 9 см, диаметр по днищу 8 см. Донце имеет небольшую закраину. Орнаментация отсутствует. Формовочная масса сосуда относительно плотная, изготовлена из красножгущейся глины с примесью песка и мелкотолченого шамота. Обжиг неровный, костровой. Судя по расположению зуба в южной половине ямы, можно предположить, что сосуд стоял в ногах погребенного. Помимо этого в погребении найдены два кремневых скребка. Первый, в южной половине погребальной ямы, у юго-западной стенки, выполнен из светлого кремня, с хорошо оформленным с помощью мелкой ретуши лезвием и прямой спинкой (рис. 2, б). Длина 8,1 см, ширина 3,5 см, сечение подклиновидное. Второй скре-

бок находился в южной половине погребальной ямы, но уже у северо-восточной стенки, выполнен из темно-коричневого кремня с помощью крупной ретуши (рис. 2, в). Длина 5,2 см, ширина 3,5 см, сечение треугольное.

Вышесказанное позволяет предположить, что исследованное погребение является детским, с юго-восточной ориентировкой.

Описываемое погребение находит аналогии в материалах упомянутого выше Кошибеевского могильника, расположенного в 6,5 км к югу от памятника. Прежде всего, развал сосуда из погребения имеет форму, близкую сосуду из погребения № 42 (*Спицын*, 1901. С. 62. Табл. 12. № 15).

Также необходимо обратить внимание на ориентировку захоронения. Так, В.И. Вихляев отмечает, что для завершающей стадии функционирования Кошибеевского могильника, а именно IV–V вв., свойственны погребения с юго-восточной, восточной и южной ориентировкой (*Вихляев*, 2008. С. 137).

Найденные в заполнении погребения два кремневых орудия и фрагмент керамики, вероятно, попали туда в процессе засыпки погребения и не связаны с ним.

Таким образом, открытый могильник может датироваться второй половиной IV – первой половиной V в. и относится к кругу рязано-окских древностей. Сходство его вещевого комплекса и обрядовых признаков с древностями Кошибеевского могильника говорит о синхронности их существования.

Литература

Вихляев В. И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: МГУ им. Н.П. Огарева. 99 с.

Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск. 352 с.

Гришаков В. В., 2008. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза: ПИРО. С. 82–137.

Поляков Ф. А., 2019. Отчет о проведении археологической разведки на территории Сасовского района Рязанской области в 2019 году / Архив ИА РАН.

Спицын А. А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Вып. 1. СПб. (МАР. № 25). 150 с.

Ставицкий В. В., Ставицкий А. В., 2015. Нагрудные украшения Кошибеевского могильника // История и археология. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2015/01/1358> (дата обращения: 13.09.2020).

Челяпов В. П., 1986. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 1986 г. / Архив ИА РАН Р-1 № 11310.

Шитов В. Н., 1988. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тыс. н. э. Вып. 93. Саранск, 1988. С. 4–43.

F.A. Polyakov

Archaeological site “Mys Dobroi Nadezhdy V” on the territory of Sasovsky district of the Ryazan region (based on the materials of exploration in 2020)

Summary

The article is devoted to the materials obtained as a result of work on the territory of the archaeological sites “Mis dobroj nadejdi V”. As a result of the work, it was possible to find one burial belonging to the Ryazan-Oka culture. Based on the analysis of both burials

and random finds, the open burial ground can be dated to the second half of the 4th – first half of the 5th c. The similarity of its clothing complex and ritual features with the antiquities of the Koshibeyevsky burial ground indicates the synchronicity of their existence.

List of figures

Fig. 1. Archaeological site “Mis Dobroi Nadejdi V”. Breast plate badge. A random find

Fig. 2. Archaeological site “Mis Dobroi Nadejdi V”. Burial 1

1 – plan of the burial, *2* – vessel from the burial; *a* – the modelled vessel; *б* – flint scraper № 1; *в* – flint scraper № 2; *г* – human tooth (the first lower molar)

А. С. Сыроватко*, В. П. Гусева, Е. А. Клещенко****

* Коломенский археологический центр, Коломна (Московская обл.)

** Институт археологии РАН, Москва

К вопросу о границах Щуровского могильника (погребения из раскопов 2019 года)

В 2019 г. Коломенский археологический центр продолжил работы на Щуровском комплексе (селище и могильниках). В результате исследованы три новых погребения, которые могут оказаться последними из доступных для изучения. Три погребения – № 52, 53, 54 – располагались по линии север – юг, продолжая крайний западный ряд, открытый в 2017 г. (рис. 1; 2)¹.

Погребение 52 – одно из самых обширных по площади, до 4 м в поперечнике (рис. 2–4). Разумеется, такие размеры не являются изначальными, объект приобрел их в результате последующей археологизации. Открыто погребение в 2018 г., однако большая его часть исследована в 2019 г.

В ходе разборки костей разрез погребения не делали: во-первых, эта операция бессмысленна до выявления так называемого ядра (которого может и не быть); во-вторых, опыт прошлых лет показал, что ядро скопления может располагаться под шлейфом в любом месте. В-третьих, представление о форме скопления объективно отражает 3D-съемка тахеометром (рис. 5–7). Погребение разбирали от краев скопления к центру с тем, чтобы избежать затаптывания объекта в ходе расчистки (вмещающий грунт – рыхлый крупнозернистый песок, покрашенный органикой и углем почти до черного цвета). В сечении скопление костей представляло собой плоскую линзу (рис. 5–7). Вопрос о первоначальной форме погребения остается открытым, но можно предположить, что оно было заглублено относительно древней дневной поверхности, хотя это заглубление было небольшим (по сравнению с соседним погребением 53, но, скорее всего, глубже погребения 54).

Индивидуальные находки из этого погребения мы перечислим все вместе, поскольку никакой системы в их расположении не выявлено (рис. 8). В 2018 г. найдена прямоугольная трапецевидного сечения рамка от пряжки из медного сплава (№ 70). Такие пряжки известны в грунтовой части могильника, в частности, в погребениях 27 (уч. 5) и 34 (уч. 13) раскопа 6. Рамка от железной гитаровидной пряжки (№ 72), также известный на этом могильнике тип, встречена в кургане 1. Бусы: двухслойная с ярко-голубой кантарелью (№ 94), оплавленная трехчастная двуслойная пронизь (№ 93); пронизь двухчастная двуслойная с желтой кантарелью (№ 87) обнаружена в кв. 1379, несколько в стороне от погребения 52, но могла входить в состав его инвентаря. К северу от погребения 52 просеивание слоя позволило обнаружить слиток стекла с припекшимся обломком кости (№ 91).

В 2019 г. к этому списку добавились менее выразительные находки: капли металла (№ 2, 15, 27), обломок неатрибутированного железного изделия (№ 3), слиток синего (?) стекла (№ 5), шплинт (№ 21) – ушко от полой пуговицы или бубенчика салтовского типа, железное изделие (нашивная бляшка? – № 26). Просев позволил обнаружить шплинт (№ 29), часть оплавленного изделия из медного сплава (№ 32), каплю металла (№ 1). Очевидно, что находки в целом невыразительны и почти не поддаются атрибутированию и датировке. Исключение составляют шплинты – деталь, указывающая на салтовскую одежду на погребенном, и круглая форма капель металла, косвенно указывающая на попадание воды в расплавленный металл.

¹ Авторы выражают признательность М. В. Чичиной (ГСГУ) за помощь в подготовке статьи.

Рис. 1. План центральной части Щуровского комплекса. Красным цветом отмечены погребения, исследованные в 2016–2019 гг.

Приведем результаты антропологического анализа погребения.

Фрагменты изученных кремированных останков имеют цвет от коричневого и темно-серого до белого, преобладает светло-серый цвет. Средний их размер – до 2 см; на поверхности некоторых костей зафиксированы параболические деформационные трещины, возникшие вследствие термического воздействия. Согласно цветовым шкалам и показателям на основе эксперименталь-

ных данных (Wahl, 1981. S. 273; Großkopf, 2004. S. 26–27; Walker, Miller, 2005) можно предположить, что температура горения погребального костра была неравномерна и могла варьироваться в среднем от 700 до 1000°C.

Общая масса останков из погребения – 7873,32 г. Это одно из самых больших по объему погребений на памятнике. Вес неопределимых костей – 6683,18 г; определимых фрагментов костей человека – 41,17 г; костей животных – 1147,96 г.

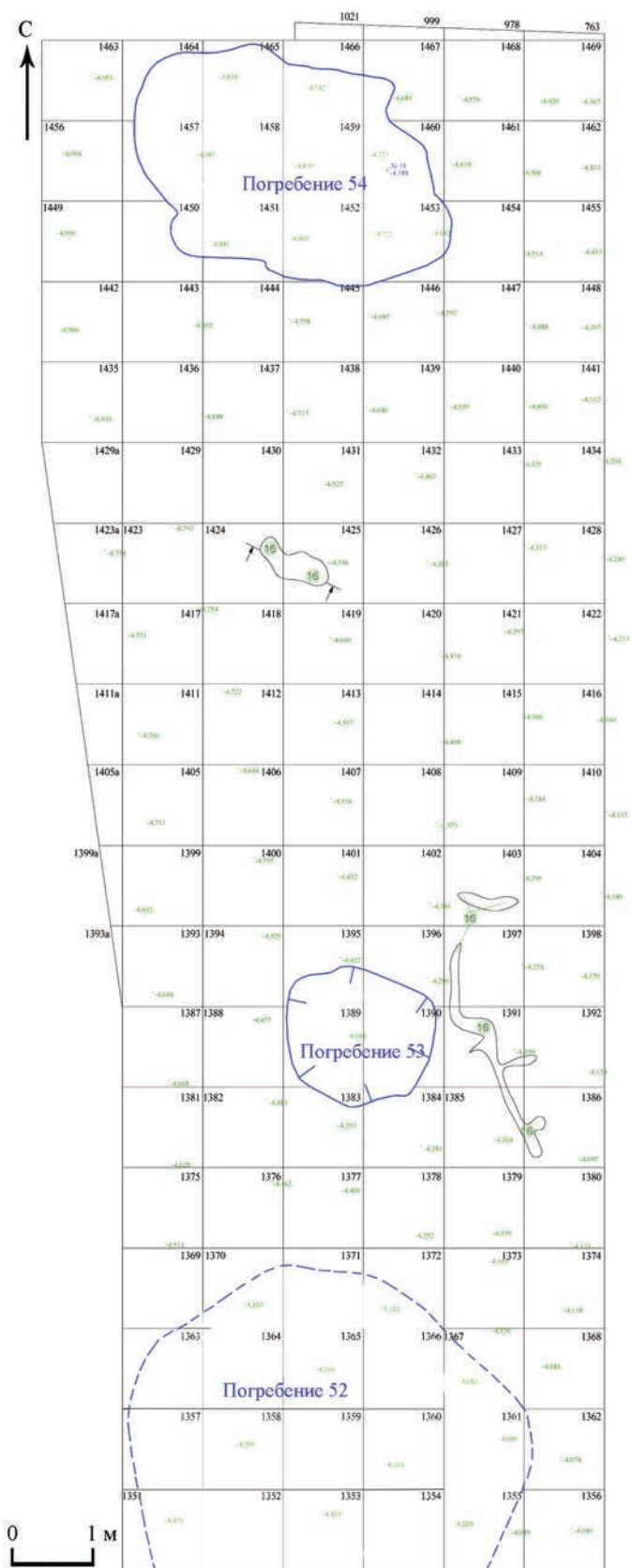

Рис. 2. Схема раскопов 2018–2019 гг.

Рис. 3. Общий вид на участок 24 раскопа 6, 2018 г. На переднем плане разборка погребения 52; на заднем виден разрез погребения 53

Рис. 4. Фрагменты древнерусской круговой керамики среди костей погребения 52, 2018 г.

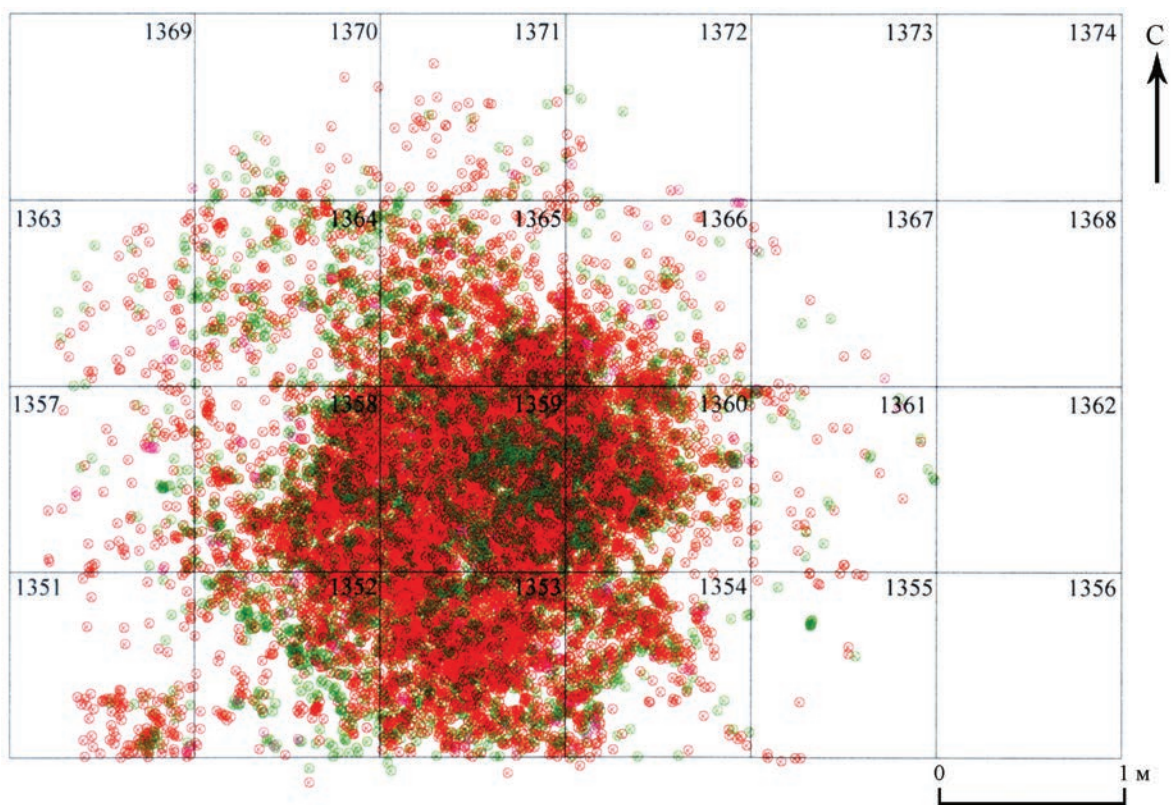

Рис. 5. 3D-модель погребения 52, вид сверху. Красным цветом показаны мелкие осколки (до 1 см), зеленым – средние (1–2 см), фиолетовым – крупные (свыше 2 см в поперечнике)

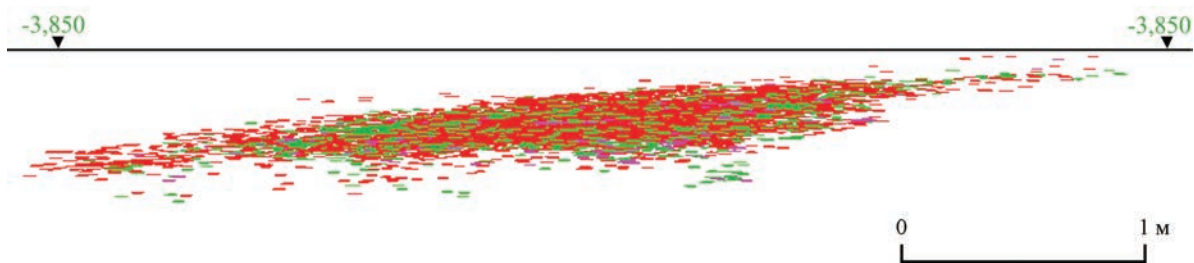

Рис. 6. 3D-модель погребения 52, вид с юга. Красным цветом показаны мелкие осколки (до 1 см), зеленым – средние (1–2 см), фиолетовым – крупные (свыше 2 см в поперечнике)

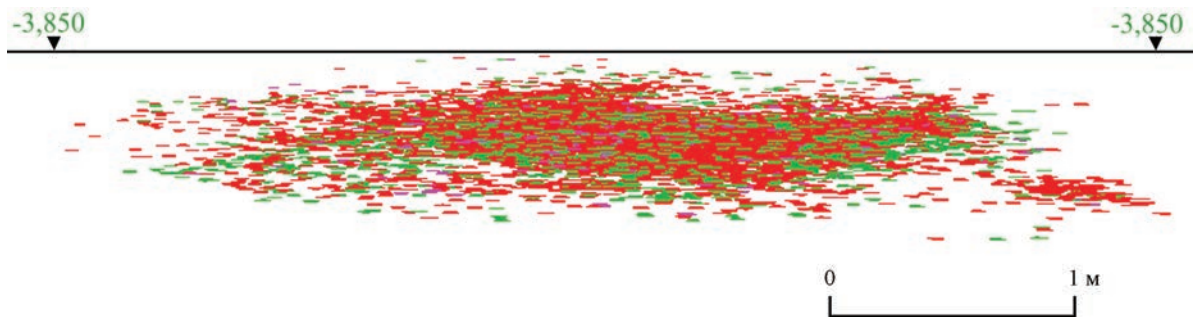

Рис. 7. 3D-модель погребения 52, вид с запада. Красным цветом показаны мелкие осколки (до 1 см), зеленым – средние (1–2 см), фиолетовым – крупные (свыше 2 см в поперечнике)

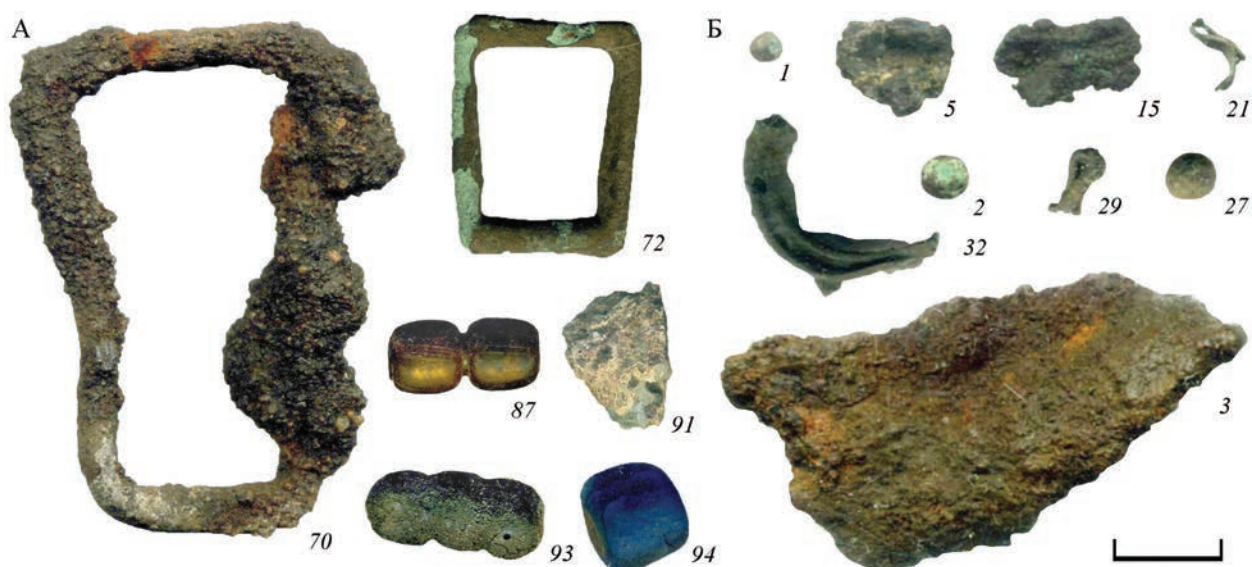

Рис. 8. Находки из скопления костей погребения 52. В левой части предметы 2018 г., в правой – 2019 г. Номера соответствуют полевым описям

Рис. 9. Разрез погребения 53

Значительная часть материала представляет собой костную пыль либо трубчатые полые кости, по которым невозможно определить, человек это или животное.

Кости человека в скоплении в целом сильно измельчены. Однако удалось выявить фрагменты свода черепа, корней зубов (премоляров, резцов), позвонка, шиловидный отросток черепа, а также

фрагменты фаланг. Больше никаких анатомически определяемых костей не обнаружено. Выявлены фрагменты костей животного (до 3–4 см) – свода черепа и хвостового отдела позвоночника.

Исходя из проанализированного материала, можно сделать вывод, что человеческие останки принадлежат взрослой женщине (миниатюрная дуга атланта, маленькие корни зубов), а также ре-

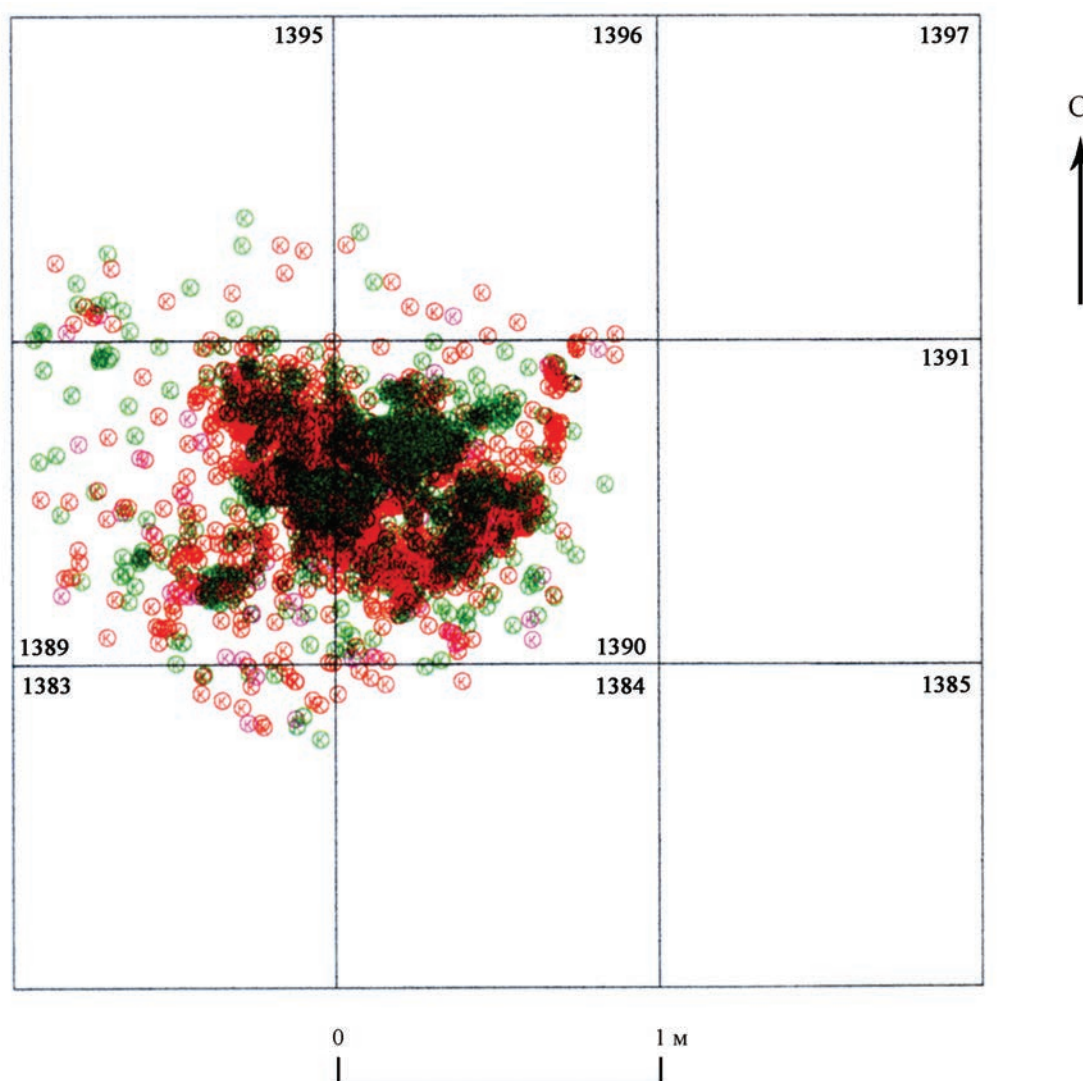

Рис. 10. 3D-модель погребения 53, вид сверху. Красным цветом показаны мелкие осколки (до 1 см), зеленым – средние (1–2 см), фиолетовым – крупные (свыше 2 см в поперечнике)

бенку возрастом до 14 лет (обнаружен молочный зуб?). Это пятый случай парного захоронения и второй случай обнаружения сочетания женщины с ребенком (до этого: погребение 20 2011 г.); еще дважды удавалось определить взрослого человека с ребенком без определения пола (погребение 11 2012/13 гг. и погребение 15 2014 г.). Известен еще только один случай, когда в парном захоронении присутствовал взрослый мужчина, пол и возраст второго погребенного не определен (погребение 22 2011 г.).

Погребение 53.

Этот объект довольно необычен, поскольку принадлежит к редко встречающемуся в Щурово типу погребений в ямке. Кости изначально открыты в виде компактного скопления с углем и вос-

принимались как шлейф погребения 52. По мере расчистки и понижения слоя вокруг костей стало понятно, что этот объект заглублен ниже уровня могильника, представляет собой компактное пятно и отличается необычно высоким количеством угля в виде обугленных плах или досок (рис. 2; 3). Погребение также исследовалось в течение двух сезонов и в два приема. Первоначально в 2018 г. сняли южную половину и зафиксировали разрез (рис. 3, 9), в 2019 г. выбрана северная часть. Яма погребения в сечении имела сужающиеся стенки и дно со ступенчатыми уступами (рис. 9). В ней фактически наблюдалось два плотных скопления костей, располагавшихся на склонах ямы, в ее западной и восточной частях (рис. 10–12). Центр заполнения ямы содержал сравнительно небольшое

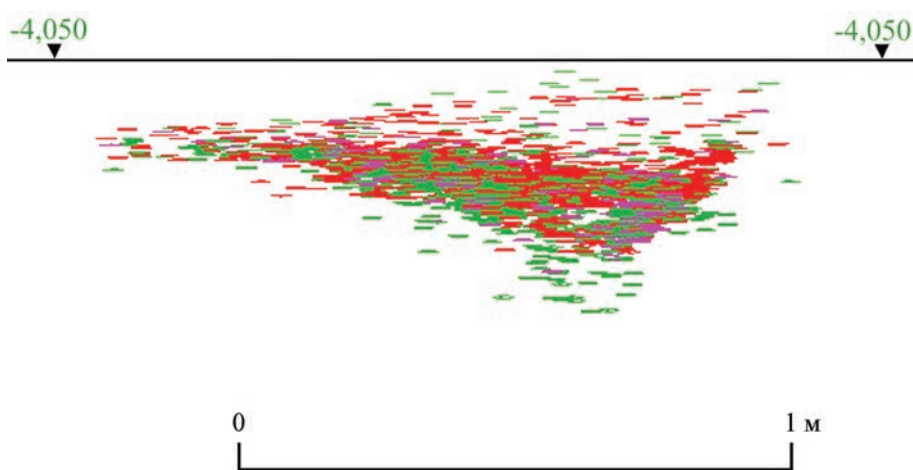

Рис. 11. 3D-модель погребения 53, вид с юга. Красным цветом показаны мелкие осколки (до 1 см), зеленым – средние (1–2 см), фиолетовым – крупные (свыше 2 см в поперечнике)

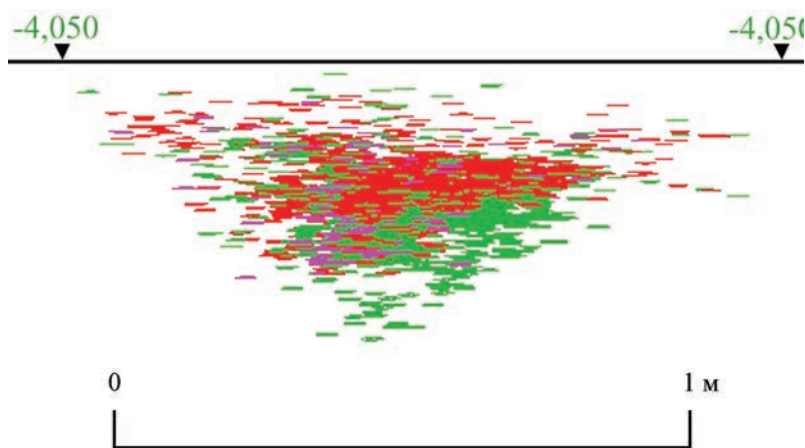

Рис. 12. 3D-модель погребения 53, вид востока. Красным цветом показаны мелкие осколки (до 1 см), зеленым – средние (1–2 см), фиолетовым – крупные (свыше 2 см в поперечнике)

количество костей, причем этот разреженный промежуток в центре также имел в сечении наклон с востока на запад.

Скопления угля в виде сгоревших плашек или поленьев концентрировались в основном в восточной периферии, причем часть их располагалась с сильным наклоном. Тщательная разборка заполнения не выявила какой-либо определенной картины. Расположение сгоревших плашек и костей внутри ямы довольно хаотичное (хотя в 2018 г. казалось, что плашки являются сгоревшим перекрытием ямы, просевшим под костями и грунтом).

Находки из погребения 53 (рис. 13) следующие: железная пряжка с подпрямоугольной рамкой и прогнутым язычком (№ 4), часть изделия из медного сплава (№ 9), слиток стекла неопределимого

цвета (№ 11), капля металла (№ 13) и обломок железной иглы (№ 14).

Охарактеризуем антропологический материал. Обломки кремнированных останков имеют цвет от черного и коричневого до светло-серого и белого. Средний размер обломков – до 2–3 см (некоторые достигают 5 см), значительная масса останков представлена костной мукой. На поверхности костей зафиксированы параболические деформационные трещины, возникшие вследствие термического воздействия.

Информация о массе кремнированных останков важна, так как может использоваться для реконструкции погребальной традиции. При стабильно малых или стабильно высоких массах кремнированных останков можно судить о том,

депонировались ли останки человека вместе с животным в полном объеме или в погребении присутствует лишь небольшая часть кремированных фрагментов. Общий вес костей погребения – 2026,51 г. Оно включает в себя кости животного весом 497,17 г (средний размер костей 3 см, иногда достигают 5 см, что говорит о довольно хорошей сохранности при данной температуре) и кремированные останки человека, взрослого индивида, весом 71,33 г. Среди определяемых человеческих костей точно выявлены фрагменты свода черепа (некоторые со швом), корней зубов (полностью сохранился клык), нижней челюсти с альвеолярной частью, ребер.

Определить половую принадлежность невозможно, так как не выявлены фрагменты с анатомически выраженными особенностями, используемыми в обычной антропологической практике определения пола. Биологический возраст определяется 45+ (о чем позволяют судить возрастные изменения на корнях зубов, фалангах и телах позвонков).

Погребение 54.

Центр погребения находился на одной линии с погребениями 53, 52, а также погребениями участков 19 и 23, исследованных в 2017 г. (рис. 1; 2). Однако в силу высокой степени поврежденности распахкой площадь разлета костей ве-

Рис. 13. Инвентарь погребения 53. Номера соответствуют полевой описи 2019 г.

лика. Наиболее концентрированная часть шлейфа занимала площадь около 20 кв. м, при этом само погребение сравнительно слабо насыщено костями и не имеет четких границ (рис. 14). Погребение

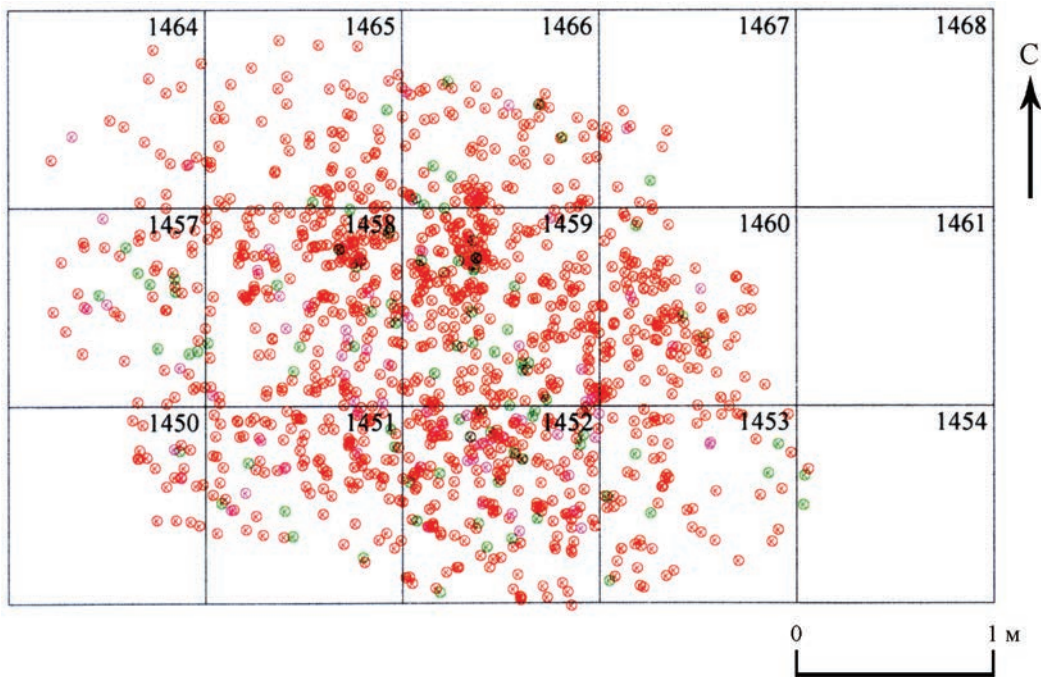

Рис. 14. 3D-модель погребения 54, вид сверху. Красным цветом показаны мелкие осколки (до 1 см), зеленым – средние (1–2 см), фиолетовым – крупные (свыше 2 см в поперечнике)

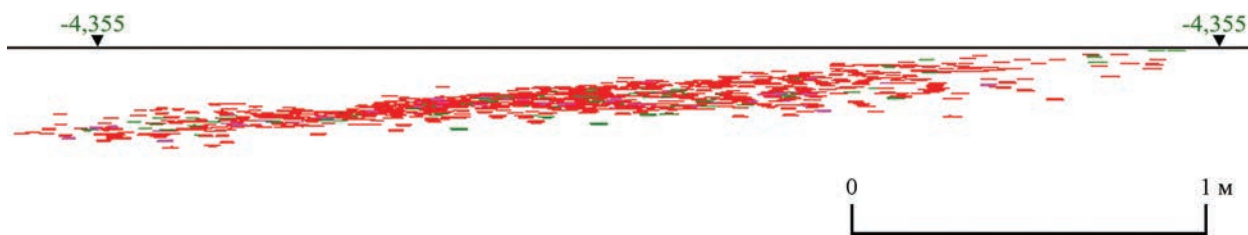

Рис. 15. 3D-модель погребения 54, вид с юга. Красным цветом показаны мелкие осколки (до 1 см), зеленым – средние (1–2 см), фиолетовым – крупные (свыше 2 см в поперечнике)

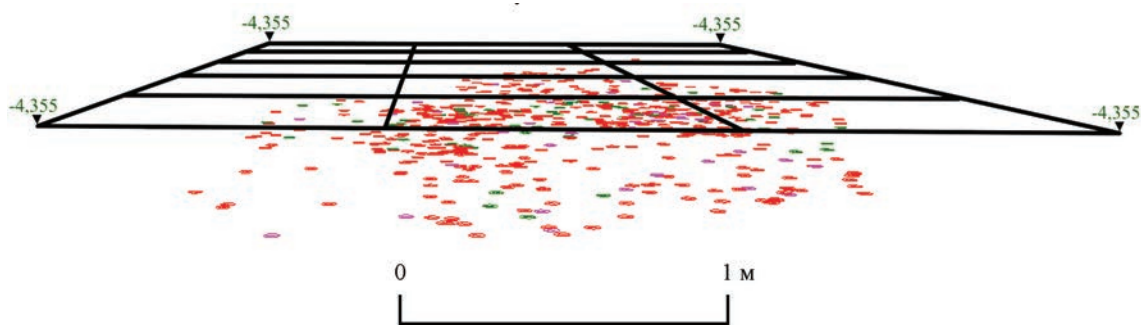

Рис. 16. 3D-модель погребения 54, вид с запада. Красным цветом показаны мелкие осколки (до 1 см), зеленым – средние (1–2 см), фиолетовым – крупные (свыше 2 см в поперечнике)

представляло собой овальную в плане линзу костей, плоскую в сечении и разреженную по сравнению с описанными выше погребениями 52 и 53 (рис. 14–16). Толщина линзы колебалась в пределах 18 см (высчитана по максимально разнесенным костям в центре скопления), максимальный перепад высот составил 37 см с востока на запад, приблизительные размеры по наиболее насыщенному ареалу костей – около 4×5 м. Вмещающий слой внутри линзы несколько темнее фонового слоя, но принципиально от него не отличается. Внутри не было сколько-нибудь значительного

скопления угля. По 3D-моделям видно, что «облако» костей представляло собой плоскую линзу, залегавшую с уклоном, повторявшим уклон склона, с востока на запад (рис. 14–16). Такая форма скоплению придана распашкой. Вопрос о первоначальном облике погребения остается открытым, однако, вероятнее всего, погребение не имело заглубленной в землю части и первоначально располагалось на дневной поверхности целиком (или с совсем небольшим заглублением: опыт подсказывает, что при незначительном изначальном заглублении ядро было бы выражено). Еще один вывод, который можно сделать на основании 3D-модели, заключается в том, что, несмотря на высокий разлет костей в плане, их концентрация к северу снижается. Вероятно, это означает, что погребение попало в раскоп целиком.

Находки из погребения 54 (рис. 17): желтая стеклянная пронизь (№ 10), слиток голубого прозрачного стекла (№ 28), капля металла (№ 31). Это минимальное количество, хотя примеры безынвентарных погребений в Щурово многочисленны.

Обломки кремированных останков из этого погребения имеют цвет от синего и серого до белого, средний их размер – до сантиметра (редко 2 см), на поверхности некоторых костей зафиксированы параболические деформационные трещины,

Рис. 17. Инвентарь погребения 54

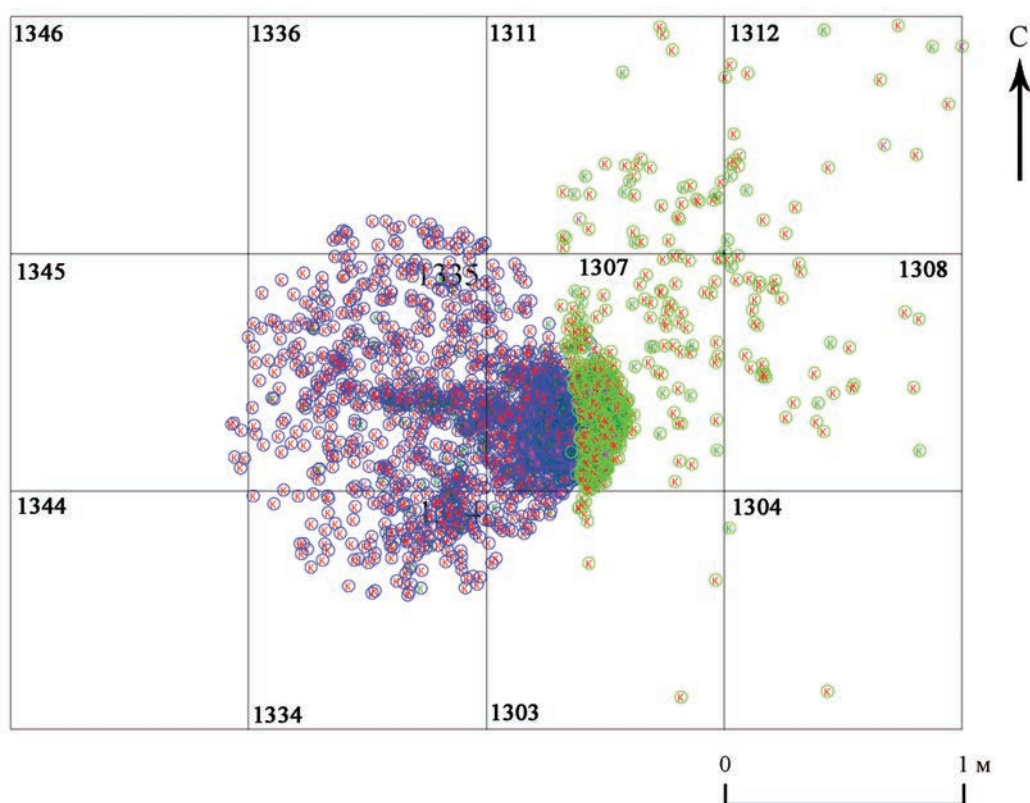

Рис. 18. 3D-модель погребения 50, вид сверху. Зеленым цветом показаны кости 2017 г., синим – 2018 г.

возникшие вследствие термического воздействия. Согласно цветовым шкалам и показателям на основе экспериментальных данных (Wahl, 1981. P. 273; Walker, Miller, Richman, 2005), можно предположить, что температура горения погребального костра была неравномерна и могла варьироваться в среднем от 800 до 1000°C.

Общая масса останков из погребения – 316,02 г. Вес неопределимых фрагментов костей – 296,89 г, определимых костей человека – 10,73 г, костей животных – 8,4 г. Низкий процент определимых костей объясняется плохой сохранностью: температура уничтожила внутреннюю структуру кости. Процентное соотношение: человеческих костей – 3,3%, животных – 2,6%. Среди определимых человеческих костей точно выявлены фрагменты свода черепа, эпифиз пястной/плюсневой кости, обломок позвонка. Сделать выводы о половозрастной принадлежности индивида затруднительно.

Отметим следующее обстоятельство: хотя при описании погребений мы неоднократно упоминали распашку, ее следов в этом сезоне не обнаружено. Строго говоря, следы распашки замечены лишь однажды (Сыроватко, Гольева, 2018). Однако после обнаружения стало понятно, что существуют и косвенные ее признаки: помимо состояния самих кремаций это гомогенный окрас слоя по площади и глубине, вертикально залегающие в слое обломки керамики. В прежние годы исследований предполагалось, что кремации на склоне не были распашаны. Однако теперь, сравнивая 3D-модели крайнего западного ряда кремаций², видно, что разлет костей по линии север – юг увеличивается, в то время как плотность скоплений падает. Погребение 54 оказывается наименее плотным из всех. В раскопах, расположенных севернее и исследованных в 2015–2017 гг., кремаций не встречено, хотя среди находок были явно вещи погребального облика,

² На рис. 18–20 показана 3D-модель погребения 50, исследованного в 2017–2018 гг. и опубликованная лишь частично; 3D-модели погребений 48–49, расположенные еще южнее, см.: Сыроватко, Трошина, 2018. Там же показано погребение 47, совсем не задетое распашкой. Все это заставляет нас несколько подкорректировать предложенную ранее реконструкцию частично заглубленных погребений (Сыроватко и др., 2015). В предложенной ранее модели фактор распашки не учтен, хотя полностью новые данные ее не отрицают.

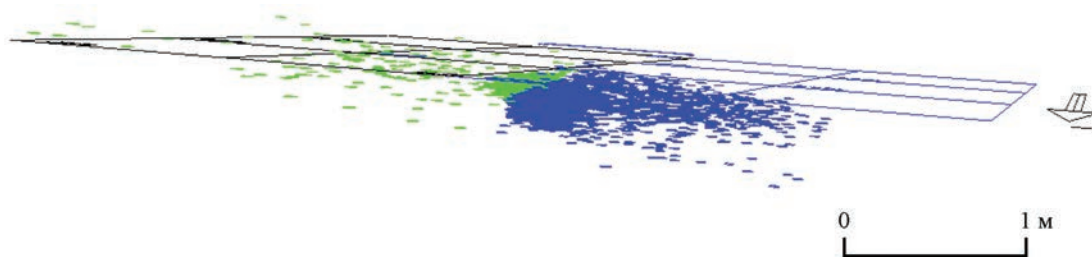

Рис. 19. 3D-модель погребения 50, вид с северо-запада. Зеленым цветом показаны кости 2017 г., синим – 2018 г.

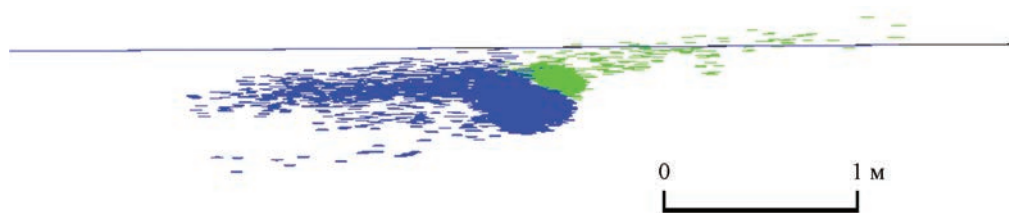

Рис. 20. 3D-модель погребения 50, вид с юга. Зеленым цветом показаны кости 2017 г., синим – 2018 г.

равно как и отдельные кальцинированные кости. По всей видимости, древнее пахотное поле не имело четкой границы, и его южный край, заходящий на северный склон холма, затрагивал погребения распашкой неравномерно. 3D-модели отражают это постепенное нарастание разрушений. Поэтому погребение 54 может оказаться последним:

на пространстве к северу от него культурный слой и погребения распаханы. Возможно, там сохранились объекты, подобные погребению 53, помещенные в ямки. Однако на могильнике эта форма сравнительно редка, и поиск таких погребений, перекрытых аллювиальным балластом, представляется малоперспективным.

Литература

Сыроватко А. С., Клещенко Е. А., Свиркина Н. Г., Трошина А. А., 2015. Грунтовые кремации Щурово: к вопросу о первоначальной форме погребений // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 147–154.

Сыроватко А. С., Гольева А. А., 2018. О следах древней распашки на Щуровском могильнике // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 505–511.

Сыроватко А. С., Трошина А. А., 2018. Новые погребения Щурово: некоторые итоги 2017 г. // Оки связующая нить: археология Среднего Почья. Ступино: Ступинский историко-краеведческий музей. С. 110–123.

Großkopf B., 2004. Leichenbrand Biologisches und kulturhistorisches Quellenmaterial zur Rekon-

struktion vor- und frühgeschichtlicher Populationen und ihrer Funeralpraktiken // Zur Erlangung des akademischen Grades Dissertation D.Ph. Leipzig. 339 s.

Wahl J., 1981. Beobachtung zur Verbrennung menschlicher Leichname. Über die Vergleichbarkeit moderner Krematorien mit prähistorischen Leichenbränden // Archäologisches Korrespondenzblatt. № 11. S. 271–279.

Walker P. L., Miller K. W. P., Richman R., 2008. Time, temperature and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bones // The analysis of burned human remains. San Diego: Acad. Press. P. 129–135.

A. S. Syrovatko, V. P. Guseva, E. A. Kleshchenko

To the question of the boundaries of the Shchurovsky burial ground (burials from the excavations of 2019)

Summary

The article publishes the results of a study of three burials-cremations at the Shchurovo burial ground (Moscow region, near the town of Kolomna). The au-

thors conclude that the increase in aggregation area downhill is the result of plowing.

List of figures

- Fig. 1. Plan of the central part of the Shchurovsky complex. Burials of 2016–2019 highlighted in red**
Fig. 2. Excavation scheme 2018–2019
Fig. 3. General view of site 24 of excavation 6, 2018. In the foreground, disassembly of burial 52; in the background is a section of burial 53
Fig. 4. Fragments of Old Russian circular ceramics among the bones in burial 52, 2018
Fig. 5. 3D model of burial 52, view from above. Small fragments (up to 1 cm) are shown in red, medium (1–2 cm) in green, large (over 2 cm in diameter) in purple
Fig. 6. 3D model of burial 52, view from the south. Small fragments (up to 1 cm) are shown in red, medium (1–2 cm) in green, large (over 2 cm in diameter) in purple
Fig. 7. 3D model of burial 52, view from the west. Small fragments (up to 1 cm) are shown in red, medium (1–2 cm) in green, large (over 2 cm in diameter) in purple
Fig. 8. Finds from the accumulation of bones from the burial 52. On the left items from 2018, on the right – 2019. Numbers correspond to field records
Fig. 9. Burial 53 in section
Fig. 10. 3D model of burial 53, view from above. Small fragments (up to 1 cm) are shown in red, medium (1–2 cm) in green, large (over 2 cm in diameter) in purple
Fig. 11. 3D model of burial 53, view from the south. Small fragments (up to 1 cm) are shown in red, medium (1–2 cm) in green, large (over 2 cm in diameter) in purple
Fig. 12. 3D model of burial 53, view from the east. Small fragments (up to 1 cm) are shown in red, medium (1–2 cm) in green, large (over 2 cm in diameter) in purple
Fig. 13. Inventory from burial 53. Numbers correspond to field records 2019.
Fig. 14. 3D model of burial 54, view from above. Small fragments (up to 1 cm) are shown in red, medium (1–2 cm) in green, large (over 2 cm in diameter) in purple
Fig. 15. 3D model of burial 54, view from the south. Small fragments (up to 1 cm) are shown in red, medium (1–2 cm) in green, large (over 2 cm in diameter) in purple
Fig. 16. 3D model of burial 54, view from the west. Small fragments (up to 1 cm) are shown in red, medium (1–2 cm) in green, large (over 2 cm in diameter) in purple
Fig. 17. Inventory from burial 54
Fig. 18. 3D model of burial 50, view from above. The bones of 2017 are shown in green, and 2018 in blue
Fig. 19. 3D model of burial 50, view from the northwest. The bones of 2017 are shown in green, and 2018 in blue
Fig. 20. 3D model of burial 50, view from the south. The bones of 2017 are shown in green, and 2018 in blue

А. С. Сыроватко*, Е. А. Клещенко, Н. Г. Свиркина****

* Коломенский археологический центр, Коломна (Московская обл.)

** Институт археологии РАН, Москва

Лужки Е – кремации и ингумации на одном могильнике

Лужки Е – памятник-легенда. Открытый в 1989 г. В. В. Сидоровым и им же частично исследованный в 1993 г., он получил известность в среде специалистов, занимающихся проблематикой раннего Средневековья, хотя материалы его почти не опубликованы, а коллекция по большей части утрачена (Сидоров, 2004). Возобновив раскопки на памятнике, мы столкнулись, как это часто бывает, с новыми и неожиданными сюжетами (Сыроватко, 2013)¹.

Раскоп 2013 г. был совсем небольшим, 6×5 м (на рис. 1 показан красным цветом), и продолжал раскоп 2011 г., материалы которого опубликованы (Сыроватко, 2013). Несмотря на площадь, объектов было довольно много: материк поврежден большим количеством небольших и разновременных ям. Но наиболее яркими и заслуживающими публикации оказались два новых погребения-кремации, одна ингумация и загадочный ров, в заполнении которого еще в 2011 г. также было открыто погребение. Охарактеризуем каждый из них.

Загадка лужковских ровов

Начнем описание со рва, участок которого разрезан раскопом 2011 г. В 2013 г. прослежено восточное окончание этого объекта. Еще в ходе раскопок 1993 г. В. В. Сидоров открыл странные объекты – прямые в плане рвы (или ровики), идущие параллельно краю террасы, не менее трех. Ров, исследованный нами в 2011–2013 гг., возможно, является окончанием рва № 1 по обозначениям 1993 г. (рис. 2, б). В этих объектах встречались скопления костей и даже урновые кремации. Не стал исключением участок в раскопе 2011 г. – крупный «ко-

мок» костей на склоне рва с находками, характерными для грунтовых кремаций (Сыроватко, 2013). Положение погребения во рву (рис. 2, з) убеждало, что это погребальный объект, поскольку линза черного углистого песка располагалась у самого дна². Вместе с тем возникли следующие вопросы.

1. Верхнее заполнение рва – коричневатый песок с позднесредневековыми находками, и мощность этого песка весьма велика. Почему ров не оплыл в интервале с X по XVIII в.? Почему в заполнении не читается процесс обрушения стенок?

2. Белоглиняная керамика XVII–XVIII вв. находилась в контакте с погребением рядом со рвом 2011 г. и очень глубоко, включая черный песок на дне рва. Если с погребением на ровном участке площадки все объяснимо повреждениями слоя распахкой и колеями дороги, то для рва, врезанного в песчаный грунт, это странно.

В 2013 г. мы также наблюдали обломки белоглиняной керамики в нижней черной части заполнения рва. Но самым удивительным стал развал стеклянного штофа XVIII в. (?), располагавшийся в придонной части (рис. 2, 8; 3). Именно эта находка склоняет нас к мысли, что ров не является погребальным объектом, он сооружен в позднем Средневековье и частично засыпан слоем могильника.

В связи с этим нельзя не вспомнить о белоглиняной крышке горшка, найденной В. В. Сидоровым в 1993 г. в заполнении такого (или этого же) рва ниже урновой кремации. Внешне по фотографии (местонахождение находки неизвестно) она выглядит как обычная крышка позднесредневекового сосуда, абсолютно укладывается в контекст

¹ Авторы выражают признательность М. В. Чичиной (ГСГУ) за помощь в подготовке статьи.

² Наше видение стратиграфии отличается от описания В. В. Сидорова, считавшего, что слой кремаций был выше придонной части заполнения (Сидоров, 1993. С. 13), но ведь не обязательно речь идет об одном и том же объекте.

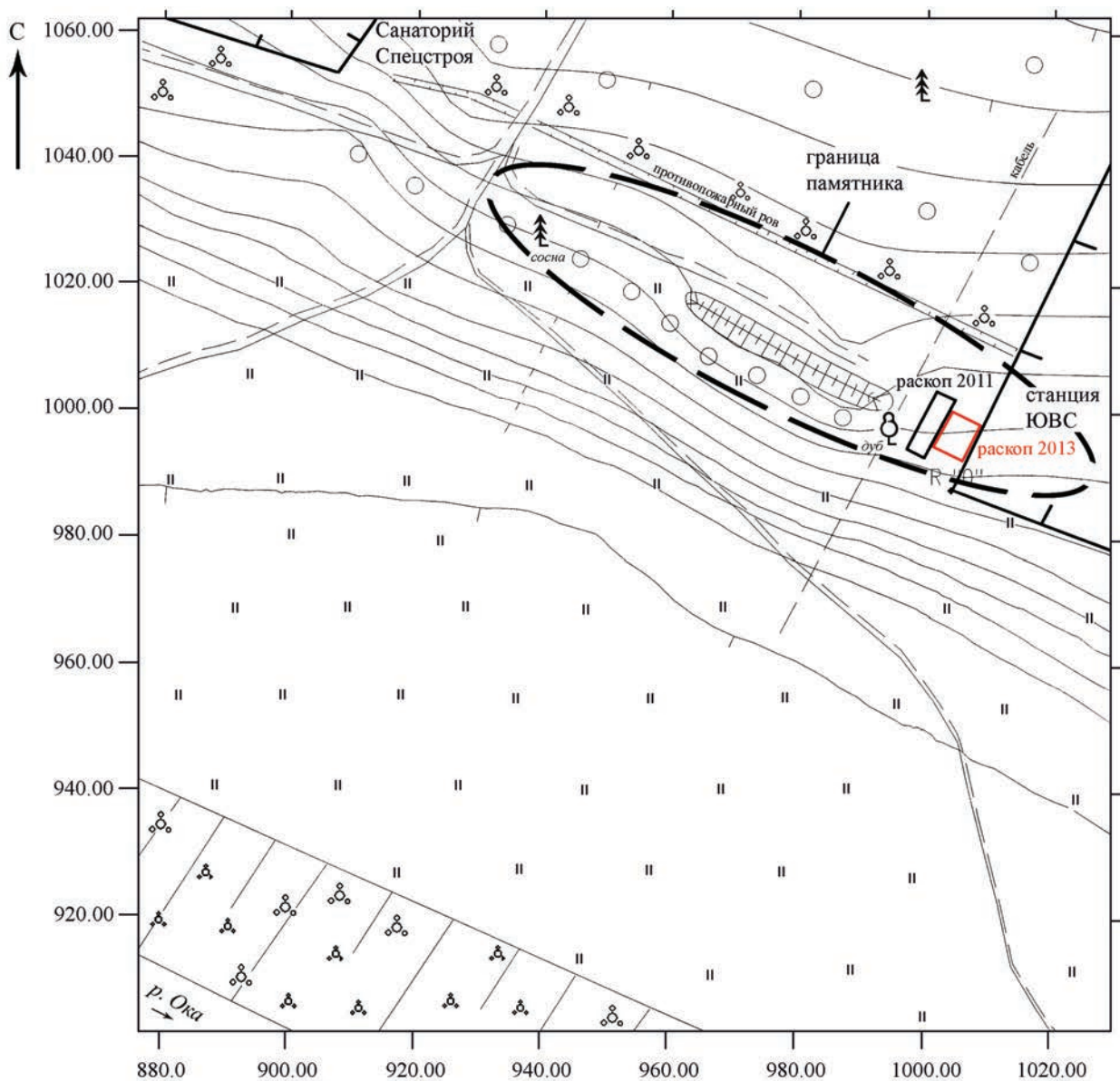

Рис. 1. Могильник Лужки Е, съемка 2011 г. Красным цветом отмечен контур раскопа 2013 г.

штофа и белоглиняной керамики во рву и поверх погребения 2011 г. Если принять версию о позднем происхождении рва, снимается множество вопросов – и о стратиграфии этого объекта, и о странном контакте материалов XVII–XVIII вв. с кремациями X в. Может, это свидетельство сброса слоя погребений с площадки могильника в ров? В этом случае придется допустить, что, по крайней мере, одна урна с костями – из раскопок 1993 г. – была аккуратно перенесена и поставлена в этот ров также в XVII или XVIII столетии.

Следует, как нам кажется, внимательнее отнестись к так называемой колее в кв. 5–15–25–30 (рис. 2, 7), выделявшейся среди остальных борозд

еще в 2011 г. Она странным образом параллельна рву и заканчивается напротив него. Это поздний объект, но он, возможно, не является колеей и как-то связан с поздним (?) рвом. Если наша интерпретация рва как позднего объекта верна, то помимо урнового погребения (*Сыроватко и др., 2013*) переотложенным является еще и погребение со дна рва (рис. 2, 3) в кв. 27 2011 г. (*Сыроватко, 2013*).

Отметим, что странная активность в Новое время на могильнике с кремациями не уникальна: на могильнике Соколова Пустынь в 2018 г. открыта деревянная конструкция из кольев, наклонно вбитых под (!) погребение-кремацию.

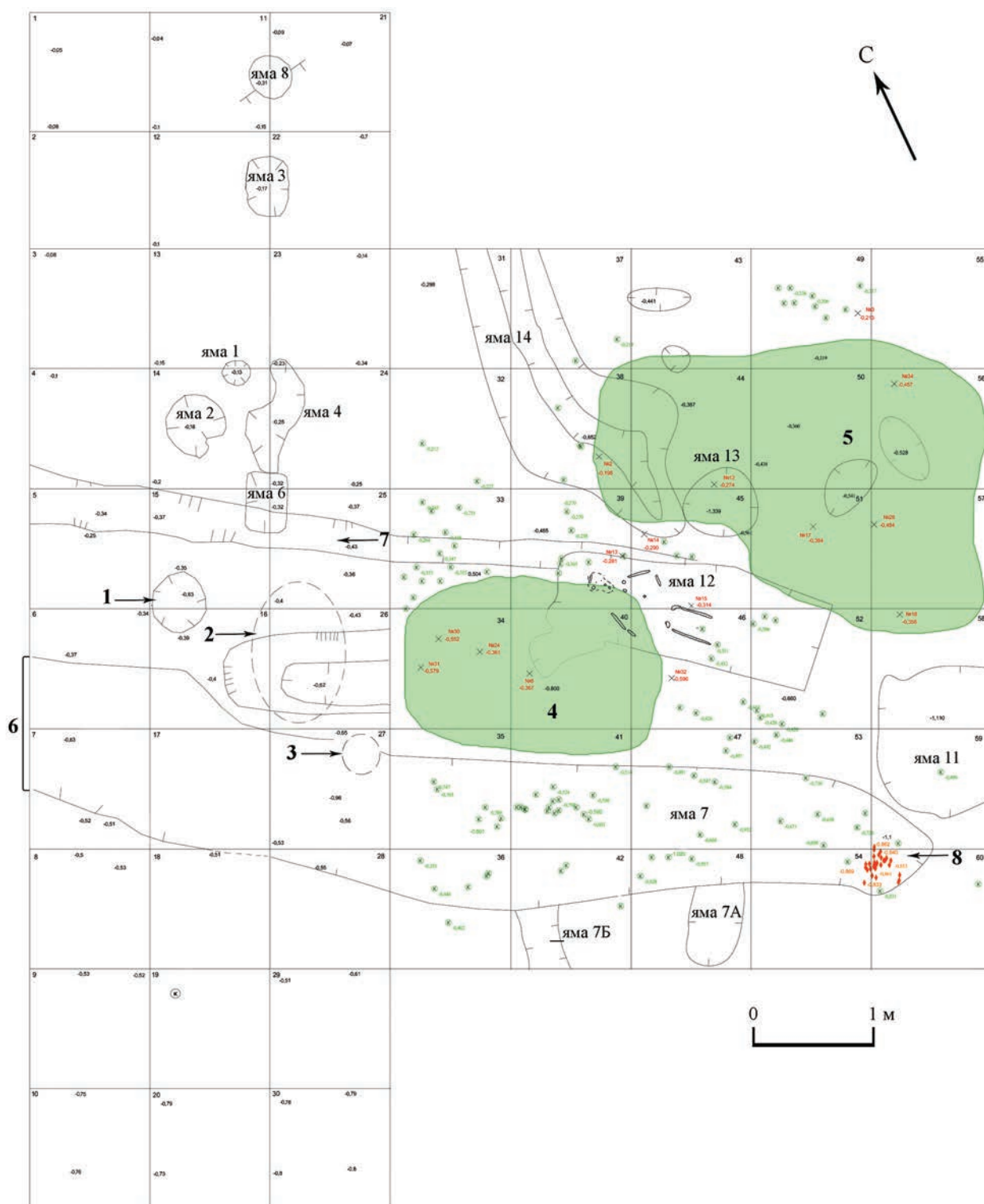

Рис. 2. Сводный план раскопов 2011–2013 гг. Сплошной заливкой зеленым цветом отмечены скопления костей 2013 г., отдельными значками – разрозненные кости за пределами скоплений

1 – парное погребение, кв. 15–16, 2011 г., 2 – скопление костей на краю рва, кв. 25–26, 2011 г.;
 3 – скопление костей во рву, 2011 г.; 4 – погребение в кв. 34–40, 2013 г.; 5 – погребение у северного борта, 2013 г.;
 6 – ров (яма 7); 7 – канавка; 8 – скопление стекла на дне рва, кв. 53

Рис. 3. Образцы стекла из рва в кв. 53

Дискретных скоплений кальцинированных костей в раскопе 2013 г. было два. Первое располагалось в северо-восточной части раскопа, в кв. 44–50, 45–51, 56–57, и условно именуется погребением у северного борта (рис. 2, 5). Второе находилось на краю рва, в кв. 34–40 (рис. 2, 4), и могло, судя по планиграфии, составлять одно целое с погребением из кв. 25–26 раскопа 2011 г. (рис. 2, 2). Возможно, что погребение из рва – из кв. 27 (2011 г.) – также некогда являлось частью этого же погребения (рис. 2, 3). Артефакты из коллекции 2011 г. опубликованы (Сыроватко, 2013), но антропологическая часть на тот момент обработана не была; в настоящей публикации мы имеем возможность привести данные по всем скоплениям.

При работе с кремированными останками из погребений Лужков применен сравнительно-анатомический метод исследования. Описание фрагментов костей проведено согласно общепринятым стандартам изучения кремированных останков, с учетом весовых показателей, размера, цветности, наличия характерных деформационных трещин. Эта методика основана на данных судебно-медицинской экспертизы, апробирована на широком спектре материалов кремаций раннего железного века

и раннего Средневековья, включает стандартизованную оценку массы, размера, количества, цветности, характера деформаций фрагментов кремированных костей, их видовую принадлежность и половозрастные показатели (Шупик, 1964, 1969; Добровольская, 2010. С. 85–87; Звягин, Анушкина, 2014; Широбоков, Юшкова, 2014; Клещенко, 2016. С. 51–52; Клещенко, Свиркина, 2018; Doklädal, 1970; Wahl, 1981a, 1981b; Baker, 2004; Scott, 2008; The analysis... 2008; Walker et al., 2008; Zipp, 2010).

Фрагменты изученных кремированных останков из всех скоплений имеют светло-серый – белый цвет, размер фрагментов – преимущественно до 3–4 см, на поверхности костей зафиксированы характерные деформационные трещины. Согласно цветовым шкалам и показателям на основе экспериментальных данных (Клещенко, Решетова, 2019, С. 25; Wahl, 1981b, S. 273; Großkopf, 2004. S. 26–27; Walker, Miller, 2005), можно предположить, что температура горения погребального костра во всех случаях была относительно равномерна и варьировалась от 800 до 1000°C.

Погребение 2013 г. в квадратах 34–40 2013 г. (рис. 2, 4; 4). В кв. 34, где располагались шлейф костей (остатки погребения 2011 г.?) и небольшое

Рис. 4. Находки из погребения в кв. 34–40 2013 г. В подписях указаны полевые номера

вытянутое в плане углубление (яма 9), найдены однослойная двухчастная пронизь желтого стекла и два шплинта (№ 24, 30, 31 – рис. 4). По многочисленным аналогиям из Старой Ладого, Новгорода, Гнездово, Минино II, Томниковского и Лядинского могильников пронизь можно датировать X – началом XI в. Последние две находки, интерпретируемые нами как ушки от полых салтовских пуговиц, зафиксированы глубже основной линзы костей, то есть залегали в самой яме 9. С этим же скоплением костей можно увязать крестопорезной литой бубенчик с орнаментом на лопастьях и металлическим шариком внутри (№ 8 – рис. 4). Все эти находки, хоть и немногочисленны, абсолютно укладываются в набор из основной части погребения 2011 г. (Сыроватко, 2013). С некоторым отлетом от основной линзы костей (во рву) обнаружен слиток стекла (№ 29 – рис. 4).

Общий вес останков из этого скопления (рис. 2, 4) составляет 296,82 г, из них 276,70 г – неопределимые фрагменты костей; 13,98 г – анатомически определимые обломки человеческих костей; 6,14 г – кости животного. Фрагменты костей человека принадлежат взрослому. Среди определимых – части черепа и нижней челюсти, конечностей, ребер. Несколько фрагментов (кости черепа и нижних конечностей) позволяют предположить, что это погребение как минимум одного индивида – мужчины старше 30–35 лет. По массе и комплектности человеческих останков можно сделать вывод, что депонирована лишь часть кремации.

Как мы уже отметили выше, это скопление могло составлять некогда один комплекс с костями скопления в кв. 25–26 2011 г. и со скоплением на дне рва, в кв. 27 2011 г. Находки и планы этих

скоплений опубликованы (Сыроватко, 2013), ниже мы приведем только антропологические характеристики этих объектов.

Скопление костей в кв. 25–26 2011 г. (рис. 2, 2). Общий вес останков из погребения составляет 822,81 г, из них 744,52 г – неопределимые обломки костей; 3,47 г – анатомически определимые фрагменты человеческих костей; 53,66 г – кости животного. Кости человека принадлежат минимум одному взрослому индивиду.

Скопление костей в кв. 27 2011 г. («погребение во рву» – рис. 2, 3). Общий вес останков из погребения составляет 249,89 г, из них 187,52 г – неопределимые обломки костей; 52,71 г – анатомически определимые фрагменты человеческих костей; 10,82 г – кости животного. Кости человека принадлежат минимум одному индивиду – взрослому человеку (около или старше 40 лет, предположительно женщина). Среди определимых – фрагменты всех отделов скелета. По массе и комплектности человеческих останков создается впечатление, что на место захоронения помещена большая часть останков кремации.

Отметим, что результаты анализа костей не дают ответа на вопрос, составляли ли все три скопления один объект. Определения возраста схожи для всех трех скоплений, а определения пола для «скопления во рву» и в кв. 34–40 недостаточно надежны. Кроме того, если наша версия о вторичном попадании костей в ров верна, то из этого следует, что перемещены они могли быть из любой части могильника. Вместе с тем на этом могильнике есть пример парного погребения. Оно было открыто в 2011 г. и опубликовано (Сыроватко, 2013), но только сейчас мы можем привести антропологические характеристики этого объекта.

Рис. 5. Кости из погребения у северного борта: фрагмент черепа со следами ранения (?)

Погребение в кв. 15–16 2011 г. (рис. 2, 1). Общий вес останков из погребения составляет 516,26 г, из них 376,98 г – неопределимые обломки костей; 89,41 г – анатомически определяемые фрагменты человеческих костей; 49,87 г – кости животного. Кости человека принадлежат минимум двум индивидам – взрослому человеку старше 40 лет и молодому индивиду 20–40 лет (предположительно женщине). Среди определяемых – фрагменты черепа и нижней челюсти, конечностей, позвонков. По массе и комплектности человеческих останков депонирована лишь часть кремации.

Парная кремация является важной деталью погребального обряда. Подобные кремации есть в погребениях Соколовой Пустыни и Щурово.

Опишем теперь последнее погребение-кремацию 2013 г.

Погребение у северного борта раскопа 2013 г. (рис. 2, 5). Это скопление костей, довольно разреженное, без выраженного центра (или даже с разреженным центром и насыщенной периферией), рас-

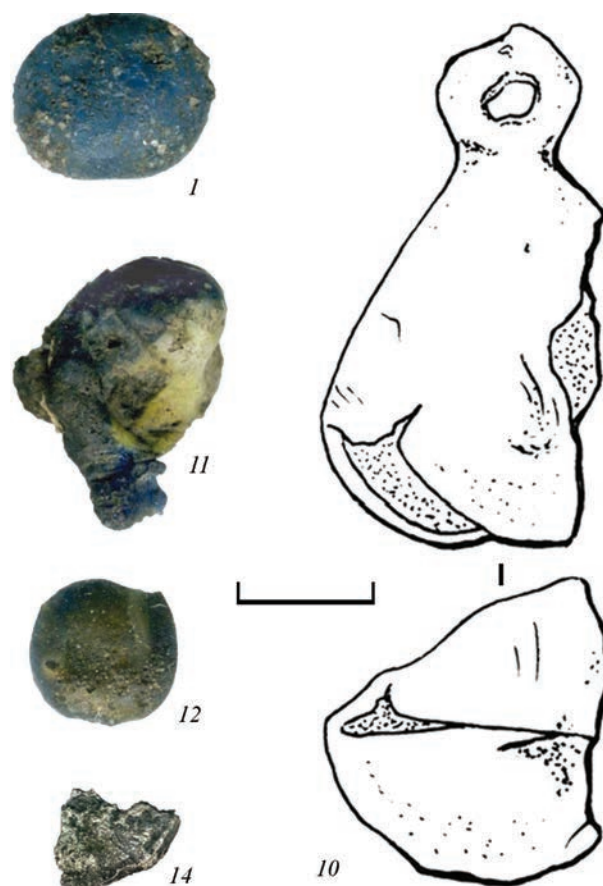

Рис. 6. Находки из погребения у северного борта. В подписях указаны полевые номера

полагалось в кв. 44–50, 45–51, 56–57. Общий вес останков из кв. 50–51 составляет 172,59 г, из них 146 г – неопределимые обломки костей; 26,59 г – анатомически определяемые фрагменты человеческих костей. Кости человека принадлежат минимум одному индивиду – взрослому человеку около или старше 40 лет. Среди определяемых – фрагменты черепа и нижней челюсти, конечностей, позвонков. Останков животных в погребении не обнаружено, этим оно отличается от остальных подобных объектов могильника.

В кв. 50 обнаружен фрагмент второго шейного позвонка взрослого индивида со следами искривления на правую сторону (предположительно шейно-грудной сколиоз), что могло приносить затруднения человеку при жизни. В кв. 56 удалось обнаружить фрагмент черепа взрослого индивида со следами предположительно проникающего колотого ранения от предмета заостренной формы, без следов заживления (рис. 5). Однако нельзя однозначно сказать, принадлежат ли эти кости одному индивиду.

Из находок, сравнительно уверенно связываемых с этим скоплением костей, следует отметить типичные для кремаций слитки стекла из расплавленных бус № 1 (синий?), № 11 (синий с желтым), № 12 (неопределенный цвет, возможно, синий с желтым) и оплавленный массивный бубенчик № 10 (рис. 6). Как и в предыдущем скоплении, это литой экземпляр, совершенно не схожий с щуровскими. Похожие, но значительно более массивные бубенчики есть в кремации могильника Соколова Пустынь 2 (Сыроватко и др., 2015). Возможно, к этому скоплению относится фрагмент пластины из белого металла № 14.

Находки погребального облика, обнаруженные вне погребений (рис. 7). Разрозненные находки, которые можно связывать с разрушенными погребениями, довольно яркие: лодейная (саночная?) заклепка № 9 в кв. 53, на краю рва. На предмете красноватая окалина, он великолепной сохранности и внешне имеет признаки пребывания в огне.

Из семи обнаруженных в раскопе изделий из стекла лишь три являются морфологически определимыми, остальные представляют собой слитки голубого, желто-коричневого и бесцветного стекла. Интересна мозаичная бусина № 7 с желто-красными глазками и бело-бирюзовыми полосками (рис. 7). Аналогии известны в Старой Ладоге в слоях Е2 и Е3 и на уровне построек горизонта Д, в Бирке, Салтовском, Дмитриевском, Лядинском, Томниковском могильниках, а также в Сосновке и Щурово. Этот тип бус датируется VIII–IX вв., доживая до X в. Наконец, обнаружена пятичастная золотостеклянная пронизь № 16 – редкое и довольно дорогое изделие, имеющее широкую датировку, не противоречащую дате X в. (рис. 7). Таким образом, немногочисленный бусинный материал указывает на X в., вероятнее, на первую его половину³.

Обычными находками на могильниках с кремациями являются капли металла от расплавленных украшений. Особого упоминания заслуживает сильно деформированный предмет № 21 (рис. 7). Весьма вероятно, что это серьга салтовского типа, которые В. В. Мурашева трактует как славянскую форму украшений населения Хазарского каганата (Мурашева, 2015). Отметим также два ножа: № 21 – с уступами при переходе к черешку и обломок № 27 со скосами по лезвию и спинке при переходе к черенку (рис. 7).

Ингумационный сюрприз

Полной неожиданностью стало обнаружение некремированного погребения в подпрямоугольной в плане яме (№ 12), прослеженной под слоем кремации (рис. 2; 8; 9). Ее заполнение было лишь слегка темнее материкового песка и читалось с трудом. В грунтовом захоронении обнаружены останки мужчины 35–45 лет⁴. Сохранность скелета плохая. Погребенный лежал на спине, головой на северо-запад. Кости грудного и поясничного отдела сохранились фрагментарно, кости правой руки отсутствовали, левая согнута в локте и лежала на животе, кости кистей рук отсутствовали. Кости лицевой части не сохранились, за исключением зубов. При первичном осмотре костей выявлены яркие биологические особенности:

- на зубах отчетливо прослеживаются следы эмалевой гипоплазии. Данная патология является маркером эпизодического стресса (сильный голод, серьезные заболевания);

- на верхнем левом резце и клыке имеются функциональные сколы – результат чрезмерной нагрузки на отдельные зубы;

- тазовые и бедренные кости отличаются сильной асимметрией. По всей видимости, это связано с травмой, полученной в молодом возрасте. Травма привела к снижению физической нагрузки на правую бедренную кость, что способствовало развитию гиподинамической дистрофии (окружность середины диафиза правой бедренной кости – 67 мм, левой – 74 мм).

Никаких артефактов при костяке не было, характер перекрытия и подстилки проследить не удалось. В заполнении ямы № 12 обнаружено 10 фрагментов керамики, подобная керамика встречалась и за пределами ямы, хотя в меньшем количестве. Венчик среди фрагментов всего один (рис. 9, 2), днища нет, скорее всего, это один сосуд. При этом форма венчика не дает нам возможности судить о возрасте и культурной принадлежности сосуда. Керамика имела примесь шамота в тесте, что является характерным признаком, указывающим на время не ранее второй четверти I тыс. н. э. Профилировка венчика указывает на еще более поздний возраст – последнюю четверть I тысячелетия н. э. или даже начало II тысячелетия. Впрочем, измельченность керамики является главным препятствием для надежных выводов.

³ Авторы выражают признательность А. А. Трошиной (ИА РАН) за консультации и определения находок из стекла.

⁴ Пол определен по массивности и развитости костей черепа (выйные линии развиты, особенно верхние и затылочные, сосцевидный отросток массивный); возраст – по степени облитерации черепных швов, степени стертости зубов (стертость 2–3-й степени, сохранились бугорки).

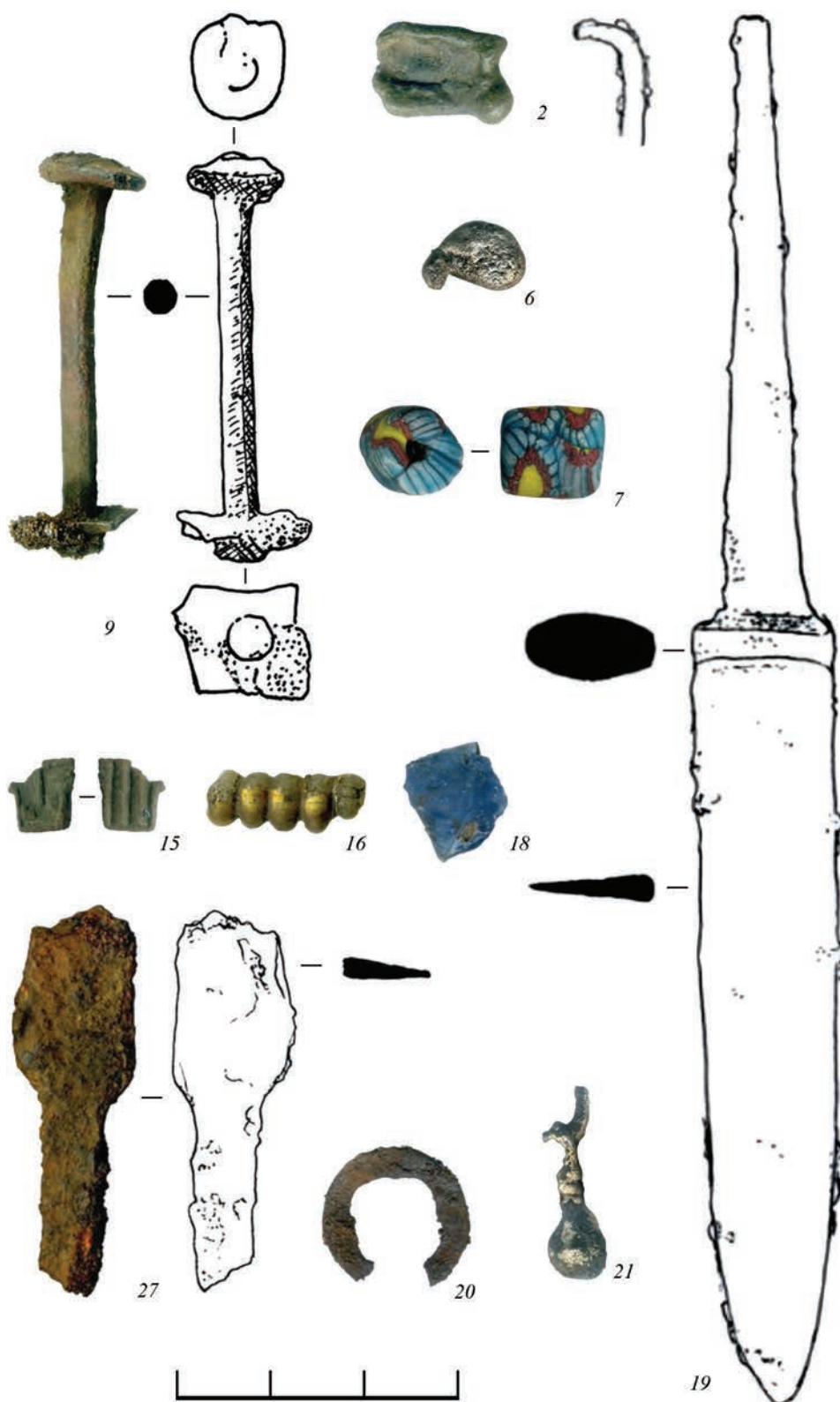

Рис. 7. Находки периода могильника за пределами скоплений.
В подписях указаны полевые номера

Рис. 8. Ингумация 2013 г. Вид с востока

Радиоуглеродный возраст костяка, полученный по коллагену в костях свода черепа (обр. ИГАН-АМС 7606), составил 1060 ± 20 л.н., что в калиброванном виде⁵ приходится (68,3% вероятности, 1 сигма) на интервал 981–1014 гг.н.э., или рубеж X–XI вв. Первоначально мы предполагали, что это погребение является частью могильника Д, исследованного Р.А. Нигматуллиным и К.В. Ворониным (АКР, 1997. С. 161–162). Могильник Д располагался рядом с могильником Е, чуть ниже по течению Оки, поэтому такое предположение вполне уместно. Погребения могильника Д относились, вероятно, к эпохе Великого переселения народов. Однако погребение 2013 г. отличается северо-западной, а не северной ориентировкой и отсутствием подсыпки из мелких камней, что встречено в могильнике Д. Кроме того, хотя керамика из заполнения могилы весьма невыразительна, но больше всего – по тесту с шамотом и профили-

ровке единственного венчика – она похожа на керамику последней четверти I тысячелетия н.э.

Подведем итоги работ на этом небольшом раскопе.

1. Из всей яркой серии находок выделяется, конечно, корабельная заклепка. Даже то обстоятельство, что она не происходит непосредственно из скопления костей, искупается многочисленными перекопами и окалиной, делающими довольно вероятным ее попадание в прошлом в погребальный костер. Это стало сюрпризом, поскольку, во-первых, суда с клинкерной обшивкой не характерны для окской (и вообще для русской) традиции. Специально исследовавший этот вопрос П.Е. Сорокин считает, что они почти исключительно связаны со скандинавами (Сорокин, 1997. С. 90, 98). Вероятнее всего, это чуждый элемент, занесенный с Северо-Западной Руси или даже из Скандинавии; во-вторых, этот предмет, пусть и единичный,

⁵ Radiocarbon calibration program calib REV7.10. Copyright 1986–2018 M Stuiver and PJ Reimer References for calibration datasets: Reimer PJ, Bard E, Bayliss A, Beck JW, Blackwell PG, Bronk Ramsey C, Buck CE, Cheng H, Edwards RL, Friedrich M, Grootes PM, Guilderson TP, Hafflidason H, Hajdas I, HattГ© C, Heaton TJ, Hogg AG, Hughen KA, Kaiser KF, Kromer B, Manning SW, Niu M, Reimer RW, Richards DA, Scott EM, Southon JR, Turney CSM, van der Plicht J.

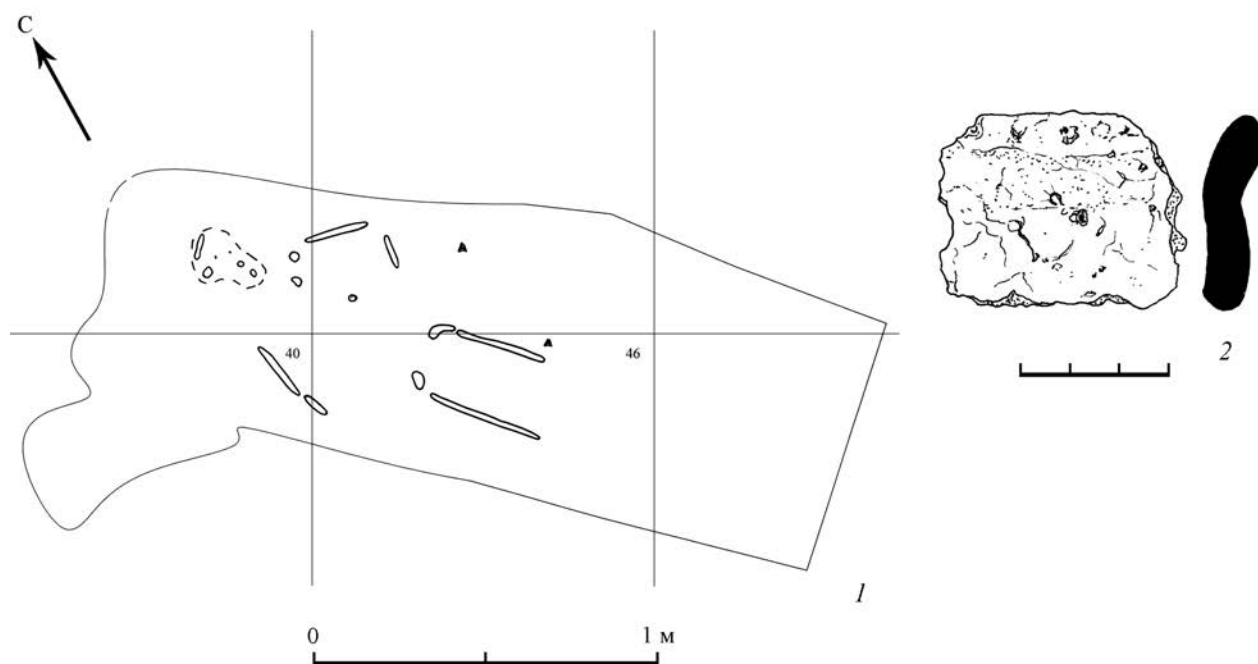

Рис. 9. План погребения-ингумации (1) и венчик сосуда из заполнения могильной ямы (2)

в контексте могильника указывает и на «северо-западный» (скандинавский) контекст погребального обряда, некий дериват кремации в ладье.

2. Несмотря на близость по набору инвентаря и обряду с Щуровским могильником, Лужки Е пока выглядят более молодым памятником. Это следует не только из набора бус, но и из облика бубенчиков, массивных, цельнолитых, весьма схожих с древнерусскими. В Щурово такие пока не обнаружены, там известны только тонкостенные, штампованные из двух половинок, с ушком – шплинтом.

3. Если до получения ^{14}C даты погребения № 11 логичной версией оставалась связь погребения-ингумации с могильником Лужки Д, то теперь остается только один вариант: это часть могильника Е, что сви-

детельствует о вариативности погребального обряда у населения, оставившего могильник. Не исключено, что описываемого индивида похоронили по иному обряду из-за инвалидности с молодости или детства.

4. Поскольку стратиграфия могильника однозначно свидетельствует о том, что ингумация появилась раньше кремации, ее радиоуглеродный возраст очерчивает нижний хронологический рубеж если не для всего могильника, то, по крайней мере, для этого участка. Как и предполагалось, судя по находкам из стекла (Сыроватко, 2013. С. 65), могильник Е моложе Щуровского. И если находки стеклянных изделий из Лужков допускали датирование X в., то результат радиоуглеродного анализа омолаживает его вплоть до XI в.

Литература

АКР. Московская область. Ч. 4. М.: ИА РАН. 1997. 352 с.

Алексеев В. П., 1966. Остеометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука. 249 с.

Добровольская М. В., 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.

Звягин В. Н., Анушкина Е. С., 2014. Установление видовой принадлежности костных останков // Российское полицейское право. № 1. М.: ООО НБ-Медиа. С. 178–193.

Клеценко Е. А., 2016. Кремации как исторический источник в изучении погребального обряда населения Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н. э. Дисс... канд. ист. наук. М. Т. 1 / Архив ИА РАН. 214 с.

Клеценко Е. А., Решетова И. К., 2019. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН. 224 с.

Клещенко Е. А., Свиркина Н. Г., 2018. Методические подходы при изучении кремированных костных останков из коллективных захоронений (на примере материалов Русского Севера I тыс. н. э.) // ТАС. Вып. 11. Тверь: Триада. С. 595–601.

Мурашева В. В., 2015. Серьги славян Хазарского каганата // Города и веси Средневековой Руси: археология, история, культура. М.; Вологда: Древности Севера. С. 161–168.

Сидоров В. В., 2004. Первые вятичи на Средней Оке // Археология Верхнего Поочья. Калуга: Изд-во науч. лит-ры Н. Ф. Бочкарево. 254 с.

Сорокин П. Е., 1997. Водные пути и судостроение на Северо-западе Руси в средневековье. СПб.: СПбГУ. 208 с.

Сыроватко А. С., Сидоров В. В., Клещенко Е. А., Трошина А. А., 2013. Могильник Лужки Е – некоторые наблюдения над старыми коллекциями // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 52–56.

Сыроватко А. С., 2013. Новые материалы могильника Лужки Е // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 56–67.

Широбоков И. Г., Юшкова М. А., 2014. Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малм (по результатам раскопок 2010 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО РАН. № 2 (25). С. 71–79.

Шурик Ю. П., 1964. К судебной-медицинской экспертизе обгоревших трупов. Автореф. дисс... канд. мед. наук. Киев. 16 с.

Шурик Ю. П., 1969. К экспертному исследованию золы при криминальном сожжении трупов // Вопросы судебной травматологии. Вып. 2. Киев. С. 163–165.

Baker A. J., 2004. A Taphonomic Analysis of Human Cremains from the Fox Hollow Farm Serial Homicide Site [Электронный ресурс] // A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Science in Human Biology in

the Graduate School of the University of Indianapolis. Indianapolis. 62 p. URL: <http://archlab.uindy.edu/documents/theses/BakerAJThesis.pdf> (дата обращения: 31.10.2016).

Doklädal M., 1970. Ergebnisse experimenteller Verbrennungen zur Feststellung von Form- und Größenveränderungen von Menschenknochen unter Einfluß von hohen Temperaturen // Anthropologie. № 8. S. 3–17.

Holck P., 1997. Cremated bones // A Medical-Anthropological Study of an Archaeological Material on Cremation Burials. Oslo: Anatomical Institute, University of Oslo. 160 p.

Scott I. F., 2008. Forensic cremation. Recovery and analysis. Boca Raton; L.; NY: Taylor & Francis Group. 159 p.

The analysis of burned human remains / Ed. C.W. Schmidt, S.A. Symes. San Diego: Academy Press, 2008. 278 p.

Wahl J., 1981a. Ein Beitrag zur metrischen Geschlechtsdiagnose verbrannter und unverbrannter menschlicher Knochenreste – ausgearbeitet an der Pars petrosa ossis temporalis // Zeitschrift Für Rechtsmedizin. 86. S. 79–101.

Wahl J., 1981b Beobachtung zur Verbrennung menschlicher Leichname. Über die Vergleichbarkeit moderner Krematorien mit prähistorischen Leichenbränden // Archäologisches Korrespondenzblatt. 11. S. 271–279.

Walker P. L., Miller K. W. P., Richman R., 2008. Time, temperature and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bones // The analysis of burned human remains. San Diego: Academy Press. P. 129–135.

Zipp K., 2010. Anthropologische Untersuchung der Körper- und Brandbestattungen des römischen Gräberfeldes Mainz-Kurfürstenstraße: mit einem Beitrag zu den Bauchlagenbestattungen in der römischen Antike. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades Doktor der Naturwissenschaften. Gießen. 303 s.

A. S. Syrovatko, E. A. Kleshchenko, N. G. Svirkina

Luzhki E - cremations and inhumations at one burial ground

Summary

The materials of the burial ground located in the Moscow region, on the left bank of the Oka river are considered. Under a layer of cremations was discovered inhumation men with signs of disability, with

a radiocarbon date for bone collagen (IGAN-AMS 7606) 1060 ± 20 years ago Consequently, the radiocarbon date is also the lower chronological boundary for the burial ground as a whole.

List of figures

Fig. 1. Luzhki E burial ground, survey 2011. The outline of the 2013 excavation site is marked in red

Fig. 2. Summary plan of excavations 2011–2013. Bone clusters of 2013 are marked with a solid green fill, separate icons are scattered bones outside the clusters

1 – twin burial, sq. 15–16, 2011; *2* – accumulation of bones at the edge of the moat, sq. 25–26, 2011 г; *3* – accumulation of bones in the moat, 2011; *4* – burial in sq. 34–40, 2013; *5* – burial at the north side, 2013; *6* – moat (pit 7); *7* – groove; *8* – accumulation of glass at the bottom of the moat, sq. 53

Fig. 3. Samples of glass from the moat in sq. 53

Fig. 4. Finds from the burial in sq. 34–40, 2013. Signatures contain field numbers

Fig. 5. Bones from a burial at the northern side: a fragment of a skull with traces of injury (?)

Fig. 6. Finds from the burial at the northern side. Signatures contain field numbers

Fig. 7. Finds synchronous to the burial ground outside the clusters. Signatures contain field numbers

Fig. 8. Inhumation, 2013. View from the east

Fig. 9. Plan of inhumation grave (1) and the rim of the vessel from the filling of the grave pit (2)

Е. К. Столярова*, Т. Ю. Савосина**

* МГУ имени М.В. Ломоносова,

** Институт археологии РАН, Москва

Бусы подмосковных курганных могильников Дарьино 1 и 2

В 2016–2017 гг. Подмосковная экспедиция Института археологии РАН под руководством А. В. Энговатовой проводила археологические исследования могильников Дарьино 1 и 2 в Одинцовском р-не Московской обл., на правом берегу р. Слезни (правый приток р. Москвы) (рис. 1).

Курганный могильник Дарьино 1 располагался в километре к северо-западу от д. Дарьино (рис. 2). Памятник открыт и обследован С. С. Ширинским в 1957 г. На момент обнаружения насчитывалось 16 насыпей, большая часть из которых была повреждена грабительскими ямами. В 1958 г. два кургана (1 и 4) раскопаны А. В. Успенской, в 1963 г. С. С. Ширинский исследовал еще 5 курганов (3, 10, 13, 14, 16). В 1970-х годах часть курганов раскопали местные краеведы и школьники.

В 300–400 м к северу от могильника Дарьино 1 расположен курганный могильник Дарьино 2 (рис. 2). На момент его обнаружения в нем насчитывалось

не менее 36 курганов. Большинство из них нарушено грабительскими ямами. В 1961 и 1963 гг. С. С. Ширинский исследовал девять насыпей.

В ходе работ 2016–2017 гг.¹ исследовались сохранившиеся остатки 14 курганных насыпей могильника Дарьино 1, восемь курганных насыпей могильника Дарьино 2 и межкурганное пространство.

В погребениях четырех курганов могильника Дарьино 1 (4, 5, 7, 11) и захоронениях пяти курганов могильника Дарьино 2 (1, 4, 5, 7, 8) обнаружены бусины из разных материалов (всего 96 экз.) (табл. 1). Большую их часть составляют бусины из стекла – 85 в погребениях могильника Дарьино 2 и две в погребении могильника Дарьино 1. Кроме того, найдены четыре хрустальные (три в Дарьино 2 и одна в Дарьино 1), три сердоликовые (все в Дарьино 1) и две янтарные (обе в одном погребении из Дарьино 2).

Таблица 1. Распределение находок бусин по погребениям курганных могильников Дарьино 1 и 2.

Погребения	Кол-во бусин в погребениях (экз.)				Итого
	стекло	горный хрусталь	сердолик	янтарь	
Курган 1 могильника Дарьино 2	–	1	–	–	1
Курган 4 могильника Дарьино 2	6	–	–	–	6
Курган 5 могильника Дарьино 2	1	2	–	–	3
Курган 7 могильника Дарьино 2	66	–	–	–	66
Курган 8 могильника Дарьино 2	12	–	–	2	14
Курган 4 могильника Дарьино 1	–	–	1	–	1
Курган 5 могильника Дарьино 1	–	1	–	–	1
Курган 7 могильника Дарьино 1	–	–	2	–	2
Курган 11 могильника Дарьино 1	2	–	–	–	2
Итого	87	4	3	2	96

¹ Благодарим руководителей раскопок А. М. Фатькова и Р. А. Федонина за предоставленный для изучения материал.

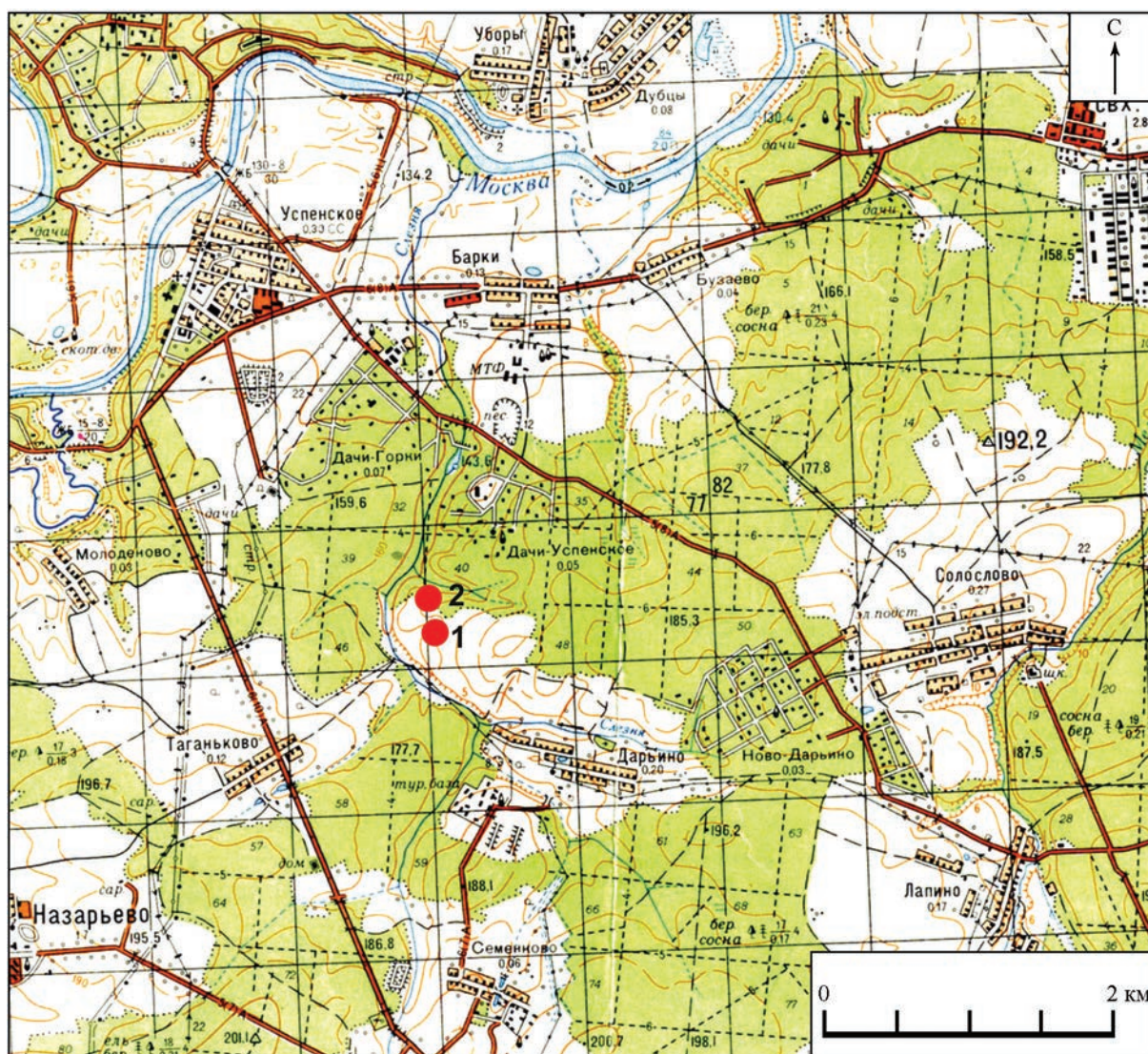

Рис. 1. Курганные могильники Дарьино 1 (1) и Дарьино 2 (2) на топографической карте

В погребении кургана 4 могильника Дарьино 2 найдено 6 бусин, из которых две можно отнести к бусам с металлической прокладкой (рис. 3, 1, 2). Бусины имеют округлую цилиндрическую форму и выполнены индивидуальной навивкой из бледно-желтого стекла. Сохранность их очень плоха: фольга и верхний покровный слой стекла отсутствуют. Однако наличие на сохранившихся основах желтой полосы дает нам возможность уверенно отнести их к этому типу. Более того, можно утверждать, что в качестве металлической прокладки использовано серебро или так называемый двойник, когда серебро лежало на основе бусины, а золото – сверху. При разогреве для закрепления фольги на стекле ионы серебра проникли в поверхностный слой стекла и окрасили его в желтый цвет. Такой способ,

называемый протравой, широко применялся в европейском стеклоделии при производстве витражей начиная с XIV в. В нашем же случае этот способ окрашивания получился непреднамеренно. Сохранность стекла бусин, а именно наличие кракелюра и желтой полосы, позволяет отнести эти бусы к древнерусскому, возможно, киевскому производству. Бытуют они в основном с конца XI до середины XII в. (Столярова, 2015. С. 10. Тип 3).

Остальные четыре бусины граненой эллипсоидной усеченной с двух сторон формы выполнены из синего прозрачного стекла индивидуальной навивкой и прессованием инструментом (рис. 3, 3–6). Их можно рассматривать как вариант так называемых рыбовидных. Классические типы этих бусин более крупные, их ширина колеблется от 1,00

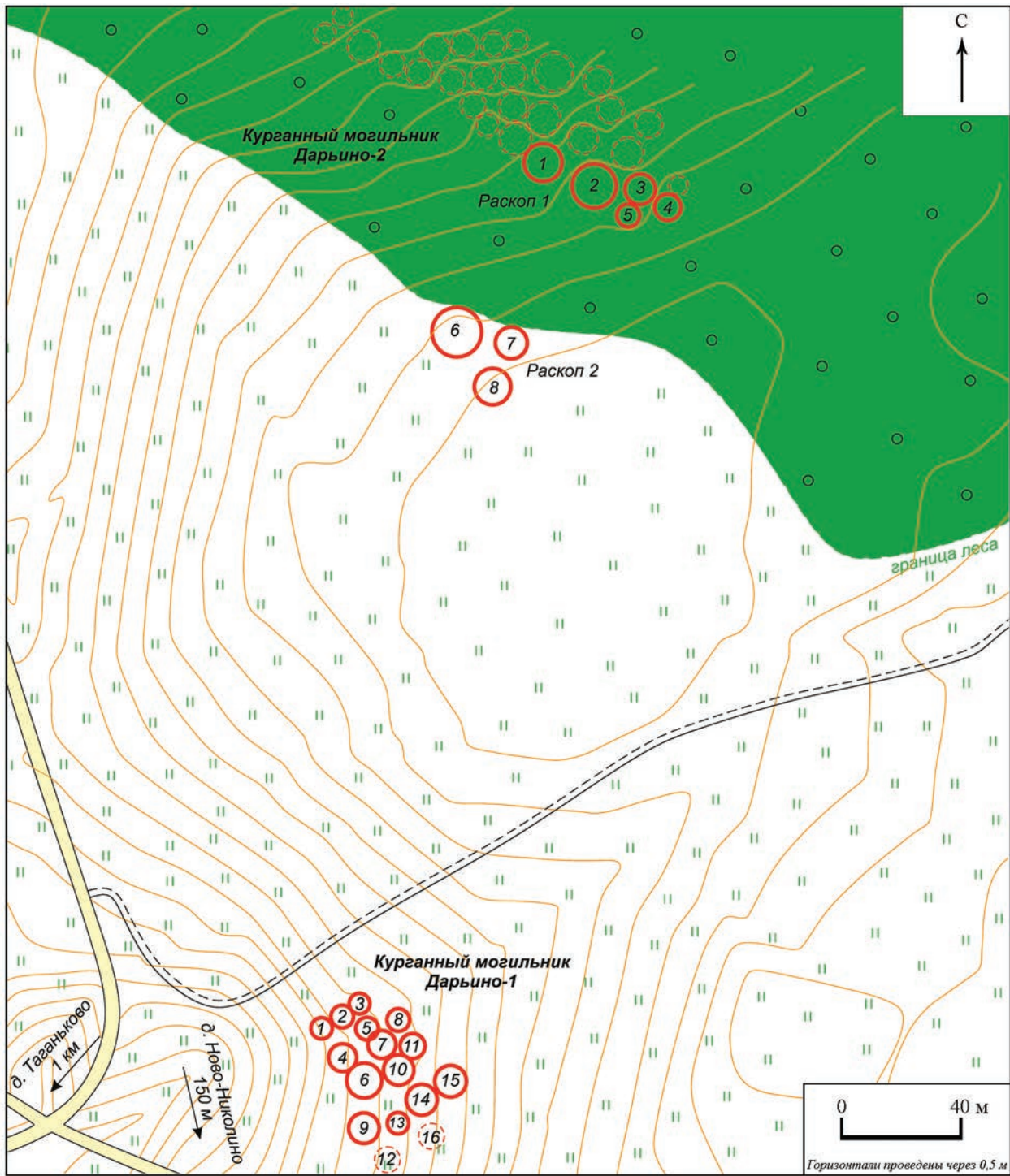

Рис. 2. Топографический план курганных могильников Дарьино 1 и Дарьино 2.
Цифрами обозначены номера курганов

до 1,65 см. В нашем же случае ширина бусин менее сантиметра. Точные аналогии их нам пока не известны. Классические же «рыбовидные» бусины, как считается, наиболее характерны для второй половины XII – первой трети XIII в. (Арциховский, 1930. С. 140). В частности, в Мякининском

могильнике они обнаружены в комплексах (курганы 5 и 27), относящихся к периоду последней четверти XII – начала XIII в. (Столярова, 2008. С. 54, 58; 2018. С. 69, 72; Энгватова, Коваль, 2018а. С. 36, 57), а в могильнике Новоселки 2 – в погребениях середины XII и второй половины XII – начала XIII в.

Рис. 3. Украшения из курганных могильников Дарьино 1 (40–45) и Дарьино 2 (1–39)

1–6 – погр. 1 кург. 4; 7–9 – погр. 1 кург. 5; 10 – погр. 1 кург. 1; 11–27 – погр. 1 кург. 7; 28–39 – кург. 8; 40, 41 – погр. 1 кург. 11; 42 – кург. 4; 43, 45 – кург. 7; 44 – погр. 1 кург. 5. (1–7, 12–36, 39–41 – стекло; 8–10, 44 – горный хрусталь; 11 – медный сплав, стекло; 37, 38 – янтарь; 42, 43, 45 – сердолик)

(курганы 14 и 19) (Столярова, 2019. С. 72–74). Цвет стекла и состояние сохранности этих бусин являются признаками калиево-свинцово-кремнеземного стекла древнерусского, возможно, киевского

производства, существовавшего со второй четверти XI в. по середину XIII в.

Помимо бусин в погребении присутствуют металлические украшения, среди которых есть находка

прорезной лунничновключенной привески с крестом, большинством исследователей датированной XII в. (*Гоняный, Аносов*, 2017. С. 209–210. Рис. 27, 11; *Журжалина*, 1961. С. 137. Рис. 1, 19; *Успенская*, 1967. С. 106, 107. Рис. 16, 11). Эта дата не противоречит датировке набора бусин, который мы относим к середине XII в.

В погребении кургана 7 найдено 66 бусин – самое большое количество из всех погребений обоих могильников. Однако сохранность их оказалась настолько плохой, что у 70% (46 экз.) мы не смогли определить форму, а у трети (22 экз.) – цвет. Тем не менее, можно говорить, что все эти бусины, за исключением нескольких экземпляров, являются однотипными – это небольшие по размеру бусины, от 0,6 до 0,8 см в диаметре, выполненные серийной навивкой, что привело к получению разнообразных форм: округлой зонной (шаровидной усеченной дважды), яйцевидной, эллипсоидной, грушевидной усеченных дважды (рис. 3, 12–27). Несмотря на то что не у всех бусин определяется цвет, вероятнее всего, все они выполнены из прозрачного стекла сине-зеленого цвета, указывающего на калиево-свинцово-кремнеземный состав стекла и древнерусское, возможно, киевское производство. Точных аналогий нам найти не удалось. Близкими можно считать бусины из погребения кургана 10 Мякининского могильника, датированного последней четвертью XII в. (*Столярова*, 2018. С. 70, 71; *Энговатова, Коваль*, 2018а. С. 43). Правда, в мякининском комплексе все они зонные и несколько крупнее. Также сходными являются бусины из погребений могильника Минино II, укладываемых в промежутки XII–XIII вв. (*Захаров, Кузина*, 2008. С. 186–188. Табл. 86. Тип III–12, 86).

Кроме бусин в погребении есть находка стеклянных вставок, украшающих концы плетеного браслета (рис. 3, 11). Они плоские, треугольные, шириной около сантиметра. Изготовлены при помощи литья в форму. Цвет стекла не устанавливается. Аналогичные находки происходят, например, из двух погребений: кургана 10 второй половины XII – первой половины XIII в. могильника Новоселки 2 (*Зоц, Гольева*, 2016. С. 132, 136. Табл. 1; *Столярова*, 2019. С. 72) и кургана 11 могильника близ д. Салтыковки, датированного автором раскопок XII в. (*Монгайт*, 1947. С. 84, 86. Рис. 1, 5). Однако присутствие в салтыковском погребении пятибусинных височных колец и ожерелья из горнохрустальных бусин позволяет передвинуть датировку этого комплекса в первую половину XIII в. В целом, по мнению исследователей, плетеные браслеты со стеклянными вставками на концах наиболее характерны для первой половины XIII в., хотя встречаются уже с конца XII в. (*Равдина*, 1975. Табл. 8; *Гоняный, Недо-*

шивина, 1991. С. 249–250. Рис. 4, 8; *Шполянский*, 2007. С. 101. Рис. 1, 1; *Зайцева, Сарачева*, 2011. С. 269; *Недошивина*, 2014. С. 37, 38. Рис. 8, 3). Все вышесказанное позволяет отнести данное погребение к концу XII – первой половине XIII в.

В погребении присутствуют и другие металлические украшения, но они имеют широкие датировки, не влияющие на дату, полученную по находкам из стекла. Среди них разнообразные круглые решетчатые привески (косорешетчатая и три кресто-включенных), датированные XII–XIII вв. (*Успенская*, 1967. С. 108. Рис. 18, 3, 10; *Седова*, 1981. С. 42. Рис. 10, 1; 14, 1; *Захаров*, 2004. С. 58. Рис. 65, 5), два пластинчатых широкосрединных разомкнутых перстня с геометрическим и растительным орнаментом, относящихся к тому же времени (*Недошивина*, 1967. С. 262. Рис. 32, 1, 2; *Сарачева*, 2018. С. 82. Рис. 168, 2), а также витой незамкнутый браслет, имеющий еще более широкую датировку – XI–XIII вв. (*Левашева*, 1967, С. 220).

Основная масса бусин погребения кургана 8 (8 экз.) аналогична бусинам предыдущего погребения – это бусины диаметром 0,6–0,9 см, выполненные в основном серийной навивкой в виде различных форм: округлой зонной, яйцевидной, эллипсоидной, цилиндрической, конической, но в отличие от находок из кургана 7 они сделаны из бежевого полупрозрачного стекла (рис. 3, 28–34, 36). Кроме того, в погребении присутствует винтообразная бусина из черного стекла (рис. 3, 35). Очевидно, эти бусы древнерусского происхождения, однако точнее локализовать их производство не представляется возможным, поскольку стекло как бежевого, так и черного цветов изготавливали и из калиево-свинцового стекла, основной центр производства которого находился в домонгольском Киеве, и из свинцового бесщелочного, которое могли варить и в других центрах Древней Руси, например, в Новгороде и Смоленске как до, так и после монгольского нашествия. Как и в предыдущем случае, точных аналогий для этих бус мы не нашли, но близкие им обнаружены в погребении первой половины XIII в. кургана VII Мякининского могильника (*Энговатова, Коваль*, 2018б. С. 104). Но они все из черного непрозрачного стекла и несколько меньшие по размеру (*Столярова*, 2018. С. 65). Еще одна похожая черная бусина, правда фрагментированная, происходит из погребения второй половины XII – начала XIII в. кургана 14 могильника Новоселки 2 (*Столярова*, 2019. С. 73). Есть схожие бусы и на Кубенском озере, в частности, в комплексе XII в. на селище Минино VI (*Захаров, Кузина*, 2008. С. 189. Табл. 87. Тип III–12, 81, 91).

Кроме них в погребении найдены две бусины из бледно-желтого стекла, изготовленные индивидуальной навивкой. Обе фрагментированы, но можно предполагать, что они имели зонную форму. Размеры одной не устанавливаются, у другой диаметр составляет 0,75 см. Кроме них под насыпью кургана, в слое погребенной почвы была найдена такая же стеклянная бусина, но более крупная (диаметр – 1,38 см) (рис. 3, 39). Судя по цвету и сохранности стекла, эти бусы можно оценивать как продукцию древнерусского киевского центра, работающего с калиево-свинцово-кремнеземным стеклом. Замечено, что форма и почти бесцветное стекло позволяют рассматривать их как подражание горнохрустальным (Полубояринова, 1988. С. 159). Подобные бусины встречаются в Новгороде начиная с 70–80-х годов XI в. Временем их наибольшего распространения являются XII – 30-е годы XIII в., однако отдельные экземпляры доживают до конца XIII – начала XIV в. (Щапова, 1956. С. 165–166; Захаров, 2004. С. 54). В подмосковном Мякининском могильнике такие бусы происходят из нескольких погребений (курганы 2, 6, 25, 27), укладываемых в период с середины до последней четверти XII в. (Столярова, 2008. С. 56, 58–59; Энгватова, Коваль, 2018а. С. 32, 38, 55, 57), в могильнике Новоселки 2 такие бусы, и крупные, и средних размеров, есть почти во всех погребениях с бусами, хронология которых середина XII – середина XIII в. (курганы 7, 10, 14, 19). В Белозерье подобные бусы найдены в погребении XII в. могильника Минино II и в комплексе середины XII – XIII в. селища Минино VI (Захаров, Кузина, 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 92).

Помимо стеклянных в погребении присутствуют две янтарные бусины: одна граненая эллипсоидная, другая плоская овальная (рис. 3, 37, 38). Для последней найдена аналогия на селище Минино I (Захаров, Кузина, 2008. С. 184. Рис. 177, 12). По данным Новгорода, пик в распределении в домонгольское время янтарных бусин приходится на середину XII в. (Щапова, 1997. С. 83. Рис. 15).

Среди остального инвентаря в погребении обнаружены металлические украшения, среди которых в основном предметы, имеющие широкую датировку. Присутствие же сложновитых браслетов 2×3, относимых к последней четверти XII – середине XIII в. (Сарачева, 2018. С. 80. Рис. 161, 4), и решетчатых широкосрединных трехваловых перстней позволяет датировку погребения, полученную по набору бус (XII – первая половина XIII в.), сузить до последней четверти/конца XII – первой половины XIII в.

В погребении кургана 5 обнаружена всего одна стеклянная бусина – округлая яйцевидная усеченная дважды, сделанная индивидуальной навивкой из прозрачного синего стекла, что указывает на его калиево-свинцово-кремнеземный состав (рис. 3, 7). Ей так же, как бусинам из погребений курганов 7 и 8, не удалось найти точную аналогию. Наиболее близкими могут быть уже рассматривавшиеся в связи с находками из кургана 7 бусины из погребений могильника Минино II, в целом укладываемые в промежуток XII–XIII вв. (Захаров, Кузина, 2008. С. 186–188. Табл. 86. Тип III–12, 86).

Кроме нее в погребении присутствуют две округлые шаровидные бусины из горного хрусталя (рис. 3, 8, 9). Такие же бусины, причем единственные, есть в погребении кургана 1 (рис. 3, 10) этого же могильника и погребении кургана 5 могильника Дарьино 1 (рис. 3, 44) (привязка к кургану условна, поскольку погребение, по-видимому, было уничтожено грабителями). По материалам Новгорода шаровидные хрустальные бусы появляются на рубеже XI–XII в., существуют весь XII в. и первую треть XIII в., достигая апогея в конце XII в. (Щапова, 1997. С. 82). Подобные есть на селище Минино I (Захаров, Кузина, 2008. Рис. 177, 4). Погребение кургана 27 Мякининского могильника с бусами из горного хрусталя датировано второй половиной XII в. (Энгватова, Коваль, 2018а. С. 57). В связи с этим набор бусин из курганов 5 и 1 могильника Дарьино 2 предварительно можно отнести к концу XII – первой трети XIII в. Металлические украшения, обнаруженные в кургане 1, представлены рубчатым перстнем, двумя пластинчатыми широкосрединными перстнями, а также лопастью и фрагментом щитка височных колец. Этот комплекс в целом имеет широкие датировки – XII–XIII вв. (Зайцева, 2008. С. 123–124. Рис. 111, 2–5; Захаров, 2004. С. 57. Рис. 89, 24–27; Недошивина, 1967. С. 262, 263. Рис. 32, 1, 2; Сарачева, 2018. С. 82. Рис. 168, 2) и не позволяет уточнить дату.

В могильнике Дарьино 1 помимо вышеназванной хрустальной бусины обнаружены две бусины из стекла. Обе происходят из кургана 11, причем найдены они были в заполнении грабительской ямы. Одна из них крупная (диаметр – 1,45 см), так называемая зонная, изготовлена индивидуальной навивкой из красно-коричневого непрозрачного стекла и декорирована многократными, наложенными вгорячую, беспорядочными пятнами также из непрозрачного стекла белого, желтого и сине-зеленого цветов (рис. 3, 40). Бусина относится к группе бус с «пластичным» декором, производившихся на Руси в XII–XIII вв. в основном из бесщелочного свинцового стекла (Столярова,

2005. С. 64). Центры производства таких бус точно не установлены. В литературе неоднократно отмечалось сходство их цветовой гаммы, декоративных элементов и химического состава с поливными изделиями и смальтой, из остатков и отходов которых могли изготавливать бусы (Щапова, 1972. С. 94). А изготовление полив и смальт существовало во многих городах Руси, в том числе в Киеве, Смоленске, Владимире, возможно, в Новгороде (Щапова, 1972. С. 188–189; Егорьков, 2000. С. 80, 82). Подобные бусины красно-коричневого или черного стекла с пятнистым декором разных цветов – часто встречающаяся находка. Они обнаружены, например, в Переславле-Залесском², во Владимире, в комплексе второй половины XII – первой половины XIII в. (Зеленцова, Кузина, 2008. С. 133, 135), в Смоленске, на территории Заднепровского посада, в комплексе последней четверти XII – первой четверти XIII в. (Столярова, Миненко, 2017. С. 160. Рис. 8, 8), в погребениях второй половины XII в. (курганы 3, 27) могильника Мякинино (Столярова, 2008. С. 54. Рис. 5, 2; Захарова, 2008. С. 45; Энговатова, Коваль, 2018а. С. 33, 57). Есть такие же находки и на болгарских селищах (VI Рождественском селище, Мурзихинском, Лаишевском) (Столярова, 2005. С. 59–60).

Вторая стеклянная бусина небольшая (диаметр 0,6 см), округлая кольцевидная, изготовлена из ярко-желтого прозрачного стекла путем навивки трубочки, обработки ее приспособлением типа «решетки» и отшибания (рис. 3, 41). Судя по цвету стекла и состоянию сохранности, изготовлена она из бесщелочного свинцового стекла. Предположительно такие бусы делали с середины/второй половины XII в. в таких центрах, как Новгород, Смоленск, Полоцк. Подобные бусы часто встречаются при раскопках древнерусских памятников. Например, три такие бусины найдены в погребении середины – третьей четверти XII в. кургана 6 Мякинского могильника (Столярова, 2018. С. 70; Энговатова, Коваль, 2018а. С. 38). Кроме того, такая бусина найдена в комплексе второй половины XII – первой половины XIII в. селища Степаново 2 Дмитровского р-на Московской обл. (Столярова, 2009. С. 197–198. Рис. XIX, 63). В Мининском археологическом комплексе подобные бусы датируются серединой XII – XIII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 87). В Новгороде основная масса этих бус найдена в слоях XII – 80-х годов XIII в. (Щапова, 1956. С. 167–168). Большое

количество таких бус происходит с болгарского Лаишевского селища (Столярова, 2005. С. 62, 65).

Кроме того, в двух курганах могильника Дарьино 1 (4 и 7) присутствуют три сердоликовые бусины (рис. 3, 42, 43, 45). Их привязка к конкретным курганам условна, поскольку захоронения в них не обнаружены. Вероятно, в кургане 4 они были совершены на горизонте и извлечены в ходе предыдущих раскопок 1958 г., а погребение в кургане 7, скорее всего, уничтожили грабители. По материалам Новгорода сердоликовые бусы появляются на рубеже XI–XII вв., существуют всю первую половину XII в., а с середины столетия их количество идет на спад. Апогей бытования таких бусин приходится на начало XII в. (Щапова, 1997. С. 82). Этому соответствуют датировки погребений с сердоликовыми бусами курганных могильников Мякинино (курган 1) и Новоселки 2 (курган 4), укладывающихся в период первой половины – середины XII в. (Столярова, 2018. С. 68; Энговатова, Коваль, 2018а. С. 30–31; Зоц, Гольева, 2016. С. 130). Но в то же время в этих же могильниках есть погребения с бусами из сердолика, отнесенные к середине – второй половине XII в. (курган 3 и 6 могильника Мякинино) (Столярова, 2018. С. 69, 70; Энговатова, Коваль, 2018а. С. 33, 38) и к первой половине – середине XIII в. (курган 6 могильника Новоселки 2) (Зоц, Гольева, 2016. С. 132).

При исследовании могильника Дарьино 1 встречены металлические украшения, в числе которых монетовидные привески с изображением зверя, привеска в виде «утиной лапки», семилопастные височные кольца и их фрагменты, рубчатые, пластинчатый и решетчатый перстни, четыре пластинчатых и один проволочный витой браслеты, фрагменты цепи. Но большинство перечисленных изделий обнаружено в переотложенных слоях. Их привязка к конкретным курганам условна. В целом датировка этого могильника, предложенная авторами раскопок, XII–XIII вв. не противоречит датам, полученным по находкам бус.

Оценивать могильник Дарьино 1 с позиций составления наборов бусин в погребениях невозможно из-за их неполноты. Рассматривать с этой же точки зрения стеклянные бусины могильника Дарьино 2 не позволяет отсутствие данных по химическому составу стекол, точно определяющих происхождение находок. Однако относительно наборов бус из погребений курганов 4 и 7 можно сделать предварительные выводы. Набор бус погребения

² Благодарим В. А. Зейфера за предоставленные сведения.

ния кургана 4 составлен из разных типов (с металлической фольгой и вариант так называемых рыбовидных), но предположительно изготовленных из стекла одинакового химического состава (калиево-свинцово-кремнеземного) и происходящих из одного центра. Это позволяет отнести их к основной комбинации. Ее создает торговец, связанный с производителем. Туда входят бусины из одного производственного центра, но из разных мастерских. Датируется такая комбинация по младшей бусине (Andrae, 1975. Р. 103, 104). Набор же бусин из погребения кургана 7 можно считать образцовым, поскольку он составлен из однотипных бусин небольшого размера, выполненных серийной навивкой из прозрачного стекла сине-зеленого цвета, указывающего на калиево-свинцово-крем-

неземный состав стекла. Эти бусины происходят из одной мастерской одного производственного центра. Такой набор составлял сам изготовитель или торговец, связанный с ним. В такую комбинацию входят бусины синхронные и одинаковые по происхождению. Поэтому такая комбинация бытует не более четверти века, что соответствует максимальному периоду работы одного мастера.

Таким образом, подробное изучение украшений из стекла, камня и янтаря из курганных могильников Дарьино 1 и 2 позволило решить некоторые вопросы их хронологии и происхождения. Все обнаруженные в могильнике стеклянные украшения можно отнести к продукции древнерусского стеклоделия. В целом они укладываются в рамки середины XII – первой половины XIII в.

Литература

- Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 223 с.
- Гоняный М. И., Аносов Д. В., 2017. Новые материалы об археологических памятниках в с. Беседы под Москвой // *De mare ad mare*. Археология и история. Смоленск: Свиток. С. 194–247.
- Гоняный М. И., Недошивина Н. Г., 1991. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // *СА*. № 1. С. 246–254.
- Егорьков А. Н., 2000. Химический состав древнерусской плиточной поливы // *РА*. № 4. С. 77–85.
- Журжалина П. Н., 1961. Датировка древнерусских привесок-амулетов // *СА*. № 2. С. 122–140.
- Зайцева И. Е., 2008. Вещевой материал Мининского археологического комплекса. Изделия из цветных металлов и серебра // Макаров Н. А. и др. Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.: Наука. С. 57–142.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М.: Индрик. 404 с.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 368 с.
- Захарова Е. П., 2008. Мякининские курганы: планиграфия и хронология // *АП*. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 41–46.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Вещевой материал Мининского археологического комплекса. Изделия из стекла и каменные бусы // Макаров Н. А. и др. Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.: Наука. С. 142–215.
- Зеленцова О. В., Кузина И. Н., 2008. Некоторые итоги раскопок в квартале 13 города Владимира в 2007 г. // *АВСЗ*. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 127–136.
- Зоц Е. П., Гольева А. А., 2016. Реконструкция развития могильника Новоселки 2 по археологическим материалам и данным исследования погребенных почв // *АП*. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 129–137.
- Левашева В. П., 1967. Браслеты // *Тр. ГИМ*. Вып. 43 (Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.). М.: Советская Россия. С. 207–252.
- Монгайт А. Л., 1947. Салтыковские курганы // *МИА*. № 7. С. 82–87.
- Недошивина Н. Г., 2014. Вятичское кладбище у с. Бельково // *Тр. ГИМ*. Вып. 198 (Славяне и иные языки...). М.: ГИМ. С. 34–53.
- Недошивина Н. Г., 1967. Перстни // *Тр. ГИМ*. Вып. 43 (Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.). М.: Советская Россия. С. 253–274.
- Полубояринова М. Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // *Город Болгар: очерки ремесленной деятельности*. М.: Наука. С. 151–219.
- Равдина Т. В., 1975. Хронология «вятических древностей». Дисс... канд. ист. наук. М. 142 с.
- Сарачева Т. Г., 2018. Металлические украшения // Энгватова А. В. и др. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмоковье. М.: ИА РАН. (Материалы спасательных археологических исследований. Вып. 21). С. 76–90.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 198 с.
- Столярова Е. К., 2005. Стеклянные украшения болгарских селищ низовий Камы // *Древности*

Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: Школа. С. 43–66.

Столярова Е. К., 2008. Стекланные бусы Мякининской курганной группы // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 47–61.

Столярова Е. К., 2009. Стекланные украшения селища Степаново 2 // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 197–203.

Столярова Е. К., 2015. Золотостекланные и серебростекланные бусы Древней Руси: технология и хронология // ТТЗ. Вып. 8. Тверь: Старый город. С. 7–14.

Столярова Е. К., 2018. Предметы из стекла // Энговатова А. В. и др. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмоскowie. М.: ИА РАН. (Материалы спасательных археологических исследований. Вып. 21). С. 60–75.

Столярова Е. К., 2019. Предметы из стекла курганного могильника Новоселки 2 (Московская область) // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 66–77.

Столярова Е. К., Миненко В. В., 2017. Стекланные изделия из раскопок Заднепровского посада г. Смоленска // De mare ad mare. Археология и история. Смоленск: Свиток. С. 157–182.

Успенская А. В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. (Тр. ГИМ. Вып. 43). С. 88–132.

Шполянский С. В., 2007. Вещевой комплекс селища Кленово 2 из окрестностей Перемышля Московского // КСИА. Вып. 221. С. 99–111.

Щапова Ю. Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // Тр. НАЭ. Т. 1. (МИА. № 55). С. 164–179.

Щапова Ю. Л., 1997. Украшения из стекла // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. (Археология). С. 80–92.

Щапова Ю. Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ. 215 с.

Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2018а. Описание курганов, исследованных в 2004–2006 гг. // Энговатова А. В. и др. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмоскowie. М.: ИА РАН. (Материалы спасательных археологических исследований. Вып. 21). С. 27–59.

Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2018б. Результаты изучения Мякининских курганов // Энговатова А. В. и др. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмоскowie. М.: ИА РАН. (Материалы спасательных археологических исследований. Вып. 21). С. 99–116.

Andrae R., 1975. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingenzeitlicher Millefioriglasperlen in Europa // Acta Praehistorica et Archaeologica. № 4 (1973). Berlin: Bruno Hessling. S. 101–198.

Е. К. Stolyarova, T. Yu. Savosina

Beads of the Darino 1 and 2 burial mounds near Moscow

Summary

The article is devoted to glass, stone and amber decorations (beads and inserts) found during the excavation of the Darino 1 and 2 burial mounds in the Moscow region. The main types of jewelry and their chronology have been established, the origin of glass finds has been determined. All glass decorations found

in the burial ground can be attributed to the products of ancient Russian glassmaking. All glass decorations found in the burial ground can be attributed to the products of ancient Russian glassmaking. In general, they fit into the chronological terms of the middle of the 12th – the first half of the 13th century.

List of figures

Fig. 1. Burial mounds Darino 1 (1) and Darino 2 (2) on topographic map

Fig. 2. Topographic plan of the burial mounds of Darino 1 and Darino 2. The numbers indicate the numbers of the mounds

Fig. 3. Decoration from the burial mounds of Darino 1 (40–45) and Darino 2 (1–39)

1–7, 12–36, 39–41 – glass; 8–10, 44 – rhinestone; 11 – copper alloy, glass; 37, 38 – amber; 42, 43, 45 – cornelian

В. И. Завьялов*, П. Г. Лазаренко**

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *Российский университет дружбы народов, Москва*

Технологическая характеристика кузнечных изделий из древнерусского города Вщиж¹

Проблема технологических особенностей кузнечного ремесла малых городов Древней Руси относится к числу наиболее значимых при изучении истории древнерусского производства. Это связано главным образом с тем, что в малых городах проживало большинство средневекового городского населения и, вероятно, именно малые города (особенно в регионах, удаленных от крупных ремесленных центров) играли немаловажную роль в снабжении сельского населения качественной кузнечной продукцией.

Археологические исследования последних лет предоставили значительный материал для проведения археометаллографических исследований кузнечной продукции из малых городов. Можно отметить публикации анализов из Серенска и Ярополча Залесского (Хомутова, 1973; 1978), городов Черниговского княжества (Вознесенская, Коваленко, 1985), Ростиславля Рязанского (Завьялов, Терехова, 2013), Торжка (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007). Тем не менее еще предстоит большая работа по обобщению аналитических материалов и созданию единой концепции истории кузнечного ремесла малых городов Древней Руси.

Комплексное изучение древнерусского железообрабатывающего производства с применением металлографического метода, начатое Б. А. Колчиным, открыло широкие перспективы для анализа археологических артефактов из черного металла. В частности, на основании материалов из Великого Новгорода исследователи выделили хронологические изменения приоритетов в древнерусском городском кузнечном ремесле: доминирование технологии трехслойного пакета в X–XI вв., заме-

на ее технологией наварки стального лезвия на железную основу в XII в. и ее преобладание вплоть до середины XV в. (Колчин, 1959. С. 119; Завьялов, Розанова, 1990).

При последующих исследованиях древнерусского кузнечного ремесла встал вопрос о региональных различиях в технологии производства. Решение этой задачи невозможно без всестороннего рассмотрения кузнечного производства малых городов Древней Руси. С начала феодального периода в XI в., а особенно с середины XII в., русские княжества покрыла сеть городков, выполнявших роль политического и хозяйственного контроля окрестных территорий, а также служивших опорными точками князей в условиях постоянных междоусобных конфликтов (Рыбаков, 1953. С. 98). Военная и хозяйственная необходимость требовали наличия в малых городах собственного железообрабатывающего производства.

Для расширения аналитической базы поставленной проблемы авторы этой публикации предприняли археометаллографическое исследование железных предметов из посада древнерусского города Вщижа.

Памятник расположен на высокой части мыса правобережной террасы р. Десны. Первые исследования начались в окрестностях Вщижа еще в 1840-х гг. усилиями местных помещиков и духовенства: тогда были вскрыты руины древнерусской церкви, так называемый Заветный курган. Ограниченные по масштабам работы велись и в начале XX в., однако систематическое исследование города начал лишь Б. А. Рыбаков, проводивший в 1940, 1948–1949 гг. стационарные раскопки

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант 19-18-00144.

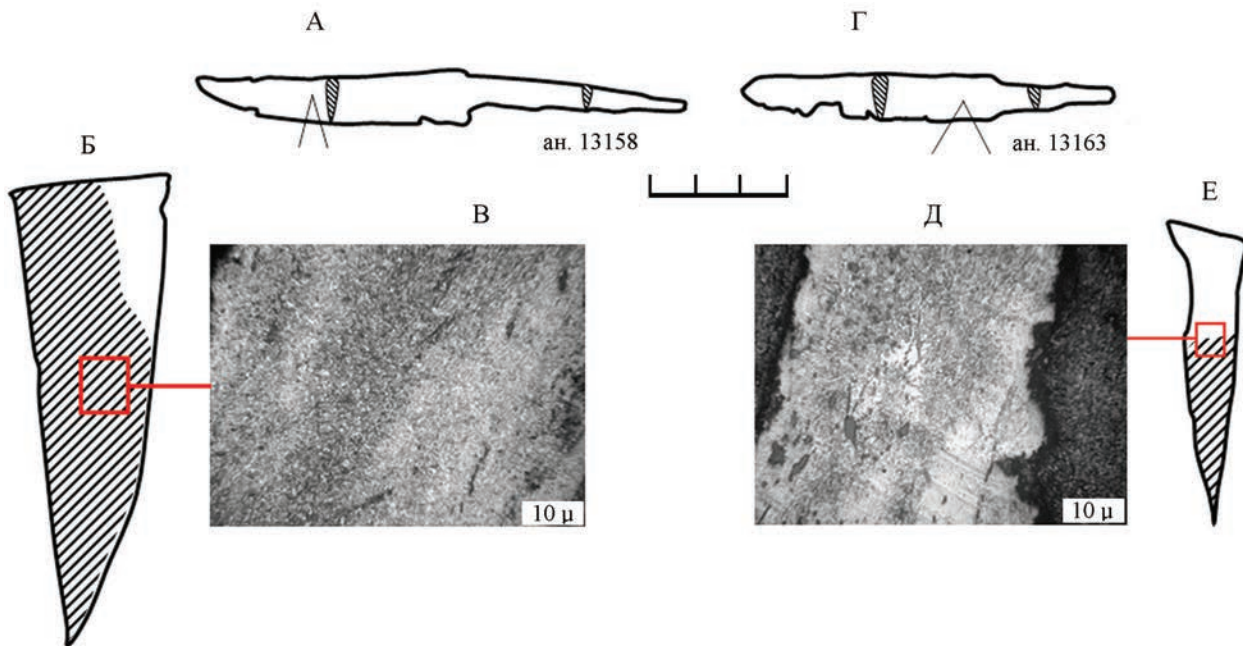

Рис 1. Вщиж. Посад. Ан. 13158 (А–В) и ан. 13163 (Г–Е)

А – нож, XII – нач. XIII в.; Б – технологическая схема изготовления (целиком из сырьевой стали, термообработка); В – микроструктура (мелкоигольчатый мартенсит, загрязненный шлаковыми включениями); Г – нож, XII – нач. XIII в.; Д – технологическая схема изготовления (целиком из сырьевой стали, термообработка – закалка с низким отпуском); Е – микроструктура (феррит + мартенсит)

памятника (АКР, 1993. С. 83; Рыбаков, 1951а. С. 56). В результате этих исследований установлено, что уже на ранней стадии существования памятник имел двухчастную структуру (западная площадка – детинец, восточная – посад). С ростом города в середине XII в. в связи с появлением во Вщиже княжеского стола (о чем повествует первое летописное упоминание города – 1142 г.) конфигурация становится трехчастной (детинец – окольный город (старый посад) – новый неукрепленный посад) (АКР, 1993; Миненко, Шинаков, Петюшко, 2015; Миненко и др., 2017). Этапы существования Вщижа четко фиксируются стратиграфически: до 1142 г. – небольшая крепость с посадом, входившая в состав Черниговского княжества; 1142–1160 гг. – перестройка городища, отделенная от предыдущего этапа слоем строительного мусора; 1160–1238 гг. – финальный этап жизни города, начало и конец которого маркируется слоями пожарищ – результат пятидневной осады Вщижа коалицией князей в 1159 г. и монгольско-го разорения 1238 г., после которого город не восстановился (Рыбаков, 1951а; 1951б). Дальнейшая

жизнедеятельность в окрестностях Вщижа связана с сельским поселением, функционировавшим предположительно с XIV в. (Миненко, Шинаков, Петюшко, 2015; Миненко и др., 2017).

Материал для археометаллографического исследования получен благодаря спасательным работам 2015 г. экспедиции ИА РАН² на территории посада древнего города. Общая площадь участков работ – 133 кв. м. Для микроструктурного анализа отобран 41 предмет из черного металла. Номенклатура предметов представлена ножами, серпами, деталями железных навесных цилиндрических замков и предметом неопределенного назначения.

Исследование выполнялось в лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН по методике, разработанной группой археометаллографии (Завьялов, Розанова, Терехова, 2012; Завьялов, Терехова, 2013). Эта методика предусматривает проведение микроструктурного анализа археологических изделий после предварительной полировки и травления образца реактивом ниталь (4%-ный спиртовой раствор азотной кислоты). Оборудование, на котором выполнялось

² Авторы приносят благодарность руководителю работ В. В. Миненко за предоставление коллекции для археометаллографического исследования.

исследование, – металлографический микроскоп «Метам РВ-22» и микротвердомер ПМТ-3 (при нагрузке 100 г). Фотографирование микроструктур проводилось на цифровую камеру для микроскопа серии *TourCam* с последующей обработкой снимков в программе *TourView 3.7*.

Самую многочисленную группу предметов составляют ножи (34 экз.). Большинство из них сохранилось в обломках (25 экз.), что делает невозможным их морфологический анализ. Достаточно хорошо сохранившиеся ножи (8 экз.) можно отнести к группе II по классификации Р.С. Минасяна (1980. С. 68–72), которую автор классификации связывает со славянским миром. В этой группе можно выделить следующие варианты.

1. Ножи с дугообразной спинкой и асимметричными уступами, образующими тупой угол со спинкой и режущей кромкой (ан. 13157, 13158 (рис. 1), 13160).

2. Ножи с прямой спинкой и слабо выраженными уступами (ан. 13156, 13163 (рис. 1), 13164).

3. Ножи с прямой спинкой, ярко выраженным верхним ступенчатым уступом при фактическом отсутствии нижнего уступа (ан. 13159, 13166).

Один нож (ан. 13165) относится к группе I по классификации Р.С. Минасяна. У этого экземпляра спинка представляет плавную дугу, непосредственно переходящую в короткий загнутый черенок. Такие ножи сосуществуют в лесной зоне вместе с ножами групп II и IV до XI в.

В результате микроструктурного анализа ножей установлено, что подавляющее большинство орудий (26 экз.) изготовлено с применением простых технологических схем – откованы целиком из железа и сырцовый (полученной в ходе металлургического процесса) стали (рис. 2).

Из кричного железа откованы восемь ножей. Качество большинства поковок невысокое, о чем свидетельствует большое количество шлаковых включений в металле. Железо трех ножей (ан. 13176, 13184, 13189), судя по повышенной микротвердости феррита ($236\text{--}254\text{ кг/мм}^2$) и его крупнозернистости, имеет повышенное содержание фосфора.

Большая часть ножей (18 экз.) откована целиком из сырцовый стали. Кроме трех ножей из низкоуглеродистой стали (до 0,2% С), все остальные орудия из этой группы восприняли термообработку. По всей видимости, закалка являлась обязательной технологической операцией. Из 15 термообработанных предметов 8 экземпляров закалены с последующим отпуском. Низкая для структуры мартенсита микротвердость изделий (не более 420 кг/мм^2) связана, вероятно, с невысоким

содержанием и неравномерным распределением углерода. На двух образцах (ан. 13161, 13174) отмечена структура мартенсита с трооститом, свидетельствующая о мягкой закалке изделий. Можно отметить, что стальные поковки в отношении шлаковых включений чище железных.

Технология изготовления семи ножей представлена сварными конструкциями (наварка стального лезвия на железную основу). Среди вариантов сварных схем присутствуют торцовая наварка (ан. 13190), косая боковая наварка (ан. 13156, 13162, 13165, 13167 (рис. 3), 13178), V-образная наварка (ан. 13183; рис. 3).

Качество сварки исследованных ножей различно. Так, в нескольких случаях (ан. 13183, 13190) операция осуществлена на высоком уровне, о чем свидетельствуют узкие сварные швы, имеющие вид белых полос ($\sim 0,015\text{--}0,037\text{ мм}$), окаймленных небольшим количеством мелких шлаковых включений (рис. 3, В).

Наиболее распространенным нарушением технологии в процессе сварки оказалась слишком продолжительная ковка при высокой температуре для соединения железа и стали, в результате чего наблюдается нечеткий сварной шов (ан. 13156, 13162, 13165, 13167) (рис. 3, Ж).

У трех ножей (ан. 13167, 13178, 13190) основа откована из фосфористого железа (микротвердость $221\text{--}254\text{ кг/мм}^2$) (рис. 3, Е).

Все ножи с наварным лезвием подвергнуты термообработке – закалке и закалке с отпуском.

Сварные швы, обнаруженные на шлифе ножа (ан. 13170), расположены хаотично, что указывает на использование при изготовлении этого артефакта вторичного сырья (металлолома).

Таким образом, при изготовлении исследованных ножей из Вщижа преобладали простые технологические схемы – ковка предмета из цельнометаллического полуфабриката. С хронологией памятника хорошо согласуется отсутствие изделий, изготовленных по технологической схеме трехслойного пакета. Как известно, эта технология выходит из практики древнерусских кузнецов в середине XII в. (примерно на это время приходится начало функционирования нового посада). Фиксация в качестве сырья двух видов железа («обычного» и фосфористого) позволяет предположить использование кузнецами металла, полученного из двух различных рудопоявлений. Обязательной и хорошо освоенной технологией по улучшению рабочих свойств ножа была термообработка, зафиксированная в виде закалки и закалки с последующим отпуском.

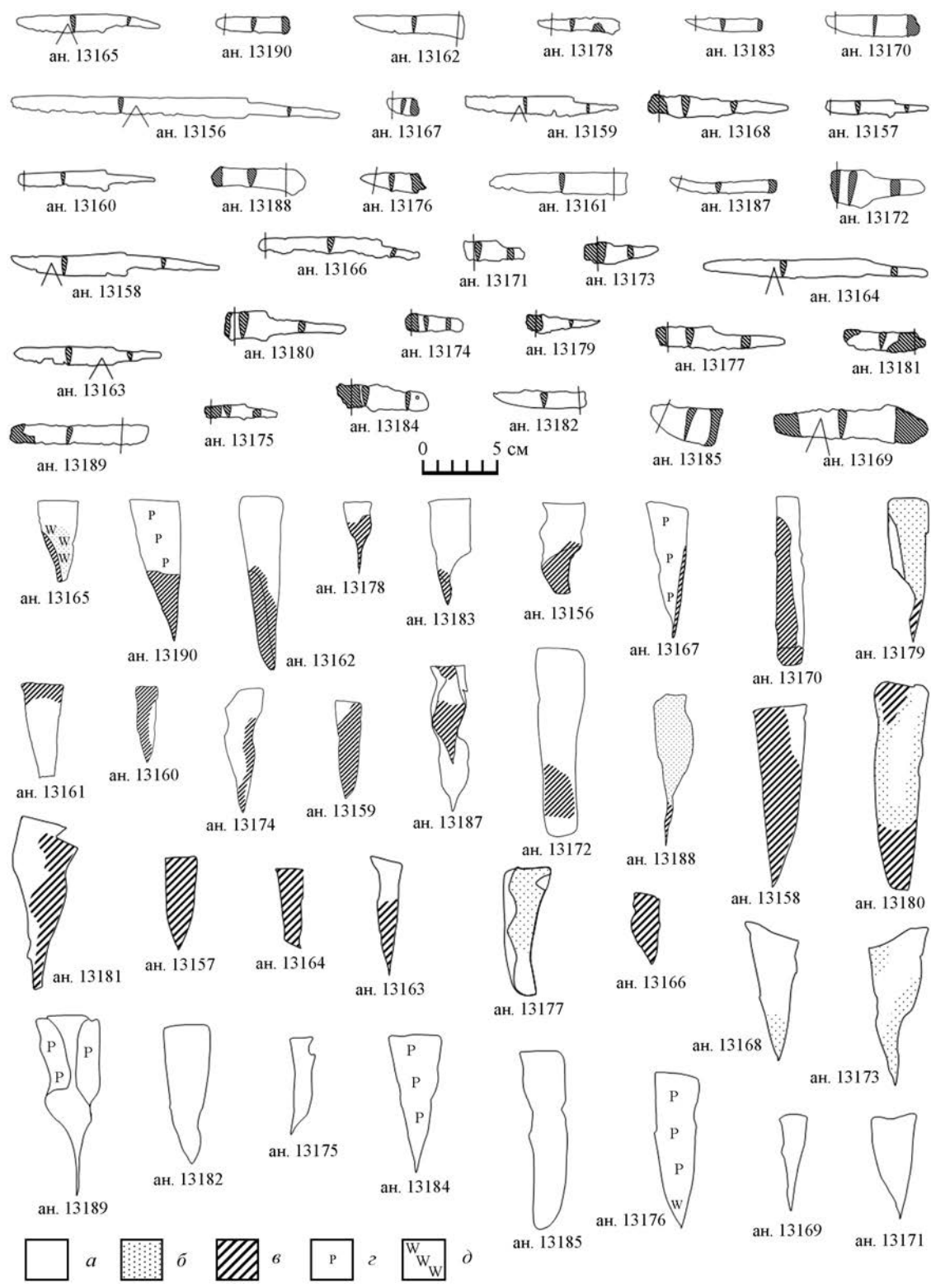

Рис. 2. Вщиж. Посад. Ножи и технологические схемы их изготовления

а – железо; б – сырьевая сталь; в – термообработанная сталь; г – фосфористое железо; д – видманитент

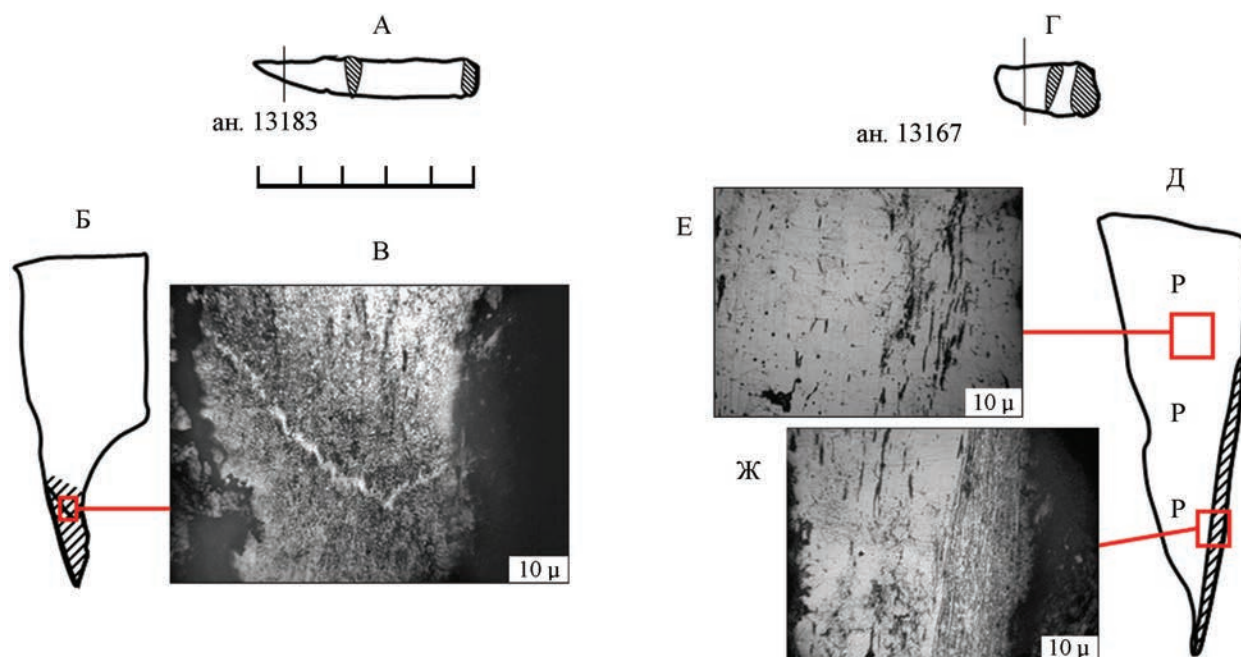

Рис 3. Вщиж. Посад. Ан. 13183 (А–В) и ан. 13167 (Г–Ж)

А – нож, XII – нач. XIII в.; Б – технологическая схема изготовления (V-образная наварка стального лезвия на железную основу, термообработка); В – микрофотография сварного шва; Г – нож, XII – нач. XIII в.; Д – технологическая схема изготовления (боковая наварка стального лезвия на основу из фосфористого железа, термообработка – закалка с низким отпуском); Е – микроструктура (феррит – структура фосфористого железа); Ж – микрофотография сварного шва

Сельскохозяйственные орудия в исследованной коллекции представлены двумя серпами (ан. 13194, 13195). Серпы откованы из хорошо прокованной сырцової стали, с небольшим количеством шлаковых включений. Оба изделия подвергнуты закалке (рис. 4).

Исследованы три пружинных механизма от замков. Два из них (ан. 13191, 13192) выкованы из малоуглеродистой сырцової стали (~ 0,1–0,3% С). Третий пружинный механизм (ан. 13193) сварен из железной и стальной полос.

Ключ от замка (ан. 13196) относится предположительно к типу Д (возможно, Г?). Оба этих типа по новгородской хронологии датируются золотоордынским временем (Колчин, 1982. С. 163). Это позволяет отнести исследованный предмет к материалу из сельского поселения, функционировавшего на месте разрушенного города с XIV в. Ключ имеет сложную 4-частную конфигурацию (рис. 5), состоящую из четырех стальных пластин, спаянных друг с другом медным припоем (толщина швов пайки от 0,3 до 0,9 мм) (рис. 5, Е). Стальные элементы представлены высокоуглеродистой сталью, с микроструктурами – феррито-перлита и перлита с цементитом (содержание углерода ~ 1%).

Изделие неопределенного назначения (вероятно, фрагмент кресала) сохранилось фрагментарно. Предмет изготовлен по технологии торцовой наварки высокоуглеродистой стальной части (~ 0,6% С) на железную основу. Выявленная технологическая схема изготовления предмета свидетельствует в пользу атрибуции его как кресала.

Подводя итог проведенного исследования, следует отметить, что местные кузнецы применяли в основном простые технологические приемы – выковку изделий из цельнометаллических заготовок (табл. 1). При этом широко использовалось такое сырье, как сырцовая сталь. Обязательной технологической операцией по улучшению рабочих свойств изделий была термообработка (в основном резкая закалка). Отмечены и орудия, изготовленные с применением технологической сварки, но их сравнительно небольшая доля (около 20%) и достаточно высокий уровень проведенных операций не исключают, что это привозные изделия, изготовленные в каком-то высокоразвитом ремесленном центре.

Металлографический анализ позволил идентифицировать неопределенный предмет как кресало,

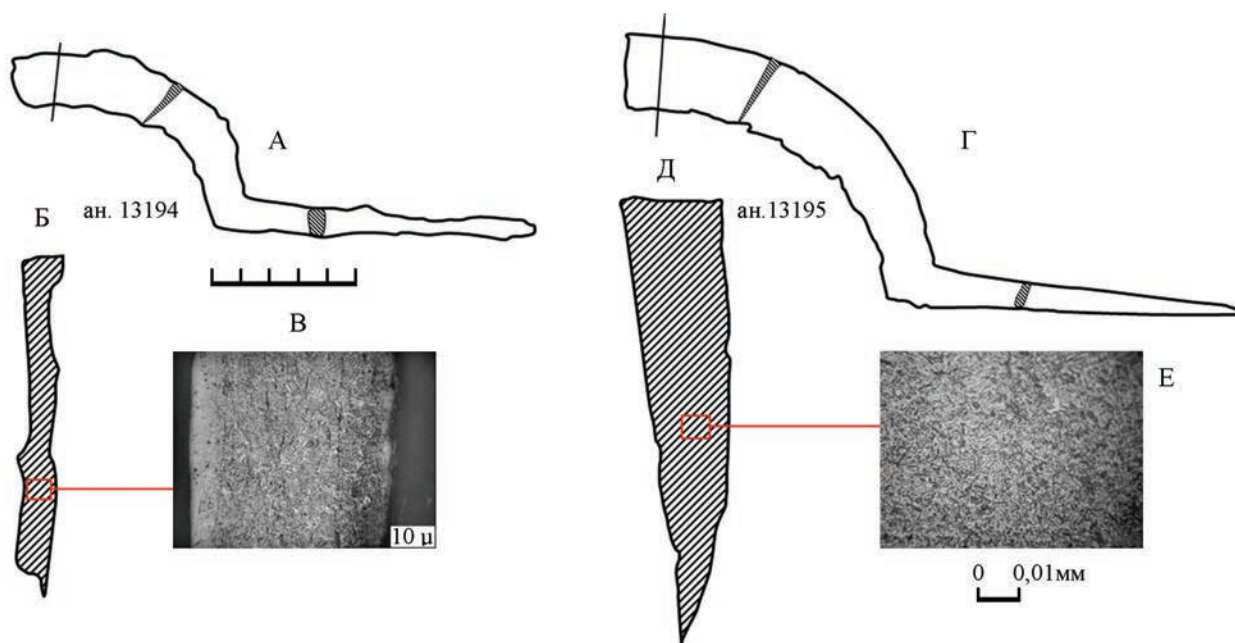

Рис 4. Вщиж. Посад. Ан. 13194 (А–В) и ан. 13195 (Г–Е)

А – серп, XII – нач. XIII в.; Б – технологическая схема изготовления (целиком из сырцової стали, термообработка); В – микроструктура (мартенсит, с небольшим включением мелких шлаков); Г – серп, XII – нач. XIII в.; Д – технологическая схема изготовления (целиком из сырцової стали, термообработка); Е – микроструктура (мелкоугольный мартенсит)

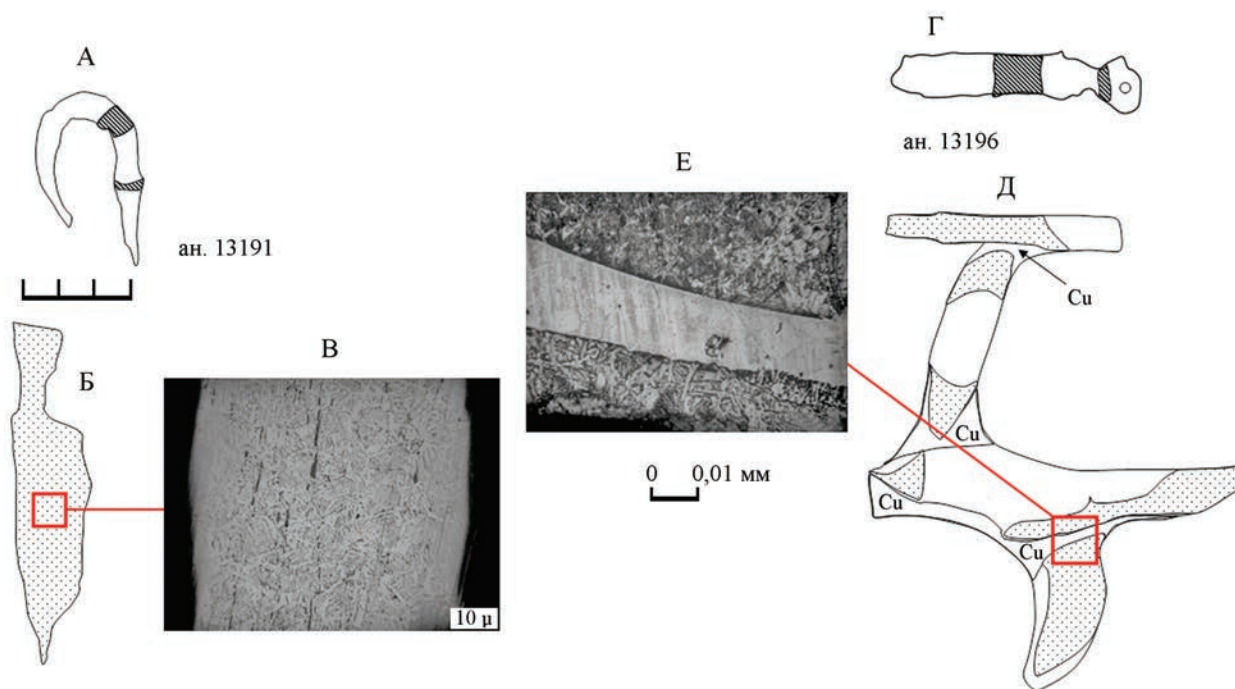

Рис 5. Вщиж. Посад. Ан. 13194 (А–В) и ан. 13196 (Г–Е)

А – замочная пружина, XII – нач. XIII в.; Б – технологическая схема изготовления (целиком из сырцової стали); В – микроструктура (феррит с перлитом со следами видманштетта); Г – ключ от замка, XIV (?) в.; Д – технологическая схема изготовления (медная пайка четырех стальных элементов); Е – микроструктура (феррит с перлитом + перлит с цементитом + медный припой)

Таблица 1. Распределение исследованных изделий по технологическим схемам.

Категории	Технологическая схема (экз.)					Всего
	Целиком из железа	Из сырьевой стали	Пайка	Сварка	Из металлолома	
Ножи	8	18	–	7	1	34
Серпы	–	2	–	–	–	2
Замочная пружина	–	2	–	1	–	3
Ключ	–	–	1	–	–	1
Кресало	–	–	–	1	–	1
Всего	8	22	1	9	1	41

изготовленное по технологии наварки стальной рабочей части на железную основу.

В целом исследованная коллекция демонстрирует достаточно высокий уровень кузнечного ремесла малого города, на что указывает широкое применение термообработки. От высокопрофессионального ремесла столичных ремесленных центров его отличало преобладание простых (цельнометаллических) в изготовлении предметов.

Если сравнить результаты металлографических анализов, полученных при исследовании коллекции железных предметов из Вщижа, с опубликованными данными по другим малым городам (Ростиславль

Рязанский, Изяславль, Ярополч Залесский), то следует отметить определенное сходство в технологии железообрабатывающего производства. Это проявляется прежде всего в близкой доле изделий с наварными лезвиями (20–30%). Во всех коллекциях преобладают изделия, откованные из сырьевой стали. Практически обязательной является термообработка (в тех случаях, когда сталь могла ее воспринять). Несомненно, кузнечное ремесло в каждом малом городе имело и свои особенности. Но подробный сравнительный анализ кузнечной продукции других памятников выходит за рамки данной статьи и требует специального исследования.

Литература

- АКР. Брянская область. М.: ИА РАН, 1993. 153 с.
- Вознесенская Г. А., Коваленко В. П., 1985. О технике кузнечного производства в городах Чернигово-Северской земли // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. К.: Наукова думка. С. 84–94.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., 1990. К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде // Материалы по археологии Новгорода. 1988. Новгород: НГОМ. С. 154–186.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак. 280 с.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2012. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил. 376 с.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н., 2013. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН. 272 с.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М.: АН СССР. С. 7–120.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология Новгородских древностей // НС. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.
- Минасян Р. С., 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. Л. С. 68–74.
- Миненко В. В., Шинаков Е. А., Петюшко Д. А., 2015. Исследования на посаде древнерусского Вщижа // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2015 г. Брянск: РИО БГУ. Вып. 6. С. 105–113.
- Миненко В. В., Фатьков А. М., Федонин Р. А., Бишутин М. А., Слепова Я. Р., 2017. Охранные раскопки на посаде древнерусского города Вщиж // АО 2015 год. М.: ИА РАН. С. 159–161.
- Рыбаков Б. А., 1951а. Раскопки во Вщиже в 1948–1949 гг. // КСИИМК. Вып. XXXVIII. С. 34–42.
- Рыбаков Б. А., 1951б. Вщиж – удельный город XII века // КСИИМК. Вып. XLI. С. 56–59.
- Рыбаков Б. А., 1953. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних

культур. Древняя Русь. М.: Госкультпросветиздат. С. 75–120.

Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачёва М. М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия. 318 с.

Хомутова Л. С., 1973. Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске // СА. № 2. С. 216–225.

Хомутова Л. С., 1978. Результаты микроструктурного исследования кузнечных изделий // Седова М. В. Ярополч Залесский. М.: Наука. С. 147–150.

V. I. Zavyalov, P. G. Lazarenko

Technological characteristics of blacksmith products from the ancient Russian town Vshchizh

Summary

An archeometallographic study of iron items from extramural part of the ancient Russian town Vshchizh was carried out with the aim of expanding the analytical base on blacksmith items from small towns of Ancient Rus. The collection consisted of 41 items, the

bulk of which were knives. As a result of the analysis, a conclusion was made about a fairly high level of blacksmithing in Vshchizh and a certain similarity with iron processing in other small towns.

List of figures

Fig. 1. Vshchizh. Extramural part of town. АН. 13158 (А–В) and АН. 13163 (Г–Е)

А – knife, 12th – early. 13th century; Б – manufacturing process diagram (entirely of raw steel, heat treatment); В – microstructure; Г – knife, 12th – early. 13th century; Д – manufacturing process diagram (entirely of raw steel, heat treatment - hardening a low tempering); Е – microstructure

Fig. 2. Vshchizh. Extramural part of town. Knives and technological schemes of their production

а – iron; б – raw steel; в – heat treated steel; г – phosphorous iron; д – vidmanitent

Fig. 3. Vshchizh. Extramural part of town. АН. 13183 (А–В) and АН. 13167 (Г–Ж)

А – knife, 12th – early. 13th century; Б – manufacturing process diagram (V-shaped welding of a steel blade on an iron base, heat treatment); В – micrograph of the weld; Г – knife, 12th – early. 13th century; Д – manufacturing flow chart; Е – photo of the microstructure (ferrite - iron phosphide structure); Ж – micrograph of a weld

Fig. 4. Vshchizh. Extramural part of town. АН. 13194 (А–В) and АН. 13195 (Г–Е)

А – sickle, 12th – early. 13th century; Б – manufacturing process diagram (entirely of raw steel, heat treatment); В – microstructure (martensite, with a small inclusion of fine slags); Г – sickle, 12th – early. 13th century; Д – manufacturing process diagram (entirely of raw steel, heat treatment); Е – microstructure (fine-needle martensite)

Fig. 5. Vshchizh. Extramural part of town. АН. 13194 (А–В) and АН. 13196 (Г–Е)

А – keyhole spring, 12th – early. 13th century; Б – manufacturing process diagram (made entirely of raw steel); В – microstructure (ferrite with pearlite with traces of Widmanstätten); Г – key from the lock, 14th century (?); Д – manufacturing process diagram (copper brazing of four steel elements); Е – (ferrite with pearlite + pearlite with cementite + copper solder)

**А.В. Энговатова^{*}, М.С. Яковчик^{*},
О.В. Орфинская^{**}, О.Ф. Чернова^{***}**

^{*} *Институт археологии РАН, Москва*

^{**} *Центр египтологических исследований РАН, Москва*

^{***} *Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва*

Коллекция веревок из коллективного захоронения в колодце XIII века (Ярославль)

В настоящей статье представлены результаты исследования коллекции веревок, происходящей из колодца, обнаруженного на территории исторического центра Ярославля (Рубленого города). После разрушения города монгольским войском в феврале 1238 г. колодец использовался в качестве вместилища для коллективного захоронения погибших жителей. В погребении обнаружены многочисленные артефакты, в том числе фрагменты 25 веревок из органических материалов (лыка и шерсти), сохранности большей части которых способствовала вода, оставшаяся в нижней части колодца. Стоит отметить, что скопление подобных изделий на небольшой площади нехарактерно для культурного слоя древнерусских городов, в том числе тех, где присутствует «мокрый слой» (например, Новгорода), способствующий лучшей сохранности артефактов из органических материалов.

Очевидно, что такая концентрация находок может быть напрямую связана с функционированием специфических объектов, в частности колодцев. Тем не менее было бы опрометчиво автоматически причислять все обнаруженные в колодцах веревки к тем, что использовались для забора воды и попали сюда после обрыва. Данное утверждение справедливо и по отношению к рассматриваемому ниже материалу. Таким образом, одной из целей представленного исследования стало определение функционального назначения веревок, найденных в коллективном захоронении.

Обстоятельства находки

Массовое захоронение выявлено в 2007 г. при исследованиях на раскопе «Волжская набережная, д. 1» экспедицией Института археологии РАН (рис. 1). Оно было совершено в колодце глубиной 3,5 м (сооруже-

ние № 110). Обшитая деревом конструкция частично пострадала при пожаре: верхняя часть обгорела, в заполнении фиксировались фрагменты горелого дерева и угольки. В колодец были сброшены бревна и доски, на которых находились разрозненные фрагменты скелетов людей и животных, засыпанные землей. Внизу, под досками и бревнами, стояла вода с толстым слоем ила на дне. Здесь было обнаружено значительное число свалившихся сверху человеческих останков и разнообразных вещей, в том числе из органических материалов. В целом найдены останки 84 человек, причем скелеты в основном утратили анатомический порядок, кости залегали разрозненно (Энговатова, 2008а. С. 230–237).

В колодце в общей сложности обнаружено 214 предметов из различных материалов. Около половины (115 находок) составляют разнообразные изделия из дерева (фрагменты посуды, детали, лук и пр.), остальная часть включает вещи из кожи, железа, бронзы, стекла, кости, лыка, бересты, камня, обломки керамических сосудов, фрагменты плитки, текстильные изделия, веревки (Орфинская, 2008; Энговатова, 2008а. С. 232; 2008б. Илл. 153, 167, 172, 174–176, 182–249). Стоит отметить, что для колодца весьма необычны как столь значительное количество артефактов, так и их набор. Как правило, подобные объекты содержат немногочисленные керамические сосуды (фрагменты или целые формы), реже – остатки деревянных изделий, обрывки веревок (Elburg, Stäube, 2011; Fülöp, 2017; 2020; Weiner, 1997), то есть вещи, связанные с добыванием воды, иногда – со строительством и ремонтом колодца. Напротив, в сооружении № 110, прежде всего в его нижней части – в воде и иле, обнаружены многочисленные предметы бытового назначения, которые никак нельзя отнести к функ-

Рис. 1. План Рубленого города Ярославля с коллективными захоронениями.
Сооружение № 110 отмечено синим цветом

a – раскопы ИА РАН 2004–2009 гг.; *б* – коллективные захоронения

ционированию колодца: они попали сюда вместе с телами погибших или с культурным слоем, которым было засыпано погребение. Типологически артефакты можно датировать в пределах хронологического промежутка от конца XII до первой половины XIII в. (Энговатова, Кадиева, 2018).

Точная датировка самого сооружения № 110 установлена при помощи естественнонаучных методов. Результаты AMS-датирования (исследование выполнено в Центре изотопных исследований Университета Джорджии под руководством А. Черкинского), полученные по итогам исследования костей шести индивидов (табл. 1), вполне коррелируют со временем разрушения Ярославля мон-

голами (Энговатова, 2019. С. 99). Дендрохронологический анализ бревен венцов колодца показал, что они срублены в период от 1207 по 1228 г. (Карпунин, Соловьёва, Энговатова, 2011). В итоге можно заключить, что, во-первых, колодец построен не ранее 1228 г., то есть в рамках 1228–1238 гг.; во-вторых, обнаруженный в нем материал датируется первой третью XIII в.

Результаты исследования веревок

Как уже отмечалось, количество найденных в коллективном захоронении веревок составляет 25 изделий, их доля в общем массиве артефактов равна 11,7% (табл. 2)¹. Практически все образцы

¹ Многие веревки из сооружения № 110 в процессе археологизации разрушились и в настоящий момент представлены несколькими фрагментами (от 2 до 8); в целом же было обнаружено 46 фрагментов, которые составляют 25 изделий (табл. 2). Кроме того, значительное количество веревок заставило рассмотреть возможность того, что некоторые из них могут происходить от одного изделия. С целью проверки данной гипотезы было проведено сопоставление образцов по структуре, показателям толщины и шага свивки. Результат выявил отсутствие совпадений среди изученных вещей по всем трем параметрам, следовательно, можно заключить, что все они относятся к разным веревкам. Таким образом, общее количество находок – 25 изделий.

Таблица 1. Результаты AMS-датирования для сооружения № 110.

Образец	Интервал, годы н. э. (95,4%)
R_Date Яма 110. Инд. 24 (UGAMS-45577)	1181–1263
R_Date Яма 110. Инд. 41 (UGAMS-45578)	1169–1256
R_Date Яма 110. Инд. 49 (UGAMS-45579)	1052–1220
R_Date Яма 110. Инд. 55 (UGAMS-45584)	1049–1218
R_Date Яма 110. Инд. 57 (UGAMS-45585)	1164–1250
R_Date Яма 110. Инд. 73 (UGAMS-45586)	1158–1247

Таблица 2. Структурно-технологические характеристики веревок из сооружения № 110.

№ изд.	Структура	Материал	Длина, см	Толщина, см		Шаг свивки, см	Примечания	№ по оп.
				всей веревки	одной пряди			
1	Z3s	Лыко	8,4	1,4	0,5	3		1021
2	Косичка из 3 прядей	Лыко	13,7; 8,4	1,0	0,5	–		1022
3	Z3s	Лыко	10,5; 8,7	0,7	0,4	3		1023
4	Z2s	Лыко	14,5	0,4	0,2–0,3	1,6	Оборы лаптя	1024
5	Z2s	Лыко	12; 8; 7,5; 7,5; 7,1; 6,9; 6,2; 4	0,9	0,6	3		1028
6	Косичка из 3 прядей	Шерсть	8; 3,9	1,8	0,8	–		1032
7	Z2s	Лыко	28,7; 12,4; 5,7	1,3–1,5	0,9	4,6–5,3	Завязана на узел. На черепе коровы	1034
8	Z3s	Лыко	10,7; 10,5	0,8	0,3–0,4	1,9–2,3		1086
9	S3z	Лыко	18	1,2	0,4–0,5	3,2		1087
10	S2z	Лыко	14,3	1,5	0,7	5	Узел на конце	1088
11	S2z	Лыко	23,5	0,9	0,4	3,2		1089
12	S3z	Лыко	17,5	1	0,5	4,5		1089
13	Z3s	Лыко	23,7	1	0,5–0,6	3,1		1090
14	Z3s	Лыко	18,7	1	0,4–0,5	3,6		1091
15	Z3s	Лыко	11,2; 10,2	1	0,5	4,1		1092
16	S2z	Лыко	11,2	0,7	0,3	2,9		1093
17	Z3s	Лыко	11,2; 10; 7,2; 6,3; 5,2	0,8	0,4	3,7		1094
18	Z3s	Лыко	12,3	1	0,4	2,8		1095
19	Z3s	Лыко	6,6	0,8	0,3–0,4	3		1096
20	Z2s	Лыко	21	1,6	0,9	–	Соединительный узел	1097
21	Z2s	Лыко	13,9	1	0,6	2,8		1098
22	S3z	Лыко	15	0,7	0,4	2		1099
23	Z2s	Лыко	29; 20,7; 12,5; 11,5; 8	0,6	0,3	1,9	Оборы лаптя	1104, 1104а
24	Косичка из 3 прядей	Лыко	15,5	1,5	0,7	–		1123
25	S3z	Лыко	8,3	1	0,3	2		1150

обнаружены в нижней части колодца в воде; исключение составляют изделия 1, 2 и 4, зафиксированные среди лежавших на бревнах и досках костных останков (ярусы 10 и 11) (Энговатова, 2008в. Илл. 555, 560, 578). Абсолютное большинство фрагментов веревок (24 изделия, что составляет 96% от общего количества находок) выполнено из лыка; лишь один экземпляр (изделие 6) изготовлен из шерсти.

Основной вопрос в изучении этой коллекции из сооружения № 110: относятся ли фрагменты непосредственно к периоду функционирования колодца по его прямому назначению, то есть использовались ли они для добывания воды при помощи емкостей или же попали в колодец вместе с останками погибших и другими артефактами при засыпке захоронения?

Европейская археологическая практика исследования колодцев различных эпох (от неолита до Средневековья) показывает наличие во многих из них фрагментов веревок с различным контекстом обнаружения. Наиболее интересными и информативными являются обрывки веревок, прикрепленные к различным емкостям из придонной части колодцев. Так, в колодцах с территории Германии и Венгрии обнаружены обломки керамических сосудов, емкости из коры в форме мешка и сумки с прикрепленными фрагментами веревок. Кроме того, отдельные обрывки зафиксированы в колодце на территории Венгрии непосредственно рядом с сосудами, и это наводит на мысль, что они также служили для добывания воды (Elburg, 2013. P. 8, 11. Fig. 7; Elburg, Stäube, 2011. P. 152–153. Fig. 139, 141; Fülöp, 2020. P. 179; Szabó, 2007. P. 148, 154, 159–160. Kép. 14, 15; Weiner, 1997. P. 404; 2015. S. 162–163. Abb. 3). Полученные данные позволяют заключить, что для добычи воды из колодцев использовались витые веревки широкого диапазона по толщине (0,4–1,4 см), все они скручены в Z-направлении из двух или трех лыковых прядей. Стоит отметить достаточно высокую степень прочности лыковых веревок: они были способны выдерживать вес посуды с водой при подъеме из колодца. Вероятно, выбор изделий той или иной толщины зависел от размера и веса емкости и, соответственно, от материала, из которого она изготовлена (керамики, дерева, бересты).

Как отмечалось выше, одна из главных целей представленного исследования – выявление функ-

ционального назначения найденных в сооружении № 110 веревок. Для этого необходимо определить структурно-технологические характеристики фрагментов, то есть структуру, толщину и материал, из которого они изготовлены; сведения о технологических особенностях позволят выявить внутри общего массива находок группы схожих изделий и установить, какие могли применяться для добывания воды из колодца.

Лыковые веревки

Основной массив находок составляют веревки, изготовленные из лыка (24 изделия). Лыко, или луб, представляет собой слой в древесном стволе, расположенный между корой и заболонью (подкорьем). Этот недорогой и доступный материал широко применялся в хозяйстве: для изготовления предметов быта (обуви, сетей, веревок и пр.) использовалось лыко липы, вяза, ивы и других деревьев, но самым популярным было липовое лыко, как наиболее прочное, мягкое и, следовательно, подходящее для производства различных вещей. Полоски лыка сдирали со стволов деревьев при помощи специальных инструментов, причем для веревок старались снимать как можно более длинные полоски. Непосредственно перед использованием их отмачивали в воде для придания гибкости и удаления ненужных слоев. Лыковые веревки отличались прочностью, пластичностью, легкостью и стойкостью к истиранию, в связи с чем были достаточно популярны в быту² (Левашева, 1959. С. 87, 90; Осунгов, 2006. С. 69; Myking, Hertzberg, Skråppa, 2005. P. 68–70).

По структуре и технике изготовления лыковые веревки из сооружения № 110 можно разделить на две группы: плетеные и витые, или крученые (табл. 2). Плетеные веревки немногочисленны: всего зафиксировано два изделия (2 и 24); они различны по толщине (1,0 см и около 1,5 см), имеют вид сплетенной из трех лыковых прядей косички (рис. 2).

Большая часть коллекции (22 изделия) представлена витыми (кручеными) веревками. Технология их изготовления довольно проста: несколько лыковых прядей, скрученных в одном направлении (S или Z), собирались вместе и скручивались в противоположном направлении, что определяло крутку непосредственно самого изделия. Такая разнонаправленность крутки является необходимым условием при производстве веревок,

² Подробнее с порядком добывания и подготовки лыка перед использованием можно также ознакомиться здесь: <http://kizhi.karelia.ru/crafts/lipovoe-lyiko-zaonezhan-i-guzh-i-veryovka-i-mochalka>, <https://russianarts.online/123252-lyko/>.

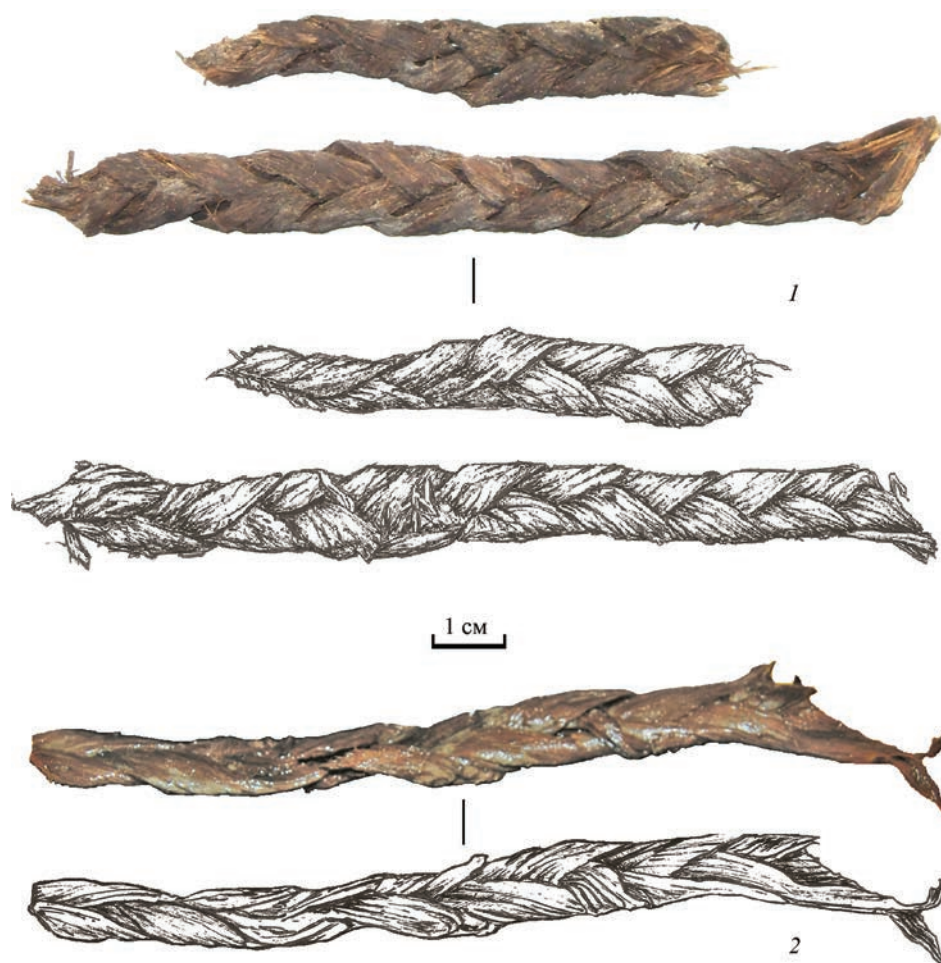

Рис. 2. Лыковые плетенные в виде косички веревки

1 – изделие 2; 2 – изделие 24

поскольку тем самым обеспечивается их крепость и сбалансированность.

Конструктивно, в зависимости от количества и крутки прядей и направления свивки самой веревки, найденные в сооружении № 110 изделия делятся на несколько групп:

- S2z – 3 изделия: 10, 11, 16 (рис. 3);
- S3z – 4 изделия: 9, 12, 22, 25 (рис. 4);
- Z2s – 6 изделий: 4, 5, 7, 20, 21, 23 (рис. 5);
- Z3s – 9 изделий: 1, 3, 8, 13, 14, 15, 17, 18, 19 (рис. 6).

Веревки с круткой Z (15 изделий) количественно преобладают над изделиями с круткой S (7 изделий) почти в два раза. Свитые из двух прядей образцы встречаются реже по сравнению со скрученными из трех прядей (9 и 13 изделий, или 41 и 59% соответственно); при этом в обеих группах, опять же, основную долю составляют изделия, скрученные в Z-направлении (их число в два раза превышает количество веревок с круткой S).

По толщине их можно разделить на три группы:

- тонкие (0,4–0,7 см): 5 изделий (3, 4, 16, 22, 23);
- средние (0,8–1,0 см): 12 изделий (5, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 21, 25);
- толстые (1,2–1,6 см): 5 изделий (1, 7, 9, 10, 20).

Среди веревок любой толщины присутствуют изделия всех типов крутки. Основную долю (более половины) составляют образцы средней толщины, при этом как среди них, так и во всем массиве находок основная доля приходится на изделия с круткой Z3s (всего 7 изделий: 8, 13, 14, 15, 17, 18, 19). Также можно отметить, что число скрученных из двух прядей веревок одинаково для всех трех групп по толщине: с круткой S – по одной на группу (изделия 10, 11, 16), с круткой Z – по две (изделия 4, 5, 7, 20, 21, 23).

Шаг свивки у тонких веревок составляет 1,6–3,0 см, у средних – 1,9–4,5 см, у толстых – 3,0–5,0 см. Можно заметить, что с увеличением толщины шаг также увеличивается, пусть и не для

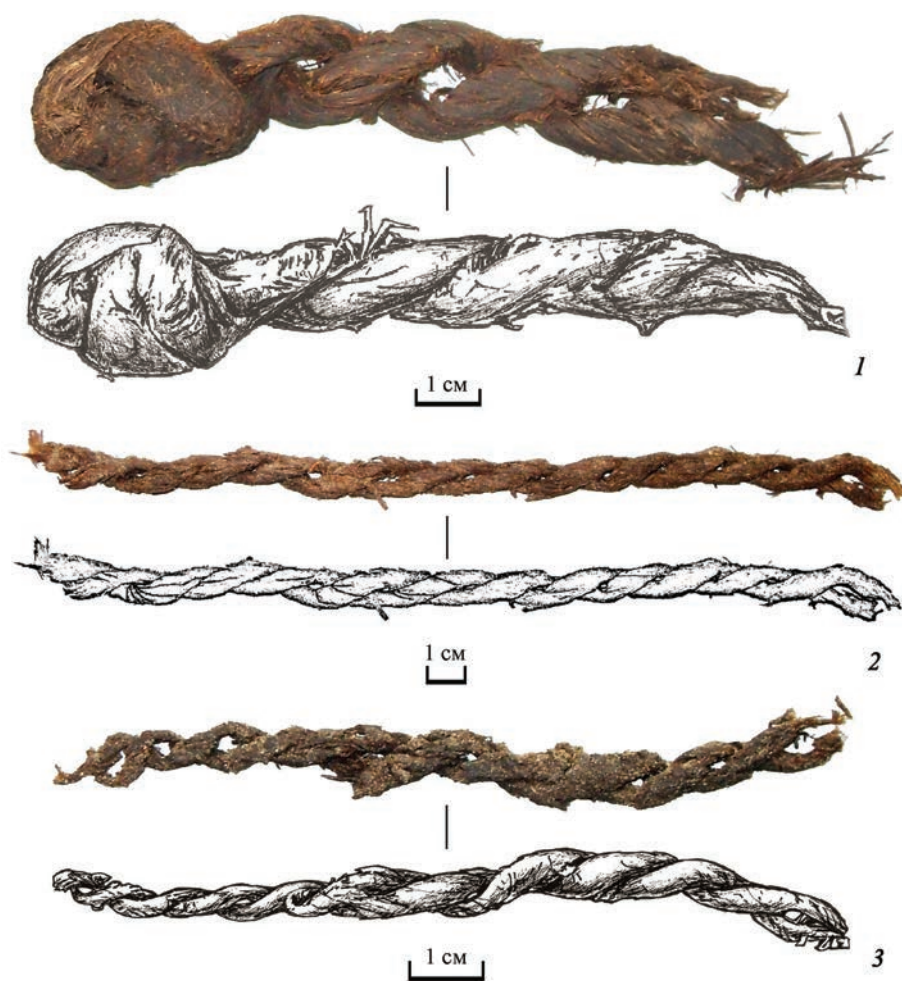

Рис. 3. Лыковые витые веревки, крутка S2z

1 – изделие 10; 2 – изделие 11; 3 – изделие 16

Рис. 4. Лыковые витые веревки, крутка S3z

1 – изделие 9; 2 – изделие 12; 3 – изделие 22; 4 – изделие 25

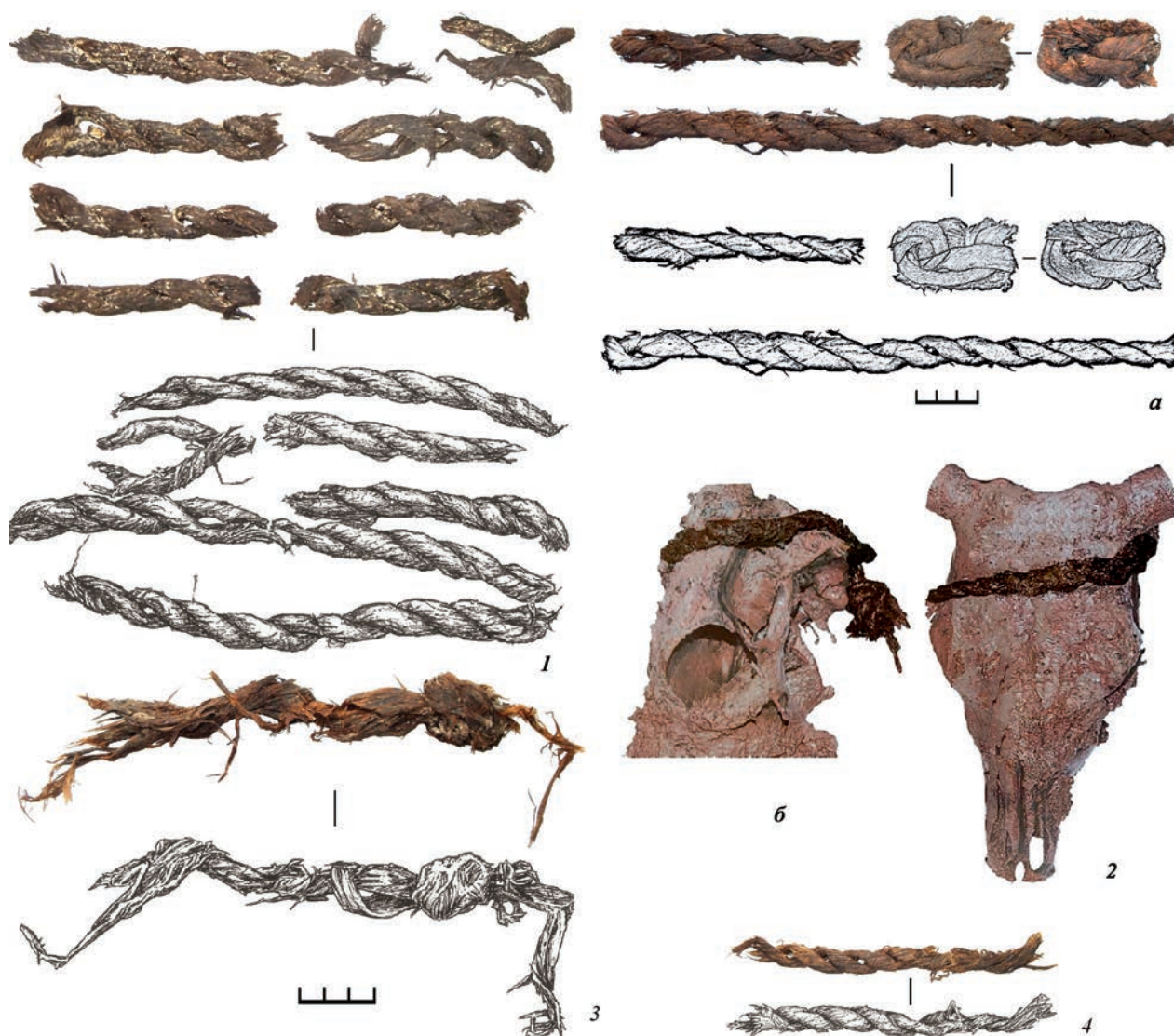

Рис. 5. Лыковые витые веревки, крутка Z2s

1 – изделие 5; 2 – изделие 7 (а – общий вид фр-тов и узла; б – на черепе коровы при обнаружении);
3 – изделие 20; 4 – изделие 21

всех изделий; вместе с тем для толстых вещей нехарактерны показатели шага свивки ниже 3 см.

Стоит отметить, что малое количество образцов не позволяет сделать какие-либо однозначные выводы, однако даже полученные результаты анализа небольшой выборки изделий из сооружения № 110 вполне отражают общие тенденции зависимостей отдельных показателей.

На трех веревках зафиксированы узлы. Узел на изделии 20 является соединительным: судя по всему, с целью получения веревок нужной длины отдельные куски могли связывать вместе (рис. 5, 3). На изделии 10 узлом завязан конец; если веревка на этом конце не была оборвана, то можно заключить, что узел сделали для того, чтобы она

не раскручивалась (рис. 3, 1). Изделие 7 найдено на черепае коровы: петля из толстой веревки (толщина 1,3–1,5 см) с узлом была наброшена на рога животного (рис. 5, 2); очевидно, таким образом, его привязывали во время перегонки или выпаса.

Два тонких образца (изделия 4 и 23) являются составной частью – оборами – от двух лыковых лаптей косога плетения. Их толщина составляет 0,4 и 0,6 см, обе скручены из двух лыковых прядей в Z-направлении. Оборы продевались через специальные петли на задней части лаптя, охватывали ступню, затем крестообразно обвязывались вокруг голени (Осипов, 2006. С. 69; Соснина, Шангина, 2006. С. 192–193). На обоих лаптях сохранились остатки петель, в которые продеты веревки (рис. 7).

Рис. 6. Лыковые витые веревки, крутка Z3s

1 – изделие 1; 2 – изделие 3; 3 – изделие 8; 4 – изделие 13; 5 – изделие 14;
6 – изделие 15; 7 – изделие 17; 8 – изделие 18; 9 – изделие 19

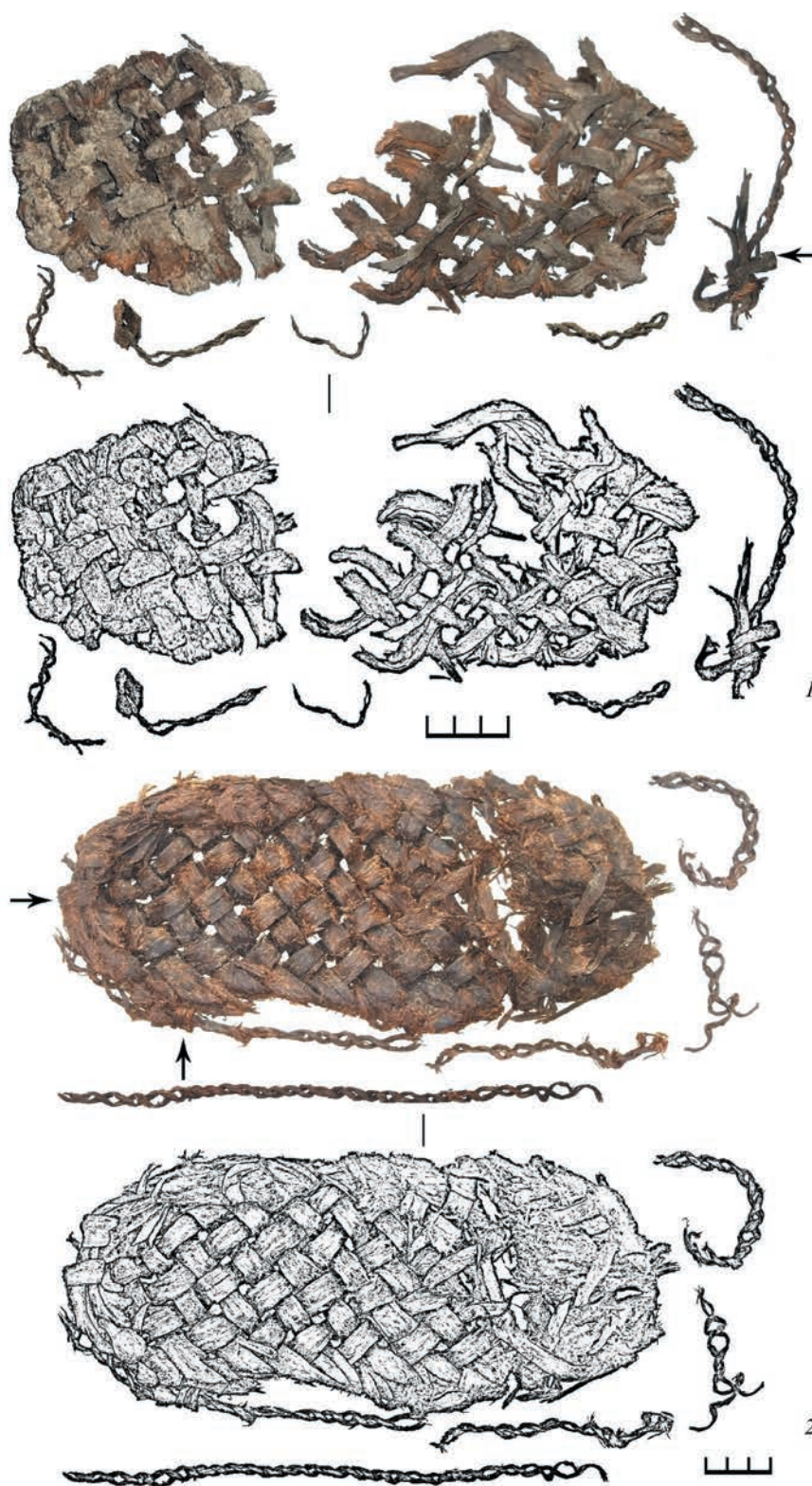

Рис. 7. Лапти с оборами (лыковыми витыми веревками с круткой Z2s).
Стрелками обозначены петли, через которые продевались оборы
1 – изделие 4; 2 – изделие 23

Таблица 3. Основные параметры шерстяных волос из веревки (изделия б) и образцов войлока из сооружения № 110³ (limit, n = 4; limit – пределы значений; n – число измерений для каждого параметра).

Изделие	Толщина, мкм	Dmax / dmin	Форма поперечника волоса	Сердцевина		Кутикула	
				% от толщ. волоса	Тип	Индекс	Тип, описание
Веревка (изд. б)	45,5–51,3	1,4–1,5	Овальная, неправильная, уплощенная	16,0–29,0	Пигментированная, фрагментарная или сплошная четковидная	0,10–0,25	В области расширения стержня – кольцевидная, полукольцевидная, лентовидная со вставочными чешуями, неравномерной высоты, волнистая, с мелко-изрезанным свободным краем
Войлок, обр. 2–4, ость II	40,6–55,8	1,3–1,7	То же	15,0–31,5	То же	0,1–0,2	То же
Овца, классы тонины: 36e – 32e	43,0–67,0	1,3–2,0	То же и каплевидная	15,5–32,4	То же	0,1–0,2	То же

Шерстяная веревка

Единственный экземпляр (изделие б) представлен обрывками длиной 8,0 и 3,9 см (рис. 8). Это достаточно толстая веревка (толщина составляет примерно 1,8 см), сплетенная косичкой из трех прядей толщиной около 0,8 см каждая; пряди не имеют крутки (табл. 2).

С целью определения вида животного, из шерсти которого изготовлена веревка, проведена таксономическая экспертиза (анализ выполнен О.Ф. Черновой). Видовая идентификация шерсти основывается на эталонном методе, то есть на сравнении ряда диагностических характеристик (архитектоники, морфометрических показателей, микроструктуры) образцов исследуемых шерстяных волокон с аналогичными параметрами волос различных млекопитающих (подробнее о методе см.: Чернова, 2006; Чернова, Целикова, 2004; Чернова и др., 2011). Необходимые для анализа показатели шерстяных волос от веревки изучены методом световой (микроскоп *Zeiss Primo Star* с увеличением 200х–400х; ИА РАН) и сканирующей электронной (микроскоп *Tescan Vega TS5130MM*; ИПЭЭ РАН) микроскопии; результаты представлены в таблице 3.

Таксономическая экспертиза показала наличие в изделии шерстяных волокон средней толщины,

которые по размерным характеристикам можно отнести к ости II порядка, занимающей промежуточное положение между самыми крупными направляющими, остевыми I порядка и тонкими извитыми пуховыми волосами (табл. 3), в том числе у овец. Эти волокна имеют светло-рыжий, ярко-рыжий или светло-коричневый окрас, их кора содержит продольно ориентированные удлиненные (в виде узких штрихов) кластеры черных пигментных гранул (рис. 8, 2, 3). Судя по поперечнику стержня, волокна имеют выпуклую дорсальную и уплощенную вентральную (обращенную к телу животного) стороны и не имеют правильной цилиндрической формы, что характерно для средних и мелких по толщине волос овец. Сердцевина в волокнах либо отсутствует, либо обнаруживается в виде отдельных вытянутых вдоль стержня овальных, сильно пигментированных фрагментов, либо образует сплошной узкий тяж характерной для волос овец четковидной конфигурации (рис. 8, 2, слева направо), при этом она развита очень слабо. Орнамент кутикулы в срединной расширенной части волокна ленточный и волнистый, чешуйки кутикулы неравномерно удлинены, их максимальная высота вдоль стержня составляет 12–15 мкм (рис. 8, 4, 5). Помимо ленточных чешуек имеются отдельные короткие вставочные

³ Морфометрические данные шерстяных волос взяты из: Энговатова и др., 2020; <http://agro-archive.ru/tehnologicheskiesnovy/672-sherst-ovec.html>.

Рис. 8. Шерстяная веревка (изделие 6)

1 – фр-ты веревки; 2 – фр-ты шерстяных волокон с разной степенью развития сердцевины; 3 – поперечные срезы волос; 4, 5 – орнамент кутикулы волоса. 2 – фото в проходящем свете, 3–5 – фото на сканирующем электронном микроскопе

чешуйки. В целом, судя по абсолютным и относительным параметрам (табл. 3), шерстяные волокна, из которых сплетена веревка, происходят от домашней овцы грубошерстной породы и могут быть классифицированы как наиболее низкий сорт овечьей шерсти.

Обращает внимание отсутствие в составе шерсти пуховых волос. Данное обстоятельство можно

объяснить особенностями отбора сырья: очевидно, для веревки использовались достаточно толстые и жесткие остевые и полустевые волосы, оставшиеся после сортировки снятой с животного шерсти и непригодные для изготовления других вещей, прежде всего тканей. Также причиной отсутствия пуха может являться взятие волос с определенных участков тела овцы (возможно, ног).

Обсуждение и выводы

Витые веревки, найденные вне связи с какими-либо предметами, которые позволили бы однозначно их атрибутировать, составляют основную долю всего исследуемого материала и насчитывают 19 изделий; 18 из них происходят из нижней части колодца, заполненной водой. Все веревки изготовлены из лыка в технике витья, среди них присутствуют изделия всех типов структуры, в основном с круткой Z, их толщина варьируется от 0,7 до 1,6 см. Возможно, они привязывались к сосудам, которыми черпали воду, и были способны выдержать значительный груз. В первую очередь это относится к средним (0,8–1,0 см) и толстым (1,2–1,6 см), а также к некоторым тонким (0,7 см) образцам (изделия 3, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22). Разброс значений толщины ярославских находок может указывать на добычу воды при помощи сосудов различного размера, материала и, соответственно, веса. К сожалению, в сооружении № 110 отсутствуют емкости, которые можно отнести к тем, что служили для забора воды: керамическая посуда относится к кухонной и неудобна для привязывания веревок (Энговатова, 2008б. Илл. 153, 167, 228, 230), обломки деревянных сосудов слишком незначительны, чтобы реконструировать их изначальную форму (Энговатова, 2008б. Илл. 224). В целом из всего сказанного следует, что рассмотренную группу веревок с большой долей вероятности можно отнести ко времени бытования колодца.

Одна толстая лыковая веревка (изделие 7), найденная в нижней части колодца, не имеет отношения к добыче воды, так как использовалась для привязывания коровы во время выпаса или перегона.

Несколько изделий связаны с одеждой и обувью. Фрагменты двух тонких веревок (изделия 4 и 23) служат оборами от двух лыковых лаптей, в одном из которых обнаружены кости стопы, что дополнительно говорит о том, что он оказался в колодце при совершении захоронения. Оборы лаптей структурно идентичны (имеют крутку Z2s), но незначительно различаются по толщине (0,4 и 0,6 см). Две плетеные лыковые косички (изделия 2 и 24) имеют толщину сантиметр и полтора сантиметра. Вережки такой толщины могли использоваться для подъема воды из колодцев (Szabó, 2007. P. 154, 159–160. Kér. 14, 15), однако сомнительно, чтобы изделия подобной структуры использовались для добывания воды:

зарубежные аналоги показывают, что для этой цели применялись крученые веревки. Также стоит отметить, что изделие 2 обнаружено среди останков погребенных, а не в воде, следовательно, оно однозначно попало в сооружение № 110 при совершении захоронения. Таким образом, имеет смысл предположить, что данные экземпляры, вероятнее всего, являлись частью костюма (пояс, завязки).

Изделие 6 обнаружено в придонной части колодца, однако весьма сомнительно, чтобы шерстяная веревка использовалась для добывания воды. Скорее всего, она, как и лыковые косички, попала в колодец при захоронении и является остатками шерстяного пояса: известно, что веревками подпоясывалась одежда (Степанова, 2014. С. 171).

В заключение стоит отметить один немаловажный момент. Очевидно, что значительная часть человеческих останков и артефактов либо сразу была сброшена в нижнюю часть сооружения № 110, то есть в воду, при совершении захоронения, либо позже провалилась в воду с верхних ярусов. Другими словами, эти вещи не относятся к непродолжительному периоду функционирования колодца по его прямому назначению (около 1228–1238 гг.). В первую очередь это касается различных деревянных, текстильных, стеклянных и прочих изделий, но также может относиться и к веревкам. Например, несомненно, что кости коровы с веревкой на черепе (изделие 7) никак не могли попасть в действующий колодец до превращения его в коллективное захоронение. То же самое можно сказать о лапте с оборами (изделие 23), очевидно оказавшемся в воде одновременно с останками людей. Не исключено, что какая-то часть остальных веревок, найденных в воде, также попала в сооружение № 110 во время погребения жителей города, что не позволяет с полной уверенностью говорить о том, что они оказались в колодце именно в период его функционирования. Нельзя полностью исключать вероятность того, что данные изделия не имеют отношения к добыванию воды; в таком случае можно осторожно предположить, что они использовались для каких-то бытовых нужд или являлись частью костюма. Таким образом, приведенные выше выводы относительно использования веревок для забора воды носят в некоторой степени гипотетический характер⁴. Лишь 7 веревок (изделия 1, 2, 4, 6, 7, 23, 24), несомненно, попали в колодец при погребении: об этом свидетельствует либо их функциональное назначение, либо положение *in situ* в колодце.

⁴ Имеет смысл также выдвинуть гипотезу, согласно которой наиболее толстые (1,2–1,6 см) веревки использовались для транспортировки трупов к колодцу и сброшены туда вместе с ними. Однако в таком случае встает вопрос, обладали ли эти изделия достаточной прочностью для подобного рода действий.

Комплексное исследование найденных в коллективном санитарном захоронении XIII в. в Ярославле небольшой коллекции веревок позволило получить новые данные сразу по нескольким аспектам. Были изучены и описаны несколько типов этих изделий, установлено их разнообразие в плане структуры, морфологических параметров, материала, из которого они изготовлены.

Одним из основных вопросов стало определение функционального назначения данных вещей, времени их попадания в колодец и, как следствие, связи с периодом бытования этого колодца. К сожалению, некоторая неоднозначность археологического контекста затруднила точную атрибуцию всех веревок, а вместе с этим построение окончательных и бесспорных выводов.

Литература

- Карпунин А. А., Соловьёва Л. Н., Энговатова А. В.*, 2011. Дендрохронологическое датирование сооружений XIII в. из раскопок в Ярославле // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 92–114.
- Левашева В. П.*, 1959. Изделия из дерева, луба и бересты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. (Тр. ГИМ. Вып. 33). С. 61–93.
- Орфинская О. В.*, 2008. Исследование археологических органических материалов из раскопок в городе Ярославле в 2007 году // Энговатова А. В. Приложения к отчету об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1). Т. V. Приложение № 8 / Архив ИА РАН. Р-1. № 44365. Л. 130–168.
- Осипов Д. О.*, 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН. (Матер. охранных археологических исследований. Т. 7). 202 с.
- Соснина Н., Шангина И.*, 2006. Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство. 400 с.
- Степанова Ю. В.*, 2014. Костюм древнерусского человека: реконструкция по данным археологии. Тверь: Тверской государственный университет. 201 с.
- Чернова О. Ф.*, 2006. Архитектоника волос и ее диагностическое значение. М.: Наука. (Библиотека судебного эксперта). 80 с.
- Чернова О. Ф., Целикова Т. Н.*, 2004. Атлас волос млекопитающих. Тонкая структура остевых волос и игл в сканирующем электронном микроскопе. М.: Тов-во научных изданий КМК. 429 с.
- Чернова О. Ф., Перфилова Т. В., Жукова Ф. А., Киладзе А. Б., Новикова В. М., Маракова Т. И.*, 2011. Атлас микроструктуры волос млекопитающих – объектов судебной экспертизы. М.: ООО «ЭКОМ Паблишерз». 286 с.
- Энговатова А. В.*, 2008а. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1). Т. II / Архив ИА РАН. Р-1. № 44362.
- Энговатова А. В.*, 2008б. Приложение № 1 к Отчету об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1). Иллюстрированная опись археологических находок. Т. III / Архив ИА РАН. Р-1. № 44363.
- Энговатова А. В.*, 2008в. Альбом иллюстраций к Отчету об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1). Т. VII / Архив ИА РАН. Р-1. № 44367.
- Энговатова А. В.*, 2019. Рубленый город Ярославля в домонгольский период по данным археологии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (78). М.: Индрик. С. 91–111.
- Энговатова А. В., Кадиева Е. К.*, 2018. Круговая керамика Ярославля первой половины XIII в. из заполнения комплексов массовых захоронений 1238 г. // ТТЗ. Вып. 11. Тверь: Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр. С. 23–60.
- Энговатова А. В., Чернова О. Ф., Орфинская О. В., Яковчик М. С.*, 2020. Войлок из коллективного захоронения (сооружения № 110) в г. Ярославле // КСИА. № 260. С. 305–325.
- Elburg R.*, 2013. Bandkeramiek anders: een vroeg-neolithische waterput uit Altscherbitz (Saksen, Duitsland) // Archeologie. № 14. P. 5–27.
- Elburg R., Stäube H.*, 2011. Des fenêtres sur le passé: les vestiges découverts dans les puits du Néolithique ancien // 5000 ans avant J.-C. La grande migration? Le Néolithique ancien dans la collection Louis Éloy. Collection du Patrimoine culturel 3. Bruxelles: Institut du Patrimoine wallon. P. 149–154.
- Fülöp K.*, 2017. The Birth of Wells. A Late Bronze Age Well from Pusztataskony-Ledence // State of the Hungarian Bronze Age Research. Proceedings of the conference held between 17th and 18th of December 2014. Budapest: Hungarian Academy of Sciences, Eötvös Loránd University. P. 309–336.
- Fülöp K.*, 2020. A kutak rituális szerepe a mindennapi vízádásán túl. Egy késő bronzkori kút

Pusztataskony-Ledencéről – The Ritual Role of Wells beyond their Everyday Water-providing Function: A Late Bronze Age well from Pusztataskony-Ledence // ΜΩΜΟΣ IX. A rituálé régészete. Óskoros Kutatók IX. Összejövetelének konferenciakötete. Miskolc, 2015. október 14–16. Dissertationes Archaeologicae. Supplementum 3. Budapest: Eötvös Loránd University. P. 171–192.

Myking T., Hertzberg A., Skråppa T., 2005. History, manufacture and properties of lime bast cordage in northern Europe // Forestry: An International Journal of Forest Research. Vol. 78, Issue 1. Oxford: Oxford University Press. P. 65–71.

Szabó G. V., 2007. Polgár határában előkerült késő bronzkori kút feltárása és rekonstrukciója //

Ősrégészeti Levelek. Prehistoric Newsletter. № 7. Budapest: Múzeum körút. P. 146–165.

Weiner J., 1997. A Bandkeramic Settlement with Wooden Well from Erkelenz-Kückhoven, Northrhine-Westphalia (FRG) // Le Néolithique danubien et ses marges entre Rhin et Seine. Actes du 22ème colloque interrégional sur le Néolithique, Strasbourg 27–29 octobre 1995. Strasbourg: APRRA. P. 401–405.

Weiner J., 2015. Kühl, klar und köstlich. Wasserversorgung und Brunnen im Neolithikum // Otten T., Kunow J., Rind M.M., Trier M. Revolution Jungsteinzeit. Archäologische Landesausstellung Nordrhein Westfalen. Schriften zur Bodendenkmalpflege in Nordrhein-Westfalen. Band 11, 1. Darmstadt. S. 156–169.

A. V. Engovatova, M. S. Yakovchik, O. V. Orfinskaya, O. F. Chernova

Collection of cords from a collective burial in a well of the 13th century (Yaroslavl)

Summary

The article explores the collection of cords found in the collective sanitary grave of Yaroslavl inhabitants perished in the destruction of the town by the Mongol army in 1238. The fact that the burial was performed in the water well suggests that the cords are related to the period of its functioning and were used for carrying water from it. The research of structure and technological features of cords allowed to detect sev-

eral groups of those finds according to manufacturing technique, thickness and raw material (bast and wool). Most likely the major part of the bast cords were used for carrying water from the well with different vessels and fell to the bottom after the break. Some bast and the only woolen cords served as part of costume and footwear (bast shoes) and were put into the well during the performing of the funeral.

List of figures

Fig. 1. Plan of the Wooden Town of Yaroslavl with collective burials. Building № 110 is marked in blue

Fig. 2. Bast cords braided with a pigtail

1 – product 2; 2 – product 24

Fig. 3. Bast twisted cords, twist S2z

1 – product 10; 2 – product 11; 3 – product 16

Fig. 4. Bast twisted cords, twist S3z

1 – product 9; 2 – product 12; 3 – product 22; 4 – product 25

Fig. 5. Bast twisted cords, twist Z2s

1 – product 5; 2 – product 7 (A – general view of fragments and a node; B – on the skull of a cow when found); 3 – product 20; 4 – product 21

Fig. 6. Bast twisted cords, twist Z3s

1 – product 1; 2 – product 3; 3 – product 8; 4 – product 13; 5 – product 14; 6 – product 15; 7 – product 17; 8 – product 18; 9 – product 19

Fig. 7. Bast shoes (with bast twisted cords, twist Z2s)

1 – product 4; 2 – product 23. The arrows indicate the loops through which the strings at bast shoes were threaded

Fig. 8. Woolen cord (product 6)

1 – fragments of cord; 2 – fragments of woolen fibers with varying degrees of core development; 3 – cross sections of fibers; 4, 5 – cuticle ornament of the hair. 2 – photo in transmitted light, 3–5 – photo on scanning electronic microscope

Н. Е. Прилепская*, А. В. Энговатова**

* *Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва*

** *Институт археологии РАН, Москва*

Определение сезона смерти копытных из санитарных захоронений XIII века в Ярославле с помощью анализа ростовых слоев в зубном цементе

Введение

Изучение ростовых слоев в зубном цементе является хорошо зарекомендовавшим себя методом определения сезона и возраста гибели современных и ископаемых млекопитающих, включая копытных (Клевезаль, Клейненберг, 1967; Клевезаль, 2007; Klevezal, 1996; Spiess, 1976; Stallibrass, 1982; Beasley, Brown, Legge, 1992; Lieberman, Meadow, 1992; Lieberman, 1993; O'Brien, 1994; Burke, 1995; Burke, Castanet, 1995; Pike-Tay, 1995; Greenfield, Moore, Stepan, 2015; Takken Beijersbergen, 2017; Prilepskaya et al., 2020). В работе изучался цемент зубов копытных из санитарных захоронений XIII в., обнаруженных на территории средневекового кремля Ярославля. Цель исследования заключается в определении сезона гибели коровы и лошади из санитарных захоронений (яма № 110 и яма № 124–125) с помощью анализа ростовых слоев в зубном цементе. Гипотезой нашего исследования выступало предположение о том, что корова и лошадь из этих санитарных захоронений погибли зимой 1238 г. во время разграбления города татаро-монголами.

Материал

Материалом для анализа ростовых слоев в цементе послужили постоянные щечные зубы коровы и лошади:

- нижний левый *m1* коровы из санитарного захоронения в колодце (яма № 110);
- нижний правый *m2* лошади из санитарного захоронения (яма № 124–125).

Выбранные зубы находились в нижних челюстях с полными зубными рядами (рис. 2; 3). Обе нижние челюсти характеризуются прекрасной та-

фономической сохранностью, оцениваемой пятью баллами по пятибалльной шкале (Антипина, 2016).

Метод

Подготовка образцов

Зубы были аккуратно извлечены из нижних челюстей. Затем все зубы сканировались 3D-сканером *Artec Space Spider*. 3D-сканы обрабатывались в программном обеспечении *Artec Studio 14*, с разрешением 0,15 мм и точностью до 50 мк. В результате созданы высокоточные трехмерные модели, позволяющие делать измерения в любом направлении и получать изображения объектов в любом ракурсе (рис. 2; 3). Затем зубы полностью заливались эпоксидной смолой и распиливались в продольном направлении в буккально-лингвальной плоскости, следуя протоколу (Prilepskaya et al., 2020, в печати). Полученные в результате распила поверхности образцов вручную шлифовались абразивами с уменьшающейся зернистостью. Таким образом изготовлено 8 аншлифов.

При анализе образцов использовался стереомикроскоп МБС-10 с лампой *Unitron LED 140*, оснащенной установленным на линзе микроскопа поляризационным фильтром. Образцы изучались с увеличением 8х4 и 8х7 в отраженном и поляризованном свете под тонким слоем воды по протоколу А. Бурке (Burke, 1995; Burke and Castanet, 1995).

Определение сезона гибели

Зубной цемент образуется в течение всей жизни млекопитающего и сохраняется в ископаемых остатках (Клевезаль, 1996). Анализ ростовых слоев основывается на том факте, что каждый год на зубах формируется новый ежегодный цементный

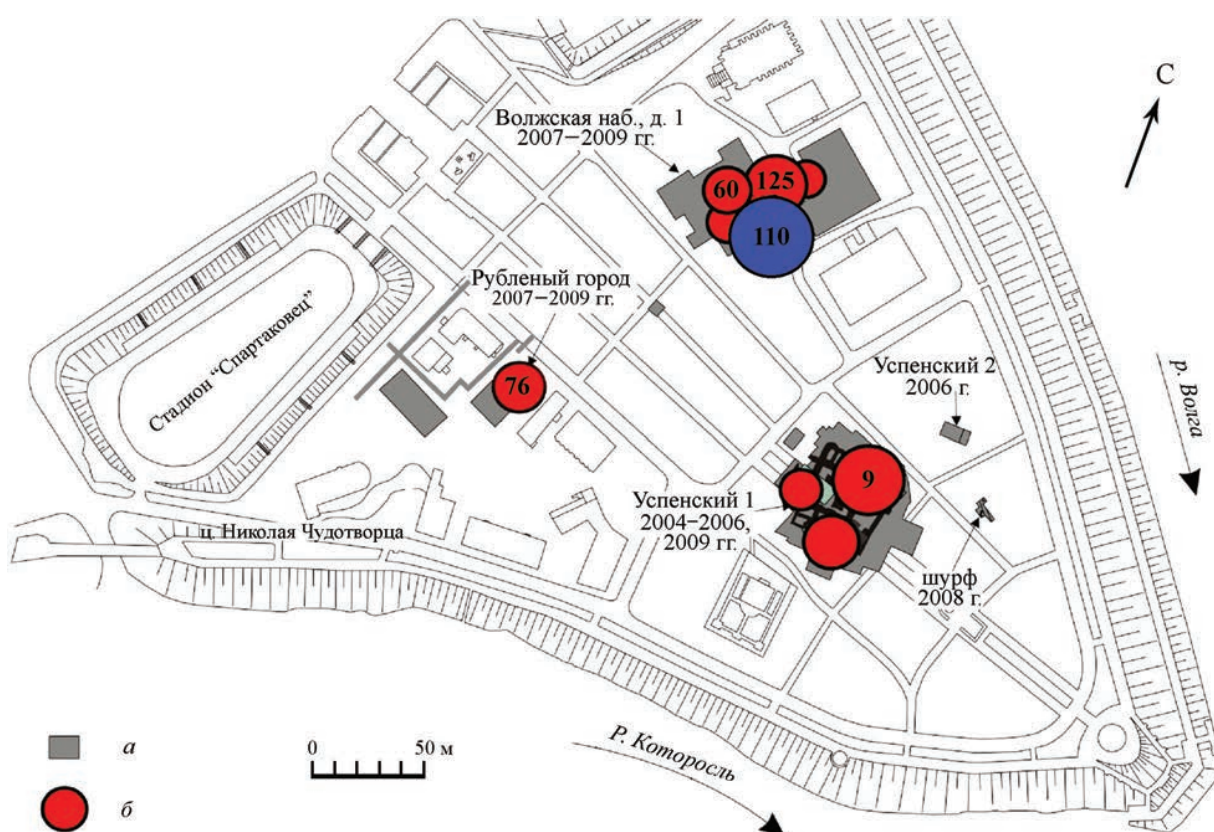

Рис. 1. План Рубленого города Ярославля с коллективными захоронениями.
Сооружение № 110 отмечено синим цветом

a – раскопы ИА РАН 2004–2009 гг.; *б* – коллективные захоронения

слой. Этот ежегодный цементный слой состоит из зоны роста и кольца роста и/или линии остановки роста (кольцо роста/ЛОР), откладывающихся в известной сезонной последовательности. Зона роста соответствует активному росту цемента. Обычно зона роста формируется с мая по октябрь, хотя может начать формироваться несколько раньше, в марте или апреле. Откладывание цемента замедляется в ноябре. Кольца роста соответствуют периодам медленного роста цемента. ЛОР являются результатом прекращения роста. Когда присутствуют ЛОР, они могут располагаться как внутри колец роста, так и присутствовать одни. Обычно кольцо роста/ЛОР формируется с ноября по февраль (Burke, 1995; Burke, Castanet, 1995; Klevezal, 1996). Зоны роста и кольца роста/ЛОР имеют разные оптические характеристики и видны под микроскопом как последовательность светлых и темных полос (Burke, 1995; Burke, Castanet, 1995; Klevezal, 1996; Greenfield, Moore, Steppan, 2015). При этом зоны роста заметно шире, чем кольца роста/ЛОР.

С помощью анализа ростовых слоев в зубном цементе можно определить только холодный (но-

ябрь – февраль) и теплый (март – октябрь) сезоны смерти. Более точное определение сезона смерти связано с высоким риском ошибки, вызванной неравномерной скоростью формирования зоны роста у млекопитающих (Burke, 1995; Burke, Castanet, 1995; Klevezal, 1996). Исследование современных лошадей с известным сезоном смерти показывает, что в теплом сезоне можно надежно выделить только период с марта по апрель, характеризующийся самым началом формирования новой последней зоны роста. Период с мая по октябрь подразделить надежно нельзя (Burke, 1995; Burke, Castanet, 1995).

Сезон смерти определяется по степени сформированности последнего (внешнего) годового цементного слоя по сравнению с предыдущими годовыми слоями (Klevezal, 1996). Если на внешнем крае цемента наблюдается полностью сформированная зона роста, то есть ее ширина равна или сопоставима с шириной предыдущих зон роста, то сезон гибели приходится на холодный сезон (с ноября по февраль). Если на внешнем крае цемента наблюдается не полностью сформирован-

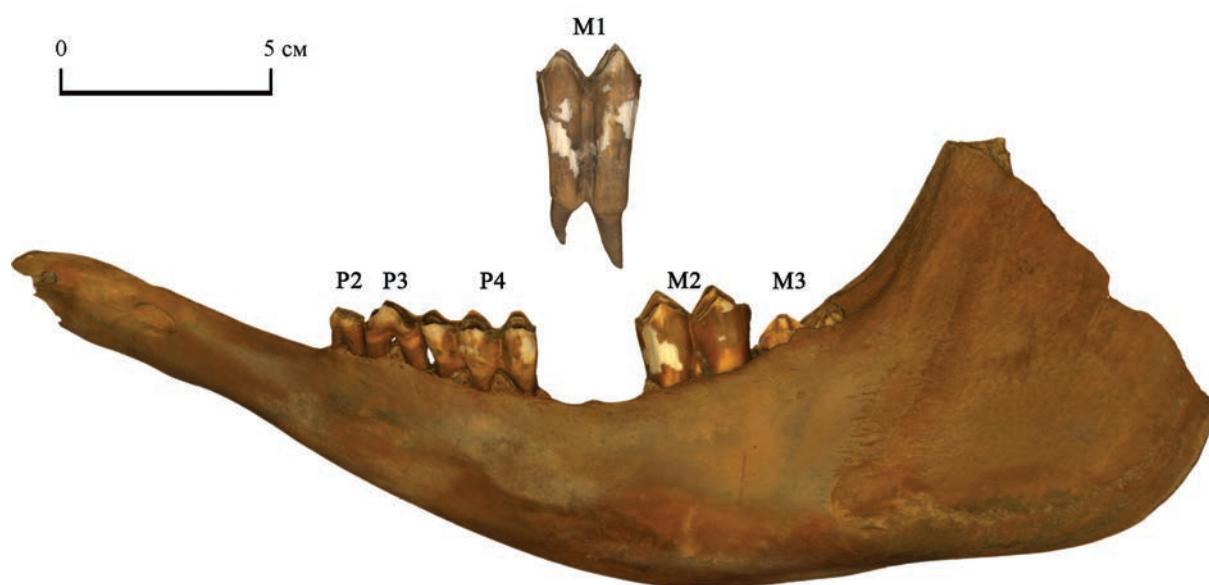

Рис. 2. Левая ветвь нижней челюсти коровы (*Bos taurus*) из санитарного захоронения № 110. Нижний левый первый моляр (*m1*) коровы. Вид с буккальной стороны. 3D-модели получены с помощью 3D-сканера *Artec Space Spider* и программного обеспечения *Artec Studio 14*

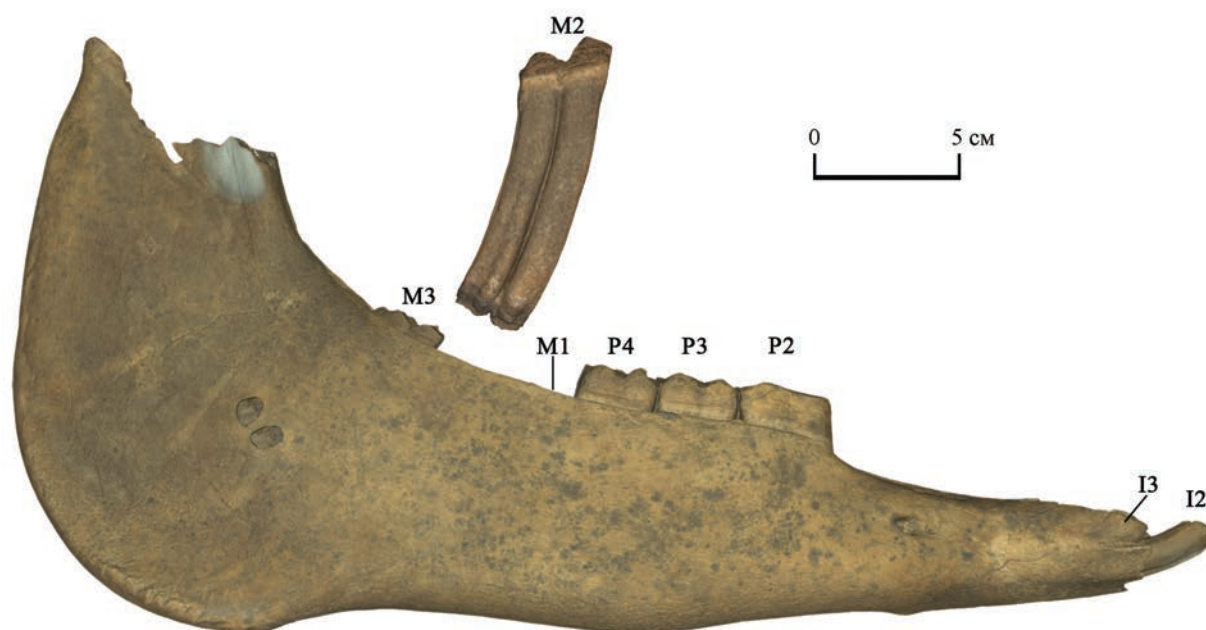

Рис. 3. Правая ветвь нижней челюсть лошади (*Equus caballus*) из санитарного захоронения № 124–125. Нижний правый второй моляр (*m2*) лошади. Вид с буккальной стороны. 3D-модели получены с помощью 3D-сканера *Artec Space Spider* и программного обеспечения *Artec Studio 14*

ная зона роста (более узкая по сравнению с предыдущими зонами роста), то сезон гибели приходится на теплый сезон (с марта по октябрь).

Для подтверждения полученного результата использовалась многократная проверка всех имею-

щихся аншлифов. Все аншлифы были просмотрены не менее 10 раз. Итоговый результат считался определенным при многократном подтверждении полученных выводов на различных аншлифах и различных участках зуба.

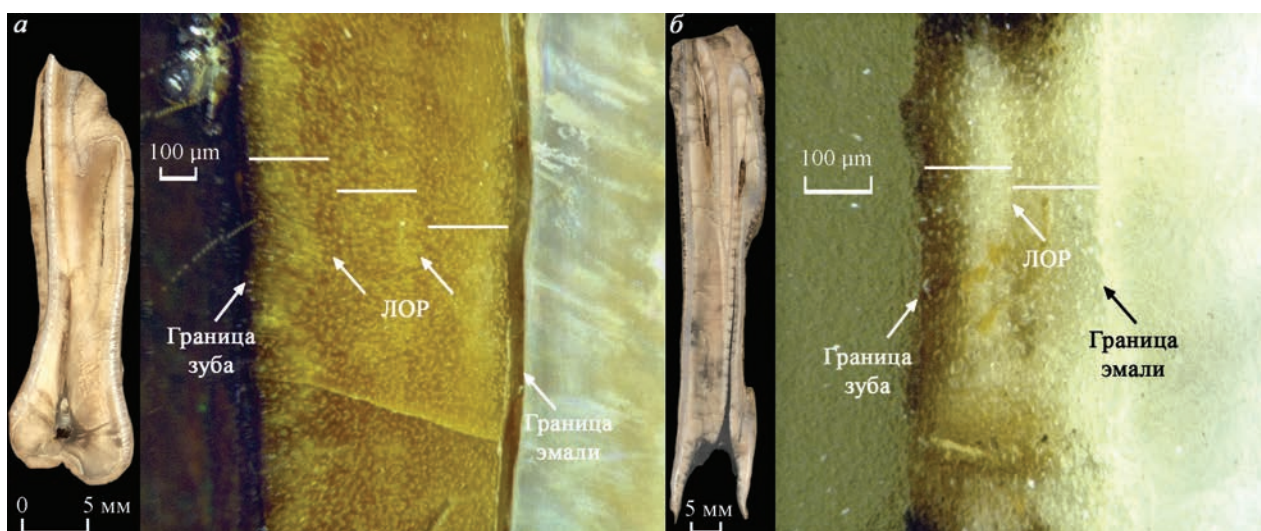

Рис. 4. Микрофотографии ростовых слоев в зубном цементе копытных из санитарных захоронений XIII в. в Ярославле

Микрофотографии сделаны с использованием цифрового микроскопа *Keyence VHX-1000* со стандартным поляризационным фильтром и камерой *VHX-1020* (1/1,8 дюйма 2,11-мегапиксельный CCD сенсор, RGB изображение с глубиной 16 бит для каждого пикселя). ЛОР – линии остановки роста, отмечены стрелками; зоны роста находятся между ЛОР. Эмалевая граница – граница между эмалью и цементом. Микрофотографии демонстрируют холодный сезон гибели обоих животных

Результаты

Анализ ростовых слоев в зубном цементе коровы и лошади из санитарных захоронений XIII в. на территории кремля Ярославля проводился впервые. Изученные копытные найдены в разных санитарных захоронениях: в ямах № 110 и 124–125. У обоих животных на внешнем краю цемента наблюдается полностью сформированная последняя зона роста. Ее ширина равна (сопоставима) с шириной предыдущих зон роста. Следовательно, сезон смерти коровы и лошади приходится на холодный сезон (ноябрь – февраль) (рис. 4, а, б).

Оба исследованных животных представлены достаточно молодыми особями. По анализу ростовых слоев в зубном цементе возраст коровы составил 2,3–2,5 года, возраст лошади – 3,0–3,5 года. Полученные результаты соответствуют времени прорезания третьих моляров у коровы и лошади (имелись нижние челюсти с не до конца прорезавшимися *m3*) (Корневен, Лесбр, 1932; Воккен, Глаголев, Боголюбский, 1961; Silver, 1969; Климов, Акаевский, 2003).

Заключение

Метод анализа ростовых слоев в зубном цементе млекопитающих впервые использован для изучения санитарных захоронений XIII в. на территории древнего кремля в Ярославле. Анализ ростовых слоев в зубном цементе коровы и лошади из двух разных санитарных захоронений показал одинаковый сезон гибели. Смерть животных произошла в холодный сезон (с ноября по февраль). Полученные результаты не доказывают того, что животные погибли в один и тот же холодный сезон, однако археологические данные косвенно указывают на то, что гибель животных, вероятнее всего, произошла зимой 1238 г. в результате разорения города татаро-монголами.

Благодарности.

Авторы выражают благодарность Р.И. Беляеву за советы и помощь в подготовке текста и оформлении рисунков; С.В. Суховерю за помощь и техническую поддержку в подготовке текста, 3D-сканировании и создании 3D-моделей.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 18-04-01301 А).

Литература

- Антипина Е. Е.*, 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 96–118.
- Воккен Г. Г., Глаголев П. А., Боголюбский С. Н.*, 1961. Анатомия домашних животных. Ч. 1: Система органов движения / Под ред. проф. А. И. Акаевского. Учеб. пособие для зоотехн. и вет. вузов и фак. В 3 ч. М.: Высш. школа. 391 с.
- Клевезаль Г. А.*, 2007. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. М.: Т-во научных изданий КМК. 283 с.
- Клевезаль Г. А., Клейнбергер С. Е.*, 1967. Определение возраста млекопитающих по слоистым структурам зубов и кости. М.: Наука, 144 с.
- Климов А. Ф., Акаевский, А. И.*, 2003. Анатомия домашних животных: Учеб. пособие. 7-е изд., стер. СПб.: Лань. 1040 с.
- Корневен Ш., Лесбр Ф. К.*, 1932. Распознавание возраста по зубам и производным эпителиям лошади, коровы, овцы, свиньи, верблюда, собаки, кошки и домашних птиц / Пер. с франц. Л. А. Третьякова. 2-е изд. М.–Л.: Гос. изд. сельскохоз. и колхозно-коопер. лит.-ры. 256 с.
- Beasley M. J., Brown W. A. B., Legge A. J.*, 1992. Incremental Banding in Dental Cementum: Methods of Preparation for Teeth from Archaeological Sites and for Modern Comparative Specimens // International Journal of Osteoarchaeology. 2. P. 37–50.
- Burke Ariane M.*, 1995. Prey Movements and Settlement Patterns during the Upper Palaeolithic in Southwestern France. Oxford: Tempus Reparatum. (BAR International Ser. 619). 136 p.
- Burke A., Castanet J.*, 1995. Histological Observations of Cementum Growth in Horse Teeth and their Application to Archaeology // Journal of Archaeological Science 22. P. 479–493.
- Greenfield H. J., Moore N. C., Steppan K.*, 2015. Estimating the Age- and Season-of-Death for Wild Equids: a Comparison of Techniques Utilising a Sample from the Late Neolithic Site of Bad Buchau-Dullenried. Germany. Open Quaternary, 1 (1). P. 1–28.
- Klevezal G. A.*, 1996. Recording structures of mammals: determination of age and reconstruction of life history. Rotterdam/Brookfield, A. A. Balkema. 274 p.
- Lieberman D. E.*, 1993. Life history variables preserved in dental cementum microstructure // Science. 261. P. 1962–1964.
- Lieberman D. E., Meadow R. H.*, 1992. The Biology of Cementum Increments (with an archaeological application) // Mammal Review. 22 (2). P. 57–77.
- O'Brien C. J.*, 1994. Determining Seasonality and Age in East African Archaeological Faunas: An Ethnoarchaeological Application of Cementum Increment Analysis. PhD dissertation. Department of Anthropology, University of Wisconsin, Madison, WI.
- Pike-Tay A.*, 1995. Variability and synchrony of season indicators in dental cementum microstructure of the kaminuriak caribou population // Archaeofauna. 4. P. 273–283.
- Prilepskaya N. E., Belyaev R. I., Burova N. D., Bachura O. P., Sinitsyn A. A.*, 2020. Determination of season-of-death and age-at-death by cementum increment analysis of horses *Equus ferus* (Boddaert, 1785) from cultural layer IVa at Upper Paleolithic site Kostenki 14 (Markina Gora) (Voronezh region, Russia) // Quaternary International (в печати).
- Silver I. A.*, 1969. The ageing of domestic animals // Science and Archaeology. A Survey of Progress and Research / Ed. by Brothwell, D. R., Higgs, E. S. 2nd ed. L.: Thames&Hudson. P. 283–302.
- Spiess A. E.*, 1976. Determining season of Death of Archaeological Fauna by Analysis of Teeth // Journal of the Arctic Institute of North America. 29. P. 53–55.
- Stallibrass S.*, 1982. The use of cement layers for absolute ageing of mammalian teeth: a selective review of the literature, with suggestions for further studies // Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites / Ed. by B. Wilson, C. Grigson, S. Payne. Oxford: BAR. (British Series No. 109). P. 109–126.
- Takken Beijersbergen L. M.*, 2017. Determining Age and Season of Death by Use of Incremental Lines // Norwegian Reindeer Tooth Cementum. Environmental Archaeology. 24 (1). P. 49–60.

N. E. Prilepskaya, A. V Engovatova

Determination of the season of death of ungulates from sanitary burials of the 13th century in Yaroslavl using the analysis of growth layers in dental cement

Summary

The work studied the cement of ungulate teeth (cow and horse) from sanitary burials of the 13th century, discovered on the territory of the medieval Kremlin of Yaroslavl (pit № 110 and 124–125). The method of analysis of growth layers in the dental cement of mammals was first used to study sanitary burials of the 13th century on the territory of the ancient Kremlin in Yaroslavl. Analysis of the growth layers in the dental

cement of a cow and a horse from two different sanitary burials showed the same mortality season. The death of animals occurred during the cold season (November to February). The obtained results do not prove that the animals died in the same cold season, however, archaeological data indirectly indicate that the death of animals most likely occurred in the winter of 1238 as a result of the ruin of the city by the Mongols.

List of figures

Fig. 1. Sanitary burials № 110 and № 124–125 on the territory of the ancient Kremlin in Yaroslavl

Fig. 2. Left branch of the lower jaw of a cow (*Bos taurus*) from sanitary burial № 110. Lower left first molar (m1) of a cow. Buccal view. 3D models obtained using Artec Space Spider 3D scanner and Artec Studio 14 software

Fig. 3. Right branch of the lower jaw of a horse (*Equus caballus*) from sanitary burial № 124–125. The lower right second molar (m2) of a horse. Buccal view 3D models obtained using Artec Space Spider 3D scanner and Artec Studio 14 software

Fig. 4. Micrographs of growth layers in dental cement of ungulates from sanitary burials of the 13th century in Yaroslavl

Micrographs were taken using a Keyence VHX-1000 digital microscope with a standard polarizing filter and a VHX-1020 camera (1/1.8 "2.11 megapixel CCD sensor, RGB image with 16 bit depth for each pixel). GSL – growth stop line, marked with arrows; growth zones are located between the GSL. The enamel border is the border between enamel and cement. Micrographs show the cold season of death of both animals

a – lower left m1 of a cow, lateral surface of a tooth (sample № 1, 2007), polished section; *б* – lower right m2 horse, lateral surface of the tooth (sample № 2, 2008), polished section

А. А. Гольева

Институт географии РАН, Москва

Результаты почвенных исследований на селище Захарково (Московская область)*

В июле – августе 2018 г. Подмосковная экспедиция ИА РАН провела спасательные археологические исследования на селище Захарково (административный округ Кунцево). Раскопками руководил научный сотрудник ИА РАН А. М. Фатков (*Фатков и др.*, 2020. С. 124–125).

Селище выявлено в 2017 г. в ходе археологических разведок, выполненных ИА РАН. Хронология рассматриваемого памятника основана на археологических находках. Большинство индивидуальных находок и основная часть керамического материала относятся к периоду второй половины XIII – середины XIV в.

Памятник располагается на краю высокого пойменного участка левого берега р. Москвы, где расположена деревня Захарково (рис. 1).

В советское время территория распахивалась под пропашные культуры, в настоящее время – залежь. Современная растительность – сорный луг.

В полевых условиях изучены погребенные почвы и культурные слои двух участков: западная окраина, сектор 32, северо-западный угол и восточная окраина, сектор 37, восточная стенка, а также участок, где археологическими методами признаки древнего антропогенеза не выявлены – фоновый разрез. Во всех разрезах отобраны вертикальные колонки образцов для проведения серии анализов. Все анализы сделаны по стандартным методикам в химической и микроскопной лабораториях Института географии РАН.

Фоновый разрез (сектор 4, северная стенка) (рис. 2)

Морфологическое описание

0–5 см – темно-серый гумусовый горизонт с обилием корней, рыхлый.

5–30 см – пахотный горизонт однородного серого цвета.

30–47 см – аллювиальный нанос, представляющий собой чередование тонких светлых и темных бурых прослоев.

47–52 см – первый погребенный гумусовый горизонт светло-серого цвета. Нижняя граница диффузная, постепенная. Вдоль границы встречаются конусообразные вытянутые углубления – следы корней сосны.

52–82 см – аллювиальный нанос.

82–100 см – второй погребенный гумусовый горизонт. Судя по характеру верхней границы, толщина является сдвоенным гумусовым горизонтом, то есть при начале аллювиальных наносов гумусовый горизонт был переотложен на исходный почвенный, сформировав мощную гумусированную толщу.

100–110 см – погребенный переходный органико-минеральный горизонт. Цвет неоднородный, наблюдается чередование серых вертикальных остатков древних корней трав и бурых пятен ожелезненного суглинка.

110–135 см – аллювиальный нанос.

135–145 см – однородный сизовато-серый слой сапропеля.

145 см и ниже – аллювиальные отложения.

Физико-химические свойства

Гранулометрический состав (рис. 3) показал, что большая часть слоев являются суглинками. При этом аллювиальные отложения – легкие суглинки, а переслаивающиеся и перекрывающие их почвенные горизонты – средние суглинки – содержат больше илистых и тонкопылеватых частиц. Слой на глубине 105–135 см – супесь, подстилающий его

* Работа выполнена согласно плану Госзадания 0148-2019-0006.

Рис. 1. Селище Захарково (указано оранжевой звездой) на карте Красногорского р-на Московской обл.

горизонт 135–145 см – песок связный, ниже – средний суглинок.

Значения pH почвенных растворов в верхней части слабокислые, переходящие вниз в нейтральные.

Содержание органического углерода постепенно убывает с глубиной, при этом четко выделяются погребенные гумусовые горизонты в виде отдельных пиков.

Количество валового фосфора в целом соответствует требованиям для гумусовых горизонтов почв, на глубинах 30–47 см и ниже 100 см количество фосфора резко падает. То есть аллювиальные и сапропелевые наносы были минеральные, без органики.

Микробиоморфная характеристика (рис. 4, 1)

По всему профилю регулярно встречаются спикюлы губок хорошей сохранности. Их количество возрастает в нижней части профиля. Это характерно для аллювиальных (проточных) режимов осадконакопления. В средней части кроме спикюл есть панцири диатомовых водорослей. То есть в тот период, возможно, наблюдалось чередование проточных и застойных водных режимов, например, если участок функционировал как речная старица.

Рис. 2. Фоновый разрез. Морфологический облик и основные химические свойства

Количество фитолитов в среднем небольшое, выделяются гумусовый горизонт первой погребенной почвы и нижняя часть второго погребенного гумусового горизонта.

Есть различия по составу фитолитов. Если первая погребенная почва формировалась под пологом лугово-лесного фитоценоза со значительной долей хвойных в составе древостоя, то нижележащая почва непосредственно перед погребением функционировала в условиях открытых ландшафтов при доминировании луговых и лугово-степных трав. Интересно, что нижележащий горизонт этой почвы подобных форм не содержит даже единично. То есть выявленная специфика в составе фитолитов, скорее всего, связана не с климатическим, а с антропогенным фактором.

Вывод по разрезу

Основной генезис толщи – аллювиальный. Водные наносы иногда сменялись стоянием воды. Возможно, здесь были какие-то временные застойные этапы, например, функционирование в режиме старицы. Переход к ослаблению водных отложений сопровождался началом почвообразования. Этот период был достаточным по длительности, что позволило сформироваться хорошо развитому гумусовому горизонту. Можно говорить об интен-

сивном антропогенном влиянии, характеризовавшемся вырубкой лесов, использованием участка под выпас, когда происходит смена растительного покрова к более ксерофитным (устойчивым к пограве) растениям.

Затем вновь фиксируется этап высоких паводков, погребение почвы, формирование аллювиальных наносов.

Динамичный этап меняется на стабильный, когда опять формируется почва. Судя по остаткам корней, период стабильности был довольно длительным, поскольку на участке выросли деревья.

Эта почва вновь погребается серией аллювиальных наносов. В XX в. поверхность распахивается, что гомогенизировало верхнюю (30 см) толщу, сделав невозможной реконструкцию истории функционирования почвы в доагрогенный период. На современном этапе почва развивается под лугом, начал формироваться гумусовый горизонт луговой почвы.

Сектор 32, северо-западный угол
(рис. 5)

Морфологическое описание

0–30 см – пахотный горизонт однородного серого цвета. В верхней части цвет горизонта темнее за счет большого количества остатков корней трав.

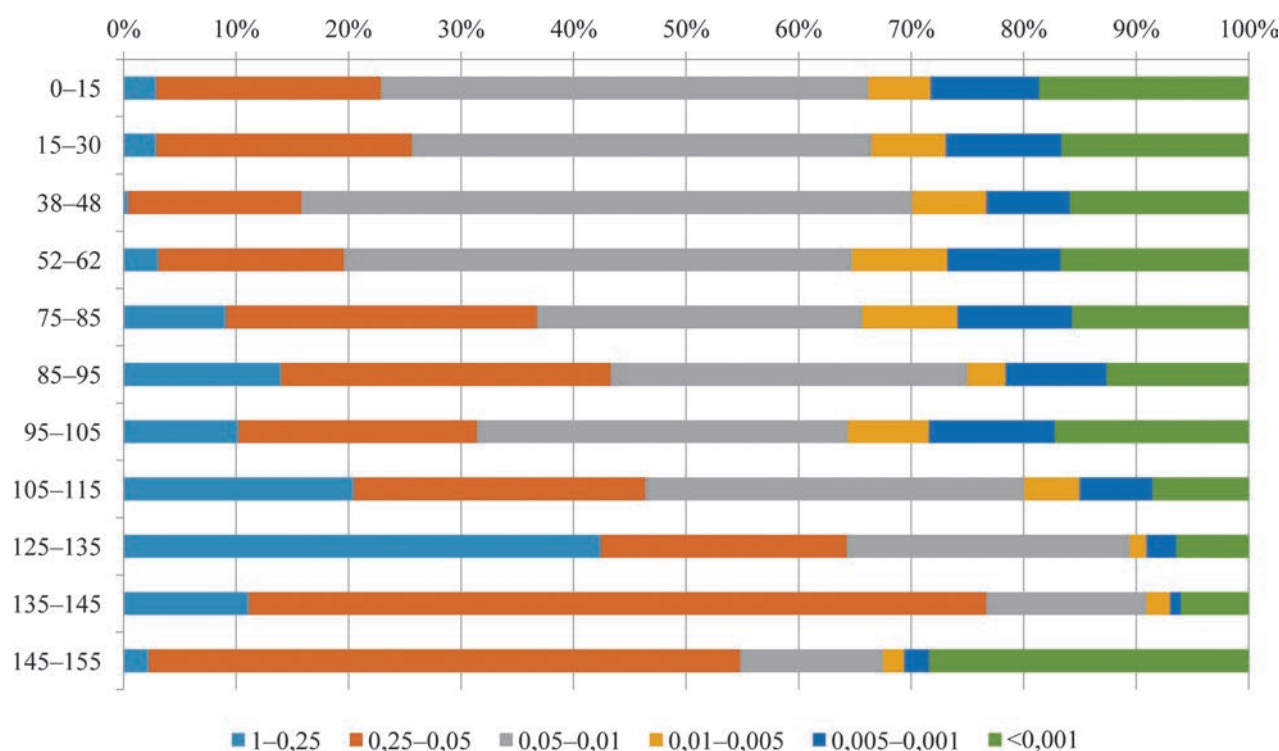

Рис. 3. Фоновый разрез. Гранулометрический состав (цветом показан размер частиц в мм)

30–45 см – аллювиальный нанос. В нижней части нарастает серая гумусированная окраска.

45–55 см – культурный слой средневекового селища. Цвет серый. Интенсивность окраски снижается сверху вниз.

55–65 см – переходный органоминеральный горизонт погребенной почвы. Цвет неоднородный: чередование бурых и серых пятен, вертикальных прослоев и полос – остатков корней трав.

65–90 см – аллювиальный нанос.

90–95 см – сапропель.

95–110 см – аллювий.

110–114 см – сапропель.

114–250 см – аллювий.

Химические свойства

Значения pH нейтральные по всему профилю, вниз становятся слабощелочными.

Содержание органического углерода равномерно уменьшается с глубиной. Ожидаемых максимумов в районе культурного слоя нет.

Валового фосфора в верхней части выше требуемого для естественных почв, в то время как в культурном слое фосфора меньше, его значения типичны для поверхностных горизонтов почв. Ниже количество фосфора резко уменьшается.

Микробиоморфная характеристика (рис. 4, 2)

Средняя часть (аллювиальный нанос и верхняя часть культурного слоя) обогащены спикулами губки и панцирями диатомовых водорослей. Культурный слой выделяется максимумом фитоцитов. Их состав преимущественно луговой, лугово-лесной. Фиксируется резкое уменьшение количества лесных форм при увеличении луговых.

Интересно, что в самом нижнем из исследованных горизонтов (80–85 см – аллювиальный нанос) количество фитоцитов вновь возрастает. В этом горизонте, как и в вышележащем аллювии, отмечается повышенное содержание фитоцитов тростника, что типично для водных наносов.

Вывод по исследованному объекту

Участок, как и предыдущий, на начальных этапах формировался исключительно за счет водных отложений. Фиксируются чередования периодов текучей (аллювиальные отложения) и стоячей (сапропелевые отложения) воды. Затем наступает период существенного понижения уровня воды, что позволило сформироваться почве. Функционирование селища было именно в этот стабильный период. Малое содержание валового

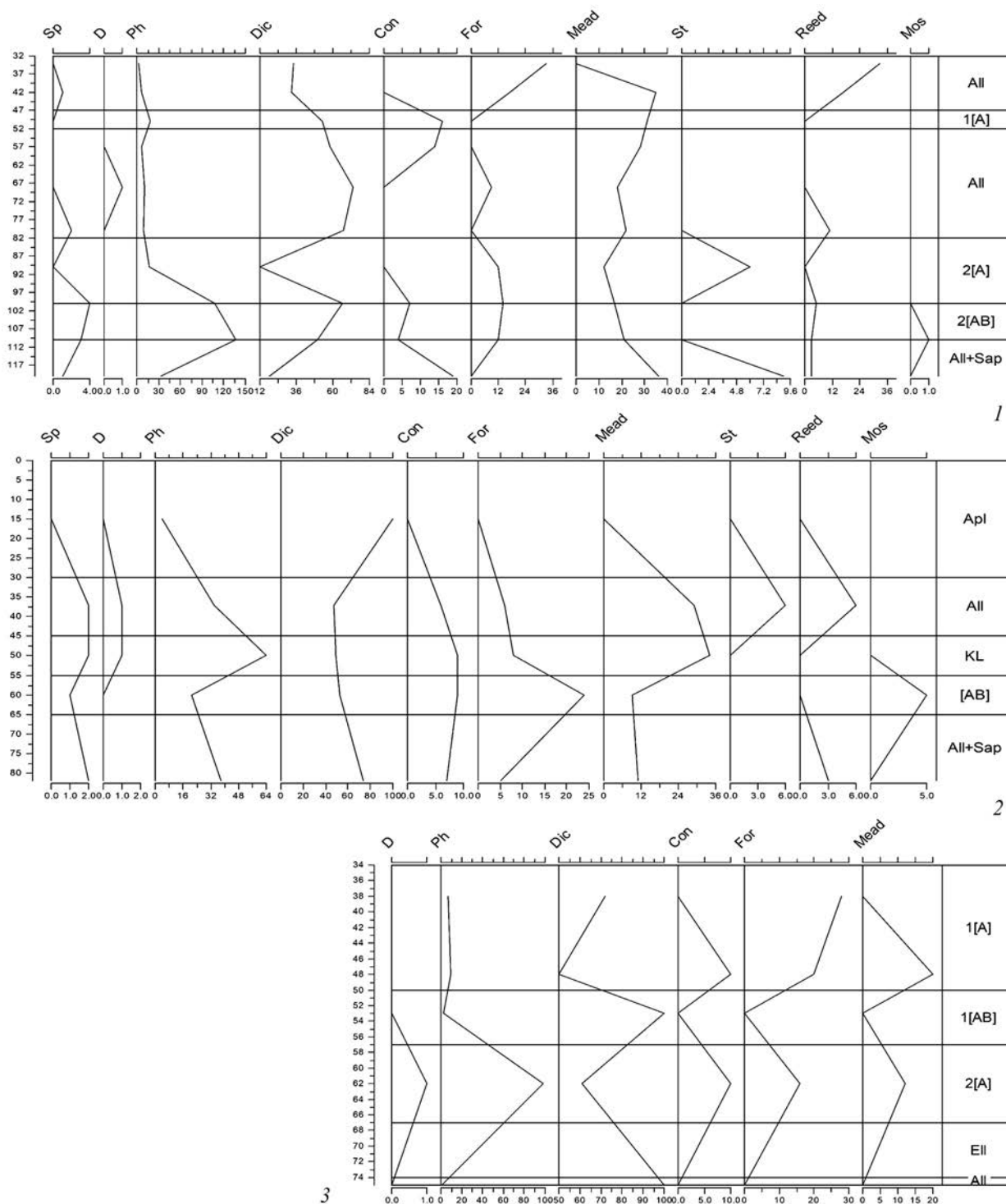

Рис. 4. Микробиоморфная характеристика исследованных объектов

1 – сектор 32, северо-западный угол; 2 – фоновый разрез (сектор 4, северная стенка); 3 – сектор 37, восточная стенка.

По вертикали слева – глубина разреза (см), справа – почвенные горизонты

По горизонтали – содержание микробиоморф (ед.): Sp – спикулы губок; D – панцири диатомовых водорослей; Ph – фитоциты и состав фитоцитной фракции (%); Dic – двудольные травы; Con – иглы хвойных; For – лесные злаки; Mead – луговые злаки; St – степные злаки (сухие луга); Reed – тростник; Mos – мхи

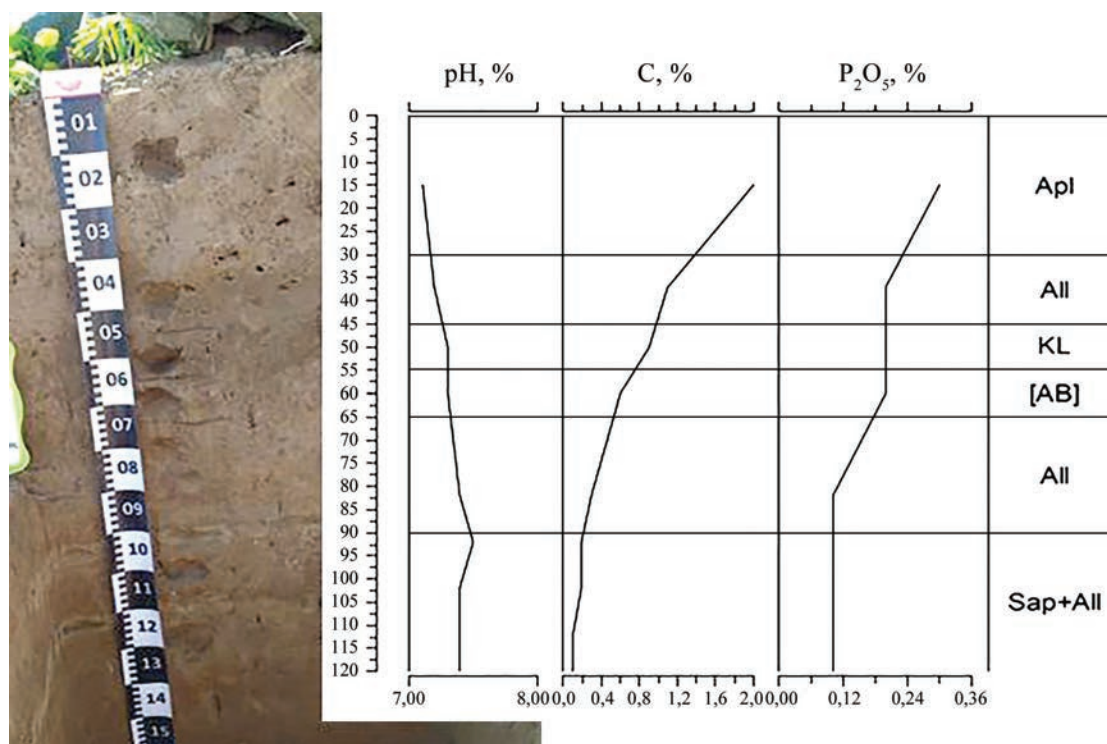

Рис. 5. Северо-западный угол сектора 32. Морфологический облик и основные химические свойства

фосфора указывает на то, что здесь была периферия поселения.

Можно говорить о масштабных вырубках и зарастании участка лугом в период формирования культурного слоя. Скорее всего, вновь начавшиеся высокие паводки способствовали уходу людей и забрасыванию селища. Почва и культурный слой погребаются под толщей аллювиальных отложений.

Сектор 37, восточная стенка

Морфологическое описание

0–30 см – пахотный горизонт с признаками лугового гумусообразования в верхней части.

30–34 см – аллювиальный нанос.

34–50 см – гумусовый горизонт первой погребенной почвы серого цвета. В горизонте встречено небольшое количество находок, относящихся к селищу.

50–57 см – переходный органоминеральный горизонт неоднородного цвета. Наблюдается чередование вертикальных следов корней серого и буроватого цвета в общей светлой толще. Это остатки корней луговой (темно-серые) и лесной (буровато-серые) растительности.

57–67 см – гумусовый горизонт второй погребенной почвы светло-серого цвета.

67–74 см – подзолистый горизонт, сформированный в аллювиальной толще. В нижней части горизонта видны вытянутые клиновидные образования с белесым заполнением и охристой окантовкой – остатки стержневых корней сосен.

74–84 см – чередование аллювиальных и сапропелевых отложений.

Химические свойства (рис. 6)

Значения pH слабощелочные по всему профилю. Гумусовый горизонт первой погребенной почвы выделяется повышенным содержанием органического углерода, который практически отсутствует в гумусовом горизонте второй погребенной почвы. Валового фосфора по всему профилю мало, в пределах природных норм.

Верхняя часть первой погребенной почвы обогащена минеральным углеродом. Ниже его количество резко падает, и вторая погребенная почва этой соли не содержит.

Микробиоморфная характеристика (рис. 4, 3)

В гумусовом горизонте второй погребенной почвы присутствуют панцири диатомовых водорослей. Здесь также максимальное количество фитолитов, которых практически нет в первой погребенной почве. Это позволяет предположить, что нижняя

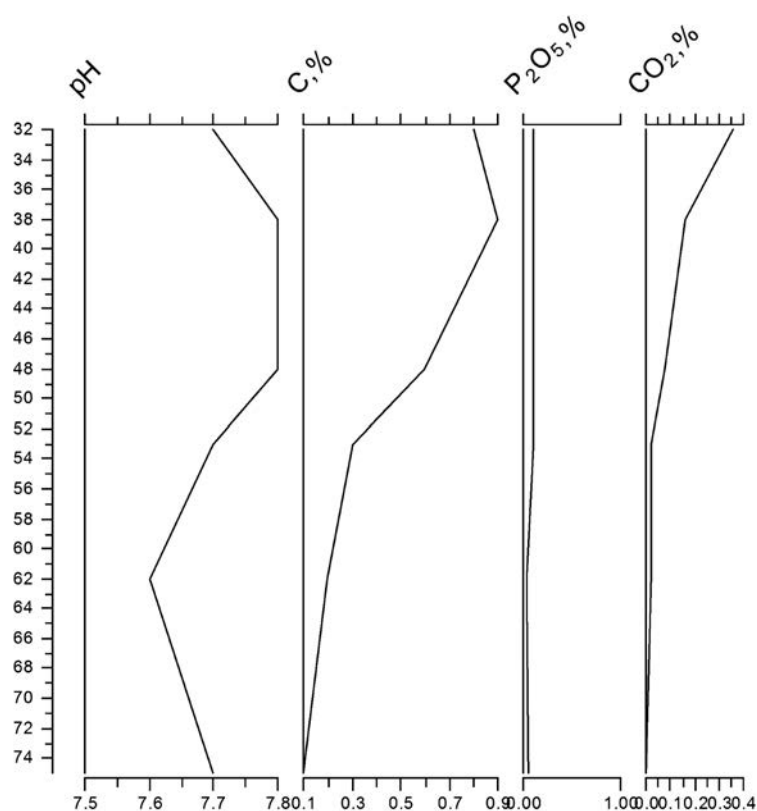

Рис. 6. Восточная стенка сектора 37. Химические свойства

погребенная почва имеет синлитогенный генезис. То есть она формировалась за счет преобразования почвенными процессами регулярного привноса наилка в периоды затопления и застаивания воды.

Вывод по исследованному объекту

Этот участок, как и оба предыдущих, сформирован водными отложениями (проточными и стоячими). После понижения уровня воды, прекращения наносов начались процессы почвообразования. Период стабилизации поверхности был длительным, поскольку на участке вырос сосновый лес, сформировалась почва подзолистого ряда. Верхняя часть этой почвы (57–67 см) имеет хорошо выраженный гумусовый горизонт, что позволяет предположить луговой этап функционирования почвы на заключительном этапе ее функционирования.

Почва была перекрыта водными отложениями, то есть вновь начался динамичный этап развития территории, сменившийся спустя какое-то время периодом стабилизации поверхности, формирования очередной почвы и культурного слоя.

Культурный слой селища, безусловно, формировался в условиях открытого пространства, с луговыми травами. Но на начальных этапах обживания

здесь был лес. Поскольку не было наносов, луговая почва формировалась поверх лесной. Гумусовый горизонт луговых почв имеет более темную окраску по сравнению с таким же горизонтом лесной почвы, поэтому верхняя часть почвы полностью прокрашена темным гумусом. И только в нижней части сохранились фрагменты лесной стадии развития в виде буроватых отпечатков корней.

Стабильный период вновь сменился динамичным, и почва вместе с культурным слоем оказалась погребенной под аллювиальными наносами.

Общие выводы по почвам и культурному слою селища Захарково

Зафиксировано чередование минимум трех этапов динамичных и стабильных процессов. Стабильные процессы характеризовались почвообразованием, во время динамичных почвы перекрывались водными наносами. Можно говорить о смене аллювиальных на аллювиально-сапропелевые отложения со временем.

Территория заселялась в стабильные этапы, когда формировались культурные слои. Все исследованные участки относятся к периферийным и, скорее всего, использовались как пастбища, поскольку

фиксируется смена лесной растительности на луговую и местами на лугово-степную. Наиболее вероятно, это связано с выпасом и перевыпасом скота.

Полученные выводы во многом коррелируют с таковыми для селища Мякинино 2 (Гольева, 2007. С. 90–92).

Литература

Гольева А. А., 2007. Почвенные исследования археологических памятников Мякинино // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 85–110.

Фатьков А. М., Аникин И. С., Муренцева Т. Ю., Сироштан И. И., Федонин Р. А., 2020. Археологические исследования селища Захарково // АО 2018 г. М.: ИА РАН. С. 124–125.

A. A. Golyeva

Pedological research at the archaeological site Zakharkovo (Moscow region)

Summary

In this work, on the basis of morphological, physicochemical, and microbiomorphologic analyzes, we obtained data on the stages of landscape development, starting from the Early Middle Ages. Three soil profiles from the archaeological site have been studied. An alternation of at least three stages of dynamic and stable processes was recorded. Stable processes were characterized by soil formation; during dynamic processes, the soils were covered with water sediments.

We can talk about the change of alluvial deposits to alluvial-sapropelic over time.

The settlement of the territory took place in stable periods, cultural layers were formed. All the studied territories are peripheral and, most likely, were used as pastures, since the change of forest vegetation to meadow, and in some places to meadow-steppe, was recorded. This is most likely due to grazing and overgrazing.

List of figures

Fig. 1. Zakharkovo settlement (indicated by an orange star) on the map of Krasnogorsk District, Moscow Region.

Fig. 2. Background cut. Morphological appearance and basic chemical properties

Fig. 3. Background cut. Granulometric composition

Fig. 4. Microbiomorphologic characteristics of the studied objects

1 – sector 32, northwest corner; 2 – background cut (sector 4, north wall); 3 – sector 37, east wall. Vertically on the left - the depth of the section (cm), on the right - soil horizons

Horizontally – microbiomorph content (ед.): Sp – sponge spicules; D – diatom shells; Ph – phytoliths and composition of phytolith fraction (%) – Dic – dicotyledonous herbs; Con – иглы conifer needles; For – forest cereals; Mead – meadow cereals; St – steppe cereals (dry meadows); Reed – reed; Mos – mosses

Fig. 5. Northwest corner of the sector 32. Morphological appearance and basic chemical properties

Fig. 6. East wall of the sector 37. Chemical properties

Археология Нового времени

А. В. Алексеев

Институт археологии РАН, Москва

К дискуссии о семантике русского средневекового белокаменного надгробия*

Антропоморфная интерпретация схемы рисунка русского средневекового надгробия, предложенная Л. А. Беляевым четверть века назад в его капитальной монографии, посвященной погребальным памятникам Северо-Восточной Руси и Московского государства (Беляев, 1996), стала важным шагом для понимания семантики белокаменных надгробных плит. В отличие от прежних, весьма наивных попыток рассматривать трехгранно-выемчатую резьбу и круговые фигуры на надгробиях как рудименты древней славянской символики («языческие солярные знаки», «символы солнца Ярила» и др.; *Компанец*, 1991. С. 161), Л. А. Беляев попытался истолковать орнаментальную композицию плит как схематически воспроизводившую пропорции человеческого тела и включавшую элементы важнейших в семантическом отношении христианских символов. Впрочем, любая интерпретация данного материала всегда будет дискуссионной, так как мы не располагаем на эту тему какими-либо письменными источниками. Как справедливо отметил Л. А. Беляев, «существует большая опасность впасть в модернизацию при попытке толковать изображенные элементы с позиций современного восприятия. Однако кажется неверным вовсе отказаться от попыток их формальной и семантической оценки, пренебечь тем, что явно пытаются сказать нам древние изображения. Необходимо хотя бы обозначить направление дальнейших поисков. Если в трактовке скудного пока материала доля фантазии окажется чрезмерной, накопление наблюдений позволит коллегам легко исправить мои вполне вероятные ошибки» (Беляев, 1996. С. 130).

Интерпретация Л. А. Беляева довольно интересна, однако ее трудно принять без сомнений. Дело даже не в том, что, как отмечает сам автор, воспроизведение в надгробии человеческой фигуры не было свойственно ни Византии, ни вообще восточнохристианской традиции (Беляев, 2006. С. 11), а скорее в том, что антропоморфизм орнаментики надгробий как таковой не несет в себе особой смысловой нагрузки, семантической глубины, поэтому держаться за него с конца XIV по середину XVII в. вряд ли кто-то бы стал. Представляется, что схожесть московской белокаменной плиты с человеческой фигурой заканчивается на ее ярко выраженной трапецевидной форме, которая лишь повторяла форму деревянного гроба или каменного саркофага. В рисунок же, нанесенный на верхнюю грань надгробия, заложен более глубокий смысл, нежели отображение тела почившего¹. Этот рисунок должен отвечать традициям русского православия и быть понятен всем слоям населения – от князей и церковных иерархов до крестьян. Именно это и повлияло на то, что схема узора прочно вошла в обиход и продержалась на плитах практически без изменений столь продолжительное время. Она была привычной для 13–15 поколений жителей Московской Руси. Даже при смене характера орнаментальной резьбы с трехгранно-выемчатой на жгутовую во второй половине XVI в. сама композиция рисунка осталась прежней. Если мы взглянем на схему изображения через призму христианского мировоззрения и верования, нам открывается ее глубочайшее символическое содержание. Тезисно напомним толкование

* Л. А. Беляев не рецензировал эту статью ввиду явного конфликта интересов.

¹ А. Г. Авдеев считает, что однотипный антропоморфный рисунок московских надгробных плит стал своеобразной аналогией распространившимся на Западе изображениям *transi tombs* и *dance macabre*: подобно им, он заключал в себе идею равенства всех перед смертью (Авдеев, 2017. С. 140).

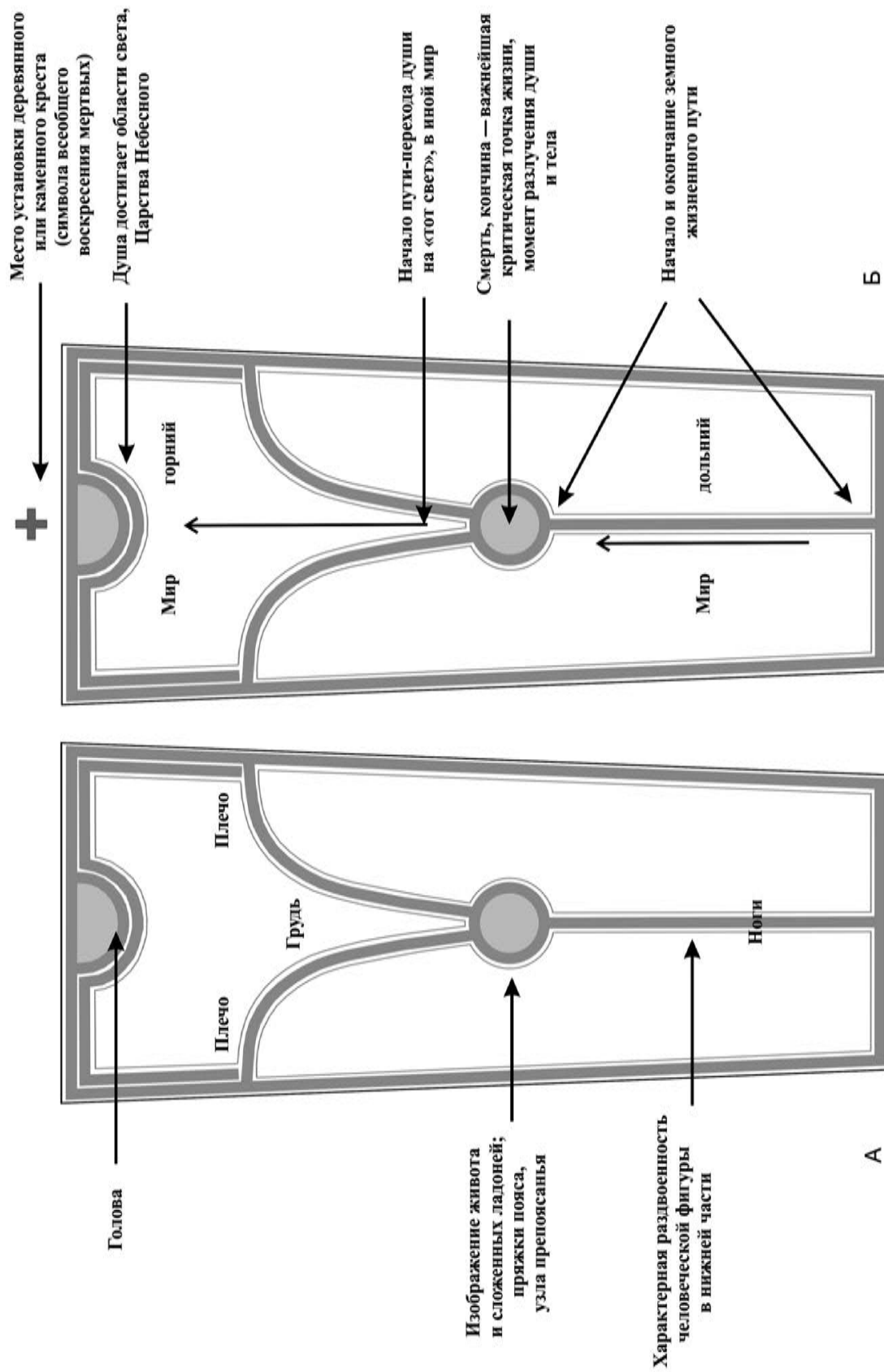

Рис. 1. Классическая схема белокаменного надгробия. Варианты интерпретации рисунка

А – графическое выражение антропоморфной схемы надгробия согласно гипотезе Л.А. Беляева (на основе: Беляев, 1996. С. 100, 126, 127, 132);

Б – символика рисунка русского средневекового надгробия в интерпретации автора

орнаментики надгробий Л. А. Беляева и следом предложим свою альтернативную интерпретацию.

Л. А. Беляев приводит следующие элементы рисунка, указывающие на стремление средневековых мастеров-камнерезов уподобить изображение на плитах человеческой фигуре (рис. 1, 1; Беляев, 1996. С. 100, 126, 127, 132).

1. Клеймо (круг, полукруг, овал), примыкающее к середине бордюра изголовья (в верхнем торце плиты), могло восприниматься как изображение головы. В изголовье же наносят дополнительную полосу крестчатого орнамента, возможно, изображающего налобный венчик-ленту.

2. Среднее, центральное клеймо трактуется как изображение живота и сложенных ладоней, как «узел препоясания», пряжка пояса; прямая орнаментальная лента, проходящая через центральное клеймо к боковинам плиты (поперечная линия, пересекающая центральный круг), рассматривается как пояс.

3. Прямая (осевая) линия, соединяющая центральное клеймо с серединой бордюра в нижней части плиты, обозначает ноги – «характерную раздвоенность человеческой фигуры в нижней части».

4. Веерообразно или Т-образно расходящиеся симметричные линии от центрального клейма к боковым бордюрам (так называемые боковые тяги) интерпретированы как плечи, эта деталь рисунка «подчеркивает присущее человеческому телу расширение на уровне груди и плеч».

5. Рисунок на плитах первой половины XV в. имеет дополнительный антропоморфный элемент – два коротких отрезка орнамента, которыми стали соединять полукруг в изголовье и ветви расходящихся тяг; надгробия митрополитов Киприана и Фотия, такая же деталь встречена на двух плитах из Коломенского (КЛ № 2 и КЛ № 3)². «Вероятно, такая комбинация трактовалась как изображение головы, шеи, плеч и груди до пояса, тем более что пропорциональное размещение элементов этому соответствовало» (Беляев, 1996. С. 127). А короткий отрезок треугольного орнамента, соединявший примерно посередине расходящиеся от центрального клейма «плечики» на надгробии митрополита Киприана, можно трактовать как вышивку края или иной элемент одежды (Беляев, 1996. С. 132). Полоски графы, заполняющие начало выреза над центральным клеймом-розеткой, «кажется, можно понять как изображения нижней одежды или шнуровки» (Беляев, 1996. С. 132).

Л. А. Беляев предполагает, что на формирование антропоморфной композиции декора московских плит XV–XVII вв. повлиял антропоморфный трехконечный Тау-крест, достаточно распространенный в Западной Европе в раннее Средневековье (Беляев, 1996. С. 231). Но на Руси данный тип креста, если даже и был известен, никогда широкого распространения не имел. Вряд ли он был близок и понятен православному населению Московских земель: при господстве принципа Фёдора Студита «крест всякой формы есть истинный крест», в ту пору русский народ, отличавшийся религиозным консерватизмом, очень подозрительно относился к западной (латинской) христианской символике (Авдеев, 2016. С. 506). Так, летопись сообщает, что Аристотель Фиораванти «в олтаре же (Успенского собора. – А. А.) над митрополичьим местом, крыж Лятский истеса на камени за престолом, его же митрополит (Геронтий. – А. А.) последи стесати повеле» (ПСРЛ, 1853. С. 221). Несколькоми годами ранее митрополит Филипп потребовал от Ивана III поставить на место папского легата Антонио Бонумбре, по указанию которого впереди кортежа невесты (Софьи Палеолог) несли крест (крыж). «Слышав же сие князь великы от святителя, посла к тому лягату, чтобы не шел пред ним крыж, но повеле скрыти его. Онъ же постоя мало о том и по том сотвори волю великого князя...» (ПСРЛ, 1949. С. 299).

Как было уже сказано выше, рисунок на лицевой поверхности надгробий должен быть насыщен глубоким содержанием. Это отнюдь не орнаментальный декор, рассчитанный лишь на зрительное любованье, изображение выстраивается в четко организованную многоярусную композицию, которая читается от нижнего края плиты. Предложим свой вариант объяснения резьбы на плитах (рис. 1, 2).

1. Отрезок продольной (осевой) орнаментальной линии от торцевого бордюра в изножье до центрального клейма следует трактовать как начало и окончание земного жизненного пути погребенного человека. Соответственно нижнюю часть плоскости плиты можно рассматривать как земное пространство, мир дольний.

2. Центральное клеймо обозначает смерть – важнейшую критическую, рубежную точку жизни. Именно в этой переломной точке происходит разлучение души и тела. На некоторых ранних плитах смертная черта обозначена в виде прямой поперечной орнаментальной ленты, проходящей

² Аббревиатура «КЛ» означает Коломенское. Такие обозначения предложил Л. А. Беляев в монографии 1996 г. для всех уже найденных и впредь находимых лапидарных памятников, что представляется весьма правильным и удобным.

Рис. 2. Надгробие и крест с кладбища у ц. Рождества Христова в с. Юркино (г. о. Истра, Московская обл.)

через центральное клеймо к боковинам. На плитах XVI–XVII вв. данный дополнительный элемент рисунка практически не встречается, но для мастеров-резчиков, наносивших тексты эпитафий, эта зона служила условной границей, ниже которой многострочные надписи старались не опускать. Вряд ли это случайное совпадение. Непосредственно над центральным клеймом иногда можно увидеть изображение тонкого короткого стержня, верхний расширяющийся край которого переходит в высокий вытянутый треугольник, заполненный звездочками или мелкими многолепестковыми розетками. Л. А. Беляев интерпретирует этот знак как горящую свечу (Беляев, 1996. С. 132). Свеча всегда возжигается при умирающем во время чтения отходной молитвы (молебного канона при разлучении души от тела).

3. Верхняя часть рисунка надгробия, отделенная от нижней боковыми тягами (изогнутыми симметричными линиями, расходящимися от центрального клейма к боковым бордюрам) и акцентированная дополнительными орнаментальной рамкой и краевой полосой крестчатого или треугольного орнамента, обозначает переход души в область света, в иной, лучший мир, на «тот свет». В свое время Л. А. Беляев очень точно подметил, что изголовье плитчатого надгробия «семантически гораздо более нагружено и снабжено некоторыми атрибутами, позволяющими воспринимать его как “верхнюю” (небесную) часть, в то время как изножье явно семантически ослаблено, имеет некоторые признаки отождествления его с “землей”» (Беляев, 1996. С. 136). Если развивать эту мысль далее, то внутренняя рамка, размещенная вдоль изголовья и боковых сторон вплоть до тяг, служила не столько для выделения места под текст надгробной эпитафии (часто надпись выходила за пределы этой отнюдь не декоративной рамки, но, как было сказано выше, очень редко опускалась ниже уровня размещения центрального клейма), сколько была необходима для особого символического обозначения мира горнего, Царства Небесного. Вот откуда в верхней части некоторых надгробий можно наблюдать дополнительные элементы в виде «облачков» – орнаментальных дуг, отсекающих углы в изголовье и фланкирующих второе клеймо (Вишневецкий, 2013. С. 129). Само это верхнее клеймо, представляющее собой придвинутый вплотную к торцу изголовья круг или частично выходящий за бордюр полукруг, можно трактовать как символ человеческой души, достигшей небес. Следует иметь в виду, что в изголовье надгробия устанавливался деревянный или каменный намогильный крест, об этом можно судить по записям и рисункам иностранных путешественников, а главное, по расположению эпитафий на самих плитах. Если бы крест в то время размещался в изножье (ныне его положено вкапывать в ногах погребенного)³, надпись непременно начиналась бы от нижнего торца надгробия, чтобы читающий ее был обращен лицом к главному символу и образу христианства. Как известно, крест знаменует собой победу над смертью и адом, спасение и вечную жизнь. Вот почему верхняя розетка, интерпретируемая нами как изображение бессмертной человеческой души, на плитчатом надгро-

³ Средневековая традиция установки креста именно в изголовье могилы хорошо отражена в материалах раскопок поздних новгородских жальников. Там все каменные кресты найдены в головах погребений. Насколько можно судить по изученным *in situ* образцам, кресты устанавливались на специальную плиту подставки, в вырубленный паз валуна обкладки или непосредственно на землю (Репников, 1931. С. 6).

бии стремится быть как можно ближе к краю его изголовья, к кресту (рис. 2).

Рисунок на московских белокаменных плитах XV–XVII вв. имеет прямое отношение к теме смерти и воскресения, это и послужило залогом такой его небывалой популярности в народе. Изображение хорошо продумано и составляет двухчастную композицию, означающую единство двух областей – земного (область земного бытия человека, мир дольний) и небесного (вышний, горний мир, духовное небо). Важной смысловой зоной рисунка является район центрального клейма (одного, реже нескольких), знаменующего собой смерть человека, момент разлучения его души и тела. Именно от этого клейма веерообразно расходятся две симметричные рубежные линии – тяги, вероятно, символизирующие границу двух сопряженных между собой миров. Но переход из нижнего мира в верхний возможен лишь в одной центральной, узловых точке. Примечательно, что начало пути души умершего человека к Царству Небесному находится в тесном зауженном просвете между расходящимися от срединного клейма дугами. Чтобы понять символическое значение этого устойчивого элемента композиции, уместно вспомнить слова из Евангелия от Марка о спасении и наследовании жизни вечной: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Мк. 10:25)⁴. Перед вошедшим же в посмертии в Царство спасе-

ния возникает нетварный свет Божественной благодати. Графическая передача идеи света небесного на плоскости надгробной плиты реализована в виде внутренней рамки и дополнительной краевой орнаментальной полосы, составленной из крестчатых квадратов или крупных треугольников.

Очень важно, что двухмерность, плоскость рисунка на надгробии (равно как и символичность) сближают его с церковной иконой. Это одно из возможных объяснений феномена устойчивости и непреложности схемы изображения на плитах (Л. А. Беляев справедливо отметил, что надгробие было включено в область предметов с церковно-обрядовыми функциями – Беляев, 1996. С. 133, 136, 138). Таким образом, каноническая упорядоченность композиционного расположения всех элементов нанесенного на поверхность надгробия рисунка имеет глубочайший догматический смысл. С духовной точки зрения изображение на плитах раскрывает тему смерти и посмертного воскресения человека, что было очень насущно для всех слоев населения Московского государства.

Следует еще раз подчеркнуть, что предложенная трактовка символики изображений на московских надгробиях – не более чем рабочая гипотеза, возвращающая к старой дискуссии о семантике надгробных плит, но построенная с учетом нового, накопленного за последние десятилетия фактического материала.

Литература

- Авдеев А. Г., 2016. Надгробия «тверского» типа: вопросы хронологии, типологии и символики // Вопросы эпиграфики. Вып. 8. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 474–520.
- Авдеев А. Г., 2017. Образ смерти в христианской культуре XIV–XV веков и рождение поминальной практики в Московской Руси // Ползуновский альманах. № 4. Т. 1. Ч. 1. Барнаул: Алтайский ГТУ им. И. И. Ползунова. С. 134–143.
- Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффи-ти. 563 с.
- Беляев Л. А., 2006. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средне-
- вековое надгробие XIII–XVII в. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 7–30.
- Беркович В. А., Егоров К. А., 2017. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ООО «ТМ Продакшн». 768 с.
- Вишневский В. И., 2013. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 125–139.
- Компанец С. Е., 1991. Клейма на средневековых плитах XVI–XVII вв. // Московский некрополь (история, археология, искусство, охрана). М.: НИИК. С. 161–164.
- ПСРЛ. Т. VI. Софийские летописи. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. 358 с.

⁴ На некоторых детских надгробиях (ТСП-30, ТСП-48, ВКС-2, ИП-1, ВК-127 – Беркович, Егоров, 2017. С. 42, 50, 127, 238, 482) мы не видим нижней осевой линии, центрального клейма и боковых тяг. Но всегда присутствует верхнее клеймо. Причиной этому, вероятно, стало христианское представление о безгрешности младенцев (детей до семи лет), которые, как известно, допускаются к причастию без исповеди. По умирающим в младенчестве никогда не читается канон при разлучении души от тела.

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века / Под ред. М.Н. Тихомирова. М.–Л.: АН СССР, 1949. 464 с.

Репников Н.И., 1931. Жальники Новгородской земли // Изв. ГАИМК. Т. IX. Вып. 5. 29 с.

A. V. Alekseev

To discussion of the semantics of the Russian medieval white stone tombstone

Summary

The article proposes a new approach to the interpretation of the scheme of the drawing of a Russian medieval tombstone. In contrast to the previously proposed anthropomorphic interpretation of the composition, the elements of the picture are viewed through

the prism of the Orthodox doctrine of death and posthumous resurrection of a person. Such a view allows us to understand the deep dogmatic meaning of the image and enriches our understanding of the burial and memorial culture of Moscow Rus.

List of figures

Fig. 1. Classic scheme of a white-stone tombstone. Figure interpretation options

A – graphic expression of the anthropomorphic scheme of the tombstone according to the hypothesis of L.A. Belyaev (based on: *Беляев*, 1996. С. 100, 126, 127, 132); Б – symbolism of the drawing of a Russian medieval tombstone in the interpretation of the author

Fig. 2. Headstone and cross from the cemetery near the Church of the Nativity of Christ in the Yurkino village (Istra, Moscow region)

В. В. Агеев

НПЦ «Рязанская археологическая экспедиция», Рязань

Новые данные о надгробных памятниках Кунцевского городища

Кунцевское городище является одним из хорошо известных памятников археологии на территории города Москвы. Оно расположено в северо-западной части Филевского парка, на мысе правого коренного берега р. Москвы, ограниченном двумя глубокими оврагами. Площадка городища имеет овально-прямоугольную форму. Ее длина с юго-востока на северо-запад составляет 72 м, ширина – 20–27 м. Высота с севера – 30 м. С южной напольной стороны городище защищали три вала высотой 1,2, 1,5 и 2,5 м и три рва. Со стороны р. Москвы у подножия городища также имеется вал высотой около 2 м и шириной около 10 м. Городище имеет террасы на склонах – плоские площадки, эскарпированные в раннем железном веке и служившие дополнительной площадью поселения в это время (рис. 1). Известны местные (народные) названия городища: «татарское кладбище», «славянское кладбище», «польское кладбище», а также «проклятое место» (Исследования... 1849а. С. 849; *Забелин*, 1873. С. 224).

Первое упоминание рассматриваемой территории в качестве городища фиксируется в межвой описи 1649 г., где определяется расположение земли ц. Покрова Богородицы, «что на Городище» (*Забелин*, 1873. С. 226, 250). Это городище было известно З. Доленга-Ходаковскому (1838. С. 30–31, 101). В XIX в. Кунцевское городище осматривали академик М. И. Броссе (Исследования... 1849а. С. 849–850; 1849б. С. 860–861) и И. Е. Забелин (1873. С. 225–226). В промежуток между 1919 и 1923 гг. памятник изучал В. А. Городцов (1924. С. 16), а в 1940 г. – О. Н. Бадер (1947. С. 123–124). В 1960–1970-е годы на Кунцевском городище проводились охранные раскопки под

руководством А. Г. Векслера (1960; 1962а; 1963; 1964; 1965; 1968; 1970; 1971; 1972; 1973). В 1995 г. памятник осматривал Н. А. Кренке (1995. С. 16). В 1998 г. городище обследовали Н. А. Кренке и С. З. Чернов (2005. С. 514). В том же году на северном склоне площадки нашли клад из четырех половинок арабских дирхемов и подражаний этим монетам (*Кренке*, 2003. С. 155).

В ходе исследований установлена принадлежность памятника к трем историко-культурным периодам: ранний железный век (дьяковская культура), поселение славян-вятичей и позднесредневековый некрополь с церковью (*Векслер*, 1982. С. 185–192).

Кунцевское городище не единственный археологический памятник в округе, имеющий культурный слой средневекового времени (*Кренке*, 1997. С. 38–40). Особый интерес представляет селище Кунцево-1, открытое в ходе археологических разведок под руководством Н. А. Кренке в 1995 г. Оно расположено в 200 м к юго-юго-востоку от городища и датируется XII/XIII–XVII вв. (*Кренке*, 1995). Историческое наименование этого поселения в настоящее время неизвестно. Территориальная близость селища Кунцево-1 к некрополю на Кунцевском городище и их хронологическая синхронность позволяют нам вслед за Н. А. Кренке (1995. С. 17) допустить принадлежность данных памятников к одному историко-археологическому комплексу.

На позднесредневековом некрополе, возникшем на городище, М. И. Броссе насчитал не менее двух десятков надгробных камней, «положенных от севера на юг» (Исследования... 1849а. С. 849). Ему же принадлежит обобщенное описание надгробных памятников с этого городища¹: «Окружность

¹ Здесь и далее все цитаты приведены в современной орфографии.

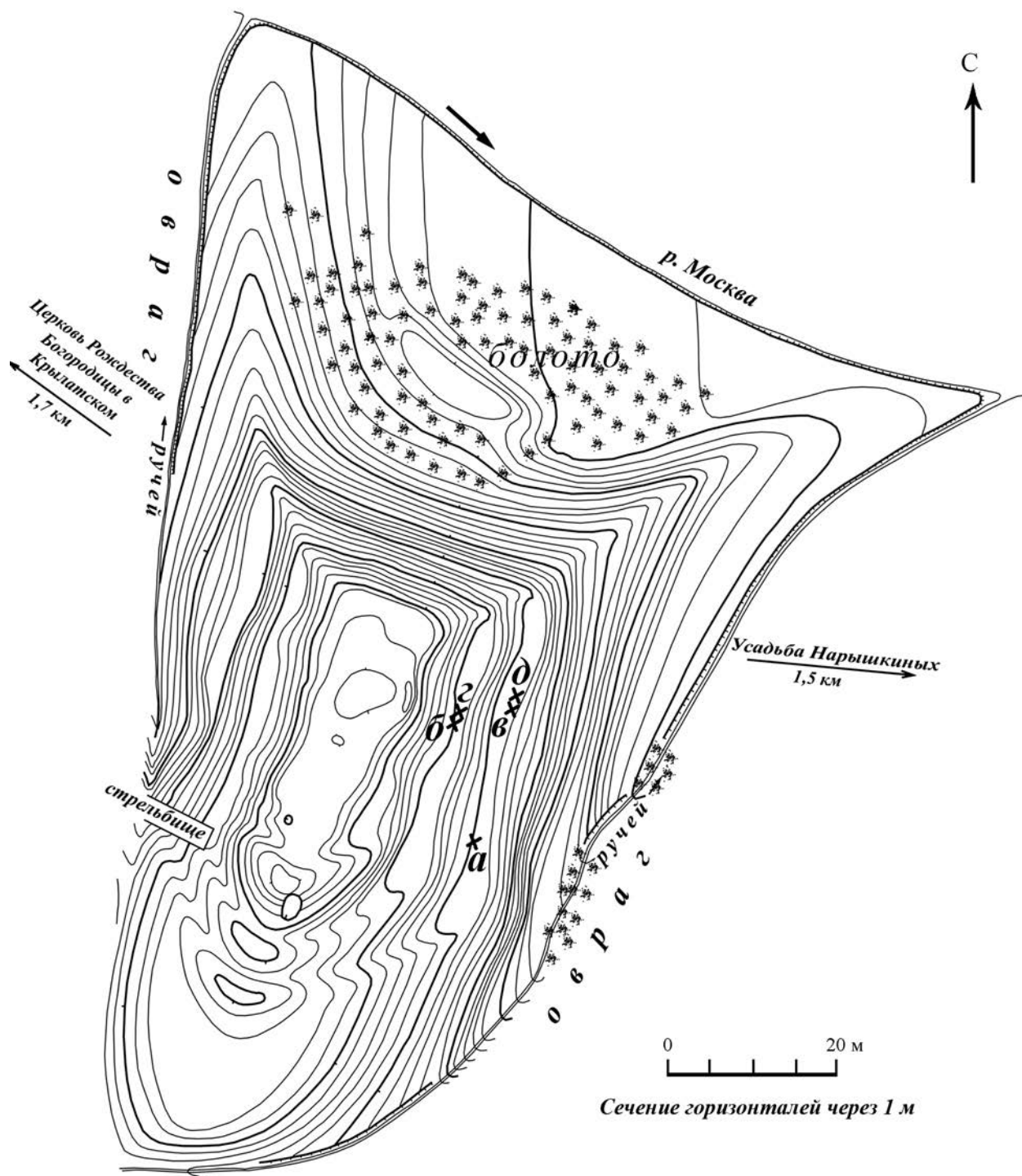

Рис. 1. План Кунцевского городища (по: Векслер, 1962б. Рис. 20)
 а – надгробие № 1; б, в – фр-ты надгробия № 2; г – фр-т № 2; д – фр-т № 3

каждого из камней украшена двойной прямой линией, посреди которой извивается виток чисто сделанный, или вы видите небольшие треугольники, глубоко врезанные и продолговатые, которых верхние части представляются в виде зубов. С нижней части от севера идет двойная линия, заключающая тот же род украшений, как и бордюры, проходит до круга, помещенного в середине камня и украшенного лучами, сходящимися в центре. С обеих сторон круга выходит что-то вроде двух рогов продолговатых и округленных, также высеченных и соединяющихся с бордюром. Наконец, в остальной части надгробного камня, с северной стороны, часто видны одно или несколько углублений, в которые можно вложить маленький палец; но эти скважины не всегда находятся на одном и том же месте и, кажется, назначены были для того, чтобы сюда вкладывать какую-либо палочку» (Исследования... 1849а. С. 849). Далее академик дает описание конкретного надгробного камня, «у которого обе стороны без всякого украшения, кто-то не искусною рукою вырезал большими славянскими буквами слова: *Лета от рождения Христова раба Божий преставися сти*, – и более ничего». Приведенную надпись М.И. Броссе посчитал «мистификацией» (Исследования... 1849а. С. 849).

И.Е. Забелин, как и его предшественник, также дает только общее описание плит: «Могильные камни с верхней стороны были украшены простой резьбой, рисунок которой очень часто встречается на таких же памятниках XVI и XVII ст. На некоторых вверху этой резьбы сохранялись совсем стертые надписи в четыре строки...», вслед за этим он приводит надгробие, на котором читалось: «Лета 7065-го (1557 г.) преставися...» (Забелин, 1873. С. 226).

В опубликованных результатах своих работ В.А. Городцов и О.Н. Бадер не оставили подробного описания надгробий с Кунцевского городища.

Исследования А.Г. Векслера выявили погребения во всех раскопах на верхней площадке городища. Было отмечено разнообразие в ориентировке костяков: по линиям северо-восток – юго-запад, юг – север, северо-запад – юго-восток и восток – запад (Векслер, 1960. С. 27; 1962а. С. 17–18; 1963. С. 14; 1964. С. 6, 8, 10; 1965. С. 11, 12; 1972. С. 7; 1973. С. 11). В северо-восточной части той же площадки было обнаружено сооружение, интерпретируемое исследователем как следы церкви (Векслер, 1965. С. 12). В рамках данных работ был выявлен ряд фрагментов с треугольчатой и жгутовым орнаментом, а также обнаружены две схожие плиты, одна из которых имела дату 7050 г.

(т.е. 1542 от Р.Х.) (Векслер, 1960. С. 24; 1964. С. 2, 4; 1972. С. 10, 11). На основе погребального инвентаря (ставрографический материал) исследователь первоначально датировал начало функционирования некрополя XIV в. (Векслер, 1964. С. 16), позже предложив иную дату – XIII в. (Векслер, 1968. С. 1); период завершения захоронений определен с привлечением датированного надгробия и литературных данных и отнесен к XVI в. (Векслер, 1964. С. 16, 17).

В отчете Н.А. Кренке за 1995 г. фиксируется только факт осмотра памятника.

Как показало обследование, проведенное в 1998 г. Н.А. Кренке и С.З. Черновым, на поверхности городища сохранялись белокаменные плиточные надгробия с трехгранно-выемчатой и канелированным орнаментом (Чернов, 2005. С. 514).

Краткий историографический экскурс показал, что, несмотря на относительно значительную степень археологической изученности Кунцевского городища, фактически не производилось детальное и комплексное обследование надгробных памятников (палеографический анализ текста эпитафий, изучение элементов декора и т.д.).

С 2014 г. автором осуществляется визуальный осмотр территории Кунцевского городища. В результате выявлены и задокументированы две могильные плиты, а также два фрагмента от двух других плит. Попутно было отмечено, что территория городища приближается к аварийному состоянию, поскольку используется для пикников, замусоривается, а культурный слой нарушается многочисленными ямами и перекопами. При посещении памятника в июне 2018 г. обнаружена проложенная через восточные террасы городища велосодорожка. До сих пор отсутствуют информационные щиты о расположении здесь объекта культурного (археологического) наследия федерального значения, его государственной охране и ответственности за причинение повреждений.

Ниже приводим описания надгробий, исследованных автором.

Надгробие № 1 (рис. 2). Обнаружено в июне 2014 г. На момент исследования находилось на первой (нижней) террасе восточного склона городища, перемещено с верхней площадки (рис. 1, а).

Изготовлено из известняка. Длина плиты – 118 см, ширина в изголовье – 39 см, в ногах – 35 см, толщина – 11–13 см. «Крышка» выступает на 0,5 см от боковых граней, ее высота – 5 см.

Форма контура верхней плоскости памятника имеет форму трапеции с расширенной к изголовью «крышкой». Орнамент резной треугольчатый.

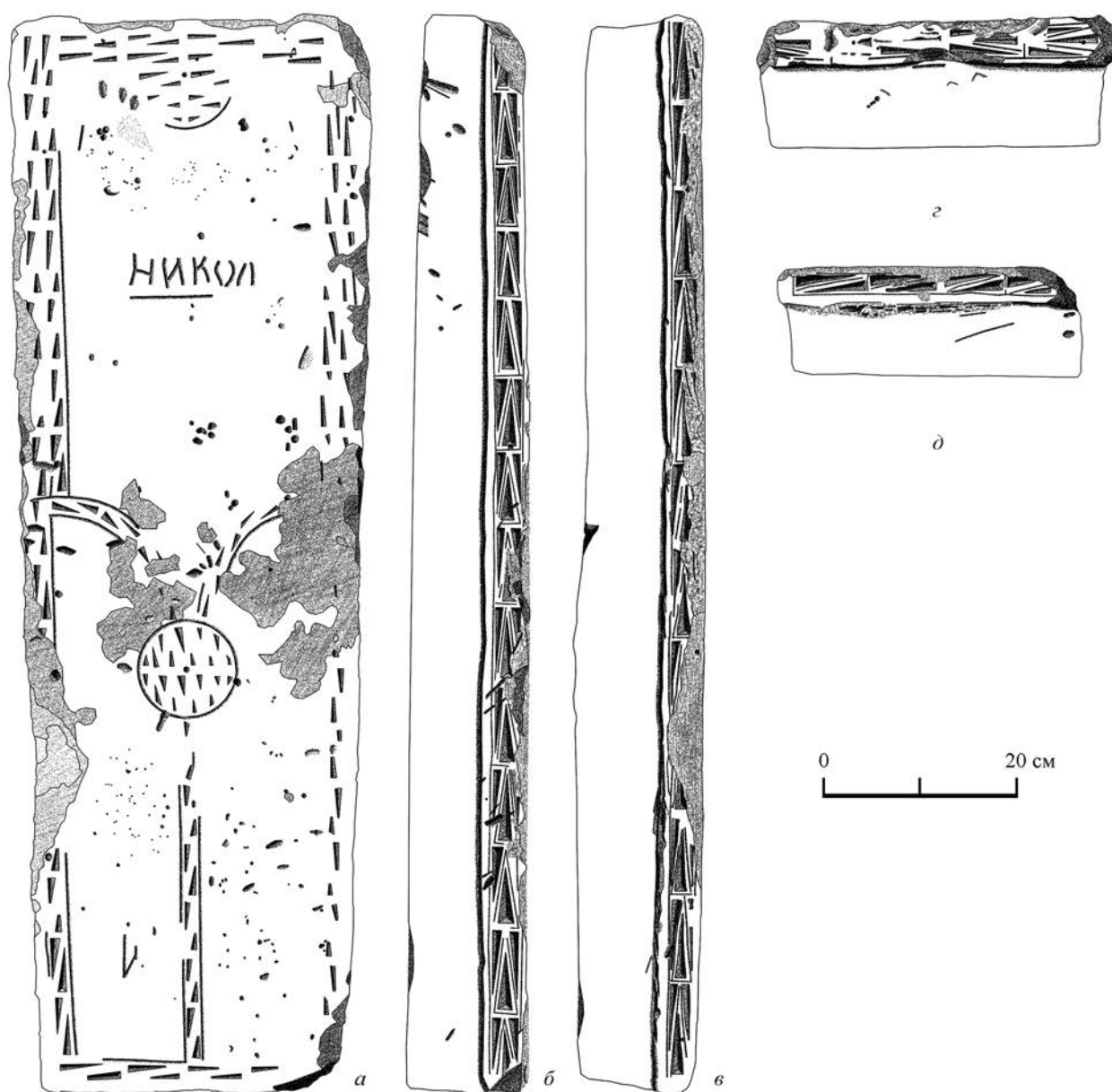

Рис. 2. Надгробие № 1. Прорисовки

а – лицевая сторона; *б* – правая боковая сторона; *в* – левая боковая сторона;
г – торцевая сторона у изголовья; *д* – торцевая сторона у изножья

Композиция антропоморфная устойчивая. Весь орнамент набран косыми противопоставленными клиньями внутри графьи. Одна лента орнамента образует бордюр, разделительную полосу и «плечики». В поле изголовья к боковой ленте добавляется вторая, обе обрамлены общей графьей. Клейма заполнены тем же элементом: верхнее – горизонтально расположенными клиньями, среднее – вертикально расположенными. Обрамления, кроме графьи, клейма не имеют. В центре обоих клейм врезана точка.

По боковым и торцевой у изголовья сторонам «карниза» нарезан треугольчатый орнамент, заключенный в прямоугольные графьи. На меньшей стороне прямоугольника строится крупный врезной равнобедренный треугольник так, чтобы его вершина достигала противоположной стороны. Остающиеся прямоугольные ячейки заполняют врезные треугольники соответствующей формы и размера. Все элементы орнамента обрамлены графьей. По торцевой у изножья стороне «карниза» орнамент аналогичен орнаменту нижней части

лицевой стороны, но все элементы орнамента обрамлены графьей.

По периметру основания «крышки» на боковых и на торцевой сторонах у изголовья прочерчена борозда. Однако частично на боковой левой стороне и особенно на торце у изножья видны следы работы камнетеса. По какой-то причине он не завершил оформление перехода от «крышки» к боковой и торцевой граням надгробия.

В изголовье на лицевой плоскости ниже «верхнего» полуклейма имеется надпись-граффити из слова (имени) в одну строку: «НИКОЛ». Надпись выполнена полууставом и подчеркнута снизу резной неровной линией. Длина надписи – 13,5 см, высота букв – 3,5–4,0 см.

Предположительно в левой нижней части лицевой стороны и над надписью «НИКОЛ» прослеживаются почти незаметные следы граффити (степень сохранности памятника не предоставила возможности детально их охарактеризовать).

Одной из ближайших аналогий (морфологической, композиционной и декоративной) к данному памятнику является детское надгробие из Высоко-Петровского монастыря, датируемое последней третью XVI в. (Беляев, 1996. С. 336. Фото 78–79). Надгробия со схожим элементом декора (вытянутые треугольники) исследователи относят к XVI в. (Беляев, 1996. Фото 6, 139, 145 и др.; Вишнеvский, 2006. Рис. 83 и др.; Беркович, Егоров, 2017. Рис. 265, 280–281, 965–966 и др.).

Надгробие разрушается под воздействием окружающей среды и вследствие антропогенного воздействия: имеются многочисленные сколы, потертости, множество небольших каверн. Из-за сколов на лицевой стороне надгробия некоторые участки «плечиков» и ленты бордюра не сохранились. Сколоты правый в изголовье и правый в изножье углы. Большой скол расположен в верхней правой части изножья; от лицевой поверхности он переходит на боковую, из-за чего была утрачена часть орнамента «карниза». Сколы также имеют все стороны «карниза». К сожалению, в период с 2014 по 2018 г. лицевая плоскость памятника неоднократно повреждалась мародерами. В дальнейшем надгробие использовалось в качестве импровизированного велотрамплина. После его разлома на несколько частей местный житель С.В. Князев замаскировал памятник на территории городища.

Фрагмент № 1а надгробия № 2 (рис. 3). Обнаружен в июне 2014 г. Фрагмент изголовья над-

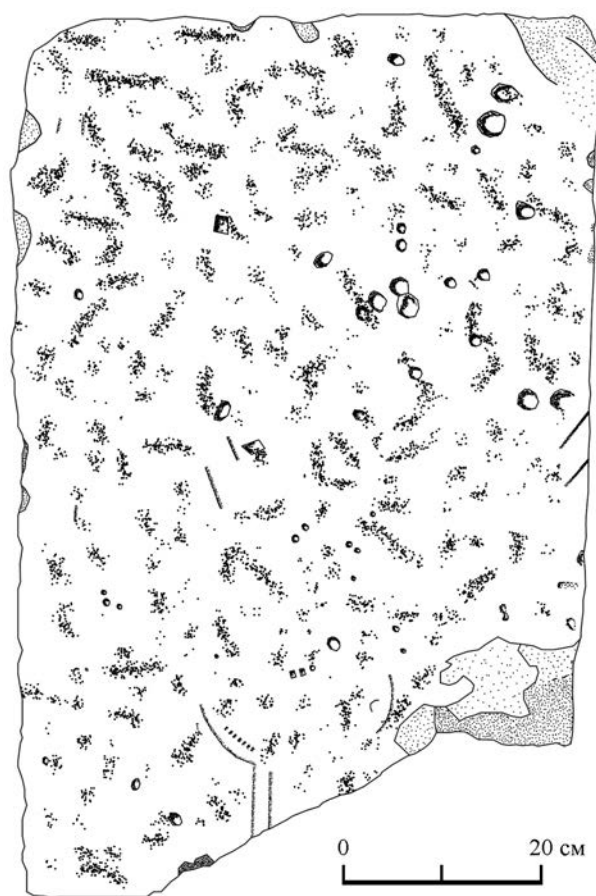

Рис. 3. Фрагмент № 1а надгробия № 2.
Прорисовка лицевой стороны

гробия (его изножье представлено фрагментом № 1б). На момент исследования находился на второй (средней) террасе восточного склона городища и был перемещен с верхней площадки (рис. 1, б).

Материал – ракушечник. Размеры сохранившейся части²: (90)×57/(55)×12–15 см.

Форма контура верхней плоскости памятника имеет форму трапеции. Орнамент врезанный. В нижней центральной части лицевой плоскости частично сохранилось круглое клеймо, обозначенное с внешней стороны прочерченной линией, с внутренней – штрихами. Вниз от клейма идет разделительная полоса, от которой сохранился ее левый бордюр из двух параллельных прямых линий. В левом центральном секторе фрагмента сохранились, возможно, следы тяги. Не исключено также наличие орнамента краев лицевой стороны, визуально непротрачиваемой. Орнамент

² Здесь и далее цифры без скобок указывают размерные характеристики надгробия, в скобках – описываемого фрагмента этого надгробия.

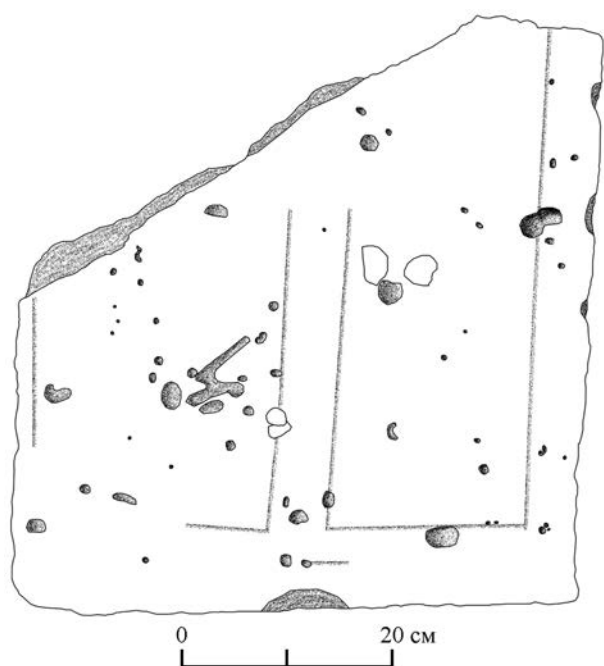

Рис. 4. Фрагмент № 16 надгробия № 2.
Прорисовка лицевой стороны

на боковых гранях и на торцевой стороне у изголовья отсутствует.

Свойства материала, послужившего сырьем для изготовления памятника, в совокупности с эрозионными процессами стали причиной формирования значительных неровностей и каверн на поверхности плиты. По этим причинам, а также благодаря слабому нажиму резчика при нанесении узора орнамент читается очень плохо. На лицевой плоскости встречаются углубления округлой

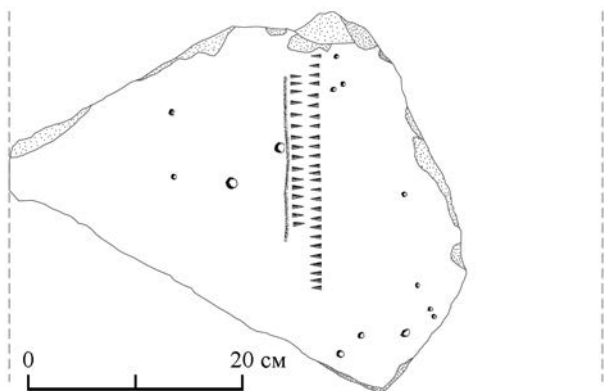

Рис. 5. Фрагмент № 2.
Прорисовка лицевой стороны

формы, но характер их происхождения (естественный или антропогенный) установить не удалось³. На протяжении всего периметра лицевой плоскости имеются многочисленные сколы.

Фрагмент № 16 надгробия № 2 (рис. 4). Обнаружен в ноябре 2015 г. Фрагмент изножья надгробия (его изголовье представлено фрагментом № 1а). На момент исследования находился на первой (нижней) террасе восточного склона городища и был перемещен с верхней площадки (рис. 1, в).

Материал – ракушечник. Размеры сохранившейся части: $(54) \times 52,5 \times 11-13$ см.

Форма контура верхней плоскости памятника имеет форму трапеции. Орнамент состоит из врезанных параллельно идущих линий. Слабо прослеживаются ленты бордюров и разделительной полосы (шириной 5,0–5,5 см). Орнамент на боковых гранях и на торцевой у изголовья стороне отсутствует.

Свойства материала, послужившего сырьем для изготовления памятника, в совокупности с эрозионными процессами стали причиной формирования значительных неровностей и каверн на поверхности плиты. По этим причинам, а также благодаря слабому нажиму резчика при нанесении узора орнамент читается очень плохо. На протяжении всего периметра лицевой плоскости имеются многочисленные мелкие сколы.

Фрагмент № 2 (рис. 5). Обнаружен в июне 2014 г. Фрагмент изножья надгробия. На момент исследования лежал рядом с фрагментом № 1а (рис. 1, г).

Изготовлен из известняка. Размеры сохранившейся части: $(35) \times (42) \times 9$ см.

За счет сколов контур верхней плоскости памятника имеет форму неправильного шестиугольника. Орнамент врезанный. На лицевой стороне сохранилась разделительная полоса (шириной 3,5 см), состоящая из двух рядов противопоставленных вершинами мелких треугольников размером $0,9 \times 0,4$ см. С одной стороны полосы прочерчена графья. Орнаментация сохранившихся частей бордюра и боковой грани отсутствует.

Реконструируемая ширина надгробия в данной части изножья – около 54 см.

Надгробия со схожим элементом декора датируются исследователями концом XV – XVI в. (Беляев, 1996. Фото 6, 25, 126–128 и др.; Вишневецкий, 2006. Рис. 39 и др.; Беркович, Егоров, 2017. Рис. 33, 108, 314, 717 и др.).

Фрагмент № 3. Обнаружен рядом с фрагментом № 16 (рис. 1, д) в ноябре 2015 г. и частично

³ Ср. с приведенным выше описанием надгробий М. И. Броссе.

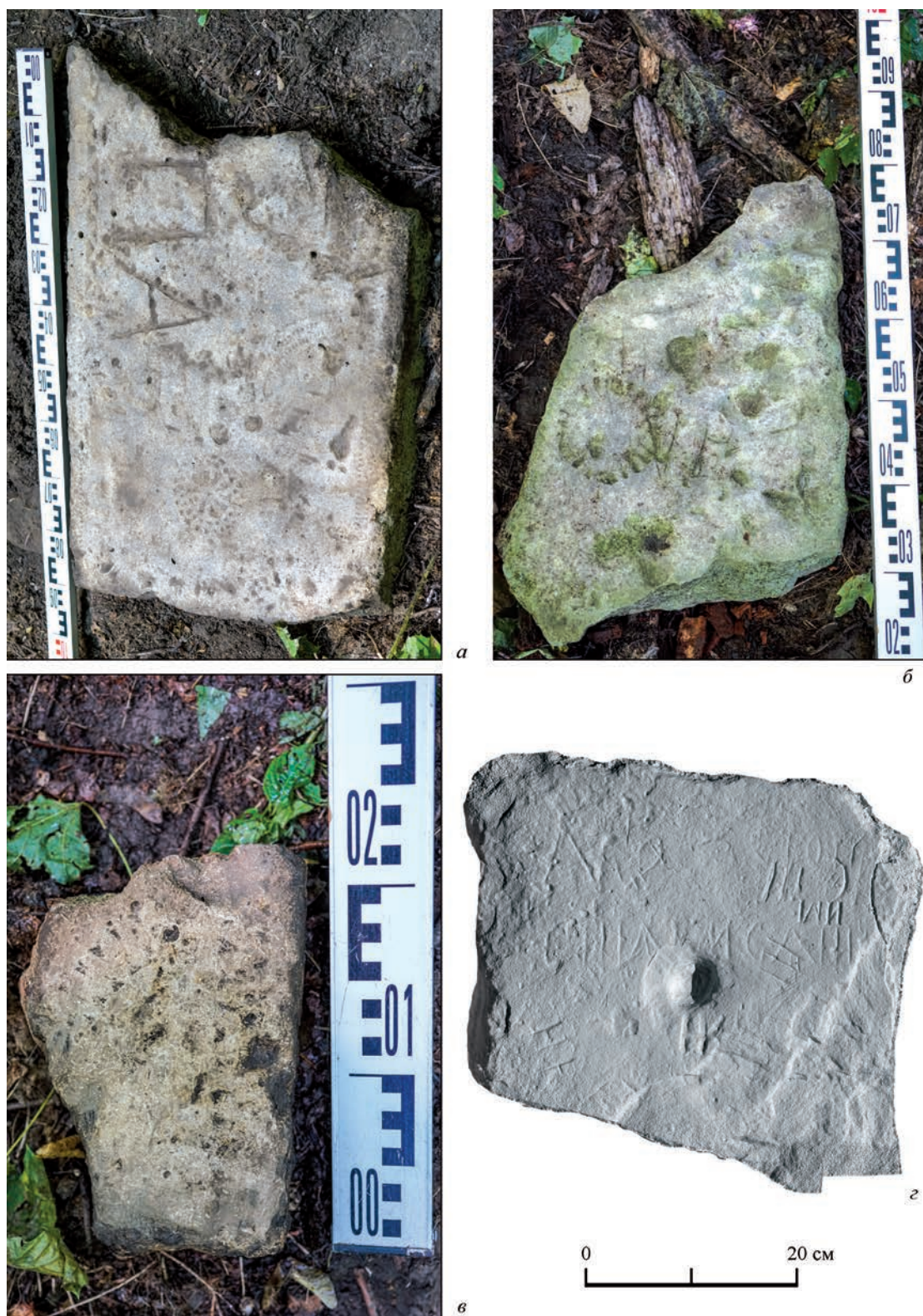

Рис. 6. Выявленные в 2020 г. фрагменты
а-в – фр-ты с орнаментом (фото автора); г – фр-т с граффити (3D-моделирование методом фотограмметрии)

исследован в августе 2016 г. (производились фотофиксация и обмеры). Однако при повторном посещении городища в июле 2017 г. на прежнем месте найден не был, вследствие чего детально не задокументирован.

Форма контура верхней плоскости памятника имеет форму трапеции. Размеры сохранившейся части: (35)×(22)×8 см. Орнаментация у сохранившихся двух боковых граней отсутствует.

В ходе работы над настоящей публикацией от местного жителя С. В. Князева получена информация о наличии на Кунцевском городище других фрагментов надгробных памятников. С. В. Князев с конца 1990-х гг. производит фотосъемку городища и надгробий, часть из которых не удалось обнаружить автору. Изучение данных фотоснимков, а также совместное посещение городища показали, что в болотистой местности у подножия городища, в ручье, протекающем к востоку от мыса, и на восточных террасах городища лежат несколько орнаментированных фрагментов надгробий (некоторые из них представ-

лены на рис. 6, а–в). Композиция и элементы орнамента одного из фрагментов (рис. 6, а) имеют сходство с надгробиями середины – второй половины XVI в. (Беляев, 1996. Фото 77; Вишневский, 2006. Рис. 21; Беркович, Егоров, 2017. Рис. 675). Орнамент другого фрагмента (рис. 6, в) аналогичен описанному выше фрагменту № 2 и датируется исследователями концом XV – XVI в. Особый интерес вызывает фрагмент с граффити (рис. 6, г). Их палеографический анализ еще предстоит произвести.

На всей площади городища встречается множество фрагментов надгробий без орнамента. Полный свод и учет таких фрагментов – дело будущего. Работа по выявлению, документированию и исследованию средневековых надгробий отражает интерес научного сообщества к Кунцевскому городищу. Публикуемые здесь сведения о могильных плитах являются современными дополнениями сведений об археологическом памятнике, полученных предшествующими исследователями.

Литература

Бадер О. Н., 1947. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. № 7. М.–Л.: АН СССР. С. 88–167.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити. 567 с.

Беркович В. А., Егоров К. А., 2017. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ТМ Продакшн. 765 с.

Векслер А. Г., 1960. Отчет об археологических раскопках на территории Большой Москвы и в Раменском районе Московской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 2182.

Векслер А. Г., 1962а. Отчет об археологических раскопках курганов у г. Одинцово Московской обл. и Кунцевского городища в г. Москве в 1962 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2503.

Векслер А. Г., 1962б. Иллюстрации к отчету о раскопках Одинцовских курганов и Кунцевского городища в 1962 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2503а.

Векслер А. Г., 1963. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в городе Москве в 1963 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2701.

Векслер А. Г., 1964. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в городе Москве в 1964 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2982.

Векслер А. Г., 1965. Отчет об археологических работах в Москве и Подмосковье в 1965 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3088.

Векслер А. Г., 1968. Отчет об археологических раскопках в Москве и Подмосковье в 1968 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3794.

Векслер А. Г., 1970. Отчет об археологических раскопках городищ в Москве и Московской области в 1970 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4196.

Векслер А. Г., 1971. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища и Одинцовского могильника в 1971 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4516.

Векслер А. Г., 1972. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в Москве в 1972 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4810.

Векслер А. Г., 1973. Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в г. Москве и Луковнинского городища в Московской области в 1973 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5089.

Векслер А. Г., 1982. Москва в Москве. М.: Московский рабочий. 239 с.

Вишневский В. И., 2006. Некрополь Троице-Сергиевой лавры. Открытия последних десятилетий XX в. // Русское средневековое надгробие XIII–XVII в. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 130–174.

Городцов В. А., 1924. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 г. // Древний мир. Вып. 1 (VIII). М.: Ин-т археологии и искусствознания РАНИОН. С. 1–20.

Доленга-Ходаковский З., 1838. Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник, издаваемый Императорским обществом истории и древностей российских. Т. I. Кн. 3. М.: В Университетской тип. С. 1–109.

Забелин И. Е., 1873. Кунцово и древний Сегунский стан: исторические воспоминания. М.: Тип. Грачева и Ко, у Пречистенских ворот, дом Шиловой. 258 с.

Исследования академика М. И. Броссе в селе Кунцове, 1849а // «Московские Ведомости». № 79. С. 849–850.

Исследования академика М. И. Броссе в селе Кунцове (окончание), 1849б // «Московские Ведомости». № 80. С. 860–861.

Кренке Н. А., 1995. Отчет об археологических разведках по долине Москва-реки в пределах г. Москвы в 1995 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 19501.

Кренке Н. А., 1997. Памятники предыстории Москвы // Природа. № 4. М.: Наука. С. 33–44.

Кренке Н. А., 2003. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Русь в XIII в.: древности темного времени. М.: Наука. С. 151–167.

Чернов С. З., 2005. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 гг. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.: Наука. 651 с.

V. V. Ageev

New data on the tombstones of the Kuntsevo hillfort

Summary

During the survey of the Kuntsevo hillfort (within the boundaries of modern Moscow), one whole and one tombstone broken into two parts, as well as fragments from 6 other slabs, were described. Cemetery of

the 13th – 17th centuries on the hillfort is known from archaeological excavations; it could have belonged to the Church of the Protection of the Holy Virgin (mentioned in a 17th century source).

List of figures

Fig. 1. Plan of the Kuntsevo hillfort (by: Veksler, 1962b. Fig. 20)

a – gravestone № 1; *b*, *в* – fragments of a gravestone № 2; *г* – fragment № 2; *д* – fragment № 3

Fig. 2. Gravestone № 1

Fig. 3. Fragment № 1a of gravestone № 2. Front side drawing

Fig. 4. Fragment № 1б of gravestone № 2. Front side drawing

Fig. 5. Fragment № 2. Front side drawing

Fig. 6. Fragments revealed in 2020

Е. П. Зоц, С. А. Зоц, М. А. Курицын
Институт археологии РАН, Москва

Надворные печи и печи в хозяйственных помещениях XVI века из раскопок в Троице-Сергиевой лавре в 2017 и 2019 годах

В ходе охранных археологических работ на территории Троице-Сергиевой лавры в г. Сергиеве Посаде Московской обл. в 2017 и 2019 гг. Подмосковная экспедиция ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой выявила несколько печных сооружений¹. При работах 2019 г. возле ц. смоленской иконы Божьей матери Одигитрии и недалеко от колокольни обнаружены остатки не менее восьми печных сооружений разной степени сохранности (рис. 1). Эта территория располагалась к северо-западу от каменной Трапезной палаты, построенной в 1469 г. (ПСРЛ, 1910. С. 158). Трапезная с каменной поварней показаны на иконе середины XVII в. (рис. 2).

Все обнаруженные остатки печей датируются стратиграфически и по керамическому материалу не ранее первой половины XVI в. Территория работ оказалась сильно повреждена различными коммуникациями и перекопами XX в., что нанесло непоправимый урон для культурного слоя в целом и для понимания планиграфии печей в частности. Конструкции печей обнаружены практически сразу под слоем строительного мусора XX в. Однако с определенной долей уверенности можно говорить об отсутствии каких-либо сооружений (деревянных, кирпичных или каменных) вокруг и (или) в районе этих печей, которые можно было бы связать с ними. Таким образом, вероятно, это так называемые надворные печи.

Хронологически можно условно разделить печи на два яруса (рис. 3–6). Самым ранним печным сооружением можно считать объект 156. Это положенные на ложок кирпичи, скрепленные глиняным раствором, вся конструкция сильно прокалена (см. *Приложение*). Ни размеров, ни детали кон-

струкции определить невозможно: объект разрушен перекопами. Немного позже появляются печи, основания которых прослежены южнее предыдущей (объекты 139, 139б, 139в). Это прямоугольные основания, сохранившиеся на высоту одного-трех рядов кирпичей (см. *Приложение*) размерами не менее 120–140×100–140 см. Вероятно, еще позже были сооружены объекты 155 и 139а, практически полностью разобранные еще в древности, они прорезаны котлованом под более поздний фундамент (см. *Приложение*). Все описанные выше конструкции собраны из кирпичей на глине (объект 155 включал также белокаменные блоки). Все сильно прокалены и при этом не вкопаны (возможно, кроме объекта 155), а сооружены непосредственно на культурном слое. Бытовали они, вероятно, недолго и позже разобраны, а территория выровнена.

К этому же ярусу можно отнести печи 1 и 2, расположенные юго-восточнее, еще ближе к трапезной (рис. 4; 5; 6). Сохранились они гораздо лучше, что позволило проследить несколько этапов их функционирования, ремонта и перестроек. Эти печи не разбирались, их законсервировали для возможного дальнейшего экспонирования.

На первом этапе была построена прямоугольная (?) в плане печь 1 (рис. 6; 7) внешним размером 170×190 см. Размеры овальной в плане топочной камеры – 95×120 см. Устье (шириной около 55 см) направлено на юго-восток. Под печи выложен кирпичом, уложенным на постель, и замзан глиной. Стенки камеры сложены из кирпича (8–10×16–18×32–34 см) на глиняном растворе. Никакого котлована под печью не прослежено, не видно и припечной ямы. Вероятно, в результате

¹ Выражаем благодарность А. В. Энговатовой за возможность использования данных материалов в публикации.

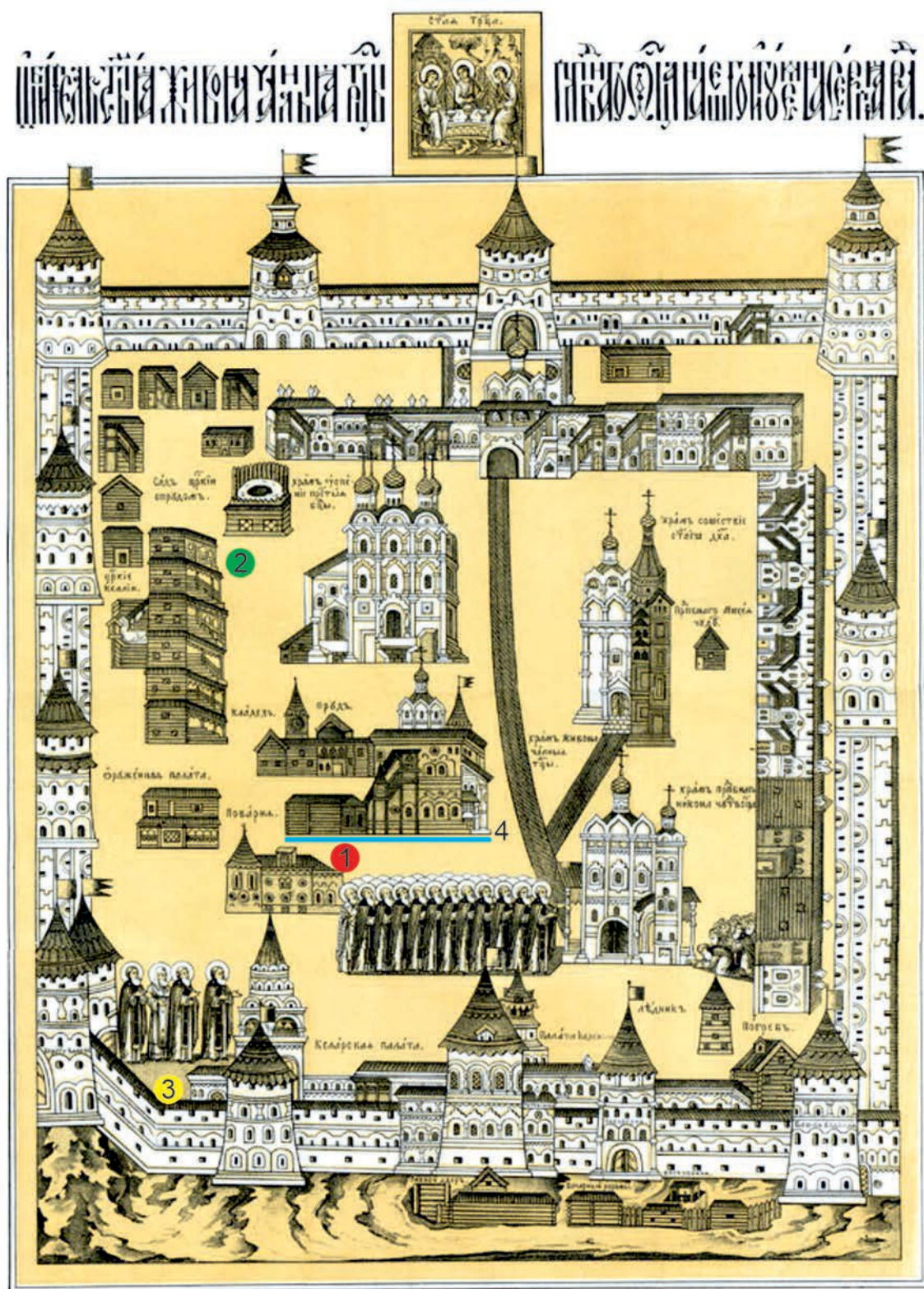
Рис. 1. Троице-Сергиева лавра. Вид с юго-запада. Местоположение печей

1 – надворные печи; 2 – печь в помещении из раскопок 2017 г.; 3 – печь в помещении из раскопок 2019 г.

интенсивного использования кирпичный под топочной камеры начал разрушаться, его частично разобрали и забутовали глиной с кирпичом, золой и углями. Эта стадия названа вторым этапом (рис. 8). Далее (третий этап) стенки топочной камеры подмазали глиной, по внешнему краю устья сделали новую вымостку из кирпичей на глиняном растворе, стенки камеры немного выдвинули к юго-востоку (рис. 6; 9). На четвертом этапе происходят наиболее значительные изменения (рис. 5; 6; 10). С северо-запада к печи 1 пристраивается узкая прямоугольная печь 2 (размеры прямоугольной топочной камеры 60×100 см, устье частично разрушено перекопом, но, вероятно, не имело сужения, дно вымощено кирпичом, уложенным на постель, и промазано глиной). Северо-западная стенка печи 1 выступает теперь и в роли юго-восточной стенки печи 2. Северо-западная и юго-западная стенки печи 2 сложены в единой перевязке на глине. Юго-западная стенка продлена на всю

ширину печи 1 и становится ее укреплением и расширением. В это же время северо-восточная стенка печи 1 также расширяется и с северо-востока появляется небольшой выступ. Конструкция стенок, сооруженных на этом этапе, представляет собой выкладки в один кирпич с внешней и внутренней сторон, пространство между которыми забутовано глиной, сырцовыми кирпичами и кирпичным боем. Толщина всех стенок печей 1 и 2 становится около 50 см, общая для печей 1 и 2 юго-западная стенка достигает 80 см, она деформирована и завалена к юго-западу. Стенки этого этапа сохранились на высоту до 7 рядов кирпичей (60 см). Сохранившиеся внешние размеры печи 2 – 170×230 см.

На этом этапе внутренняя поверхность топочной камеры печи 1 снова подмазывается глиной, то есть уровень ее дна снова повышается, как и уровень слоя вокруг печей. Ее размеры все это время остаются неизменными. Никаких котлованов вокруг стен по-прежнему не прослеживается.

СНИМОКЪ СЪ ОБРАЗА XVII ВѢКА.

Рис. 2. Снимок с иконы сер. XVII в. с местоположением печей

- 1 – надворные печи; 2 – печь в помещении из раскопок 2017 г.;
- 3 – печь в помещении из раскопок 2019 г.; 4 – местоположение трапезной

Рис. 3. Фрагменты оснований печей раннего яруса

1 – объект 156, вид с юго-запада; 2 – объект 156 – северо-западный фасад; 3 – объекты 139, 139а, 139б, 139в и 166, вид с юго-запада; 4 – объект 139, северо-восточный фасад; 5 – объект 139, северо-западный фасад; 6 – объект 139Б, северо-восточный фасад

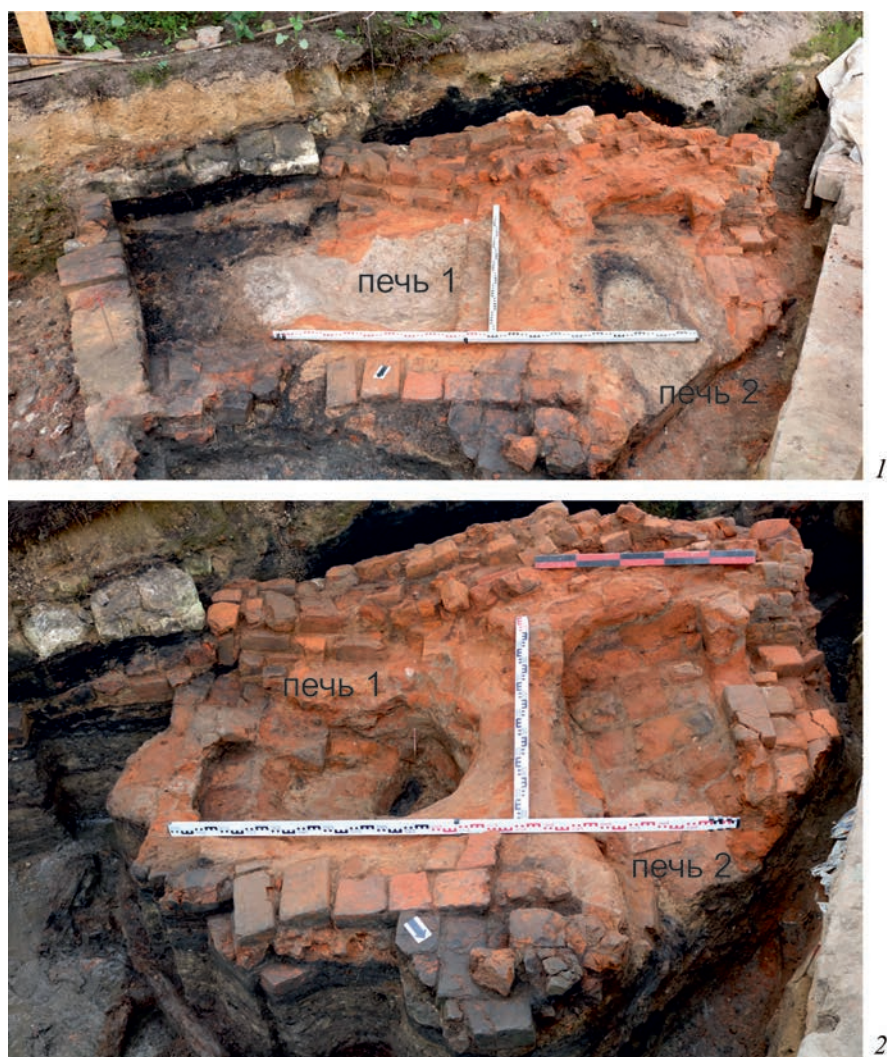

Рис. 4. Печи раннего яруса

1 – печи 1 и 2 на уровне выявления; 2 – печи 1 и 2 после расчистки конструкций

На заключительной стадии функционирования печи 1 с юго-востока от устья топочной камеры появляется кирпичная пристройка, возможно, выполнявшая функцию ступенек и ограждения припечной территории, в это время, вероятно, ставшей несколько ниже окружающей поверхности. В это же время зола из топочной камеры уже полностью перекрывает вымостку устья, сооруженную на этапе 3, и выходит в припечную территорию (рис. 5).

На этом ранний стратиграфический ярус в рассматриваемом месте заканчивается. Разбираются, как уже говорилось выше, печи на северо-западе, также полностью заваливается глиной с кирпичным боем печь 2. На частично разрушенной или разобранной печи 1, сохраняя ее ориентацию,

сооружается печь 3 (из позднего стратиграфического яруса) (рис. 11; 12). Между ними местами сохранилась прослойка угля с прокаленной глиной. В кладке северо-восточной стены печи 3 использованы два белокаменных блока. Стены сооружены в основном из обломков кирпичей, сырцовых кирпичей и глины, регулярная кладка – только по стенкам топочной камеры. Камера располагалась практически над камерой печи 1, со сдвигом к юго-западу на 10 см. Нижний ряд кирпичей, обрамлявших топочную камеру, образовывал прямоугольный северо-западный торец топки, пространство в плане имело размеры 90×100 см. Следующие два ряда кирпичей с дальней от устья стороны выкладывались полукругом и сохраняли перпендикулярную перевязку в районе устья,

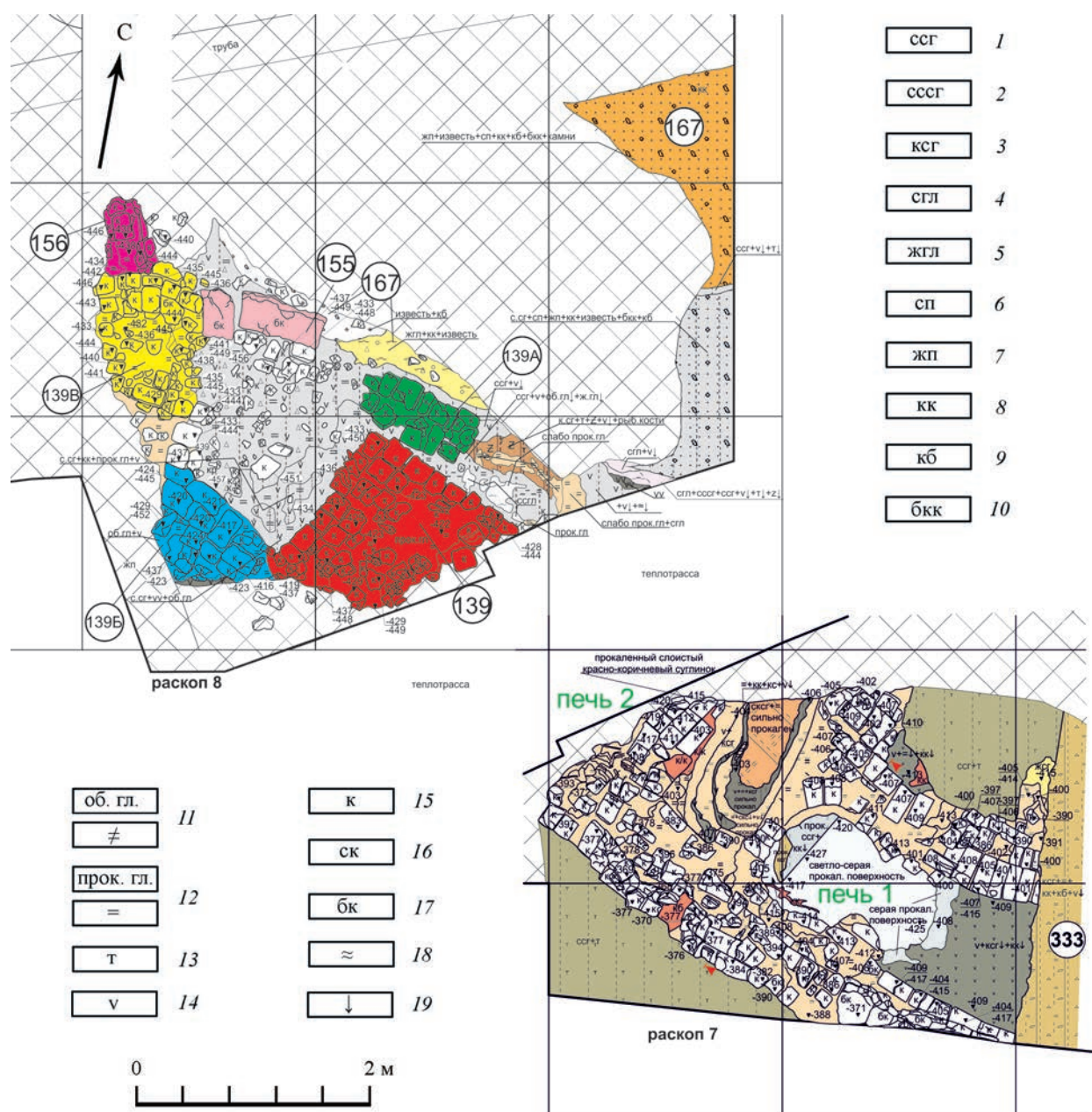

Рис. 5. Сводный план печей раннего яруса

1 – серый суглинок; 2 – светло-серый суглинок; 3 – коричневый суглинок; 4 – серая глина; 5 – желтая глина; 6 – серый песок; 7 – желтый песок; 8 – кирпичная крошка; 9 – кирпичный бой; 10 – белокаменная крошка; 11 – обожженная глина; 12 – прокаленная глина; 13 – тлен; 14 – уголь; 15 – кирпич; 16 – сырцовый кирпич; 17 – белый камень; 18 – зола; 19 – мало примеси

образуя своеобразную апсидную форму топочной камеры. Ее размеры выше первого ряда кирпичей – 110×120 см. Дно камеры земляное. Ширина устья – 40 см.

Печь 3, вероятно, использовалась интенсивно, внутренняя поверхность топочной камеры и устья периодически подмазывалась глиной, на разных

этапах появляются кирпичная, затем кирпично-каменная стеночки (также сложенные на глине), обрамлявшие припечную зону. Вероятно, в качестве ступеньки использовались кирпичи и валун у северо-восточного края устья. Стенки печи 3 построены более хаотично, чем у печей 1 и 2, что позволяет предположить, что ее строили быстро, возмож-

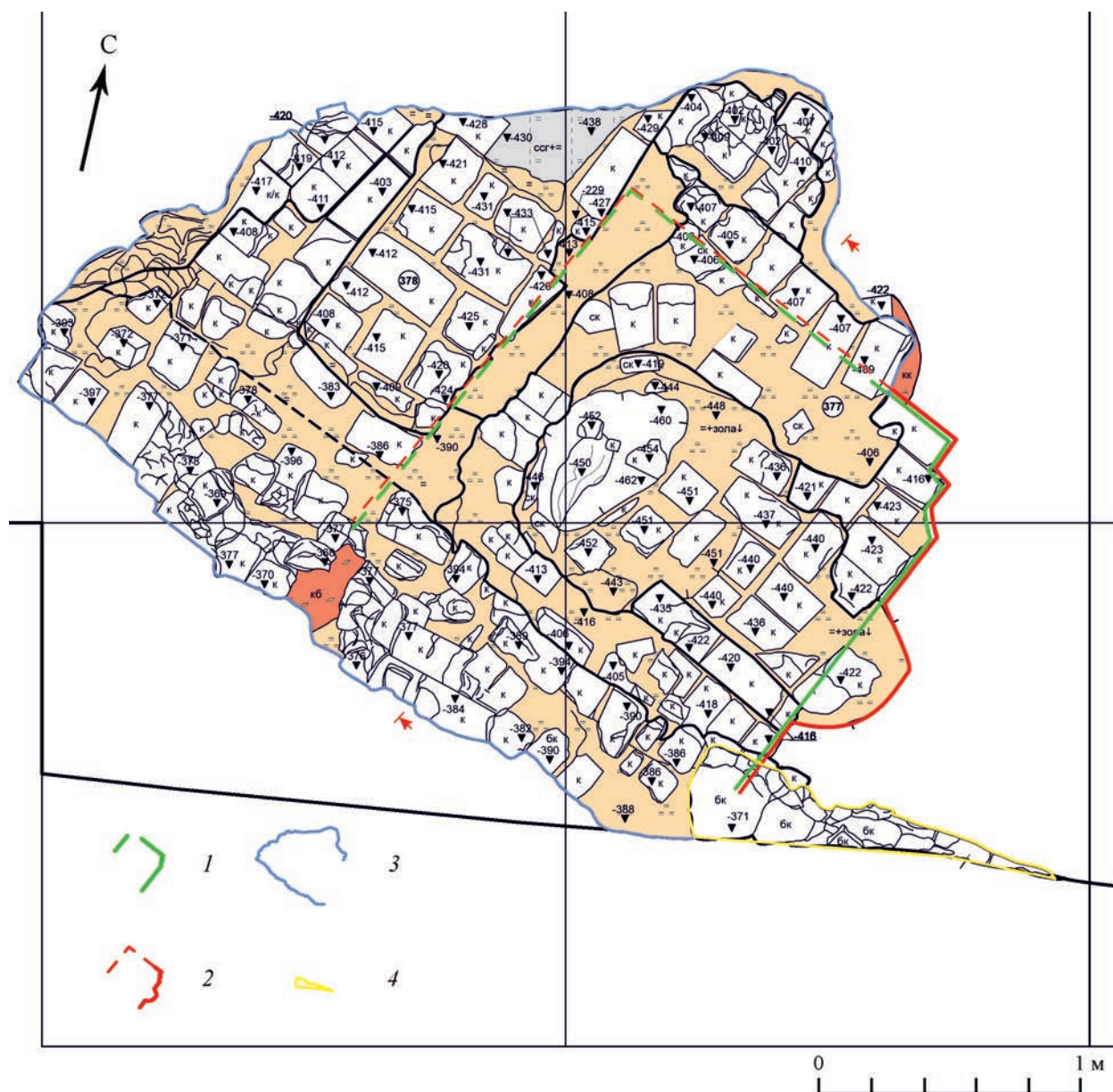

Рис. 6. Печи 1 и 2. Сводный план конструкций

1 – границы печи 1 на этапах 1, 2; 2 – границы печи 1 на этапе 3; 3 – границы печей 1, 2 на этапе 4 (фр-т не разобрался); 4 – фр-т печи этапа 5 (не разобрался)

но, из кирпичей, оставшихся после разборки печей раннего яруса (в кладке практически нет целых кирпичей, и они прокалены гораздо больше, чем у печей 1 и 2).

Культурные слои в припечной зоне (около устья) и вокруг печи 3 и завала печи 2 практически всегда залегали горизонтально, лишь изредка имея небольшое падение в припечной зоне. В основном это углистые прослойки с небольшим количеством примесей, содержавшие мелкие обломки кальцинированных костей животных и рыб. Го-

ворить о наличии припечной ямы не приходится, возможно, иногда эта территория была немного ниже, чем окружающая (не глубже 10 см).

Кирпич, из которого построены все печи этапа 4 и позднего яруса, в основном имели размеры 8,5–9–10×14–15,5×30–34 см, с некоторыми исключениями (см. Приложение). Следов извести (вторичного использования) на кирпичах не обнаружено. Все эти печи не были заглублены в грунт. Они немного деформированы, особенно юго-западная стенка, общая, по сути, для всех трех печей.

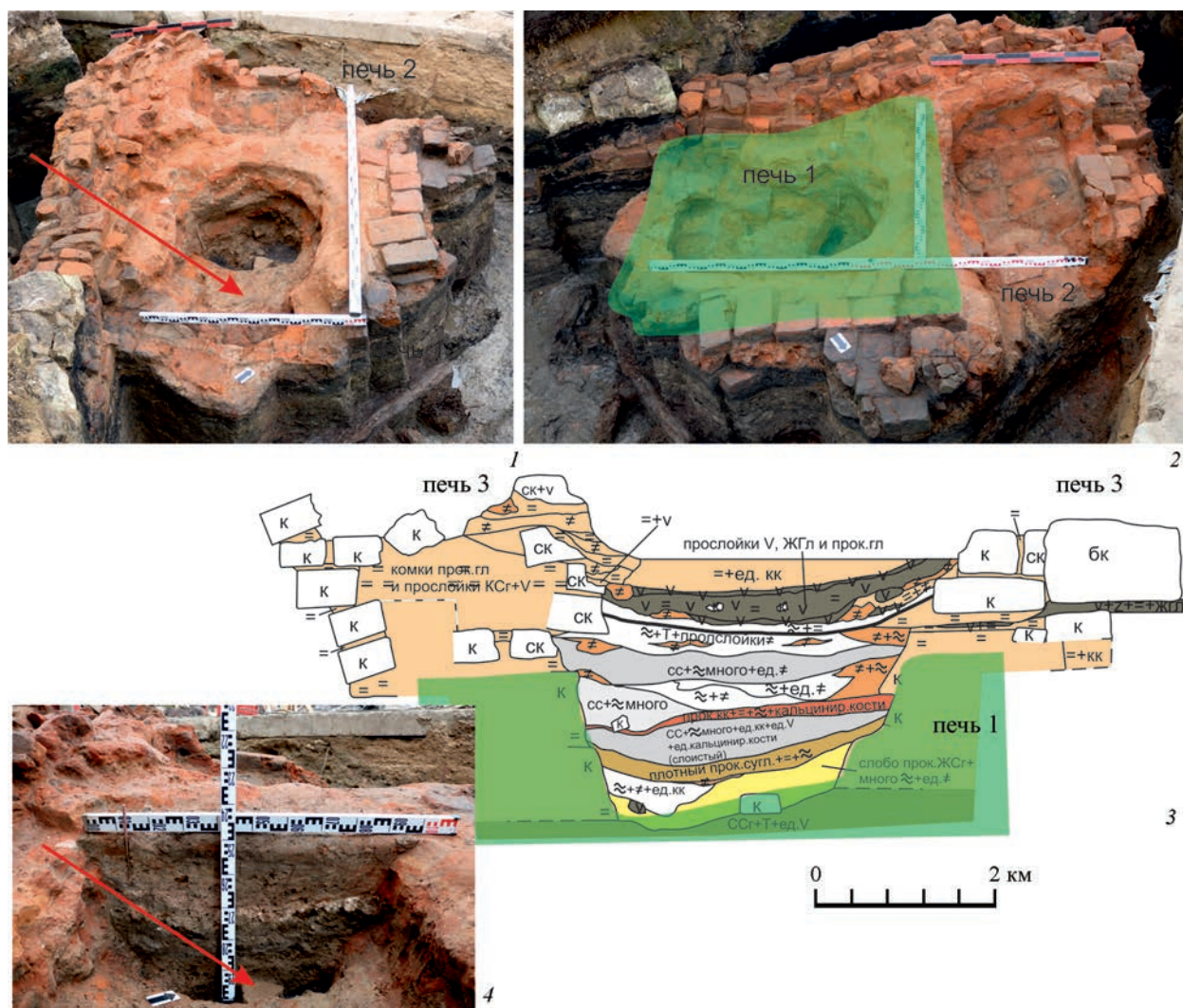

Рис. 7. Печь 1. Этап 1

- 1 – вид с юго-востока, стрелкой указан кирпичный пол топочной камеры;
 2 – вид с северо-востока, зеленым показаны предположительные контуры печи;
 3 – разрез с указанием контуров печи; 4 – разрез, стрелкой указан уровень дна топочной камеры

Вероятно, тяжелые печи проваливались в более раннюю яму, поверх которой они были построены.

Несмотря на обилие перестроек и ремонтов, эти печки прожили сравнительно недолгую жизнь, материал (очень малочисленный) вокруг них укладывается в рамки XVI в., самые ранние печи лежат на слое начала XVI в. (рис. 13). Возникает вопрос: что вызвало необходимость в практически одновременной постройке и функционировании большого количества печей на данной территории, в которых в определенный момент отпала необходимость, из-за чего их разобрали, а территорию выровняли? Мы знаем, что в 1540 г. троицким крестьянам разрешили бесплатно и беспрошлинно брать

известь и камень для постройки монастырской стены. Это время и считается началом большого строительства, завершено, вероятно, к 1550 г. (Голубинский, 2007. С. 161, 162). Постройка такого масштабного сооружения, как кирпичные стены монастыря, в столь короткий срок кроме прочего требовала большого количества народа. Его нужно было временно поселить в монастыре или рядом с ним, а следовательно, здесь же кормить. Возможно, именно с этим периодом в жизни монастыря и связано большое единовременное строительство уличных печей. После окончания строительства стен большинство крестьян вернулись по домам, и необходимость в печах отпала. Веро-

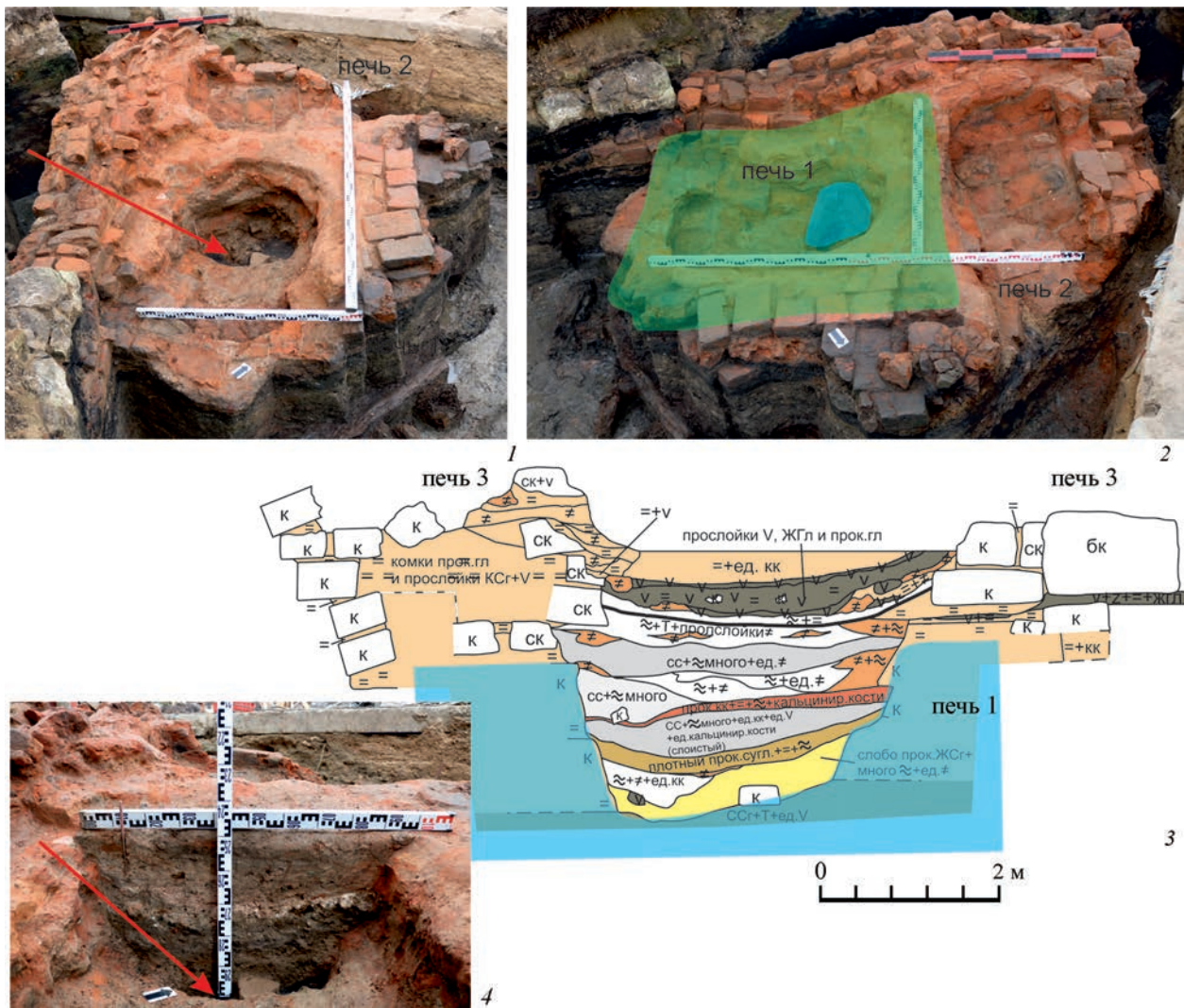

Рис. 8. Печь 1. Этап 2

1 – вид с юго-востока, стрелкой указан уровень ремонта пола топочной камеры; 2 – вид с северо-востока, синим показаны контуры изменений на этапе 2, зеленым – предположительные контуры печи; 3 – разрез с указанием контуров печи; 4 – разрез, стрелкой указан уровень дна топочной камеры

ятно, именно тогда и закончился ранний хронологический ярус существования печек, позже продолжала функционировать только печь 3. В 1556 г. была проведена реорганизация пространства монастыря. Восточные кельи около церквей перенесены ближе к стенам, за стену вынесены конюшни. В этом же году «за трапезой были поставлены государевы кельи, т. е. дворец для приезда государя в монастырь», и старые кельи в районе трапезной уничтожили (Голубинский, 2007. С. 228). Возможно, разборка печей произошла именно в этот период.

Печи, аналогичные печам 1 и 3, также датированные XVI в., открыты в Москве, в Колымажном

переулке и на Манежной площади (Векслер, Осипов, 1996. С. 19–21), а также в Старицком Успенском монастыре (Сиволапова, 2015. С. 198–208) (рис. 14, 1). Близкая по конструкции печь также обнаружена в Москве в Зарядье (рис. 14, 2); автор предполагал, что данная конструкция являлась горном (Векслер, 1984. С. 20–23; Чертежи р. П. Сооруж. № 2). В раскопках Н. А. Кренке на Романовом дворе обнаружено 14 подобных печей. Они имели сходные конструкции стен, могли иметь кирпичный или земляной пол топочной камеры, близкое оформление припечной территории. Однако практически все они были частично заглублены и имели припечную яму (прямо́к)

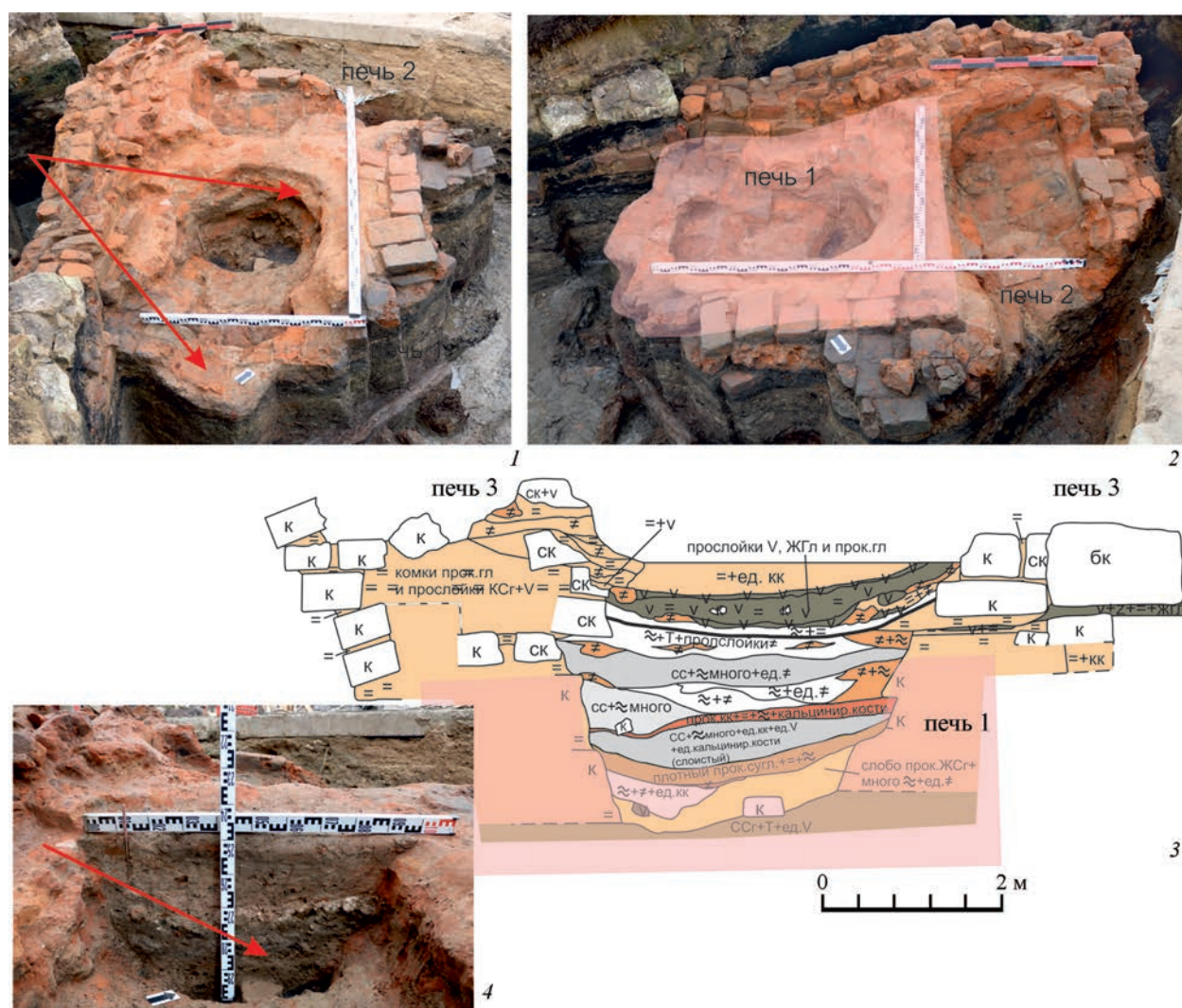

Рис. 9. Печь 1. Этап 3

- 1 – вид с юго-востока, стрелками указаны пристройки и подмазки стенок топочной камеры;
 2 – вид с северо-востока, цветом указаны предположительные контуры печи;
 3 – чертеж разреза с указанием контуров печи; 4 – разрез, стрелкой указан уровень дна топочной камеры

(Кренке, 2009. С. 69–79. Рис. 45–48). Слабо заглубленными были и печи из Колымажного переуллка и Старицы.

Печи 1 и 3 из Троице-Сергиевой лавры, очевидно, использовались для нагревания больших котлов. Способ их привешивания определить сложно, учитывая, что исследованная территория сильно нарушена перекопами и, например, столбовые ямы для опорных столбов могли просто не сохраниться. Также не удалось проследить следы навесов или каких-либо еще перекрытий над печами. Столбовые ямы от опор навеса зафиксированы в Колымажном переулке в Москве и в Старице (Векслер, Осипов, 1996. С. 20; Сиволопова, 2015. С. 207). Од-

нако, если обратиться к графическим изображениям надворных печей, мы видим, что навесов могло и не быть (рис. 15, 1–3).

Конструкция печи 2 говорит о другом варианте ее использования. Она имела отдельную топочную камеру. Следов перекрытия не обнаружено, вероятно, его разобрали. Точных аналогий подобным печам найти не удалось, однако у печи 3 на Романовом дворе тоже была довольно большая входная камера, которая «имела продолговато-прямоугольную форму (внешние размеры – 1,2 × 1,6 м, внутреннее пространство – 0,94 × 1,5 м)» (Кренке, 2009. С. 71. Рис. 45, 2). Две близкие по размерам и конструкции камеры зафиксированы

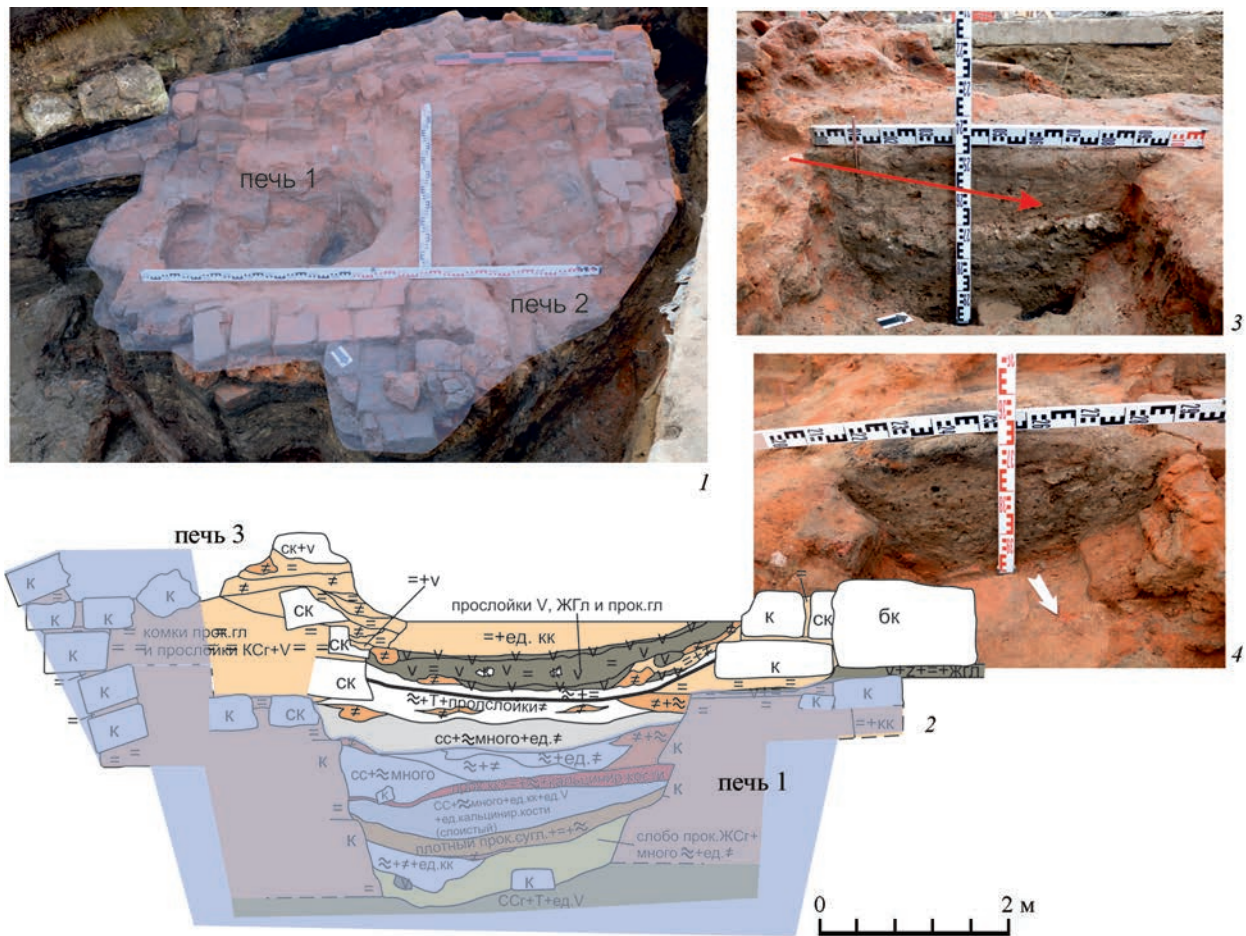

Рис. 10. Печи 1 и 2. Этап 4

1 – вид печей с северо-востока; 2 – чертеж разреза с указанием контуров печи 1 на этапе 4; 3 – разрез с указанием уровня дна топочной камеры печи 1 на этапе 3; 4 – разрез печи 2

у «двойной» печи (№ 2) в Старице (рис. 14, 2). Эта печь имела две круглые и две прямоугольные камеры. Здесь сохранились рухнувшие арочные своды перекрытия прямоугольных камер. Автор статьи предполагает, что эти своды перекрывала горизонтальная кирпичная площадка для установки на нее посуды (Сиволапова, 2015. С. 204–207). Аналогичная прямоугольная топочная камера зафиксирована у упоминавшейся печи из московского Зарядья (рис. 14, 1; Векслер, 1984. С. 20–23). Во всех этих случаях прямоугольные камеры примыкали к круглым с общим топочным пространством, то есть не имели перегородок. Также они не имели сужения устья.

Две уличные печи с прямоугольными топочными камерами конца XVI – начала XVII в. для приготовления пищи известны по раскопкам в Москве

на Арбате (рис. 16, 1; Векслер, 1995. С. 90–92. Рис. 32, 40, 45–51; 1996. С. 83, 88–91. Рис. 51, 52, 64).

В Западной Европе (Германии, Швейцарии и т. д.) со времен Средневековья (вероятно, не ранее XIV в.) известны прямоугольные кирпичные или каменные печи с горизонтальным верхом, оформленным керамической плиткой, камнем или кирпичом. Их называют духовками или плитами. Они использовались для приготовления пищи в горшках или сковородах, размещаемых непосредственно на верхней горизонтальной поверхности или на специальных сквозных отверстиях для установки посуды (рис. 16, 2, 3; Kluttig-Alman, 2015. S. 69. Abb. 50; Tauber, 1980. S. 345, 348, 365, 366). Похожие по конструкции дровяные печи по сей день встречаются в сельской местности в России и Европе. Возможно, печь 2 из Троице-Сергиевой

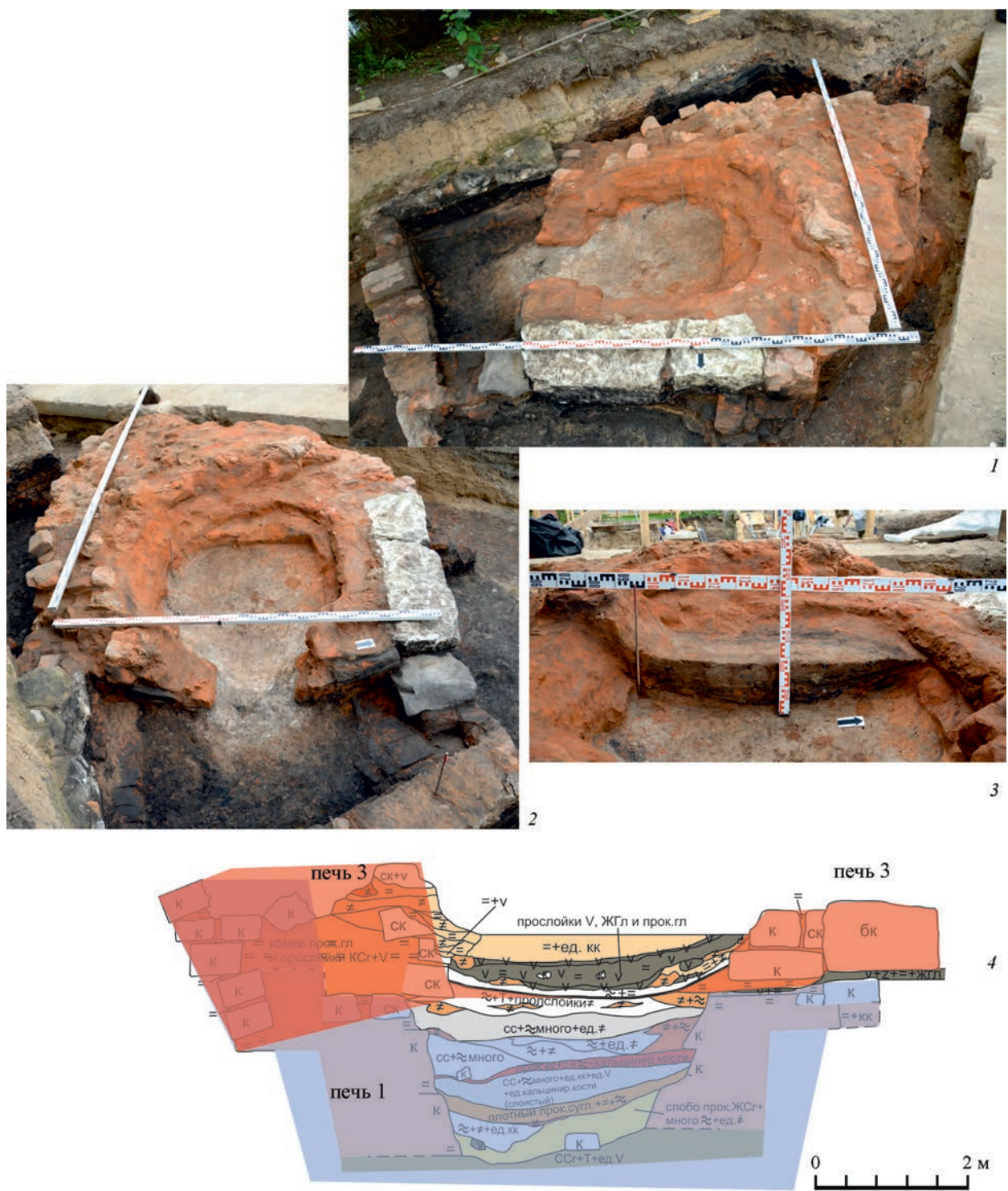
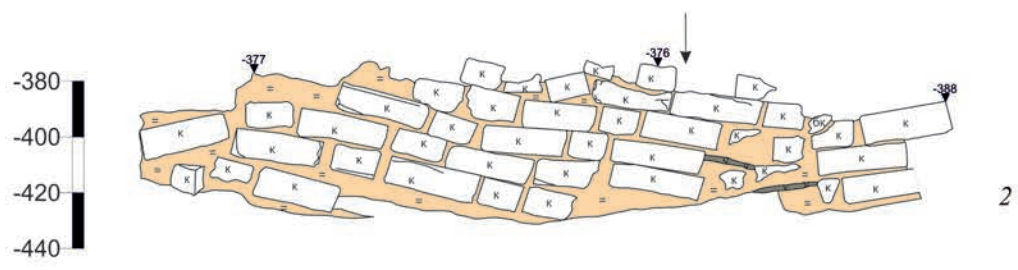

Рис. 11. Печь 3

1 – вид печи и кирпичных пристроек с северо-востока; 2 – вид печи и кирпичных пристроек с юго-востока; 3 – разрез; 4 – чертеж разреза с наложением контуров последнего этапа бытования печи 1 (синим) и контуров печи 3 (красным)

I

2

Рис. 12. Печь 3

I – сводный план конструкций; 2 – юго-западный фасад

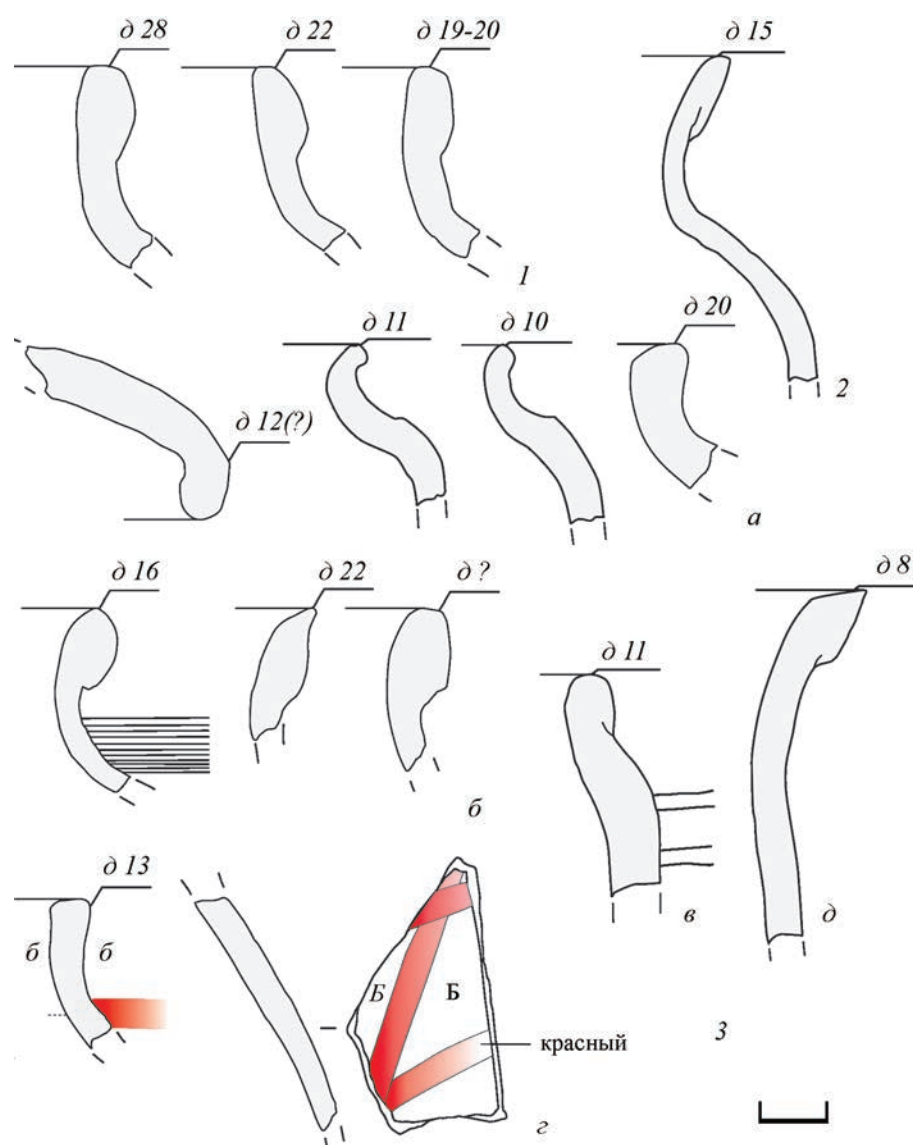

Рис. 13 Керамический материал, собранный в районе печей 1–3

1 – слой позднего бытования печей. Белоглиняная керамика, XVI в.; 2 – слой раннего бытования печей.

Белоглиняная керамика, 2-я пол. XVI в.; 3 – слой под печами 1 и 2; а – красноглиняная керамика, кон. XV – XVI в.; б – белоглиняная керамика, кон. XV – XVI в.; в – красноглиняная керамика, XVI в.;

г – красноглиняная ангобированная сплошь с росписью керамика, кон. XV – XVI в.;

д – чернолощенная керамика, XVI в.

лавры и часть печей из Старицы и Романова двора могли эксплуатироваться подобным образом.

Интересный комплекс объектов обнаружен в северо-западной части монастыря, недалеко от крепостной стены, вблизи Плотничьей башни (рис. 1; 2). Комплекс представлял собой слабо заглубленное подпрямоугольное помещение, пол которого выстлан досками, а в северной его части находились устье прямоугольной печи, тремя стенками врезанной в материк, и окружающий

слой на практически полную сохранившуюся высоту в два-три кирпича. На деревянном полу недалеко от печи обнаружены развалы двух сосудов (чернолощеного и красноглиняного), слева от печки «за углом» лежал железный топор, а справа к кирпичной печной стенке привален вертикально стоявший большой нож. Размеры помещения – 300×200 см. Никаких следов конструкции крепежа стенок и перекрытия не обнаружено (рис. 17; 18; 19). Возможно, это заглубленная часть

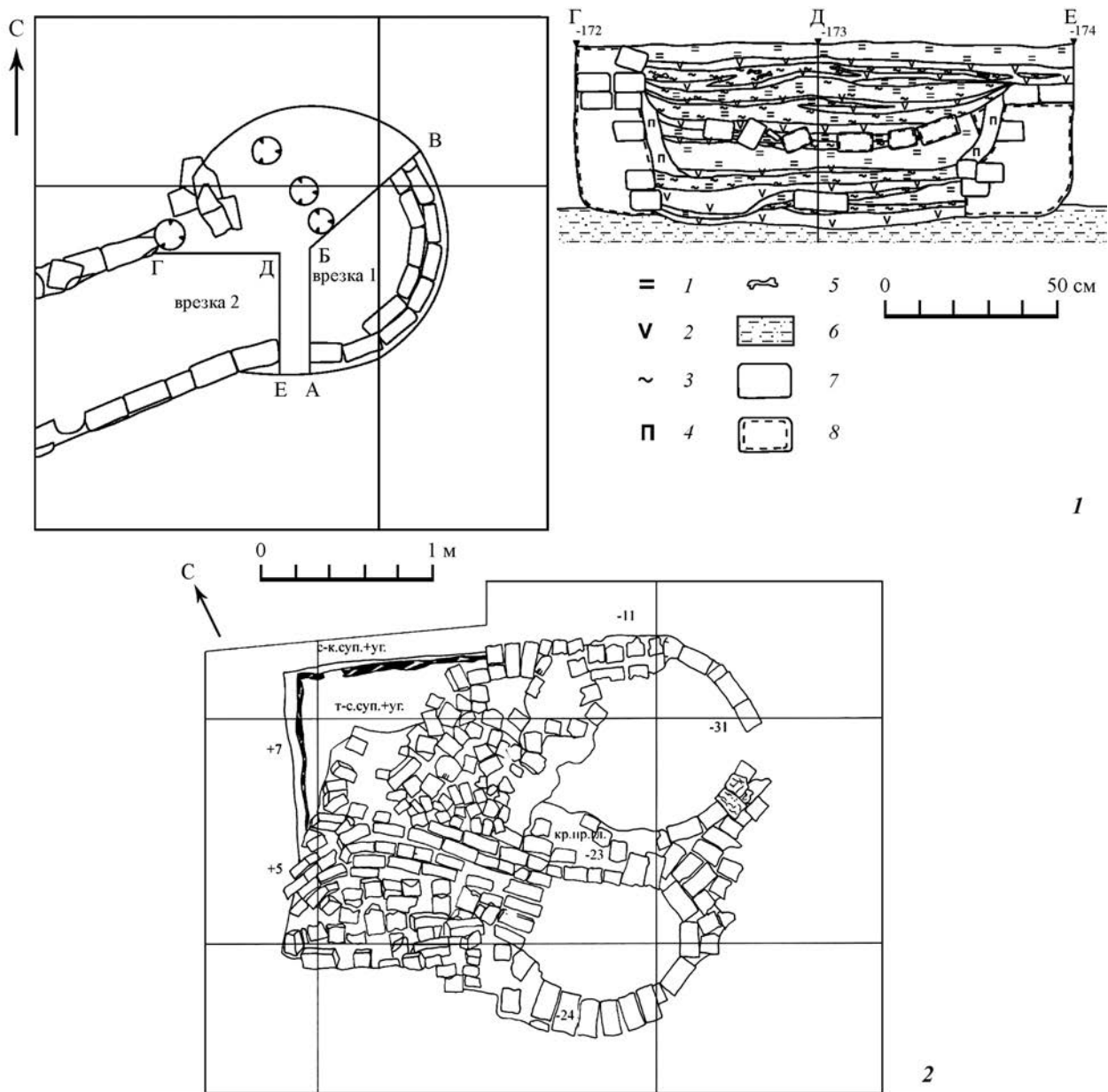

Рис. 14. (1) Надворная печь из раскопок А.Г. Векслера в 1984 г. в Зарядье (Векслер, 1985б) и (2) надворная печь 2 из Старицкого Успенского монастыря на уровне сохранившихся сводов (Сиволопова, 2015. Рис. 9)
1 – обожженная глина; 2 – уголь; 3 – зола; 4 – заполнение продухов; 5 – кости; 6 – серо-желтая супесь; 7 – кирпич; 8 – сырец, сырцовая кладка

постройки, которая выше уровня дневной поверхности могла иметь срубные стены.

Печь размерами 95×140 см имела кирпичный под (кирпичи уложены на постель в один слой), стенки собраны в основном из обломков на грязной глине с примесью кирпичной крошки и серого суглинка, сохранились они на высоту до 4 кирпичей (до 40 см) (см. Приложение). Устье печи, обращенное к югу, имело ширину 26 см. Стенки и под практически не прокалены. По дну печи

обнаружены крупные угли, без золы, далее завал кирпича – вероятно, остатки рухнувших стенок и свода, часть кирпичей имели следы известкового раствора (вторичного использования).

В более целом виде подобный комплекс открыт в 2017 г. также на территории лавры, у юго-восточного угла Царских чертогов (рис. 1; 2) (Энговатова, 2016. С. 100; 2017. С. 62–65. Рис. 147–153, 160, 162). Он представлял собой слабо заглубленный в материк прямоугольный котлован размером

1

2

3

4

Рис. 15. Печи-очаги на миниатюрах и реконструкция вида надворной печи

1, 2 – Житие Антония Сирийского, рукопись 1648 г. (ГИМ); 3 – рукописный свод XVI в. (ГИМ);
4 – реконструкция вида надворной печи; худ. Н.А. Ланцман (Кренке, 2009. Рис. 15)

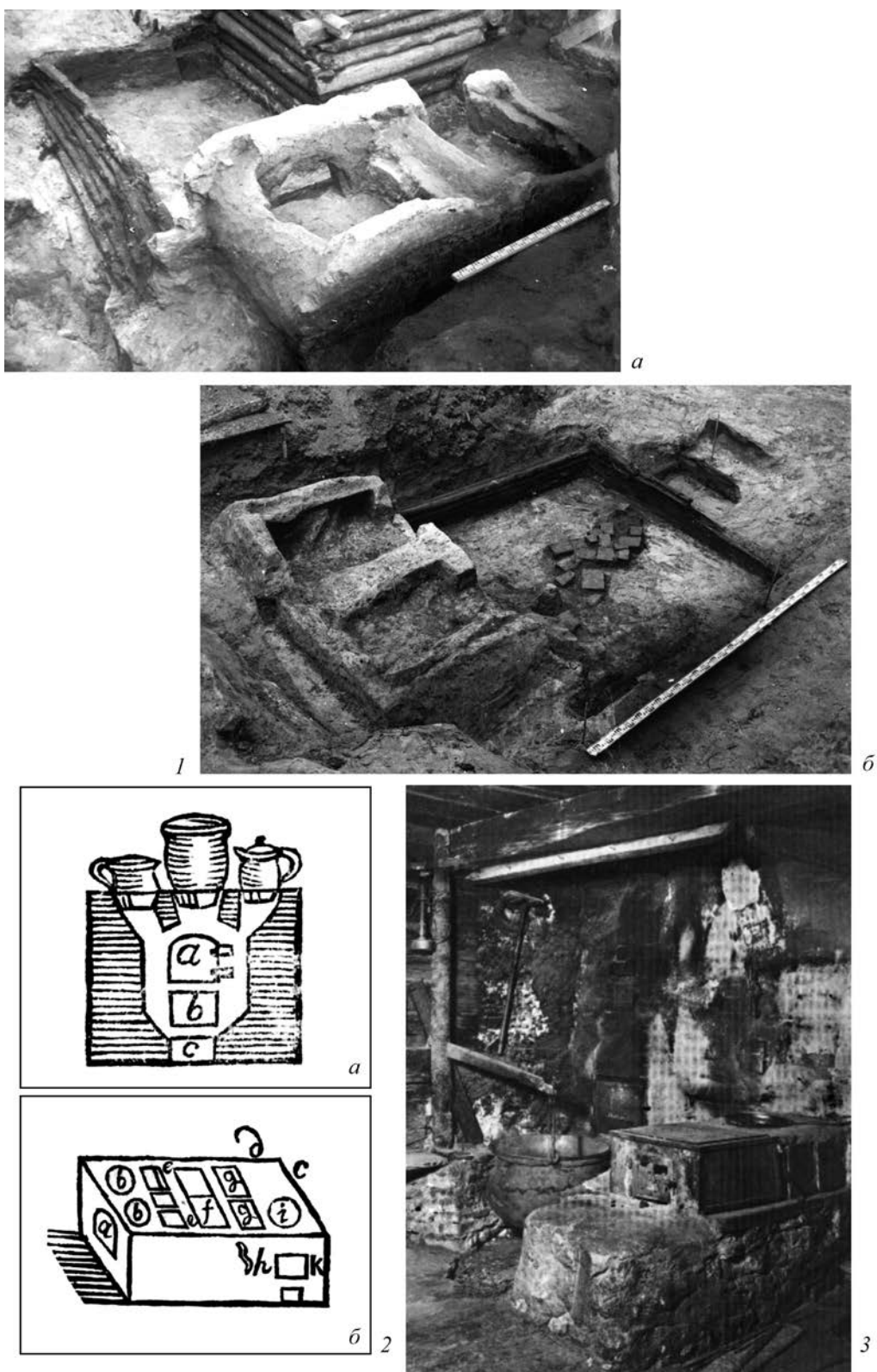

Рис. 16. (1) Уличные печи для приготовления еды из раскопок А. Г. Векслера на Арбате (а – 1995 г.; б – 1996 г. – Векслер, 1996. Рис. 51; Альбом. Рис. 47). (2) Схема плиты XVI (?) в., рис. нач. XIX в., Германия (Kluttig-Alman, 2015. Abb. 50, 51). (3) Комбинированная печь с котлом и плитой. Швейцария (Tauber, 1980. Abb. 260)

Рис. 17. Печь в помещении с развалами горшков на полу из раскопок в Троице-Сергиевой лавре в 2019 г.

1 – вид с запада; 2 – вид с юго-запада

355×200 см, с прямоугольным углублением в центральной части и вплотную к западной стенке размерами 160×220 см. С севера к нему примыкала прямоугольная печь размерами 110×100 см, двумя стенками (северной и западной) присоединявшаяся к матерiku. Восточная была заглублена в материк на один ряд кирпичей. Ее основание располагалось на уровне дна углубления. Печь сложена идентично печи 2019 г., также на грязной глине, но «западная и северная стенки были сложены из кирпича, стоящего на ложке». В отличие от печи 2019 г., здесь сохранились арочное оформление устья, расположенного с юга, и часть сводчатого перекрытия. Эта печь также была слабо прокалена.

Материковое дно помещения перекрывал слой угля с тленом, мощностью до 5 см, на котором обнаружены развалы трех белоглиняных горшков

коломенского типа, железная сковорода, серп, топор и врезной замок. Также «на полу» находилась серебряная монета – денга, датированная временем правления Ивана Грозного до венчания на царство (до 1547 г.) (рис. 20; 21; 22; 23).

Что же это за объекты? Это явно не складские помещения в привычном понимании, сложно их считать и жилыми. Площадь построек всего около 7–8 кв. м, отопительные устройства также небольшого размера, использовались недолго и, вероятно, при небольшой температуре горения.

Помещения были покинуты в одночасье, в них оставили инструменты – нож, топоры, серп и столовую чернолощеную посуду, качественные белоглиняные горшки из Коломны, дорогую в то время железную сковороду. Постройка около Царских чертогов, возможно, носила следы пожара (уголь

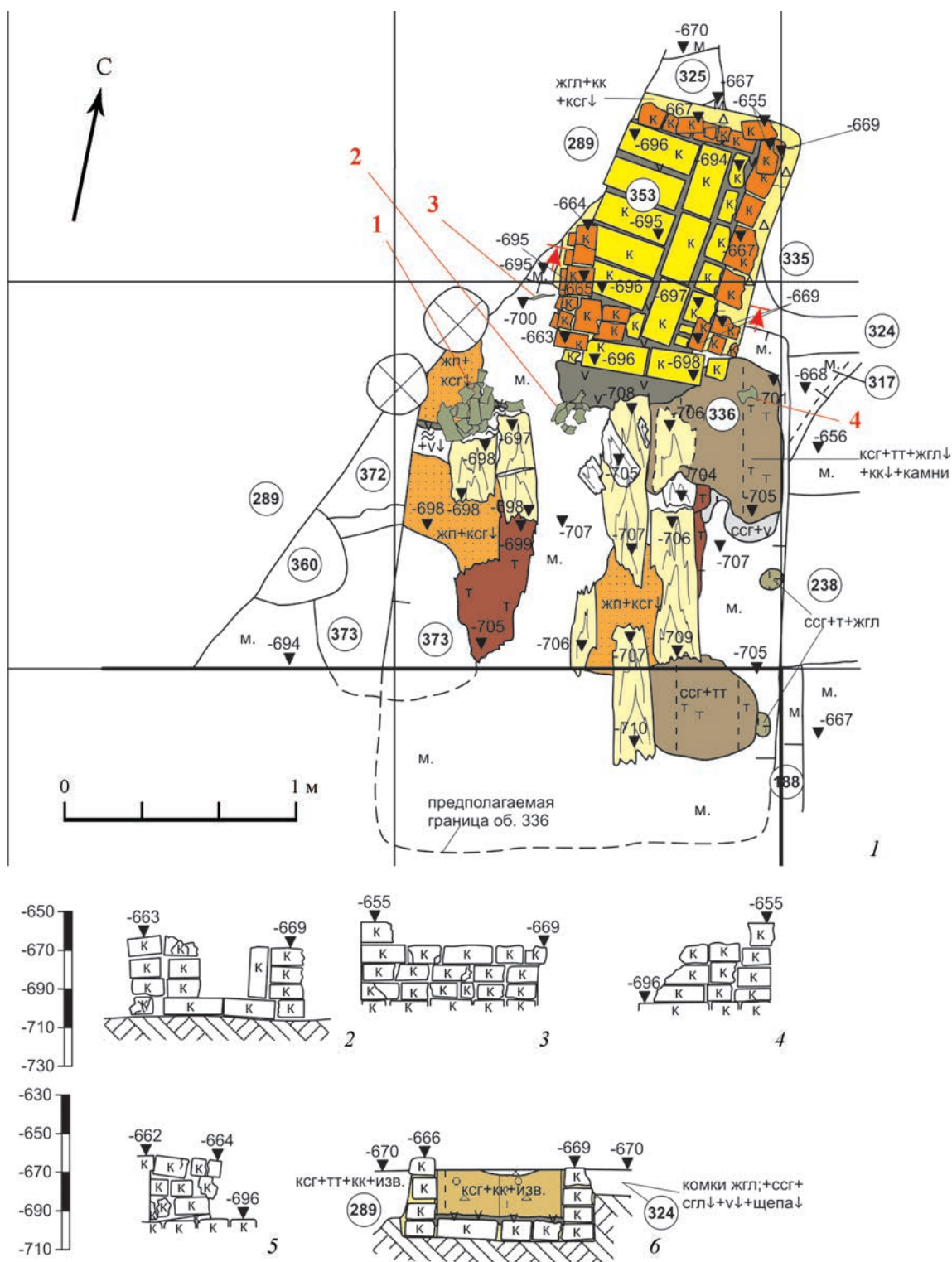

Рис. 18. Печь в помещении из раскопок в Троице-Сергиевой лавре в 2019 г.

- 1 – сводный план печи с помещением, зачистка на уровне дна (1 – чернолощенный сосуд;
- 2 – красноглиняный сосуд; 3 – железный нож; 4 – железный топор); 2 – южный внешний фасад печи (устье);
- 3 – внутренний фасад восточной стенки печи; 4 – внутренний фасад северной стенки печи;
- 5 – внутренний фасад западной стенки печи; 6 – разрез заполнения печи

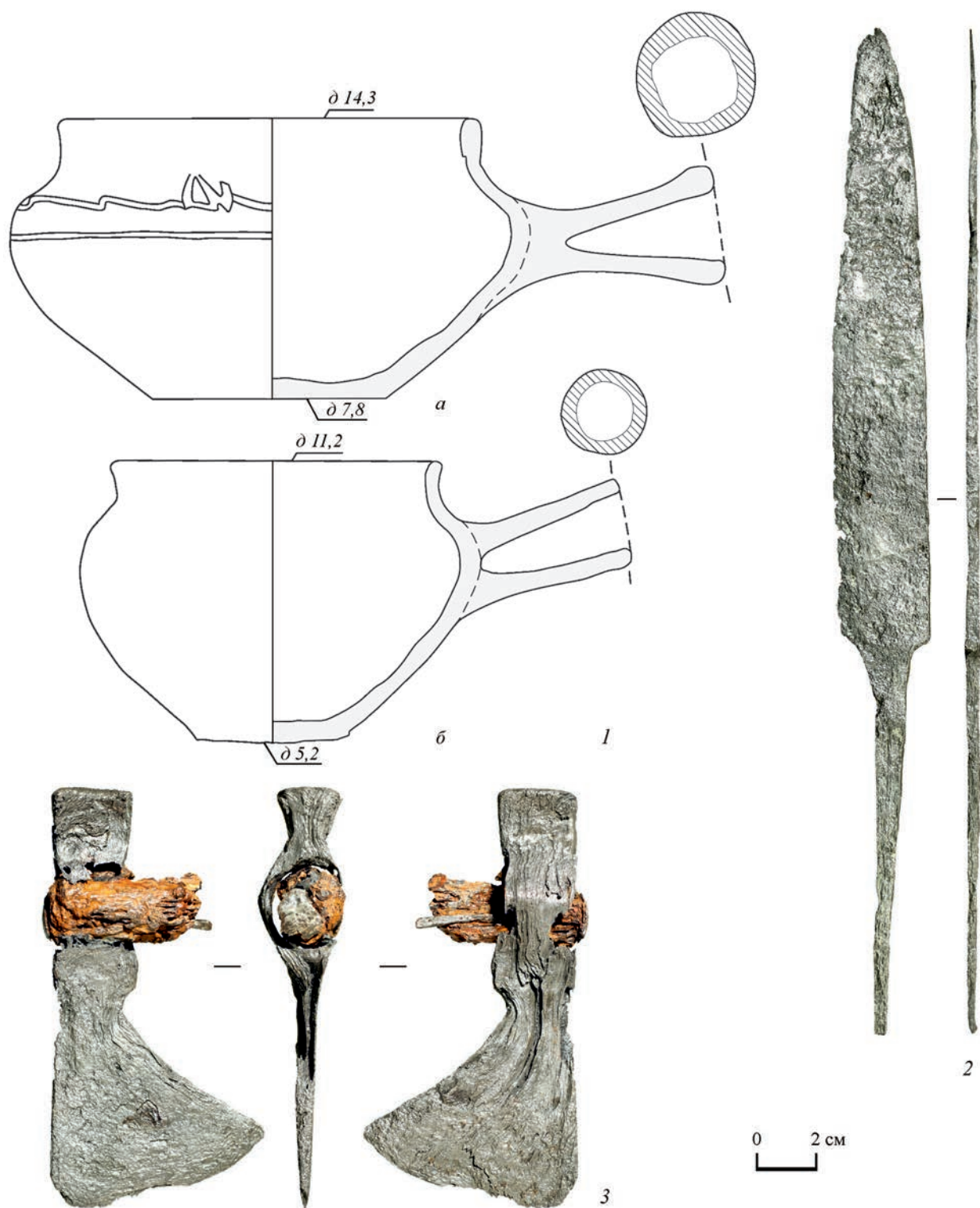

Рис. 19. Индивидуальные находки, обнаруженные на полу сооружения с печью (2019 г.)

1а – чернолощенный сосуд XVI в.; 1б – красноглиняный сосуд XVI в.; 2 – железный нож;
3 – железный топор с фр-том деревянного топорница

Рис. 20. Печь в помещении из раскопок в Троице-Сергиевой лавре в 2017 г.

1 – вид с юга на печь, северную часть помещения и развалы горшков на полу; 2 – вид печи с юго-востока;
3 – вид с юго-востока на помещение с печью после выборки заполнения

с тленом на дне), строение около Плотничьей башни подобных следов не имело. Вероятно, после разборки наземных частей их котлованы быстро закидали комками земли и глины.

Стратиграфия сооружений и археологический материал позволяют датировать их серединой – второй половиной XVI в. Это время масштабных строительных работ в монастыре: по велению вел.

кн. Ивана Васильевича в 1540 г. начато строительство каменных стен, продлившееся десять (а возможно, и более) лет. В 1547–1548 годах у южной стены Троицкого собора ставится каменная церковь над гробом преподобного Никона. В 1552 (или 1554) г. строятся каменные келарская и больничные кельи. В 1556 г. к «средней» Троицкой (Духовской) церкви пристраивается каменная

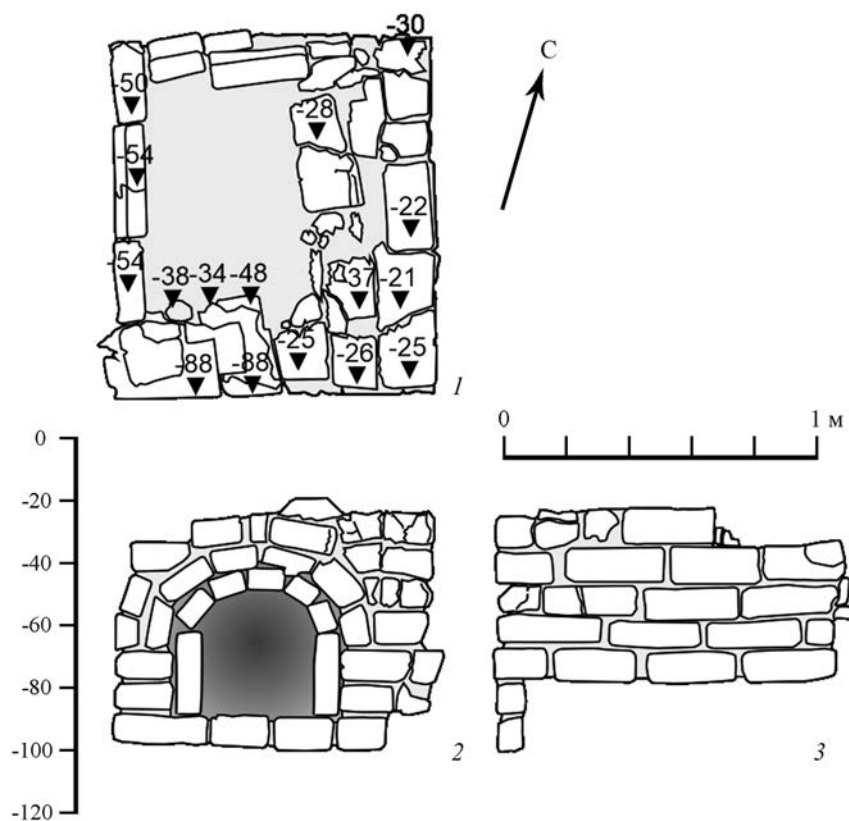

Рис. 21. Печь в помещении из раскопок в Троице-Сергиевой лавре в 2017 г.
 1 – сводный план, вид сверху; 2 – южный внешний фасад печи (устье);
 3 – внешний фасад восточной стенки (Энговатова, 2017. Т. 2. Илл. 147а)

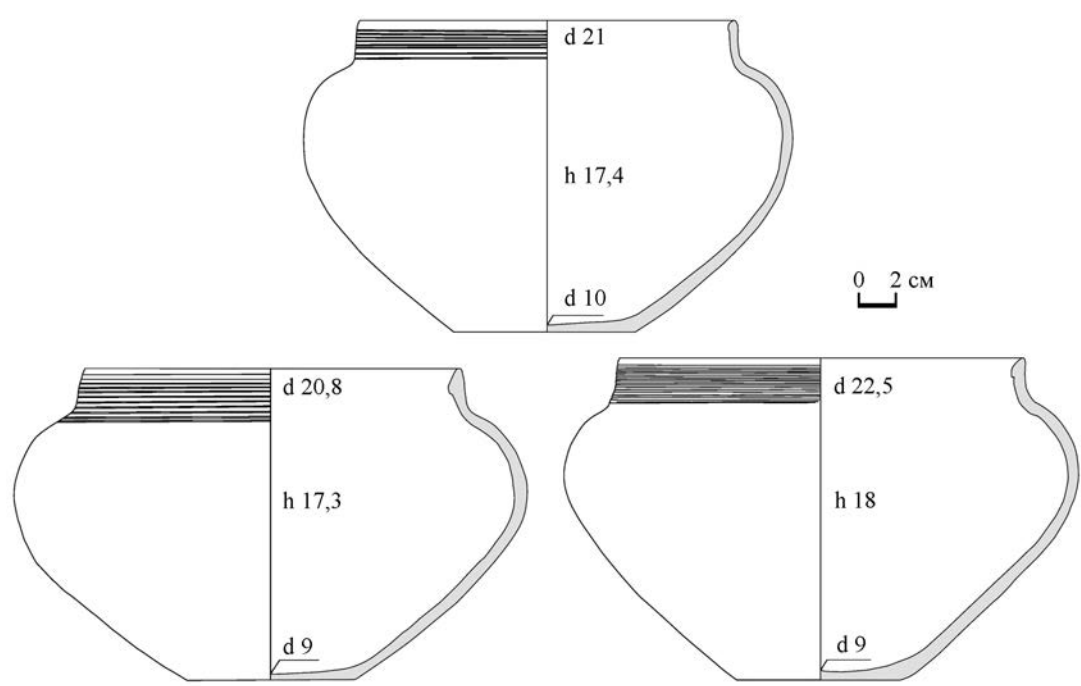

Рис. 22. Белоглиняные горшки коломенского типа сер.– 2-й пол. XVI в.
 со дна помещения с печью (раскопки 2017 г.) (Энговатова, 2016; 2017)

Рис. 23. Находки, обнаруженные на полу сооружения с печью (2017 г.)

1 – фр-ты врезного замка; 2 – топор; 3 – серп; 4 – серебряная денга Ивана IV Грозного (до 1547 г.) (Энговатова, 2017); 5 – сковорода с ручкой. 1–3, 5 – железо

колокольня с часозвоней. «Того ж лета (1556 г.) у Живоначальныя Троицы монастырь роздвигали и кельи розносили к конюшням; государевы кельи поставили и брацкие; а от старого места отнесли кельи до новово места 40 сажен, где нынеча стоят». В 1559 г. на участке, освободившемся в 1556 г. после перемещения государевых и братских келий, царь Иван IV закладывает новую церковь Живоначальной Троицы (Успенский собор), которая должна была стать соборной (Краткий летописец... 1865. С. 21–23).

Подобные, как правило сезонные, работы требовали больших людских ресурсов и привлечения специалистов-ремесленников различных профессий (каменщиков, плотников, гончаров-кирпичников и др.).

Возможно, найденные в 2017 и 2019 гг. постройки могли служить местом хранения инструмента

мастеров-ремесленников недалеко от строительства, здесь же они разогревали еду и сушили одежду.

События 1564 и 1565 гг. позволяют предположить причины неожиданного запустения сооружений. В сентябре 1564 г. из-за пожара выгорел практически весь монастырь (ПСРЛ, 1910. С. 337), эти постройки могли пострадать в той или иной степени, в ходе расчистки их спешно разобрали и засыпали. Узнав о пожаре, Иван IV выделил тысячу рублей на восстановление монастыря, однако уже в следующем году царь на фоне поражений в Ливонской войне вводит опричнину и охладевает к строительству в обители². Возможно, работы некоторых мастеров отложили на следующий сезон, но так и не возобновили, а строения с их вещами обветшали, разрушились и были разобраны.

Литература

- Векслер А. Г., 1984. Отчет об археологических работах в г. Москве в 1984 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1975.
- Векслер А. Г., 1995. Отчет об охранных археологических работах в 1995 г. Т. 2. Кн. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19619, 19620.
- Векслер А. Г., 1996. Отчет об охранных археологических работах в Москве. Кн. V / Архив ИА РАН Р-1 № 20406, 20407.
- Векслер А. Г., Осипов Д. О., 1996. Дворовые печи-поварни (по материалам археологических раскопок в Москве) // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вып. 9. М.: МИГМ. С. 19–23.
- Воронин Н. Н., Косточкин В. В., 1968. Троице-Сергиева Лавра. М.: Искусство. 186 с.
- Голубинский Е. Е., 2007. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М.: Воскресение. 465 с.
- Краткий летописец Святотроицкие Сергиевы Лавры // Летопись занятий Археографической комиссии. 1864 г. Вып. 3. СПб., 1865. С. 18–26.
- Кренке Н. А., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. М.: ИА РАН. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12). 524 с.
- ПСРЛ. Т. XXIII (Ермолинская летопись). СПб., 1910. 252 с.
- Сиволопова А. Б., 2015. Надворные печи Старо-Успенского Монастыря // ТТЗ. Вып. 8. Тверь: Старый город. С. 198–208.
- Энговатова А. В., 2016. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на территории Московской духовной академии Троицкой Сергиевой лавры в 2016 г. Т. 1, 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 51501, 51503.
- Энговатова А. Э., 2017. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на территории Троице-Сергиевой лавры в 2017 г. Т. 1–2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 56817–56819.
- Kluttig-Alman R., 2015. Zieglerdeckel aus Wittenberg im überregionalen Kontext. Die Suche nach der Funktion einer besonderen Fundgruppe // Forschungsberichte des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. Bd. 7. Halle an der Saale: Herausgegeben von Harald Meller. S. 41–92.
- Tauber J., 1980. Herd und Ofen im Mittelalter // Schweizer Beiträge zur Kulturgeschichte und Archäologie des Mittelalters. Bd. 7. Olten Herausgegeben vom Schweizerischen Burgenverein. S. 345–381.

² Строительство Успенского собора закончилось только в правление царя Федора Ивановича в 1585 г., спустя 26 лет после закладки. По мнению Н.Н. Воронина, задержка в строительстве собора связана с большими государственными затратами на восстановление монастыря после пожара и подозрениями царя во враждебном отношении монастырского духовенства к вводимой им опричнине (Воронин, Косточкин, 1968. С. 30).

Приложение

**Размеры кирпичей из объектов из раскопок
в Троице-Сергиевой лавре в 2017 и 2019 годах**

1. Объект 156.

9,0×15,5×33,0 см; 7,7×16,0×34,0 см; 8,0×14,5×33,0 см; 8,5×16,0×33,4 см; 8,8×15,5×34,0 см; 8,8×15,5×33,0 см; 9,0×15,5×34,5 см; 8,8×?×33,0 см; 9,0–9,2×15,5×? см; 8,0×14,3×? см; 9,4×15,3×? см; 8,8×?×? см; 7,8×14,5×? см; 7,0×14,8×? см; 6,8×14,8×? см.

2. Объект 139.

6,9–7,6×17×? см; 7,1×15,5×? см; 7,6–8,0×16,4×? см; 7,5×16,1×? см; 7,2–7,5×15,4×? см; 8,1×13,9×28,4 см; 7,5×16,8×? см; 8,0×15,5×? см; 7,4×15,7×? см; 7,6×16,6×? см; 7,6×16,5×? см; 8,0–8,8×15,6×? см; 5,6–6,1×18,3–19,0×? см; 7,1–8,1×15,9×? см; 6,7–7,2×14,1×28,6 см; 8,2×15,5×? см; 7,2–7,5×16,6×? см; 7,2×15,9×? см; 7,2–7,5×15,2×? см; 7,2–7,6×15,6×? см; 7,6×16,2×? см; 7,0–7,5×15,5–15,9×? см; 6,6×16,2×? см; 6,8×15,9×? см; 8,0×16,1×? см; 8,0×16,2×24,4 (?) см; 6,9×16,9×? см; 7,2×14,0×27,8 см; 7,1×16,9×19,9 (?) см; 8,2×16,5×? см; 7,1×16,9×? см; 7,5×14,6×29,5 см; 8,0×16,9×? см; 7,7×16,0×? см; 8,1–8,9×15,4–16,1×? см; 7,5×16,8×? см; 8,0×15,6×? см; 7,8×15,2×? см; 8,1×15,8×? см; 7,1×17,6×? см; 7,9×15,9×? см; 7,3×15,7×? см; 7,0×16,3×? см; 7,6×17,1×? см; 8,1×16,0×? см; 6,3×17,9×? см; 7,9×16,1×? см; 8,0×15,1–16,0×? см; 7,3×16,0×? см; 7,4×15,6×? см; 6,7×16,1×? см; 6,5×20,3×? см; 8,0×18,1×? см; 8,1×16,3×? см; 7,5×16,3×? см; 8,1×16,1×? см; 7,1×16,3×? см; 8,1×17,8×? см; 7,8×16,5×? см; 8,6×16,2×? см; 8,1×16,3×? см; 6,9×17,0×? см; 7,1×16,5×? см; 7,8×16,2×? см.

Объект 139б.

8,5×14,0×? см; 7,0×15,5×? см; 8,5×13,5×? см; 9,0×13,5×? см; 6,5×12,0×? см; 9,0×15,5×? см; 8,0×13,5×? см; 7,8×13,5×? см; 8,4×14,0×? см; 7,8×13,5×? см; 8,4×13,0–14,5×? см; 8,0×14,5–15,0×? см; 8,0×13,0×? см; 7,0×14,5×? см; 8,0×15,0×? см; 7,4×13,0×? см; 8,2–8,7×13,5×? см; 8,5×13,0×? см; 7,0×14,0×? см; 8,5×13,0×? см; 8,0×13×? см; 7,0×14,5×? см; 9,5×? х? см; 7,0×13,0×? см; 7,0×14,0×? см; 8,0×13,5×? см.

Объект 139в.

11,1×17,9×29,8 см; 8,5×17,9×30,5 см; 10,3×17,4×? см; 10,5×17,9×31,8 см; 10,2×16,9×? см; 10,4×16,4×30,1 см; 8,7×17,6×? см; 10,1×16,9×? см; 10,1×16,7×? см; 9,7×17,5×? см; 7,8×13,0×27,0 см.

3. Объект 139а.

9–10,3×16,4×? см; 9,6–10,8×16,6×? см; 9,2–9,5×17×? см; 8,4–8,8×17,7×? см; 10,0×17,0×? см; 8,0×16,5×? см; 10,0×16,5×? см; 9,2×17,5×? см; 6,5×15,5×? см; 7,2×14,0×? см; 11,0–11,2×16,5–17,0×? см; 7,0×14,5×? см; 10,0×16,5×? см; 9,5×22,0×? см.

4. Общая юго-западная стенка печей 1 и 2.

8,5×15×34 см; 8×14,5×33,5 см; 10×17×? см; 10×17,5×? см; 7,5×14×? см; 7,5×14,5×? см; 10,5×17×30,5 см; 10×17,5×? см; 8,5×14×? см; 7,5×13×28,5 см; 10×17×30 см; 10–10,5×17×29,5 см; 10×17×? см; 10×17–17,5×30 см; 10×17,5×? см; 9,5×15×? см; 8,5×14×? см; 7,5×13×? см; 7,5×14×? см.

Этап 4. Юго-западная стенка в припечной зоне.

9×14×32 см; 10×14×34 см.

Этап 4. Северо-восточная стенка в припечной зоне.

9,5×15,5×34 см; 9×15×32 см; 9×15×? см; 9,3×15×? см; 9×13,8×? см; 10×14,5×? см; 9,5×13,5×? см; 9,5×14×? см; 8×15×? см; 10×15,5×30 см; 8,5×14,5×? см; 9,5×15,5×? см.

Этап 5. Юго-восточная стенка.

8,5×15×32 см; 9×15×33,8 см; 9×14,5×30 см; 9×15×? см; 8,5×15,5×? см; 8,5×15×? см; 8,5×15×34 см; 8,9×15×34,5 см; 9×15×33,5 см; 9×15×33 см; 8,5×15×26 см; 10,5×14,5×? см; 9×14,5×? см; 9,5×15,5×? см.

Этап 5. Печь 3.

9,5×15,2×32 см; 9,8×14,8×? см; 8,2–8,9×15,8×31,2 см; 8,6×14,1×31,5 см; 8,9–9,1×14,8×? см; 8,4×15,4×? см; 8,2×14,1×? см; 8,4×15,3×29 см; 9,5×14,8×? см; 8,1×13,8×? см; 7,8–8,2×15,2×? см; 8,5×17,5×? см; 9,4×14,2×? см; 9,58×14,5×? см; 9,4×15×? см; 9,8×15×? см; 8×15×? см; 7,9×14,5×? см; 8,2×15×? см; 9,2×13,2×35,5 см; 11×11×? см; ? х15×31,5 см.

5. Печь в северо-западной части монастыря, недалеко от крепостной стены, вблизи Плотничьей башни.

8–8,5×15–15,5×? см; 8,5–9,3×14,7×? см; 7,9×13,2–13,9×? см; 8,3–9×15,6–16,4×? см; 8–8,2×16,5×? см; 7,6×6×13,9–14,5×? см; 8×14–14,3×? см; 7,7–8,3×14,3–14,8×? см; 7,5×15,5×? см; 8–8,2–14–14,3×? см; 7,5×14,5×? см; 8,3–8,7×14×? см; 6,9–7,4×13,5×? см; 7–7,2×14,5×? см; 8–8,5×14×? см; 8,2×14×? см; 7,8–8,2×14×? см; 7,8–8,5×14×27 см; 7,5–8×17×34 см; 7,5×16–16,8×34 см; 7,5–7,8×16,5–17×? см; 7–8×16–17×? см; 7,8–8×13,7–14×? см; 8,5–8,7×15,5×16×? см; 8,7–9,2×13×? см; 7,5–8×16,2–16,8×? см; 8–8,5×15,5×? см; 8,2–8,6×15,5–16×? см; 7–8×16,2–17×34 см; 7,5–8×16,2–16,8×32,5–33,5 см; 7–8×16,5–17×33,5–34 см; 7,5–8×16–16,5×33,4 см; 7,5–8×16,6–17,2×? см; 9–9,4×15×? см; 9×12,5–14,5×? см; 7,5–7,9×16,2×? см; 8–8,7×14,5×? см; 7–7,5×14,3×? см; 7,2–7,5×15×? см; 8×14×? см; 8–8,5×14,5×? см; 9,2–10,3×16,7×? см; 7–7,6×17–17,3×? см; 7,6–8,2×17–17,6×? см; 7,6×13,5–14,2×? см; 8,5–9×13,7–14,5×? см; 9,5–10×16,5–17×? см; 7,8×14×? см; 7–7,9×14×? см; 10×16,5–17×? см.

E. P. Zots, S. A. Zots, M. A. Kuritsyn

Courtyard ovens and stoves in household rooms of the XVI century of excavations in the Trinity Lavra of St. Sergius in 2017 and 2019

Summary

The article deals with the construction and reconstruction of street stages of furnaces and ovens in business premises of the 16th c., excavated in 2017 and 2019 on the territory of the Trinity Lavra of St. Sergi-

us. The appearance of these structures could be linked to large-scale construction in the 1540–1550, suddenly terminated in connection with the introduction of the Livonian War and oprichnina.

List of figures

Fig. 1. Trinity Lavra of St. Sergius. View from the southwest. Location of ovens

1 – street ovens; 2 – oven in the room from the excavations in 2017; 3 stove in a room from excavations in 2019

Fig. 2. Photo from the icon of the mid-17th c. with the location of the ovens

1 – street ovens; 2 – oven in the room from the excavations in 2017; 3 – stove in a room from excavations in 2019; 4 – refectory location

Fig. 3. Fragments of the bases of the “early stage” ovens

Fig. 4. Ovens “Early Stage”

1 – furnace 1 and 2 at the level of detection; 2 – furnaces 1 and 2 after clearing structures

Fig. 5. Summary Plan of ovens of “Early Stage”

Fig. 6. Ovens 1 and 2. Summary plan of structures

Fig. 7. Oven 1. Stage 1

Fig. 8. Oven 1. Stage 2

Fig. 9. Oven 1. Stage 3

Fig. 10. Ovens 1 and 2. Stage 4

Fig. 11. Oven 3

Fig. 12. Oven 3

Fig. 13 The ceramic material collected in the ovens 1–3 area

1 – 16th c.; 2 – 2nd (?) half of the 16th c.; 3 a – end of the 15th – 16th c.; б – end of the 15th–16th c.; в – 16th c.; г – end of the 15th–16th c.; д – 16th c.

Fig. 14. A courtyard oven from the excavations of A.G. Veksler in 1984 in Zaryadye (1) and courtyard oven 2 from the Staritsky Assumption Monastery at the level of the preserved vaults (2)

1 – fired clay; 2 – coal; 3 – ash; 4 – filling the air holes; 5 – bones; 6 – gray-yellow sandy loam; 7 – brick; 8 – raw, raw masonry

Рис. 15 Hearth ovens on miniatures and reconstruction of the view of the courtyard oven

1, 2 – life of Anthony of Syria, manuscript of 1648 (State Historical Museum); 3 – handwritten collection of the 16th c. (State Historical Museum); 4 – reconstruction of the view of the courtyard oven (art. N.A. Lanzman) (*Krenke*, 2009. Fig. 15)

Рис. 16. Outdoor ovens for cooking food from the excavations of A.G. Veksler on Arbat (1). Scheme of a the 16th (?) century slab/stove. (2), fig. early 19th century. Germany (*Kluttig-Alman*, 2015. Abb. 50, 51). (3) Combined oven with boiler and stove. Switzerland (*Tauber*, 1980. Abb. 260)

a – 1995; *б* – 1996

Fig. 17. Oven indoors from excavations at the Trinity Lavra of St. Sergius in 2019**Fig. 18. Oven indoors from excavations at the Trinity Lavra of St. Sergius in 2019****Fig. 19. Finds found on the floor of a structure with oven (excavations in 2019)**

1a – black-glazed vessel of the 16th c.; *1б* – red clay vessel of the 16th c.; 2 – iron knife; 3 – iron ax with a fragment of a wooden axe-handle

Fig. 20. Oven indoors from excavations at the Trinity Lavra of St. Sergius in 2017**Fig. 21. Oven indoors from excavations at the Trinity Lavra of St. Sergius in 2017**

1 – summary plan, view from above; 2 – southern outer facade of the oven (oven mouth); 3 – outer facade of the eastern wall

Fig. 22. White-clay pots of the Kolomna type of the middle – 2nd half of the 16th c. from the bottom of the room with oven (excavations 2017)**Fig. 23. Finds found on the floor of a structure with oven (excavations in 2017)**

С. В. Зацаринный

Историко-краеведческий и художественный музей, Тула

Деревянные изделия XVI–XVIII веков из раскопок на территории Тульского кремля

Деревянные изделия из поздне-средневековых и постсредневековых городских слоев продолжают оставаться одной из наименее изученных групп археологических артефактов, что объясняется главным образом их сравнительно малочисленностью в вещевых коллекциях из раскопок памятников этого времени. К сравнительно редким и до последнего времени слабо изученным можно отнести находки с территории южной части Московского государства, из «заоцких» и «украинных» городов. По верному наблюдению В. И. Завьялова, «на памятниках южнее Оки в силу особенностей культурного слоя находки из дерева крайне редки» (Завьялов, 2011. С. 209).

В археологической коллекции из раскопок разных лет в Тульском кремле предметы из дерева (как и органики в целом) образуют одну из самых малочисленных, но достаточно информативных групп изделий (табл. 1). Редкость этих находок объясняется сравнительно слабой увлажненностью культурного слоя в пределах крепости. Кремль занимает пологую вершину надпойменного всхолмления, и влажный слой с органическими остатками фиксируется в основном лишь в северной его части, где древняя дневная поверхность понижается к р. Упе, а также в строительных объектах, заглубленных в материк. Некоторые находки из дерева сохранились благодаря частичному обжигу (обугливание) при пожарах, что уберегло их от после-

дующего разложения в ходе почвообразовательных процессов.

Впервые изделия из дерева (6 предметов) встречены при охранных раскопках на трассе ливневой канализации, проведенных отрядом Тульской археологической экспедиции при НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры под руководством А. Н. Наумова в 1991–1992 гг. (Наумов, 1991; 1992)¹. В 2000 г. при новостроечных исследованиях на месте колокольни Успенского собора XVIII в., осуществленных экспедицией Тульского областного краеведческого музея под руководством Ю. Г. Екимова, обнаружены два обугленных деревянных изделия. Остальные предметы (более двух десятков) получены в ходе масштабных охранных раскопок 2013–2014 гг. в северной и центральной частях территории Тульского кремля, проведенных музейной экспедицией под руководством автора (Зацаринный, 2017).

В связи со сравнительно малой выборкой изделий, но достаточно разнообразным предметным рядом мы приведем краткую характеристику каждой находки примерно в том хронологическом порядке, в каком они выявлялись исследователями². В коллекции находок 1991 г. выборка деревянных изделий включает четыре предмета.

Гребень односторонний (рис. 1, 2). Предмет туалетной принадлежности характеризуется пря-

¹ Благодарю А. Н. Наумова за предоставленную возможность использовать в настоящей работе не публиковавшиеся ранее материалы.

² Предметы из раскопок 1991, 1992 и 2000 гг. в целях сохранения формы законсервированы авторами работ посредством поливинилацетатных клеев, что в основном позволило уберечь их от дальнейшего разрушения, но явилось препятствием для определения породы дерева, из которого они были изготовлены. Изделия из раскопок 2013–2014 гг., за исключением ряда мелких фрагментированных предметов, прошли реставрацию в Лаборатории консервации и реставрации мокрого дерева ФГБУК «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник» (рук. – Л. В. Кокуца). Там же было осуществлено определение породы древесины по микроскопическим признакам. Пользуясь случаем, благодарю коллег за качественно выполненную работу.

Таблица 1. Деревянные изделия из раскопок в Тульском кремле.

Категория	Руководитель раскопок, год, место находки	Порода дерева	Датировка	№ рис.
Гребень односторонний	Наумов А.Н., 1991 г., р. 1, кв. 5, пл. 6	не опред.	XVII–XVIII вв.	1, 2
Ковш	Наумов А.Н., 1991 г., р. 1, кв. 4, пл. 9, яма № 2	не опред.	XVI в.	1, 6
Изделие с орнаментом (фр-т)	Наумов А.Н., 1991 г., р. 1, кв. 5, пл. 10, яма № 2	не опред.	XVI в.	1, 1
Игрушка-шар	Наумов А.Н., 1991 г., р. 1, кв. 5, пл. 10, яма № 2	не опред.	XVI в.	1, 5
Ложка (фр-т)	Наумов А.Н., 1992 г., р. 1, кв. 3, пл. 8	не опред.	XVII–XVIII вв.	1, 3
Изделие зооморфное (фр-т)	Наумов А.Н., 1992 г., р. 1, кв. 7, пл. 10	не опред.	XVI в.	1, 4
Ложка	Екимов Ю.Г., 2000 г., р. 1, кв. 135, пл. 4	не опред.	2-я четв. XVI в.	1, 7
Рукоять ложки (?) (фр-т)	Екимов Ю.Г., 2000 г., р. 1, кв. 135, пл. 4	не опред.	2-я четв. XVI в.	–
Веселка	Зацаринный С.В., 2013 г., р. 2, кв. 4, пл. 3, яма № 2	сосна	XVIII в.	2, 6
Донце бондарного сосуда (фр-т)	Зацаринный С.В., 2013 г., р. 2, кв. 2, пл. 6, яма № 2	не опред.	XVIII в.	–
Рукоять изделия	Зацаринный С.В., 2013 г., р. 2, кв. 1, пл. 7, яма № 3	не опред.	2-я четв. XVI в.	2, 4
Подпятник дверной	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 12, кв. 3, пл. 6	не опред.	XVI в.	2, 2
Зуб от граблей	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 12, яма № 2	жимолость	2-я четв. XVI в.	2, 3
Орудие	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 12, яма № 2	жимолость (?)	1-я пол. XVI в.	2, 7
Рукоять черенкового орудия (фр-т)	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 19, кв. 9, пл. 6	не опред.	XVIII в.	2, 8
Донце маслобойки (?) (фр-т)	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 19, кв. 8, пл. 7	сосна	XVII – 1-я пол. XVIII в.	2, 1
Копыл (фр-т)	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 19, кв. 14, пл. 7	дуб	XVII – 1-я пол. XVIII в.	2, 5
Лопата землеройная	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 20, яма № 8	дуб	2-я пол. XVI в.	4, 1
Лопата выгребная	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 20, яма № 8	дуб	2-я пол. XVI в.	4, 3
Шпатель (?)	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 20, яма № 8	не опред.	2-я пол. XVI в.	4, 2
Пробка	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 16, яма № 6	ольха	XVI в.	5, 6
Изделие с шипом (фр-т)	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 16, яма № 4	не опред.	2-я четв. XVI в.	5, 2
Донце столового сосуда (фр-т)	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 16, яма № 4	не опред.	2-я четв. XVI в.	5, 3
Донце столового сосуда (фр-т)	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 16, яма № 4	не опред.	2-я четв. XVI в.	5, 4
Донце столового сосуда (фр-т)	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 16, яма № 4	не опред.	2-я четв. XVI в.	5, 5
Донце кадки (?) (фр-т)	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 16, яма № 4	не опред.	2-я четв. XVI в.	–
Донце бочки (фр-т)	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 16, яма № 4	дуб	2-я четв. XVI в.	6
Донце бочки (фр-т)	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 16, яма № 4	дуб	2-я четв. XVI в.	6
Стенка бочки из 7 клепок	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 16, яма № 4	дуб	2-я четв. XVI в.	6
Орудие с заостренным концом	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 16, яма № 4	клен	2-я четв. XVI в.	5, 1
Пернач	Зацаринный С.В., 2014 г., р. 16, яма № 4	дуб	2-я четв. XVI в.	8

моугольной формой гребенки и дугообразно выпуклой спинкой со скругленными краями. Его размеры 8,5×6,8 см, толщина – 0,8 см. Редкие и сравнительно широкие зубья пропилены до середины пластины, предварительно размеченной горизонтально прочерченной линией. Количество зубьев – 19, их длина – 3,6 см. Находка происходит из наслоений XVII–XVIII вв.

Ковш (рис. 1, 6). Предмет представляет собой емкость полусферической формы с короткой

слабо выгнутой ручкой овального сечения. Длина изделия – 25,0 см. Чаша ковши имеет овальную в плане форму размером 13,5×12,2 см, ее глубина – 4,2 см. Рукоять ковши прямая (длина – 11,6 см) с сечением неправильной овальной формы. Край рукояти слегка обуглен. Предмет происходит из объекта XVI в. Близкий по размерам и форме рукояти ковш обнаружен при исследовании остатков строения (сооружение 11) конца XVI – начала XVII в. в г. Свияжске (*Шакиров*,

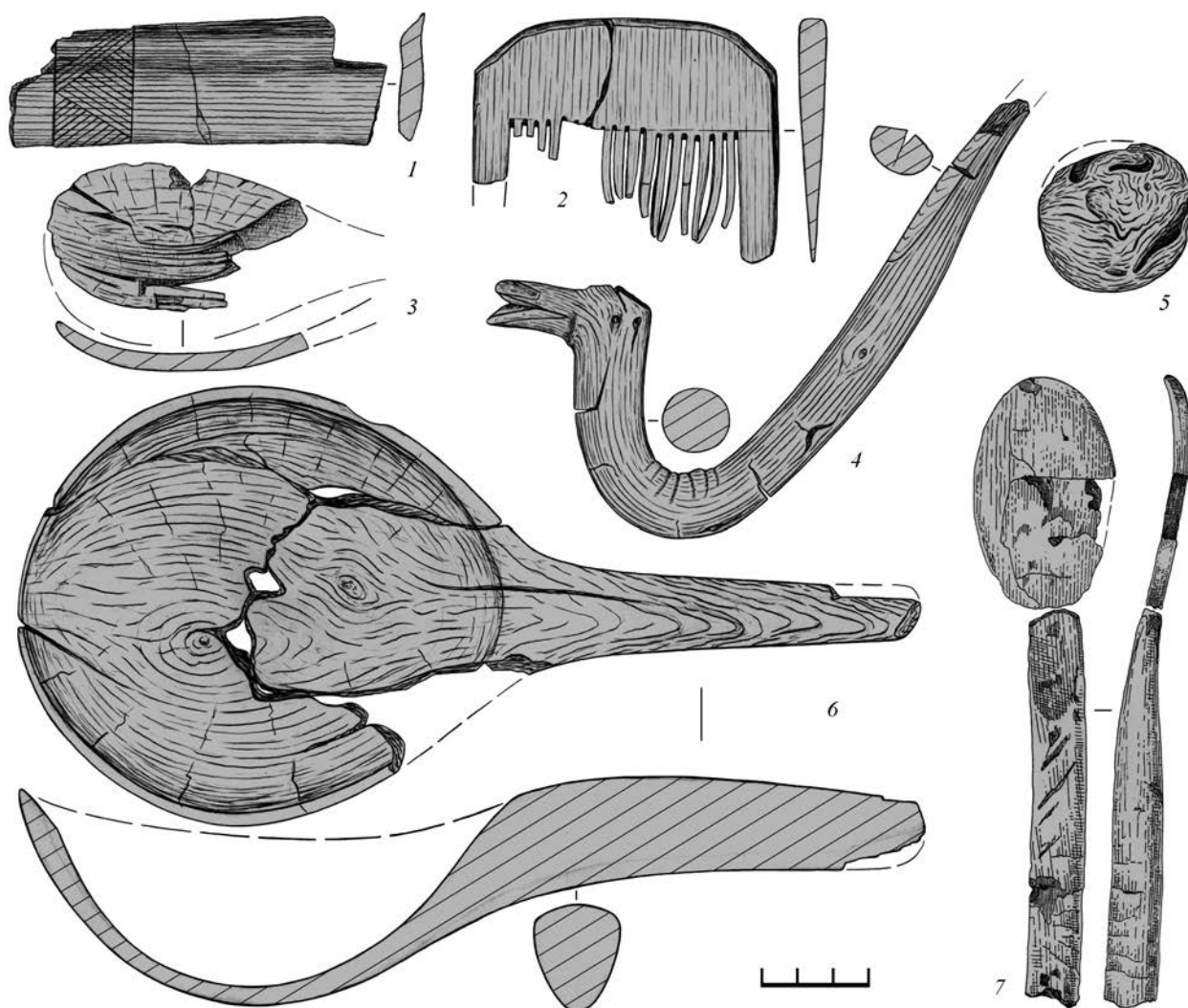

Рис. 1. Деревянные изделия из раскопок в Тульском кремле в 1991 г. (1–2, 5–6), 1992 г. (3–4) и 2000 г. (7)

Валиев, Ситдигов, 2012. С. 189, 196, 201. Рис. 4; 8, 4).

Изделия с орнаментом обломок (рис. 1, 1) в форме трапеции. Вероятно, является частью дощатой детали домашней утвари (возможно, крышки или стенки небольшой емкости). Его размеры – 10,3×3,5×0,6 см. Вдоль одного из сохранившихся краев он украшен резной полосой из треугольных фигур, поле которых заполнено разнонаправленной штриховкой из тонко прочерченных параллельных линий. Ширина полосы – 2,2 см. Предмет происходит из объекта XVI в.

Игрушка-шар (рис. 1, 5). Изделие имеет почти правильную сферическую форму. Его диаметр – 4,5 см. Судя по структуре волокон, оно, по-видимому, изготовлено из комлевой части ствола дерева. Размеры древнерусских деревянных шаров варьировались в пределах 5–12 см

(Розенфельдт, 1997б. С. 116, 326. Табл. 80, 4). По предположению Б. А. Колчина, они употреблялись во многих подвижных детских играх, в том числе в игре в шар-мазло (Колчин, 1971. С. 51). находка обнаружена в объекте XVI в.

Еще два деревянных предмета выявлены в том же раскопе в ходе исследований 1992 г.

Ложки обломок (рис. 1, 3) является частью ее мелкой уплощенной лопасти овальной в плане формы. Размеры обломка – 7,1×4,0 см. находка датируется XVII–XVIII вв.

Изделия зооморфного обломок (рис. 1, 4) представляет собой изогнутый прут круглого сечения. Один его конец заострен и частично утрачен. Противоположному краю предмета, где имелись изломы двух сучков, придана форма головы животного с приоткрытой пастью (клювом). Размеры изделия – 16,1×10,0 см. Сечение стержня в средней

части – 1,7 см, у головы – 2,0 см. Автор работ определяет данную находку как «фрагмент деревянной ручки с резным навершием» (Наумов, 1992. Л. 17, 79. Рис. 58, 3). На наш взгляд, предмет мог являться легким кронштейном или настенным крючком-вешалкой. Художественно оформленные зооморфными элементами настенные вешалки известны в новгородской коллекции резных деревянных изделий. Однако там они встречены исключительно в слоях домонгольского времени (Колчин, 1971. С. 40. Табл. 31).

Обломки двух частично обугленных столовых приборов (ложек) выявлены в 2000 г. в закрытом комплексе на полу сгоревшего жилища второй четверти XVI в. (постройка № 4) (Екимов, 2007. С. 110. Рис. 17, 2).

Ложка (рис. 1, 7). Изделие сохранилось в виде двух крупных обломков (рукояти и лопасти), общая длина которых составляет 17,5 см. Диаметр круглой в сечении ручки – 1,4–1,5 см. Лопасть ложки имеет овальную в плане форму – 6,4×3,8 см. Она неглубокая и имеет уплощенное дно.

Рукоять ложки (?), обломок – представляет собой прямой стержень длиной 20,0 см и диаметром 1,2 см, с полукруглым сечением в средней части. Торцевой конец рукояти плавно скруглен.

В 2013 г. три деревянных изделия обнаружены в раскопе 2. Два из них (веселка и донце бондарного сосуда) происходят из заполнения погребка XVIII в. (яма № 2). Третий предмет (часть рукояти) найден в закрытом комплексе подпола сеней (яма № 3), датируемым второй четвертью XVI в.

Веселки обломок (рис. 2, 6) представляет собой рабочую лопасть небольшой лопатки с некогда удлиненной ручкой. Общая длина фрагмента – 16,2 см. Лопасть имеет овальную в плане форму и линзовидное сечение, ее длина – около 12,0 см, ширина – 5,1 см. Диаметр овальной в сечении рукояти – 1,5–1,6 см. Изделие изготовлено из сосны.

Донца бондарного сосуда обломок является половинкой целого изделия. Его размеры – 20,6×9,9 см, толщина – 1,2 см. Реконструируемый диаметр донца – около 23 см.

Рукояти изделия обломок (рис. 2, 4). Предмет имеет форму стержня круглого сечения. Его длина – 12,7 см, диаметр у противоположных концов – 0,9 и 1,2 см. Тыльная часть рукояти закруглена. Предположительно изделие изготовлено из дуба и является обломком ложки.

В 2014 г. находки из дерева получены из раскопов № 12 (3 предмета), № 19 (3 предмета), № 20 (3 предмета) и № 16 (11 предметов). Из раскопа № 12 происходят подпятник дверной, зуб

от граблей (?) и орудие неясного функционального назначения.

Подпятник дверной (рис. 2, 2). Изделие имеет цилиндрическую (дисковидную) форму с округлыми краями. Его диаметр – 4,8–5,1 см, высота – 2,5 см. На рабочей стороне имеется незначительное углубление округлой формы диаметром 3,6–4,0 см. Поверхность предмета слегка обуглена. Он служил для уменьшения трения выступа дверного полотна («пятки») в «чашке» порога. Подобную конструкцию, в частности, имели двери жилищ Мангазейского острога (Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 17, 95. Табл. 1, 5, 8). По стратиграфическим данным предмет датируется XVI в.

Зуб от граблей (?) (рис. 2, 3). Изделие представляет собой прут круглого сечения (диаметр – 1,5–1,7 см) с заостренным на одну сторону рабочим краем. Длина предмета 18,7 см. Наличие на верхнем торце детали неглубокого (незавершенного?) пропила шириной около 0,3 см указывает на способ ее крепления посредством торцевого клина в каком-то составном орудии. По-видимому, изделие является зубом граблей. Небольшая глубина пропила и отсутствие выраженных следов бытового использования предмета позволяют рассматривать его в качестве заготовки. Деталь изготовлена из жимолости. Она происходит из комплекса хозяйственной ямы № 2, датирующейся второй четвертью – серединой XVI в.

Орудие (рис. 2, 7). Предмет имеет цилиндрическую форму с уплощением по длинной стороне, его длина – 15,2 см. Торцевые концы изделия ровно обрезаны, их края закруглены. Размеры поперечного сечения в средней части – 2,1×2,7 см. Орудие изготовлено из жимолости и, возможно, является плотницким или столярным инструментом. Находка встречена в заполнении ямы № 2, датируемой второй четвертью XVI в.

Обнаруженные в раскопе 19 деревянные изделия происходят исключительно из нижней части культурного слоя.

Рукояти черенкового орудия обломок (рис. 2, 8) является половинкой изделия цилиндрической формы, расщепленного вдоль. Его длина – 10,0 см, диаметр – 2,3–2,5 см. Внешняя поверхность рукояти залощена. На внутренней стороне предмета сохранилось продольное углубление (желобок), сужающееся к тыльной части изделия и оставленное черенком железного орудия (ножа, серпа, резца, стамески, скобеля и т.п.). Ширина канала в тыльной части изделия – около 0,4 см, у противоположного края – 1,5 см. Предположительно рукоять изготовлена из дуба. Она выявлена в наслоениях XVIII в.

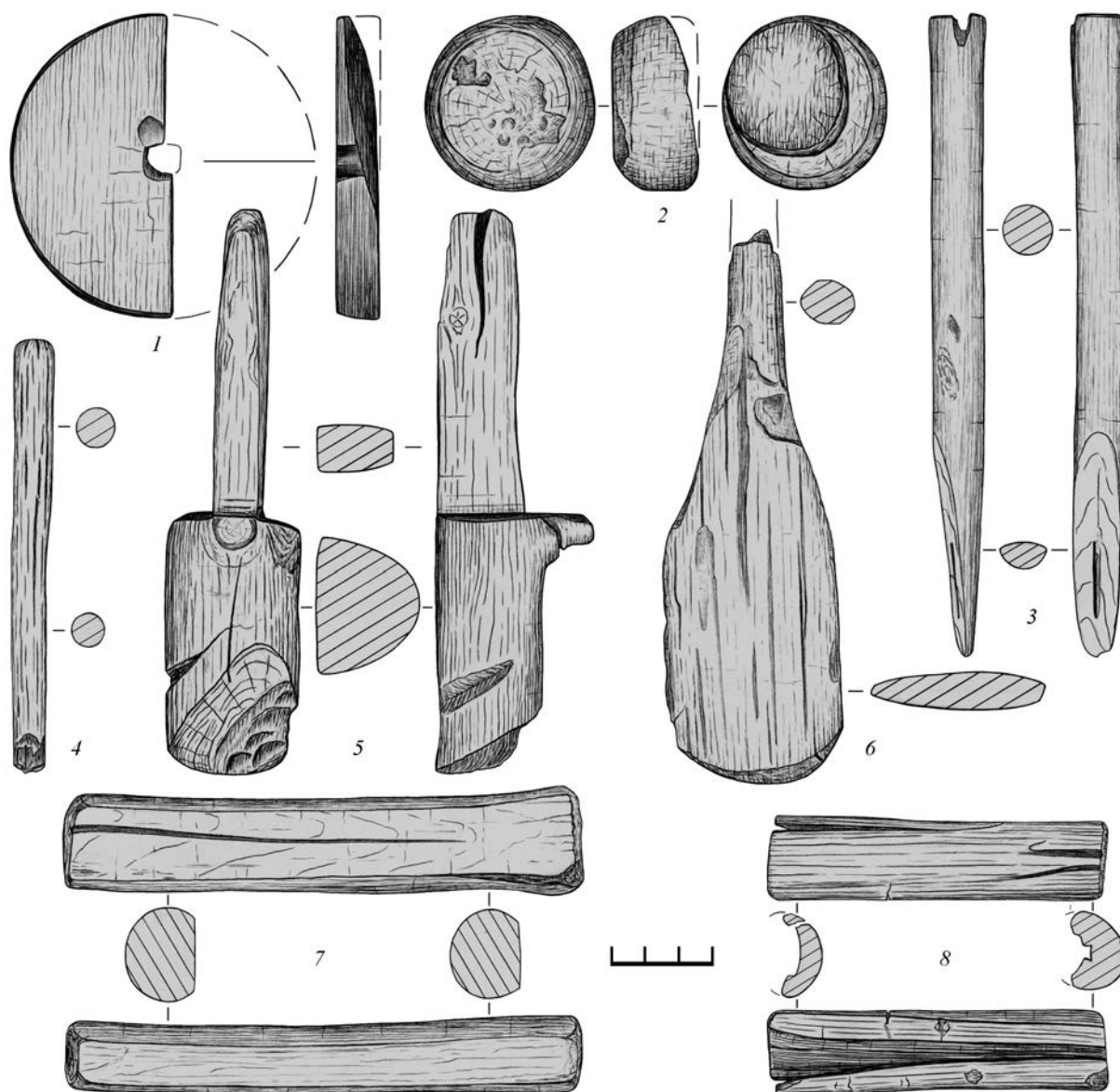

Рис. 2. Деревянные изделия из раскопок в Тульском кремле в 2013–2014 гг.: раскоп 2 (4, 6), раскоп 12 (2–3, 7), раскоп 19 (1, 5, 8)

Донца маслобойки обломок (рис. 2, 1). Дисковидный предмет представлен половинкой плоского дощатого изделия, являющегося верхним донцем маслобойки. Его диаметр – 9,0 см, толщина – 1,3 см. В центральной части донца частично сохранилось сквозное отверстие подквадратной формы. Изделие изготовлено из сосны. Оно обнаружено в слоях XVII – первой половины XVIII в. Некоторые исследователи атрибутируют подобные половинки расколотых донцев как бочарки (Кабатов, 2011. С. 242–243. Рис. 25, 2).

Копыл (обломок) является деталью легких сачней (рис. 2, 5). Изделие изготовлено из дуба и характеризуется наличием сучка-вяза (тип 1

по Б. А. Колчину). Этот тип копылов получил наибольшее распространение в древнерусское время (Колчин, 1968. С. 52). Общая длина обломка – 16,5 см. Верхняя часть копыла длиной 8,8 см имеет прямоугольное сечение (2,5×1,4 см), нижняя часть – полуовальное (4,0×3,0 см). По стратиграфическим данным предмет датируется XVII – первой половиной XVIII в.

Почти полный набор орудий труда землекопа выявлен в раскопе 20 в подполье погребя второй половины XVI в. (яма 8). Комплекс включает в себя три предмета: лопату землеройную, лопату для накладки сыпучих тел и шпатель (?), вспомогательный инструмент, очевидно употреблявшийся

Рис. 3. Тульский кремль, 2014 г. Раскоп 20, яма № 8. «Инвентарь землекопа» *in situ* на дне котлована погреба XVI в.

для чистки лопат (рис. 3). Характеристика самого погреба и обнаруженных в нем артефактов изложены нами в отдельной публикации (Зацаринный, в печати)³.

Лопата землеройная (рис. 4, 1). Предмет изготовлен из дуба. Изделие имеет характерную для лопат этого типа четко выраженную асимметричную лопасть: горизонтальный уступ под ногу («плечо») расположен с одной стороны. Общая длина орудия – 124,2 см, длина рукояти – 98,4 см. Поперечное сечение рукояти – восьмигранное: в верхней части – 4,6×3,9 см, в нижней – 5,8×3,3 см.

Рабочая лопасть лопаты имеет прямоугольную в плане форму (ее скругленный с одной стороны рабочий край образовался, вероятно, в результате длительной эксплуатации инструмента). Длина лопасти – 25,8 см, ширина – 12,3 см. Ширина уступа под левую ногу составляет 6,4 см. Поперечное сечение рабочей лопасти – прямоугольное, ее толщина в верхней части – 3,1 см. Аналогичные землеройные лопаты (длина рукоятей – 80–95 см, длина и ширина лопастей соответственно – 25–30 см и 12–16 см) в значительном количестве встречены при раскопках в Новгороде Великом, где они происходят из слоев X–XV вв. (Колчин, 1968. С. 17). По-видимому, основным отличием тульской лопаты от новгородских является расположение уступа лопасти со стороны *левой* ноги. Характеризуя новгородские землеройные лопаты, Б. А. Колчин отмечал, что при их использовании «...на *правый* верхний край лопасти наступали ногой. Поэтому у землеройных лопат одна сторона – *правая* – всегда имела горизонтальный прямой край» (курсив наш. – С. 3.) (Колчин, 1968. С. 17)⁴. Возможно, еще одной морфологической особенностью нашей лопаты является полное отсутствие у нее расширения рабочей лопасти со стороны, противоположной уступу под ногу (в этой части рукоять отвесно переходит в лопасть). По-видимому, указанная конструктивная особенность была обусловлена необходимостью максимально сократить ширину лопасти (и, как следствие, уменьшить площадь режущей кромки) с целью повышения ее проникающей способности в условиях плотных и вязких материковых суглинков в Туле. Порода дерева тульской землеройной лопаты аналогична материалу новгородских лопат, которые «всегда делались из дуба и были достаточно острыми» (Колчин, 1968. С. 17).

Лопата выгребная (рис. 4, 3). Изделие изготовлено из дуба. Орудие использовалось для сгребания и накладывания рыхлого грунта. Оно имеет типичную для таких лопат прямоугольную в плане и слегка выгнутую в сечении лопасть со скругленными углами. Ее общая длина – 91,4 см, длина рукояти до перехода в лопасть – 48,4 см. Ру-

³ В недавно вышедшей статье по археологии Тульского кремля Ю. Г. Екимов необоснованно датирует рассматриваемые лопаты то первой половиной XVI в., то лишь второй четвертью этого столетия (причем на смежных страницах) (Екимов, 2019. С. 83, 84). Коллега неверно указал длину землеройной лопаты («около 120 см»), а залегавшую рядом с ней выгребную лопату определил как инструмент «для уборки снега».

⁴ Однако у нас есть сомнения в обоснованности категоричного утверждения Б. А. Колчина об исключительно правостороннем расширении асимметричной лопасти у новгородских землеройных лопат, т.к., во-первых, в подготовленной автором свода иллюстративной таблице наряду с «праволопастными» приведено изображение и «леволопастной» лопаты (Колчин, 1968. Табл. 1, б), а во-вторых, на наш взгляд, «праволопастная» лопата может эффективно использоваться только левшами, коими, очевидно, являлись не все новгородцы.

кояль имеет восьмигранное сечение: в верхней части – 3,0×2,6 см, в основании – 4,2×4,2 см. Общая длина рабочей лопасти – 43,0 см. Длина прямоугольной ее части – 27,5 см, ширина – 16,2 см, максимальная толщина по верху лопасти – 2,2 см. Контекст залегания этой лопаты рядом с землеройной свидетельствует о ее использовании для выгребания рыхлого грунта в процессе земляных работ. Вероятно, данной лопатой вскопанный грунт также загружался в емкости (корзины?), в которых он выносился за пределы строящегося сооружения. Собственно, морфология и параметрические данные этого орудия аналогичны новгородским лопатам для накладывания сыпучих тел, выделенным Б. А. Колчиным в отдельный тип. Они характеризуются прямоугольной рабочей лопастью шириной 17–27 см и высотой 25–40 см (Колчин, 1968. С. 17).

Шпатель (?) (рис. 4, 2). Изделие в виде заостренного кола круглого сечения. Его длина – 36,0 см, максимальный диаметр рукояти – около 4,0 см. Заостренная часть предмета имеет клиновидную форму: длина – 14,4 см, сечение полукруглое. Тыльная часть орудия ровно обрезана, ее края скруглены. На рукояти местами уцелела кора, близкая осиновой (т. к. данный предмет сохранить не удалось, анализ его древесины не производился). Нахождение этого инструмента в одном комплексе с лопатами вряд ли являлось случайным. Предположительно он мог использоваться при земляных работах в качестве вспомогательного орудия для периодической чистки лопастей лопат от налипавшего на них суглинка (подобный инструмент непременно должен был применяться при работах во влажном и достаточно вязком суглинистом грунте).

Деревянные предметы из раскопа 16 обнаружены в заполнении двух обводненных погребов XVI в.: ямы № 4 и № 6. За исключением крупной бочковой пробки, найденной в яме № 6, все остальные изделия выявлены в нижней части заполнения ямы № 4, являющейся закрытым комплексом второй четверти XVI в.⁵

Пробка (рис. 5, б). Предмет конструктивно состоит из двух подцилиндрических частей разного диаметра: верхняя часть в виде уплощенной грибовидной шляпки имеет больший диаметр, нижняя, слегка сужающаяся к основанию, – меньший. Высота изделия – 11,1 см, диаметр шляпки – 8,6–10,0 см, диаметр собственно

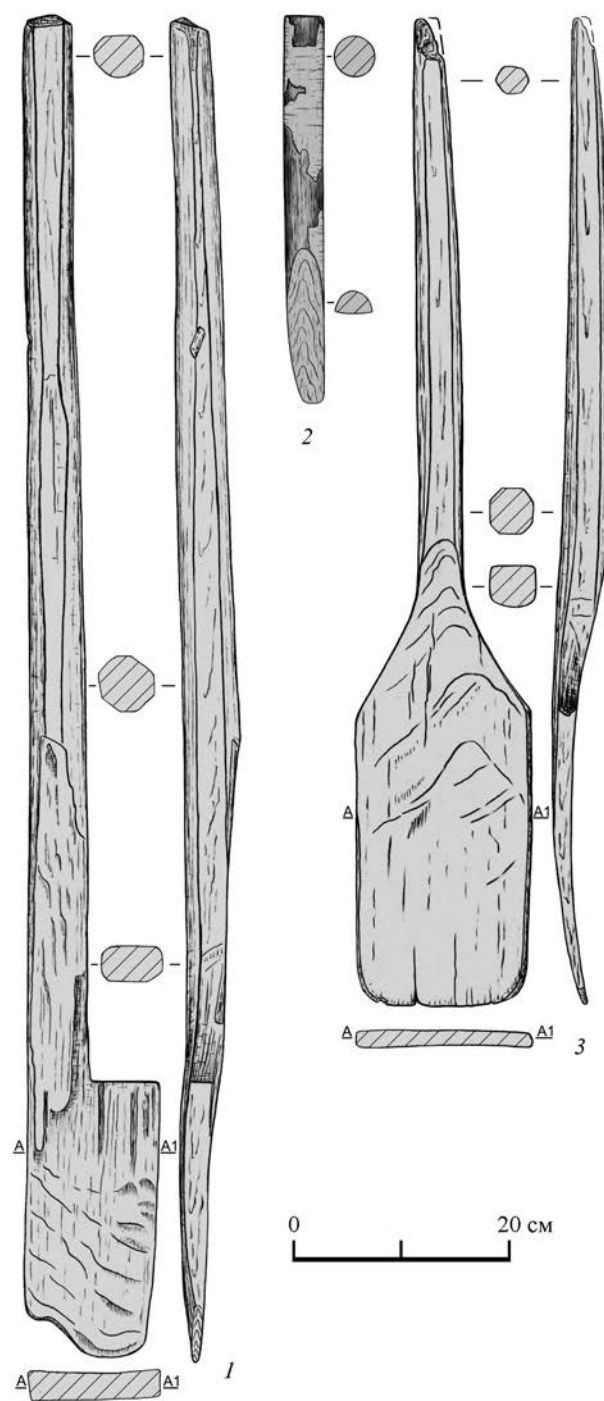

Рис. 4. «Инвентарь землекопа» из раскопок в Тульском кремле в 2014 г.

пробки – около 8,0 см. Предмет вырезан из ствола ольхи (?). находка происходит из средней части заполнения ямы № 6, сформировавшегося во второй половине XVI в.

⁵ Общая характеристика данного археологического объекта и выявленных в нем артефактов изложены нами в отдельной статье (Зацаринный, 2018).

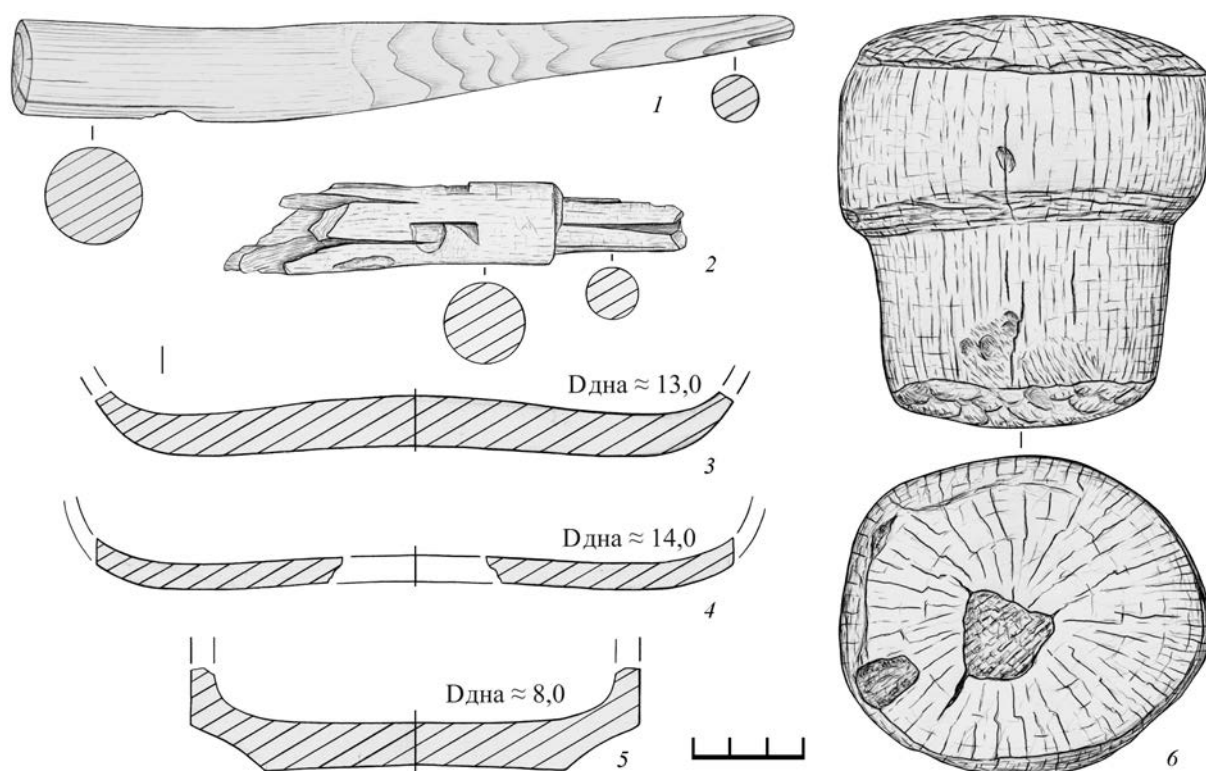

Рис. 5. Деревянные изделия из раскопок в Тульском кремле в 2014 г.: раскоп 16, ямы № 4 (1–5) и № 6 (6)

Изделия с шипом обломок (рис. 5, 2) – дубовый (?) стержень круглого сечения, конец которого оформлен в виде круглого в сечении шипа. Длина обломка – 12,4 см, его диаметр – 2,2 см. Длина и диаметр шипа 3,5 и 1,4 см соответственно. Возможно, является деталью составного предмета (например, мебели).

Донца резного сосуда обломок (рис. 5, 3). Диаметр – около 13,0 см, толщина дна – 1,4 см, толщина стенок – 0,5 см, переход дна в стенку плавный.

Донца резного сосуда обломок (рис. 5, 4). Диаметр – около 14,0 см, толщина дна – 0,7 см, толщина стенок – 0,7 см, переход дна в стенку плавный.

Донца точеного сосуда обломок (рис. 5, 5). Диаметр дна – 8,0 см, его толщина – 1,1 см, диаметр тулова – 12,1 см, толщина стенок – 0,6 см. Переход дна в вертикальную стенку сосуда оформлен слегка вогнутым ребристым уступом. Предположительно обломок принадлежит миске.

Донца кадки (?) обломок. Диаметр – около 50,0 см, толщина дна – около 3,0 см, толщина стенок – около 1,0–2,0 см, переход дна в стенку округлый. Предмет изготовлен из ствола дерева в технике долбления.

Донца бочки обломок обуглен, размер 41,5×12,5 см. Его толщина – 1,5 см, реконструируемый диаметр – около 50,0 см, порода дерева – дуб.

Донца бочки обломок, обгоревший, размер 26,0×11,0 см. Его толщина – 2,8 см, реконструируемый диаметр – около 50,0 см, порода дерева – дуб.

Стенка бочки из 7 клепок. Изделие сохранилось в обгоревшем виде. Длина дубовых клепок – 75,2 см, их максимальная ширина определяется только у 5 экземпляров и варьируется от 6,4 см до 10,5 см. Толщина клепки в средней части – 0,9 см, а к концам она возрастает до 1,3 см. Углубленный паз для крепления донцев расположен на расстоянии 3,2 см от краев клепки, имеет ширину около 0,5 см и глубину до 0,3–0,4 см.

Судя по всему, рассмотренные выше обломки бочки являются частями одного сосуда, который можно реконструировать (рис. 6). Разница в толщине днищ, возможно, отражает их дифференциацию на верхнее и нижнее. Уторные соединения днищ с клепками относятся к видам 1–2 (по Б. А. Колчину), самым распространенным в бондарной коллекции Новгорода Великого (Колчин, 1968). Обручи изготовлены из расщепленного вдоль ивового (?) прута диаметром до 3,0 см (ввиду очень плохой сохранности они не вошли в коллекцию). Точное количество обручей и их расположение достоверно не определяется из-за их фрагментарности. По своим параметрам бочка близка новгородским «десятиведерным» бочкам 2-го

типа (Колчин, 1968). Последние использовались для хранения и транспортировки жидких, сыпучих продуктов, а также ремесленных изделий (Розенфельдт, 1997а. С. 43).

Орудие с заостренным концом (рис. 5, 1) имеет форму кола круглого сечения. Длина изделия – 21,0 см, его диаметр – 2,6 см. Противоположные торцы предмета (тыльная часть и конец острия) аккуратно притуплены, поверхности изделия пришлифованы. Порода дерева – клен. Морфологически предмет состоит из рукояточной (9 см) и лезвийной (12 см) частей. Примечательно, что «спинка клинка» образует одну линию с рукоятью. Размеры изделия и его морфология позволяют увидеть в нем деревянную модель ножа и, таким образом, соотнести с детской игрушкой или учебным оружием. Второй вариант выглядит более предпочтительным, т. к. именно учебное холодное оружие абсолютно не нуждается в детализировке конструктивных элементов, а его заостренные части должны быть не травмоопасными (как и в нашем случае). Кроме того, заметим, что предмет происходит из той же части заполнения погребка (закрытый комплекс второй четверти XVI в.), где был обнаружен деревянный пернач.

Пернач (рис. 7–8) является цельнодеревянным дубовым изделием. Он сохранился почти полностью: утраченными в древности являются только

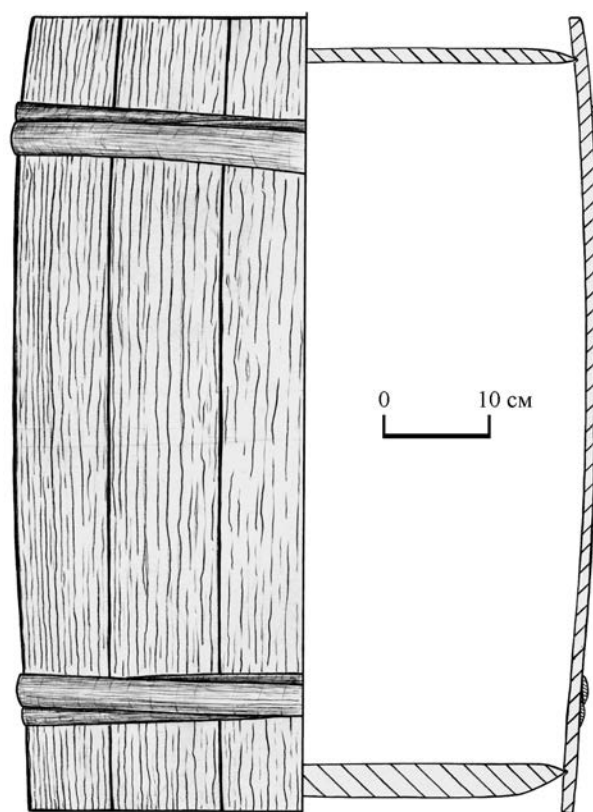

Рис. 6. Бочка из раскопок в Тульском кремле в 2014 г.: раскоп 16, яма № 4 (реконструкция)

Рис. 7. Тульский кремль, 2014 г. Раскоп 16, яма № 4. Пернач *in situ* в основании слоя строительных остатков перекрытия погребка в придонной части его котлована

Рис. 8. Деревянный пернач из раскопок в Тульском кремле в 2014 г.

два смежных фланца (пера) на его боевом навершии. Общая длина предмета – 78,9 см, вес – 404 г. Конструктивно он состоит из фигурного навершия и рукояти круглого сечения (черена). Длина рукояти – 64,4 см, ее диаметр у навершия – 3,0 см, на противоположном конце – 2,6 см. Длина боевого навершия (вместе с шишкой) – 14,5 см, максимальный диаметр – 8,5 см. Навершие грушевидной формы имело первоначально 7 ударных лопастей (перьев), размещенных на древке почти с равным интервалом. Лопасты имеют фигурную форму, в основе которой лежит полуовал: верхняя часть ударной грани выпуклая, а нижняя – вогнутая.

Форма сечения пера – трапеция, сужающаяся от древка к рубящей кромке. Толщина перьев по основанию – 1,5 см, по краю лезвия – 0,8 см. Сверху навершие увенчано почти круглой в горизонтальном сечении шишкой диаметром 3,2 см и высотой 1,4 см. Учитывая симметричность расположения всех элементов пернача, не исключена вероятность вытачивания его заготовки на токарном станке с последующим вырезанием лопастей на навершии вручную. Однако характерные следы токарной обработки на поверхности предмета визуально не фиксируются. Тщательность проработки всех деталей этого оружия, аккуратность

резьбы (несомненно, выполненной по предварительно размеченной заготовке), соблюдение пропорций и т.п. безусловно свидетельствуют о профессионализме его создателя, являвшегося, по-видимому, ремесленником. Помимо двух сколотых пластин-перьев дополнительными свидетельствами «боевого применения» пернача в период его бытования являются отдельные поверхностные вмятины ударного происхождения на его рукояти.

Единственным пока аналогом тульской находки является пернач из Пскова, обнаруженный в 2011 г. на Петровском XI раскопе в заполнении жилого трехкамерного сруба (Салмин, 2013. С. 69–71).

Тульский пернач, очевидно, является укороченной деревянной копией реального боевого оружия. Принимая во внимание этот факт, считаем возможным указать на его вероятную принадлежность недорослю из среды служилых дворян и детей боярских, т.е. подростку моложе 15 лет, т.к. согласно Уложению о службе 1555–1556 гг. подростки, достигшие 15-летнего возраста, уже подлежали верстанию в войско в качестве новиков (Волков, 2004. С. 421) и, следовательно, вооружались боевым оружием. На наш взгляд, деревянный пернач являлся статусным оружием самообороны подростка-аристократа.

Таким образом, все деревянные предметы, выявленные при раскопках в Тульском кремле, происходят из основания культурного слоя, причем около 2/3 всех изделий обнаружено в обводненном

заполнении хозяйственных погребов. Свыше 3/4 находок содержались в комплексах и слоях XVI в., являющихся раннегородскими культурными наслоениями. Судя по ограниченной серии образцов, порода которых была определена, бытовые предметы изготавливались из местных пород деревьев и кустарника, произрастающих в средней полосе – дуба, сосны, клена, ольхи и жимолости при явном доминировании дубовых изделий. Преобладание среди деревянных находок изделий из лиственных пород отмечают и исследователи средневекового Переяславля Рязанского, расположенного в близких природно-географических условиях (Завьялов, 2011. С. 210, 215; Соловьёва, 2011. С. 136). Выбор породы древесины для изготовления предметов различного назначения, по всей видимости, определялся ее физическими свойствами. Вместе с тем следует заметить, что обширные лесные дубравы в округе позднесредневековой Тулы, вошедшие во второй половине XVI в. в Засечную черту, обусловили повсеместное использование дуба как в деревянном зодчестве, так и в деревообрабатывающих промыслах. Рассмотренная коллекция находок из раскопок в Тульском кремле отражает различные стороны жизни, бытового уклада и культуры населения этой крепости на южной границе Московии и позволяет частично восстановить примерный облик и ассортимент деревянного бытового инвентаря, который в слоях ряда других крепостей данного региона зачастую не сохраняется совсем.

Литература

- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазея – материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. М.: Наука. 148 с.
- Волков В.А., 2004. Войны и войска Московского государства. М.: Эксмо, Алгоритм. 576 с.
- Екимов Ю.Г., 2007. Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. (раскоп 1) // Позднесредневековый город: археология и история: сб. статей в 2 частях. Ч. 1. Изучение позднесредневековой Тулы. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 66–131.
- Екимов Ю.Г., 2019. Археология Тульского кремля // 500 лет. Тульский кремль. Белгород: Константа. С. 73–105.
- Завьялов В.И., 2011. Позднесредневековые деревянные изделия из Переяславля Рязанского // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 209–216.
- Зацаринный С.В., 2017. Охранные археологические раскопки на территории Тульского кремля в 2013–2014 гг. (предварительные результаты исследований) // Тульский кремль. Тула: Борус-Принт. С. 176–194.
- Зацаринный С.В., 2018. Деревянный пернач из закрытого комплекса 2-й четверти XVI столетия в кремле г. Тулы // Город Средневековья и раннего Нового времени VI: Археология, История. Тула: ГМЗ Куликово поле. С. 182–207.
- Зацаринный С.В. (в печати). Инвентарь землекопа из погреба XVI столетия в кремле г. Тулы (по материалам раскопок 2014 г.) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XVIII Всерос. науч. конф. Калуга.
- Кабатов С.А., 2011. Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 222–248.

Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука. (САИ. Вып. Е1–55). 184 с.

Колчин Б. А., 1971. Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука. (САИ. Вып. Е1–55). 62 с.

Наумов А. Н., 1992. Отчет об археологических исследованиях в кремле г. Тула в 1991 г. Тула / Архив ИА РАН. Р-1. № 17196.

Наумов А. Н., 1993. Отчет об археологических исследованиях в кремле г. Тула в 1992 г. Тула / Архив ИА РАН. Р-1. № 17178.

Розенфельдт Р. Л., 1997а. Бытовые изделия: деревянная тара и посуда // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 43–46.

Розенфельдт Р. Л., 1997б. Игры детей // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 114–119.

Салмин С. А., 2013. Деревянное «оружие» из раскопок в Окольном городе Пскова: игрушки, модели, реквизит // АИППЗ. М.–Псков: ИА РАН. С. 68–78.

Соловьёва Л. Н., 2011. Состав пород деревянных изделий из Житного раскопа Кремля Переяславля Рязанского (по материалам раскопок 2007–2009 гг.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань: РИАМЗ. С. 134–138.

Шакиров З. Г., Валиев Р. Р., Ситдииков А. Г., 2012. О застройке посадской части Свяжска (по материалам раскопок 2008 г.) // ПА. № 2. С. 184–210.

S. V. Zatsarinny

Wooden products of the 16th – 18th centuries from excavations on the territory of the Tula Kremlin

Summary

The article provides an overview of the collection of wooden items from excavations of different years in the Tula Kremlin. Among the typical household items of representatives of the service class, the com-

plex of tools of the digger of the 2nd half of the 16th century stands out. A rare find is a 16th century solid wood flanged mace, presumably the status weapon of a teenage aristocrat.

List of figures

Fig. 1. Wooden items from excavations in the Tula Kremlin in 1991 (1–2, 5–6), 1992 (3–4) and 2000 (7)

Fig. 2. Wooden items from excavations in the Tula Kremlin in 2013–2014.: excavation site 2 (4, 6), excavation site 12 (2–3, 7), excavation site 19 (1, 5, 8)

Fig. 3. Tula Kremlin, 2014. Excavation site 20, pit № 8. “Digger’s inventory” in situ at the bottom of a 16th century cellar pit

Fig. 4. “Digger’s inventory” from the excavations in the Tula Kremlin in 2014

Fig. 5. Wooden products from excavations in the Tula Kremlin in 2014: excavation site 16, pits № 4 (1–5) and № 6 (6)

Fig. 6. A barrel from excavations in the Tula Kremlin in 2014: excavation site 16, pit № 4 (reconstruction)

Fig. 7. Tula Kremlin, 2014. Excavation site 16, pit № 4. Flanged mace in situ at the base of the layer of building remains of the cellar overlap in the bottom part of its foundation pit

Fig. 8. Solid wood flanged mace from excavations in the Tula Kremlin in 2014

А. В. Новиков*, О. В. Новикова*, Д. О. Осипов**

* ООО «Костромская археологическая экспедиция», Кострома
** Государственный исторический музей, Москва

Коллекция кожаных изделий из раскопок Галича Мерьского

Галич Мерьский, дублер Галича Волынского, впервые упомянут в Лаврентьевской летописи под 1237 г. в связи с нашествием татар, которые «...плениша всё по Волзе доже и до Галича Мерьского» (ПСРЛ, 1926. С. 322). Историки вслед за В. Н. Татищевым (1964. С. 241, 242) связывают его основание с деятельностью князя Юрия Долгорукого, поставившего свою крепость на мерянской земле в качестве форпоста Владимиро-Суздальского княжества в освоении Севера и Вятской земли (Тихомиров, 1979. С. 82; Кучкин, 1996. С. 49–51).

Начало археологического исследования города связано с именем П. А. Раппопорта, исследовавшего оборонительные сооружения и культурный слой, заходящий под основание вала Нижнего городища (Раппопорт, 1959. С. 4, 5; 1961. С. 105). В 1994–2000 гг. археологические исследования на Верхнем городище и посаде проводила Галичская археологическая экспедиция под руководством А. Г. Авдеева, исследовавшего участки на территории Паисиева Успенского и Николаевского Староторжского монастырей, у ц. Василия Великого в Рыбной слободе и на других объектах (Авдеев, 1995. С. 64; 1997. С. 21; 2002. С. 84). С 2009 г. систематические раскопки в Галиче ведет Костромская археологическая экспедиция под руководством А. В. Новикова (Новиков, Баранов, Новикова, 2014. С. 9–19).

Несмотря на работы упомянутых выше исследователей, в археологическом отношении Галич изучен довольно слабо, поэтому полученные в 2019 г. новые материалы из раскопа, заложенного на территории городского посада по адресу

ул. Луначарского, 7, представляются важными (рис. 1, 1). Первая коллекция археологической кожи Галича собрана на раскопе площадью 257 кв. м, где мощность культурных отложений, отличавшихся повышенной влажностью, достигала 230 см. Наличие мокрого слоя дало возможность собрать представительную коллекцию кожаных изделий и ремесленных отходов из напластований XVI–XVIII вв. (табл. 1). Детали обуви представлены моделями высокой и низкой обуви мягкой и жесткой конструкции. Помимо обуви в коллекции присутствуют немногочисленные изделия из кожи: ножны, рукавицы, деталь сумки и др.

В качестве основного сырья для кожаных изделий использованы дубленые с помощью растительных экстрактов шкуры крупного и мелкого рогатого скота. Верх мягких туфель и отдельные предметы изготовлены из ровдуги – оленьей или лосиной кожи жирового дубления.

Репрезентативная коллекция обувных деталей позволяет нам реконструировать форму кроя обувных моделей, бытовавших в Галиче на протяжении исследуемого периода.

Низкая обувь мягкой конструкции представлена бескаблучными туфлями¹ с цельнокроеным верхом, соединенным со слабопрофилированной подошвой симметричного кроя при помощи потайного выворотного шва (рис. 2, 1, 2). По краю верха таких туфель могла крепиться суконная или замшевая обшивка (рис. 2, 3), внутри которой проходила оборка (шерстяной шнур или тонкий кожаный ремень), продевавшаяся сквозь петлю задника, пришивавшегося поверх пятки (рис. 3, 1, 3).

¹ На наш взгляд, при систематизации обуви целесообразно придерживаться нейтральных терминов, поскольку в письменных и этнографических источниках для разных эпох и разных регионов России одни и те же названия зачастую соотносятся с различными типами обуви и, наоборот, один тип мог именоваться по-разному.

Таблица 1. Состав коллекции кожаных изделий из раскопок в Галиче в 2019 г. (4042 экз.).

Детали обуви									Всего
Голенища	Головки	Подпяток, цельнокроеный / двусоставный	Задники, высокая обувь / низкая обувь	Стельки	Ранг	Подметки	Подошвы, прямая / изогнутая	Каблук, прямой / скошенный / с обтяжкой деревянного каблука	
7	104	36 / 3	41 / 12	13	11	22	197 / 55	15 / 35 / 4	555
Целые экземпляры обуви									54
Туфли мягкой конструкции			Туфли жесткой конструкции			Поршень			
43			10			1			
Детали костюма									20
Рукавицы		Застежки		Ножны		Ремни			
14		1		3		2			
Прочие предметы									3413
Обрезки кроя, первичного / вторичного		Обрывки деталей	Сумка	Застежка	Шайбы / накладки		Неопред.		
277 / 2714		408	1	1	3/2		7		

Для изготовления верха использовалась мягкая кожа растительного или жирового дубления толщиной 1,2–1,8 мм. Слабопрофилированная подошва кроилась из более жесткой кожи, толщина которой достигает 4,5 мм. С верхом подошва скреплялась с помощью потайного шва, который, в отличие от сапожных подошв², проходит по всему периметру детали (рис. 3, 2).

Всего в коллекции насчитывается 43 хорошо сохранившиеся детали верха мягких туфель, детали которых зафиксированы в напластованиях XVI–XVII вв. Примечательно, что подобная обувь, именуемые кенгами, чарьками или уледами, широко распространена на памятниках Русского Севера и Сибири (Власова, 2001. С. 303; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011), это подтверждается данными этнографических исследований (Этнография... 1981. С. 160). Мягкие бескаблучные туфли зафиксированы в коллекциях Вологды (Ганина, 2000) и Белоозера (Оятева, 1973), однако южнее Галича, в том числе в Костроме, такая обувь пока не найдена (Кабатов, 2006; 2011; Лазарев, Осипов, 2020).

К мягкой обуви относится единственная в коллекции деталь туфли с двусоставным симметричным верхом, крепившаяся к ноге с помощью ремешков (рис. 4, 1). Подобные модели, датируемые концом XVI – первой половиной XVII в., известны по публикациям коллекции Ивангорода (Курба-

тов, 1995. С. 203. Рис. 10), Москвы (Векслер, Осипов, 1999. С. 215) и Костромы (Горохова, Лазарев, Бушуев, 2017. С. 239. Рис. 14, 4).

К низкой обуви жесткой конструкции можно уверенно отнести всего десять деталей, среди которых нужно отметить головку туфли с фигурным краем верха, к которому подкроена аналогичная вставка (рис. 5, 2, 5). Подобный прием имел смысл лишь в случае разноцветного окраса кожи головки и декоративной обшивки. В настоящее время изначальный цвет кожи можно определить лишь посредством фотограмметрических исследований, поскольку кожа, пролежавшая в земле длительное время, как правило, теряет свой изначальный цвет (Осипов, 2017. С. 218).

К обуви жесткой конструкции относятся детали рантовых туфель – мюлей (от англ. *mules* – туфли без задника), зафиксированных в напластованиях XVIII в. На подошве одной из туфель сохранилось клеймо, подробно описанное ниже. В отличие от упомянутых выше мягких туфель с цельнокроеным верхом (уледей), мюли могли принадлежать горожанам среднего достатка или представителям имущих слоев населения (Алешина, 1997. С. 65).

Туфли без задника встречаются в напластованиях Нового времени. В частности, они найдены в Москве на месте раскопок некрополя Моисеевского монастыря в слое начала XVIII в. (Векслер, Осипов, 1999. С. 216–218). В Костроме мюли

² У сапожных подошв пятка скрепляется с верхом сквозным швом.

Рис. 1. Галич. Карта границ культурного слоя

a – Нижнее городище (городище Столбище), XIII–XVI вв.; *b* – Верхнее городище (Шемякина гора), XV–XVII вв.; *v* – валы и рвы г. Галича XIII–XVI вв. и городище Столбище; *z* – границы г. Галича; *д* – границы исторического культурного слоя г. Галича, XII–XIX вв.; *e* – раскоп по ул. Луначарского, 7 (2019 г.)

зафиксированы при раскопках Гостиного двора (Горохова, Лазарев, Бушуев, 2017. Рис. 16, 3) и Мучных рядов (Осипов, Лазарев, 2020).

Высокая обувь. Самые ранние детали сапог из напластований XVI в. представлены головками с заостренным и сильно вытянутым носком подошвы, который загнут вверх и подшит к вырезу головки. Несколько головок этого типа украшены поперечным линейным тиснением на подъеме стопы (рис. 6, 1). Описанные выше головки соответствуют развитой форме сапог «жесткой» конструкции, бытовавшей в русских городах с конца XV в. В Костромской области сапоги такого фасона³ отмечены на селище Вежи (Кабатов, 2011. С. 244. Рис. 26, 3). Зафиксированы они и в Вологде при раскопках Кремлевской площади в 2008 г. (Баскова, Андрианова, 2011. С. 9, 10. Рис. 8). К сапогам этого типа относятся задники жесткой конструкции с заостренным вер-

хом, сшитые в виде кармана, внутрь которого вставлен берестяной вкладыш (рис. 6, 3, 4). Прямая подошва скреплялась с верхом с помощью потайного шва (рис. 6, 7, 8). Пятка приподнята с помощью невысокого скошенного каблука, высотой не более 3 см.

Сапоги такого фасона можно видеть на портрете великого князя Василия III с гравюры базельского издания книги С. Герберштейна «Записки о Московии» (Герберштейн, 1988. С. 69), а также на фигуре «мастера Авраама» с Корсунских врат новгородского Софийского собора (Курбатов, 2004а).

В напластованиях XVII в. сапожные головки с цельнокроеным и двусоставным поднарядом имеют округлый носок и удлиненные крылья, примыкавшие к торцам задника (рис. 6, 2). Кроме прямых появляются изогнутые подошвы (подошвы с «кроулем»⁴), заходящие на фронтальную поверхность наборного каблука, скрываясь под каблучной набойкой.

³ В статье С.А. Кабатова сапоги с выпоротыми голенищами обозначены как мягкие туфли.

⁴ Подошва, пяточная часть которой имеет форму фронтальной поверхности каблука (ГОСТ 23251–83).

Рис. 2. Обувь мягкой конструкции

1 – верх мягкой туфли со следами ремонта;
2 – подошва туфли, шов потайной; 3 – схема сборки
(по: *Визгалов и др.*, 2011. Рис. 14, 1)

Клеймение подошв. Из 55 изогнутых подошв (табл. 1), зафиксированных в напластованиях XVII в., 8 клейменных (1/7). Все сохранившиеся клейма представляют собой три параллельных линии, прочерченные под сводом стопы заостренным горячим инструментом (рис. 7, 1, 2). Именно такие клейма являются самыми распространенными на территории Московского государства (Осипов, 2003. С. 26; Курбатов, 2002. Рис. 9, 1; 10, 4; Осипов, Соболев, 2013; Осипов, Чёрная, 2016). Считается, что клейма в виде различных геометрических

комбинаций позволяли мастеру выделять свою продукцию (Осипов, 2006. С. 74). По предположению Ю. Сванн, клейма могли использовать и оптовые торговцы обувью (Swann, 2001. S. 120–121). На геленочной части фрагментарно сохранившейся подошвы мюли нанесено клеймо в виде трех тисненых розеток (рис. 7, 4). В коллекции Исторического музея подобными клеймами отмечены мюли, изготовленные в 60-е годы XVIII в. (Алешина, 1997. С. 42–46).

Еще одно клеймо в виде трилистника зафиксировано на обрывке ножен (рис. 7, 5). Похожий оттиск имеется на фореиторских сапогах, хранящихся в отделе ткани и костюма ГИМ, датированные Т.С. Алешинной серединой – второй половиной XVIII в. (Алешина, 1997. С. 75).

Декор. Праздничную обувь, в отличие от повседневной, старались украшать различными способами. В данном случае декоративная отделка представлена нитяными швами, набивкой металлических гвоздиков, линованием переда и сетчатым тиснением поверхности мягких туфель, а также плетеной металлической проволокой, крепившейся на пяточном ранте. Чаще всего в коллекции встречаются сапожные задники, декорированные железными гвоздиками. Гвоздики образуют круглые розетки, закрепленные на вертикальной кожаной полоске, проходящей по оси пятки (рис. 8, 3–5).

Рельефными декоративными швами в виде двух полукружий, образующих выступ, направленный в сторону подъема стопы, украшены головки трех туфель⁵ (рис. 8, 2). Туфли с таким орнаментом в русских городах европейской части России встречаются крайне редко, но широко распространены в Восточной и Западной Сибири. Самые ранние образцы с таким декором отмечены при раскопках первого русского заполярного города – Мангазеи (Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. С. 53. Рис. 63, 1–3).

На двух образцах низкой обуви декоративная обшивка выполнена цветными нитями в виде плотно застроченной полоски шириной 0,8 см (рис. 8, 1). Подобные обшивки могут накладываться поверх соединительных швов или, как в данном случае, образовывать самостоятельный рисунок. Ранее обувь с подобным декором фиксировалась в материалах раскопок Тары и Калуги (Осипов, 2017. С. 116; Осипов, Тропин, 2020).

⁵ Головки такого края, скорее всего, принадлежали туфлям жесткой конструкции, имевшим жесткий задник и наборный каблук.

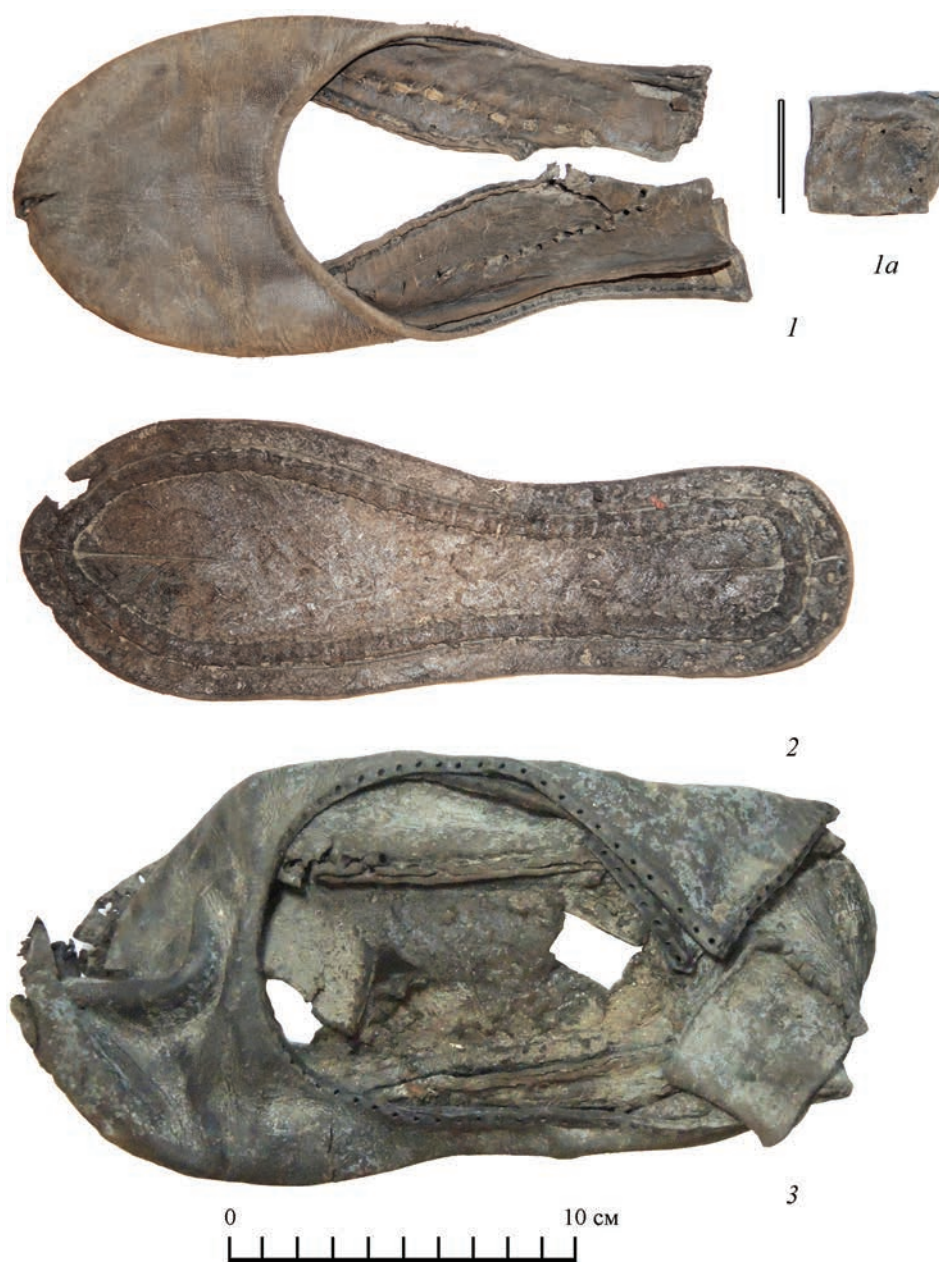

Рис. 3. Обувь мягкой конструкции

1 – верх мягкой туфли (а – петля задника); 2 – подошва туфли; шов потайной; 3 – туфля мягкой конструкции; полный набор деталей: цельнокроеный верх, петля задника, подошва

Обувь с декоративной застрочкой швов можно видеть в книге С. Герберштейна «Записки о Московии» на гравюре с изображением снаряжения русского воина и дорожной утвари (Герберштейн, 1988. С. 115. Рис. 9). В левом верхнем углу рисунка показаны подвешенные богато декорированные сапоги, у которых соединительные швы двучастных голенищ закрыты именно таким образом.

Проволока. Крепление скрученной или плетеной металлической проволоки поверх пяточного ранта является широко распространенным приемом для сапог XVII в. С помощью исследований с использованием RFA-анализатора установлено, что у большинства сапожных деталей, зафиксированных в позднесредневековых напластовках русских городов, декоративная проволока

Рис. 4. Обувь мягкой конструкции

1 – деталь верха туфли; 2 – туфля из раскопок ОГБУ «Наследие», г. Кострома.
Ансамбль Торговых рядов, 2015 г.

Рис. 5 Детали обуви жесткой конструкции

1 – головка туфли с подноском; 2 – головка туфли под фигурную вставку под обрез верха (а – вставка);
 3 – головка туфли с разрезным верхом; 4 – обрывок ранта; 5 – внутренняя деталь задника; 6 – задник туфли;
 7 – подошва низкой обуви; сквозной шов; наборный каблук; 8 – вшивная стелька

Рис. 6. Детали высокой обуви

1 – головка с линейным тиснением; 2 – сапожная головка с двухсоставным поднарядом; 3 – сапожный задник; 4 – сапожный задник; уч. 2, пл. 7 – линия кв. Л.; 5 – задник с обрезком нижней части голенища; 6 – подошва, подбитая гвоздями; шов потайной; 7 – подошва, потайной шов; 8 – подошва с зауженной переймой; шов потайной

Рис. 7. Клейма

1 – клеймо в виде трех линий на изогнутой подошве; 2 – клеймо на перейме подошвы; 3 – подошва с клеймом, тип 1 (по Осипов, 2006. Илл. 292); 4 – клеймо в виде трех розеток на обрывке подошвы туфли; 5 – клеймо на кожаных ножнах (?); 6 – клеймо на подошве туфли из Великого Новгорода, с места закладки Ганзейского знака (рис. из архива Д. О. Осипова)

делалась из латуни – сплава меди и цинка (Осипов, 2017. С. 214–217; Лазарев, Осипов, 2020). Серия анализов четырех образцов металлической проволоки на образцах обуви из нашей коллекции, проведенных на микрорентгенофлуоресцентном спектрометре *Bruker M1 Mistral*, подтвердила, что

и в данном случае местные ремесленники использовали латунную проволоку.

Из этого металла изготовлен трунцал⁶, использованный в декоре двух сапожных задников. Им оторочены вертикальная вставка и соединительный шов между задником и голенищем (рис. 8, 4).

⁶ Вид канители (*cañuto*, что в переводе означает «труба»). Представляет собою тонкую металлическую нить, скрученную в тугую спираль.

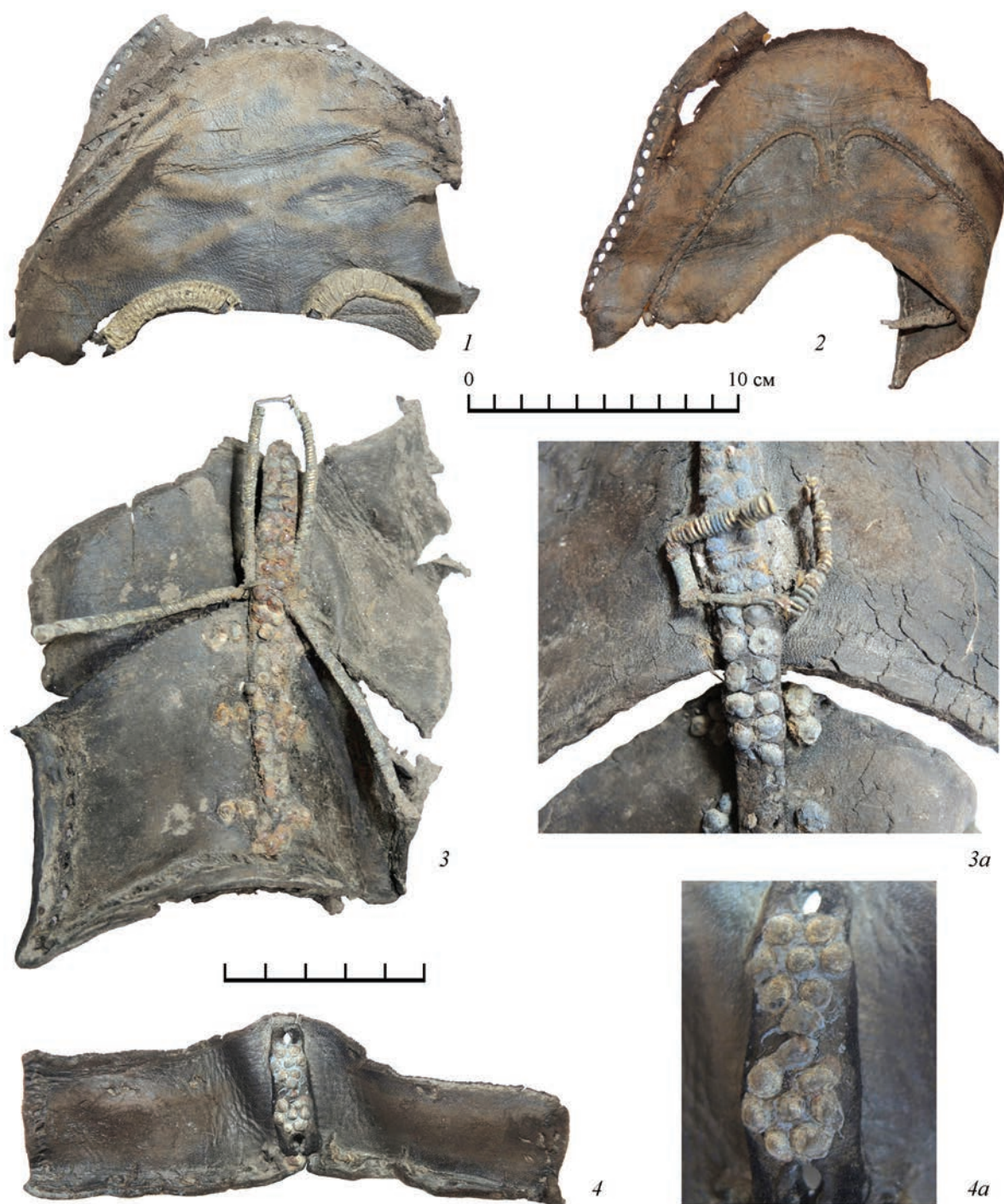

Рис. 8. Декор на деталях обуви

1 – головка с декоративным швом; 2 – головка туфли с декоративным швом; 3 – сапожный задник с гвоздиками и тунцалом из латунной проволоки (а – декор, крупный план); 4 – сапожный задник с железными гвоздиками в виде розеток (а – декоративные гвоздики, крупный план)

Рис. 9. Сооружение № 2 – деревянная постройка размером 3,3×3,5 м, кв. Ж-И/2-4

Отметим, что использование трунцала, в отличие от плетеной проволоки, не характерно для декора русской городской обуви. На сопредельных территориях подобная техника отмечена в Поволжье, в частности, при изготовлении парадных казанских сапог (Саттарова, 2004. С. 21. Рис. 11).

В связи с этим целесообразно вспомнить о масштабном военном походе на Среднее Поволжье, организованном Москвой в 1395 г. (по другим источникам – в 1399-м), который возглавил брат великого князя Юрий Дмитриевич Галицкий (Горский, 2003. С. 126). По сообщениям Воскресенской летописи, русские воины возвратились назад с большой добычей: «...землю Татарскую плениша; и въевавъ три месяца, възвратися съ великою победою и съ многуо корыстию въ землю Русскую» (ПСРЛ, 2001. С. 72). Вполне возможно, среди захваченных в плен татарских ремесленников оказались и сапожники, владевшие описанной выше техникой декорирования.

Ремесленные отходы. Многочисленные обрезки от раскроя сконцентрированы в заполнении и вокруг деревянной постройки № 2 размерами 3,3×3,5 м, расположенной в кв. Ж-И/2-4, (рис. 9), что позво-

ляет считать ее сапожной мастерской. Судя по стратиграфии и массовому материалу, попавшая на исследуемый участок сапожная мастерская работала в этой части посада в конце XVII – начале XVIII столетия. Собранные обрезки, совокупное количество которых составляет чуть менее 3000 единиц (табл. 1), представлены остатками вторично использованных обувных деталей и нитевидных обрезков, оставшихся от окончательной подгонки деталей. Здесь же присутствуют обрывки обувных деталей и фрагменты изделий, к которым относится обоймица с линией сквозных прорезов (рис. 10, 9).

Судя по доминированию обрезков вторичного кроя, расположенная на исследуемом участке мастерская занималась в основном починкой старой обуви. Об этом же свидетельствуют найденные здесь сношенные подметки, заменявшиеся в мастерской по мере изнашивания. Для пошива новой обуви сапожники использовали целые шкуры, на что указывают обрезки первичного кроя и несколько обрезков с края кожевенного листа, сохранившие остатки подшерстка.

Изделия из кожи. Кроме обуви в коллекции присутствуют и другие предметы, изготовленные

Рис. 10. Изделия из кожи

1 – ножны; 2 – ножны, орнаментированные линейным тиснением; 3 – клапан сумки; 4 – шайба; 5, 6 – накладки; 7 – обрывок ремня; 8 – накладка; 9 – обоймица со сквозными прорезями

из кожи. К категории ремесленного инвентаря относятся детали рукавиц-голиц (14 экз.), большая часть которых сохранилась в обрывках или носит следы сильного износа в виде потертостей или разрезов. Рукавицы этого типа широко распространены во всех русских городах на протяжении всего Средневековья и в более позднее время (Осипов, 2017).

В коллекции сохранились одни целые ножны, изготовленные из ровдуги (рис. 10, 1). По типологии Т.С. Матехиной (Варфоломеевой), относящей к основным признакам форму края изделия и место расположения шва, целиком сохранившиеся

ножны относятся к первой группе (Варфоломеева, 1993. С. 165), у которой шов проходит со стороны лезвия. Ко второй группе принадлежат фрагментарно сохранившиеся ножны со швом на внутренней стороне, украшенные линейным орнаментом (рис. 10, 2).

Кроме ножен и рукавиц имеется несколько накладок и круглых шайб со сквозным отверстием, также изготовленных из ровдуги (рис. 10, 4–6). Подобные находки при раскопках мокрого слоя встречаются довольно часто. Впервые они описаны и систематизированы в материалах Тверского кремля (Курбатов, 2004б. С. 55).

Способы использования таких предметов весьма разнообразны. В частности, шайбы могли применять в качестве гонка⁷ к веретену, тогда как прокладки использовали в качестве гибкого предмета, одеваемого на прикрепы, оболочки, затычки и пр. (Словарь... 2002. С. 204–205).

Найден единственный обрывок застежки в виде ремешка, на конце которого сделано утолщение, образованное тремя затянутыми вокруг основы кольцами (рис. 10, 7), и клапан – крышка сумки. В отличие от других чехлов и футляров, сумки относятся к типу универсальных вместителей, различающихся размерами и способом ношения. В археологических публикациях их описание встречается довольно редко, поскольку целые формы – редкая удача. В культурном слое Галича сохранился обренок одной детали с вырванным замком (рис. 10, 3). В таком случае подобрать аналогию достаточно сложно. По форме клапана и размеру наша находка напоминает сумку, принадлежавшую преп. Кириллу Белозерскому. Вместе с поясом она хранится в фондах Кирилло-Белозерского музея-заповедника (*Романенко*, 2002. С. 192, 193).

Анализ коллекции археологической кожи из раскопок на посаде Галича позволяет сделать несколько предварительных выводов.

1. Немногочисленные сапоги с загнутыми носами, характерные для Москвы, Великого Новгорода, Костромы и других русских городов, могли принадлежать купцам или верхушке местного общества.

2. В Новое время в Галич, как и в другие русские города, проникает рантовая обувь, изготовленная по западноевропейской технологии, распространившейся в России после петровских реформ (*Осинов*, 2006. С. 56). К ней принадлежат туфли без задника (мюли) и модельная обувь жесткой конструкции на наборных каблуках. Для их изготовления использовались дополнительные детали: вшивные стельки, супинаторы, подноски и др., не применявшиеся для пошива средневековой обуви.

3. Скопления обрезков от раскроя в совокупности с характерным ремесленным инвентарем (сапожные ножи, шило и оселки) позволяют считать сооружение № 2 сапожной мастерской. Время ее бытования до момента гибели в пожаре определяется концом XVII – началом XVIII в.

4. Анализ коллекции обуви из раскопок на посаде Галича демонстрирует существенное различие его материальной культуры от других русских городов, что подчеркивается способом расшивки головок низкой обуви, исчезнувшим в Центральной России в ордынское время.

5. Картирование зоны распространения мягких детальнокроеных туфель, проходившей в данном случае между Галичем и Костромой, материальная культура которой больше ориентирована на Москву, позволяет провести условную границу распространения северного костюма, частью которого является обувь.

Литература

- Авдеев А. Г.*, 1995. Археологические разведки в Галиче Мерьском // АО 1994 г. М.: Наука. С. 64.
- Авдеев А. Г.*, 1997. Исследования в Паисиевом Галичском монастыре // АО 1996 г. М.: Наука. С. 21–22.
- Авдеев А. Г.*, 2002. Раскопки в Галиче // АО 2001 г. М.: Наука. С. 84–85.
- Алешина Т. С.*, 1997. Историко-культурный потенциал обуви городского типа XVIII – начала XX в.: производство, торговля, технология, мастера. Дисс... канд. ист. наук. М. / Архив отдела диссертаций РГБ. Шифр. Хр. 6197–7/535–В.
- Баскова В., Андрианова Л. С.*, 2011. Кожаная обувь вологжан в XVI–XVII вв. (по итогам археологических наблюдений за прокладкой траншеи на Кремлевской площади в 2008 г.) // Изв. Вологодского общества изучения Северного края. Вып. XVIII. Вологда: Древности Севера. С. 7–13.
- Варфоломеева Т. С.*, 1993. Кожаные ножны из раскопок в Новгороде // ННЗ. Вып. 7. Новгород: НГОМЗ. С. 162–169.
- Векслер А. Г., Осинов Д. О.*, 1999. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995 г.) // ТТЗ. Вып. 3. Тверь: Старый город. С. 214–221.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В.*, 2011. Мангазея. Кожаные изделия (материалы раскопок 2001–2007 гг.). Екатеринбург: АМБ. 216 с.
- Власова И. В.*, 2001. Развитие северного комплекса народной одежды (XII–XVIII вв.) // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX вв. М.: Наука. С. 301–305.

⁷ Гонок – кусочек кожи с отверстием, куда вставлялось веретено (Словарь... 2002. С. 9).

- Ганина Ю. В., 2000. Обувь жителей древней Вологды // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия. С. 78–92.
- Герберштейн С., 1988. Записки о Москве. М.: МГУ. 430 с.
- Горохова А. В., Лазарев А. С., Бушуев И. А., 2017. Предварительные итоги археологических исследований 2013–2015 гг. на территории Красных рядов в г. Костроме (по материалам раскопа «Мелочные ряды I») // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 227–242.
- Горохова А. В., Лазарев А. С., Бушуев И. А., 2018. Раскоп «Мелочные ряды II»: новые данные о культурном слое городского торгового Кострома в XV–XVIII веках // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 382–387.
- Горский А. А., 2003. Москва и Орда. М.: Наука. 214 с.
- Кабатов С. А., 2006. Кожевенное ремесло Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Вест. Костромской археологической экспедиции. Вып. 2. Кострома: КГУ. С. 70–84.
- Кабатов С. А., 2011. Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 222–248.
- Курбатов А. В., 1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. № 2. С. 198–208.
- Курбатов А. В., 2002. Погребальная обувь средневековой Руси // АВ. № 9. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 155–172.
- Курбатов А. В., 2004а. Древнерусская обувная мода и время появления фигуры «мастера Авраама» // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Матер. темат. науч. конф. СПб.: СПбГУ. С. 170–173.
- Курбатов А. В., 2004б. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение. 312 с.
- Кучкин В. А., 1996. Юрий Долгорукий // ВИ. № 10. С. 35–56.
- Лазарев А. С., Осипов Д. О., 2020. Коллекция обувных деталей и других кожаных изделий из раскопок Торговых рядов в Костроме в 2017–2018 гг. // АП. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 312–321.
- Новиков А. В., Баранов В. С., Новикова О. В., 2014. Археологические исследования исторических городов Костромского края. Вып. 1. Кострома: КАЭ. 36 с.
- Осипов Д. О., 2003. Информационные возможности коллекций кожаной обуви (по материалам раскопок в Москве) // РА. № 2. С. 17–30.
- Осипов Д. О., 2006. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. (по материалам охранных археологических раскопок). М.: ИА РАН. 202 с.
- Осипов Д. О., 2017. Коллекция изделий из кожи из раскопок в Зарядье (предварительные итоги) // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 199–226.
- Осипов Д. О., Соболев В. Е., 2013. Коллекция кожаной обуви из Смоленска // Materiały Zachodniopomorski. Nova seria. T. IX. Z. 1: Archeologia, Rocznik naukowy muzeum nadopoweco w szczecinie. Szczecin: Muzeum Narodowe w Szczecinie. S. 375–405.
- Осипов Д. О., Тропин Н. А., 2020. Калужская коллекция изделий из кожи XVII–XVIII вв. // КСИА. Вып. 259. С. 345–356.
- Осипов Д. О., Чёрная М. П., 2016. Коллекция изделий из кожи по материалам раскопок Томского Кремля // РА. № 4. С. 138–150.
- Оятева Е. И., 1973. Белозерская кожаная обувь // Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере в X–XIII веках. М.: Наука. С. 199–205.
- ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л.: АН СССР, 1926. С. 2–379.
- ПСРЛ. Т. VIII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. (Репринтное воспроизведение издания 1859 г. Тип. Эдуарда Праца). С. 9–301.
- Раннопорт П. А., 1959. Оборонительные сооружения Галича Мерьского // КСИИМК. Вып. 77. С. 3–9.
- Раннопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. (МИА. № 105). 242 с.
- Романенко Е. В., 2002. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия. 327 с.
- Саттарова Л. И., 2004. Казанская узорная кожа. М.: Культура и традиции. 160 с.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 36. СПб.: Наука, 2002. 344 с.
- Татищев В. Н., 1964. История Российская. Т. 3. М.–Л.: Наука. 340 с.
- Тихомиров М. Н., 1979. Русское летописание. М.: Наука. 556 с.
- Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. 1981. М.: Наука. 267 с.
- Swann J., 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm: Akademibokhandelsgruppen AB. 357 p.

A. V. Novikov, O. V. Novikova, D. O. Osipov

Collection of leather goods from the excavations of Galich Mersky

Summary

The article examines a collection of leather goods from the excavations of the KAE in the Galich Mersky settlement in the layers of the 16th–18th centuries. The representative collection, which is based on shoe details, makes it possible to re-construct the shape of the shoe models used here, as well as the methods of their decoration.

Analysis of the collection of “archaeological leather” demonstrates a significant difference in the mate-

rial culture of Galich from neighboring Russian cities, which emphasizes the unusual cut of the shoe and its décor. Mapping the zone of distribution of such shoes, which took place, in this case, between Galich and Kostroma, which material culture is more focused on Moscow, allows us to draw a conditional boundary for the distribution of the northern costume, of which the shoes are part.

List of figures

Fig. 1. Galich. Boundary map of cultural layers**Fig. 2. Soft shoe**

1 – soft shoe upper bearing the traces of repairing; 2 – shoe sole, invisible stitch; 3 – assembling scheme (by *Vizgalov et al.*, 2011, fig. 14, 1)

Fig. 3. Soft shoe

1 – soft shoe upper (*a* – loop of the counter); 2 – shoe sole, invisible stitch; 3 – soft shoe; full set of the elements: integral shoe upper, loop of the counter, shoe sole

Fig. 4. Soft shoe

1 – upper part of the shoe; 2 – shoe from the excavations carried out by regional state-financed entity “Heritage”, Kostroma. Complex of trading arcades, 2015

Fig. 5. Parts of hard shoes

1 – Toecap with toe-puff; 2 – toecap for an ornately shaped inset under the upper cut (*a* – inset); 3 – toecap with the dissected upper; 4 – fragment of the welt; 5 – inner fragment of the counter; 6 – shoe counter; 7 – sole of the low shoe; 8 – sewn in insole

Fig. 6. Parts of high shoes

1 – vamp with band embossing; 2 – boot vamp with vamp lining, consisting of two parts; 3 – boot counter; 4 – boot counter, field 2, layer 7, grid square “Л”; 5 – counter with a piece of the lower part of a boot top; 6 – hob-nailed sole, invisible stitch; 7 – sole, invisible stitch; 8 – sole with tapered shank, invisible stitch

Fig. 7. Marks

1 – mark in the shape of three stripes on a distorted sole; 2 – mark on a sole shank; 3 – sole with a mark, type 1 (by *Osipov*, 2006, fig. 292); 4 – mark in the shape of three rosaces on a piece of a shoe sole; 5 – mark on leather sheath (?); 6 – mark on a shoe sole from Veliky Novgorod, from the laying Hanseatic symbol (picture from D.O. Osipov’s archive)

Fig. 8. Decorative components

1 – vamp with ornamental stitch; 2 – shoe vamp with ornamental stitch; 3 – boot counter with nails and thread from brass wire (*a* – décor, detail shot); 4 – boot counter with iron nails in the shape of rosaces (*a* – ornamental nails, detail shot)

Fig. 9. Construction № 2 – wooden building, 3,3×3,5 sq. m, Ж-И/2-4**Fig. 10. Leather items**

1 – sheath; 2 – sheath ornamented with band embossing; 3 – bag flip; 4 – leather gasket; 5, 6 – cover pieces; 7 – fragment of a belt; 8 – cover piece; 9 – ferrule with through slots

Ю. А. Лихтер

ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва

Стекло из раскопок Археологической службы Москвы (1989–2015). Полуоткрытые формы

В этой работе автор продолжает публикацию стеклянных находок из раскопок в разных частях Москвы (Векслер, Лихтер, 2008; 2009; 2011; 2014; Лихтер, 2013; 2015; 2016; 2017; 2019; Лихтер, Балашов, Пономаренко, 2018). Описание стеклянных сосудов производилось по методике Ю.Л. Щаповой (1989. С. 32–47). В частности, она предложила помимо открытых и закрытых форм выделять полуоткрытые и относить к этой группе сосуды с минимальным диаметром больше половины максимального. Как правило, минимальный диаметр – это диаметр устья, то есть «входа» в сосуд: внутренний диаметр края, венчика или горла, в зависимости от конструкции сосуда.

В Москве к этой группе в первую очередь относятся многочисленные, но довольно однообразные банки. Однако сюда же можно отнести еще два варианта формы – чаши и кувшины.

К *чашам* (рис. 1) можно отнести сосуды с туловом сферическим, усеченным сверху и снизу, на поддоне. Их суженная верхняя часть представляет собой нечто среднее между венчиком и горлом. Они выдуты в форму. Из находок, вошедших в нашу коллекцию, к ним можно отнести три экземпляра:

– чашечка с полихромной росписью. По комплексу ее можно датировать XVIII в. № 56¹;

– чаша. Форма реконструирована. В качестве декора на тулово наложена стеклянная лепешка в форме ягоды малины или ежевики. Подобный декор встречается на сосудах XVII – первой половины XVIII в., хотя и другой формы. №. 865;

– ваза или чаша. Полная форма. По слою сосуд можно датировать рубежом XVII–XVIII вв. Аналогией по форме можно считать сосуд, найденный при раскопках в Гейдельберге (Heidelberg,

1992. Fig. 104b), но там он датируется рубежом XVI–XVII вв. (рис. 1, 5) и без декора. № 1410.

Нам не удалось найти параллели среди западно-европейских или украинских (так называемых черкасских) сосудов аналогии по форме. Это заставляет предполагать их русское происхождение, однако оснований для такого утверждения также недостаточно.

Условно к чашам может быть отнесена лампада (№ 1100; рис. 1, 5), хотя у нее более сложная конструкция, чем у чаш, рассмотренных ранее. По косвенным признакам, в первую очередь по качеству стекла, сосуд можно датировать также XVIII в.

Банки – сосуды с цилиндрическим или слабо коническим (слегка расширяющимся кверху) туловом и наклонным внутрь дугообразным венчиком (рис. 2). Выдуты в форму, венчик отпрессован специальным пинцетом.

Некоторым банкам (рис. 2, 1, 2, 6, 7) можно указать аналогии в культурном слое Варшавы XVIII в. (Ciepiela, 1977. Ris. 96, 97). Эти банки в русскоязычной литературе принято называть помадными, однако в немецкоязычной литературе, где их упоминают по крайней мере с конца XVI в., их часто называют *Bindegläser* (Heidelberg, 1992. Fig. 181), то есть склянки для бинтов. Действительно, в них удобно держать небольшие свертки бинтов, приготовленных для перевязки. Отметим также, что баночки подобной формы встречаются в каталогах аптечной посуды начала XX в. ([Ритинг], 1913. № 3089а, 3090, 3091).

Следующая группа – банки аналогичной формы, но значительно большего размера (рис. 2, 3, 4), аналогию им можно указать в каталоге аптечной посуды начала XX в. ([Ритинг], 1913. № 3089б). Интересно, что в одной из них сохранились засохшие темные ягоды (№ 4678).

¹ Здесь и далее приводится номер по каталогу стеклянных изделий, составленному автором.

Еще один фрагмент (№ 4499; рис. 2, 5) близок к ним по размеру, но несколько отличается по форме венчика. В литературе нам подобные не встречались, но при исследованиях Археологической службы Москвы сходные фрагменты найдены как минимум дважды – в Котельническом переулке (№ 837) и на Манеже (№ 4499).

Труднее всего определимы *кувшины* – высокие сосуды с ручкой. Верхняя часть у них оформляется разнообразно. Есть кувшины без дополнительных элементов сверху, кувшины с венчиком, кувшины с горлом, с горлом и венчиком. Иногда внизу добавлен поддон. К сожалению, точно сказать, какие конструкции представлены среди находок в Москве, невозможно, поскольку они представлены только фрагментами, соотносимыми с кувшинами зачастую условно. Определяющими признаками в таком случае могут служить размеры: диаметр края меньше, чем у стандартных сосудов для питья, а диаметр дна – больше.

Хорошо реконструируемые формы представлены на рисунке 3:

– рис. 3, 1. Как аналогию этому сосуду можно указать кувшин русского производства, датированный 1724 г. (*Шелковников*, 1969. Рис. 30, с. 71);

– рис. 3, 2. Сохранившуюся часть сосуда по форме венчика и ручке можно сопоставить с кувшинчиком из Германии, датируемым концом XVI в. (рис. 3, 6 – *Vavra*, 1954. Fig. 154);

– рис. 3, 3, 4. Аналогия по форме этим двум сосудам представлена на рисунке 4, 3 (*Шовкопляс*, 1974. Рис. 2, 17);

– рис. 3, 5. Наиболее близкой аналогией этому сосуду можно считать кувшин из Киева, датируемый XVII–XVIII вв. (рис. 3, 7 – *Починок*, *Чекановский*, 2015. Рис. IV, 1).

На рисунках 4 и 5 изображены фрагменты, соотносимые с кувшинами лишь предположительно:

– рис. 4, 1, 2. Как аналогию этим фрагментам можно указать сосуды из Киева, датируемые XVII–XVIII вв. (рис. 4, 3 – *Шовкопляс* 2, 17);

– рис. 5, 2, 3. В качестве условной аналогии этим декорированным фрагментам можно предложить кувшин черкасского (украинского производства), датированный XVIII в. (рис. 5, 1 – *Ашарина*, 1998. Рис. 3, 4);

– рис. 5, 4. Фрагмент с тонкими накладными нитями больше похож на кумган российского производства (рис. 5, 5 – *Ашарина*, 1998. Рис. 3, 3).

Отдельного рассмотрения заслуживает горло сосуда на рисунке 6 (№ 18415). По форме горла его можно отнести к кувшинам. Однако аналогичный сосуд, найденный среди прочего стекла в составе груза затонувшего на Средиземном море корабля (возле города Биоград в Хорватии) в конце XVI в., публикаторы именуют *Tankard* (*Lazar*, *Willmott*, 2006. P. 40; S8b). Этим словом обозначают высокую пивную кружку (часто с крышкой).

Каталог

Стекло из раскопок Археологической службы Москвы (1989–2015 гг.) Полуоткрытые формы

Чаши (рис. 1)

Чашечка слезница, № 56 (Пушкинская (Георгиевский пер.), 1990. № оп. 034. Погр. 90 (159)). Рис. 1, 1.

Полная форма; стекло хорошее.

Общая выс. – 5,02².

Край выпуклый; диам. – 5,12; толщ. – 0,29.

Горло округлое, конус расходящийся усеченный снизу ровный; выс. – 1,65; диам. вверху – 5,12; диам. внизу – 4,2; толщ. вверху – 0,29.

Тулово округлое, шар, усеченный дважды; выс. – 2,18; диам. макс. – 4,48; диам. вверху – 4,21; диам. внизу – 2,76.

Дно вогнутое, коническое; диам. дна – 2,76.

Поддон под сосудом; округлый конический, лепешка; сплошной, отдельный элемент. Размеры поддона: выс. – 0,89; диам. вверху – 2,75; диам. внизу – 3,15.

Цвет основы серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

² Здесь и далее размеры даны в сантиметрах.

Рис. 1. Чаша, лампада

1 – № 56; 2 – № 865; 3 – № 1410; 4 – № 1100. № оп. 3. XVIII в.; 5 – Heidelberg, 1992. Fig. 104b

Декор плоский; размещен снаружи, на горле и тулове.

Материал декора: эмаль, непрозрачная.

Цвет декора белый ахроматический; желтый средний светлый; красно-оранжевый сильный темный.

В середине горла и на нижней части тулова – горизонтальные полосы, рядом с ними бордюры из наклонных овалов. Вверху бордюров над полосой, внизу – под полосой. В целом эта композиция образует рамку, в которую включен бордюр из повторяющихся геометризованных цветов, расположенный посередине тулова.

Основа выдута в форму.

Техника нанесения декора – роспись.

К сожалению, не удалось найти аналогии этой чашечке. Погребение, где она находилась, датируется XVIII в. Вероятно, это работа русских мастеров.

Чаша, № 865 (Гончарная, 5, 1998. Р. 3; № оп. – 558. Кв. 26). Рис. 1, 2.

Полная форма (реконструкция), коррозия и иризация по всей поверхности.

Общая выс. – 7.

Край выпуклый расходящийся, ровный; диам. – 8; толщ. – 0,30.

Горло конус расходящийся, усеченный снизу; выс. – 2,1; диам. вверху – 8; толщ. вверху – 0,30.

Тулово округлое, шар, усеченный дважды; выс. – 4,8; выс. вверху – 2,6; выс. внизу – 2,2; диам. макс. – 10,7.

Дно вогнутое; диам. – 6; толщ. – 0,40.

Поддон под сосудом; округлый зонный, кольцо; сплошной цельный отдельный элемент; выс. – 0,70; диам. – 6.

Цвет основы серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

Декор выпуклый, на тулове. Лепешка в виде ягоды малины или ежевики, повторенная три раза. Размеры: шир. лепешки 2,36×2,22; толщ. – 0,40.

Материал декора: стекло.

Цвет декора: в цвете основы.

Основа выдута в форму, поддон образован навивкой нити.

Техника нанесения декора: прилеп отформованных лепешек.

Аналогия: Heidelberg, 1992. Fig. 104b; рубеж XVI–XVII вв.; Германия, Гейдельберг.

Ваза (?), № 1410 (Манежная пл., 1995; раскоп «Моисеевский мон-рь»; № оп. 544. Уч. Г30; кв. 236; гл. -269). Рис. 1, 3.

Полная форма; коррозия снаружи и внутри.

Общая выс. – 8,50.

Край выпуклый, параллельный ровный; диам. – 7,96; толщ. – 0,16.

Горло округлое, конус расходящийся, усеченный снизу, ровный; выс. – 3; диам.верху – 7,96; диам.внизу – 6,68; толщ.верху – 0,16.

Тулово ребристое, шар, усеченный дважды; выс. – 4,90; выс.верху – 2,2; выс.внизу – 2,70; диам.макс. – 9,67; диам.верху – 6,68; диам.внизу – 5,33.

Дно вогнутое; диам. – 5,33.

Поддон под сосудом; округлый зонный, кольцо; сплошной цельный отдельный элемент; выс. – 0,60; диам. – 5,6; шир. – 6.

Цвет основы серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму, поддон навит, горло отпрессовано пинцетом.

Аналогий нет.

Лампада, № 1100 (Доброслободская, 8, 1997; № оп. 03). Рис. 1, 4.

Полная форма; иризация по всей поверхности.

Общая выс. – 4,06.

Край выпуклый, параллельный ровный; диам. – 5,72; толщ. – 0,22.

Венчик наклонный внутрь, дугообразный; выс. – 1,2; диам.верху – 5,72; диам.внутри – 4,12; толщ.вверху – 0,22.

Тулово округлое, эллипсоид усеченный; выс. – 1,82; диам. – 5,98.

Дно выпуклое; диам. – 1,57.

Ручка (3 ручки):

– сечение продольное, вертикальная изогнутая;

– сечение поперечное: плоская, эллипс;

– сплошная, отдельный элемент.

Место прикрепления: верх – венчик, низ; низ – тулово, верх.

Размеры:

1) выс. – 0,56; шир. – 1,07; толщ. – 0,27;

2) шир. – 0,66;

3) шир. – 0,79; толщ. – 0,16.

Ножка округлая, шар, усеченный снизу; сплошная, продолжение тулова; выс. – 1,08; диам. – 1,08.

Цвет основы бежевый сильный светлый; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму, венчик отпрессован пинцетом; дно отпрессовано на шаблон, ручки – из тянутых палочек, прилеплены; ножка оттянута пинцетом.

Аналогий нет.

Банки (рис. 2)

Банка, № 1143 (Манежная пл., 1993; р. 3; № оп. 94). Рис. 2, 1.

Полная форма; коррозия по всей поверхности.

Общая выс. – 3,29.

Край выпуклый; диам. – 3,10; толщ. – 0,18.

Венчик наклонный внутрь, отогнутый; выс. – 1,79; диам.верху – 3,10; диам.внизу – 3,10; диам.внутри – 2; шир. – 0,52; толщ.верху – 0,18.

Тулово округлое, цилиндр; выс. – 2,5; диам.верху – 3,10; диам.внизу – 3,10.

Дно плоское; диам. – 3,10.

Цвет основы серо-голубой средний темный; стекло прозрачное.

Основа выдута свободно; венчик отпрессован пинцетом, затем заготовка обкатана.

Аналогия: *Ciepiela*, 1977. Ris. 96. Варшава, XVIII в.

Рис. 2. Банки

1 – № 1143; 2 – № 1369; 3 – № 4678; 4 – № 4679; 5 – № 4499; 6 – № 18702; 7 – № 18703

Банка, № 1369 (Манежная пл., 1995; раскоп «Моисеевский мон-рь»; № оп. 380. Погр. 185). Рис. 2, 2.
 Полная форма; коррозия по всей поверхности.
 Общая выс. – 6,6.
 Край выпуклый; диам. – 4,82; толщ. – 0,24.
 Венчик наклонный, внутрь дугообразный; выс. – 1; диам. вверху – 4,82; диам. внизу – 5,10; диам. внутри – 3,13; толщ. вверху – 0,24.
 Тулово округлое, конус, усеченный сверху; выс. – 5,6; диам. вверху – 5,10; диам. внизу – 5,40.
 Дно вогнутое, сферическое; диам. дна – 5,40.
 Цвет основы серо-голубой средний темный; стекло прозрачное.
 Основа выдута в форму; венчик отпрессован пинцетом.
 Опубликовано: Векслер, Беркович, 1999. С. 211. Рис. 22:3.
 Аналогия: Cierpiela, 1977. Ris. 96. Варшава, XVIII в.

Банка, № 4678 (Манеж, 2004; уч. 2, № оп. 599). Рис. 2, 3.
 Полная форма, стекло хорошее.
 Общая выс. – 12,55.

Край острый, параллельный, диам. – 6,33; толщ. – 0,24.

Венчик наклонный внутрь, дугообразный; выс. – 1,46; диам.верху – 6,33; диам. венчика внизу – 6,58; толщ.верху – 0,24; толщ.внизу – 0,33.

Тулово округлое, конус расходящийся усеченный снизу; диам.верху – 6,58; диам.внизу – 6,51.

Дно вогнутое, коническое; диам. – 6,51.

Цвет основы оливковый средний; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму; венчик отпрессован пинцетом.

Аналогия: [Ритинг], 1913. № 30896. XIX в.

Банка, № 4679 (Манеж, 2004; уч. 2, № оп. 600). Рис. 2, 4.

Полная форма, стекло хорошее.

Общая выс. – 12,2.

Край выпуклый, сходящийся, диам. – 6,79; толщ. – 0,32.

Венчик наклонный внутрь, дугообразный; выс. – 2,95; диам.верху – 6,79; диам.внизу – 6,47; диам.внутри – 4,25; толщ.верху – 0,32; толщ. – 0,43.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; вогнутый; диам.верху – 6,30; диам.внизу – 6,26.

Дно вогнутое сферическое; диам. – 6,26.

Цвет основы серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму; венчик отпрессован пинцетом.

Аналогия: [Ритинг], 1913. № 30896. XIX в.

Банка, № 4499 (Манеж, 2004, 2004; р. 5, № оп. 90). Рис. 2, 5.

Фрагмент; коррозия по всей поверхности.

Край выпуклый, параллельный, асимметричный; диам. – 8,5; толщ. – 0,27.

Венчик наклонный внутрь, дугообразный; выс. – 3,1; диам.верху – 8,5; диам.внизу – 8,5; диам.внутри – 5,5; толщ.верху – 0,27; толщ.внизу – 0,29.

Тулово округлое, цилиндр (?); диам.верху – 8,5.

Цвет основы серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму; венчик отпрессован пинцетом.

Аналогия: Москва, Котельнический пер., 5, 1998 г.; р. 1, № оп. с026 (№ 837 по каталогу). Предположительно конец XIX в.

Банка, № 18702 (Кадашевский туп., 3 / Ордынка, 8–14, 2015. № оп. 45-м. Объект 175; кв. 128, 118). Рис. 2, 6.

Полный профиль; коррозия и иризация по всей поверхности.

Общая выс. – 4,38.

Край выпуклый, параллельный; диам. – 5,5; толщ. – 0,20.

Венчик наклонный внутрь, дугообразный; выс. – 0,55; диам.верху – 5,5; диам.внизу – 5,5; диам.внутри – 4,5; толщ.верху – 0,20; толщ.внизу – 0,24.

Тулово округлое; цилиндр; выс. – 3,83; диам.верху – 6; диам.внизу – 6; толщ.верху – 0,25; толщ.внизу – 0,34.

Дно: форму нельзя установить; диам. – 6; толщ. – 0,36.

Цвет основы бесцветный; стекло полупрозрачное (помутнение).

Декор выпуклый, на тулове, снаружи.

Материал декора: без дополнительных декоративных материалов.

Цвет декора: в цвете основы.

Повторяющиеся прямые вертикальные линии.

Основа выдута в рельефную форму; венчик получен путем прессования верха основы пинцетом.

Техника нанесения декора: одновременно с основой.

Аналогия: Ciepiela, 1977. Ris. 97. Варшава, XVIII в.

Банка, № 18703 (Кадашевский туп., 3 / Ордынка, 8–14, 2015. Объект 175, № оп. 46-м, кв. 128, 118). Рис. 2, 7.

Фрагмент; коррозия локально.

Край острый; диам. – 6; толщ. – 0,27.

Венчик наклонный внутрь, дугообразный; выс. – 0,86; диам.верху – 6; диам.внизу – 6; диам.внутри – 4; толщ.верху – 0,27; толщ.внизу – 0,14.

Тулово округлое; конус расходящийся, усеченный снизу (?); диам.верху – 6; толщ.верху – 0,13.

Цвет основы бесцветный; стекло полупрозрачное (помутнение).

Декор: выпуклый снаружи, на тулове, заходит на венчик.

Материал декора: стекло.

Цвет декора: в цвете основы.

Линии прямые наклонные.

Основа выдута в рельефную форму; венчик получен путем прессования верха основы пинцетом.

Техника нанесения декора: наклад нитей стеклянных.

Аналогия: *Ciepiela*, 1977. Ris. 97. Варшава, XVIII в.

Банка, № 1094 (Киевский вокзал, 1989; траншея 1; № оп. с001; гл. -100). Рисунок нет.

Полная форма; коррозия локально.

Общая выс. – 4,32; диам. – 3,50.

Край выпуклый; диам. – 3,50; толщ. – 0,18.

Венчик наклонный внутрь, дугообразный; выс.верху – 3,50; диам.внутри – 2,15; толщ.верху – 0,18.

Тулово округлое, конус, расходящийся усеченный снизу; диам. – 3,50.

Дно вогнутое, коническое; диам. – 3,50.

Цвет основы серо-голубой сильный; стекло прозрачное.

Основа выдута свободно; венчик отпрессован пинцетом.

Аналогия: *Ciepiela*, 1977. Ris. 96. Варшава, XVIII в.

Кувшины (рис. 3; 4; 5)

Кувшин, № 423 (Кадашевская наб., 16–18, 1996; р. 1; № оп. с001; я. 2). Рис. 3, 1.

Фрагмент; коррозия по всей поверхности.

Край выпуклый, расходящийся, ровный; диам. – 5,32; толщ. – 0,20.

Горло округлое, цилиндр ровный; выс. – 4,2; толщ.верху – 0,20.

Тулово округлое, эллипсоид усеченный; выс.верху – 3,11; толщ.верху – 0,22.

Ручка: сечение продольное – вертикальная, угловатая, острый угол, защипы; сечение поперечное – плоское, эллипс гладкий; сплошная, отдельный элемент.

Место прикрепления ручки: верх – горло, середина; низ – тулово, верх.

Выс. ручки – 5,62; шир.верху – 1,25; шир.внизу – 1,62; толщ. – 0,43.

Цвет основы серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

Декор выпуклый; снаружи, на тулове, в верхней части.

Материал декора: стекло.

Цвет декора: в цвете основы.

Линия кривая, волна горизонтальная повторяющаяся.

Основа выдута в форму; ручка вытянута и изогнута, часть стекломассы оттянута пинцетом и прижата, благодаря чему на ручке образовался защип.

Техника нанесения декора: навивка нити.

Аналогия: *Шелковников*, 1989. Рис. 30, с. 71; завод Минтера, 1724 г.; Россия.

Кувшин (?), № 392 (Ордынка Б., 1–5, 1996; р. 1; № оп. 6; соор. 9). Рис. 3, 2.

Фрагмент; иризация по всей поверхности.

Край выпуклый, ровный, симметричный; диам.края – 9; толщ.края – 0,28.

Венчик наклонный внутрь, дугообразный; выс. – 1,67; диам.верху – 9; диам.внутри – 6,6; толщ.верху – 0,28.

Тулово округлое, эллипсоид, усеченный снизу; толщ.верху – 0,28.

Ручка: сечение продольное – округлая, вертикальная; сечение поперечное – плоская; сплошная, отдельный элемент.

Место прикрепления ручки: верх: венчик, низ (петля ручки выше края); низ: нельзя установить.

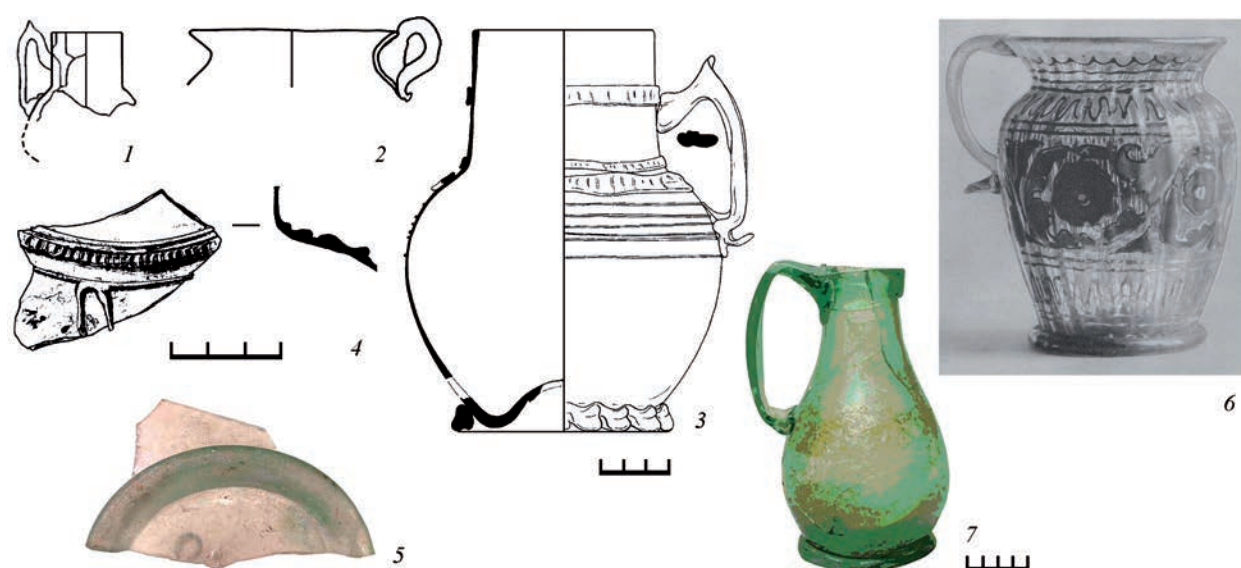

Рис. 3. Кувшины. Хорошо реконструируемые формы

1 – № 423; 2 – № 392; 3 – № 844; 4 – № 1432; 5 – № 18693; 6 – *Vavra*, 1954. Fig. 154;
7 – *Починок, Чекановский*, 2015. Рис. 4, 1

Длина ручки – 8,7; выс. – 2,45; шир.верху – 1,63; шир.внизу – 0,85; толщ.верху – 0,79; толщ.внизу – 0,65.
Цвет основы серый слабый; стекло прозрачное.

Основа выдута в форму; венчик отпрессован пинцетом; ручка вытянута и изогнута.
Аналогия: *Vavra*, 1954. Fig.154. Конец XVI в.

Кувшин, № 844. (Сеченовский пер., вл. 3, 1998; ш. 1; № оп. 34; кв. 3; гл. -235). Рис. 3, 3.

Фрагмент; коррозия и иризация по всей поверхности.

Общая выс. – 17,3 (по реконструкции).

Край выпуклый, расходящийся, диам. – 7,8; толщ. – 0,36.

Горло конус усеченный сверху, ровный; диам.верху – 7,8; диам.внизу – 8,4; толщ.верху – 0,36; толщ.внизу – 0,24.

Тулово округлое, яйцевидное, усеченное дважды; диам.верху – 8,4; диам.внизу – 6,2.

Дно плосковыпуклое внутри; диам. – 6,2; толщ. – 0,59.

Поддон вокруг сосуда; ребристый зонный, кольцо; сплошной цельный отдельный элемент. Выс. – 0,93; диам. – 9,6; шир. – 1,08.

Ручка: сечение продольное – вертикальная, угловатая с защипами; сечение поперечное – плоская; составная из двух полос, отдельный элемент.

Место прикрепления: верх – горло, центр; низ – тулово, центр.

Размеры ручки нельзя установить.

Цвет основы серо-голубой сильный светлый; стекло прозрачное.

Декор: в середине горла и в верхней части тулова.

Материал декора: стекло.

Цвет декора: в цвете основы.

На горле – широкая горизонтальная рифленая полоса; на тулове (под горлом) две горизонтальные рифленые полосы, ниже – горизонтальная спиральная нить.

Основа выдута в форму; ручка вытянута и изогнута, часть стекломассы оттянута пинцетом и прижата, благодаря чему на ручке образовался защип. Для поддона на дно наложили полосу, которую затем отпрессовали ножом.

Техника нанесения декора: наклад рифленых полос и спиральной нити.

Аналогия: *Шовкопляс*, 1974. Рис. 2, 17; *Починок, Чекановский*, 2015. Рис. 4, 1. Киев.

Рис. 4. Фрагменты кувшинов (предположительно) и аналогия им
1 – горло, № 18463; 2 – низ, № 18485; 3 – Шовкопляс, 1974. Рис. 2, 17

Кувшин, № 1432. (Манежная пл., 1995; раскоп «Моисеевский монастырь»; № оп. с065). Рис. 3, 4.
Фрагмент; коррозия и иризация.

Горло округлое, цилиндр или конус, расходящийся, усеченный снизу; толщ. внизу – 0,18.

Тулово округлое, эллипсоид (шар), усеченный снизу; толщ. – 0,14.

Цвет основы серо-голубой сильный темный; стекло прозрачное.

Декор выпуклый, на тулове.

Материал декора: стекло.

Цвет декора: в цвете основы.

В верхней части тулова горизонтальная рифленая полоса, под ней – тонкая горизонтальная линия, снизу к ней примыкает вертикальный полуовал, данный контуром.

Основа выдута в форму.

Техника нанесения декора: наклад рифленой полосы, навивка горизонтальной нити и полоски, образующей полуовал.

Аналогия: Шовкопляс, 1974. Рис. 2, 17; Починок, Чекановский, 2015. Рис. 4, 1.

Кувшин, № 18693 (Кадашевский туп., 3 / Ордынка, 8–14, 2015. № оп. 36-м; объект 128; кв. 105). Рис. 3, 5.
Фрагмент; коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, эллипсоидное, усеченное дважды; диам. внизу – 7,5; толщ. внизу – 0,47.

Дно плосковыпуклое внутри; диам. – 7,5; толщ. – 0,45.

Поддон под дном; округлый, конический, кольцевидный; сплошной, отдельный элемент; выс. – 1,10; диам.верху – 7,5; диам.внизу – 10,5; шир. – 1,47.

Цвет серо-голубой сильный светлый; стекло непрозрачное (коррозия).

Основа выдута в форму, для изготовления поддона наложена широкая полоса.

Аналогия: Починок, Чекановский, 2015. Рис. IV 1. Киев, XVII–XVIII вв.

Кувшин, № 18463. (Кадашевский туп., 3 / Ордынка, 8–14, 2015. № оп. 507; объект 117; кв. 97 гл. -138).
Рис. 4, 1.

Обломок, коррозия и иризация по всей поверхности.

Горло, по-видимому, цилиндрическое; диам. – 5; толщ. – 0,30.

Цвет серо-голубой средний; стекло полупрозрачное (помутнение).

Декор выпуклый, на горле снаружи.

Материал декора: стекло.

Цвет декора: в цвете основы.

Две горизонтальные рифленые полосы.

Основа выдута в форму.

Техника нанесения декора: наклад рифленой полосы.

Аналогия: *Починок, Чекановский*, 2015. Рис. III, 7. Киев, XVII–XVIII вв.

Кувшин, № 18485. (Кадашевский туп., 3 / Ордынка, 8–14, 2015. № оп 794; кв. III, южная часть; пл. 8).

Рис. 4, 2.

Фрагмент; стекло хорошее.

Тулово округлое, коническое, расходящееся, усеченное снизу; вогнутое; диам. внизу – 7,74; толщ. внизу – 0,43.

Дно вогнутое коническое; диам. дна – 7,74.

Поддон вокруг сосуда; ребристый, конический, кольцевидный; сплошной, отдельный элемент; выс. – 1,12; диам.верху – 7,74; диам.внизу – 8,88; шир. – 1,24.

Цвет основы оливковый средний светлый; стекло полупрозрачное.

Основа выдута в форму, на дно навита нить, образующая поддон. В заключение специальным ножом на нить нанесено рифление.

Аналогия: *Шовкопяс*, 1974. Рис. 2, 17.

Кувшин, № 18186 (Садовническая наб., 57, стр. 1–8, 2014, № оп. 14с; яма 1. XVIII в.). Рис. 5, 2.

Фрагмент; коррозия по всей поверхности.

Тулово округлое, скорее всего, эллипсоидное; толщ. – 0,21.

Цвет основы серо-голубой средний. Стекло полупрозрачное.

Декор выпуклый, снаружи на горле, внизу.

Материал декора: стекло.

Цвет декора: в цвете основы.

Горизонтальная рифленая полоса, под ней – овал.

Основа выдута в форму.

Техника нанесения декора: наклад рифленой полосы и овала.

Аналогия: *Ашарина*, 1998. Рис. 3, 4.

Кувшин, № 18233 (Садовническая наб., 57, стр. 1–8, 2014, № оп. № 61с; яма 37. 2-я пол. XVII в.). Рис. 5, 3.

Фрагмент; коррозия по всей поверхности.

Горло округлое, конус вогнутый, усеченный сверху; толщ. – 0,16.

Цвет стекла серо-голубой средний светлый. Стекло полупрозрачное.

Декор выпуклый, снаружи на горле,верху.

Материал декора: стекло.

Цвет декора: в цвете основы.

Горизонтальная рифленая полоса.

Основа выдута в форму.

Техника нанесения декора: наклад рифленой полосы.

Аналогия: *Ашарина*, 1998. Рис. 3, 4.

Кувшин, № 18653 (Кадашевский туп., 3 / Ордынка, 8–14, 2015. № оп. 2182). Рис. 5, 4.

Обломок, коррозия по всей поверхности.

Край выпуклый, расходящийся; диам. – 7; толщ. – 0,24.

Горло коническое, расходящееся, усеченное снизу; диам.верху – 7; толщ.верху – 0,24.

Цвет основы серо-голубой средний; стекло прозрачное.

Декор выпуклый, снаружи на горле.

Материал декора: стекло

Цвет декора: в цвете основы.

Горизонтальные прямые линии.

Декор: выпуклый, на горле снаружи.

Основа выдута в форму.

Техника нанесения декора: навивка стеклянной нити.

Аналогия: *Ашарина*, 1998. Рис. 3, 3.

Рис. 5. Фрагменты кувшинов (предположительно) и аналогии им
 1 – Ашарина, 1998. Гл. 3, рис. 4; 2 – горло, № 18186; 3 – горло, № 18233;
 4 – горло, № 18653; 5 – Ашарина, 1998. Гл. 3, рис. 3

Кувшин – пивная кружка (Tankard), № 18415 (Биржевая пл., 2017. № оп. 451; соор. 2). Рис. 6.

Фрагмент, коррозия локально.

Край выпуклый, сходящийся; диам. – 6; толщ. – 0,35.

Горло цилиндрическое или коническое, расходящееся, усеченное снизу (точно определить нельзя).
 Диам.верху – 6; толщ.верху – 0,35; толщ.внизу – 0,23.

Цвет основы серый слабый; стекло полупрозрачное (помутнение).

Декор выпуклый, снаружи, на горле.

Материал декора: стекло; полупрозрачное.

Цвет декора: белый ахроматический и пурпурный сильный темный, стекло непрозрачное; в цвете предмета.

Под краем наложена горизонтальная выпуклая нить, в цвете основы. Она перекрывает наклонные выпуклые полосы – сплошные и филигранные, чередующиеся между собой. Сплошные полосы – белые, филигранные составлены из белых и пурпурных нитей.

Основа выдута в форму.

Техника нанесения декора: наклад полосы; наклад палочек – простых и филигранных (технология венецианской филигрании).

Анализ № 894:24. Аналитический метод: эмиссионно-спектральный (аналитик А. Н. Егорьков, лаборатория археологической технологии ИИМК РАН). Результаты анализа интерпретированы по методике Ю. Л. Шаповой (1989. С. 105–107).

Тип стекла: К-Са-Mg-Si. Обесцвечиватель: Mn-O.

Стекло сварено на золе континентальных растений и относится к типу, характерному для стекол Западной Европы XVI–XIX вв.

Аналогия: Lazar, Willmott, 2006. P. 40; S8b.

Ашарина Н. А., 1998. Русское стекло XVII – начала XX в. М.: Галарт. 255 с.

Рис. 6. Кувшин – пивная кружка (*Tankard*)

1, 3 – Lazar, Willmott, 2006; 2 – № 18415

Литература

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2008. Стекланные бусы из раскопок в Москве // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 62–68.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2009. Браслеты и перстни, найденные при работах археологической службы города Москвы (1989–2006 годы) // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 230–236.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2011. Стекланные изделия неизвестного назначения, найденные при археологических исследованиях в Москве // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 429–432.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2014. Об одном виде клейм на стекланных штофах XVIII века // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 247–250.

Лихтер Ю. А., 2010. Позднесредневековые стекланные изделия (по материалам раскопок в Липецке) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 350–360.

Лихтер Ю. А., 2013. Стекланные бусы XVIII века из раскопок в Москве, Вяземском регионе и Липецке // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 327–332.

Лихтер Ю. А., 2015. Новые находки стекланных изделий в Москве (Замоскворечье) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 501–525.

Лихтер Ю. А., 2016. Стекланные сосуды из раскопок на территории московской Огородной слободы (работы 2014 года) // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 253–264.

Лихтер Ю. А., 2017. Стекланные сосуды из раскопок в Черниговском переулке (Москва). Работы 2015 года // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 284–298.

Лихтер Ю. А., 2019. Стекло XVII–XVIII веков из раскопок на Биржевой площади (работы Столичного археологического бюро 2017 года) // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 283–290.

Лихтер Ю. А., Балашиов А. Ю., Пономаренко А. К., 2018. Погребения со слезницами. Археологические исследования Нового кладбища Спасо-Андроникова монастыря в 2016 году // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 409–413.

Починок Э. Ю., Чекановский А. А., 2015. Стекланная посуда из раскопок на территориях киевских монастырей XVII–XVIII веков // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История. С. 294–299.

[Ритинг И.], 1913. Прейскурант аптечной

и больничной посуды и принадлежностей для ухода за больными. Общества Стекланного производства «И. Ритинг». СПб.

Шелковников Б. А., 1969. Русское художественное стекло. Л.: Сов. художник. 206 с.

Шовкопляс А. М., 1974. Некоторые гутные стекланные изделия из Киева // Культура средневековой Руси. Л.: Наука. С. 81–85.

Щанова Ю. Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.: МГУ. 120 с.

Ciepiela S., 1977. Szkło osiemnastowieczne starej Warszawy. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolinskich. 141 s.

Heidelberg, 1992. Vor dem grossen Brand: Archaologie zu Fuessen des Heidelberger Schlosses / Lutz Dietrich (ed.) Stuttgart: Landesdenkmalamt Baden-Wuerttemberg. 144 s.

Lazar I., Willmott H., 2006. The glass from the Gnalić Wreck. Koper: Založba Annales. 144 p.

Vavra J., 1954. Das Glas und die Jahrtausende. Prag: Artia, 1954. 406 s.

Yu. A. Lighter

Glass from the excavations of the Archaeological Service of Moscow (1989–2015)

Summary

The article examines 23 semi-open glass vessels (jugs, bowls, jars, mugs and a lamp). All of them were found during excavations of the Archaeological Ser-

vice in Moscow. At the end of the publication there is a catalog of these finds.

List of figures

Fig. 1. Bowls (2, 3, 5), lamp (4). Vessels analogy (5) (Heidelberg, 1992. Fig. 104b)

Fig. 2. Jars

Fig. 3. Jugs. Well reconstructed form (1–5). European analogies (6 – Vavra, 1954. Fig. 154; 7 – Pochinok, Chekanovsky, 2015. Fig. 4, 1)

Fig. 4. Presumably fragments of jugs (1, 2) and a probable analogy to them (Shovkoplyas, 1974. Fig. 2, 17)

Fig. 5. Presumably fragments of jugs (2–4) and analogies to them (1, 5 – Asharina, 1998. Chapt. 3, Fig. 3 and 4)

Fig. 6. Jug - beer mug (Tankard) (2) and its analogy (1, 3) (Lazar, Willmott, 2006)

М. И. Гоняный, **Е. С. Шевяков**
ООО «ЦАИ «Куликово поле», Подольск (Московская обл.)

Результаты археологических исследований у деревни Тетеринки, на месте боя правого фланга русской армии во время первого этапа Тарутинского сражения 18 октября 1812 года

Бои в районе Тарутино 3–18 октября¹ 1812 г. происходили на юго-западе Подмосковья (ныне Троицкий административный округ г. Москвы) и в восточной части Жуковского р-на Калужской обл. Боевые действия состояли из трех основных сражений: бой при Спас-Купле 3 октября, бой 4 октября у д. Виньково и Тарутинское сражение 18 октября 1812 г. (рис. 1) (Бессонов, 2008. С. 18, 21, 69).

Русская армия оказалась в лагере у с. Тарутино после того, как, оставив Москву 14 сентября 1812 г., совершила обманный маневр по Владимирской и Рязанской дорогам и через Подольск вышла на Старую Калужскую дорогу. Здесь ее обнаружили, и император Наполеон приказал маршалу Мюрату с подчиненными ему войсками атаковать русские силы. Ведя арьергардные бои, русские войска отошли южнее, к Тарутино (Крайденков, 2011. С. 21).

Прикрывал отступление главных сил русской армии арьергард под командованием генерала М. А. Милорадовича. Третьего октября произошел бой у села Спас-Купля, где неприятельские войска попали в засаду. Французские войска двигались на русский арьергард по двум направлениям: по Старой Калужской дороге и дороге, ведущей в обход правого фланга русских войск, через Богоявленское к Спас-Купле. Части, шедшие по Старой Калужской дороге, встретил огонь русской батареи. Французы попытались развернуть свою батарею, но были сбиты огнем (Кутузов, 1955. С. 341). Неприятельские войска (2-я дивизия легкой кавалерии), следовавшие по обходной дороге, попали под удар казаков и гусар и обратились в бегство, лишь прибытие польских частей 5-го корпуса спасло их от разгрома (Бессонов, 2008. С. 18).

Четвертого октября весь день русские войска медленно и организованно, часто сами контратакуя, отходили на юг под непрерывным давлением неприятеля. Основные бои происходили вокруг Старой Калужской дороги и на проселочной дороге между с. Спас-Купля и д. Тетеринки. Полностью авангард Великой армии был остановлен южнее современной д. Чернишня, на линии деревень Гремячево – Дедня (Бессонов, 2008. С. 20).

Начало Тарутинского сражения

В Тарутинском сражении 18 октября русская армия одержала победу над французским авангардом под командованием маршала Мюрата и принудила его к отступлению примерно на 18 км к Воронову. Весь ход боя историки делят на два этапа. Во время первого этапа, начавшегося около 7 часов утра и закончившегося к 10 часам, русские части внезапно атаковали противника. Однако наступление центра под руководством Л. Л. Беннигсена и левого фланга под командованием М. А. Милорадовича было остановлено. Поэтому главные действия переместились на правый фланг, где отряд В. В. Орлова-Денисова атаковал 2-й кавалерийский и 5-й армейский (польский) корпус. Благодаря внезапности были захвачены пушки 1-го конного-артиллерийского полка и рассеяны части 2-й дивизии тяжелой кавалерии, 2-й дивизии легкой кавалерии, находившиеся на южном берегу ручья Десенка. Им пришлось отступить (точнее, бежать) к д. Чернишня (Виньково), где под защитой 5-го армейского (польского) корпуса они смогли привести себя в порядок. Находившиеся на северном берегу ручья Десенка

¹ Здесь и далее по всему тексту даты приведены по новому стилю.

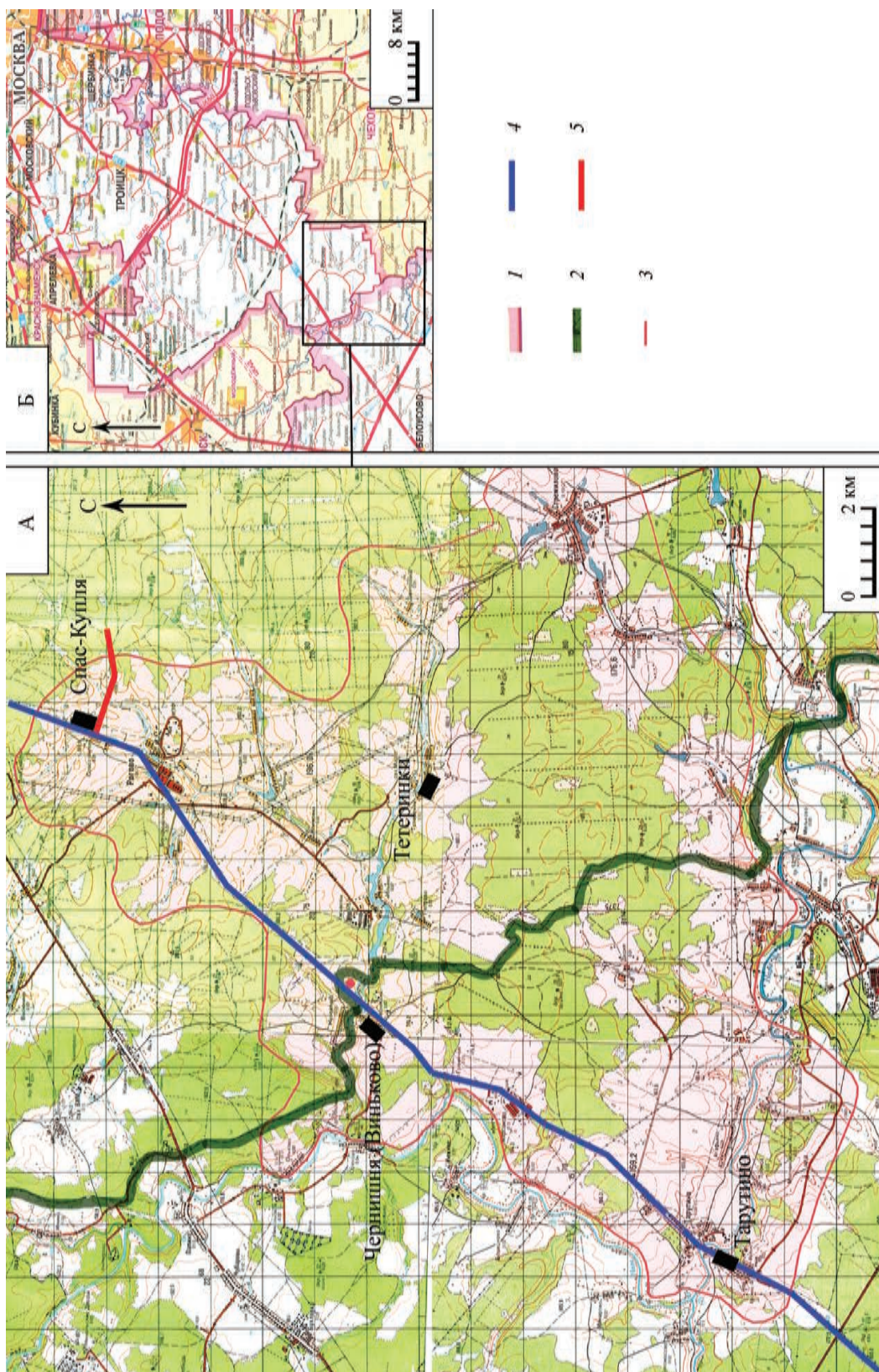

Рис. 1. Современная карта района боев октября 1812 г. под Тарутино
 1 — граница Московской и Калужской обл. (А); 2 — граница Москвы и Калужской обл. (Б); 3 — граница района боевых действий 3–18 октября 1812 г. (Б); 4 — Старая Калужская дорога; 5 — дорога Спас-Купля – Богоявленское

полки 4-й дивизии тяжелой кавалерии выдержали первый удар лучше. Устояв во время первой русской атаки, они попытались отбить потерянную артиллерию, но под ударами наших войск стали отходить к западу за р. Чернишня, где Мюрат формировал оборонительную линию. На этом кончается первый этап Тарутинского сражения. Во время второго этапа, длившегося около пяти часов, происходило активное преследование противника, отступавшего к Спас-Купле. К часу дня продвижение русских частей по приказу Кутузова было остановлено (Бессонов, 2008. С. 105).

*Археологические исследования
на месте боев под Тарутино
в Отечественной войне 1812 года*

Планомерное археологическое обследование мест основных боевых действий 3–18 октября 1812 г. в тарутинском регионе было начато археологической экспедицией Государственного исторического музея в 2009 г. в рамках программы по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 г.

В дальнейшем исследования выполнялись по программам научно-исследовательских археологических работ на месте Тарутинского и Виньковского сражений 1812 г., разработанным Историко-мемориальным музеем-заповедником «Подолье» (г. Подольск), Государственным военно-историческим и природным музеем-заповедником «Куликово поле» (Тульская обл.) и ЦАИ «Куликово поле» (г. Подольск). Работы проводились ежегодно вплоть до 2015 г.

Работы выполняли С. Н. Булыкин, А. В. Емельянов и Д. О. Осипов под общим руководством М. И. Гоняного.

Общая площадь поисковых планшетов составила около 195 га, всего собрано около 5 тыс. находок, из них к боевым действиям 3–18 октября 1812 г. относятся около 4 тыс. шт. (рис. 2).

Коллекции находок, собранные в процессе работ, поступили на постоянное хранение в фонды ГИМ, музеев-заповедников «Подолье», «Куликово поле» и «Горки Ленинские».

Многие артефакты из этих коллекций легли в основу экспозиций и выставок в упомянутых музеях, посвященных Отечественной войне 1812 г.

Поисковые работы в районе д. Тетеринки проводились в 2009 и 2011 гг. по методикам планшетного сбора подъемного материала при помощи металлоискателей.

В 2009 г. было обследовано шесть планшетов общей площадью около 28 га по методике линей-

но-группового поиска (рис. 3, 1). В 2011 г. – четыре планшета общей площадью около 27 га, три из них по методике сплошного сбора подъемного материала и один, расположенный в лесу, по методике свободного поиска (рис. 3, 2).

Методика линейно-группового поиска, по которому проводились работы в 2009 г., применяется в рекогносцировочных целях для оценки перспективности выбранного участка. На выбранном месте разбивается поисковый планшет, разделенный на поисковые магистрали, и несколько операторов осуществляют поиск. Обычно каждый створ обследуется операторами в два прохода. Этот метод дает только общее представление о насыщенности артефактами обследуемой территории. Инструментальная привязка находок, границ планшетов, реперов является базой для дальнейших более детальных исследований.

Методика сплошного планшетного поиска применяется для детального обследования территории. Для проведения подобных работ на местности при помощи мерных веревок разбивается поисковый планшет с сеткой квадратов 10×10 м. Для удобства поиска квадраты дополнительно делятся на створы шириной 4–5 м. Операторы тщательно, в несколько проходов (3–4) исследуют каждый створ, выкапывая каждую металлическую аномалию.

Методика свободного поиска применялась, когда по условиям местности разбивка веревочной сетки планшета затруднительна, например, если исследуемая территория находится в лесу или поросла густым кустарником. Также затруднительна в таких условиях привязка находок при помощи теодолита. В этих случаях локальное обследование территории выполнялось отдельными операторами в свободном режиме. Привязка находок и границ планшета осуществлялась при помощи GPS-приемников.

Применение этих методик при работах на полях сражений позволяет получить наилучший результат (Гоняный, Двуреченский, 2013. С. 333–350).

*Участники утренней части боя 18 октября
1812 года на русском правом фланге*

Согласно источникам, участником первого этапа Тарутинского сражения на правом фланге русской армии со стороны французов был 2-й кавалерийский корпус под командованием дивизионного генерала графа Ораса Франсуа Бастьяна Себастьяни де ла Порты. В состав корпуса входили: 2-я дивизия легкой кавалерии (это 11-й и 12-й конно-егерские полки, 5-й и 9-й гусарские полки,

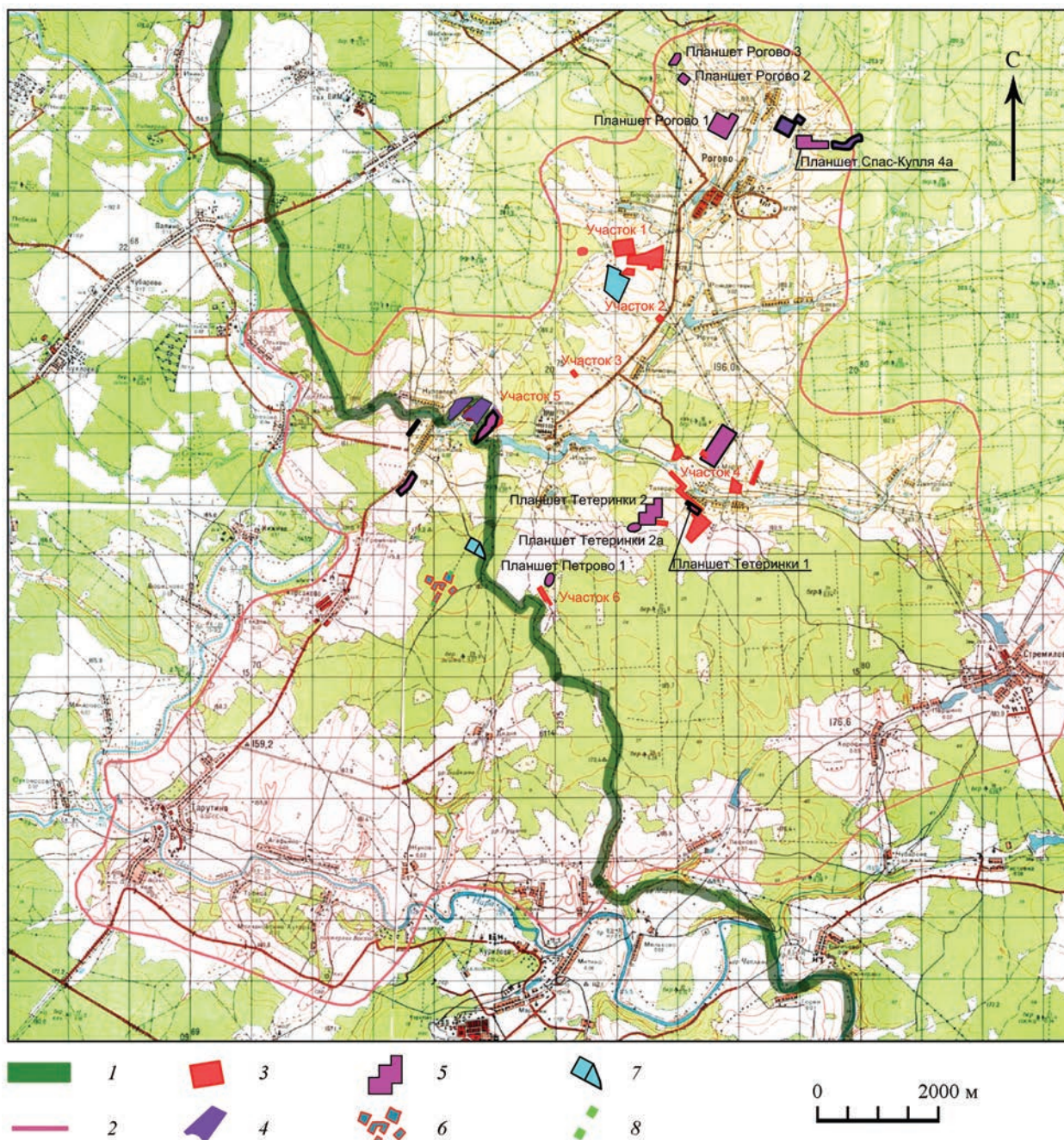

Рис. 2. Москва, Калужская и Московская области. Карта-схема расположения поисковых планшетов, обследованных с 2009-го по 2015 г. с использованием детекторов металла в районе боевых действий 3–18 октября 1812 г.

1 – граница Москвы, Московской и Калужской обл.; 2 – территория, где происходили боевые действия 1812 г.; 3 – планшеты, 2009 г. (рук. Гоняный М.И., Булыкин С.Н.); 4 – планшеты, 2010 г. (рук. Гоняный М.И., Емельянов А.В.); 5 – планшеты, 2011 г. (рук. Гоняный М.И., Емельянов А.В.); 6 – планшеты, 2012 г. (рук. Осипов Д.О.); 7 – планшеты, 2013–2014 гг. (рук. Гоняный М.И.); 8 – планшеты, 2015 г. (рук. Гоняный М.И.)

10-й польский гусарский, 3-й конно-егерский полк Вюртембергский и Прусский 1-й сводный уланский полк), 2-я дивизия тяжелой кавалерии (5-й, 8-й, 10-й кирасирские полки и 2-й шеволежерский полк) и 4-я дивизия тяжелой кавалерии (1-й и 2-й

карабинерские полки, 1-й кирасирский и 4-й шеволежерский полк), а также артиллерийские роты 1-го и 2-го полков конной артиллерии (Бессонов, 2008. С. 126). Вторая дивизия легкой и 2-я дивизия тяжелой кавалерии располагались южнее д. Тете-

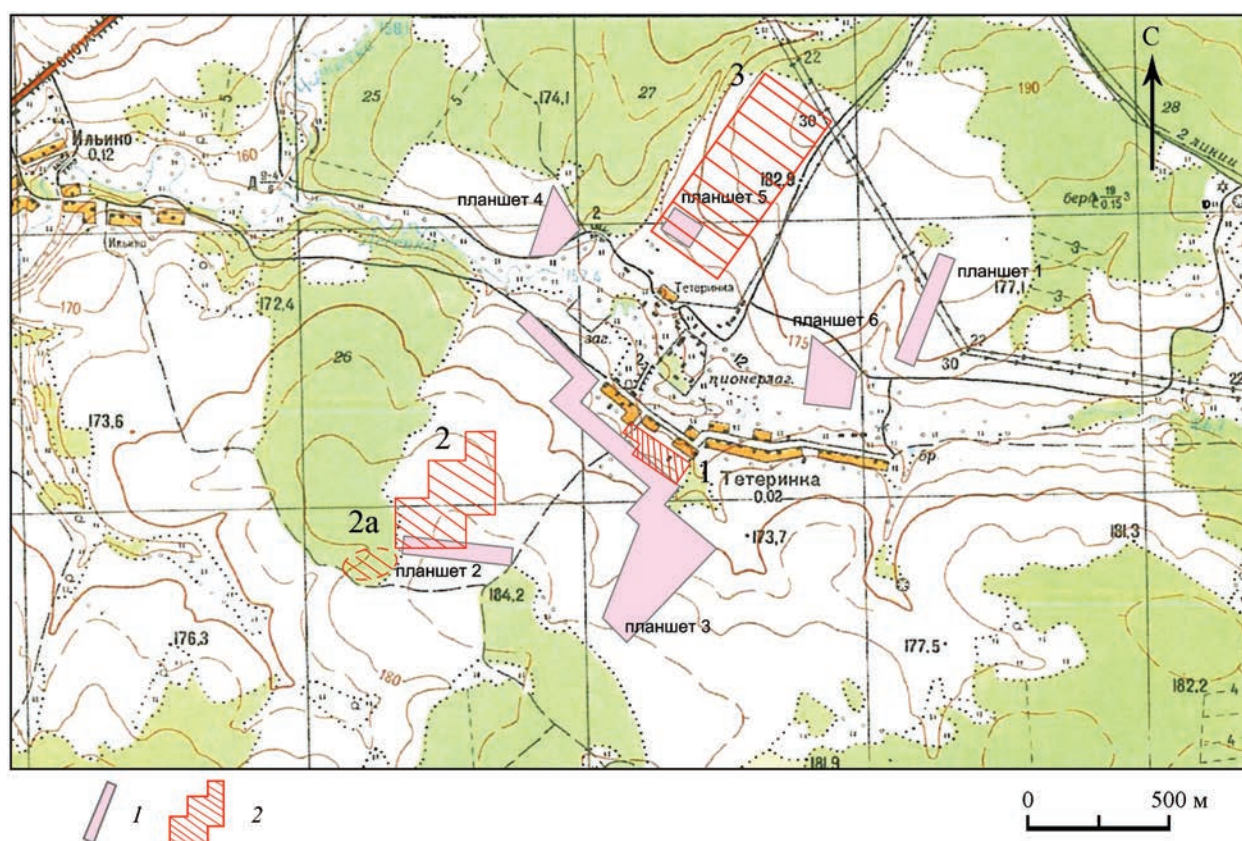

Рис. 3. Схема расположения поисковых планшетов, обследованных в 2009 (1) и 2011 (2) гг.

ринки, 4-я дивизия тяжелой кавалерии – севернее. Западнее кавалерийских частей располагался 5-й армейский (польский) корпус под командованием Юзефа Антония Понятовского. Корпус состоял из 2-го, 3-го, 8-го, 12-го, 15-го и 16-го пехотного полков, 3-й, 4-й, 5-й и 12-й роты пешей артиллерии и 4-го, 5-го конно-егерских, 12-го уланского и 13-го гусарского полков (Бессонов, 2008. С. 124).

Атаковавшая их русская кавалерия под руководством графа Орлова-Денисова состояла из иррегулярных донских казачьих полков и 1-го кавалерийского корпуса в составе лейб-гвардии полков: Драгунский, Уланский, Гусарский, Казачий и Нежинский драгунский полки (Бессонов, 2008. С. 119). Западнее атаковал 2-й пехотный корпус под командованием Карла Федоровича Багговута. Корпус состоял из Тобольского, Волынского, Кременчугского, Минского, 4-го егерского, Рязанского, Брестского, Белозерского и 48-го егерского полков (Бессонов, 2008. С. 113).

Русские войска атаковали с юга, юго-востока в направлении д. Тетеринки и с востока, вдоль северного берега ручья Десёнка. Бои шли севернее и южнее д. Тетеринки (рис. 4).

Результаты работ 2009 и 2011 годов в районе деревни Тетеринки

А. Разведки 2009 г.

Впервые археологические исследования в районе д. Тетеринки проводились в 2009 г. (рис. 3, 1). Тогда с целью найти места боевых действий в районе д. Тетеринки по методике линейно-группового поиска было обследовано шесть поисковых планшетов общей площадью около 28 га и собрано 45 находок. В большинстве своем это вещи русского происхождения: мундирные пуговицы, фрагменты нательных и наперсного крестов, пуговицы-гирьки, бляхи и накладки на конскую упряжь. Находок, которые наверняка можно соотносить с армией неприятеля, было гораздо меньше. Это мундирная пуговица с цифрой 4, скорее всего принадлежавшая 4-му конно-егерскому польскому полку, и фрагмент медной накладки с изображением буквы N. Результаты поисков 2009 г. позволили наметить места для работ по методике сплошного планшетного сбора (Гоняный, 2009. Л. 12).

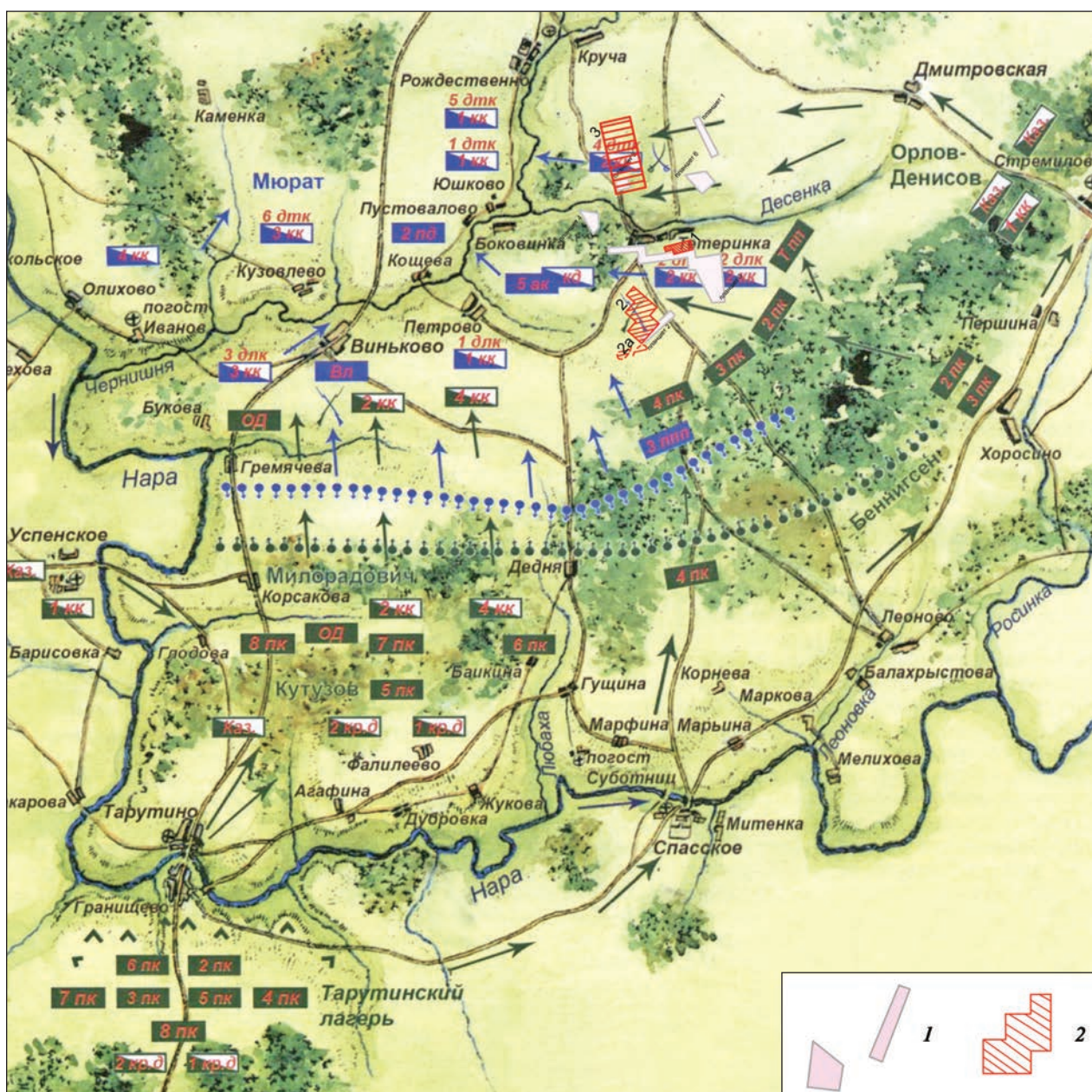

Рис. 4. Наложение поисковых планшетов, обследованных в 2009 (1) и 2011 (2) гг., на карту 1-го этапа Тарутинского сражения, составленную В.М. Типкиным и В.А. Бессоновым

Б. Поисковый планшет № 1 (2011 г.).

Поисковый планшет № 1 площадью 2,5 га был расположен на юго-западной окраине д. Тетеринки, на левом берегу ручья Десёнка, являющегося левым притоком р. Чернички. Изучаемая поверхность долгое время распахивалась.

На площади поискового планшета собрано 277 предметов из цветного и черного металла (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 23). Планшет имел целью накрыть место боя русской кавалерии с дивизиями 2-й легкой кавалерийской и 2-й тяжелой кавалерии французов.

Находки, связанные с войной 1812 г., делились по категориям: боеприпас ручного огнестрельного оружия, артиллерийский боеприпас, фрагменты огнестрельного и холодного оружия, детали экипировки солдат, мундирные пуговицы, снаряжение коня и всадника и прочие находки (монеты, предметы обихода и т. п.). Предметы из последних двух категорий могли быть связаны как с боевыми действиями противоборствующих армий, так и с процессом хозяйственного освоения территории. Мундирные пуговицы выделены в отдельную

категорию как наиболее ценные для реконструкции событий предметы. Как пишет А. А. Королев, «надо иметь в виду, что, в отличие от максимально унифицированной в деталях формы русской армии, каждое войсковое подразделение Великой армии имело собственные пуговицы – как по эмблематике, так и по специфике производства. Сегодня это ценнейший исторический источник, позволяющий с достаточной точностью не только отметить участие отряда в тех или иных сражениях, но и проследить его маршрут в ходе кампании» (Королев, 2013. С. 10).

Наиболее часто встречаемой находкой на планшете являлись свинцовые ружейные пули. Их найдено 108 штук, в том числе 6 деформированных. Их наибольшая концентрация наблюдалась в средней части планшета (рис. 5, а; 6, 1–6). Картечи, осколков гранат, ядер на площади поискового планшета не встречено, что говорит о неучастии артиллерии в бою на этом участке (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 24).

Находки ружейного прибора и холодного оружия представлены семью предметами (рис. 5, б, в). Это медный наконечник ножен (рис. 6, 7) и небольшой обломок литой гарды (рис. 6, 8), медная накладка на пистолет с изображением короны (рис. 6, 9), тыльник рукояти пистолета (рис. 6, 11), ружейная накладка, в терминологии того времени – личинка привертная (Федоров, 1911. С. 26), выполнявшая функции контрпланки (рис. 6, 10), ружейный кремль с сохранившейся медной обкладкой (рис. 6, 12) и обломок ружейной накладки (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 24).

К предметам, связанным с обмундированием и экипировкой, можно отнести 32 предмета (рис. 7, а–г). Это шесть пряжек (рис. 8, 3) из цветного металла, две ажурные накладки из цветного металла в виде короны (рис. 8, 2), бронзовый наконечник ремня со шпеньками для крепления, накладки на ремень кивера – 17 штук (рис. 8, 1), медный разделитель ремня (соединитель перевязи – рис. 8, 4) (Королев, 2013. С. 257), фигурные подвесы на ремень и их фрагменты – 5 шт. (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 25).

Важной находкой являются мундирные пуговицы. Они представлены тремя основными типами. Медные выпуклые гладкие пуговицы использовались русской армией. Медные плоские гладкие пуговицы встречались у русских и вражеских солдат. Номерные пуговицы относятся к неприятельской армии и указывают номер полка их владельца.

На планшете № 1 обнаружено 24 пуговицы (рис. 7, д–ж). Две из них на лицевой стороне несут

изображения перекрещивающихся пушек с цифрами. Пуговица с цифрой 1 принадлежала артиллеристу 1-го полка конной артиллерии (рис. 8, 5), с цифрой 5 – кирасиру 5-го кирасирского полка (рис. 8, 6) (Королев, 2013. С. 220). Оба изделия отлиты из свинцово-оловянного сплава. Плоских гладких пуговиц найдено 4 (рис. 8, 9–10). Выпуклых гладких пуговиц – 17, они утеряны русскими солдатами (рис. 8, 7–8) (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 25).

Детали конской упряжи, предметы, связанные со снаряжением всадника, представлены 26 предметами (рис. 9, а–е). Это подпружные пряжки, фрагменты конских удил, стремя (рис. 10, б), накладки и бляхи на конскую упряжь (рис. 10, 4–5), медные разделительные кольца от упряжи (рис. 10, 7). Безусловно, не все из перечисленных находок могли использоваться в боевых действиях 1812 г. Некоторые связаны со старинной деревней Тетеринки, расположенной недалеко от планшета и существующей, судя по находкам монет, как минимум с XVII в. (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 24).

Среди прочих находок (рис. 9, ж, з) с военными действиями можно связывать застежку-буклю (рис. 10, 3), железную двухстороннюю заклепку, напоминающую по форме заклепку для стяжки дощатых лодок, и монету медную 1 грош 1811 г. (рис. 10, 1), скорее всего, принадлежавшую представителям польского контингента войск (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 26).

Находки, вероятно связанные с хозяйственным освоением территории местными жителями, представлены 74 предметами. С окраиной старинной деревни Тетеринки связаны две серебряные монеты: копейка 60-х гг. XVII в. и копейка начала XVIII в., времени правления Петра I. Найдено 10 различных украшений и бубенчиков: подвеска из цветного металла в виде сердечка, подвеска от серьги, обломок перстня из свинцово-оловянного сплава, фрагмент медного щиткового перстня, бронзовые бубенчики и их обломки, серьга в виде знака вопроса с напускной стеклянной бусиной.

Среди подъемного материала найдено 12 медных нательных крестиков и их обломков (рис. 10, 2). Хронологически они укладываются в рамки конца XVII – XIX в.

Неожиданно много (35 шт.) найдено пуговок-гирек, изготовленных из цветного металла. Крестики и пуговики-гирьки тяготеют к северо-восточной части поискового планшета.

Среди подъемного материала встречены три медные монеты XVIII в., железное проушное тесло для обработки дерева, железные строительные гвозди (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 26).

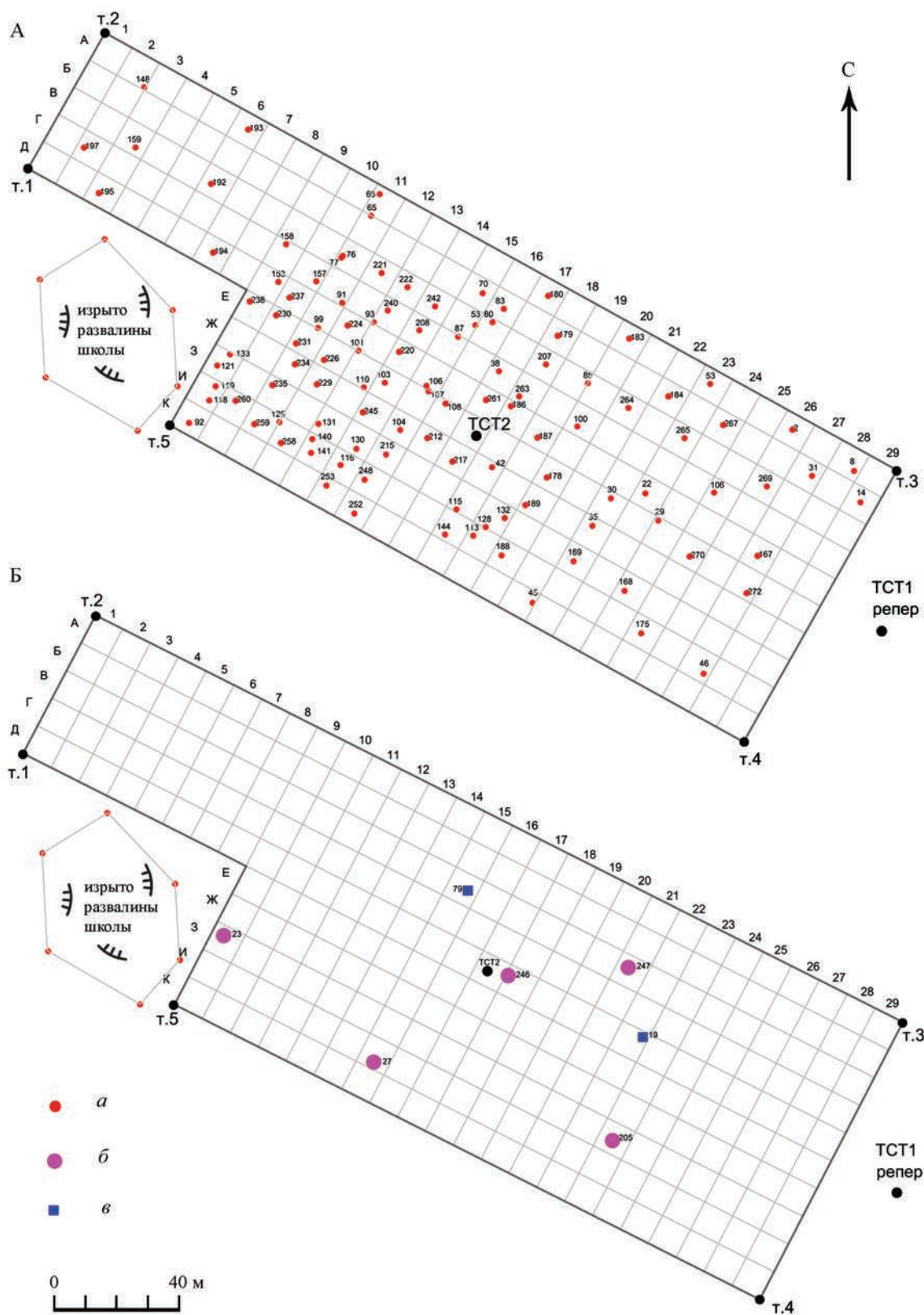

Рис. 5. Поисковый планшет № 1, обследованный с использованием детекторов металла по методике сплошного планшетного сбора в 2011 г. с нанесенными местами находок
 А – пули свинцовые ружейные; Б – фр-ты оружия. а – пули ружейные; б – фр-ты огнестрельного оружия; в – фр-ты холодного оружия

Рис. 6. Находки, собранные на месте сражения 18 октября 1812 г. вблизи д. Тетеринки. Поисковый планшет № 1
 1 – деформированная ружейная пуля; 2–5 – шаровидные ружейные пули; 6 – ружейная пуля с литником; 7 – наконечник ножен; 8 – фр-т гарды; 9 – пистолетная накладка с изображением короны; 10 – ружейная привертная личинка; 11 – тыльник рукоятки пистолета; 12 – ружейный кремь и его медная обкладка. 1–6 – свинец; 7–11 – медь; 12 – кремь и медь.
 Здесь и далее на рисунках номер в скобках соответствует порядковому номеру предмета в коллекционной описи и на поисковом планшете

В. Поисковый планшет № 2 (2011 г.).

Поисковый планшет № 2 площадью 4,25 га был расположен в 0,5 км к западу от юго-западной окраины д. Тетеринки, на левом берегу ручья Десёнка.

С запада планшет № 2 ограничивал лес. Поверхностный горизонт планшета долгое время распаивался.

Цель работ на планшете – накрыть место бивуачной стоянки французских войск и боя русской

кавалерии с французскими частями. На площади поискового планшета собран 491 предмет из цветного и черного металла (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 26).

Наиболее массовой находкой оказались свинцовые ружейные пули (рис. 11, б; 12, 1–3). Их найдено 314 штук, что составляет 63,9% от всех находок. Среди них на 17 экземплярах видны следы деформации (рис. 12, 4–5).

Найдена всего одна чугунная картечина (рис. 11, а; 12, б). Других артиллерийских снарядов

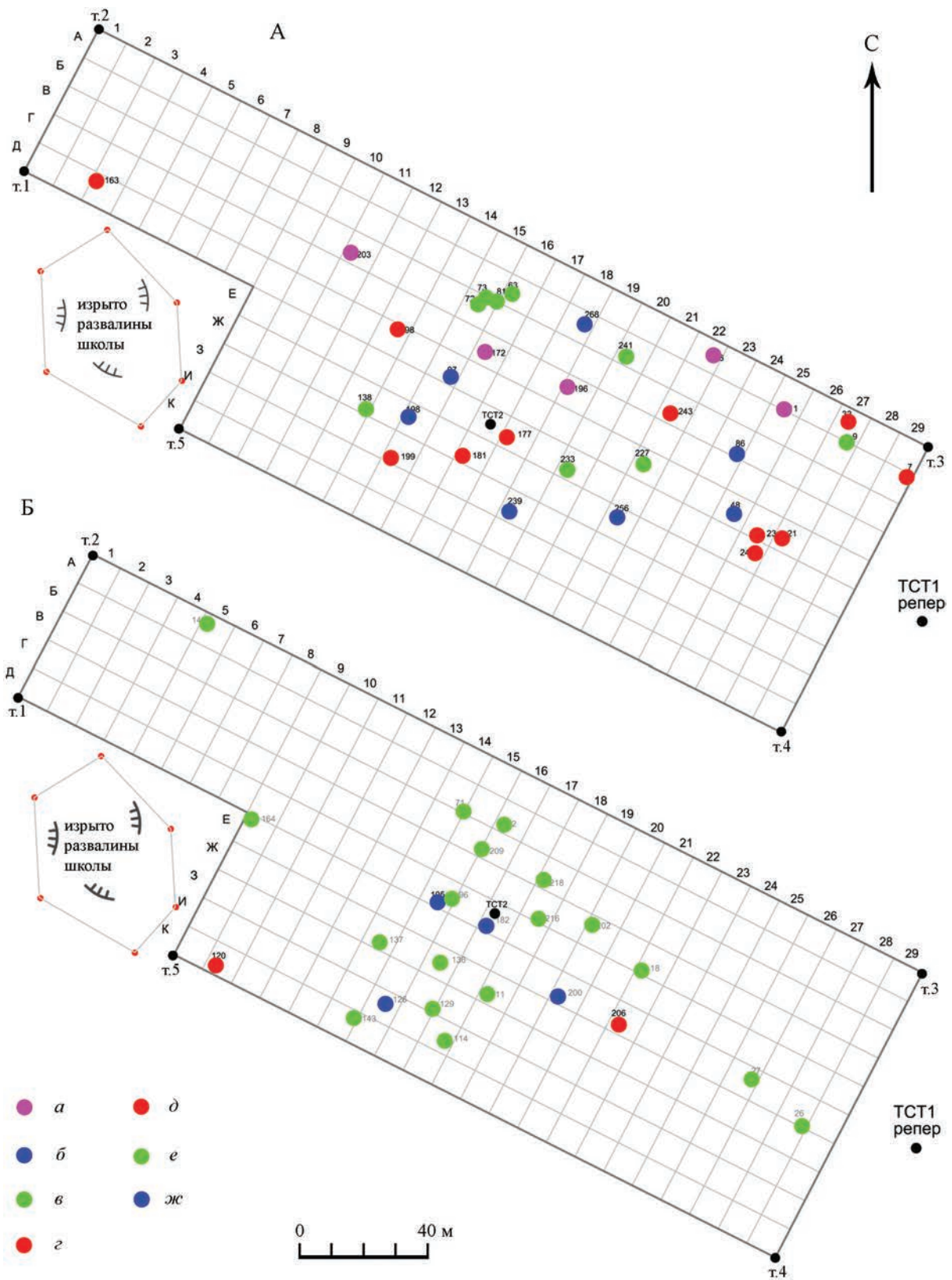

Рис. 7. Поисковый планшет № 1 2011 г. с нанесенными местами находок

А – детали обмундирования; Б – мундирные пуговицы. а – пряжки; б – накладки на одежду, сумки, застежки; в – киверные накладки; г – разделители и наконечники ремней; д – французские пуговицы; е – русские пуговицы; ж – плоские и гладкие пуговицы

Рис. 8. Находки, собранные на месте сражения 18 октября 1812 г. вблизи д. Тетеринки. Поисковый планшет № 1

1 – накладка на ремень кивера; 2 – накладка на сумку в виде короны; 3 – пряжка прямоугольная с закругленными углами; 4 – разделитель ремня; 5 – пуговица с цифрой 1 и перекрещенными пушками; 6 – пуговица с цифрой 5; 7, 8 – мундирные гладкие выпуклые пуговицы (русские); 9, 10 – мундирные гладкие плоские пуговицы. (1, 3, 4, 7–10 – медь; 2 – бронза; 5 – свинцово-оловянный сплав; 6 – олово)

не обнаружено. Ясно, что артиллерия в этой части сражения не участвовала. Концентрация пуль наблюдается в центральной части планшета и в его юго-западной части (Гоняный, 2012. Л. 27). Находки пуль распространялись в сторону леса, на запад. Это стало причиной обследования еще одного участка, получившего название «Тетеринки 2а» (см. ниже).

Деталей ружейного прибора встречено немного – семь предметов (рис. 11, в). Это ружейная полка для пороха (рис. 12, 10), шомпольная трубка из медного сплава (рис. 12, 9), крепление для подвеса холодного оружия (рис. 12, 8), обломки медных ружейных накладок, наконечник ножен (рис. 12, 7) и небольшой фрагмент гарды. Еще один предмет оружейного профиля – железный черешковый наконечник стрелы – найден в северной части планшета (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 28).

Деталей обмундирования и экипировки – 13 экземпляров (рис. 13, а). Это ременные (рис. 14, 15) и портупейные (рис. 14, 13) (Висковатов, 1849.

Рис. 1049) пряжки из медного сплава (рис. 14, 13, 15), накладки на кивер (рис. 14, 14) и ремень кивера (рис. 14, 16), наконечник ремня (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 28).

На планшете № 2 найдено 35 плоских гладких пуговиц (рис. 13, д; рис. 14, 11). Из них выпуклых гладких (русских) – 19 (рис. 13, в; 14, 12). Номерных пуговиц обнаружен 21 экземпляр (рис. 13, б; Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 29). Четыре пуговицы отлиты из свинцово-оловянного сплава, остальные 17 – из медного сплава. Одна пуговица с цифрой 1 могла принадлежать солдату 1-го карабинерского полка 4-й дивизии тяжелой кавалерии или 1-го пехотного полка Висленского легиона. Пуговиц с цифрой 8 – 8-го кирасирского полка – найдено 9 экземпляров (рис. 14, 1–4) (Королев, 2013. С. 225). Две из них изготовлены из свинцово-оловянного сплава, остальные – из медного. Пуговиц с номером 12, входивших в экипировку 12-го конно-егерского полка, обнаружено 10 штук (рис. 14, 6–9) (Королев, 2013. С. 248). С цифрой 10 была одна пуговица

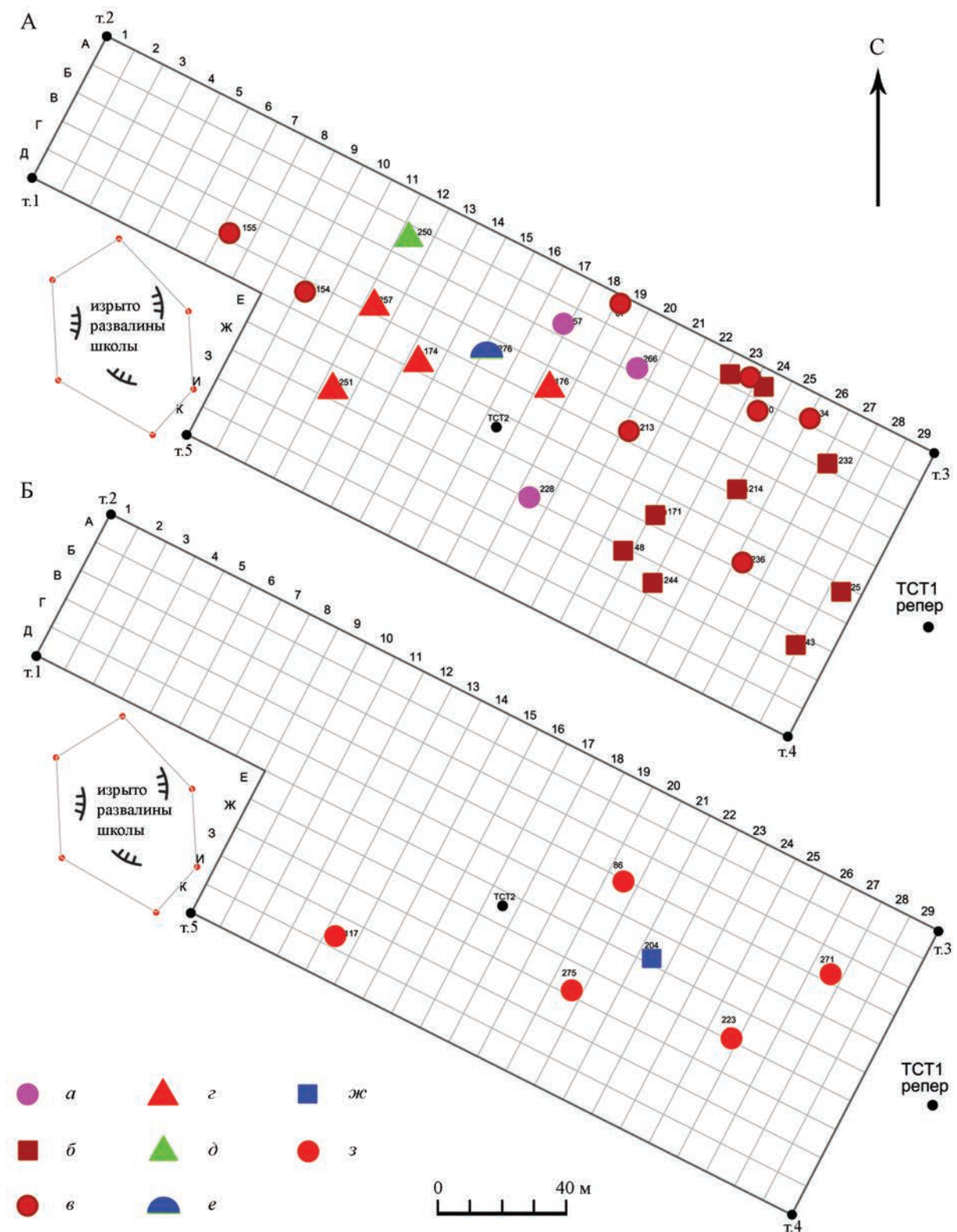

Рис. 9. Поисковый планшет № 1, 2011 г., с нанесенными местами находок

А – детали конской упряжи и снаряжения всадника; Б – прочие находки 1812 г.

a – пружки подпружные; *б* – накладки, бляхи, колокольчики; *в* – медные кольца от упряжи;
z – накладки-подвесы 1812 г.; *d* – фр-ты удила; *e* – стрема; *ж* – серебряные монеты; *з* – прочие предметы

Рис. 10. Находки, собранные на месте сражения 18 октября 1812 года вблизи д. Тетеринки. Поисковый планшет № 1
 1 – монета 1 грош, Польша, 1811 г.; 2 – крест-тельник; 3 – фр-т застежки; 4 – накладка в виде 8-конечной звезды;
 5 – бляха от конской упряжи; 6 – стремя кавалерийское; 7 – кольцо от упряжи. (1–5 – медь; 6, 7 – железо)

(рис. 14, 10), она принадлежала кавалеристу 10-го кирасирского полка (Королев, 2013. С. 227) и отлита из свинцово-оловянного сплава. Также найдена пуговица с цифрой 33 (рис. 14, 5), утерянная представителем 33-го полка линейной пехоты (Королев, 2013. С. 77), входившего во 2-ю пехотную дивизию 1-го армейского корпуса. С изображением перекрещивающихся пушек и цифрой 1 обнаружена только одна пуговица. Она из свинцово-оловянного сплава. Такие носили солдаты и офицеры 1-го полка конной артиллерии, роты которого входили в состав 2-го кавалерийского корпуса.

Детали конской упряжи представлены 21 предметом (рис. 15, а). Среди них сбруйные разделительные кольца (рис. 16, 1), накладки и бляхи на упряжь (рис. 16, 2–4), подпружные железные пряжки (рис. 16, 5), колокольчики. Перечисленные находки могут соотноситься как с войной 1812 г., так и с сельскохозяйственным освоением

территории в XVIII–XX вв. (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 28).

По всей видимости, к предметам, потерянным солдатами армии Наполеона на поле боя, можно отнести европейские монеты: медную монету 3 гроша (рис. 15, 2; 16, б), отчеканенную в Восточной Пруссии на монетном дворе Кенигсберга при Фридрихе II в 1771 г. или в 1777–1786 гг. Другая монета представлена серебряным талером Бреслау (рис. 15, б; 16, 9), отчеканенным при Фридрихе II в 1740–1786 гг. Русские солдаты могли утратить медные монеты: 5 копеек 1803 г. (рис. 15, б; 16, 10), 1 копейку времени правления Павла I, 2 копейки 1800 г. и одну медную затертую монету (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 30).

Также на планшете собрано 6 русских нательных крестиков (вместе с обломками) конца XVIII – начала XIX в. (рис. 15, б; 16, 7–8) (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 31).

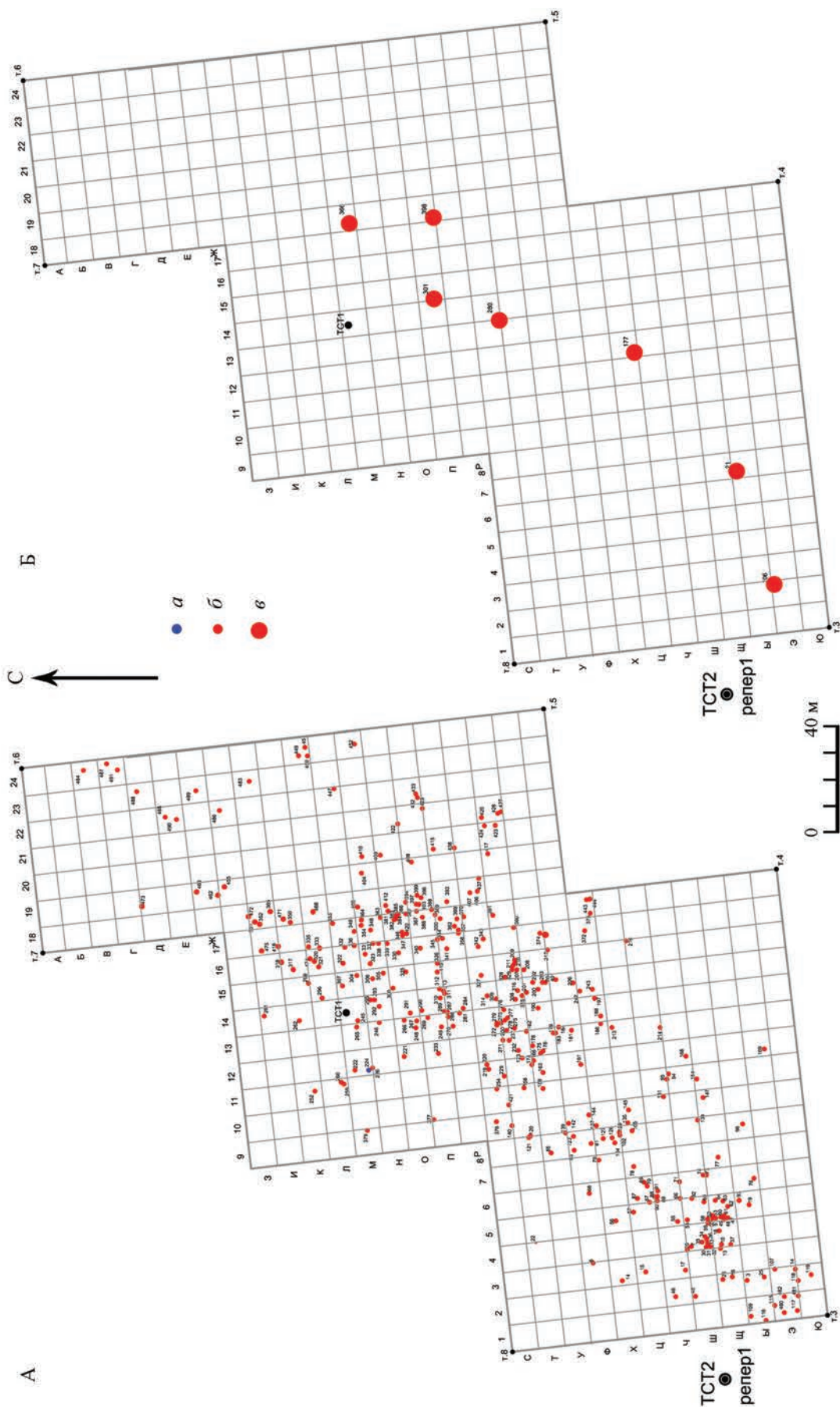

Рис. 11. Поисковый планшет № 2, обследованный с использованием детекторов металла по методике сплошного планшета сбора в 2011 г., с нанесенными местами находок

А – боеприпас для огнестрельного оружия; Б – фр-ты оружия. а – картечь; б – пули ружейные; в – фр-ты оружия

Рис. 12. Предметы, найденные на месте сражения 18 октября 1812 г. в районе д. Тетеринки. Поисковый планшет № 2
 1–3 – шаровидные ружейные пули; 4, 5 – деформированная ружейная пуля; 6 – картечь; 7 – наконечник ножен;
 8 – крепление для подвеса холодного оружия; 9 – шомпольная трубка; 10 – ружейная полка для пороха. (1–5 – свинец;
 6 – чугун; 7–10 – медь)

Г. Поисковый планшет № 2а (2011 г.).

Поисковый планшет № 2а примыкал к юго-западному углу планшета Тетеринки 2 и находился в густом лесу, где поиски по методике планшетного сбора подъемного материала невозможны. Поэтому пришлось проводить работы по методике свободного поиска с привязкой каждой находки и репера при помощи приемника GPS.

Поисковый участок площадью около 0,4 га (50×90 м) имел овальную в плане форму и располагался на опушке леса. На поисковом планшете собраны 24 находки из цветного и черного металлов (рис. 17). Все они связаны с боями октября 1812 г. (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 32).

Найдено 11 свинцовых ружейных пуль (рис. 17, а; 18, 1) и одна чугунная картечь (рис. 17, б; 18, 2). Осколков гранат нет (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 32).

К деталям ружейного прибора относятся ружейный кремль в свинцовой рубашке (рис. 18, 5) и обломок медной гарды. К деталям обмундирования – три медные плоские пуговицы (рис. 18, 7), бронзовая пряжка, накладки на ремень кивера (рис. 18, 3–4) и накладка в виде перекрещивающихся пушек на патронную сумку (рис. 18, 8).

С армией неприятеля можно связывать медную монету 3 гроша 1810 г. (рис. 18, 8) (Гоняный, 2012. Т. 1. Л. 32).

Д. Поисковый планшет № 3 (2011 г.).

Севернее д. Тетеринки обследован планшет № 3. Целью работ на этом участке являлся поиск признаков места боя, состоявшегося утром 18 октября 1812 г. Планшет № 3 расположен в поле на правом берегу ручья Десёнка (левый приток р. Черничка) в 0,1 км к северу от северо-восточной окраины современной д. Тетеринки. Площадь планшета составила 20 га (Гоняный, 2012. Л. 13).

В результате обследования площади планшета № 3 найдены 103 предмета, из которых 26 уверенно соотносятся с событиями октября 1812 г. (рис. 19). В первую очередь это 11 свинцовых пуль (2 деформированные) (рис. 20, 1) и, вероятно, мушкетонная картечина (рис. 20, 2). Поверхность картечи деформирована, ее вес составляет 4,41 г. К артиллерийским снарядам относится осколок чугунной гранаты (рис. 20, 8). Судя по параметрам осколка, граната имела диаметр около 100 мм и толщину стенки 15 мм (Гоняный, 2012. Л. 14).

К деталям экипировки относятся медные пряжки (рис. 20, 5–6), наконечник ремня (запряжница)

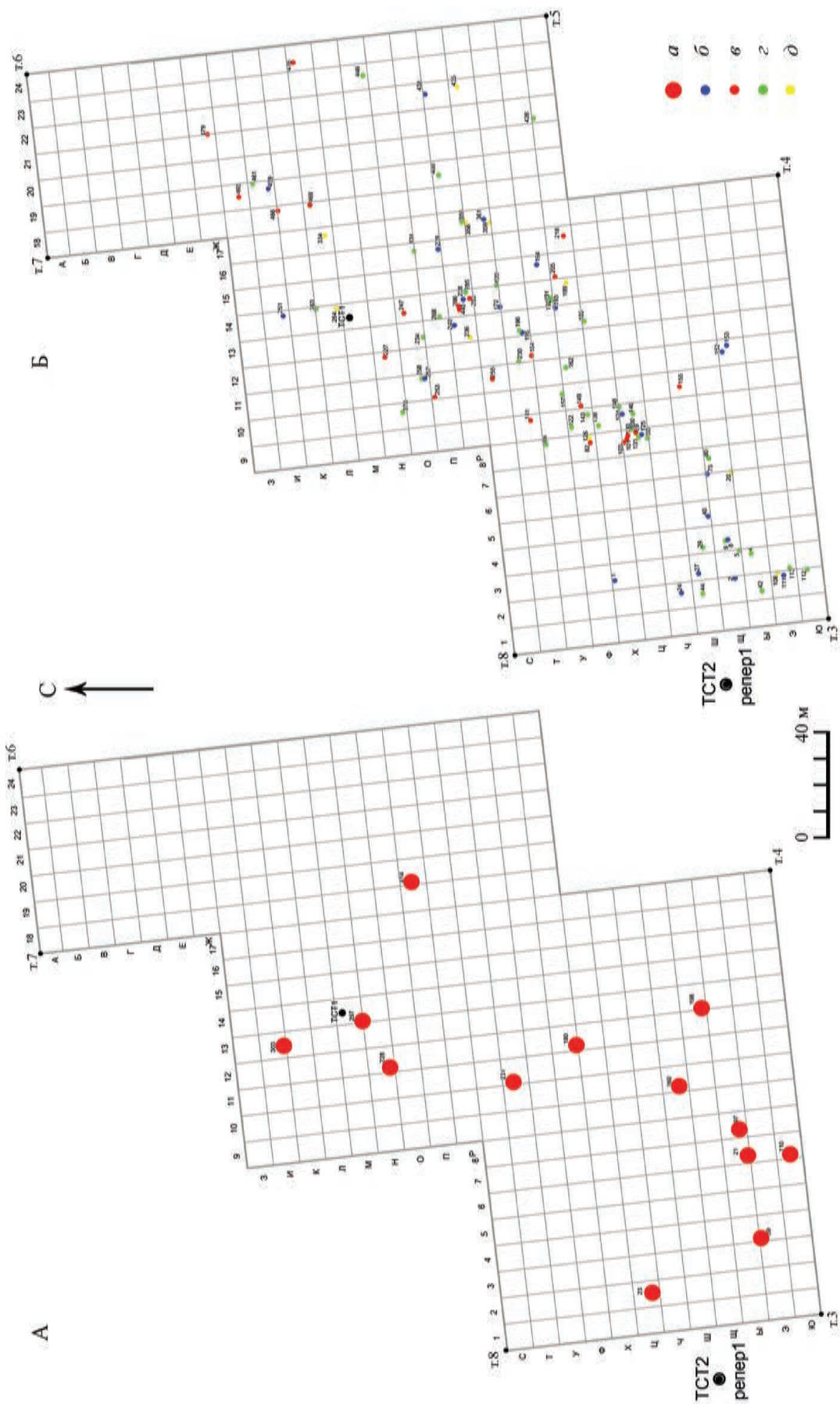

Рис. 13. Поисковый планшет № 2, 2011 г., с нанесенными местами находок
А – детали обмундирования; Б – мундирные пуговицы. а – детали обмундирования; б – французские пуговицы;
в – русские пуговицы; г – пуговицы плоские, гладкие; д – пуговицы-гирьки

Рис. 14. Медные предметы, найденные на месте сражения 18 октября 1812 г. в районе д. Тетеринки. Поисковый планшет № 2

1–4 – мундирная пуговица с цифрой 8; 5 – мундирная пуговица с цифрой 33; 6–9 – мундирная пуговица с цифрой 12; 10 – мундирная пуговица с цифрой 10; 11 – гладкая плоская мундирная пуговица; 12 – гладкая выпуклая мундирная пуговица; 13 – часть португейной застежки; 14 – киверная накладка; 15 – трапециевидная пряжка с язычком; 16 – киверная накладка; 17 – фр-т накладки с тисненым изображением льва

(рис. 20, 9) (Гоняный, 2012. Л. 32). Мундирных пуговиц найдено 7 штук, из них 5 медных выпуклых гладких (русских), медная плоская гладкая (рис. 20, 3), французская мундирная пуговица с цифрой 6 из оловянного сплава (рис. 20, 4). Она указывает на отношение владельца к 6-му кирасирскому полку 5-й дивизии тяжелой кавалерии 1-го корпуса (Королев, 2013. С. 222). Этот полк 18 октября должен был находиться на северном берегу ручья Десёнка. Пуговица, видимо, утеряна в бою 4 октября.

К находкам категории «фрагменты оружия» можно отнести ружейный винт и барашек от него.

Также на площади планшета обнаружен 21 предмет, относящийся к категории «снаряжения коня и всадника»: обломки подков, подковные

гвозди, сбруйные бляшки (рис. 20, 7), накладки, кольца.

Остальная значительная часть сделанных на планшете № 3 находок связана с расположенными вблизи сельскими памятниками (Гоняный, 2012. Л. 14).

Предварительные итоги археологических работ возле деревни Тетеринки

Всего за 2009 и 2011 гг. на планшетах в районе д. Тетеринки собрано 940 находок (табл. 1²), 650 из них можно связать с Тарутинским сражением (табл. 1; 2). К категориям находок, связанных с боями 1812 г., относятся боеприпас ручного огнестрельного оружия, артиллерийский боеприпас, фрагменты оружия, мундирные пуговицы и прочие

² Все таблицы см. в конце статьи.

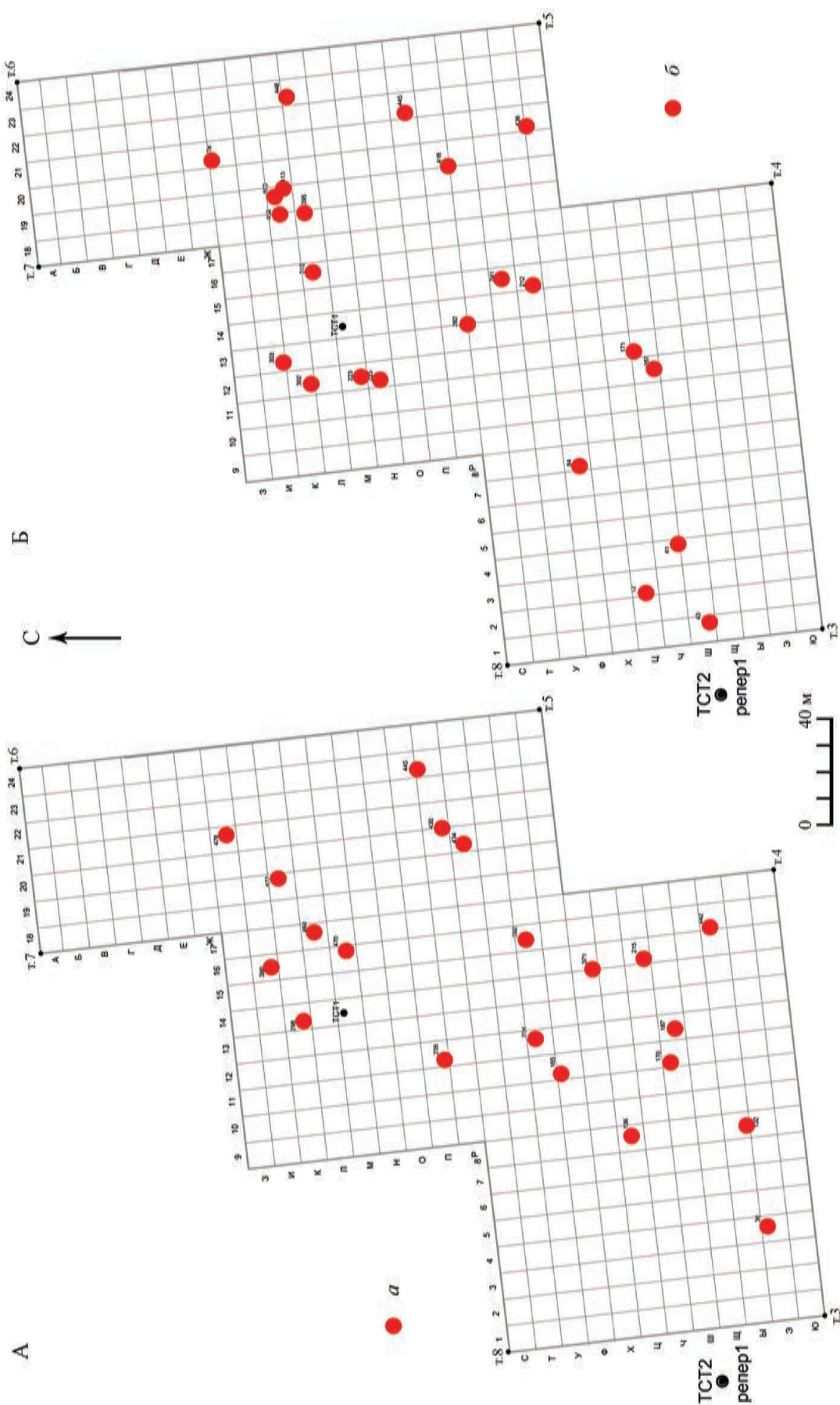

Рис. 15. Поисковый планшет № 2, 2011 г., с нанесенными местами находок

А – детали конской упряжки и снаряжения всадника; Б – прочие находки 1812 г.

а – детали конской упряжки и снаряжения всадника; б – прочие находки, связанные с войной 1812 г.

Рис. 16. Предметы, найденные на месте сражения 18 октября 1812 г. в районе д. Тетеринки. Поисковый планшет № 2

1 – кольцо от упряжи; 2 – фр-т сбруйной накладки; 3 – фр-т сбруйной бляхи; 4 – круглая накладка; 5 – прямоугольная пряжка; 6 – монета 3 гроша, Восточная Пруссия, монетный двор Кенигсберга, Фридрих II, 1771 или 1777–1786 гг.; 7, 8 – фр-т нательного креста; 9 – монета 1 талер Бреслау, Фридрих II, 1740–1786 гг.; 10 – монета 5 копеек, 1803 г. (1–4, 6–8, 10 – медь; 5 – железо; 9 – серебро)

детали экипировки. В категориях «детали упряжи коня и снаряжения всадника» и «прочие бытовые находки» нельзя с уверенностью отделить предметы, утерянные солдатами противоборствующих армий, от предметов, утерянных местными жителями. Артефакты, связанные с деятельностью обитателей края, попали в категорию «находки, связанные с хозяйственным освоением территории».

На площади планшетов № 1, 2 и 2а у д. Тетеринки зафиксированы следы локального сражения русских войск с рядом подразделений 2-го кавалерийского корпуса авангарда под командованием маршала Мюрата. Рассмотренные боевые

действия можно связывать с начальной стадией Тарутинского сражения 1812 г. Получены археологические свидетельства об участии в начавшемся сражении неприятельских подразделений: 4-го конно-егерского польского полка, 1-го полка конной артиллерии, 8-го и 10-го кирасирского полков, 12-го конно-егерского полка, 5-го конно-егерского, или гусарского, или кирасирского полка. Наличие среди находок пуговиц 33-го полка линейной пехоты, 6-го кирасирского полка и 1-го карабинерского полка 4-й дивизии тяжелой кавалерии или 1-го пехотного полка Висленского легиона можно объяснить следами боев 4 октября 1812 г.

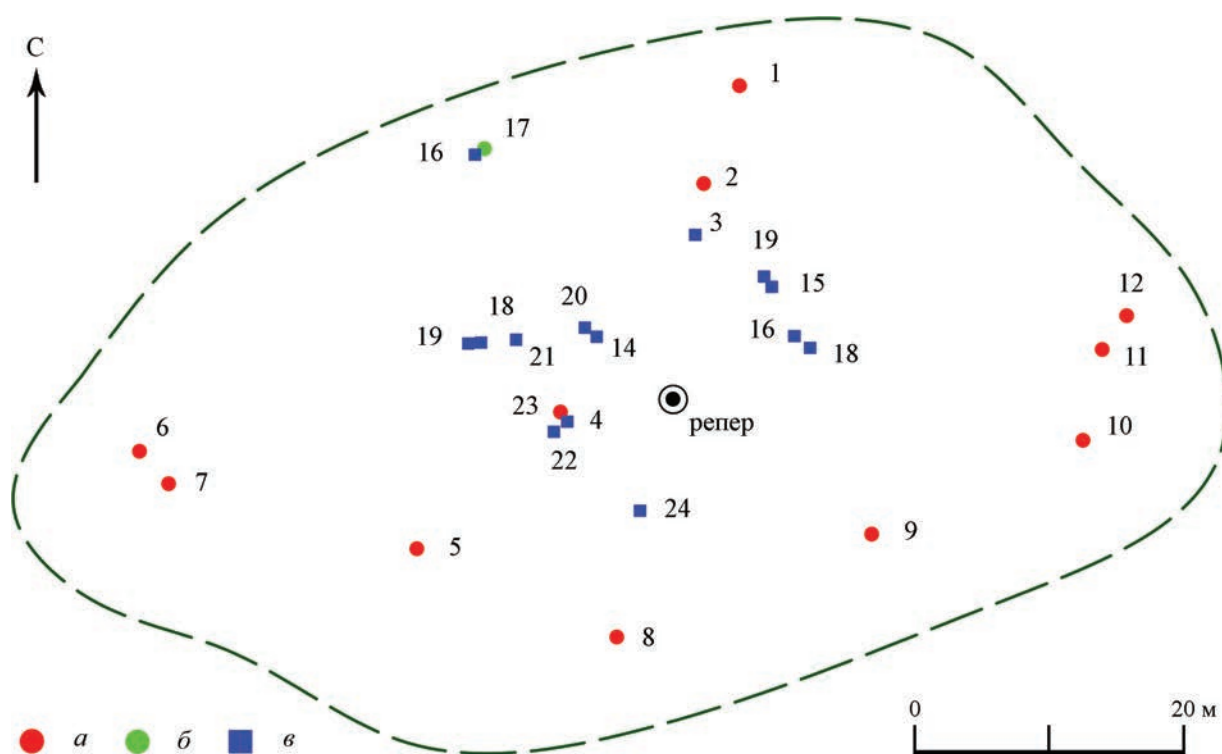

Рис. 17. Поисковый планшет № 2а (лесной), обследованный с использованием детекторов металла по методике свободного поиска в 2011 г., с нанесенными местами находок, связанных с войной 1812 г.

a – ружейные пули; *б* – картечь; *в* – прочие находки

Рис. 18. Предметы, найденные на месте сражения 18 октября 1812 г. в районе д. Тетеринки. Поисковый планшет № 2а (лесной)

1 – ружейная пуля; *2* – картечь; *3* – накладка на кивер; *4* – накладка на кивер с пуговицей для крепления ремня; *5* – ружейный кремь в обкладке; *6* – монета 3 гроша 1810 г.; *7* – гладкая плоская пуговица; *8* – накладка в виде скрещенных пушек. (*1* – свинец; *2* – чугун; *3, 4, 6–8* – медь; *5* – свинец и кремь)

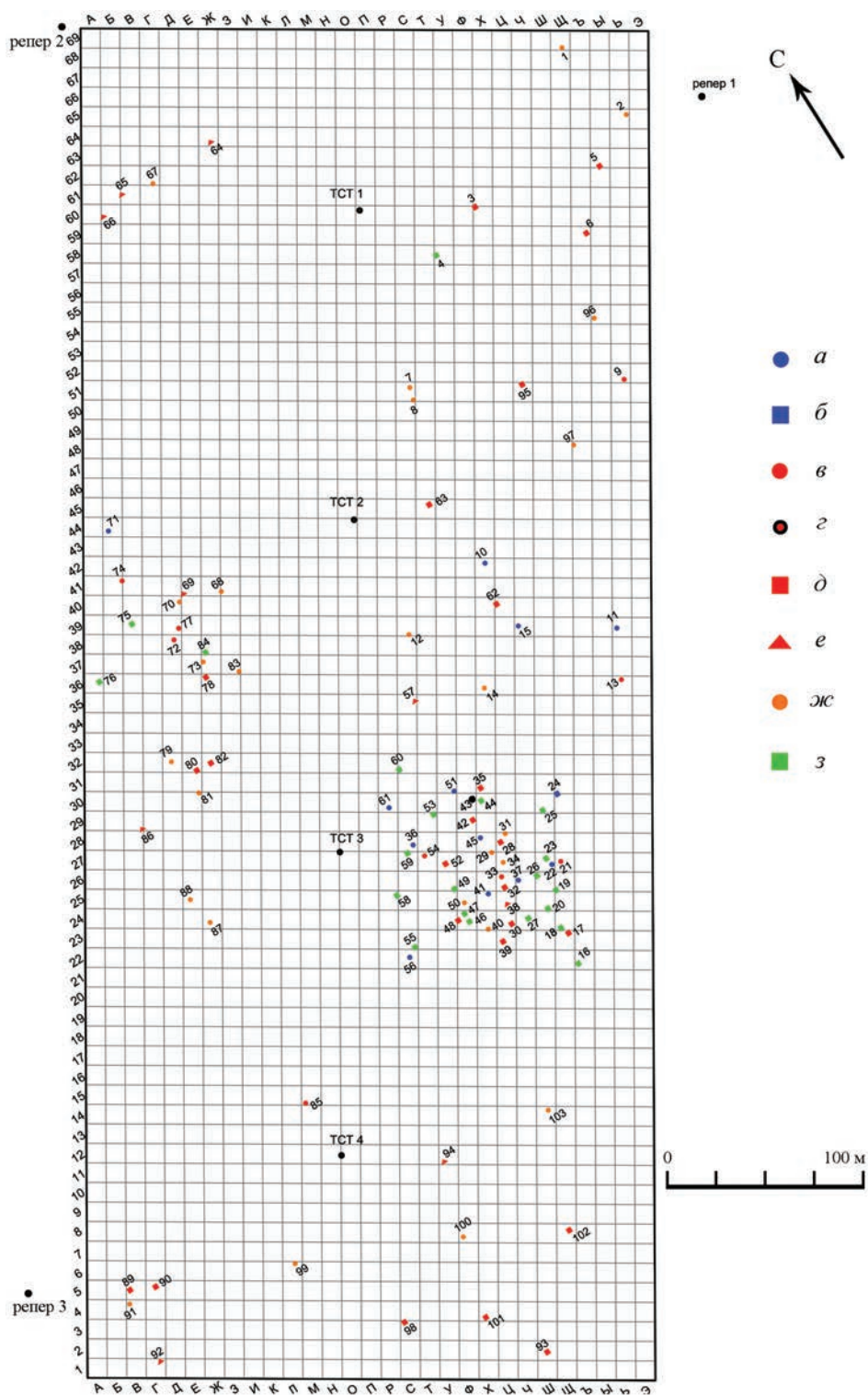

Рис. 19. Поисковый планшет № 3, обследованный с использованием детекторов металла по методике сплошного планшетного сбора в 2011 г., с нанесенными местами находок

а – пули, картечь свинцовые; б – осколки гранат, ядер чугунных; в – пуговицы; г – мундирные пуговицы армии Наполеона; д – пряжки, накладки, украшения; е – прочие находки из цветного металла; ж – монеты; з – прочие находки из железа

Рис. 20. Находки, собранные на месте сражения 18 октября 1812 г. в районе д. Тетеринки. Поисковый планшет № 3

1 – пуля ружейная; 2 – картечина мушкетонная; 3 – плоская гладкая пуговица;
4 – фр-т мундирной пуговицы с цифрой 6; 5 – пряжка прямоугольной формы; 6 – пряжка овальной формы;
7 – сбруйная бляшка; 8 – осколок гранаты; 9 – наконечник ремня (запряжница).
(1, 2 – свинец; 3–7, 9 – медь; 8 – чугун)

Количество, состав находок, сделанных на площади поискового планшета № 3 2011 г., позволяют исключить его территорию из границ активных боевых действий. Из таблицы 3 видно, что плотность находок на планшете № 3 за 2011 г. составляет всего 1,3 находки на гектар исследуемой площади, тогда как у остальных планшетов за тот же год исследования – от 55 до 96 предметов. Доля находок, которые можно связать с войной 1812 г., на планшете № 3 2011 г. также значительно меньше по сравнению с другими планшетами: 25,24% и 61–91%. Учитывая, что в 2009 г. работы проводились по методике линейно-группового поиска и носили разведочный характер для определения перспективных мест дальнейших исследований, их результаты можно рассматривать как предварительные и не учитывать до проведения качественного обследования

всей территории. Сопоставив еще раз письменные источники, карту сражения, составленную В. М. Типкиным и В. А. Бессоновым (2008. С. 76), и схему расположения поисковых планшетов, можно предположить, что следы основного боестолкновения, произошедшего севернее д. Тетеринки, нужно искать к востоку от планшета № 3 2011 г.

Работы с использованием детекторов металла на местах сражений октября 1812 г. в районе Старой Калужской дороги являются важным дополнением к письменным источникам и позволяют увеличить объем информации о Тарутинском этапе Отечественной войны 1812 года.

Продолжение планомерных археологических работ и сопоставление полученных результатов с письменными источниками позволит более точно восстановить картину боев 3–18 октября 1812 г.

Таблица 1. Категории находок на месте боя у д. Тетеринки в 1812 г.

Год, № планшета	Боеприпас ручного огнестрельного оружия	Артиллерийский боеприпас	Фр-ты оружия	Мундирные пуговицы	Прочие детали экипировки	Детали упряжи коня и снаряжения всадника	Прочие бытовые находки	Находки, связанные с хозяйственным освоением	Итого
2009, 1–6	13	0	0	5	3	5	17	2	45
2011, 1	108	0	7	24	32	26	6	74	277
2011, 2	314	1	7	75	13	21	23	37	491
2011, 2а	11	1	2	3	5	1	1	0	24
2011, 3	12	1	2	7	4	21	24	32	103
Итого, шт.	458	3	18	114	57	74	71	145	940
% от общего кол-ва	48,72	0,32	1,91	12,13	6,06	7,87	7,55	15,43	100

Таблица 2. Соотношение категорий находок, связанных с 1812 г.

Год, № планшета	Боеприпас ручного огнестрельного оружия	Артиллерийский боеприпас	Фр-ты оружия	Мундирные пуговицы	Прочие детали экипировки	Итого
2009, 1–6	13	0	0	5	3	21
% от кол-ва пл. 1–6	61,90	0	0	23,81	14,29	100
2011, 1	108	0	7	24	32	171
% от кол-ва пл. 1	63,16	0	4,09	14,04	18,71	100
2011, 2	314	1	7	75	13	410
% от кол-ва пл. 2	76,59	0,24	1,71	18,29	3,17	100
2011, 2а	11	1	2	3	5	22
% от кол-ва пл. 2а	50,00	4,55	9,09	13,64	22,73	100
2011, 3	12	1	2	7	4	26
% от кол-ва пл. 3	46,15	3,85	7,69	26,92	15,38	100
Итого, шт.	458	3	18	114	57	650
% от всех находок 1812 г.	70,46	0,46	2,77	17,54	8,77	100

Таблица 3. Соотношение всех находок и площади планшетов у д. Тетеринки

Год, № планшета	S планшета(ов), га	Общее кол-во находок, шт.	Находки, связанные с 1812 г.	Прочие находки	% находок 1812 г.	Кол-во находок 1812 г. на 1 га планшета
2009, 1–6	28,00	45	21	24	46,67	0,75
2011, 1	2,50	277	171	176	61,73	68,40
2011, 2	4,25	491	410	81	83,50	96,47
2011, 2а	0,40	24	22	2	91,67	55,00
2011, 3	20,00	103	26	77	25,24	1,30

Литература

Бессонов В. А., 2008. Тарутинское сражение. М.: Книга. 116 с.

Висковатов А. В., 1849. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. СПб.: Военная типография. Т. 8. 106 с.

Гоняный М. И., 2009. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах в районе Тарутинского сражения 1812 г. (Подольский район Московской области) в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 29129.

Гоняный М. И., 2012. Отчет о результатах разведочных археологических работ на месте Тарутинского сражения в Подольском районе Московской области в 2011 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 29521.

Гоняный М. И., Двуреченский О. В., 2013. История и некоторые методические подходы археологического изучения Бородинского сражения // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино 1812–2012. Можайск. С. 331–348.

Королёв А. А., 2013. По следам Великой армии Наполеона. СПб.: Лики России. 468 с.

Крайдёнов В. Ф., 2011. 1812 год на Старой Калужской дороге. М.: Русский Вестник. 264 с.

Кутузов М. И., 1955. Сборник документов в 5 тт. / Под. ред. Л. Г. Бескровного. Т. 4. Ч. 2. М.: Воениздат. 848 с.

Фёдоров В. Г., 1911. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб.: Т-во Художественной Печати. 482 с.

М. I. Gonyaniy, E. S. Shevyakov

Archeological investigations in the Teterinka area at the site of the Russian army's right flank positions during the first phase of the Tarutino battle on October 18, 1812

Summary

Archaeological excavations in the area of Teterinka village was carried out in 2009 and 2011. They were part of many years of research on the battles of Tarutino that took place during the Patriotic war of 1812. Excavations near Teterinka were carried out to detect traces of a Russian army attack on the French troops during the first stage of the battle of Tarutino on October 18, 1812.

Work on detection of the places of clashes was carried out using the method of continuous collection of artefactual remains within exploration plots with the help of metal detectors.

During the entire period of work 940 remains were discovered, of which 650 items are likely to be associated with the battles of 1812.

After a qualitative and quantitative analysis of the findings, it was concluded that the site of the battle between the Russian troops and the enemy was south of Teterinka. North of Teterinka no clear traces of Russian cavalry attack were found. It was proposed to carry out work to the east of the surveyed territories for further search for traces of the battle.

List of figures

Fig. 1. Modern map of the battle area of October 1812 near Tarutino

1 – border of Moscow and Kaluga regions (A); 2 – border of Moscow and Kaluga regions (B); 3 – the border of the area of hostilities 3–18 October 1812 (B); 4 – Old Kaluga road; 5 – road Spas-Kuplya – Bogoyavlenskoye

Fig. 2. Moscow, Kaluga and Moscow regions. A schematic map of the location of the search plates surveyed from 2009 to 2015, using metal detectors in the area of hostilities 3–18 October 1812

1 – border of Moscow, Kaluga and Moscow regions; 2 – the area where the fighting took place in 1812; 3 – exploration areas, 2009 (leaders Gonyany M. I., Bulynkin S. N.); 4 – exploration areas, 2010 (leaders Gonyany M. I., Emelyanov A. V.); 5 – exploration areas, 2011 (leaders Gonyany M. I., Emelyanov A. V.); 6 – планшеты, 2012 г. (leader Osipov D. O.); 7 – exploration areas, 2013–2014 (leader Gonyany M. I.); 8 – exploration areas, 2015 (leader Gonyany M. I.).

Fig. 3. The layout of the exploration areas in 2009 (1) and 2011 (2)

Fig. 4. Overlay of the exploration areas surveyed in 2009 (1) and 2011 (2) on the map of the 1st stage of the Tarutino battle, compiled by V.M. Tipkin and V.A. Bessonov

Fig. 5. Exploration area № 1, research area surveyed using metal detectors using the method of continuous collection of material in 2011, with marked places of finds

A – lead gun bullets; Б – fragments of weapons; *a* – gun bullets; *б* – fragments of firearms; *в* – fragments of bladed weapons

Fig. 6. The finds collected at the site of the battle on October 18, 1812 near the village of Teterinki. Exploration area № 1

1 – deformed gun bullet; 2–5 – ball-shaped gun bullets; 6 – gun bullet with sprue; 7 – scabbard tip; 8 – fragment of the guard; 9 – pistol plate with the image of a crown; 10 – gun screw grub; 11 – the back of the pistol grip; 12 – gun flint and copper lining. (1–6 – lead; 7–11 – copper; 12 – flint and copper)

Here and below in the figures, the number in brackets corresponds to the ordinal number of the item in the collection inventory and in the exploration area

Fig. 7. Exploration area № 1 2011 with marked places of finds

A – details of uniform; Б – uniform buttons. *a* – buckles; *б* – onlays for clothes, bags, fasteners; *в* – shako pads; *г* – belt dividers and ends; *д* – French buttons; *е* – Russian buttons; *ж* – flat and smooth buttons

Fig. 8. The finds collected at the site of the battle on October 18, 1812 near the village of Teterinki. Exploration area № 1

1 – pad on the shako belt; 2 – pad on the bag in the form of a crown; 3 – rectangular buckle with rounded corners; 4 – belt separator; 5 – Button with number “1” and crossed guns; 6 – button with the number “5”; 7, 8 – uniform smooth convex buttons (Russian); 9, 10 – uniform smooth flat buttons. (1, 3, 4, 7–10 – copper; 2 – bronze; 5 – lead-tin alloy; 6 – tin)

Fig. 9. Exploration area № 1, 2011, with marked places of finds

A – details of horse harness and rider equipment; Б – other finds of 1812; *a* – saddle-girth buckles; *б* – onlays, plaques, bells; *в* – copper harness rings; *г* – overlays 1812; *д* – fragments of the bridle; *е* – stirrup; *ж* – silver coins; *з* – other items

Fig. 10. The finds collected at the site of the battle on October 18, 1812 near the village of Teterinki. Exploration area № 1

1 – coin “1 grosz”, Poland, 1811; 2 – pectoral cross; 3 – fragment of fastener; 4 – eight-pointed star escutcheon; 5 – horse harness plaque; 6 – cavalry stirrup; 7 – harness ring. (1–5 – copper; 6, 7 – iron)

Fig. 11. Exploration area № 2, surveyed using metal detectors according to the method of continuous collection of material in 2011, with marked places of finds

A – ammunition for firearms; Б – fragments of weapons; *a* – buckshot; *б* – gun bullets; *в* – fragments of weapons

Fig. 12. The finds collected at the site of the battle on October 18, 1812 near the village of Teterinki. Exploration area № 2

1–3 – ball-shaped rifle bullets; 4, 5 – deformed gun bullet; 6 – buckshot; 7 – scabbard tip; 8 – mount for the suspension of bladed weapons; 9 – ramrod pipe; 10 – gunpowder rack. (1–5 – lead; 6 – cast iron; 7–10 – copper)

Fig. 13. Exploration area № 2 2011 with marked places of finds

A – details of uniform; Б – uniform buttons; *a* – details of uniform; *б* – French buttons; *в* – Russian buttons; *г* – flat, smooth buttons; *д* – buttons-weights

Fig. 14. Copper items found at the site of the battle on October 18, 1812 near the village of Teterinki. Exploration area № 2

1–4 – uniform button with the number “8”; 5 – uniform button with number “33”; 6–9 – uniform button with the number “12”; 10 – uniform button with the number “10”; 11 – smooth flat uniform button; 12 – smooth convex uniform button; 13 – piece of harness fastener; 14 – shako pad; 15 – trapezoidal buckle with tongue; 16 – shako pad; 17 – fragment of an overlay with the image of a lion

Fig. 15 Exploration area № 2 2011 with marked places of finds

A – details of horse harness and rider equipment; Б – other finds of 1812; *a* – details of horse harness and rider equipment; *б* – other finds associated with the war of 1812

Fig. 16. Items found at the site of the battle on October 18, 1812 near the village of Teterinki. Exploration area № 2

1 – harness ring; 2 – fragment of harness lining; 3 – harness plaque fragment; 4 – round plate; 5 – rectangular buckle; 6 – coin “3 grosz”, East Prussia, Königsberg Mint, Frederick II, 1771 or 1777–1786; 7, 8 – fragment

of the pectoral cross; 9 – coin “1 thaler” Breslau, Frederick II, 1740–1786; 10 – coin “5 kopecks”, 1803. (1–4, 6–8, 10 – copper; 5 – iron; 9 – silver)

Fig. 17. Exploration area № 2a (forest), surveyed using metal detectors according to the free search method in 2011, with marked places of finds related to the war of 1812

1 – gun bullets; 2 – buckshot; 3 – other finds

Fig. 18. Items found at the site of the battle on October 18, 1812 near the village of Teterinki. Exploration area № 2a (forest)

1 – gun bullet; 2 – buckshot; 3 – shako pad; 4 – overlay for a shako with a button for attaching a belt; 5 – gun flint in lining; 6 – coin “3 grosz” 1810; 7 – smooth flat button; 8 – plate in the form of crossed guns. (1 – lead; 2 – cast iron; 3, 4, 6–8 – copper; 5 – lead and flint)

Fig. 19. Exploration area № 3, surveyed using metal detectors according to the method of continuous collection of material in 2011, with marked places of finds

a – bullets, buckshot lead; *b* – fragments of grenades, cast iron kernels; *c* – buttons; *d* – Napoleon’s army uniform buttons; *e* – buckles, onlays, decorations; *f* – other non-ferrous metal finds; *ж* – coins; *з* – other iron finds

Fig. 20. Finds collected at the site of the battle on October 18, 1812 near the village of Teterinki. Exploration area № 3

1 – gun bullet; 2 – musket shot; 3 – flat smooth button; 4 – a fragment of a uniform button with the number “6”; 5 – buckle rectangular; 6 – oval buckle; 7 – harness plaque; 8 – splinter of grenade; 9 – belt tip. (1, 2 – lead; 3–7, 9 – copper; 8 – cast iron)

А. В. Яганов

Институт археологии РАН, Москва

О периодизации пространственно-планировочной структуры собора Чудова монастыря 1501–1503 годов

Концепция строительной истории собора кремлевского Чудова монастыря сложилась во времена И. М. Снегирева и И. Е. Забелина, и на протяжении второй половины XIX – начала XX столетия мы встречаемся с ее многократным тиражированием. Впоследствии большинство исследователей столь значимого для московской архитектуры памятника придерживалось устоявшегося стереотипа. При анализе этих обзоров сложно сказать, сколько церквей, одна или две, предшествовали возведенной Иваном III и какие ранние элементы сохранились от нее (или от них) в постройке 1501–1503 гг.¹

Здание Михайло-Архангельского собора начала XVI в. (рис. 1) утрачено практически неисследованным, и, затрагивая этот сюжет, мы прекрасно понимаем, что мизерный объем сохранившихся отчасти противоречивых материалов не может заменить натурные изыскания², поэтому все выдвигаемые нами предположения останутся только гипотезами. Сведения письменных источников, выявление и систематизация которых продолжаются по сей день, относятся в основном к XVII–XX вв. и не затрагивают ранней истории памятника. Несколько проливают свет на хронологию каменного строительства результаты археологических раскопок на месте Чудова монастыря в 2015–2017 гг., но из-за нарушения или утраты большей части культурных отложений появилось больше вопросов, нежели ответов.

Исследователи отмечали противоречивость архитектуры Михайловского собора, в котором

они усматривали раннемосковские и псковские черты, мотивы Успенского собора и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, совмещенные с ренессансной фасадной декорацией (*Горностаев*, 1913. С. XXXI–XXXII). В облике памятника угадывался заказ, предписывавший воспроизвести узнаваемые черты собора митрополита Алексея. Зодчий, применяя новые технологии, по-своему стилизовал незнакомые ему конструкции и декор храма 1365 г. Это отразилось в архаичной ступенчатой системе сводов, высоких апсидах, расчлененных полуколонками³, порталах, два из которых, западный и северный, «выдержаны в раннемосковском стиле» (*Горностаев*, 1913. С. XXXIII). Высокий подклет ассоциируется с распространенными в зодчестве XIV – начала XV в. стилобатами.

Наиболее спорным, по нашему мнению, моментом в строительной истории собора является атрибуция находившихся под зданием начала XVI в. двух ярусов: подклета и подвала. Краткое и довольно общее описание нижних этажей собора И. М. Снегиревым (*Мартынов, Снегирев*, 1852. С. 91–93) послужило источником для последующих компиляций, в которых не добавлено практически ничего нового. Традиционно все исследователи склонялись к мысли, что эти конструкции являлись сохранными в 1501 г. частью собора митрополита Алексея 1365 г. или сменившего его здания 1430-х годов. Мнение о неодновременности верхних и нижних частей храма встречаем в работах И. Е. Забелина (1905. С. 288), Н. А. Скворцова (1913. С. 161), А. М. Павлинова (1894. С. 137–138),

¹ Вопросы, связанные с датировкой первой каменной Михайловской церкви Чудова монастыря (1365 г.) и ее возможными перестройками в первой половине XV в., изложены в статье В. А. Кучкина (1980).

² Нам неизвестен даже формат кирпича, использовавшегося в стенах собора.

³ Эти колонки с утратами из-за поздних расширений окон показаны на плане 1849 г. Подобные детали можно увидеть, например, в звенигородском Успенском соборе.

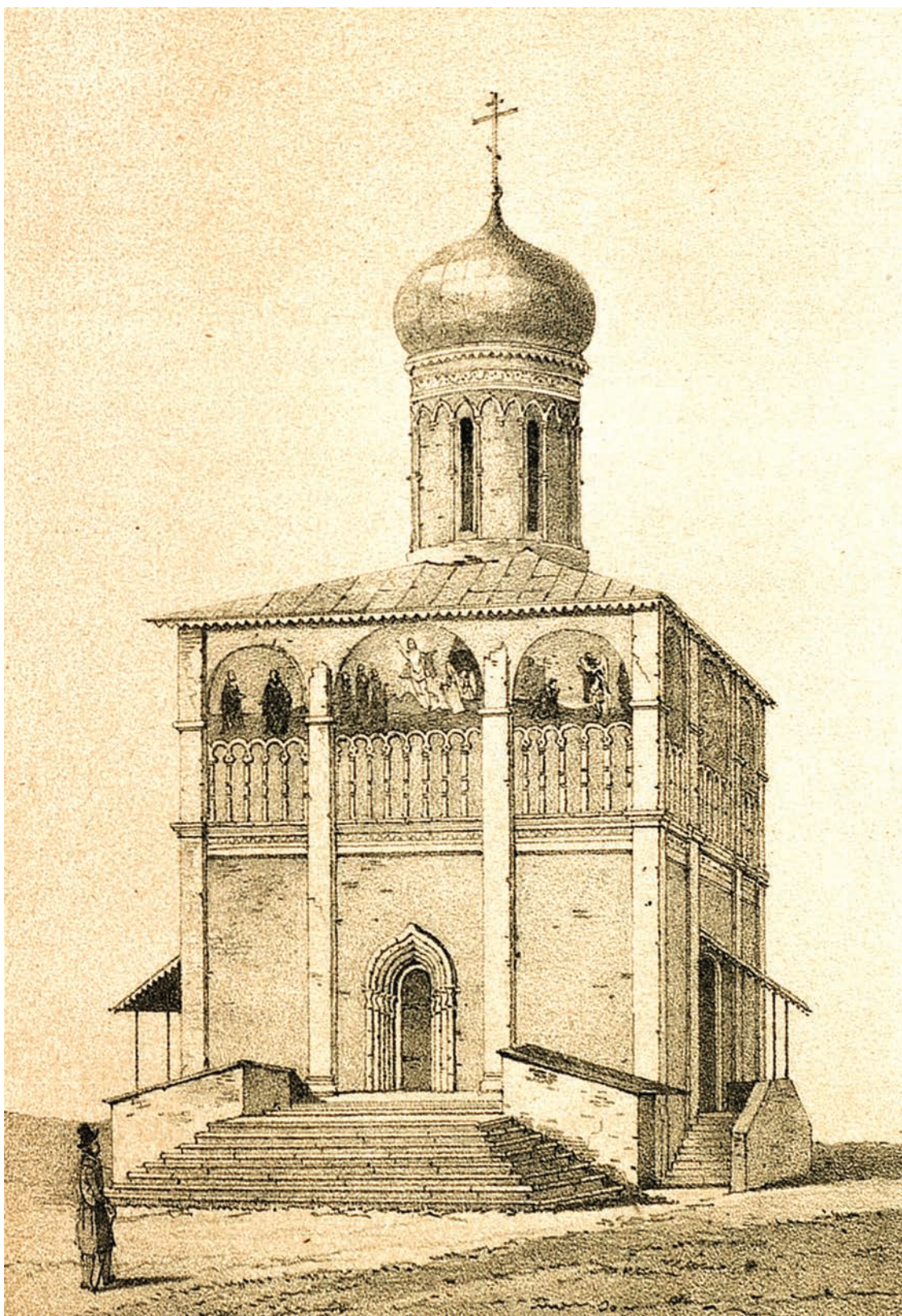

Рис. 1. Вид Михайловского собора Чудова монастыря 1501–1503 гг. с юго-запада
(Мартынов, Снегирев, 1852. Вкл. между с. 78–79)

В.В. Сулова (1901. Прим. к рис. 1), М.В. Красовского (1911. С. 70), Ф.Ф. Горностаева (1913. С. XXX), Н.Н. Воронина (1962. С. 181–182) и В.П. Выголова (1978). Эти авторы не смогли отказаться от довлевшего над ними стереотипа о невозможности сосуществования белокаменной и кирпичной кладок в одноэтапно построенном здании и признать, что различие материала не является безусловным признаком одновременности⁴.

Первый каменный монастырский храм Чуда Архангела Михаила с приделом Благовещения построен по инициативе митрополита Алексея в 1365 г. и затем стал местом его погребения. По версии жития святителя, составленного Пахомием Логофетом около 1459 г., обретение мощей митрополита Алексея связано с обрушением верха храма в годы княжения Василия II, при святителе Фотии (т.е. до мая 1431 г.). Постройку новой церкви, которая «въздвигена бысть зело прекрасна» (Кучкин, 1967. С. 251), В.А. Кучкин относит к 1431–1437 гг. (Кучкин, 1980. С. 8) или обобщенно к 1430-м годам.

Кроме пахомиевской Повести об обретении мощей, другие источники не дают никаких сведений об обрушении Михайловского собора 1365 г. и последующей его перестройке. Столь важное для Москвы событие, как прославление митрополита Алексея в 1431 г., кратко отражено лишь в двух второстепенных летописных сводах, без подробного описания обстоятельств⁵. Рассуждая о принадлежности подклетов собору 1430-х годов, авторы прибегают к Пространной редакции жития 1560-х годов, где в образно-риторическом ключе описывается Михайловский храм 1501–1503 гг. Наличие нижних ярусов они выводят из двусмысленных указаний, что церковь в XV в. была «высока и зело прекрасна и трикровна, выспръ восходи именя» (ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 366).

Обращаясь к теме чудовского собора, Н.Н. Воронин сначала относится к версии своих предшественников с некоторой долей сомнения, но затем присоединяется к ней. Ссылаясь на наблюдения В.Н. Иванова, в 1929 г. «имевшего возможность осмотреть развалины» собора 1501–1503 гг., исследователь утверждает что «подклеты храма

XV в. лежали внутри стен здания 1365 г.», выводя из этого, что «собор митрополита Алексея был очень крупным зданием, соперничавшим с постройками Калиты, если не превосходившим их» (Воронин, 1962. С. 182).

Работой, непосредственно посвященной нижним ярусам Михайловского собора, стала статья В.П. Выголова (1978). Автор не добавляет ничего нового к выводам своих предшественников о постройке храма 1501–1503 гг. на подклетах 1430-х годов. Он критически подходит к устоявшемуся предрассудку о разделении кирпичной и белокаменной частей, отсылая при этом к памятникам Александровой слободы, Успенскому собору в Дмитрове. Но тут же, «учитывая довольно редкое применение высоких, в два яруса подклетов в московской архитектуре XV–XVI вв.», допускает существование в храме 1430-х годов расположенных друг над другом нижних этажей, сохраненных в здании 1501–1503 гг., и указывает на пример московского Благовещенского собора (Выголов, 1978. С. 75). Как замечает В.П. Выголов, длина подклета Михайловского собора превышала на 7,5 м размер собора 1501–1503 гг., что «трудно, а вернее говоря, просто невозможно допустить при одновременности их сооружения», из чего делается вывод о существовании в западной части собора 1430-х годов притвора или нартекса, которого уже не было в новой церкви (Выголов, 1978. С. 76–77).

Для подтверждения концепции даются характеристики белокаменной кладки подклета и подвала и сравнение ее особенностей с технологическими приемами (врубка «в зуб»; использование «скошенных камней – “помочей”»; выкладки конх апсид «в виде “концентрических дуг” из рядов более мелких блоков камня»), которые встречаются в памятниках раннемосковского времени, «полностью исчезая в зданиях конца XV и начала XVI в.» (Выголов, 1978. С. 77).

Другой источник, приводимый В.П. Выговым, – житийная икона митрополита Алексея начала XVI в., в клеймах которой он находит изображение собора 1430-х годов, и это изображение «явно сохраняет в основном адекватность своему реальному прототипу». Оно имеет черты,

⁴ Например, версия о двухэтапности строительства белокаменного подвала и верхних, кирпичных ярусов Успенского собора в Дмитрове существовала довольно долго. Эти положения опроверг Б.Л. Альтшуллер, на основании обследования кладок доказавший одновременность всех частей памятника, относящегося к началу XVI в. На его доклад, прочитанный на заседании сектора древнерусского искусства Института истории искусств 27 февраля 1968 г., ссылается Г.В. Попов (1972. С. 200. Прим. 17).

⁵ Работа, анализирующая письменные источники по строительству в Чудовом монастыре в XV–XVI вв., находится в печати.

подтверждающие сделанную автором реконструкцию, «даже пониженную пристройку с правой стороны здания типа притвора» (Выголов, 1978. С. 80).

В итоге автор видел Михайловский собор 1430-х годов крестовокупольным, одноглавым, трехапсидным, с позакомарным покрытием, близким к Успенскому собору в Звенигороде, соборам Саввино-Сторожевского и Андроникова монастырей. «К индивидуальным особенностям собора следует отнести двухъярусный подклет, западный притвор (нартекс) и, видимо, небольшую венчавшую главу» (Выголов, 1978. С. 80). Аналогии притвору В. П. Выголов находил в церкви Спаса на Бору, соборе полоцкого Спасо-Евфросиньева монастыря, Троицком соборе в Пскове, церкви Михаила Архангела в Городце (Выголов, 1978. С. 80–81)⁶. Двухъярусный подклет автор считает уникальным для архитектуры 1430-х годов и образцом для построек рубежа XV–XVI вв., среди которых Успенский собор в Дмитрове и церковь крутицких архиереев. Нижний ярус чудовского подклета служил усыпальницей, функциональное назначение верхнего В. П. Выголов определяет как хозяйственное.

Достоверных графических материалов, в том числе по нижним ярусам собора, катастрофически мало, если не сказать, что они отсутствуют. Исследователи, не имея точных чертежей, оперируют схематическими планом храмовой части, фасадом и продольным разрезом, выполненными М. Д. Быковским в 1849 г., но обычно приписываемыми Ф. Ф. Рихтеру (Суслов, 1901. Л. 1) (рис. 2), а также несколькими фотографиями начала XX в. Архитектор В. М. Борин, попытавшийся сделать более пространный обзор подклета и подвала с указанием их габаритов, представил два варианта: планы этих помещений, исполненные им с натурой, а также их реконструкции «по И. Е. Забелину» (Борин, 1913. Табл. 8; 12). Но при их ближайшем рассмотрении нами замечены не только грубые проекционные ошибки в чертежах, но и сомнительные привнесения, как, например, винтовая лестница из подклета в подвал, занимавшая северную апсиду, количество и местоположение окон. Учитывая поверхностный характер изложения В. М. Бориным его «исследований», приводимые им недостоверные сведения (как, например, «цитаты» из описи Чудова монастыря 1701 г. и ссыл-

ки на нее), графические материалы в его брошюре следует использовать с большой осторожностью.

Сомнительными, к тому же крайне схематичными выглядят чертежи конца XIX в., опубликованные В. П. Выголовым (1978. С. 67). Но при сопоставлении их проекций с размерами, приводимыми В. М. Бориным, выясняется их относительное тождество, следовательно, какие-то промеры в натуре имели место и в том, и в другом случае. Внутри подклетный этаж показан несколько длиннее, хотя его ширина, габариты столбов и толщина северной стены соответствуют промерам В. М. Борина. В обоих вариантах планов изображено разное количество окон, которое входит в противоречие и с фотографиями. Например, на чертеже центральной апсиды подклета конца XIX в. мы видим три проема, у В. М. Борина – один. На снимке показано одно окно, но расположенное в юго-западной части полукружия. Наиболее грубой ошибкой чертежа видится гигантских размеров западная часть с палаткой под крыльцом, которая явно не масштабна зданию (в сравнении с литографией А. М. Мартынова и фотографическими снимками рубежа веков)⁷. На эту «мощную дополнительную западную часть», являющуюся на самом деле проекционной погрешностью, указывал В. П. Выголов, считая ее основанием притвора или нартекса. В попытках реконструкции интерьеров подземных этажей Михайловского собора, за неимением другого, мы также вынуждены использовать столь противоречивый и малодостоверный материал.

Подклет (рис. 3). Представлял собой единую палату, повторяющую план верхнего яруса, с той только разницей, что внутреннее пространство уменьшено за счет утолщения стен и столбов⁸. Вход располагался в западной стене близ северо-западного угла собора. Его конструкция со временем претерпевала изменения, причем на плане конца XIX в. представлен позднейший вариант с дополнительной лестницей у западной стены, относящийся ко времени переделки западного крыльца после сноса папертей. Изначально же вход был прямым, а порог дверного проема располагался на отметке пола нижнего яруса паперти или несколько выше.

Помещение, насколько можно судить по имеющимся иконографическим материалам, перекрыва-

⁶ Возможно, В. П. Выголов имел в виду церковь Михаила Архангела в Смоленске. В статье Н. Н. Воронина, на которую он ссылается, церковь Михаила Архангела в Городце не упоминается (Воронин, 1952).

⁷ Здесь более логичной видится ситуация, представленная на схемах В. М. Борина.

⁸ Толщина северной стены в месте пробивки позднего проема составляла 1,95 м.

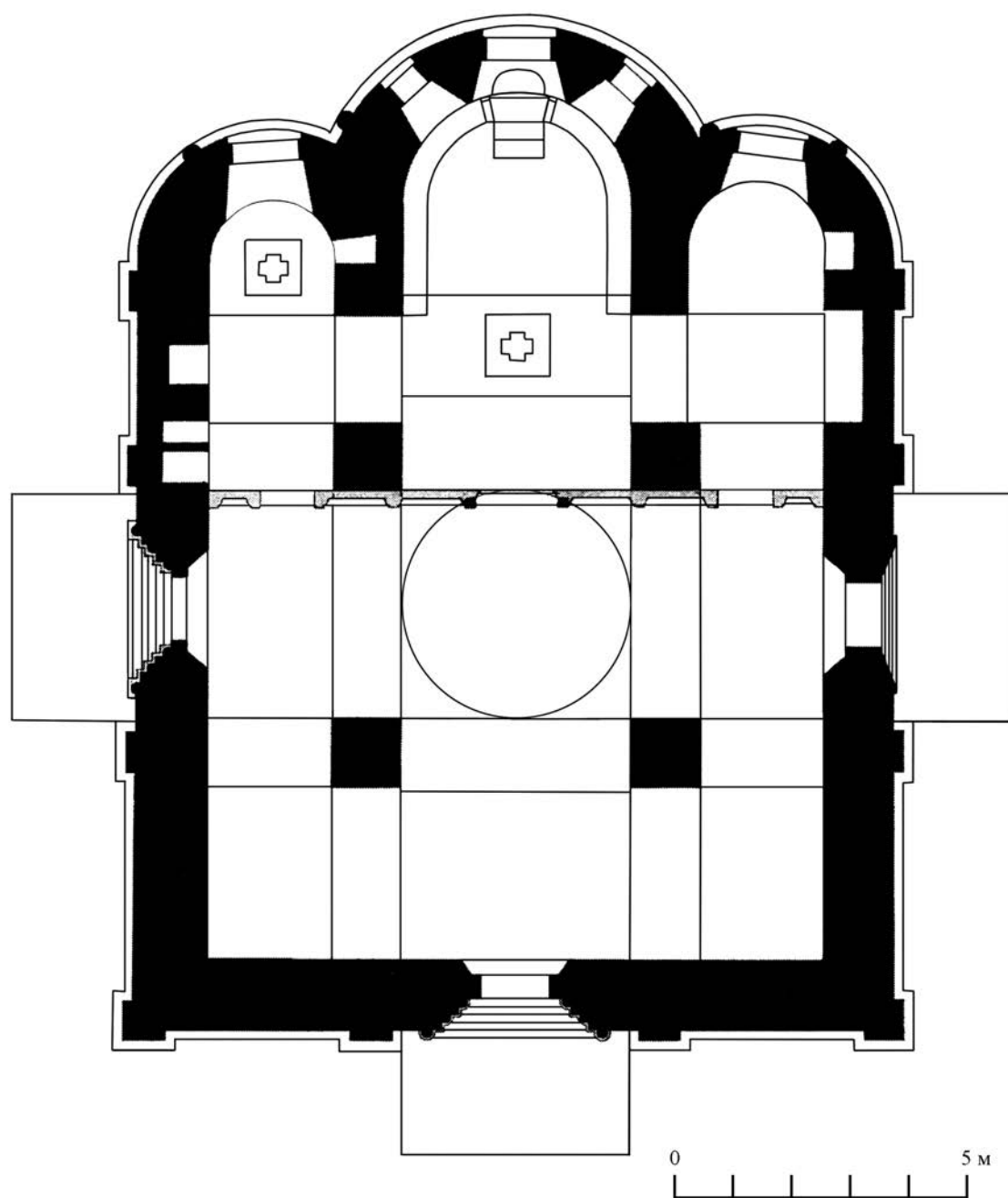

Рис. 2. План основного яруса Михайловского собора. 1849 г. Архитектор М. Д. Быковский

лось системой пересекающихся коробовых сводов, в восточной части переходящих в конхи. Стены, столбы и своды сложены из блоков белого камня высотой около 26 см (по данным В. М. Борина), но, вероятно, это усредненная величина, так как, судя по фотографиям, размеры рядов заметно разнятся. Кладка сводов менее регулярна, в ней встречаются

и более мелкие блоки, указывающие на их клиновидную подтеску. Высота подклета составляла около 2,5 м⁹, но нам неизвестно, как отметка пола рубежа XIX–XX вв. соотносилась с первоначальной. В северном полукуполье поздней кирпичной перегородкой с дверным проемом была выгорожена небольшая палатка. Этаж освещался несколько-

⁹ По данным В. М. Борина.

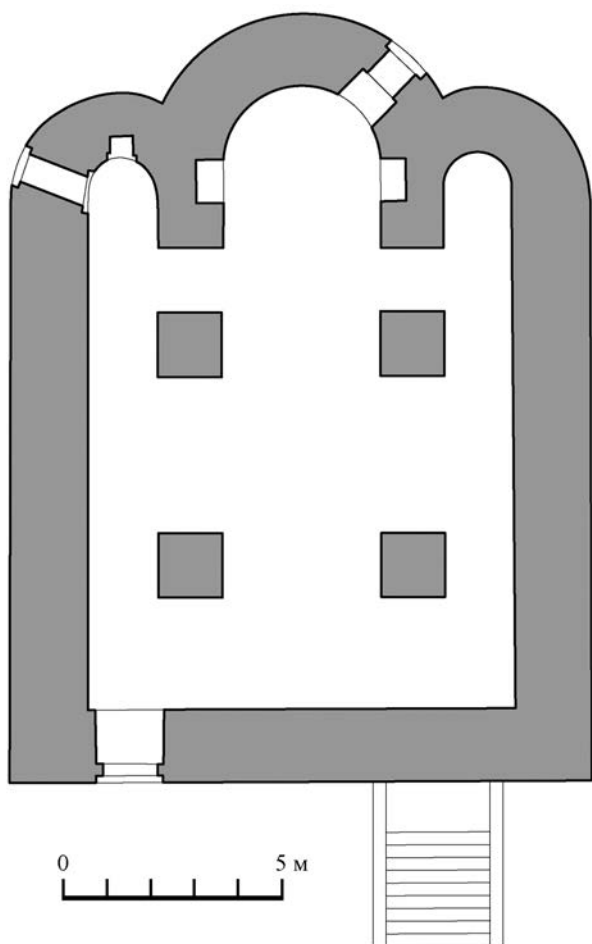

Рис. 3. План подклета Михайловского собора.
Реконструкция автора

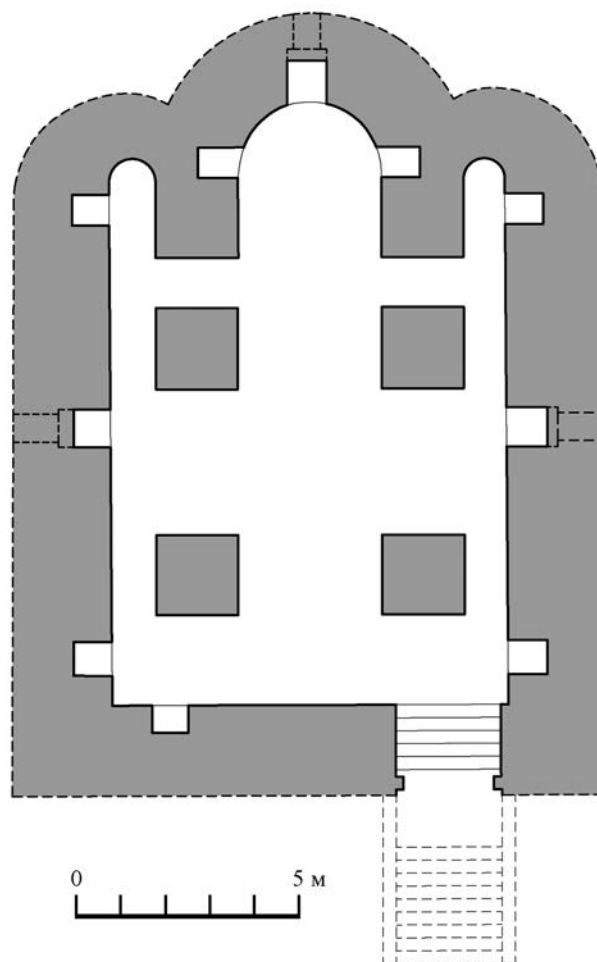

Рис. 4. План подвала (погреб) Михайловского собора.
Реконструкция автора

ми окнами, но об их точном количестве и местоположении можно только догадываться. Фотографические изображения подтверждают существование двух: одно находилось в центральной полукурии, другое – в северном¹⁰.

Подвал (рис. 4). Располагался непосредственно под подклетом, в несколько уменьшенном масштабе повторяя его план. Габариты палаты, по сводным данным двух графических источников – плана конца XIX в. и промерам В. М. Борина, схожи и составляют в длину 13,7 м, в ширину 8,9 м; сечение столбов 1,86×1,86 м; высота от существовавшего на рубеже XIX–XX вв. пола – 3,4 м (Борин, 1913. С. 23). Боковые нефы на чертеже конца XIX в. показаны крайне узкими (около метра), сделанные нами промеры на основании имеющих-

ся чертежей приводят к тем же результатам. Подвал по сравнению с подклетом заметно выше, что, видимо, предполагает различное функциональное назначение этих помещений. Здесь применена такая же, как и в подклете, система перекрытий, стены и своды выполнены из белокаменных блоков в одинаковой технике кладки.

Первоначальный вход в погреб находился под папертью, в западной стене, у юго-западного угла четверика собора. Учитывая значительный перепад между отметками полов, снаружи дверной проем мог иметь глубокую камеру в стене, к которой примыкали две пониженные арки – внутренняя и наружная. Конструкция была рассчитана на удобный спуск и открывание внутрь двустворчатых полотен, а для наружных предусматривалась

¹⁰ Первоначальное окно находилось в северной части полукурии, другое же, расположенное по центру, позднего происхождения.

площадка в лестничном марше. Подобные прямки известны нам по подвалам в кремлевском дворце конца XV – начала XVI в. и в дмитровском Успенском соборе. Если судить по материалам В.М. Борина, ширина проема, ведущего в подвал, была несколько больше. Ситуация, представленная на чертеже конца XIX в., относится к позднему периоду, когда появилась новая лестница с южной стороны, ведущая в палатку под крыльцом, где погребен первый московский архиепископ Иосиф Волчанский. Изначально его могила находилась под соборной папертью, но после ее сломки в 1770-х годах под новым крыльцом для архиерейской усыпальницы выгородили помещение в расчете на совершение еще нескольких погребений, а подвал перестали использовать (Московский кафедральный... 1896. С. 21). Новый вход с деревянной лестницей «о 18 ступенях» был пробит из архиерейской усыпальницы в центральный неф подвала в 1892–1893 гг., он и показан на чертеже конца XIX в. Окна, которых по плану конца XIX в. три (одно, возможно, уничтожено поздней лестницей), с очень крутыми наклонными подоконниками, не служили для освещения подвала, а использовались для его проветривания. В стенах угловых компартиментов и восточных полукружий находились небольшие ниши с прямыми перемышками, назначение которых неясно.

Функциональное назначение нижних ярусов Михайловского собора прослеживается по немногочисленным письменным источникам. Например, в 1585/86 г. подвал использовался для складирования продажной монастырской соли (Хозяйственные книги... 1996. С. 141). По описи 1701 г., в нем находились «две стойки болшие капусты, возов з десять ретки, возов с восемь свеклы, воза с три моркови, десять стоек огурцов, четыре стойки груздей»¹¹. Подклет описывается как «полата кладовая с сенцами, у полаты и у сенец двери железные, а в полате, как казначей сказал, стоят сундуки привозные розных чинов людей, а монастырской казны и никакой поклажи в той полате нет»¹². Следовательно, это помещение предназначалось для доверенного хранения имущества

вкладчиков, являвшегося одной из доходных статей монастыря¹³. Под «Архангелскою лесницею», ведущей на северную паперть, находилась палатка для сторожей¹⁴.

После размещения в Чудовом монастыре Архиерейского дома и последовавшей затем разборки соборной обстройки подклет использовался как временный склад (в конце XIX в. там хранилось масло), подвал засыпали землей, а вход в него заложили. Им вновь заинтересовались в развитии позднего монастырского предания о заточении и смерти патриарха Гермогена в 1612 г.: он стал мемориальным, а в 1913 г. в подклете устроили церковь во имя священномученика¹⁵.

Приводя аналоги подцерковий в раннемосковском зодчестве, В.П. Выголов называл лишь единственный действительно относящийся ко второй половине XIV в. пример – Благовещенский собор на великокняжеском дворе. По поводу других приведенных построек скажем, что подклет в Можайске вырублен в стилобате древнего собора не ранее начала XVII в., а в коломенской Успенской церкви XIV в. гипотетичен. Но следует заметить, что Благовещенская церковь на великокняжеском дворе являлась одновременно домовым храмом и хранилищем казны. Эти специальные функции выполняли также Ризоположенская церковь на митрополичьем дворе (1484–1485) и церковь Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот (1461)¹⁶, где находилась казна великой княгини.

Отсутствие данных о распространении в раннемосковском зодчестве подклетов заставляет пересмотреть выдвинутую В.П. Выголовым концепцию об их существовании в здании, предшествующем храму Ивана III. Наоборот, начало широкого использования подклетов относится ко второй половине XV в., пример тому – уже названные церкви Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот и Ризоположения. В конце XV в. нижние ярусы храмов с упрощенными плоскими деревянными перекрытиями распространяются на Севере – в Спасо-Каменном и Ферапонтовом монастырях, а также в удельном Угличе (Спасо-Преображенский собор) (Яганов, 2014. С. 284–285). В новгородской

¹¹ РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Д. 1606. Л. 354 об.

¹² РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Д. 1606. Л. 357 об.

¹³ Такая же услуга «поставить на бережение» предоставлялась ярославским Спасо-Преображенским монастырем. См. духовную грамоту А.А. Нагово 1617 г. (ЧОИДР. 1907. Кн. 1. Смес. С. 29).

¹⁴ РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Д. 1606. Л. 357 об.

¹⁵ На плане конца XIX в. он назван Гермогеновским подвалом.

¹⁶ В пожар 1493 г. Рождественская церковь «выгоре и западе, а в церкви поп згоре, а под церковью казна княгини великие Софии выгоре» (ПСРЛ. Т. 8. С. 226).

архитектуре этот процесс происходит одновременно с московской. Одно из ранних датированных подцерковий появляется в Спасском соборе Старой Руссы в 1442 г. (Антипов, 1999. С. 324). Впоследствии нижний этаж становится фактически обязательным для каменных храмов Новгорода, на которые, по-видимому, ориентированы постройки северных монастырей и Углича, обязанные появлению этого элемента отнюдь не Москве.

Но более массовое строительство зданий с нижними ярусами приходится на время деятельности в Московской Руси итальянских архитекторов. Среди их построек назовем Спасо-Преображенский собор в монастыре на Новом (1491–1496), церковь Варвары на Варварке (1514); с большой вероятностью такие помещения были у церкви Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот, построенной Алевизом вместо обветшавшей в 1508 г.¹⁷

Но московских двухъярусных подклетов начала XVI в. известно немного – это Успенский собор в Дмитрове (закончен около 1512 г.)¹⁸ и церковь Успения на Крутицах (заложена в 1516 г.)¹⁹. В Новгороде этого времени подобные нижние этажи имели церковь Жен-Мироносиц (1508–1510) и Прокопия Устюжского (1529), построенные московскими гостями Иваном и Дмитрием Сырковыми (Петров, 1994).

В дмитровском Успенском соборе, вероятно, сооруженном итальянцем, наиболее полно сохранились подклет и подвал. С чудовским храмом их сближает лишь принцип объемно-пространственного построения. Если нижние ярусы Михайловского храма представляют два сравнительно небольших помещения с отдельными входами из нижней паперти, то в Дмитрове применено иное планировочное решение: и подклет, и подвал разделены на две палаты, не сообщающиеся внутри, с чередующимися дверными проемами, расположенными под папертью с севера и юга в шахматном порядке. Перекрытия в Дмитрове представляют собой систему крестовых сводов без выделенных подпружных арок, причем в подклете они выполнены из кирпича,

а в подвале – из белого камня. Что же касается конструктивных особенностей, их характер в дмитровском соборе определили несколько иные, чем в монастырском храме, функции помещений, а сравнительно небольшие объемы менее масштабного чудовского собора были исполнены проще.

И в нижних ярусах чудовского собора²⁰, и в подвале дмитровского храма применена одинаковая технология возведения стен и сводов из тесаного камня, характерная для рубежа XV–XVI вв. Здесь использованы неплотно подогнанные, по большей части постелистые блоки известняка²¹, рассчитанные на использование относительно густого кладочного раствора с толщиной швов 0,5–2,5 см (как для кирпичной кладки). Как известно, в памятниках XIV – начала XV в. была распространена кладка из квадров (камней с близкой шириной и высотой по лицевой поверхности) «под заливку», предусматривающая минимальный шов-зазор между белокаменными элементами.

Отмеченные В. П. Выголовым особенности каменной кладки подклета и подвала, снабженные своеобразной терминологией, тем не менее присутствуют как в раннемосковских, так и в более поздних памятниках. Высота рядов напрямую зависела от форматов, имевшихся у строителей блоков, подтека которых трудоемка, а подчас и бессмысленна, поэтому переход от находящихся в одном ряду большеразмерных элементов к более тонким сопровождался приемом, названным В. П. Выголовым врубкой «в зуб». Что же касается «скошенных камней – “помочей”», образующих перемычку стеной ниши, то на приводимой в статье фотографии ничего подобного не просматривается.

Несколько меньше по площади чудовского собора церковь Успения на Крутицах 1516 г. Но полноценное представление о нижних ярусах, как и вообще о памятнике, составить сложно, так как подклет сохранился фрагментарно, а подвал неоднократно подвергался переделкам, в частности, замене части белокаменных сводов кирпичными. Судя по доступным графическим материалам,

¹⁷ На это указывает повышенная цокольная часть, известная по изображениям XIX в.

¹⁸ Воскресенская церковь в Кашине, построенная заказчиком дмитровского собора кн. Юрием Ивановичем после 1512 г., имела «кладовые палаты», но входили ли в их состав подклет и подвал или только подклет, неясно (Переписная книга... 2011. С. 26).

¹⁹ Как и в случае с дмитровским собором, исследователи относили белокаменный подклет к зданию, построенному в XV в. (Корюкина, Виноградов, 1988. С. 21).

²⁰ Судя по сделанным с негативов (Чудов... 2016. С. 62–63), а не помещенным в статье В. П. Выголова плохо ретушированным фотографиям, серьезно искажающим изображение.

²¹ Хотя в нижних частях стен подвала и дмитровского собора и Успенской церкви на Крутицах присутствуют блоки, высота которых превышает ширину.

перекрытие было аналогично дмитровскому, но убедиться в этом, а также уточнить некоторые нюансы кладки в настоящий момент не представляется возможным. Единственно, что можно сказать: система и характер сохранившейся белокаменной кладки по габаритам блоков и исполнению очень близки как дмитровской, так и чудовской.

В архитектуре Московского царства XVI–XVII вв. выделение нижнего яруса становится обычным, широко распространенным явлением; обычно это одноярусное подцерковье, состоящее из подклета, вмещавшего от одной до нескольких палат, или подвала (погребя). Двухъярусные варианты, как и в начале XVI в., крайне редки; они снова появляются во второй половине столетия в церкви Троицы Александровской слободы (1550–1560-е годы)²² и Успенском храме в Перемышле, построенном князьями Воротынскими (Мосунов, 2006).

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы. Нам неизвестны подклеты (подцерковья) в храмах раннемосковского периода, за исключением Благовещенской церкви на княжеском дворе, которую отметим как отдельный, не связанный с общей традицией прецедент. Для них более характерен высокий стилобат, отсылающий нас к памятникам домонгольского зодчества. Предполагаемый В. П. Выголовым западный притвор, или нартекс, получил распространение в Новгороде, где он являлся неотъемлемой частью церковного здания в связи с наличием хор или полатей, но ничего подобного мы не наблюдаем ни в одном из известных нам московских храмов XIV–XV вв. Кроме того, существование в чудовском соборе западного притвора основывается на анализе чертежей конца XIX – начала XX в., с их проекционными условностями и ошибками.

Наличие в Михайловском соборе 1430-х гг. двух нижних ярусов совершенно неубедительно, так как эта версия базируется на художественно-риторическом описании здания 1501–1503 гг. в поздней (1560-х годах) Пространной редакции Жития митрополита Алексея. Сам факт постройки здания в 1430-х годах не имеет очевидного подтверждения письменными источниками, не относящимися к агиографии.

Вернемся к двухъярусным помещениям собора. Проектирование и строительство нижних этажей Михайловского собора видится нам технически сложной задачей, учитывая, что воспроизвести си-

стему перекрывающих их сводов некоторое время для русских мастеров было серьезной проблемой, решали которую, используя деревянные конструкции. Простейший вариант каменного перекрытия из пересекающихся коробовых сводов, заканчивающихся на востоке конхами, можно увидеть под церковью Ризположения в Кремле. На наш взгляд, проблемы заключались не столько в трудоемкости кладки сводов, сколько в необходимости очень точной разбивки вышележащих ярусов, недопущении смещения стен и столбов, связанных с ними конструкций перекрытия. Ошибки построения влекли за собой искажение планировочной структуры, но в случае с Михайловским собором и его двухъярусным подцерковьем мы не видим ошибочных или натянутых решений.

Наряду с раннемосковской тематикой очевидную отсылку к памятникам второй половины XV в. – Успенскому и Благовещенскому соборам – можно найти в фасадной аркатуре, колонки которой перебиты дыньками и завершены капителями. В основании аркатурно-колончатого пояса размещен классический керамический антаблемент, но его местоположение здесь кажется неуместным, если не принять во внимание размещение в средней части фасадов раннемосковских памятников резных поясов. Вообще, появление итальянской керамики на Михайловском соборе выглядит случайным – создается впечатление, что она предназначалась для другого здания, как, например, южный портал или тот же антаблемент.

Из несомненных новшеств укажем на упрощенную аркатуру с килевидными архивольтами, обрамляющую оконные проемы барабана (отличную от благовещенской), а также цоколь в его основании. Впоследствии подобный тип декорации становится широко распространенным и в разных вариациях доживает до XVII столетия. В конструктивном отношении необходимо отметить тонкие стены и соответствующие их толщине столбы, разгрузочную арку над южным порталом.

Собор окружали двухъярусные крытые паперти, показанные на плане «Кремленаград», – южная со «входом» в нее и северная, обращенная крыльцом к Святым воротам и одному из зданий, расположенному по линии ограды. Была ли лестница на западную паперть, сказать сложно, так как сохранившиеся описи рисуют ситуацию, сложившуюся во второй половине XVII в. после

²² По поводу построек Александровской слободы надлежит учитывать, что они были частью дворцового ансамбля и их функции надо рассматривать сообразно с планировкой всего комплекса, а не отдельного церковного здания.

постройки колокольни, с которой она была связана крытым переходом. Исследователи, в том числе В. П. Выголов, никак не комментируют существование папертей, по-видимому, исходя из некогда бытовавшей в историко-архитектурной среде «аксиомы» об их неодновременности по отношению к основному объему здания.

Таким образом, мы пришли к заключению, что подклет и подвал, находившиеся под Михайловским собором Чудова монастыря 1501–1503 гг., не могли принадлежать зданию 1430-х годов по следующим причинам. Анализ письменных источников не дает прямых указаний о полной перестройке в первой трети XV в. каменной церкви митрополита Алексея 1365 г. Сведения как о самом обретении мощей святителя в 1431 г., так и о его предыстории изложены так неопределенно, что это позволяет нам выдвинуть осторожную гипотезу о ремонте здания XIV в. после обрушения верха, а не полной его перестройке.

Невозможность появления в Московском княжестве в XIV – начале XV в. церкви с двухъярусными подклетом и подвалом подтверждается рассмотрением близких по времени зданий, построенных до 1431 г.²³ В этих постройках, дошедших до нас в разной степени сохранности, нет подцерковий, тем более двухъярусных. Особняком стоит Благовещенская церковь на великокняжеском дворе, уникальная как по своей функции, так и по оригинальности конструкции нижнего яруса, поэтому памятник не может быть привлечен как пример распространения подклетов в архитектуре раннемосковского периода. В связи с этим надлежит еще раз пересмотреть расхожий вывод о одновременности подклета и четверика только по причине постройки из разного материала. *Все части Михайловского собора 1501–1503 гг. одновременны.*

Функциональное назначение нижних помещений собора предусматривало исключительно хозяйственное использование, что подтверждается письменными источниками. В подвале хранились привозимые в монастырь продукты, на что указывают его значительная высота, широкий входной проем и окна-продухи в стенах. В подклете было размещено имущество вкладчиков монастыря и других лиц на случай непредвиденных ситуаций, поэтому никаких усыпальниц, «темниц патриарха Гермогена» здесь никогда не было.

Михайловский собор Чудова монастыря 1501–1503 гг. являлся единственным в своем роде зданием, отображающим переходный период в московском зодчестве, когда архитектурные традиции, сложившиеся с середины XV в., уступали место новшествам, привнесенным итальянскими строителями и архитекторами. Это пограничный памятник, в котором удивительно органично сосуществовали архаическая схема фасадов, отсылающая к XIV–XV вв., и наложенная на нее ренессансная декорация; строительные методы, происходящие из эпохи Дмитрия Донского, и новшества, до рубежа XV–XVI вв. неизвестные в Москве. Возможно, его неоднозначный облик и послужил поводом к спорам, в которых отмечались те или иные черты, позволяющие перемещать датировку частей этого здания в пределах более чем полувека.

Строителем, способным выполнить программу, включающую в себя несколько сложных задач, как то общая стилизация фасадов и интерьеров под архитектуру XIV в., показывающая мемориальный характер великокняжеского заказа, включение в состав постройки двух нижних ярусов и, наконец, использование керамического ренессансного декора, мог быть итальянский архитектор.

Литература

Антипов И. В., 1999. О типах подцерковий в новгородской архитектуре XV – начала XVI в. // ННЗ. Новгород: Новгородский музей-заповедник. Вып. 13. С. 324.

Борин В. М., 1913. Святейший патриарх Гермоген и место его заключения / Изд. Церковно-археологического отд. при ОЛДП. М.: Русская печатня. 35 с.

Воронин Н. Н., 1952. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Ин-та истории

искусств. Живопись. Архитектура. М.: Изд. АН СССР. С. 257–316.

Воронин Н. Н., 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М.: Изд. АН СССР. Т. 2. 557 с.

Выголов В. П., 1978. О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М.: Наука. С. 63–82.

Горностаев Ф. Ф., 1913. Путеводитель по Москве, изданный Московским Архитектурным

²³ Эта дата связана со смертью митрополита Фотия и началом междоусобицы, приведшей к прекращению каменного строительства в Московском княжестве, которое возобновилось лишь в 1450 г. с применением нового материала – кирпича.

обществом для членов V съезда зодчих в Москве. М.: Скоропечатня Левенсона. 310 с.

Забелин И. Е., 1905. История города Москвы. Ч. 1. Изд. 2. М.: Тип.-лит. Тов-ва И. Н. Кушнерев. 652 с.

Корюкина Т. А., Виноградов В. А., 1988. Новые данные по истории Крутицкого подворья в Москве // Архитектурное наследие. Вып. 35. М.: Стройиздат. С. 19–27.

Красовский М. В., 1911. Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко. 432 с.

Кучкин В. А., 1967. Из литературного наследия Пахомия Серба (Старшая редакция жития митрополита Алексея) // Источники и историография славянского средневековья. М.: Наука. С. 242–257.

Кучкин В. А., 1980. Первые каменные постройки в Кремлевском Чудове монастыре // ГММК. Вып. III. М.: Искусство. С. 5–11.

Мартынов А. А., Снегирев И. М., 1852. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Год 3. М.: В тип. Ведомства Московской городской полиции. С. 78–105.

Московский кафедральный Чудов монастырь. Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Собственная тип., 1896. 62 с.

Мосунов Ю. П., 2006. Успенский собор в Перемышле: исследования и реконструкция // Архитектурное наследие. Вып. 46. М.: КомКнига. С. 58–70.

Павлинов А. М., 1894. История русской архитектуры. М.: Тип.-лит. Тов. И. Н. Кушнерев. 264 с.

Переписная книга города Кашина 1709 года. М.: НексПринт, 2011. 306 с.

Петров Д. А., 1994. Строительство Сырковых // Заказчик в истории русской архитектуры. М.: Общ-во историков архитектуры. (Архив архитектуры. Вып. 5). С. 64–100.

Попов Г. В., 1972. Из истории древнейшего памятника города Дмитрова // ДРИ: Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука. С. 198–216.

ПСРЛ. Т. 21 Вторая половина. Степенная книга царского родословия. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. 708 с.

ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку М.: ЯРК, 2001. 312 с.

Скворцов Н. А., 1913. Археология и топография Москвы. Курс лекций, читанных в Императорском Археологическом институте имени императора Николая II в 1912–13 году. М.: Печатня А. И. Снегиревой. 493 с.

Суслов В. В., 1901. Памятники древнерусского зодчества. Вып. 7. СПб.: Изд. Академии художеств. (Без пагинации).

Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подготовка текста С. Н. Богатырева. М.: Археографический центр, 1996. 187 с.

ЧОИДР. Кн. 1. М.: Тип. Штаба Московского военного округа, 1907.

Чудов и Вознесенский монастыри Московского Кремля. М.: Кучково поле, 2016. 216 с.

Яганов А. В., 2014. О ктиторской деятельности князя Андрея Васильевича Угличского // Археология: история и перспективы. Шестая межрегион. конф. Сб. ст. Ярославль – Рыбинск: Изд. ОАО «Рыбинский дом печати». С. 267–289.

A. V. Yaganov

About the periodization of the spatial and planning structure of the Cathedral of the Chudov Monastery 1501–1503

Summary

The architecture of the Mikhailovsky Cathedral of the Chudov Monastery (1501–1503) is at the junction of two eras – the early Moscow tradition and innovations introduced by Italian architects. Monument was

lost unexplored, so the goal of this work is to highlight its main structural and decorative features, such as unique two-tiered lower floors, traditionally attributed to the first half of the 15th century.

List of figures

Fig. 1. View of the Mikhailovsky Cathedral of the Chudov Monastery 1501–1503 from the southwest (*Mar-tynov, Snegirev, 1852*)

Fig. 2. The plan of the main tier of the Mikhailovsky Cathedral. 1849 Architect M. D. Bykovsky

Fig. 3. The plan of the basement of the Mikhailovsky Cathedral. Reconstruction of the author

Fig. 4. Basement (cellar) plan of the Mikhailovsky Cathedral. Reconstruction of the author

Керамологические исследования

О. Н. Глазунова

Институт археологии РАН, Москва

Выбор сюжета для печных изразцов в XVII веке: Троице-Сергиева лавра и Новый Иерусалим

Никоновский период строительства Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря имеет одну весьма примечательную особенность. Именно тогда закладывались основные черты изразцового производства, происходила не только разработка технологий, сюжетов и методик, но и сознательное собирание в одном центре всевозможных, как мы бы сейчас выразились, материалов, среди которых велась некая сортировка и отбор для дальнейшего использования.

Мы это видели на примере красных широкорамочных московских изразцов, скопированных для глиняных штампов и произведенных в небольшом количестве по иной технологии. Скорее всего, непривычной была техника московской резьбы. Мастера Нового Иерусалима пользовались другими приемами, а возможно, и другими инструментами. Далеким от московского в данном случае было построение всего печного комплекта, где «выпали» некоторые конструктивные детали. А вот рисунок самих изразцов, естественно, оказался полностью идентичен благодаря способу копирования (Глазунова, 2019).

Прямо противоположный случай – практически точная копия комплекта полихромной печи из Вильнюса. Можно предположить, что мастер из Вильно (возможно, Федор Чука) привез полный набор досок для всех деталей комплекта. Изразцы, собранные в Нижнем замке Вильнюса, и изразцы из Нового Иерусалима совпадают как до мельчайших деталей даже в сложных многофигурных сценах, так и в некратных размерах отдельных изразцов, например, от 3-изразцового фриза (Глазунова, 2017. С. 411–417). Отметим попутно: в дальнейшем в московских, в том числе в кремлевских, сериях эти же многофигурные сцены воспроизведены уже очень примерно, с множеством мелких и крупных различий.

А вот большая часть муравленых узкорамочных изразцов этого времени отличается в деталях рисунка и даже размерах от аналогичных, широко распространенных на территории Великого княжества Литовского в той его части, что охватывала современную Белоруссию, Украину и юго-западные области России. Очевидно что мастер (или мастера) резал свои матрицы с какого-то общего образца, однако не особенно заботился о точном повторении оригинала, внося довольно значительные изменения в первоначальный рисунок. Существует множество вариантов лицевых изразцов и конструктивных элементов комплекта этой печи, в том числе в Новом Иерусалиме. В этом случае мастера работали в хорошо известном им поле (Глазунова, 2017).

Есть и четвертый вариант использования «чужого» сюжета, который мы и представим в данной статье. Среди огромного количества муравленых узкорамочных изразцов (а они производились в мастерских Нового Иерусалима тысячами в поистине промышленном масштабе) значительное место занимают изразцы с весьма сложным арабесковым орнаментом, совершенно не похожие на остальные изразцы данного комплекта (рис. 1, 4, 5). Поиски истоков сюжета среди изразцов Великого княжества Литовского результатов не дали. Возникло предположение, что это переработанный сюжет одного из московских широкорамочных изразцов. Однако отличия были все же очень значительными, а сходство, наоборот, весьма условным. Некоторая общность обнаруживается с рисунком одного из фризовых архитектурных муравленых белоглиняных изразцов, украшавших церковь Зосимы и Савватия Соловецких в Троице-Сергиевой лавре 1637 г. постройки. Надо сказать, что и тут сходство было далеко не полным. Да и не должно быть полной аналогии между

печным и архитектурным изразцом. Скорее наблюдалась некая общность стиля.

В Троице-Сергиевой лавре, по крайней мере в XVII в., существовала своя изразцовая мастерская, упомянутая, как пишет Р.Л. Розенфельдт, в рукописной Описи монастыря 1641 г. (СПМЗ. Инв. 289. Л. 615 об). Произведенные в ней красноглиняные узкорамочные изразцы без поливы имели ряд характерных особенностей, в частности, крупный размер и специфическую орнаментальную рамку. (Розенфельдт, 1968. С. 463; Щербаков, 2007. С. 279). Изучение археологической и архитектурной коллекции Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника позволило найти прообраз рисунка новоиерусалимского изразца¹ (рис. 1, 1, 2). В основном это были изразцы, собранные при археологических работах как на территории самой Троице-Сергиевой лавры, так и в ее окрестностях. Помимо лицевых в собрании музея имелись фризные печные изразцы и городки с аналогичным рисунком. То есть в данном случае мы имеем дело с печным комплектом, выполненным в едином стиле. Разница в деталях и размерах с новоиерусалимским изразцом довольно значительная, тем не менее сомнений, что это один и тот же сюжет, нет никаких.

Изразцы Троице-Сергиевой лавры квадратные со стороной 22,0–23,0 см (рис. 1, 1, 2). Помимо технологической рамки основной рисунок обрамляет орнаментальная рамка шириной 4,0–5,0 см, заполненная растительным побегом. Р.Л. Розенфельдт усматривал в ней аналогию декоративным элементам на окладах икон (Розенфельдт, 1968. С. 463). Если обратиться к истории западноевропейского изразцового производства, тут можно обнаружить еще один возможный источник появления такой рамки. Свое происхождение средневековый европейский изразец ведет от горшковых изразцов. Среди серии переходных вариантов от горшкового к привычной нам прямой пластине имеется два последовательных типа. Первый – с центральной прямой пластиной и орнаментальной рамкой, расположенной под углом к ней. Второй – с прямой пластиной, но все еще сохраняющий эту орнаментальную рамку по краю основного рисунка. Такие изразцы известны и по раскопкам в Московском Кремле (Евдокимов, Рузаева, Яганов, 2016; Беляев, Глазунова, Смирнов, 2020). Вероятнее всего, именно вот эта переходная особенность европейского изразца была воспроизведена в мастерских Троице-

Сергиева монастыря. В Новом Иерусалиме использован только основной рисунок центральной части, орнаментальную рамку повторять не стали. Размер новоиерусалимских изразцов значительно меньше, пластина практически квадратная, размерами 16,0×16,5 см (против 22,0×22,0–23,0 см изразцов Троице-Сергиева монастыря). При этом очевидно, что сам центральный рисунок троиче-сергиевского изразца, собственно и воспроизведенный в Новом Иерусалиме, меньше, его размер составляет лишь 14,0×14,0 см.

Для изготовления изразцов в Новом Иерусалиме выполнили глиняный штамп (рис. 1, 3). К сожалению, при раскопках найдены лишь отдельные части этого штампа, его нижний левый угол (для изразца это будет нижний правый угол) (Глазунова, 2015. С. 197). Однако как раз в нижней части рисунка отличия самые значительные. В троиче-сергиевском варианте завиток нижнего побега заканчивается тюльпановидным бутонем, а в новоиерусалимском – элементом, традиционно называемым «турецкий огурец». На штампе именно он. То есть штамп определенно делался не с троиче-сергиевского изразца, скорее всего, он был выполнен с какого-то изразца, привезенного в Новый Иерусалим в качестве образца, но привезенного, как мы убедились, не из Троице-Сергиевой лавры. Обратившись к словарю «Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII в.», мы находим две группы, состоящие как минимум из трех, а скорее из четырех (один из них не назван по имени) мастеров Троице-Сергиева монастыря, работавших в 1656 г. в Иверском Валдайском монастыре (Фролов, 1991. С. 14, 26, 27. № 17, 92, 100; РГАДА. Ф. 181. Акты Иверского Валдайского монастыря. Оп. 2. № 657. Л. 8, 8 об). Первая бригада состояла из Афанасьева Богдашки с товарищем, которые «под брусняными кельями столп подделовали под образцы и в трапезе печь делали», во второй записаны Иванов Юшка и Июдин Микифорка, про которых сказано, что они делали в с. Богородицыне в гостиных кельях четыре печи кирпичных черных «да под образцы подделывали кирпичом сыпуду три печи». Названы они все каменщиками, и прямого указания на то, что они изготавливали изразцы, нет. Однако все эти мастера работали по печному делу и клали печи под изразцы. Вполне возможно, что именно эти люди принесли в Иверский Валдайский монастырь свои троиче-сергиевские изразцы. В мастерской Иверского монастыря по образу привезенных изразцов

¹ Выражаю глубокую благодарность сотрудникам Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника В. И. Вишневу и Н. И. Холодковой за предоставленную возможность ознакомиться с изразцами.

Рис. 1. Изразцы с арабесковым рисунком из Троице-Сергиевой лавры (1–2) и Ново-Иерусалимского м-ря (3–5)

1 – прорисовка (по: Щербаков, 2007. С. 280. Рис. 1, 5); 2 – фр-т изразца (фото автора);
3 – фр-т глиняного штампа (фото автора); 4 – прорисовка (худ. Борзова С.В.); 5 – муравленный изразец (фото автора)

изготовили аналоги, несколько изменив элементы рисунка. И уже иверские экземпляры попали в качестве образцов в Ново-Иерусалимский монастырь. При археологических работах 2006 г. в Иверском Валдайском монастыре найден обломок рельефного узкорамочного изразца без поливы, который как раз имеет орнаментальную рамку, аналогичную рамкам на изразцах Троице-Сергиевой лавры, причем данный фрагмент оказался без нагара (Шуньгина, 2009. С. 298, Рис. 9, 1).

Надо сказать, что румпа троицких изразцов коробчатая, слегка сужающаяся, а новоиерусалим-

ских – отступающая, как у всех печных изразцов, изготовленных в мастерских Нового Иерусалима. Однако при раскопках найдены несколько обломков заготовок изразцов без поливы данного рисунка с такими же коробчатыми, слегка сужающимися румпами, как и румпы троицких изразцов. Есть несколько обломков, забитых глиной. Они явно несколько большего размера, нежели преобладающее количество изразцов с данным орнаментальным мотивом. К сожалению, не нашлось ни одного целого большого изразца. Однако приблизительные подсчеты их предполагаемо-

Рис. 2. Заготовки изразцов с арабесковым рисунком из Ново-Иерусалимского м-ря

1 – обычного размера; 2 – фр-т заготовки большого размера (фото автора)

го размера (поскольку рисунок симметричный, такие подсчеты вполне могут быть сделаны) дают нам примерную ширину пластины в 22,0–23,0 см, что совпадает с обычными размерами троицких изразцов (рис. 2). Надо сказать, что среди других изразцов продукции мастерской Троице-Сергиевой лавры есть варианты одного и того же рисунка с орнаментальной рамкой и без нее, также как с коробчатой и с отступающей румпой. Правда, изразцов с исследуемой нами композицией без такой рамки найдено пока не было, но это не значит, что их не могло быть. Все же коллекция этих изразцов очень небольшая.

Изразец с арабесковой растительной композицией оказался не единственным изразцом с троицким мотивом, найденным в Новом Иерусалиме. Был и второй сюжет. В процессе раскопок собрано пять фрагментов как минимум от двух узкорамочных изразцов с изображением единорога (рис. 3, 1). Поле изразца заполнено характерными растительными элементами, что отмечено исследователями как еще одна черта изразцов производства мастерской Троице-Сергиевой лавры. Орнаментальной рамки, как и в первом случае, не было. В коллекции Сергиево-Посадского историко-художественного музея заповедника имеется три изразца с похожим изображением (рис. 3, 2). Первый описан еще Р.Л. Розенфельдом (1968. С. 463–465), остальные

два, в том числе более полный, происходят из археологических раскопок 2000–2002 гг. (Щербаков, 2007. С. 279). Как и в случае с арабесковым орнаментом, изразцы, собранные в Ново-Иерусалимском монастыре, значительно отличаются в деталях от изразцов производства мастерской Троице-Сергиевой лавры. Однако аналогичность мотива также не вызывает никаких сомнений.

Итак, у нас имеются два изразца, происхождение рисунка которых мы можем рассматривать как троицкое. Но если первый изготавливался в большом количестве экземпляров и явно присутствовал в комплектах если не всех, то большинства муравленых печей никоновского периода, то от второго сохранилось лишь несколько фрагментов, причем неполных. Налицо то, что называют «предпочтениями заказчика». Кроме того, первый, по-видимому, хорошо вписывался в общую привычную структуру печи, дополняя несколько простоватый лицевой изразец с вазой в рельефной восьмиугольной рамке. Даже сильное отличие в форме рельефа в данном случае не имело значения. К тому же использовали его, покрыв поливой, в отличие от неполных изразцов лавры. А для второго, с изображением единорога, такого места не нашлось. Да и специфическое заполнение фона сильно контрастировало бы с остальными изразцами печи.

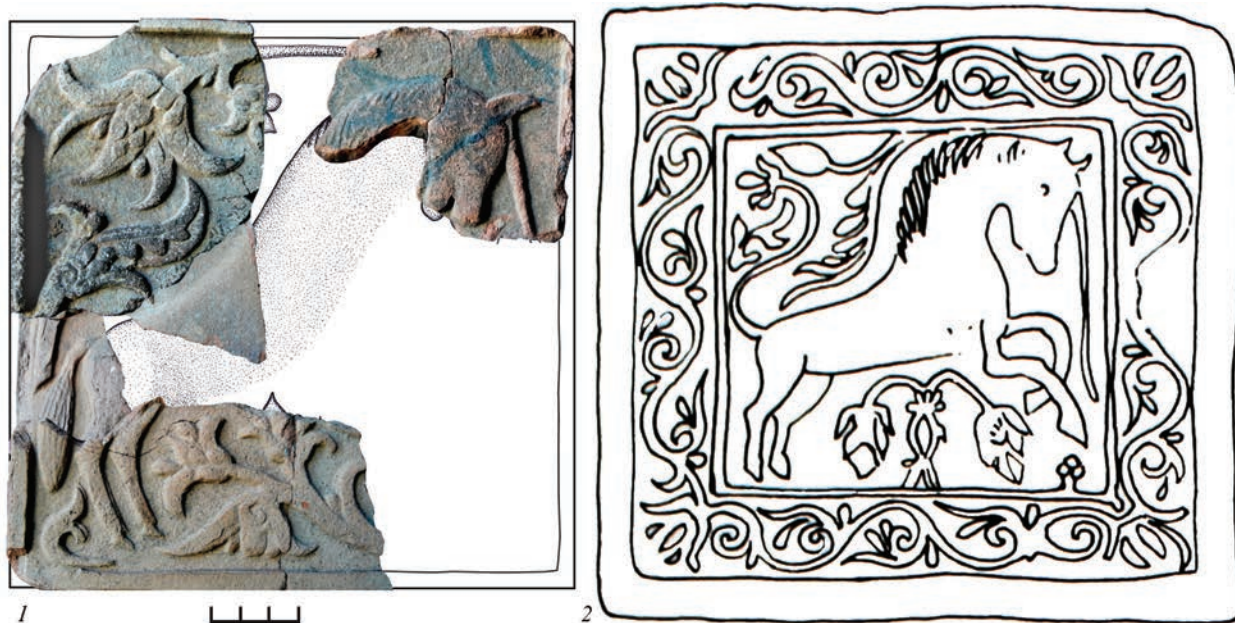

Рис. 3. Изразцы с изображением единорога

1 – реконструкция изображения изразца из Ново-Иерусалимского м-ря с наложением фото сохранившихся фр-тов (реконстр. и фото Бозовой С.В.); 2 – прорисовка изразца из Троице-Сергиевой лавры (по: Щербаков, 2007. С. 280. Рис. 1, 1)

Литература

Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Смирнов А. Н., 2020. Изразцы конца XVI – первой половины XVII века по материалам раскопок 2019 г. в Московском Кремле // РА. № 3. С. 114–124.

Глазунова О. Н., 2015. Изразцовые штампы XVII в. из ново-иерусалимских гончарных мастерских // КСИА. Вып. 240. С. 196–201.

Глазунова О. Н., 2017. Белорусские и литовские мотивы в изразцовом убранстве печей Ново-Иерусалимского монастыря по материалам раскопок 2009–2014 гг. // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 406–419.

Глазунова О. Н., 2019. Красные широкорамочные изразцы Ново-Иерусалимского монастыря // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 401–407.

Евдокимов Г. С., Рузаева Е. И., Яганов А. В., 2016. Комплекс печных изразцов, обнаруженных при исследованиях великокняжеского дворца

в Московском Кремле в 1997 г. // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. М.: Коллектор. С. 88–91.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Серия изразцов мастерской Троице-Сергиевского монастыря // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 463–467.

Фролов М. В., 1991. Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII в. М.: Спецпроектреставрация. 71 с.

Шуньгина С. Е., 2009. Изразцовое производство Иверского Валдайского монастыря по данным последних археологических исследований // АИППЗ. Псков. С. 285–302.

Щербаков В. В., 2007. «Красные» изразцы Троице-Сергиева монастыря XVII века (из раскопок 2000–2002 гг.) // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь: ТГОМ. С. 278–281.

O. N. Glazunova

Kulturträger on a particular example of choosing a plot of an image on a stove tile

Summary

The article provides examples of the use of tiles of different origin by the craftsmen of New Jerusalem Monastery in Nikon's time when developing their own tile fund. Shown as a way to change the original drawing and the way it is recorded. Cases of choosing certain variants of plots are demonstrated.

List of figures

Fig. 1. Tiles with arabesque design from the Trinity Lavra of St. Sergius (1–2) and from the New Jerusalem Monastery (3–5)

Fig. 2. Tiles workpiece with arabesque design from the the New Jerusalem Monastery

1 – regular size; 2 – large fragment of workpiece (author's photo)

Fig. 3. Tiles with the image of the unicorn

1 – reconstruction of the tile image from the the New Jerusalem Monastery; 2 – drawing of tile from the Trinity Lavra of St. Sergius

А. С. Лазарев
ОГБУ «Наследие», Кострома

Печные изразцы из раскопок на территории Торговых рядов в городе Костроме в 2013–2018 годах

С 2013 г. археологической экспедицией Областного государственного бюджетного учреждения «Наследие» на территории Торговых рядов в г. Костроме ведутся систематические археологические работы, включающие в себя как научные и охранные раскопки, так и археологическое сопровождение проектных и реставрационных работ. Комплекс торговых рядов, возведенный в конце XVIII – XIX в., после утверждения в 1781 г. плана регулярной застройки города, занял площадь городского торга, находившегося в Новом городе Костромского кремля, склон, спускающийся к Волге, на вершине которого размещались укрепления, построенные в 1619 г., и часть нижнего посада, берега, выходящего к реке. Всего было заложено четыре раскопа – «Мелочные ряды I» и «Мелочные ряды II» на территории Гостиного двора (Красных рядов) (Горохова, Лазарев, Бушуев, 2017; 2018) и «Мясные ряды» и «Малые мучные ряды» между корпусами, расположенными ниже по склону (Лазарев, 2019) (рис. 1). Общая площадь исследований составила 371 кв. м, мощность изученных культурных напластований на различных участках – от 2 до 5 м. В результате работ получены новые данные о различных этапах застройки и освоения центральной части Костромы.

В ходе исследований помимо прочих находок собрана коллекция различных печных изразцов, достигшая за время исследования 212 экземпляров (табл. 1). Больше всего изразцов разного времени найдено на раскопе «Мясные ряды» (75% от общего количества).

Найденные изразцы датируются XVII – началом XX в. и отличаются стилевым разнообразием. Все обнаруженные изразцы можно разделить на несколько групп, имеющих характерные особенности декоративного оформления: рельефные неполивные изразцы XVII в.; рельефные му-

равленные XVII в.; рельефные поливные полихромные XVII в.; рельефные неполивные XVIII в.; рельефные поливные полихромные XVIII в.; гладкие поливные полихромные расписные XVIII в.; гладкие поливные с монохромной росписью XIX в. Практически все они найдены в виде небольших обломков в верхней части культурного слоя, в значительной степени перемешанной, нарушенной перекопами и связанной с периодом строительства кирпичных корпусов торговых рядов. Исключение представляет скопление изразцов на раскопе «Мясные ряды», зафиксированное у стены одного из расчищенных срубов среди битого кирпича. Первоначально это скопление обломков рельефных поливных полихромных изразцов второй половины XVII в., размерами 0,8×1,6 м, интерпретировали как остатки одной печи (рис. 2). Однако наличие в составе этого комплекса изразцов, различающихся по стилю, а также единичных фрагментов рельефных неполивных и муравленных изразцов не исключает версии о нескольких перемешанных печных наборах. После полной расчистки было собрано 129 фрагментов лицевых изразцов, перемычек, поясков и дуговых изразцов, использованных для оформления подзоров. Сохранившиеся румпы, отступающие от края изразца, характерны для Москвы и Центральной России в целом (Маслук, 1983. С. 13. Рис. VII а).

I. *Рельефные неполивные изразцы, XVII в.* (11 экз.) (рис. 3, 1–6). Все изразцы данного типа найдены в раскопах на нижнем посаде. Они представлены обломками лицевых изразцов, а также двумя городками с изображениями растений (оба найдены на раскопе «Мясные ряды») (рис. 3, 2, 3).

Собранные фрагменты принадлежат центральной части изразца с изображением «лютого зверя», сходного с муравленным изразцом середины XVII в. московского производства из декора Троицкой

Рис. 1. План-схема археологических исследований 2013–2018 гг. на территории ансамбля Торговых рядов. Красными прямоугольниками отмечены раскопы и шурфы

I – Мелочные ряды I (2013–2015 гг.); II – Мелочные ряды II (2015–2016 гг.); III – Мясные ряды (2017–2018 гг.); IV – Малые мучные ряды (2018 г.). 1 – Гостинный двор (Красные ряды); 2 – Мелочные ряды; 3 – ц. Спаса Всемилоостивого в рядах; 4 – Табачные ряды (Овощные ряды); 5 – Масляные ряды; 6 – Квасные ряды; 7 – Пряничные ряды; 8 – Зеленые ряды (Калашная лавка); 9 – Шорные ряды; 10 – Рыбные ряды; 11 – Малые мучные ряды; 12 – Мясные ряды; 13 – Живорыбные ряды; 14 – Дегтярные ряды

Таблица 1. Основные типы изразцов из раскопок 2013–2018 гг. на территории Торговых рядов в г. Костроме.

Раскоп, годы раскопок	Типы изразцов, датировка							Всего, шт.
	рельефные неполивные, XVII в.	рельефные муравленые, XVII в.	рельефные поливные полихромные, 2-я пол. XVIII в.	рельефные неполивные, 1-я пол. XVIII в.	рельефные поливные полихромные, 1-я пол. XVIII в.	гладкие поливные полихромные, 2-я пол. XVIII в.	гладкие поливные с монохромной росписью, 2-я пол. XIX в.	
Мелочные ряды I, 2013–2015 гг.	0	1	3	0	18	1	0	23
Мелочные ряды II, 2015–2016 гг.	0	0	0	0	0	0	0	0
Мясные ряды, 2017–2018 гг.	5	3	136	3	0	1	10	158
Малые мучные ряды ¹ , 2018 г.	6	0	1	13	1	6	4	31
Всего	11	4	140	16	19	8	14	212

церкви в Костроме (Маслих, 1978. Рис. 70), но развернутым, в отличие от него, не вправо, а влево (рис. 3, 6). На одном обломке изразца с узкой рамкой сохранилось начало надписи «НИКИТ...» (?) (рис. 3, 1). Еще один фрагмент содержит часть орнаментальной рамки, схожей с оформлением геральдических изразцов, и может относиться к более позднему времени (рис. 3, 5).

II. *Рельефные муравленые изразцы, XVII в.* (4 экз.) (рис. 3, 7–9). Эта группа представлена обломком пояска с растительным орнаментом и небольшими осколками изразцов, среди которых определяется угловая часть лицевого изразца с узкой рамкой и надписью, нечитаемой из-за малого объема сохранившегося фрагмента.

III. *Рельефные поливные полихромные изразцы, вторая половина XVII в.* (140 экз.) (рис. 4; 5). Наибольшее количество изразцов, относящихся ко второй половине XVII в., найдено на раскопе «Мясные ряды» в слоях предшествующих и синхронных срубам № 2 и 3 (Лазарев, 2019. С. 22–25). Они относятся к разным частям печного набора и стилистически разделяются на две группы. Первая, представленная изразцами с растительными завитками белого, желтого, синего и коричневого цветов по сине-зеленому полю, соотносится с изображением ваз в обрамлении растительных завитков (Маслих, 1983. Рис. 131; Овсянников, 1968.

С. 74) (рис. 4). Раппорты с вазой, характерные для московского изразцового производства, в различных вариациях широко представлены в русских городах среди археологических находок и в оформлении зданий (Баранова, 2014. С. 102). Вторая группа состоит из изразцов с растительным орнаментом бирюзового, синего, коричневого и желтого цветов по белому полю, разделенному полосой геометрического орнамента (рис. 5).

IV. *Рельефные неполивные изразцы, XVIII в.* (16 экз.) (рис. 6). В группу входят изразцы с орнаментом в виде лент и листьев с ягодами, в центральной части одного из изразцов изображена корона (рис. 6, 1). Аналогами изразцам из этой группы служат находки на территории Троице-Сергеевой лавры, датируемые первой половиной XVIII в. (Щербаков, 2014. С. 186. Цв. вкл. рис. 15, 16). Отмечена особенность изразцов данной категории: при сходных изображениях они существенно отличаются по качеству изготовления, составу теста и обжигу.

V. *Рельефные поливные полихромные изразцы, начало XVIII в.* (19 экз.) (рис. 7, 1–7). Изразцы белого цвета с рельефной желтой рамкой в центре и простыми рисунками кобальтовых растений по краям и в центре известны по находкам в разных городах Центральной России, в том числе в Костроме (Щербаков, 2014. С. 185. Цв. вкл. рис. 9;

¹ В количество изразцов, найденных на раскопе «Малые мучные ряды», включены изразцы, найденные в шурфе № 3 на месте планируемого раскопа в ходе археологической разведки в 2014 г. (руководитель работ А. В. Горохова).

Рис. 2. Скопление изразцов у северо-западной стены сруба № 2 на раскопе «Мясные ряды». Вид с северо-запада

Рис. 3. Красные и муравленые изразцы XVII в.
1–5, 7, 9 – Мясные ряды; 6 – Малые мучные ряды; 8 – Мелочные ряды I

Рис. 4. Изразцы 2-й пол. XVII в. из раскопа «Мясные ряды» (2017–2018 гг.)

Рис. 5. Изразцы 2-й пол. XVII в. из раскопа «Мясные ряды» (2017–2018 гг.)

Горохова, Лазарев, Фомичёва, 2019. С. 39–40), а также в составе целых печей, дошедших до наших дней (Маслих, 1983. Рис. 167).

VI. Гладкие поливные полихромные изразцы, вторая половина XVIII в. (8 экз.) (рис. 7, 8–10). Они представлены фрагментами лицевых изразцов с сюжетной росписью и растительным орнаментом по периметру с росписью зеленым и коричневым цветами и поясками с растительным орнаментом (Овсянников, 1968. С. 93). В одном случае сохранился правый нижний угол лицевого изразца с коричнево-зеленой росписью с изображением половины вазы с цветами и фрагментом надписи в картуше (рис. 7, 8). Подобные изображения характерны для рапортных изразцов московского производства второй половины XVIII в. (Маслих, 1983. Рис. 241–242).

VII. Гладкие поливные изразцы с монохромной росписью, вторая половина XIX в. (12 экз.) (рис. 8). Широко распространенные изразцы с кобальтовыми рисунками растений, ваз и букетов на белом фоне в обрамлении геометрических рамок найдены в верхних перемешанных слоях на Мясных рядах и Малых мучных рядах, сформировавшихся

в процессе строительства кирпичных зданий рядов и в ходе их функционирования (Маслих, 1983. Рис. 301).

Также на раскопах «Мясные ряды» и «Малые мучные ряды» найдены четыре обломка керамических колец V-образного профиля (внутренние диаметры 25,0 см, 32,5 см). Подобные изделия интерпретируются исследователями как различные конструктивные элементы печей конца XVII – XVIII в. – части составной трубы (Снегальский, 1968. С. 74–75; Кренке, 2009. С. 487); конфорки (Гиршевич, 2017). Версия о принадлежности керамических колец к приспособлениям для закрытия дымохода – вьюшкам, является одной из наиболее аргументированных и методически разработанных на настоящий момент (Аболина, Щербаков, 2017. С. 57; Аболина, 2019). Основанием для подобного утверждения стали результаты изучения развалов печей, исследованных в ходе раскопок в Енисейске, а также этнографических материалов (Аболина, 2019. С. 118–123).

Распределение изразцов по участкам раскопов отражает различное назначение территории в составе города до регулярной застройки – в от-

Рис. 6. Красные изразцы XVIII в.

1, 2, 4–10 – Малые мучные ряды; 3 – Мясные ряды

личие от раскопов внутри корпуса Гостиного двора, не содержавших следов жилых строений XVI–XVIII вв. (особенно показателен раскоп «Мелочные ряды II»), раскопы на нижнем посаде выявили не только различный бытовой инвентарь, но и следы жилых построек, предшествовавших возведению деревянных торговых корпусов. Также можно отметить закономерное соотношение изразцов разного времени производства – с конца XVIII в. до середины XIX в. цен-

тральная часть города последовательно застраивалась корпусами торговых рядов различного назначения и становилась недоступной для частного строительства, что отражено в малом количестве изразцов второй половины XVIII – XIX в. Интерес рассмотренной коллекции для изучения материальной культуры и истории повседневности Костромы усиливает наличие в ее составе материалов XVII в. и элементов печных конструкций XVIII в.

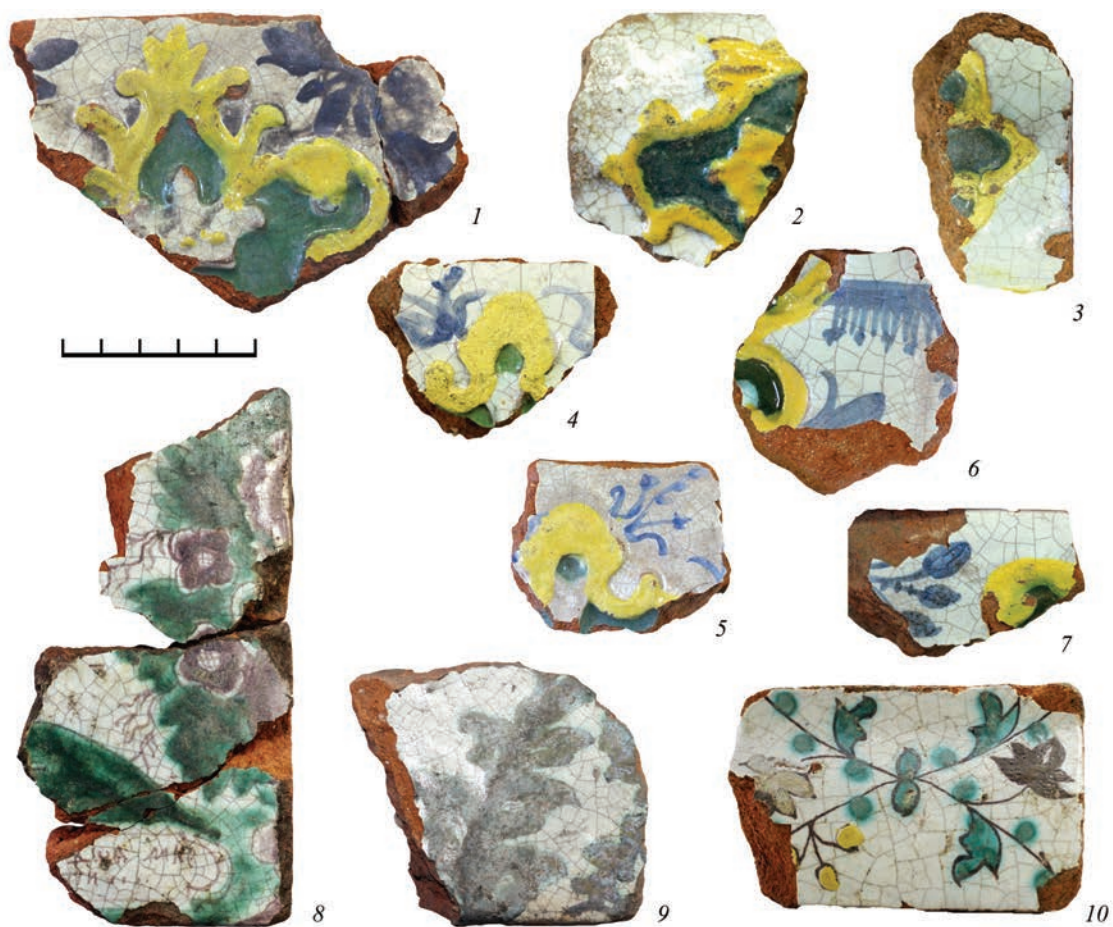

Рис. 7. Изразцы XVIII в.

1–7 – Мелочные ряды I; 8–10 – Малые мучные ряды

Рис. 8. Изразцы 2-й пол. XIX в.

1 – Мясные ряды; 2 – Малые мучные ряды

Литература

- Аболина Л. А., Щербаков В. В., 2017. Печи Енисейска XVII–XX веков: От каменок и глинобитных беструбных к кирпичным русским и изразцовым голландским до «утермарковских» // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск: Изд. дом «Наука». С. 57–63.
- Аболина Л. А., 2019. Керамические печные вьюшки из города Енисейска // *Преодоление времени и пространства. Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири*. Иркутск: ИГ СО РАН. С. 116–141.
- Баранова С. И., 2017. Московский изразец XVII в. в пространстве России // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2014. № 1. С. 100–106.
- Гиршевич М. А., 2017. Конструктивные особенности некоторых печей XVII – начала XVIII в. // *АП*. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 280–283.
- Горохова А. В., Лазарев А. С., Бушуев И. А., 2017. Предварительные итоги археологических исследований 2013–2015 гг. на территории Красных рядов в г. Костроме (по материалам раскопа «Мелочные ряды I») // *АП*. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 227–242.
- Горохова А. В., Лазарев А. С., Бушуев И. А., 2018. Раскоп «Мелочные ряды II»: новые данные о культурном слое городского торгового ряда Костромы в XV–XVIII вв. // *АП*. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 382–387.
- Горохова А. В., Лазарев А. С., Фомичёва В. В., 2019. Археологические исследования 2019 г. в г. Костроме на ул. Симановского: предварительная публикация // *Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время*. Кострома: КМЗ. С. 29–43.
- Кренке Н. А., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. М.: ИА РАН. (МОАИ. Т. 12). 524 с.
- Лазарев А. С., 2019. Археологические исследования 2017–2018 гг. на территории торговых рядов в г. Костроме (раскоп «Мясные ряды») // *Археология русского города*. М.: САБ. (Тр. САБ. Т. III). С. 19–30.
- Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.: Изобразительное искусство. 268 с.
- Овсянников Ю. М., 1968. Русские изразцы. Л.: Художник РСФСР. 136 с.
- Спегальский Ю. П., 1968. О некоторых приемах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) // *КСИА*. Вып. 113. С. 74–77.
- Щербаков В. В., 2014. Изразцы Троице-Сергеевой лавры по материалам раскопок 2000–2002 гг. // *ТТЗ*. Вып. 7. Тверь: Старый город. С. 180–193.

A. S. Lazarev

Stove tiles from the excavations on the territory of the Trading Rows in Kostroma in 2013–2018

Summary

The article presents a collection of stove tiles of the 17th – 19th centuries obtained as a result of archaeological research on the territory of the Trade Rows in the city of Kostroma in 2013–2018. The described tiles

belong to different types of the 17th – 19th centuries, the most numerous group is made up of relief polychrome tiles of the second half of the 17th century, found at the Myasnye Ryady excavation site in 2018.

List of figures

Fig. 1. Archaeological research plan 2013–2018. on the territory of the Trade Rows ensemble

I – 2013–2015; II – 2015–2016; III – 2017–2018; IV – 2018

Fig. 2. Collection of tiles near the northwestern wall of log house № 2 at the Myasnye Ryady excavation site

Fig. 3. 17th century red and green-glazed tiles

Fig. 4. Tiles of the 2nd half of the 17th c. from the Myasnye Ryady excavation site (2017–2018)

Fig. 5. Tiles of the 2nd half of the 17th c. from the Myasnye Ryady excavation site (2017–2018)

Fig. 6. Red tiles of the 18th c.

Fig. 7. Tiles of the 18th c.

Fig. 8. Tiles of the 2nd half of the 19th c.

А. Ф. Кочкина

Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, Самара

Изразцы из культурного слоя исторической части Самары

В фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина хранится небольшая коллекция печных изразцов из культурного слоя исторической части Самары, поступившая в музей в 1970-е годы. Согласно записи в Книге поступлений материалы переданы в фонды сотрудником Куйбышевского областного музея краеведения Р.М. Ключниковой и архитектором и краеведом Е.Ф. Гурьяновым. Обстоятельства находки Е.Ф. Гурьянов описал в книге «Древние вежи Самары» (Гурьянов, 1986. С. 56–57). В июле 1976 г. в канализационной траншее, вскрытой на ул. Карбюраторной (ныне ул. Князя Григория Засекина), на глубине 80–200 см обнаружены скопления обгорелых печных изразцов (рис. 1, 1), а также обломки керамики, кости животных и бытовой мусор. Они собраны в том месте, где по плану 1782 г. находилась изба уездного нижнего суда и уездного казначейства. По предположению Е.Ф. Гурьянова, в приказной избе стояли изразцовые печи, уничтоженные вместе с избой пожаром 1765 г.

Всего в коллекции 10 изразцов разной степени сохранности: целый и девять обломков (КМК КП–18788/1–10), причем два фрагмента были частями одного изразца. Судя по фотографиям в книге, находки не полностью попали в данную музейную коллекцию. Так, на одной фотографии представлены городки печной короны (целый и обломок), однако в коллекции они вообще отсутствуют (рис. 2, 3, 4) (Гурьянов, 1986. С. 57. Рис. 13). Сравнивая изображения изразцов на другой фотографии с предметами из коллекции, видно, что они не соответствуют переданным в музей (рис. 2, 5–6) (Гурьянов, 1986. С. 57. Рис. 12).

Девять изразцов являются красноглиняными, декор рельефный, внешняя поверхность покрыта глазурью. В результате пребывания в огне пожара

глазурь оказалась оплавленной. Все изразцы рельефно-расписные. Вероятно, поверхность медальонов была покрыта подглазурной полихромной росписью, на что могут указывать расплывшиеся цветные пятна на оплавленной поверхности изразцов. Глазурь, оплавленная местами до ошлакованного состояния, приобрела зеленовато-грязный цвет с аморфными пятнами.

В коллекции имеется шесть поясковых изразцов. Один экземпляр сохранился полностью (рис. 3, 1). Его размеры: лицевая поверхность 15,3×7 см, высота коробчатой трапециевидной румпы без отверстий, с ровным плоским краем 6 см, толщина стенок 0,8 см, нижняя часть 14,1×5 см (рис. 3, 1а). Лицевая сторона имеет прямоугольную форму с углублением в виде восьмиугольной рамки, в центре – выпуклый овальный медальон с двойным рельефным бордюром (картуш). Изображение декора нечеткое из-за оплавленной глазури. Внутри румпа заполнена глиняной массой (рис. 3, 1б). На других изразцах сохранились небольшие кусочки глины от крепления изразца на печи.

Фрагмент одного экземпляра является частью углового изразца (рис. 3, 2, 2а, 2б) с рельефным декором. Глазурь оплавилась. С одной стороны остались куски глиняного раствора. Размеры сохранившейся части лицевой пластины – 7,8×7,2 см, толщина 0,9 см, высота румпы 6,6 см, толщина стенок 1 см.

Один экземпляр представляет собой обломок валика с рельефным растительно-геометрическим декором (рис. 2, 1). Изображение нечеткое из-за оплавленной глазури. Его размеры (лицевая поверхность): ширина 5,7 см, сохранившаяся длина 6,2 см, толщина 1 см; высота румпы 5,7 см, ширина 5,4 см, толщина стенок 0,7 см.

Еще один небольшой обломок неглазурованного изразца серого цвета имеет следы копоти.

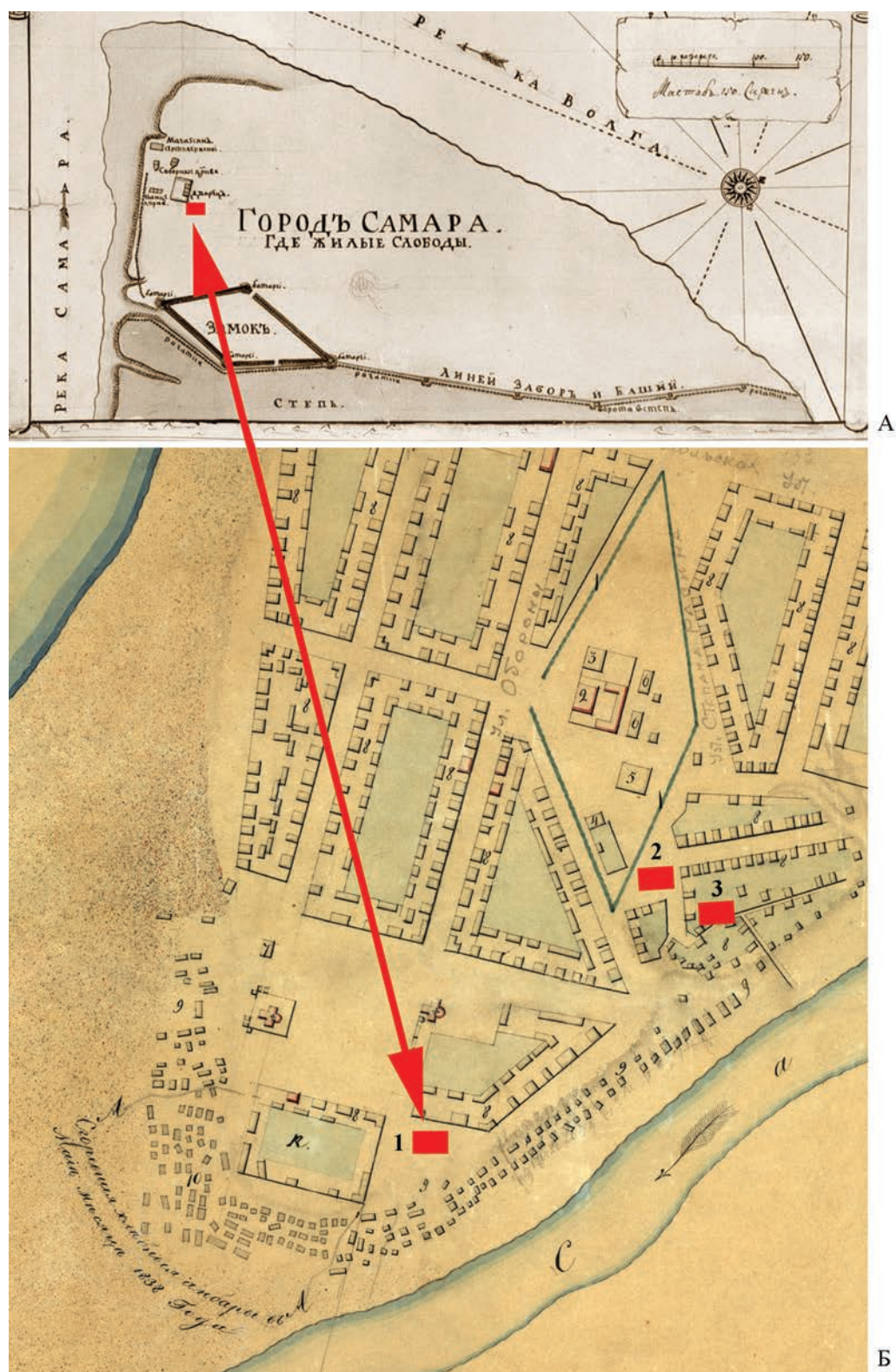

Рис. 1. План г. Самара 1732 г. с местом находок изразцов в 1976 г. (А) и план Самара 1839 г. (Б) из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (КП-6234)
 1 – место находки изразцов в 1976 г.; 2 – место находки изразцов в 2013–2014, 2017 гг.;
 3 – место находки изразцов в 2018 и 2019 гг.

Рис. 2. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина

1 – КМК КП-18788/4; 2 – КМК КП-18788/10; 3–4 – городки (по: Гурьянов, 1986. Рис. 13);
5–6 – поясные изразцы (по: Гурьянов, 1986. Рис. 12). (3–6 – без масштаба)

Форму его восстановить можно только предположительно (рис. 2, 2). Возможно, это был карнизный изразец, но фрагментарная сохранность и сломы со всех сторон не позволяют считать это однозначно. Размеры его лицевой поверхности: ширина 3,2 см, сохранившаяся длина 7,5 см, толщина 1,4 см; сохранившаяся высота вертикальной боковой стенки 6,4 см, толщина стенки 0,8 см. Этот фрагмент не соотносится с другими изразцами ни по хронологии, ни по стилю; вероятно, он является частью другого печного устройства.

Скорее всего, в коллекции представлена небольшая часть печного набора от карниза печи. Городки,

известные по публикации Е. М. Гурьянова, могли служить украшением верхней части печи. К сожалению, на месте траншеи не были проведены полноценные исследования. Таким образом, фрагментарность материала не позволяет дать более полную характеристику рассматриваемых изразцов. Поиск аналогий затрудняется оплавленной лицевой поверхностью предметов. Удалось обнаружить, что определенное сходство по оформлению и размерам наших изразцов наблюдается с изразцом из фондов Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника Ростовской области (№ ГК 26155885), а также с изразцом

Рис. 3. Изразцы из фондов СОИКМ им. П.В. Алабина (1, 2), Старочеркасского ИАМЗ Ростовской обл. (3,) ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск», Татарстан (4)

1, 1а, 1б – КМК КП-18788/1; 2, 2а, 2б – КМК КП-18788/2; 3 – № ГК 26155885;
4 – № ГК 26311339. (3-4 – без масштаба)

из фондов Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Остров-град Свияжск» в Татарстане (№ ГК 21441908), датированными XVIII в.¹

По ряду признаков, характерных для русских изразцов первой трети XVIII в. (Маслих, 1983. С. 21–22; Беляев, 1993; Шиманова, 2019), а именно наличие рельефа, росписи и выпуклого овального медальона в центральной части, рассматриваемая коллекция может быть датирована в целом XVIII в., что не противоречит выше приведенному мнению Е. Ф. Гурьянова.

Маленькая музейная коллекция долгие годы практически не привлекала внимания исследователей, поскольку не имела археологического контекста. Сохранившиеся в Самаре в особняках конца XIX – начала XX в. изразцовые печи и каминные описываются в основном краеведами и журналистами², систематического изучения не ведется.

В последние годы в фонды СОИКМ им. П. В. Алабина переданы значительные по объему материалы из научных и охранно-спасательных исследований на Хлебной площади в исторической части Самары, среди них оказалось довольно большое количество изразцов, с которыми в настоящее время в музее проводится камеральная работа по подготовке для постановки на государственный учет. Автор выражает благодарность исследователям за возможность использовать эти материалы в работе.

В 2013–2014 гг. в исторической части Самары впервые проводились научные раскопки по проекту «Проведение научных экспедиций с целью изучения объектов культурного (археологического) наследия в рамках областной целевой программы “Культурное наследие Самарской области”», заказчиком являлся СОИКМ им. П. В. Алабина. В результате работ обнаружен объект археологического наследия (ОАН) «Старая Самара. Деревянные инженерные сооружения», возведенные не позднее середины XIX века», включенный впоследствии в список выявленных ОАН Самарской области. Исследования проводились археологами Самарского государственного социально-педагогического университета при участии археологов Самарского государственного университета под руководством Н. А. Лифанова и П. Ф. Кузнецова (Лифанов, 2013а; 2013б; Кузнецов, 2014). По предвари-

тельным данным, в раскопе обнаружено 38 фрагментов изразцов. Они представлены двумя группами: красноглиняными (23 экз.) и белоглиняными (15 экз.).

Изразцы красноглиняные представлены несколькими типами по форме и наличию росписи на лицевой поверхности: лицевые (стенные) с росписью, лицевые (стенные) без росписи, стенные угловые рельефные.

Обломки двух карнизных изразцов имеют фигурный профиль (рис. 4, 1а), поверхность глазурированная, на белом фоне нанесены рисунки синей краской. Фигурная часть украшена орнаментом из чередующихся пятилепестковых бутонов (рис. 4, 1). Она отделяется от плоской части профилем. На плоской части также был нанесен рисунок синей краской, сохранился его небольшой фрагмент. Высоту изразца восстановить достаточно сложно, ширина составляет 17,1 см, толщина 1,3 см, толщина с румпой 2 см. Румпа с отступом, без отверстия, край плоский (рис. 4, 1б).

Изразцы стенные, гладкие, расписные, с рисунком синей краской на белом фоне (5 экз.): по краю прямая рамка шириной до 0,5 см, в центре изображение не сохранилось (рис. 4, 2, 2а); возможно, оно отсутствовало. Подобные изразцы известны как изразцы с контурной рамкой. Толщина с румпой до 2 см, толщина плитки 1 см.

Изразцы без росписи (5 экз.), один из которых достаточно крупный (рис. 4, 3). Лицевая поверхность гладкая, белого цвета. Румпа прямая, с отступом, край плоский. Еще у одного изразца без росписи румпа обломана, но, вероятно, была с бортиком.

Два обломка являются, возможно, частями одного изразца (рис. 4, 7). Кроме того, обнаружено восемь фрагментов румп с бортиком (рис. 4, 4–6).

Среди белоглиняных изразцов имеются реконструируемые до более полной формы (рис. 5, 1). Изразцы стенные, гладкие, расписные, с рисунком синей краской на белом фоне: по краю прямая рамка шириной до 0,5 см, в центре – изображение цветов в ромбе с дугообразными сторонами (рис. 5, 1, 2, 3). Ширина плитки 15 см, длина сохранилась на 16,3 см. Румпа с отступом, с бортиком и отверстием в торцевой стороне. Лицевая пластина с румпой выглядит довольно массивно: толщина 2,5 см, толщина самой лицевой пластины 1 см,

¹ Госкаталог МФ РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=26311339> (дата обращения 3.01.2021 г.); URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21572746> (дата обращения 9.01.2021).

² Арутюнов А. Каминные в усадьбе Шихобаловых // URL: <https://golema.livejournal.com/39203.html> (дата обращения 21.02.2020)

Рис. 4. Изразцы красноглиняные из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2013–2014 гг.)

1, 1a, 1b – изразцы карнизные с росписью; 2, 2a – фр-ты гладких расписных лицевых изразцов; 3 – фр-т гладкого лицевого изразца без росписи; 4–6 – фр-ты румп с бортиком; 7 – фр-ты изразцов с рельефным декором

высота с румпой 6,7 см. Встречены три обломка аналогичных изразцов с розоватым оттенком теста.

Большинство рассмотренных изразцов из раскопок 2013–2014 гг. относится к типовым образцам данной категории изделий, использовавшихся для оформления печей в жилых и служебных помещениях преимущественно в XIX в. Типовые размеры: 21,3×17,3×7,5 см. Одно из мест их производства – Москва, известны также изразцы балахнинского производства (Маслюх, 1983. С. 255. № 308). Параметры самарских красноглиняных

изразцов соответствуют этим размерам. Подобные изразцы были широко распространены в России. Например, представительная коллекция таких изразцов имеется в Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, размещенная в ГКМФ РФ³. Несколько меньшие размеры имеют самарские белоглиняные изразцы с аналогичным рисунком. Возможно, это связано с различными производителями.

Изразцы белоглиняные без росписи представлены пятью обломками, у одного из них ширина 18 см,

³ Госкаталог МФ РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16495314> и др. (дата обращения 3.01.2021).

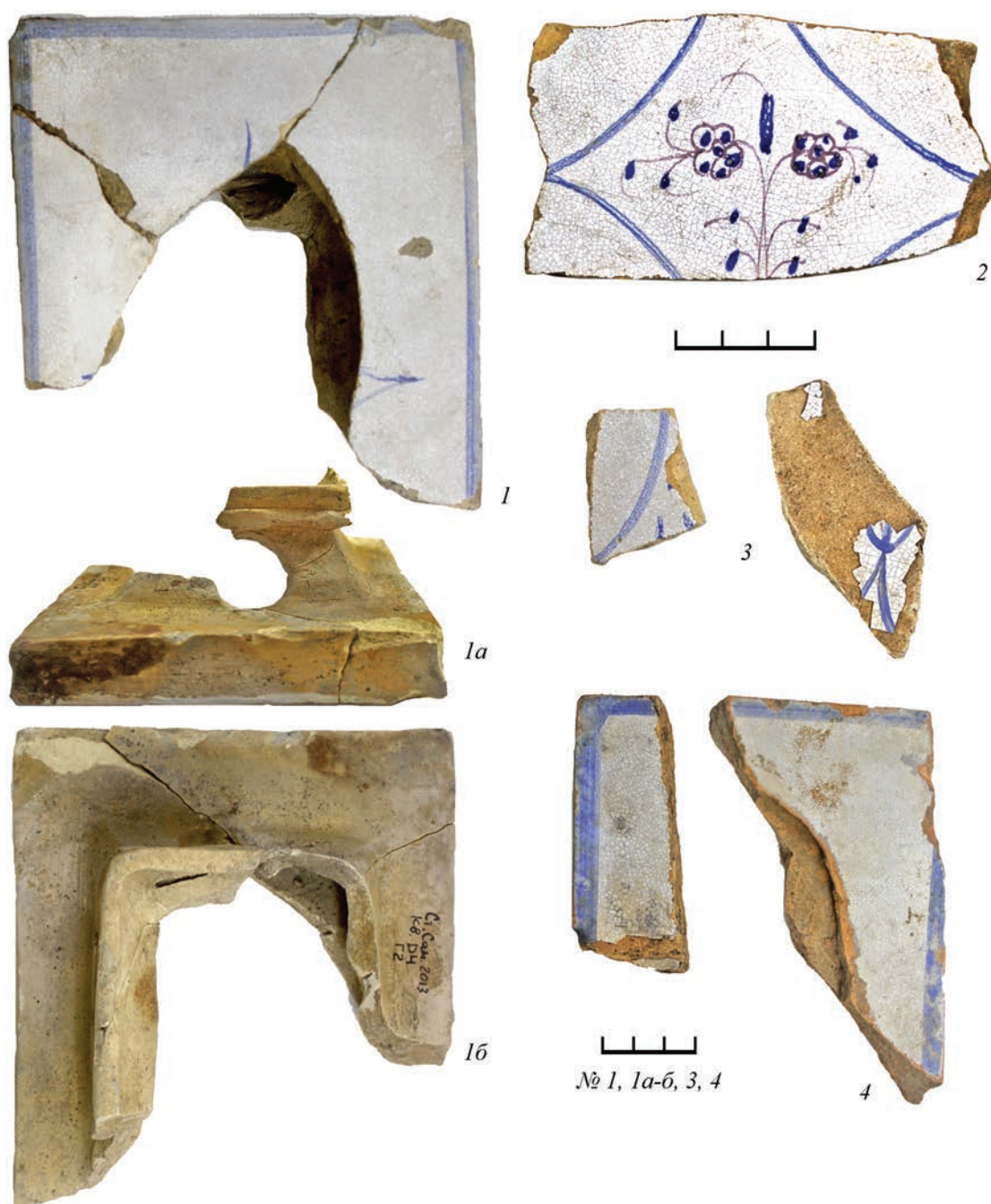

Рис. 5. Изразцы белоглиняные из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2013–2014 гг.)
 1, 1а, 1б – фр-т гладкого расписного лицевого изразца; 2–4 – фр-ты гладких расписных лицевых изразцов

толщина лицевой пластины 1,2 см (с румпой 2,7 см), лицевая поверхность гладкая, белого цвета, слой эмали осыпался (рис. 6, 1). Румпа с отступом, верхний край не сохранился, диаметр отверстия в румпе 2 см (рис. 6, 1а, 1б). У второго фрагмента, собранного из нескольких более мелких частей, сохранилась боковая стенка румпы, она прямая, с плоским краем (рис. 6, 2, 2а). Высота с румпой 5,5 см, толщина лицевой пластины 1,2 см, с румпой – 2,2 см.

Раскопки в историческом центре Самары на ОАН «Старая Самара. Деревянные инженерные сооружения» продолжены в 2017 г. Раскопки проводились АНО НИЦ (г. Саратов) под руководством Д. Д. Шмелёва. В коллекции, переданной в музей, присутствуют три обломка изразцов (Шмелёв, 2017). Один из них принадлежит к типу красноглиняных изразцов с гладкой лицевой поверхностью и росписью синей краской, датируемых XIX в.

Рис. 6. Изразцы белоглиняные из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2013–2014 гг.)
1, 1а, 1б – фр-т гладкого лицевого изразца без росписи; 2, 2а – фр-т гладкого лицевого изразца без росписи

и подобных описанным выше. По краю нанесена рамка шириной 0,5 см, в центре сохранился рисунок постамента вазы (рис. 7, 2, 4).

Большой интерес представляют обломки двух других изразцов. Один условно можно отнести к типу красноглиняных рельефных муравленых изразцов, поверхность покрыта прозрачно-зеленоватой глазурью, от этого изразец имеет коричневатый цвет, по краю – широкая рамка. В правом верхнем углу изразца просматриваются буквы, возможно, от надписи «СИРИНЪ» (рис. 7, 1, 3).

Небольшой обломок с коробчатой румпой, вероятно, трапециевидной формы, изготовлен из светложгущейся глины, после обжига получившей розовато-желтый оттенок. Он относится к типу рельефно-расписных полихромных изделий. Высота изразца с румпой 6,9 см. Декор сохранился только по краю лицевой поверхности, он состоит из выпуклых округлых элементов, разделенных прямыми выпуклыми отрезками. Цвета красок – бирюзовый, голубой, белый. Определенная близость по элементам декора и цвету прослеживается с полихромным изразцом из фондов Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (Владычный

двор, № ГК 26700025), датируемым концом XVII в. Это сходство важно учитывать для понимания хронологической позиции самарской находки.

В 2018 г. ГБУК «Наследие» (г. Самара) под руководством В. А. Цибина проводило археологическое охранно-разведочное обследование земельных участков на территории Хлебной площади, попавших в зону строительства развязки сооружаемого моста «Фрунзенский» через р. Самару (Цибин, 2018а, 2018б). В шурфах и раскопах найдено 17 обломков изразцов. Коллекция, переданная в музей в конце декабря 2020 г., еще не обработана, поэтому ограничимся самой общей характеристикой предметов.

Среди находок особый интерес вызывают полихромные рельефно-расписные изразцы. Изразец красноглиняный с коробчатой румпой на лицевой стороне декорирован округлым медальоном с растительным узором синего цвета на белом фоне, вокруг медальона расположены рельефные дугообразные линии, расписанные синим и желтым цветом (рис. 8, 1). Возможно, этот изразец имел форму городка с фигурной верхней частью.

Два обломка белоглиняных изразцов также являются рельефно-расписными, скорее всего,

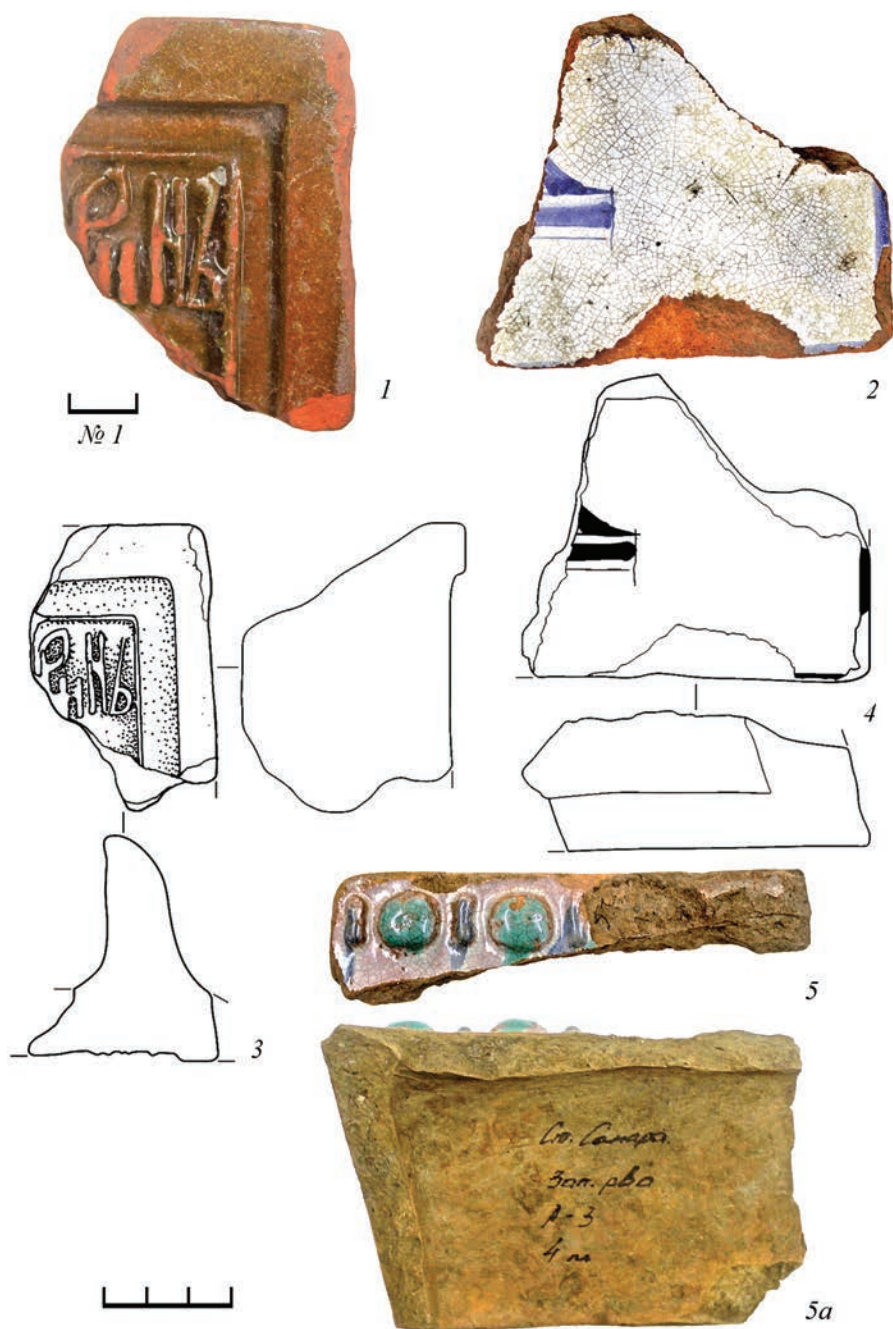

Рис. 7. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2017 г.)

1, 3 – фр-т изразца муравленого (по: Шмелев, 2019. Т. 4. Рис. 393 – п.о. № 195); 2, 4 – фр-т гладкого лицевого изразца с росписью (по: Шмелев, 2019. Т. 4. Рис. 393 – п.о. № 196); 5, 5а – фр-т изразца рельефного полихромного

они имели квадратную форму с бордюром по краю, рельефный растительный декор окрашен в белый и желтый цвета (рис. 8, 2, 3). Фрагмент белоглиняного изразца дугообразной формы относится к так называемым фасонным изразцам. Рельефный растительный декор покрывает всю его лицевую поверхность и обе сохранившиеся боковые стороны (рис. 9, 3). Судя по цветным пятнам оплавившейся

глазури, изразец был полихромным. Не исключено, что он служил для декоративного оформления не печи, а внутреннего интерьера помещения.

К рельефно-расписным изразцам относится и небольшой обломок с оплавившейся глазурью, возможно, поясной (рис. 9, 4). Нет росписи и глазури на маленьком фрагменте красноглиняного изразца с рельефным декором (рис. 9, 1). Имеются

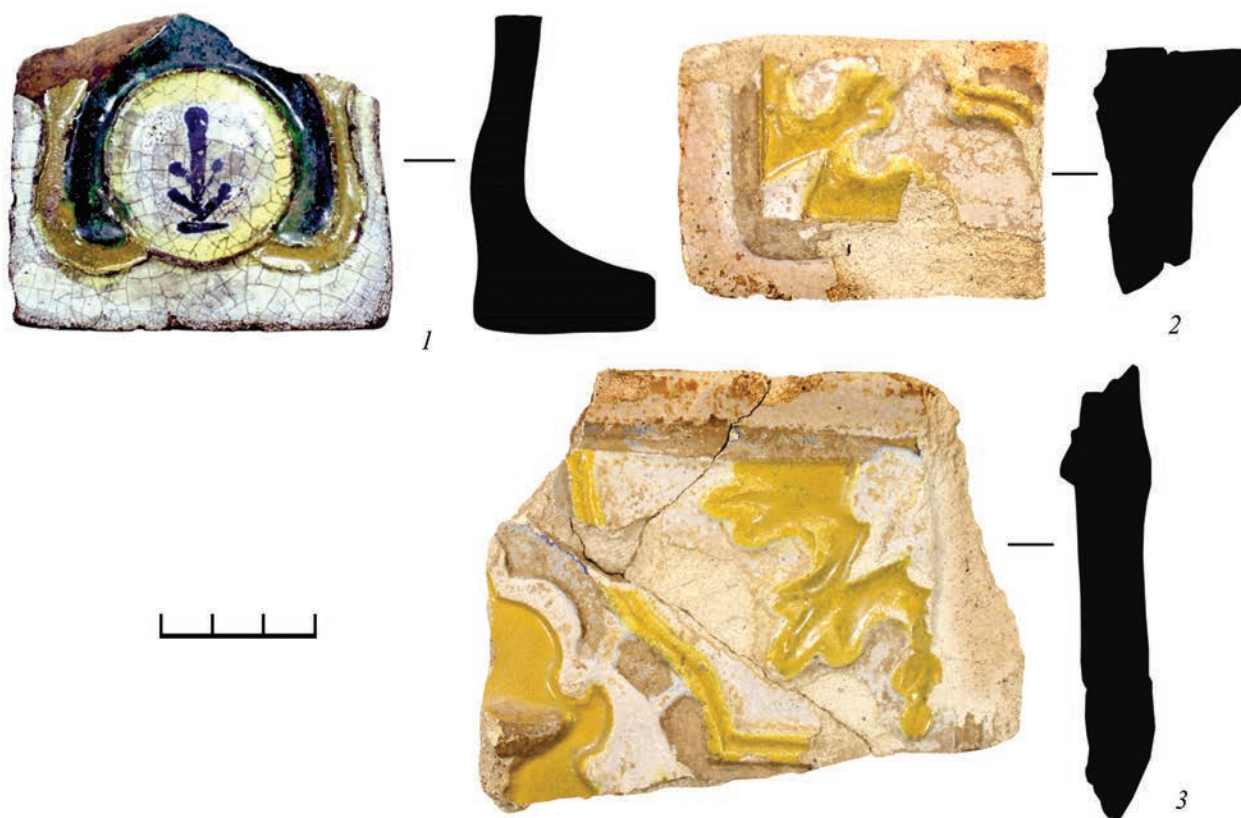

Рис. 8. Изразцы из фондов СОИКМ им. П.В. Алабина (раскопки 2018 г.)

1 – фр-т изразца рельефно-расписного (по: Цибин, 2018а. К.о. № 264);
2, 3 – фр-ты изразцов рельефно-расписных (по: Цибин, 2018б. К.о. № 1079–1080)

еще один обломок белоглиняного изразца без глазури с гладкой лицевой поверхностью (рис. 9, 5) и фрагмент румпы с бортиком (рис. 9, 2).

Значительная часть особенностей описанных рельефно-расписных изразцов соответствуют признакам, характерным для изразцов XVIII в.: наличие в центральной части выпуклого медальона овальной или круглой формы, медальон всегда с росписью, зачастую синего цвета; центральный медальон обрамляет картуш, цветовая гамма росписи (Маслех, 1983. С. 21; Шиманова, 2019). К XIX в. предположительно относится белоглиняный изразец без глазури.

В 2019 г. в продолжение работ предыдущего года проведены масштабные охранно-спасательные работы в историческом центре Самары в зоне строительства моста «Фрунзенский» экспедицией компании ООО «НИПИИ ЭТ «Энерготранспроект» (г. Москва) под руководством В.В. Тихонова. Коллекция материалов раскопок, переданных в археологические фонды СОИКМ им. П.В. Алабина, содержит, по предварительным данным, 253 обломка изразцов, среди которых единичные красноглиняные рельефно-расписные изразцы. Два фрагмента

происходят от одного изразца с растительным рельефным декором с рельефной рамкой (картуш) и медальоном в центре, в нашем случае он не сохранился (не исключено, что на иллюстрации из отчета (Тихонов, 2019а) изразец расположен в перевернутом виде). Цвета росписи – зеленый, желтый, белый и синий (рис. 10, 1, 1а). Все признаки свидетельствуют о том, что данный изразец относится к XVIII в.

Два небольших обломка также, может быть, принадлежат одному изразцу с гладкой лицевой поверхностью с росписью синей краской, фрагментарность предметов не позволяет восстановить рисунок (рис. 10, 2, 2а, 3).

Наибольшее количество изразцов получено при исследовании объекта 6 на участке 1 (кв. ВГДЕЖ/27–31), представлявшего фундамент сооружения подпрямоугольной формы из камня и битого кирпича и ориентированного длинной стороной по линии юго-запад – северо-восток. Внутренние размеры фундамента 7,38–7,68×6,00–6,40 м, толщина стенок 0,5–0,6 м, максимальная высота стенок доходила до 1,2 м (Тихонов, 2019б. С. 179). При исследовании объекта извлечен 251 фрагмент изразцов и румп, весь этот комплекс требует

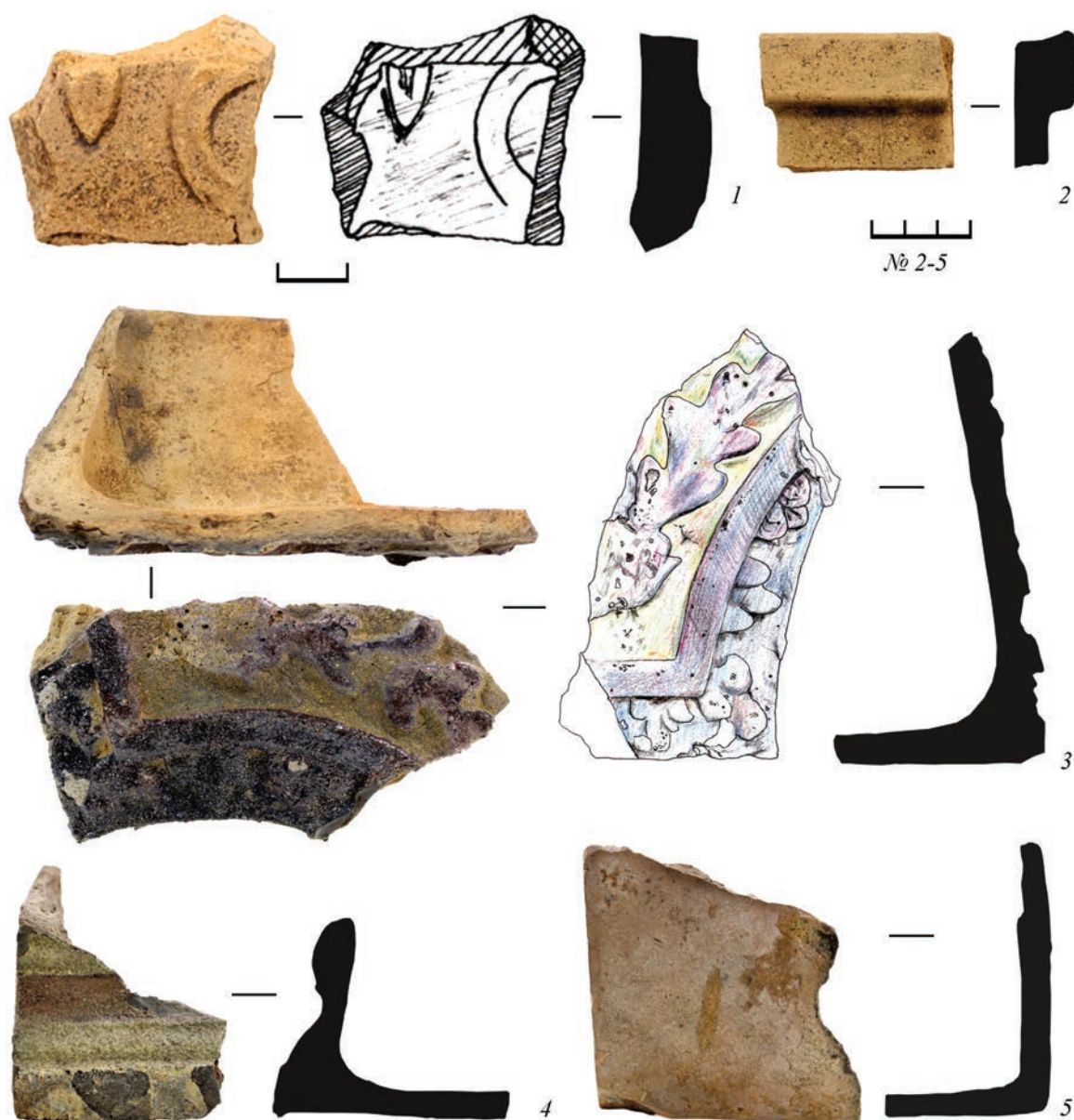

Рис. 9. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2018 г.)

1 – фр-т изразца рельефного без поливы (по: Цибин, 2018б. К.о. № 104); 2 – фр-т румпы изразца белоглиняного (по: Цибин, 2018б. К.о. № 27); 3 – фр-т изразца фасонного рельефного полихромного (по: Цибин, 2018б. К.о. № 1090); 4 – фр-т изразца рельефного полихромного (по: Цибин, 2018б. К.о. № 1947); 5 – фр-т изразца гладкого лицевого без росписи (по: Цибин, 2018б. К.о. № 1947)

детальной обработки, включая реставрацию. Абсолютное большинство предметов относится к красноглиняным изразцам с синей росписью по белому фону на лицевой поверхности, по краю нанесена синяя полоса шириной 0,5 см. Румпа с бортиком, в торцевой стороне – округлое отверстие. У всех изразцов в центре расположен декор в виде цветочной вазы на постаменте (рис. 11, 1, 2; 12, 1, 2, 3).

Два обломка принадлежат красноглиняным изразцам с гладкой лицевой поверхностью, покры-

той белой глазурью без росписи, румпа с отступом, без бортика, с плоским краем (рис. 13, 1, 2).

Большинство обломков румп относится к изделиям с бортиком, но встречаются и фрагменты прямых румп (рис. 13, 3, 4, 5).

Весь комплекс обнаруженных изразцов, безусловно, относится к одной печи, разрушенной пожаром, о чем свидетельствует черная копоть, ввешаясь в глазурованную поверхность многих изразцов, а также спекшиеся куски изразцов.

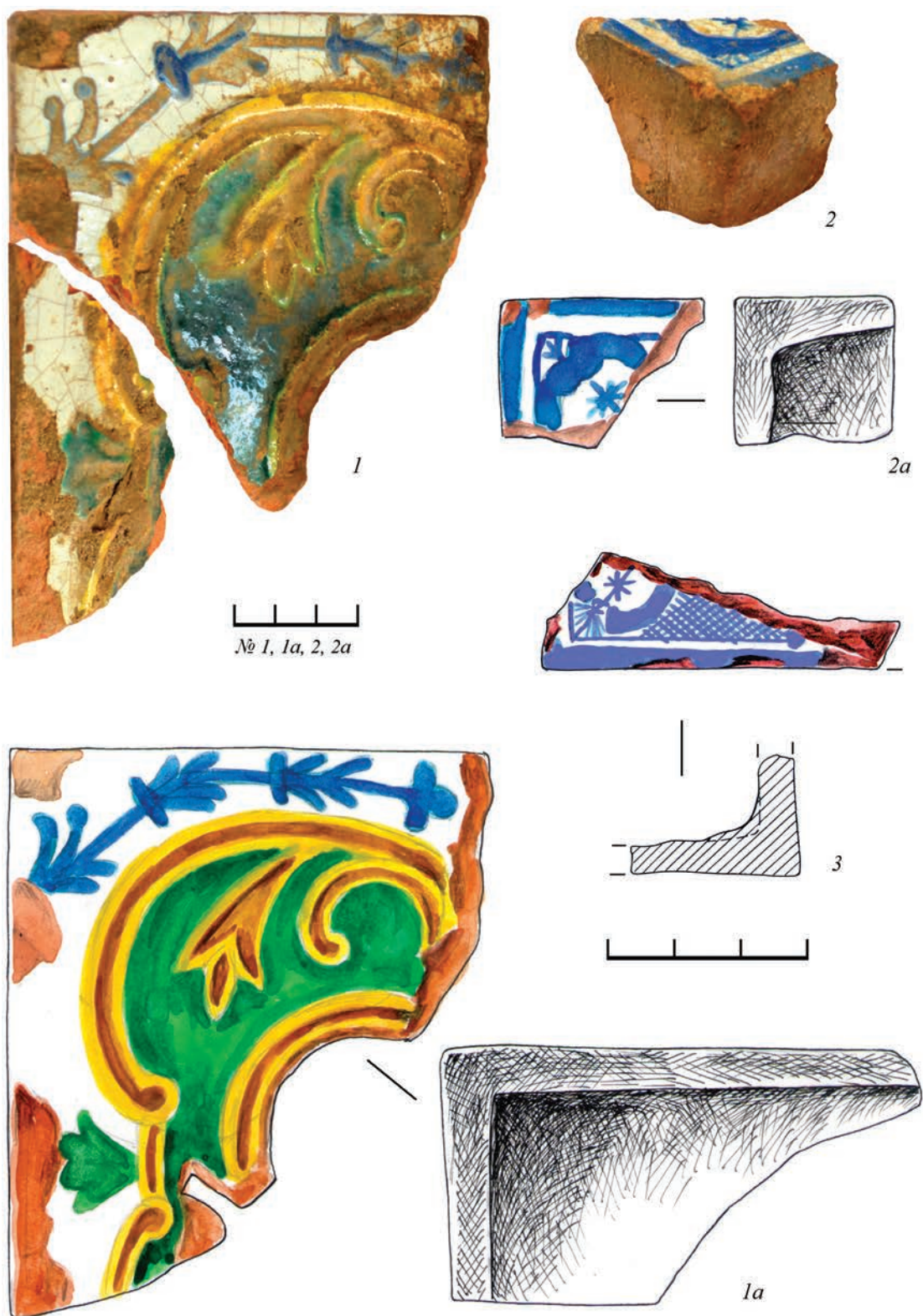

Рис. 10. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2019 г.)

1 – фр-ты изразцов рельефно-расписных (по: Тихонов, 2019б. Рис. 1571. К.о. № 8); 1а – графическая реконструкция фр-та изразца рельефно-расписного (по: Тихонов, 2019б. Рис. 1571. К.о. № 8); 2, 2а – фр-т изразца гладкого расписного (по: Тихонов, 2019б. Рис. 1571. К.о. № 8); 3 – фр-т изразца гладкого расписного (по: Тихонов, 2019а. Рис. 616. К.о. № 55)

Рис. 11. Изразцы из фондов СОИКМ им. П.В. Алабина (раскопки 2019 г.)

1, 2 – фр-ты изразцов красноглиняных гладких расписных лицевых (по: Тихонов, 2019б. К.о. № 294)

Аналогичные изразцы использованы для оформления печи в сельской усадьбе начала XIX в. купца В.П. Спирина (ныне д. Воронино Кичменгско-Городецкого р-на Вологодской обл.)⁴.

Таким образом, находки из раскопок на территории центра исторической части Самары подтверждают достаточно широкое использование в городе

изразцов для декора печей уже в XVIII–XIX вв., что соответствует общероссийской традиции. Все изразцы являются привозными.

Несмотря на неудовлетворительную сохранность поверхности изразцов с ул. Карбюраторной 1976 г., они обнаруживают морфологическое сходство с изразцами печи № 2 в доме Сапожни-

⁴ URL: <http://blog.restsouz.ru/tag/%D0%B8%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%86/>.

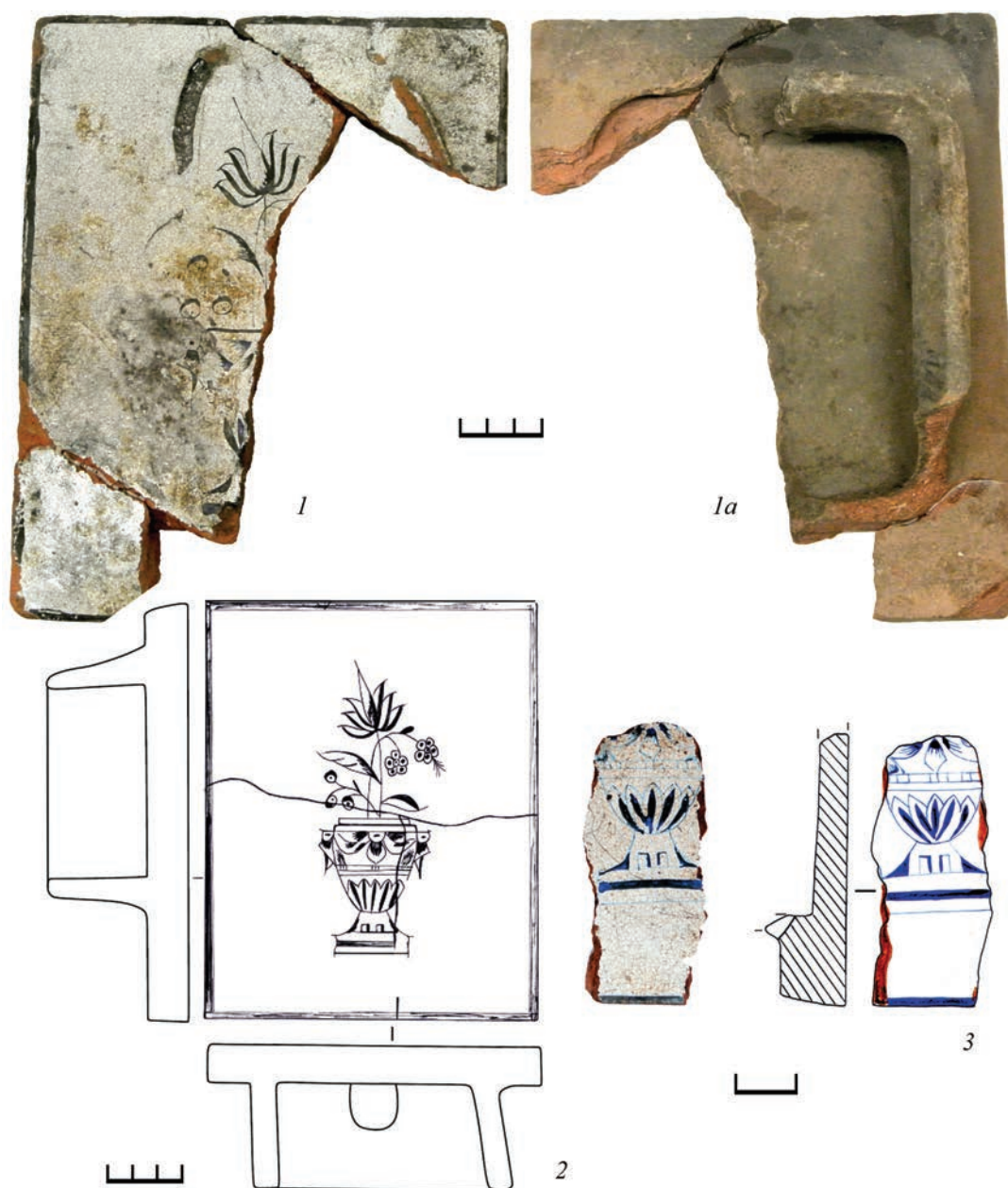

Рис. 12. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2019 г.)

1, 1а – фр-т изразца красноглиняного гладкого расписного лицевого (К.о. № 294); 2 – графическая реконструкция изразца красноглиняного гладкого расписного лицевого (по: Тихонов, 2019б. Рис. 918. К.о. № 294); 3 – фр-т изразца красноглиняного гладкого расписного лицевого (по: Тихонов, 2019б. Рис. 1027, 1028. К.о. № 41)

кова в Гороховце (Немцова, 1985. С. 209. Рис. 7, 1, 3, 4), датируемой 30–40 гг. XVIII в. Рельефно-расписные изразцы, появившись в России в начале XVIII в., наиболее широко распространились до конца этого столетия, с запозданием попадая в провинцию (Немцова, 1985. С. 200). Самарские полихромные рельефные изразцы с определенной долей вероятности могут быть отнесены к XVIII в. Имеются ли среди них более ран-

ние изделия XVII в.? Этот вопрос пока остается открытым.

Все изразцы, найденные в исторической части Самары, происходят из слоя строительного мусора, которым нивелировали поверхность, засыпали овраги в прибрежной части р. Самары. Этот слой мощностью до 2 м неоднократно перекапывался из-за сооружения здесь многочисленных коммуникаций.

Рис. 13. Изразцы из фондов СОИКМ им. П.В. Алабина (раскопки 2019 г.)

1, 2 – фр-ты изразцов красноглиняных гладких лицевых без росписи (К.о. № 295); 2 – графическая реконструкция изразца красноглиняного гладкого расписного лицевого (по: Тихонов, 2019б. Рис. К.о. № 294); 3, 4 – фр-ты румп с бортиком (К.о. № 296); 5 – фр-т румпы без бортика (К.о. № 296)

В заключение необходимо отметить предварительный характер данной работы. Сформированная коллекция новых материалов из раскопок последних лет требует более детального исследования. Уточнение датировок изразцов позволит внести корректировки в хронологию исследованных участков исторической части города.

Важно подчеркнуть, что полученные находки могут рассматриваться как содержательный и интересный источник для изучения бытовой культуры населения провинциального российского города XVIII – начала XX в., позволяющий представить ее в более ярких красках.

Литература

Беляев Л. А., 1993. Московские печные изразцы до начала XVIII в. (опыт археологической систематизации) // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1. М.: Музей-заповедник Коломенское. С. 8–22.

Гурьянов Е. Ф., 1986. Древние вежи Самары. Очерки градостроительной истории. Куйбышев.: Куйбышевское книжное изд-во. 136 с.

Кузнецов П. Ф., 2014. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических полевых работ (археологические раскопки) в г. Самара на территории выявленного объекта археологического наследия «Территория крепости 1706 г.», на участке, ограниченном ул. Водников, ул. Крупской, ул. Князя Григория Засекина в 2014 г. / Архив ИА РАН. Р-1 № 47716–47718.

Лифанов Н. А., 2013а. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок на территории городского округа Самара в границах ул. Водников, ул. Крупской, ул. Князя Григория Засекина (объект культурного наследия регионального значения «Крепость и город Самара») в 2013 г. / Архив ИА РАН.

Лифанов Н. А., 2013б. Предварительные результаты археологических работ на территории исторического центра города Самара в октябре 2013 г. // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 г. Самара. С. 140–160.

Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. Изд. 2-е. М.: Изобразительное искусство. 272 с.

Немцова Н. И., 1985. Реконструкция изразцовых печей в доме Сапожникова в Гороховце // СА. № 4. С. 198–212.

Тихонов В. В., 2019а. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Старая Самара. Деревянные сооружения», возведенные не позднее

середины XIX века», в зоне строительства мостового перехода «Фрунзенский» через р. Самара с выходом на автомобильную дорогу «Автодорожный маршрут «Центр – Поволжье – Урал» городского округа Самара от ул. Фрунзе до ул. Шоссейной, включая транспортные развязки в городском округе Самара в 2019 г. / Архив ИА РАН.

Тихонов В. В., 2019б. Отчет об археологических наблюдениях на территории выявленного объекта археологического наследия «Старая Самара. Деревянные сооружения», возведенные не позднее середины XIX века», в зоне строительства мостового перехода «Фрунзенский» через р. Самара с выходом на автомобильную дорогу «Автодорожный маршрут «Центр – Поволжье – Урал» городского округа Самара от ул. Фрунзе до ул. Шоссейной, включая транспортные развязки в городском округе Самара в 2019 г. / Архив ИА РАН.

Цибин В. А., 2018а. Отчет о результатах проведения археологического охранно-разведочного обследования (археологической разведки) земельных участков в городском округе Самара Самарской области в 2018 г. / Архив ИА РАН.

Цибин В. А., 2018б. Отчет о результатах проведения археологических наблюдений на выявленном объекте археологического наследия: «Старая Самара. Деревянные сооружения», возведенные не позднее середины XIX века» в 2018 г. // Архив ИА РАН.

Шиманова М. А., 2019. Печи первой половины XVIII в. в России и европейские аналоги // Культурологический журнал. № 1 (35). Электронный ресурс: URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/463.html&j_id=38 (дата обращения 3.01.2021 г.)

Шмелёв Д. Д., 2017. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Старая Самара. Деревянные сооружения», возведенные не позднее середины XIX века» в 2017 г. / Архив ИА РАН.

A. F. Kochkina

Tiles from the cultural layer of the historical part of Samara

Summary

The article describes the finds of stove tiles originating from the territory of the historical center of Samara. The small collection from the museum's funds, donated in the 1970, has now been supplemented by

items from excavations in recent years. These artifacts can be seen as a meaningful and interesting source for the study of consumer culture of provincial Russian city in the 18th – early 20th c.

List of figures

- Рис. 1. План г. Самары 1732 г. с местом находок изразцов в 1976 г. (А) и план Самары 1839 г. (Б) из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (КП–6234)**
1 – место находки изразцов в 1976 г.; *2* – место находки изразцов в 2013–2014, 2017 гг.; *3* – место находки изразцов в 2018 и 2019 гг.
- Рис. 2. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина**
1 – КМК КП-18788/4; *2* – КМК КП-18788/10; *3, 4* – городки (по: *Гурьянов*, 1986. Рис. 13); *5, 6* – поясные изразцы (по: *Гурьянов*, 1986. Рис. 12). (*3–6* – без масштаба)
- Рис. 3. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (1, 2), Старочеркасского ИАМЗ Ростовской обл. (3,) ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск», Татарстан (4)**
1, 1a, 1б – КМК КП-18788/1; *2, 2a, 2б* – КМК КП-18788/2; *3* – № ГК 26155885; *4* – № ГК 26311339. (*3–4* – без масштаба)
- Рис. 4. Изразцы красноглиняные из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2013–2014 гг.)**
1, 1a, 1б – изразцы карнизные с росписью; *2, 2a* – фр-ты гладких расписных лицевых изразцов (кв. Д5, г. 1); *3* – фр-т гладкого лицевого изразца без росписи; *4–6* – фр-ты румп с бортиком (ПМ); *7* – фр-ты изразцов с рельефным декором
- Рис. 5. Изразцы белоглиняные из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2013–2014 гг.)**
1, 1a, 1б – фр-т гладкого расписного лицевого изразца; *2–4* – фр-ты гладких расписных лицевых изразцов
- Рис. 6. Изразцы белоглиняные из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2013–2014 гг.)**
1, 1a, 1б – фр-т гладкого лицевого изразца без росписи; *2, 2a* – фр-т гладкого лицевого изразца без росписи
- Рис. 7. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2017 г.)**
1, 3 – фр-т изразца муравленого (по: *Шмелев*, 2019. Т. 4. Рис. 393 – п.о. № 195); *2, 4* – фр-т гладкого лицевого изразца с росписью (по: *Шмелев*, 2019. Т. 4. Рис. 393 – п.о. № 196); *5, 5a* – фр-т изразца рельефного полихромного
- Рис. 8. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2018 г.)**
1 – фр-т изразца рельефно-расписного (по: *Цибин*, 2018а. К.о. № 264); *2, 3* – фр-ты изразцов рельефно-расписных (по: *Цибин*, 2018б. К.о. № 1079–1080)
- Рис. 9. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2018 г.)**
1 – фр-т изразца рельефного без поливы (по: *Цибин*, 2018б. К.о. № 104); *2* – фр-т румпы изразца белоглиняного (по: *Цибин*, 2018б. К.о. № 27); *3* – фр-т изразца фасонного рельефного полихромного (по: *Цибин*, 2018б. К.о. № 1090); *4* – фр-т изразца рельефного полихромного (по: *Цибин*, 2018б. К.о. № 1947); *5* – фр-т изразца гладкого лицевого без росписи (по: *Цибин*, 2018б. К.о. № 1947)
- Рис. 10. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2019 г.)**
1 – фр-ты изразцов рельефно-расписных (по: *Тихонов*, 2019б. Рис. 1571. К.о. № 8); *1a* – графическая реконструкция фр-та изразца рельефно-расписного (по: *Тихонов*, 2019б. Рис. 1571. К.о. № 8); *2, 2a* – фр-т изразца гладкого расписного (по: *Тихонов*, 2019б. Рис. 1571. К.о. № 8); *3* – фр-т изразца гладкого расписного (по: *Тихонов*, 2019а. Рис. 616. К.о. № 55)
- Рис. 11. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2019 г.)**
1, 2 – фр-ты изразцов красноглиняных гладких расписных лицевых (по: *Тихонов*, 2019б. К.о. № 294)
- Рис. 12. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2019 г.)**
1, 1a – фр-т изразца красноглиняного гладкого расписного лицевого (К.о. № 294); *2* – графическая реконструкция изразца красноглиняного гладкого расписного лицевого (по: *Тихонов*, 2019б. Рис. 918. К.о. № 294); *3* – фр-т изразца красноглиняного гладкого расписного лицевого (по: *Тихонов*, 2019б. Рис. 1027, 1028. К.о. № 41)
- Рис. 13. Изразцы из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (раскопки 2019 г.)**
1, 2 – фр-ты изразцов красноглиняных гладких лицевых без росписи (К.о. № 295); *2* – графическая реконструкция изразца красноглиняного гладкого расписного лицевого (по: *Тихонов*, 2019б. Рис. К.о. № 294); *3, 4* – фр-ты румп с бортиком (К.о. № 296); *5* – фр-т румпы без бортика (К.о. № 296)

А. А. Полюлях

Музейное объединение «Музей Москвы», Москва

Археологическое исследование селища Меткомелино 2: характер и особенности культурного слоя, находок и состава комплекса керамики

Селище Меткомелино 2 открыто автором в 1989 г. в ходе обследования территории Гжели, старинного керамического района – бывшей Гжельской волости Бронницкого уезда Московской губернии (Полюлях, 1989). В настоящее время бывшая Гжельская волость входит в Раменский р-н Московской обл., являясь его северо-восточной частью (рис. 1).

Селище Меткомелино 2 расположено между селами Пласкинино и Меткомелино. От села Меткомелино оно находится в 2 км к югу, на правом берегу р. Дорки (левого притока р. Гжелки), в 320 м от ее русла, на верхней надпойменной террасе (рис. 1; 2, А). К югу от селища, вдоль правого берега р. Дорки, до ее поворота на запад, ранее был расположен низкий заболоченный участок, занятый в настоящее время садовыми товариществами «Сталь-2» и «Театральный». Территория к северу и северо-западу распаивалась. Археологические раскопки селища Меткомелино 2 проводились автором в 1990–1998 гг. (Полюлях, 1990; 1991; 1993; 1996; 1998).

Сопоставление местонахождения селища Меткомелино 2 с данными письменных источников позволило отождествить его с существовавшим в этом районе в XVI в. погостом Никиты Великомученика «что на речке Дорке». В писцовых книгах 1631–1633 гг. о нем сообщается как о запустевшем: «...на погосте церковь великомученика Никиты, стоит без пения, около церкви дворще». Дозорные книги 1680 г. уточняют его местонахождение и свидетельствуют о заброшенности: «...церковная земля великомученика Никиты, на речке Дорке, от Москвы в 45 верстах, едучи ка-

симовскою дорогою на правой стороне верст с 6; а по осмотру на той пустоши пашни полторы десятины, сеного покосу на 100 копен волоковых; а владеет тою пустовою землею Гжельския волости, что на речке Дорке, георгиевский поп Алексей Алексеев» (Холмогоровы, 1888. С. 136–137).

Позднее, в 1706 г., «...по челобитью попа Иоанна Созонтова, велено ему на той Никитской церковной земле вновь построить церковь св. муч. Никиты и благословенная грамота дана» (Холмогоровы, 1888. С. 137). Но по каким-то причинам погост на прежнем месте не восстановили и данные о строительстве там новой церкви в последующих документах отсутствуют. Это могло быть связано с опасениями селиться на месте, опустевшем во время неурожайных лет («морowego поветрия») начала XVII в. Сведения о какой-то деревне в этом районе, заброшенной после «мора», сохранились до 1980-х годов у старожилов с. Меткомелино.

В то же время в 1704 г. неподалеку от местонахождения бывшего погоста Никиты Великомученика, в 1,9 км ниже по течению р. Дорки, на противоположном берегу восстановлен также упраздненный в начале XVII в. погост Дмитрия Солунского (рис. 2, Б) (Холмогоровы, 1888. С. 107). Он просуществовал до начала 1920-х годов¹.

Более того, сельскохозяйственные угодья бывшего Никитского погоста к середине XVIII в., видимо, уже не использовались и не зафиксированы на плане Генерального межевания Бронницкого уезда 1766–1770 гг., но под № 64 отмечены угодья погоста Дмитрия Солунского (Кусов, 2004. Карты уездов. Л. 2). Это подтверждает и Генеральный план Московской губ. Бронницкого уезда 1784 г.,

¹ В настоящее время погост Дмитрия Солунского восстановлен.

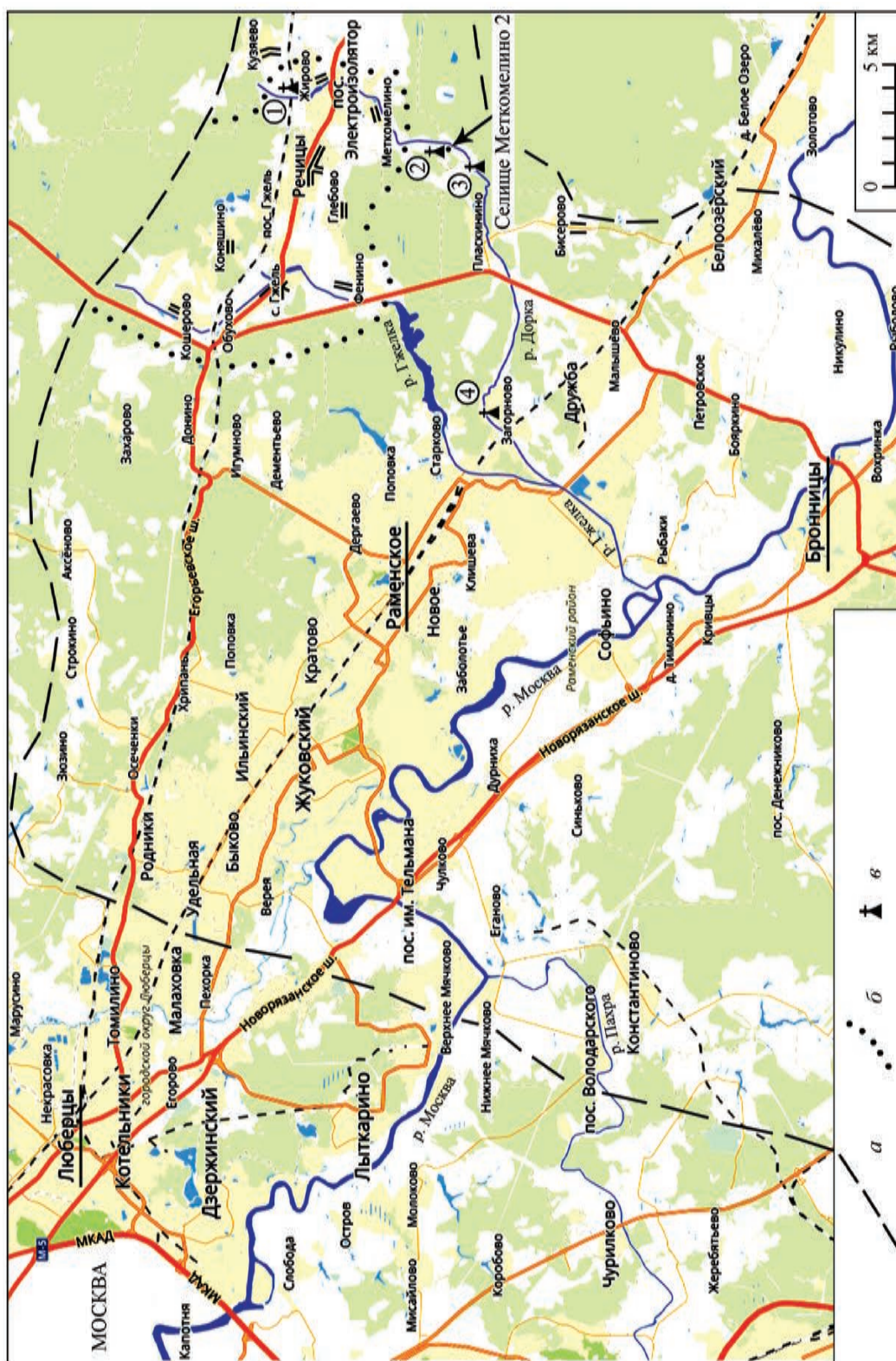
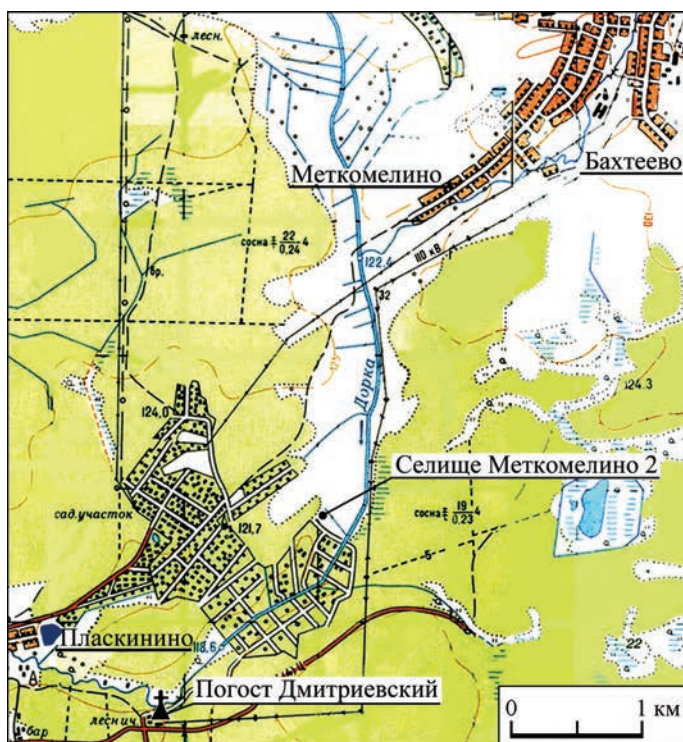
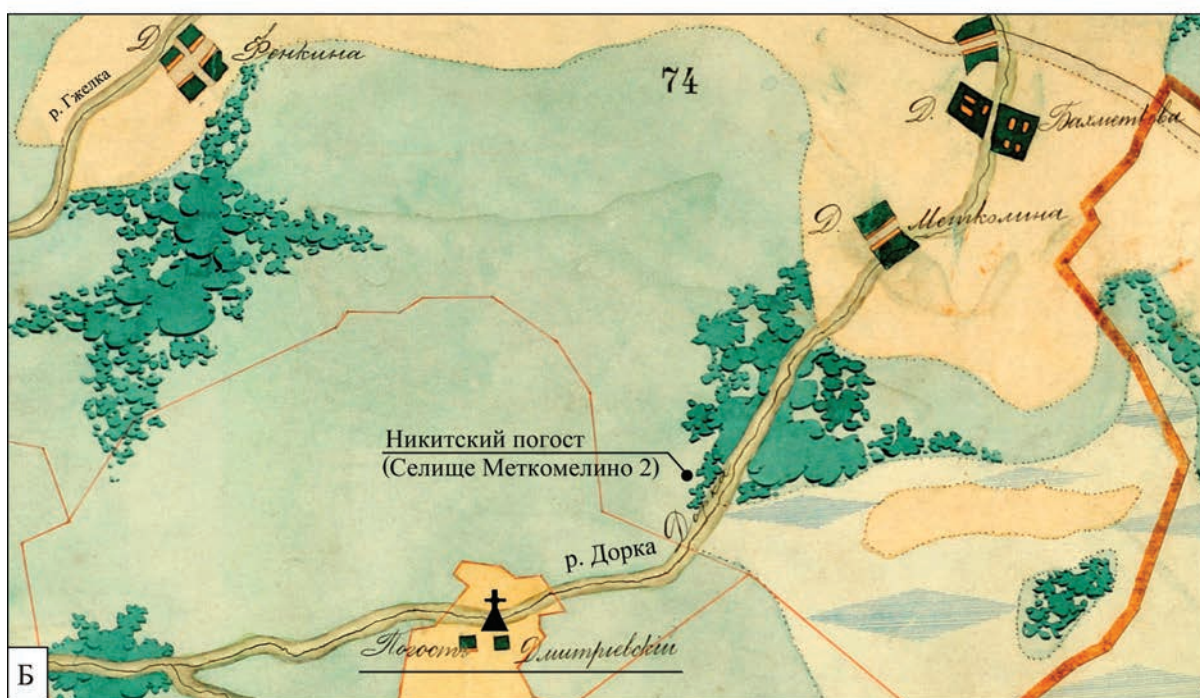

Рис. 1. Селище Меткомелино 2 и погосты XVI в. в бассейне р. Дорки на современной карте Московской обл.

1 – Георгиевский; 2 – Никитский; 3 – Дмитрий Солунского; 4 – Михайло-Архангельский;
 а – граница Раменского р-на; б – граница Гжельской волости; в – погост

А Рис. 2. Селище Меткомелино 2 и погост Дмитрия Солунского (Дмитриевский) на современной карте Московской обл. (А) и на Генеральном плане Московской губ. Бронницкого уезда 1784 г. (Б)

на котором также не отмечены ни Никитский погост, ни его земельные угодья (рис. 2, Б).

Бассейн р. Гжелки (левый приток р. Москвы), правым притоком которой является р. Дорка, начал заселяться, по-видимому, не ранее середины XIII – начала XIV в., на что указывает отсутствие на левом берегу р. Москвы, в междуречье р. Пехорки и р. Нерской, славянских археологических па-

мятников домонгольского времени – селищ и курганных могильников (АКР, 1996. С. 67; 1997. С. 11). Это связано с тем, что восточная часть Подмоскovie, на левом берегу Москвы-реки, с непроходимыми лесами и чередующимися заболоченными низинами, неудобна для земледелия. До XVI в. хозяйственное освоение шло, видимо, не очень активно; поселения здесь были редкими и малодворными.

Заметный приток крестьянского населения в бассейне р. Гжелки и Дорки происходил в XV в., судя по существованию этих топонимов в источниках XV–XVI вв. Значение топонима Дорка связано с подсечно-огневой системой земледелия, когда лесной участок вырублен и выкорчеван, то есть «выдран», с чем связано и происхождение корня «дор» (Поспелов, 2008. С. 234). Также в XV в. с ростом населения и числа поселений происходило образование Гжелской волости с центром в селе Гжель, что, в частности, нашло отражение в духовных грамотах великих князей XIV–XVI вв. (ДДГ. С. 33, 55–56; Полюлях, 2015. С. 12–14).

Вдоль р. Дорки на протяжении 27 км, по источникам XVII в., располагалось 12 поселений (Аверьянова, 1995. С. 480–561). Все они занимали наиболее удобные, возвышенные места и, видимо, появились в XV–XVI вв. Это восемь деревень и четыре погоста: Георгиевский – в верхнем течении р. Дорки (рис. 1, 1), Никитский, Дмитрия Солунского и Михайло-Архангельский – в среднем (рис. 1, 2–4). Погосты существовали в XVI в. (Холмогоровы, 1888. С. 27, 136–137).

Погост помимо починка, деревни и села в XVI в. являлся одним из видов поселений и состоял обычно из церкви, одного-трех дворов церковного прицта и кладбища. Их появление связано с церковной колонизацией, шедшей обычно вслед за крестьянской, в уже освоенные места.

Погост обычно располагался на некотором удалении от нескольких деревень, вблизи значимой дороги. Около погостов нередко устраивались торжки.

Никитский погост, по-видимому, находился на пути, соединявшем в XVI в. Коломенскую и Касимовскую дороги. Она проходила от села Бронницы через деревни Новопетровская, Бисерово, Пласкино, Никитский погост, Меткомелино и Тургино. В начале XIX в. ее направление изменилось, и дорога уже шла от деревни Пласкино к селу Речицы.

В XVI в. погост являлся распространенным видом поселения. По данным писцовых, межевых, переписных и окладных книг патриаршего казенного приказа, опубликованным В. и Г. Холмогоровыми в 11 выпусках «Исторических материалов о церквях и селах XVI–XVIII вв.», в волостях и станах вокруг Москвы находилось 165 погостов (Холмогоровы, 1881–1913).

Характерно, что еще в первой половине XIX в. наибольшее число погостов (35) находилось в трех восточных уездах Московской губернии (в Богородском – 15, в Бронницком – 13, в Коломен-

ском – 7), а в десяти западных уездах их насчитывалось всего 18 (Указатель... 1852).

О времени возникновения погоста Никиты Великомученика в письменных источниках сведений нет. Это могло произойти во второй половине XVI в. после пожалования в 1569–1572 гг. Иваном IV Троице-Сергиеву монастырю близлежащей волости Вохна (Готье, 1906. С. 576). Мог он возникнуть и у пустоши, где ранее было крестьянское однодворное поселение (починок) и существовали сельскохозяйственные угодья, еще не заросшие лесом. По данным Дозорной книги 1680 г., эти угодья по своим размерам были средними и составляли: пашни 1,5 десятины или 1,6 гектара (16000 кв. м), что соответствует полю размером 80×200 м, и луговые сенные покосы «на 100 копен волоковых» площадью около 10 га (10 копен = 1 десятина = 1,1 га).

Культурный слой и находки

Селище Меткомелино 2 открыто при осмотре небольшого заброшенного песчаного карьера глубиной 1,0–1,5 м и протяженностью в направлении север – юг – 48 м, запад – восток – 19 м. В западной и северной стенках карьера отмечалось наличие культурного слоя с фрагментами керамики (рис. 3).

Культурный слой селища ранее, до выборки песка и образования карьера, нарушила работа экскаватора при прокладке мелиоративной траншеи (ширина – 5 м, глубина – 2 м) к руслу р. Дорки, начало которой находится в восточной стороне селища. Экскаватор, видимо, частично переместил культурный слой до 40 м к востоку, что отмечено при осмотре площади с северной и южной стороны от траншеи. Здесь зафиксировано отложение под дерном слоя слабогумусированной светло-серой супеси незначительной мощности (5–10 см) с невысокой насыщенностью керамикой (10–20 обломков на 1 кв. м). Эта площадь частично использовалась под огороды членами расположенного рядом садового товарищества ЦНИИчермет «Сталь-2». К западу от карьера, как установлено раскопками, слой светло-серой супеси незначительной мощности имел распространение на 3–4 м от раскопов 6 и 7.

Наибольшая мощность культурного слоя селища отмечалась в западной стенке карьера. Культурный слой здесь состоял из залежавшего под дерном слоя светло-серой супеси (15–20 см), под которым находился слой темно-коричневой супеси (10–15 см), отложившийся на материковом песке (рис. 4). В направлении с севера на юг он имел протяженность 22 м, в направлении с запада на восток – 11–12 м. Ввиду возможного дальнейшего

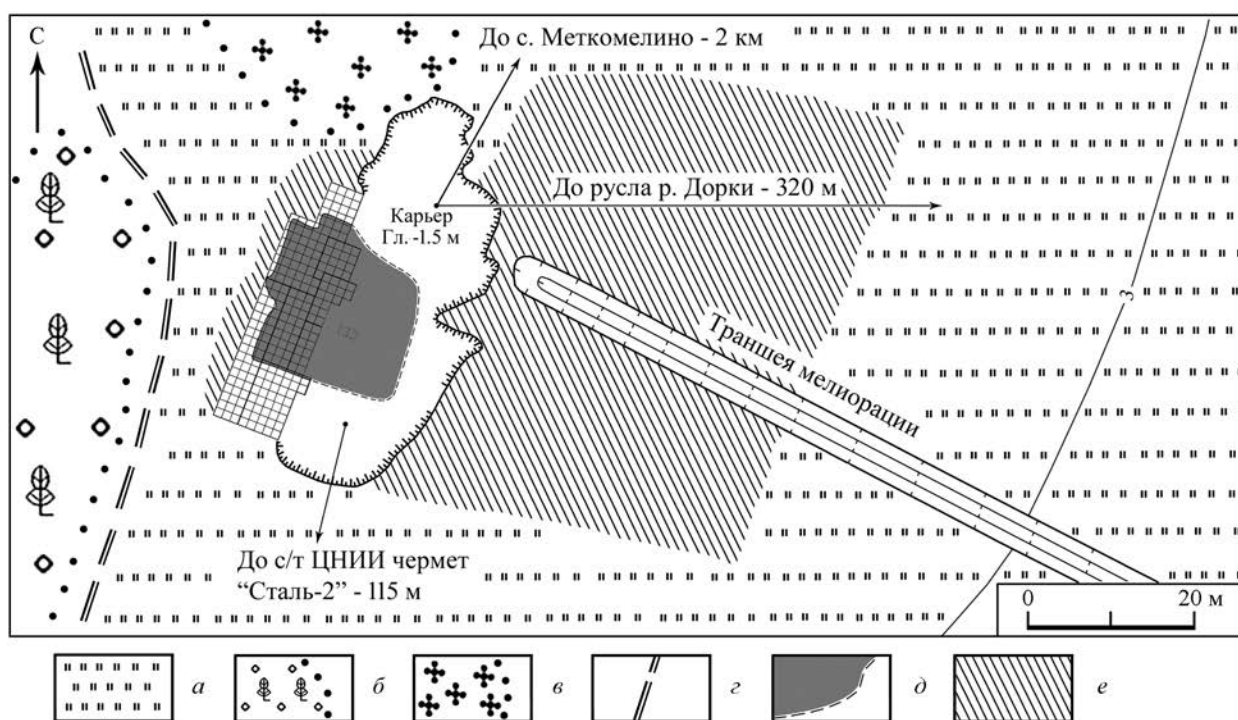

Рис. 3. План селища Меткомелино 2

а – луг; б – лес; в – кустарник; з – грунтовая дорога; д – пятно темно-коричневой супеси;
е – площадь разброса керамики (ПРК)

разрушения культурного слоя селища здесь с западной стороны карьера были заложены раскопы 1–7. Наибольшая мощность культурного слоя отмечена в раскопах 1, 2, 3 и 5. Также внутри карьера, на песчаном останце размером 2,4×2,5 м, в 2 м к востоку от раскопов 1 и 2, в кв. Д-Е-7, зафиксирован и исследован культурный слой мощностью до 50 см.

Нижний слой темно-коричневой супеси с содержанием угольков полностью заполнял площадь раскопов 1–3, 5 и частично раскопов 4, 6 и 7, где прослеживалась его четкая граница с запада, севера и юга (рис. 4; 5). К востоку от раскопов 1–7 слой темно-коричневой супеси уничтожен карьером, но, судя по его наличию на останце в кв. Д-Е-7 и отсутствию в противоположной восточной стенке карьера, он мог залегать здесь в виде пятна размером 18×20 м. Таким образом, его площадь была около 300 кв. м, а исследованная часть составила 151 кв. м, или 50%.

Следует отметить в границах пятна темно-коричневой супеси более высокий показатель средней поквдратной насыщенности керамикой (рассчитан по количеству фрагментов в пластах 1 и 2 без учета ям): 321 экземпляр – в раскопе 1, 383 – в раскопе 2, 324 – в раскопе 3 и 397 экземпляров – в раскопе 5 (см. Приложение 1). За границей пятна это значение ниже:

в раскопе 4 – 171 экземпляр, в раскопе 6 – 223, в раскопе 7 – 276 и в кв. Д-Е-7 – 249 экземпляров.

Для наглядного представления поквдратного распределения фрагментов керамики раскопов 1–7 установлены:

1) минимальное и максимальное их значения, зафиксировавшие количественный разброс от 19 обломков за пределами пятна темно-коричневой супеси в кв. А-III раскопа 4 до 1481 обломка в кв. Б-12 раскопа 2;

2) количественный размах (рамки) интервалов, который составил 165 обломков;

3) оптимальное число интервалов, равное 9, исходя из 230 квадратов исследованной площади раскопов 1–7, для большей четкости ситуации сокращенное до 4 с интервалом в 300 обломков.

Полученный таким образом поквдратный план распределения фрагментов керамики фиксирует область наиболее активного заполнения культурного слоя фрагментами использованной керамической посуды в процессе существования поселения на протяжении длительного времени (от 19 до 900 обломков), а также места выброса посуды после прекращения его существования, при вывозе построек (рис. 6).

В границах пятна темно-коричневой супеси и вблизи него в 4 из 10 ям находились развалы

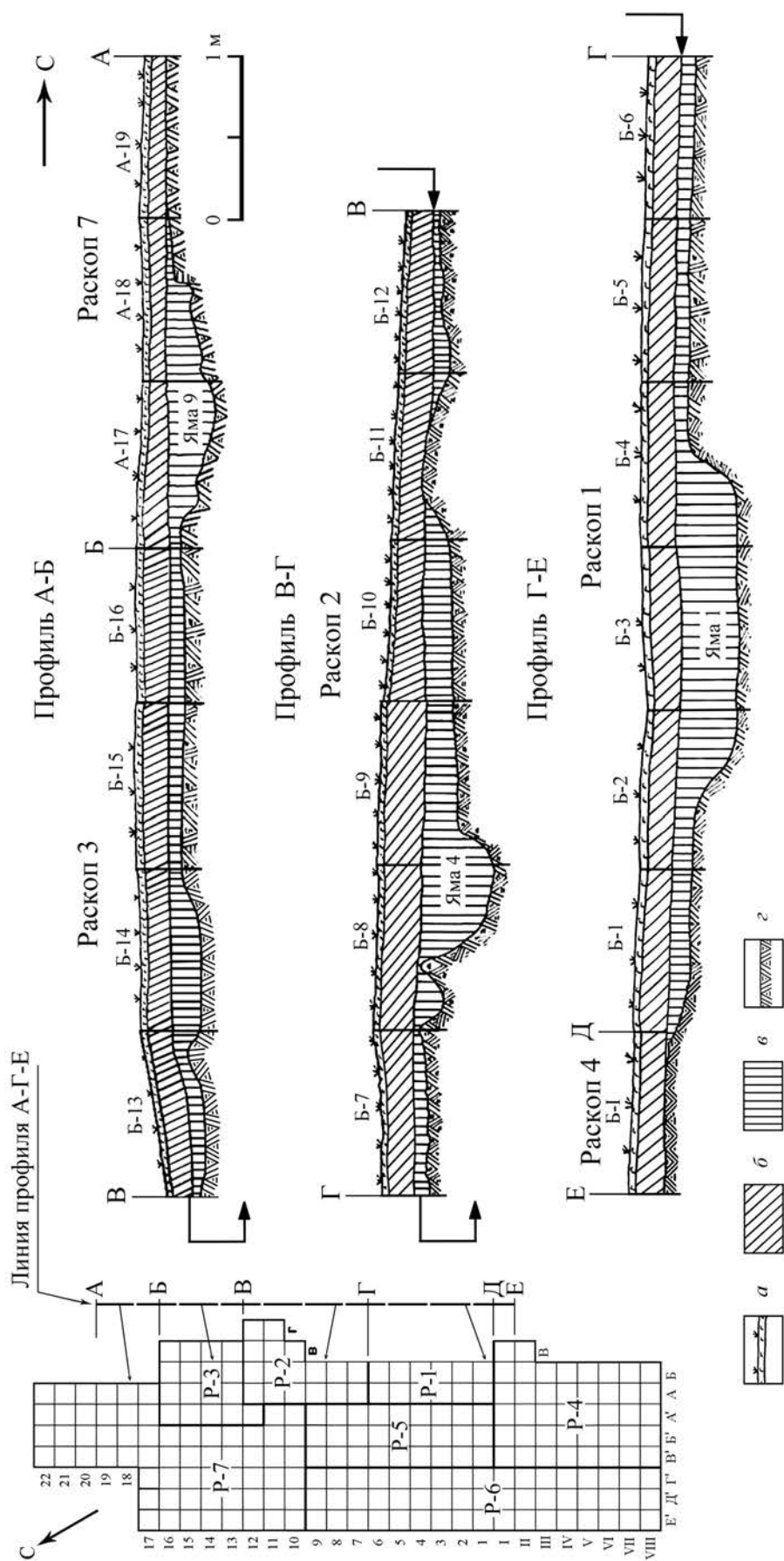

Рис. 4. Профиль центральной части культурного слоя селища Меткомелино 2 в западной стенке карьера по линии квадратов Б-В

а – дерн; б – светло-серая супесь; в – темно-коричневая супесь; з – материк

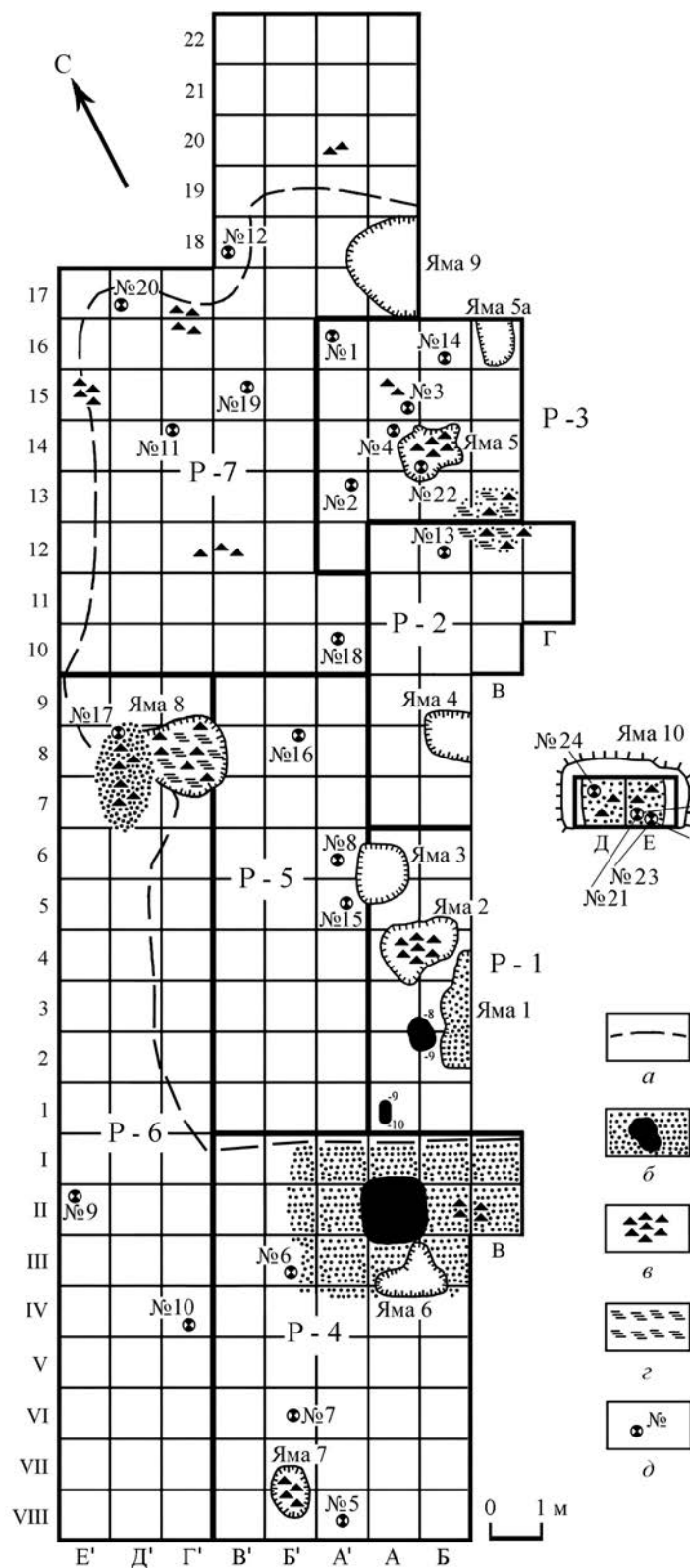

Рис. 5. Раскопы 1–7 и местонахождения индивидуальных находок

a – граница залегания темно-коричневой супеси; *б* – угольки и угольные пятна; *в* – скопления керамики и развалы сосудов; *г* – глина; *д* – местонахождение и номер находки

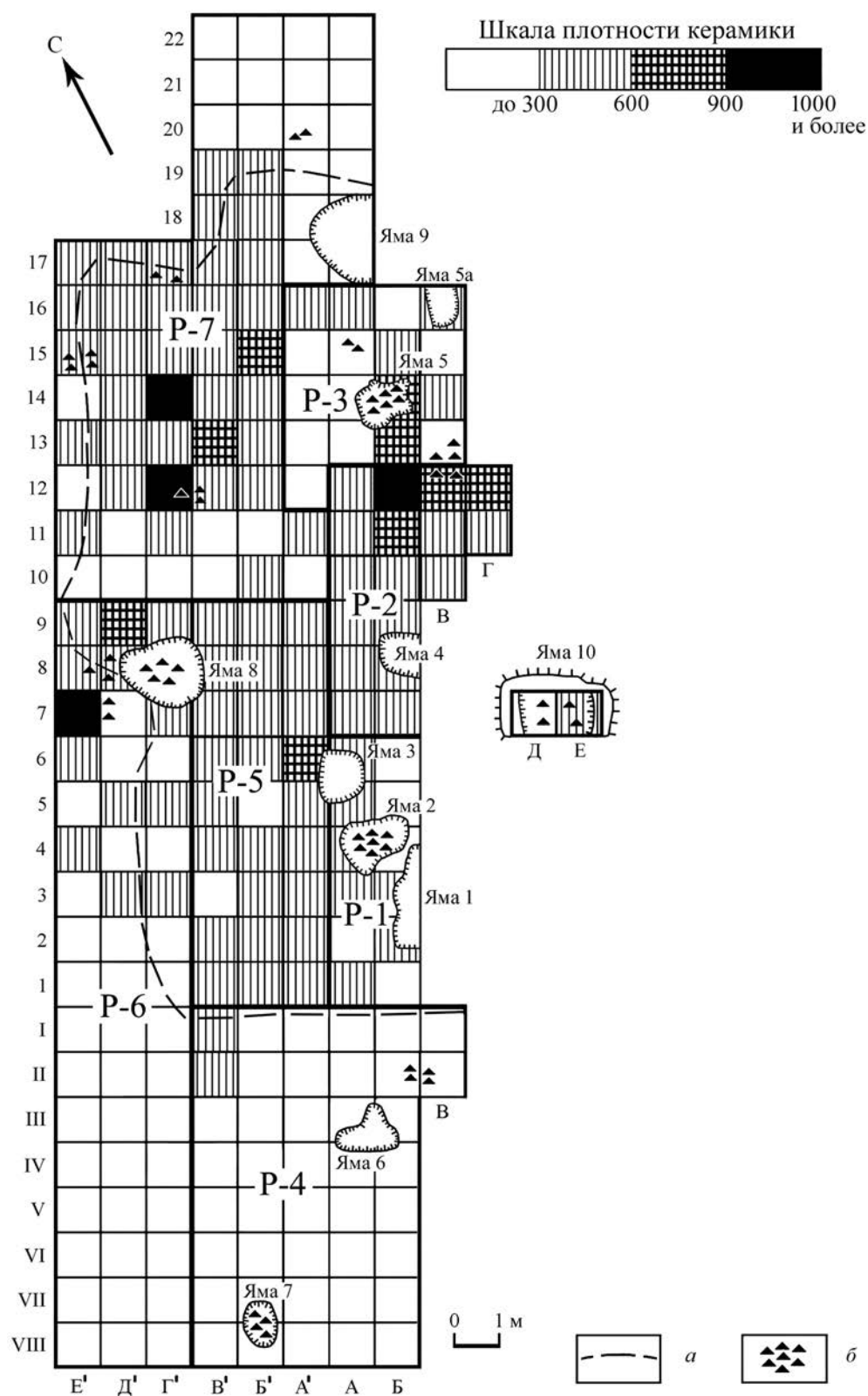

Рис. 6. Поквадратное распределение фрагментов керамики на раскопах 1–7
a – граница залегания темно-коричневой супеси; *б* – скопления керамики и развалы сосудов

Рис. 7. Находки пласта 1 (А), пласта 2 (Б) и ям 5, 10 (В) из раскопов 1–7 и кв. Е-7

1–2, 10–12, 16, 23 – пряслица (?); 3, 12 – фр-т стенки кувшина с росписью красной краской; 4 – фр-т днища сосуда с росписью красной краской и с клеймом; 5 – фр-т конской подковы; 6 – кольцо-пряжка ремня; 7 – свистулька-птичка; 8 – фр-т днища красноглиняного сосуда с клеймом; 9 – фр-т дужки ведра; 13 – фр-т игрушки-конника (?) (ножка); 14 – фр-т стенки краснолощеного кувшина; 15 – фр-т ножа; 17 – фр-т сосуда (чернильницы?); 18 – фр-т венчика кувшина с росписью красной краской; 19 – фр-т днища красноглиняного горшка с клеймом; 20 – язычок пряжки ремня; 21 – нож; 22 – фр-т горшка; 24 – фр-т пряслица (?). (1–4, 7–8, 10–14, 16–19, 22–24 – белая глина; 5–6, 9, 15, 20–21 – железо)

горшков и кувшинов: в яме 2 (два кувшина, горшок, верхняя часть кувшина, две нижние части кувшинов), в яме 5 (кувшин, 14 верхних частей кувшина, горшок), в яме 7 (корчага), в яме 8 (три кувшина, горшок) и в яме 10 (кувшин, горшок). Развалы сосудов помимо ям отмечены также и в нескольких местах на площади раскопов 1–7.

Здесь же, в границах пятна темно-коричневой супеси и вблизи него, сосредоточена большая часть индивидуальных находок селища² – 19 из 33 (рис. 5).

В целом в пласте 1 и в пласте 2 (с учетом ям 5 и 10) сделано одинаковое количество находок, в основном относящихся к хозяйственно-бытовым предметам (Приложение 2; рис. 7).

² Коллекция ОФ 35234/1-34 фонда отдела «Археология» Музейного объединения «Музей Москвы».

Рис. 8. Предметы из археологических исследований в Москве (1, 6, 7–10), в с. Гжель Раменского р-на (2–5, 11) и в с. Бородино Можайского р-на Московской обл. (12–18)

Железный нож с прямой спинкой и слегка отогнутым черешком имеет длину 12 см (лезвие – 8 см, рукоять – 4 см, толщина спинки – 0,3 см) и ширину лезвия 1,5 см (рис. 7, 21). По конструктивным особенностям он относится к хозяйственным, кухонным. Такие ножи имели широкое распространение в позднем Средневековье не только в Москве, но, например, и в Новгороде (Колчин, 1959. С. 55. Рис. 43, ж). Найденный нож можно датировать XVI в. Находки аналогичных ножей отмечены на селищах Софьино-1 (конец XIII – XIV, XVII–XIX вв.) в Подольском р-не и Губкино-1 (XIV–XV, XVI–XVIII вв.) в Ленинском р-не Московской обл. (Гоняный, 2009. Рис. 1, 12, 13; 5, 1, 2). В Москве фрагменты подобных ножей найдены при раскопках Романова двора и по стратиграфическим данным датируются XVI–XVII вв. (Археология Романова двора... 2009. С. 341. Рис. 95, 6, 9, 11, 15, 17, 19).

Обломок конской подковы в виде верхней части правого полукружия (рис. 7, 5) второго варианта первого типа подков, как и отсутствие желобка, соединяющего отверстия для утопления подковых гвоздей, позволяет датировать его XV–XVI вв. (Двуреченский, 2004. С. 240. Рис. 2, 3).

Обломок железной дужки ведра представляет собой пластину шириной 0,8 см, один конец которой раскован в уплощенную округлую «лопаточку»

со сквозным отверстием в центре для крепления к ведру (рис. 7, 9). Фрагмент подобной дужки найден при раскопках Романова двора в Москве и по стратиграфическим данным датируется первой половиной XVI в. (Археология Романова двора... 2009. С. 344. Рис. 98, 14).

К конской упряжи, видимо, относятся кольцо-пряжка и язычок пряжки ремня (рис. 7, 6, 20). Обломок подобного язычка с отверстиями найден при раскопках Романова двора в Москве, где датируется первой половиной XVI в. (Археология Романова двора... 2009. С. 389. Рис. 143, 22).

В качестве индивидуальных находок зафиксированы обломки краснолощеного кувшина московского производства: стенки-плечика и дна с клеймом «крест в круге» (рис. 7, 8, 14). Их можно отнести ко второй группе краснолощенных кувшинов, имевших высокое горло с 2–3 линиями у его основания и оvoidное тулово с косыми линиями лощения по верхней части (Розенфельдт, 1968. С. 18. Табл. 3, 3). Такие кувшины, а также кувшины-кружки первой группы и горшки с клеймом в виде креста в круге изготавливались в Яузской гончарной слободе, где несколько бракованных сосудов найдено в горнах (рис. 8, 1). По темной окраске, характерной для более поздних московских сосудов, найденные фрагменты следует датировать концом XV – началом XVI в.

Таблица 1. Абсолютные размеры (см) и вес глиняных пряслиц (г). (*Вес находки удвоен, так как взвешивалась половинка пряслица)

Номер и место находки	Диаметр	Толщина	Диаметр отверстия	Вес
<i>Лепные</i>				
7	2,2	0,9	0,4	4,58
8	2,4	1,0	0,5	6,28
10	2,4	1,2	0,4	5,38*
11	2,0	1,1	0,5	3,18*
12	2,5	1,0	0,5	5,15
<i>Из стенок белоглиняных сосудов</i>				
9	3,6	0,5	0,5	8,65
13	2,8–3,0	0,6	0,6	6,9
2-ПРК	2,9	0,6	0,4	7,14*
3-ПРК	1,8–2,0	0,5	0,6	2,16

К белоглиняному кувшину с росписью красными полосами относятся обломки венчика, стенок и, по-видимому, днища с клеймом «крест в круге» (рис. 7, 3–4, 12, 18). Обломки белоглиняных расписных кувшинов из группы ранних с аналогичным сложным, в виде композиции из тонких линий, декором, выполненным темной краской (видимо, красной глиной), найдены при археологических исследованиях в центральной части с. Гжель в 1986 и 1988 гг. (рис. 8, 2–5) (Полюлях, 2018. С. 452. Рис. 1, 13, 17; Приложение 1, № 859, 860). Два из них происходят из нижнего слоя раннего, XV–XVI вв., горизонта В раскопа 1. В Москве в слоях XV–XVI вв. отмечены находки обломков красноглиняной ангобированной посуды с похожей геометрической росписью красной краской (Розенфельдт, 1968. С. 25, 26. Табл. 7) и обломков детских игрушек (рис. 8, 6).

Детская игрушка белоглиняная свистулька-птичка (рис. 7, 7) по конструкции аналогична свистулька-птичкам (рис. 8, 11), найденным при археологических исследованиях в центральной части с. Гжель в 1986 и 1988 гг. в раннем горизонте В раскопов 1 и 2 (Полюлях, 2016. С. 484. Рис. 8, 5, 9).

Ножка детской игрушки-лошадки небольшого размера (рис. 7, 13) по конструктивным особенностям близка к подобным московским красноглиняным игрушкам XV–XVI вв., покрытым сплошным белым ангобом (Розенфельдт, 1968. С. 24. Табл. 5, 13, 14, 19, 22, 34). Р.Л. Розенфельдт не упоминает о находках в Москве каких-либо белоглиняных игрушек гжельского производства XVI–XVII вв. (Розенфельдт, 1968. С. 43–47). Но факт находок их в с. Гжель и на селище Меткомелино 2 указывает на местное изготовление.

Среди находок следует отметить обломок небольшого белоглиняного сосуда бочонкообразной фор-

мы высотой 4,5 см и диаметром 3,5 см, использовавшегося, по-видимому, в качестве чернильницы (рис. 7, 17). Он вылеплен на ручном гончарном круге и имеет на днище следы подсыпки песка.

По-видимому, к белоглиняному горшку (черепок имеет сильный пережог) относится обломок днища диаметром 8 см с клеймом «крест в круге» (рис. 7, 19).

Среди индивидуальных находок есть группа предметов, в определении которых в научных публикациях нет единого мнения (рис. 7, 1, 2, 10–11, 16, 23, 24). Обычно их определяют как пряслица, но иногда как «костяшки» для счета или пуговицы. По предназначению пряслице (или прясло) является грузиком, надеваемым при прядении на нижний конец веретена для его утяжеления. Пять из найденных пряслиц (рис. 7, 1, 2, 11, 16, 24) вылеплены и обожжены, видимо, гончаром-профессионалом, два других сделаны в домашних условиях из стенок белоглиняных сосудов (рис. 5, 10, 23).

Лепные отличаются небольшим разбросом по размерам: диаметр 2,0–2,5 см, толщина 0,9–1,2 см, диаметр отверстия – 0,4–0,5 см. Вес их варьируется от 3,18 до 6,28 г (табл. 1).

Пряслица, сделанные из стенок белоглиняных сосудов, имеют больший разброс по диаметру и весу: диаметр 1,8–2,0–3,6 см, вес 2,16–8,65 г (табл. 1).

Аналогичные предметы из раскопок Романова двора в Москве в слоях XVI – первой половины XVIII в. атрибутированы как пуговицы (рис. 8, 7–10) по двум отверстиям на одном из них (Археология Романова двора... 2009. С. 334. Рис. 88, 6, 7, 10, 11).

По-видимому, некоторые из таких предметов и следует считать пуговицами. Наличие отверстия в центре диска является их первоначальной

конструктивной особенностью, что подтверждает глиняная пуговица с двумя отверстиями с Романова двора (рис. 8, 10). Отверстие в центре имеют и костяные пуговицы XVIII – начала XIX в. (рис. 8, 12–8) из раскопок в с. Бородино Можайского р-на Московской обл. в 2010 г. (Янишевский, 2015. С. 536–538. Рис. 1).

На территории, прилегающей к раскопам 1–7, и вокруг карьера выявлено отложение незначительного по мощности (5–10 см) слоя слабо гумусированной светло-серой супеси. К западу от раскопов 1–7 он имел распространение на расстояние до 5 м, к северу – до 30 м и к востоку – до 55 м (рис. 3). Эта территория площадью около 2500 кв. м с целью фиксации находок и сбора фрагментов керамики условно названа площадью разброса керамики (ПРК), разбита на квадраты 5×5 м и обследована (рис. 9). В ходе этого обследования собрано 336 фрагментов керамики и 7 предметов: обломок белоглиняного сосуда (чернильница?) (кв. 24; рис. 9, 25), фрагмент белоглиняного пряслица (?) (кв. 96; рис. 9, 26), книжная медная накладка (кв. 62; рис. 9, 27), обломок железного серпа (кв. 143; рис. 9, 28), белоглиняное пряслице (?) (кв. 107; рис. 9, 29), обломок железного ножа (кв. 125; рис. 9, 30), фрагмент ручки красноглиняного кувшина (3,0×1,2 см) (кв. 146; рис. 9, 31), аналогичного московским кувшинам конца XV – начала XVI в. Также следует отметить находку двух обломков, видимо, белоглиняных плиток пола³ толщиной 4,5 см (кв. 47 – рис. 9, 32; кв. 12 – рис. 9, 33).

Таким образом, характер распространения, мощность и морфология культурного слоя селища Меткомелино 2 допускает существование здесь однодворного поселения. Это расположенное на краю возвышенности место наиболее удобно для построек крестьянского двора. Территория с южной и юго-восточной сторон имеет понижение к р. Дорке, являясь ее поймой, которая, по словам владельцев дачных участков садовых товариществ «Сталь-2» и «Театральный», до начала ее застройки была болотистой низиной, куда привозился и насыпался дополнительный грунт.

Крестьянский двор в XVI в., согласно обычной порядной (договорной) записи, обязательно включал как минимум две постройки: «избу да клеть, да около поль изгороди городити...», а в XVII в. было необходимым, судя по одному из документов, «поставити мне Кручине со своими детьми на сво-

ем участке двор – изба да клеть, да сени, да хлев, да сарай, как иные прочие крестьянские дворы поставлены» (Очерки... 1979. С. 191).

Учитывая традиции сооружения построек и расположения их на крестьянском дворе XVI в., допустима его примерная реконструкция на плане селища Меткомелино 2 в зоне пятна темно-коричневой супеси, подвергшейся интенсивному антропогенному воздействию, на что указывает отсутствие четкой нижней границы этого слоя с материковым песком и небольшое (до 10 см) проникновение в него темно-коричневой супеси (рис. 9, а).

Стоявшая на этом дворе изба, как подавляющее большинство жилых помещений центральных областей, видимо, была срубом размером 3×3–4×4 сажени (6,5×6,5–9×9 м) «с углы» (рис. 9, А). Размеры определялись известным эмпирическим «стандартом» длины бревна хвойных пород (ели, сосны) при толщине 20–30 см. Этот стандарт, по наблюдениям, являлся наиболее устойчивыми в течение многих столетий. Массив соснового леса с такой длиной и диаметром стволов, возобновляясь на песчаных возвышенностях, продолжает существовать и в настоящее время к востоку и юго-востоку от с. Пласкино и погоста Дмитрия Солунского.

Строилась изба обычно без специального фундамента и была «поземной», то есть без подклета, с двускатной кровлей, без потолка («подволока»), с земляным полом, двумя световыми окнами, прорубленными между двумя верхними венцами стены, и третьим, дымовым, еще выше, почти под самым коньком крыши, служившим при топке изб по-черному выходом дыма от печи. Печь из глины ставилась в переднем углу, где были окна, вытягивавшие дым (Очерки... 1979. С. 187–191).

Располагаться изба могла в северной части пятна темно-коричневой супеси, в пределах раскопов 2, 3, 6, 7, где находятся ямы 5 и 8 с прилегающими к ним линзами угля, содержащими глину, обгорелые камни (кв. Б-В-12-13 раскопов 2 и 3 и в кв. Д"-Г"-7-8 раскопа 6), видимо, относящиеся к конструкции печи (рис. 5). К печи можно отнести и фрагменты белоглиняной обмазки без следов нагара из пласта 2 раскопа 7: два крупных (рис. 10) (кв. Г"-17 и кв. Д"-11) и несколько мелких (кв. Б"-10 и кв. Г"-16). Здесь же, в северной части пятна темно-коричневой супеси, найдена и значительная часть находок.

Второй обязательной постройкой крестьянского двора являлась клеть – срубное неотапливаемое

³ Коллекция НВФ 17613 № 2081-2082 фонда отдела «Археология» Музейного объединения «Музей Москвы».

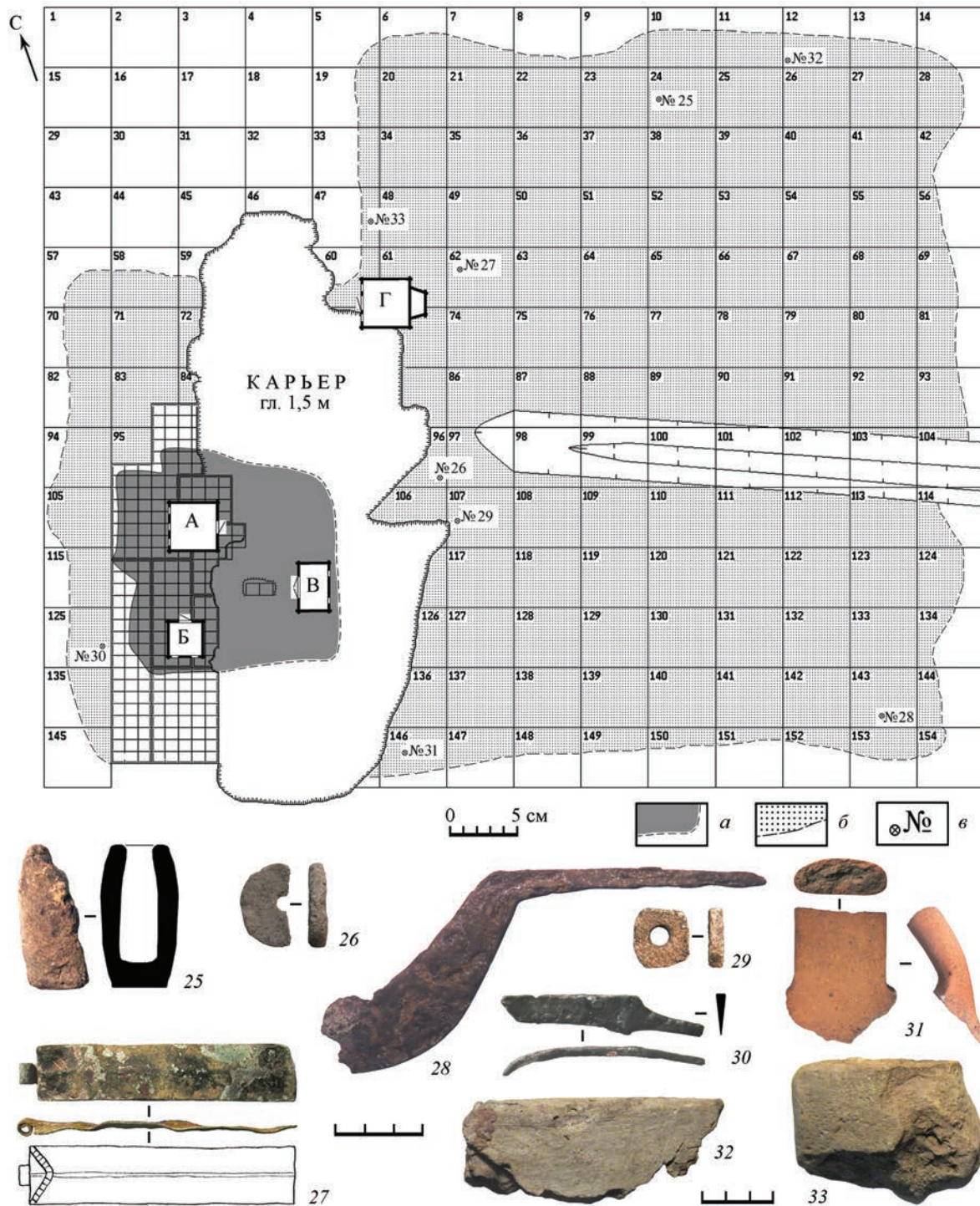

Рис. 9. Раскопы 1–7, постройки Никитского погоста (А–Г), площадь разброса керамики (ПРК) и находки
a – темно-коричневая супесь; *b* – светло-серая супесь, площадь разброса керамики (ПРК); *v* – местонахождение и номер находки. А – изба; Б – клеть; В – сарай; Г – церковь; 25 – фр-т белоглиняного сосуда (чернильницы?); 26 – пряслица (?) фр-т; 27 – книжная накладка; 28 – фр-т серпа; 29 – пряслице (?); 30 – фр-т ножа; 31 – фр-т ручки красноглиняного кувшина (25–26, 29, 31 – глина; 27 – медь; 28, 30 – железо)

многофункциональное строение для хранения зерна, имущества (одежда, посуда и т.п.), съестных запасов и использовалось как летнее жилье. Клеть всегда ставилась на подклете, где иногда в зимнее время содержался скот. Располагалась клеть обычно вблизи избы (рис. 9, Б).

Лошадь обычно содержали в сарае – 4–6-столбовой постройке с врубленными в пазы столбов бревнами и воротами. Сарай мог находиться также недалеко от избы (рис. 9, В).

Это основные постройки крестьянского двора в XVI в. Появление на нем таких хозяйственных построек, как сени, погреб, хлев, гумно, овин, баня, характерно для XVII в. (Очерки... 1979. С. 191, 192).

Территория к востоку от строений двора, на 300 м к руслу р. Дорки, могла быть использована под огород и пашню. О занятии земледелием для пропитания семьи владельца двора свидетельствуют как приводимые выше сведения о размере пашни и сенокосного луга Дозорных книг 1680 г., так и находка фрагмента серпа и металлических предметов конской упряжи (язычок пряжки и кольцо-пряжка ремня) и обломка подковы, подтверждающие наличие лошади, необходимой для ведения этих работ.

Церковь погоста, также обычно бревенчатая, должна была иметь размер не менее 6×6 м для размещения прихожан и проведения службы. Она, видимо, находилась к северу от двора с ориентировкой алтаря на восток (рис. 9, Г). С восточной стороны от церкви традиционно располагалось кладбище. Но в ходе обследования площади к северу и востоку от селища следов церкви и кладбища выявить не удалось.

Дорога, пролежавшая мимо погоста, от д. Пласкинино к д. Меткомелино, с учетом предполагаемого расположения построек должна была находиться с западной от него стороны.

Впоследствии, после ряда неурожайных лет начала XVII в. и осмотра в 1630-х годах запустевшего погоста Никиты Великомученика, его постройки (церковь и «дворище»), по-видимому, разобрали и вывезли на другое место, глиняная посуда оставлена на месте, а все ненужное сожжено. На это указывают угольные пятна в пласте 1 раскопа 1 и 4, насыщенные угольками заполнения ям 1 и 10 и северный участок раскопа 4, где отмечено вкрапление угольков на материке за южной границей пятна темно-коричневой супеси (рис. 5). Но прилежавшие к погосту сельскохозяйственные угодья (пашня и луговые сенные покосы), о которых сказано выше, не были брошены

Рис. 10. Фрагменты белоглиняной печной обмазки

не только в XVII в., а продолжали использоваться, по-видимому, и позднее. Об этом свидетельствуют найденные в раскопах 1–7 отдельные обломки белоглиняной расписной, чернолощенной, майоликовой, фаянсовой посуды XVIII–XIX вв., а также фаянсовая фигурка девочки XIX в. (в раскопе 7), по-видимому, детская игрушка, потерянная ребенком во время сельскохозяйственных работ (Полюлях, 1998).

Таким образом, судя по находкам, селище Меткомелино 2 предварительно, до рассмотрения комплекса керамики, датируется XVI в. Не исключено, что погост Никиты Великомученика устроили на месте ранее существовавшего, но также брошенного по каким-либо причинам однодворного крестьянского поселения.

Состав комплекса керамики

Керамический материал, полученный в ходе исследования селища Меткомелино 2 (раскопы 1–7 и площадь разброса керамики), составил более 63 тыс. фрагментов семи посудных форм: горшок, горшок со сливом, кувшин, корчага, миска, миска с ручкой (кастрюлька?) и сковорода. По итогам работ отобрана и поступила в музей выборка из 2091 обломка⁴, характеризующего сосуда: венчики, декорированные стенки, днища.

Вся гончарная посуда изготовлена из местных беложгущихся глин, дающих при обжиге различные

⁴ Коллекция НВФ 17613/1-2091 фонда отдела «Археология» Музейного объединения «Музей Москвы». Пять целых форм в настоящее время хранятся и выставлены в витрине выставочного зала в административном здании ЗАО «Объединение Гжель» (Московская обл., Раменский р-н, пос. Ново-Харитоново).

цветовые оттенки. Формовка сосудов, судя по фрагментам днищ с подсыпкой песка, производилась на ручном гончарном круге. По качеству сырья – глины (содержание песка, цвет поверхности), технологии изготовления (приемы формовки, обработка внешней поверхности, качество обжига), а также по морфологическим признакам (размеры, профилировка, декор) собранная керамика в целом однородна и одновременна. Элементы декора нанесены прочерчиванием (линии, волна и др.) и наколом (точки-ямки) в горизонтальном направлении по плечикам сосудов до уровня максимального диаметра формы.

Изучение полученного керамического материала позволит получить новые важные данные об использованном сырье, навыках изготовления гончарной посуды гжельскими гончарами в ранний период развития гончарного промысла Гжели.

Ввиду значительности выборки вышеуказанные белоглиняные посудные формы с полным статистическим анализом, необходимым для возможного дальнейшего объективного сопоставления керамики селища Меткомелино 2 с аналогичными материалами других памятников, будут рассмотрены в последующих публикациях.

Литература

- Аверьянова М. Г.*, 1995. Край Раменский. М.: Энциклопедия российских деревень. 592 с.
- АКР. Московская область. Ч. 3. М.: ИА РАН, 1996. 272 с.
- АКР. Московская область. Ч. 4. М.: ИА РАН, 1997. 352 с.
- Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв., 2009 / Автор-составитель Н. А. Кренке. М.: ИА РАН. (МИА. Т. 12). 524 с.
- Гоняный М. И.*, 2009. Методика комплексных разведочных археологических исследований на средневековых селищах в Подмоскowie // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 23–42.
- Готье Ю. В.*, 1906. Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М.: Тип. М. Лисснера и Д. Собко. 602 с.
- Двуреченский О. В.*, 2004. Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (в XII–XIX вв.) // АП. М.: ИА РАН. С. 238–244.
- ДДГ. М.; Л.: АН СССР, 1950. 586 с.
- Колчин Б. А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. С. 7–120.
- Кусов В. С.*, 2004. Земли Московской губернии в XVIII в. Карты уездов. Описание землевладений Т. 1, 2. М.: Московия. Т. 1. 315 с. Т. 2. 399 с.
- Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М.: МГУ, 1979. 352 с.
- Полюлях А. А.*, 1989. Отчет о разведках АЭ МИГМ в Раменском районе Московской области в 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14691.
- Полюлях А. А.*, 1990. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском и Балашихинском районах Московской области в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15805.
- Полюлях А. А.*, 1991. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском и Балашихинском районах Московской области в 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 16993, 17337.
- Полюлях А. А.*, 1993. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II селища в Раменском районе Московской области в 1993 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 17909.
- Полюлях А. А.*, 1996. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II селища в Раменском районе Московской области в 1996 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 19991, 19992.
- Полюлях А. А.*, 1998. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II селища в Раменском районе Московской области в 1998 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 21152.
- Полюлях А. А.*, 2015. Факторы возникновения и характер развития мелкотоварного гончарного производства Гжели в конце XV – первой трети XX в. // Московия. Материалы и исследования по истории и археологии. М.: ММ. 160 с.
- Полюлях А. А.*, 2016. Археологические исследования в селе Гжель: характер и особенности культурного слоя и состава керамического комплекса. Белоглиняные горшки // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 476–546.
- Полюлях А. А.*, 2018. Археологические исследования в селе Гжель: белоглиняная расписная, чернолощеная и поливная керамика // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 451–468.
- Поспелов Е. М.*, 2008. Географические названия Московской области. Топонимический словарь. М.: Аст, Хранитель. 600 с.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: АН СССР. (САИ. Вып. Е1-39). 124 с.

Указатель селений и жителей уездов Московской губернии / Сост. К. Нистрем. М.: Тип. Ведомостей Московской городской полиции, 1852. 73 с.

Холмогоровы В. и Г., 1881–1913. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII вв. Вып. 1–11. М.: Тип. Л. Ф. Снегирева.

Холмогоровы В. и Г., 1888. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII вв. Вып. 6. М.: Тип. Л. Ф. Снегирева. 169 с.

Янишевский Б. Е., Янишевский О. Б., 2015. Костяные пуговицы из раскопок в селе Бородино // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 536–538.

Приложение 1

Статистика керамики селища Меткомелино 2

Раскоп (пл. 1–2) / Яма	Всего фр-тов	Средняя поквадратная насыщенность керамикой	Количество фр-тов сосудов		
			Горшки (венчики)	Кувшины (ручки)	Миски / сковороды
Раскоп 1	3856	321	79	11	8 / –
Яма 1	83	–	4	–	– / –
Яма 2	849	–	16	4	4 / –
Яма 3	141	–	3	1	– / –
Раскоп 2	6507	383	125	46	19 / –
Яма 4	142	–	4	1	– / –
Раскоп 3	4568	324	101	94	11 / –
Яма 5	944	–	11	8	2 / –
Раскоп 4	7200	171	179	23	18 / –
Яма 6	–	–	–	–	– / –
Яма 7	103	–	–	–	– / –
Раскоп 5	10 726	397	229	33	12 / 3
Раскоп 6	11 385	223	276	16	40 / 3
Яма 8	345	–	Горшок	Кувшин	– / –
Раскоп 7	14 379	276	402	95	32 / 4
Яма 9	311	–	–	–	– / –
Кв. Д-Е-7	498	249	22	–	6 / –
Яма 10	1180	–	87	2	3 / –
Всего	63 217	–	1518	335	155 / 10
ПРК	467	–	220	41	18 / –
Итого	63 684	–	1738	376	173 / 10

Приложение 2

Список находок селища Меткомелино 2
(нумерация предметов соответствует номерам на рис. 7 и 10)

№	Наименование	Раскоп	Квадрат
<i>Раскоп 1–7. Пл. 1</i>			
1	Пряслице (?) белоглиняное	3	А"-16
2	Пряслице (?) белоглиняное	3	А"-13
3	Кувшина белоглиняного с росписью красной краской стенки фр-т	3	А-15
4	Сосуда белоглиняного с росписью красной краской днища с клеймом фр-т	3	А-14
5	Подковы железной фр-т	4	А"-VIII
6	Кольцо-пряжка ремня железное	4	Б"-III
7	Свистулька-птичка белоглиняная	4	Б"-VI
8	Сосуда красноглиняного днища с клеймом фр-т	5	А"-6
9	Дужки ведра железной фр-т	6	Е"-II
10	Пряслице (?) белоглиняное	6	Г"-IV
11	Пряслице (?) белоглиняное	7	Г"-14
12	Кувшина белоглиняного с росписью красной краской стенки фр-т	7	В"-18
<i>Раскоп 1–7. Плат 2</i>			
13	Игрушки-коника (?) белоглиняной фр-т (ножка)	2	Б-12
14	Кувшина краснолощеного стенки фр-т	3	Б-16
15	Ножа железного фр-т	5	А"-5
16	Пряслице (?) белоглиняное	5	Б"-8
17	Сосуда (чернильницы ?) белоглиняного фр-т	6	Д"-8
18	Кувшина белоглиняного с росписью красной краской венчика фр-т	7	А"-10
19	Горшка днища фр-т с клеймом	7	В"-15
20	Язычок пряжки ремня железный	7	Д"-17
21	Нож железный		Е-7
<i>Раскоп 1–7. Ямы 5 и 10</i>			
22	Горшок белоглиняный мелкоразмерный	3	Б-14, яма 5
23	Пряслице (?) белоглиняное		Е-7, яма 10
24	Пряслица (?) белоглиняного фр-т		Д-7, яма 10
<i>Площадь разброса керамики (ПРК)</i>			
25	Сосуда (чернильницы?) белоглиняного фр-т		24
26	Пряслица (?) белоглиняного фр-т		96
27	Накладка книжная медная		62
28	Серпа железного фр-т		143
29	Пряслице (?) белоглиняное		107
30	Ножа железного фр-т		125
31	Кувшина красноглиняного ручки фр-т		146
32	Плитки пола фр-т		12
33	Плитки пола фр-т		47

A.A. Polyulyakh

**Archaeological study of the Metcomelino 2 settlement:
the nature and characteristics of the cultural layer,
finds and composition of the pottery complex**

Summary

Settlement Metcomelino 2 was discovered by the author of the article in 1989 and studied by him in 1990–1998. It is located in Gzhel, an ancient ceramic region in Russia. The article describes the charac-

teristics of the cultural layer, finds and ceramics. Judging by the finds, the settlement can be dated to the 16th century. and identified as the remains of a one-yard settlement.

List of figures

Fig. 1. Settlement Metcomelino 2 and cemeteries of the 16th century in the Dorka river basin on the modern map of the Moscow region

1 – Georgievsky; 2 – Nikitsky; 3 – Dimitriya Solunskogo (Dimitri of Thessaloniki); 4 – Mikhailo-Arkhangelsky

Fig. 2. Settlement Metcomelino 2 and Dimitri of Thessaloniki (Dimitriya Solunskogo) cemetery on the modern map of the Moscow region (A) and on the “General plan of the Moscow province. Bronnitsky district” 1784 (B)

Fig. 3. Plan of the settlement Metcomelino 2

a – meadow; б – forest; в – shrubbery; г – dirt road; д – spot of dark brown sandy loam; e – ceramic spread

Fig. 4. Profile of the central part of the cultural layer of the Metcomelino 2 settlement in the western wall of the quarry along the line of squares Б–В

a – turf; б – light gray sandy loam; в – dark brown sandy loam; г – virgin soil

Fig. 5. Excavation site plan 1–7 and the location of individual finds

a – border of occurrence of dark brown sandy loam; б – embers and coal spots; в – congestions of ceramics and vessel breakdowns; г – clay; д – location and number of the find

Fig. 6. Distribution of pottery fragments from excavations 1–7 by squares

a – border of occurrence of dark brown sandy loam; б – congestions of ceramics and vessel breakdowns

Fig. 7. Finds seam 1 (A), seam 2 (Б) and pits 5, 10 (B) from excavations 1–7 and sq. E-7

1–4, 7–8, 10–14, 16–19, 22–24 – white clay; 5–6, 9, 15, 20–21 – iron

Fig. 8. Items from archaeological research in Moscow (1, 6, 7–10), in the village of Gzhel, Ramensky district (2–5, 11) and village of Borodino, Mozhaisky District, Moscow Region (12–18)

Fig. 9. Excavations 1–7, buildings of the Nikitsky cemetery (A–Г), ceramic spread area (CSA) and finds

a – dark brown sandy loam; б – light gray sandy loam, ceramic spread area (CSA); в – location and number of the find. А – izba; Б – storeroom; В – shed; Г – church

Fig. 10. Fragments of white-clay kiln coating

А. Л. Смирнов, М. Ю. Меньшиков
Институт археологии РАН, Москва

Керамические изделия необычных форм. Археология и этнография

Данная статья посвящена двум керамическим изделиям необычных форм, выявленным в ходе разведок 2019 г. в Тверской обл. Нередко в ходе археологических раскопок и разведочных работ встречаются фрагменты изделий, точное назначение которых остается загадкой. Часто отсутствие представления о полной форме сосуда может привести к ошибочной интерпретации его функции, а иногда и ошибочной датировке. В данном случае нами рассматриваются предметы, которые ранее не встречались при раскопках авторам статьи. Несмотря на то, что оба изделия относятся к периоду широкого распространения гончарной керамики и круга быстрого вращения, они изготовлены методом ручной лепки, что при первом ознакомлении с фрагментами одного из сосудов вызвало диссонанс между нашими представлениями о характере глины и обжига и технологией изготовления сосуда. Оба предмета выполнены из местной глины, дающей при обжиге светло-серый, иногда почти белый цвет, с малым содержанием примесей. Подобная керамика в регионе широко распространена вплоть до конца XIX в.

В ходе разведок 2019 г. Рунским отрядом ИА РАН (руководитель Добровольская М. В.) был исследован участок близ района Пожариха пос. Пено Пеновского р-на Тверской обл. На юго-западном берегу озера Пено был произведен визуальный осмотр участка местности, оголенного ураганом 2017 г. и прошедшими после него рекультивационными работами. На данной территории обнаружены две курганные группы и стоянки эпохи камня (рис. 1). Собран разнообразный археологический материал как эпохи камня, так и древнерусская керамика. Участок разведок находился в непосредственной близости от острова Дубовец, где расположен известный многослойный памятник эпо-

хи камня и раннего Средневековья (*Шумкин, 1997. С. 169–211*).

Керамический сосуд, о котором идет речь, обнаружен на поверхности песчаной дюны, переходящей в овраг с безымянным ручьем. Дюна разрушена в ходе раскорчевки деревьев после урагана. При выкорчевке пней погибших деревьев и вывозе стволов дневная поверхность дюны была сильно повреждена. При визуальном обследовании периферии археологического памятника эпохи камня на склоне, имеющем юго-восточную экспозицию, обнаружен керамический подъемный материал, представленный в виде обломков одного лепного сосуда, которые имели разную толщину стенок, разную степень прокаленности, а часть фрагментов имела следы плотного органического нагара. При этом тесто сосуда по своей структуре больше похоже на гончарную продукцию. Сосуд имел сложную форму и мог представлять собой некое подобие «бутыли» с узким горлом и толстым дном, с прорезанным в центре круглым отверстием, составляющим 60% диаметра. Однако сохранились не все обломки сосуда, и получить его полный профиль невозможно. Поэтому возможен и второй вариант: фрагменты с отверстиями могут относиться к двум разным сосудам, изготовленным абсолютно одинаково с точки зрения технологии. Органический нагар, выявленный на поверхности сосуда, сконцентрирован на двух участках.

1. В небольших количествах с внешней стороны у горла (рис. 2, з, в) и более концентрированный на внутренней стороне, занимая большую часть поверхности найденного фрагмента. В этой части сосуда нагар почти равномерно распределен по стенкам и имеет хорошо выраженную, вероятно, верхнюю границу распространения (рис. 2, г).

2. Также нагар равномерно и плотно покрывает всю площадь внутренней поверхности сосуда,

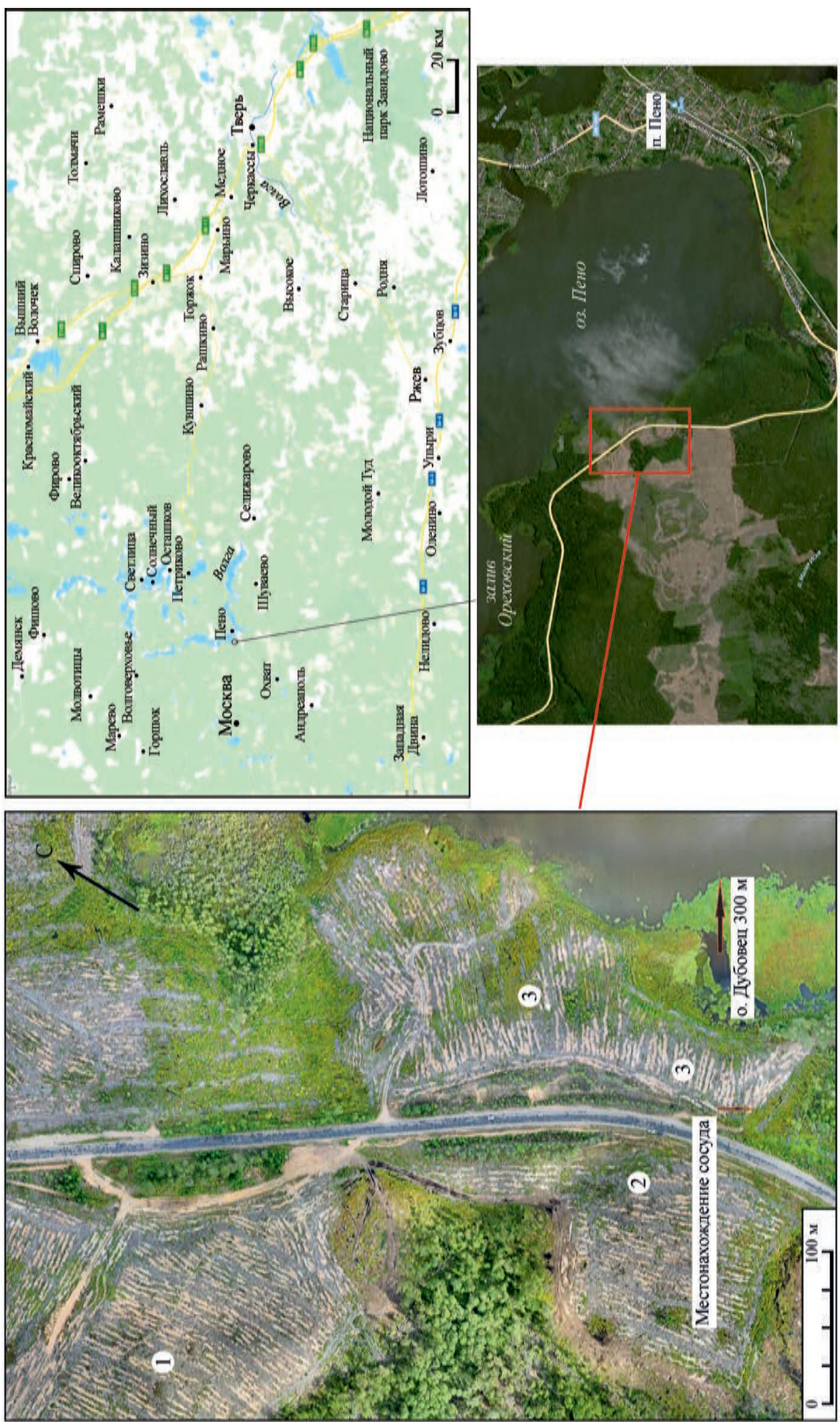

Рис. 1. Находки сосудов для дегтекурения. Пеновский р-н Тверской обл.
1, 2 – курганные группы; 3 – стоянки эпохи камня

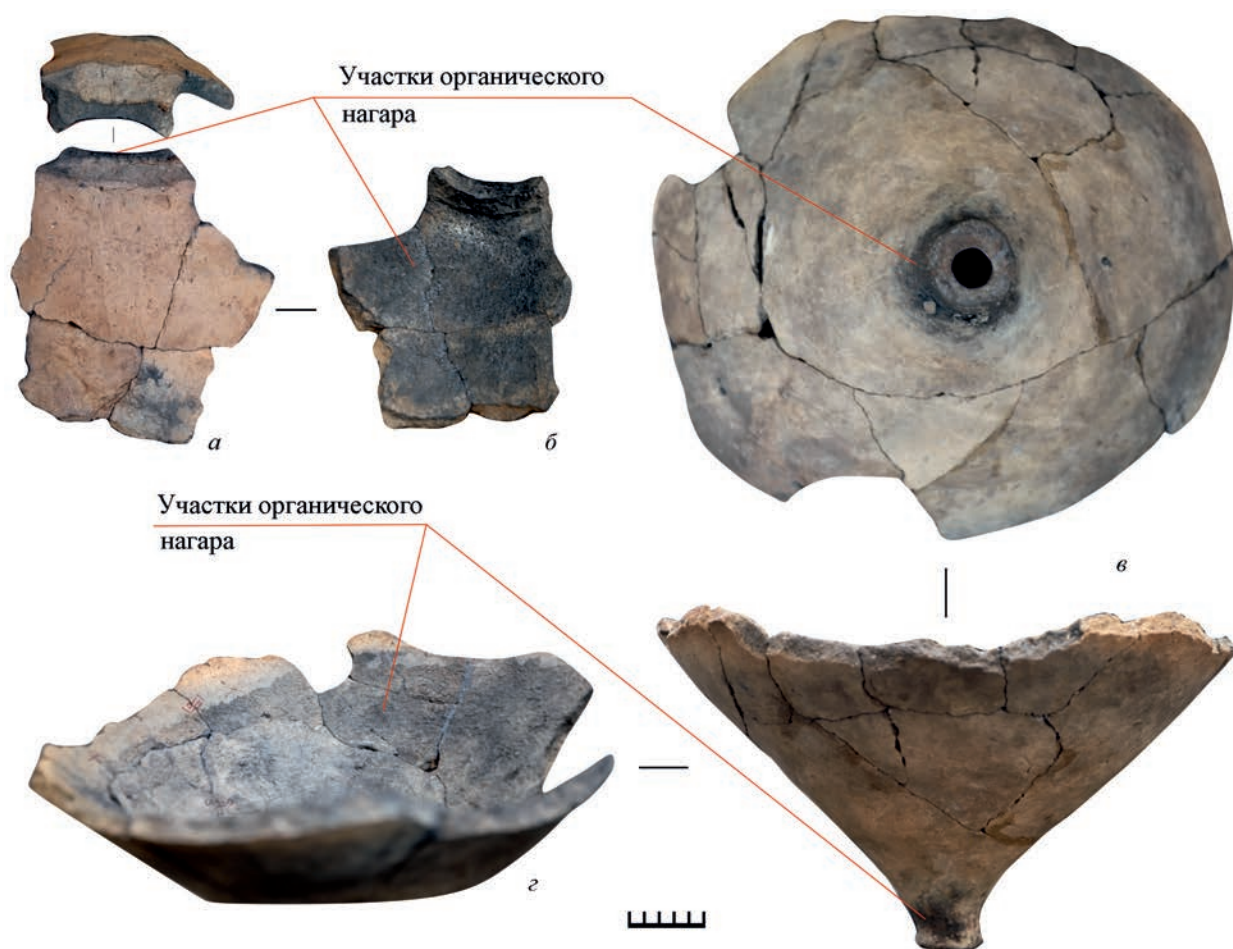

Рис. 2. Сосуд для дегтекурения с нагаром на внутренней стенке. Находка 2019 г.

примыкающей к широкому отверстию в дне и внешние края этого отверстия (рис. 2, б).

К сожалению, получить точное определение химического состава нагара пока не удалось. Визуально данный нагар схож с тем, который остается при выгорании смолы.

При поиске аналогий данный предмет атрибутирован как корчага для изготовления смолы или дегтя.

Процесс изготовления дегтя и смолы подробно описан в литературе XIX–XX вв. (Гребнер, 1870. С. 37–39; Двигубский, 1836. С. 109; Ногин, 1925. С. 25, 26; 1932. С. 38–40; Лукьянов, 1951. С. 432). Приведем текст о корчажном дегтекурении из книги К. И. Ногина «Дегтекурение» 1925 г.:

«...Если в ямах гонится большей частью смола, то корчаги употребляются, главным образом, для гонки дегтя. При корчажном способе зажигают не смолье, а отдельное топливо, поэтому этот способ представляет уже переход от примитивной формы ямного дегтекурения к более совершенным

формам (казанной и ретортной). Так как здесь материал не подвергается горению, а только сухой перегонке, то и выход дегтя получается более высокий. Мы уже говорили, что корчаги бывают открытые съемные, открытые неподвижные и вмазанные в печь. Съемные корчаги, вследствие того, что их приходится снимать, перетаскивать с места на место, устанавливать, делают небольших размеров, обыкновенно емкостью около 1 куб. арш.; в них помещается при плотной загрузке по 2–2*1/2 пуда бересты. Корчаги имеют вид больших глиняных горшков или цилиндров, толщина стенок которых составляет приблизительно четверть вершка. Установка корчаги для дегтекурения видна из рис. 3. А – цилиндрическая корчага, поставленная на глиняную воронкообразную подставку Д, которая своим узким отверстием плотно входит в деревянный патрубок В, соединенный нижним концом с деревянной же трубой Д, зарытой в земле несколько наклонно в сторону от корчаги. Когда работает несколько корчаг, то отводные

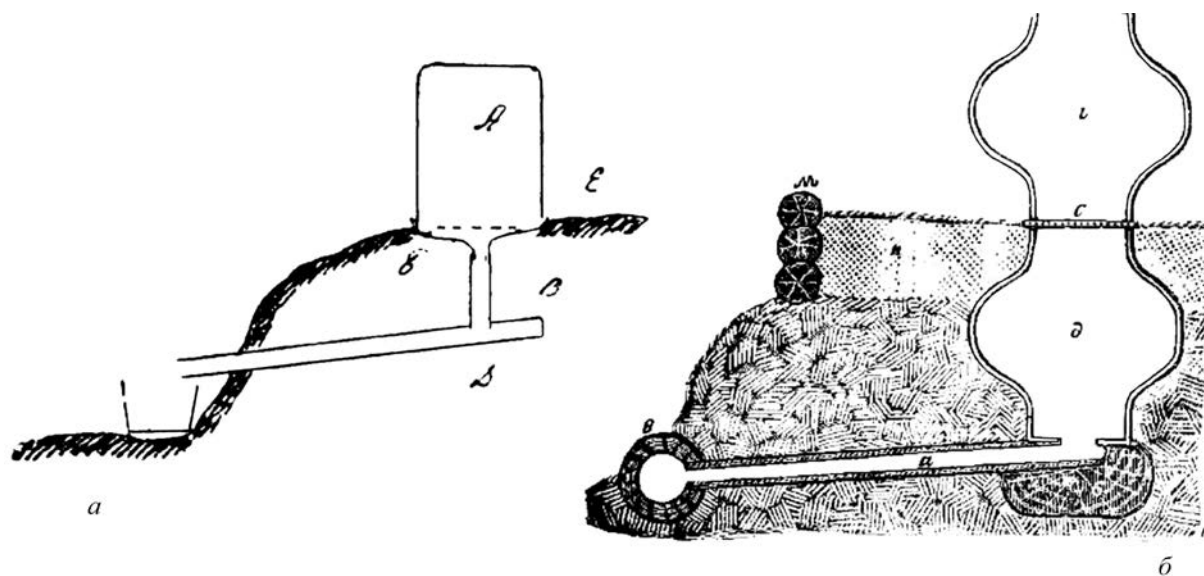

Рис. 3. Схемы корчажной «сидки» дегтя с одной (а) и двумя корчагами (б) (по: Ногин, 1925; 1932; Лукьянов, 1951)

трубы Д соединяются в одну общую трубу, по которой жидкие продукты перегонки отводятся в один общий чан.

Для предохранения корчаг от дождя и снега над ними иногда делается деревянный навес. Работа при таких корчажных установках производится следующим образом. После того, как в корчагу плотно набьют бересту, на подставку В над отверстием кладется железная решетка Е, которая не дает вываливаться бересте из опрокинутой

корчаги и закрывает отверстие в подставке; корчага опрокидывается и становится на подставку Б, щель между корчагой и подставкой замазывается глиной и обсыпается кругом землей или песком. Вокруг корчаги разводят огонь, который должен равномерно ее нагревать: неравномерность нагревания вызывает неправильность в ходе гонки и причиняет трещины в стенках корчаги. Когда береста достаточно нагреется, из нижнего конца выходной трубы появляется тонкая струйка воды,

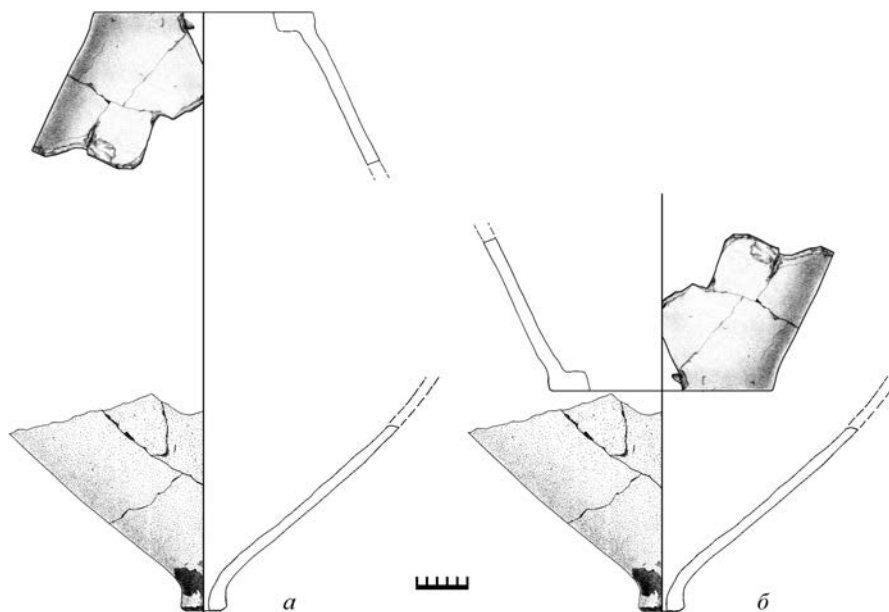

Рис. 4. Сосуд для дегтекурения. Находка 2019 г.

Рис. 5. Дымарь из собрания Ворошиловского краеведческого музея им. И.И. Смирнова

к которой при дальнейшем повышении температуры и разложении бересты примешивается деготь; вместе с вытекающей жидкостью из отверстия выходит беловатый дымок газа. При указанном устройстве необходимо корчагу нагревать слабо и постепенно и гонку вести медленно, т. к. при сильном нагревании образовавшиеся дегтярные пары не успеют в патрубке В и в трубе Д сгуститься и будут вместе с водяными парами выходить наружу в виде пара желтого цвета, а это вызывает потери дегтя. Сильное нагревание не только уменьшает выход продукта, но и ухудшает его качество: удельный вес дегтя увеличивается. По мере гонки количество вытекающей из трубы воды становится меньше...» (рис. 3, а) (Ногин, 1925. С. 25, 26).

Также описывается способ, где задействованы уже две корчаги – верхняя и нижняя, где нижняя корчага выступает приемной и имеет два отверстия, верхнее и в дне. При подобной перегонке дегтя или смолы нижняя корчага полностью зарывается в землю, а верхняя, наполненная смолом или берестой, подвергается нагреву (рис. 3, б) (Ногин, 1932. С. 38–40; Лукьянов, 1951. С. 432).

Таким образом, можно сделать вывод, что найденные нами фрагменты керамики принадлежали либо двум сосудам – нижний приемный, с узким горлом (рис. 2, в) и верхняя корчага с отверстием в дне (рис. 2, а; 4, а), либо это один сосуд – нижняя корчага (рис. 3, б; 4, б). Можно высказать предположение, что подобная находка уже не первая в регионе, описание фрагментов сходного сосуда

встречается в отчете о разведках более ранних лет (Исланова, 2013. С. 19).

Второе керамическое изделие обнаружено в коллекции местного краеведческого музея¹. К счастью для нас, предмет является этнографическим и содержит надпись, где указан год и имя мастера, его изготовившего. Изделие представляет собой горизонтально расположенную лепную трубу с сформированным плоским дном, позволяющим ставить на землю или стол. Сверху к трубе прикреплена продольная глиняная ручка округлого сечения. Размеры изделия 35×18 см. Все изделие выполнено из местной беложгущейся глины в технике ручной лепки. По одной стороне предмета по сырой глине выполнена надпись «1878 год Федот Ивренок» (рис. 5). Данное изделие является дымарем и предназначено для окуривания ульев.

Вероятность обнаружения данных предметов целыми в раскопе мала. Связано это с двумя факторами: во-первых, и производство дегтя, и ульи обычно находятся за пределами основной зоны поселения, которая не всегда попадает в пределы исследуемой раскопами территории. В первом случае это связано с пожароопасностью, во втором – с опасением укусов пчел. Обнаружение подобных находок в культурном слое русских памятников в виде развалов или целых предметов авторам данной публикации не известно. Во-вторых,

подобная технологическая посуда, вероятно, была редкостью, и существовали способы получения дегтя и отгона пчел без использования специальных изделий из обожженной глины. Нестандартность формы и использование технологии ручной лепки изделий не всегда позволят датировать такие находки вне контекста, особенно если изделие будет обнаружено не в виде развала или целым, а выявлено лишь в отдельных обломках. Поэтому важно введение в оборот информации об этих двух видах технологических керамических изделий, известных пока лишь по этнографическим данным и случайной находке в Тверской области. В настоящий момент нет информации о дате появления такой керамики. Возможно, фрагменты таких изделий находились и раньше, но не были правильно атрибутированы археологами. Пока мы можем говорить, что аналогичные публикуемым дымари и сосуды для выгонки дегтя известны с периода не позднее Нового времени, при этом деготь активно использовался в Средневековье, а керамические дымари немного иной конструкции известны по этнографии Алжира. Информации о данных типах технологической керамики в Средние века на Руси у авторов пока нет.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-00-01438 КОМФИ.

Литература

Гребнер В. А. фон, 1870. Руководство к добыванию смолы, вара, дегтя и скипидара. М.: Преснов. 179 с.

Двигубский Ив., 1836. Лексикон городского и сельского хозяйства, содержащий собрание по азбучному порядку, общих и частных сведений, открытий и улучшений во всех отраслях хозяйства. Т. 2. Г–И. М.: Тип. С. Селивановского. 312 с.

Исланова И. В., 2013. Отчет о разведочных работах в Пеновском, Андреапольском и Торопецком районах Тверской области в 2012 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 35125.

Лукьянов П. М., 1951. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в. / Под ред. С. И. Вольфовича. Т. III. М.: АН СССР. 618 с.

Ногин Н. В., 1925. Дегтекурение. Л.: Научное химико-техническое издательство. 53 с.

Ногин Н. В., 1932. Смолокурение и дегтекурение. Л.: Госхимтехиздат. 215 с.

Шумкин В. Я., 1997. Дубовец (Пено 3) – поселение многократного заселения на оз. Пено (Верхневолжская система озер) // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб. С. 169–211.

¹ Авторы выражают благодарность директору Ворошиловского краеведческого музея им. И. И. Смирнова Геннадию Николаевичу Потапову за возможность работы с материалами музея.

A. L. Smirnov, M. Yu. Menshikov

Ceramic products of unusual shapes. Archeology and Ethnography

Summary

The paper is devoted to two forms of ceramic vessels, which are rare examples of technical ceramics. One of the vessels can be dated The Late Medieval or 18–19 A.C. The second vessel can surely be dated 1878, because of inscription. The authors of this pub-

lication have never seen such samples of technical ceramics before. The first vessel has an archaeological origin and it was interpreted as a vessel for distilling tar, the second ceramic device is a “smoker” – a vessel for fumigating bees. The last one has a museum origin.

List of figures

Fig. 1. Finds of vessels for tar smoking on maps

1, 2 – mound groups; 3 – stone age sites

Fig. 2. A tar smoking vessel with carbon deposits on the inner wall. Found in 2019

Fig. 3. Schemes of large pot tar “distilling”

Fig. 4. A tar smoking vessel. Found in 2019.

Fig. 5. Fumigator. From the collection of the Voroshilov Museum of Local Lore named after I. I. Smirnov

А. В. Энговатова*, **А. Г. Авдеев****, **Е. К. Кадиева***

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Университет Дмитрия Пожарского, Москва*

Граффити на сосудах второй половины XVI – начала XVIII века из раскопов Троице-Сергиевой лавры: атрибуция, классификация, хронология¹

В результате масштабных раскопок, проведенных экспедицией ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой на территории Троице-Сергиевой лавры, получен керамический материал, относящийся к XVI–XVIII вв. (Энговатова, 2020), в настоящее время он вводится в научный оборот (Кадиева, Энговатова, 2020). Продолжая серию статей по данной теме, мы предлагаем рассмотреть такое интересное явление, как граффити на сосудах.

Эти эпиграфические памятники, с одной стороны, являются важным источником по изучению различных сторон жизни поселений, с другой, имея индивидуальный характер, они позволяют судить как об уровне грамотности жителей, так и узнавать отдельные эпизоды повседневной жизни.

До недавнего времени на всей исследованной археологами площади лавры (а это чуть более 5000 кв. м, работы с 1950-х до 2018 г.) найдено лишь шесть фрагментов керамических сосудов с граффити (Новоселова, 2004)².

В ходе исследований последних трех лет выявлена заметная концентрация фрагментов сосудов с граффити в слоях XVI–XVIII вв. в западной части обители, между монастырской оградой, Казначейским корпусом и больничными палатами. При этом в 2018–2020 гг. раскопано около 2900 кв. м (рис. 1).

Данная статья представляет собой предварительную публикацию новых материалов, попытку их интерпретации и некоторые наблюдения по планиграфическому распределению подобных находок.

К настоящему моменту подробно изучены древнерусские граффити, в том числе и на бытовых предметах (См.: Мединцева, 2000; Рождественская, 1991), но эти исследования ограничены временными рамками X–XV вв. Следует также отметить не так давно изданный каталог, посвященный надписям на предметах X–XVIII вв. из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея (Рисунки-граффити... 2017). Однако в нем рассмотрены надписи на каменных и костяных артефактах. Сейчас мы располагаем немногими работами, посвященными непосредственно исследованию граффити, оставленными на поздней керамике (Золотов, 1959. С. 285; Авдеев, Бугров, 1995; Коваль, 2018. С. 425, 426. Рис. 5, 5, б).

Впервые к исследованию граффити на керамических сосудах из Троице-Сергиевой лавры обратилась Т. Н. Новоселова, опубликовав прориси шести фрагментов чернolощенных сосудов (рис. 2), но без привязки находок к объекту исследований и культурному слою. Исследовательница пришла

¹ Работа выполнена в рамках темы НИР «Хронологические индикаторы культурного слоя средневекового города (Торжок и Ярославль)» (НИОКТР ААА-А20-120070990064-2).

Работа выполнена в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда развития православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA (см.: <https://www.cir.rssda.su>). Научный руководитель проекта – А. Г. Авдеев, технический руководитель проекта – Ю. М. Свойский.

² Два из них обнаружены в шурфах на территории монастыря, заложенных С. А. Беляевым в 1999–2001 гг., и четыре выявлены при спасательных раскопках и наблюдениях, проводимых В. И. Вишневым.

Рис. 1. Археологические исследования на территории Троице-Сергиевой лавры с указанием мест находок фрагментов керамики с граффити

a – зоны археологических исследований в 1978–2021 гг.; *б* – граффити, обнаруженные ПАЭ в 2019–2021 гг.; *в* – количество граффити, обнаруженных ПАЭ в 2019–2021 гг.; *г* – граффити, обнаруженные в 1999–2001 гг. (Новоселова, 2004. С. 111–118)

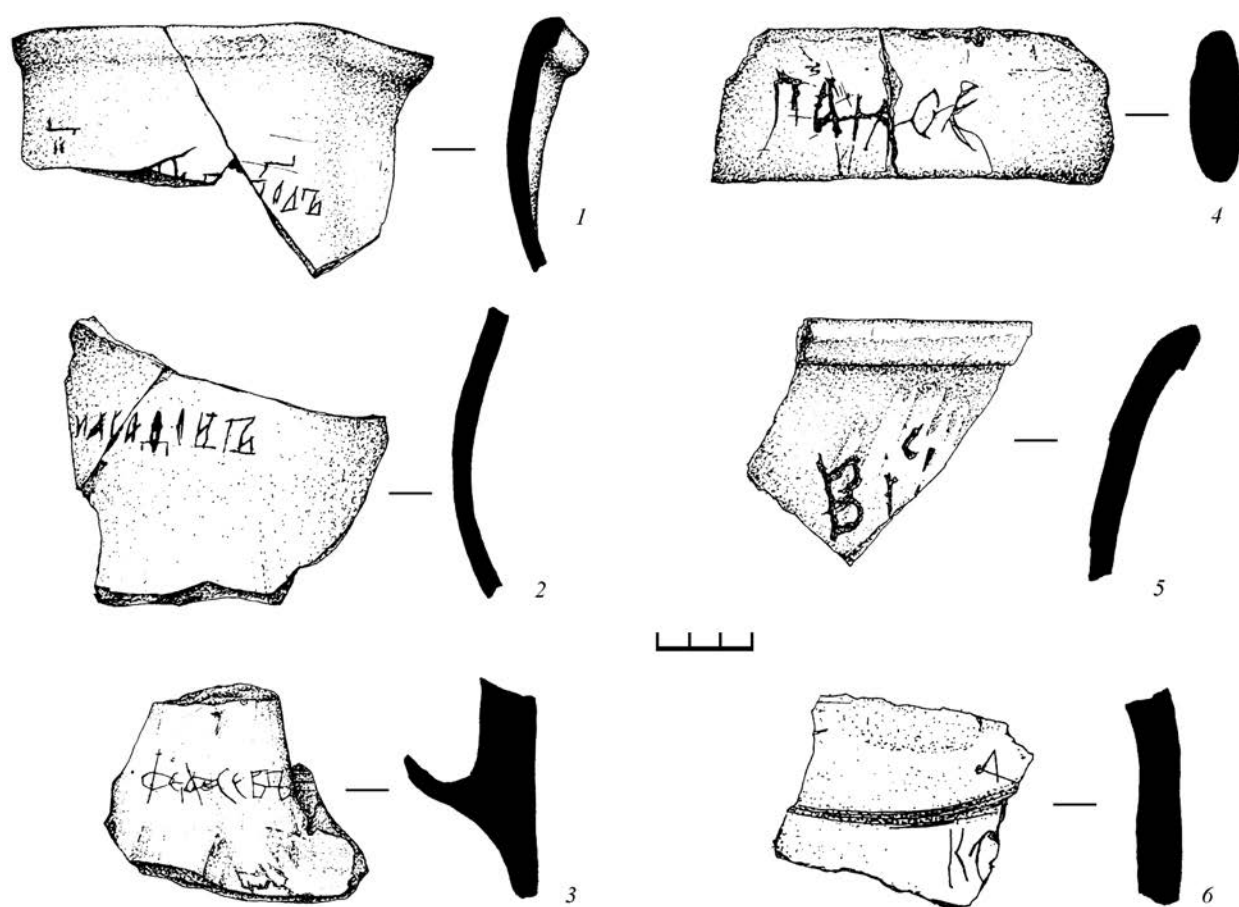

Рис. 2. Фрагменты керамической посуды XVII–XVIII вв. с надписями-граффити.
Раскопки 1999–2001 гг. (Новоселова, 2004. С. 111–118)

1–3 – XVII в.; 4–6 – кон. XVII – сер. XVIII в.

к выводу, что их тексты отражают принадлежность сосуда тому или иному лицу и подтверждают факт существования личной собственности в общежительном монастыре (Новоселова, 2004).

К настоящему времени в слоях XVI–XVIII вв. в Троице-Сергиевой лавре выявлено уже 62 граффити на фрагментах сосудов (из них 56 найдено Подмосковной экспедицией) (табл. 1). Такое количество находок достаточно, чтобы наметить определенные закономерности в их распределении и предложить предварительную классификацию надписей.

Подавляющее большинство граффити, расположение которых можно зафиксировать (50 из 56), нанесены на доступных для обозрения поверхностях сосудов – на верхней части (зона от плечиков до верха горла) и ручке (рис. 3). Так, под венчиком их отмечено 9, ниже, на горле, – 15, на плечиках – 9, под верхним корнем ручки – 1. Пятнадцать граффити обнаружены на ручке сосуда (середи-

на и нижняя часть). Исключение составляет лишь один фрагмент, являющийся придонной частью чернолощеного кувшина (№ 71). Для 6 граффити из-за фрагментарности точно определить положение на сосуде не представляется возможным. Отметим лишь, что это стенки верхней трети сосуда.

Надписи тщательно процарапаны (глубина резьбы обычно достигает 1–2 мм) и легко читаемы. Еще одна закономерность – граффити нанесены на сосуды с толщиной стенок от 5 до 6 мм с лощеной, реже ангобированной поверхностью. То есть все эти сосуды являются статусными предметами столового обихода и не предназначены для использования в хозяйственных целях.

Согласно классификации С. Франклина, граффити на стенках сосудов относятся к письменности третьего разряда – надписям на предметах, не созданных специально для письма, и в процессе создания запись текста на них не была предусмотрена (Франклин, 2010. С. 131, 140–142).

Таблица 1. Граффити на сосудах из раскопов Гролице-Сергиевой лавры (основные характеристики).

№ по оп.	Раскоп	Глубина, см	Квадрат	Комплекс	Датировка	Содержание	Расположение	№ рис.
6	1	-830/-850	3		кон. XVI – нач. XVII в.	8-конечная звезда	Плечико кувшина чернолощеного	9, 3
54	5	балласт			–	Крест	Под венчиком кувшина чернолощеного (диам. 11 см)	8, 3
60	3	-790/-810 (-797)	24		XVI/XVII вв.	[...]ИНО	Горло кувшина чернолощеного	7, 1
71	3	-830/-850 (-843)	26		2-я пол. XVI – нач. XVII в.	Хозяйственная метка (?)	Придонная стенка кувшина чернолощеного (диам. донца 10 см)	9, 6
72	Зона набл. № 13			Траншея	XVII – нач. XVIII в.	М	Плечико кувшина чернолощеного	6, 7
88	3	-830/-850	26, 31		2-я пол. XVI – нач. XVII в.	Не читается	Стенка кувшина чернолощеного	10, 1
125	3	-870/-890 (-887)	28	Об. 9 (верхн. заполнение)	2-я пол. XVI в.	НРО	Горло кувшина чернолощеного	5, 1
126	3	-870/-890 (-883)	32, 33	Слой об. 46	нач. XVII в.	НОСА[Ф] »	Горло кувшина чернолощеного	4, 1
147	3	с -790 до тлена и угля (-813)	30а	Об. 41	кон. XVI в.	[...]ХИ[...]	Горло сосуда красноглиняного со сплошным белым ангобом с внешней стороны	7, 8
166	3	-970/-990	21, 26	Об. 76А	кон. XVI в.	СБГА	Ручка кувшина чернолощеного	5, 2
170	3	-950/-970 (-965)	27	Под об. 76А, над об. 9	2-я пол. XVI в.	ЗОСНИ[А]	Горло кувшина чернолощеного	4, 3
176	3	-950/-970	22	Об. 76А	кон. XVI в.	Не читается	Стенка кувшина чернолощеного	10, 2
177	3	-950/-970	31, 36	Об. 76В	2-я пол. XVI в.	[ИВ]ИИ	Стенка кувшина чернолощеного	4, 4
178	3	-910/-930 (-918)	23	Об. 9 (верхнее заполнение)	кон. XVI в.	К	Ручка кувшина чернолощеного	6, 6
181	3	-950/-970 (-956)	31	Об. 76В	2-я пол. XVI в.	МН[...]	Горло кувшина чернолощеного	7, 7
183	3	-910/-930	32	Слой об. 76Б	кон. XVI в.	Н	Под корнем ручки кувшина чернолощеного с венчиком (диам. 13 см)	6, 5
184	3	-950/-970 (-956)	31	Об. 76В	2-я пол. XVI в.	Не читается	Стенка кувшина чернолощеного	10, 3
185	3	-950/-970 (-956)	31	Об. 76В	2-я пол. XVI в.	[...]ШЕПЕЛЕ	Плечико кувшина чернолощеного	4, 6
204	6	-810/-830 (-815)	4	Об. 66	нач. XVII в.	Не читается	Под венчиком кувшина чернолощеного (диам. 10 см)	10, 4
224	6	-790/-810 (-802/-807)	11		XVI/XVII вв.	ГА [4.]0 (vel G)	Плечико кувшина чернолощеного (5 фр-тов)	7, 3

Таблица 1. Граффити на сосудах из раскопов Троице-Сергиевой лавры (основные характеристики) (продолжение).

№ по оп.	Раскол	Глубина, см	Квадрат	Комплекс	Датировка	Содержание	Расположение	№ рис.
228	3	-970/-990	21, 22	Об. 9 (просадка)	нач. XVII в.	0€	Ручка кувшина чернолощеного	5, 5
280	13	-670/-690 (-682,-683)	3 (а), 6 (б)		XVII в.	3 косых креста	Ручка кувшина чернолощеного	9, 1
287	13	-710/-730	2, 3, 5, 6, 8, 11		XVII в.	3 косых креста	Под венчиком кувшина чернолощеного (диам. 12 см)	9, 2
360	13	-750/-770 (-774)	23		кон. XVI – нач. XVII в.	Ю	Горло (слив) кувшина чернолощеного	6, 11
422	15	-670/-690 (-678)	7	Об. 212	XVII в.	НК (vel НН) / Ш	Ручка кувшина чернолощеного	7, 4
626	17	-670/-690 (-676)	13		XVI/XVII вв.	ЮББ ъ [..] / [.]ГТ[...] vel [.]БТ[...]	Под венчиком кувшина краснолощеного (диам. 9–10 см)	4, 2
769	18	-793	16	Об. 353	2-я пол. XVI в.	Хозяйственная метка (?)	Ручка кувшина чернолощеного	9, 7
862	3	-930/-950 (-946)	21	Об. 76А	кон. XVI в.	К[...]	Горло кувшина чернолощеного	7, 5
966	Зона набл. № 18; камеры 21, 22				–	Б	У корня ручки кувшина чернолощеного	6, 3
1019	Зона набл.; камеры 125, 126				кон. XVI в.	ТНХ0	Горло кувшина чернолощеного	5, 3
1067	6	-790/-810	4, 7	Об. 66	нач. XVII в.	Монограмма	Ручка кувшина чернолощеного	7, 10
1088	3	-970/-990	21, 26	Об. 76А	кон. XVI в.	А	Под венчиком кувшина красноглиняного (диам. 10 см)	7, 6
1096	3	-850/-870	32, 33, 37, 38		кон. XVI в.	[..]БА	Под венчиком кувшина чернолощеного (диам. 12 см)	7, 2
1097	3	-890/-910	22, 23, 27, 28	Об. 76А	кон. XVI в.	0€	Под венчиком кувшина чернолощеного (диам. 11 см)	5, 4
1098	3	-850/-870	23, 27, 28, 32, 33	Об. 76	кон. XVI – нач. XVII в.	А	Горло кувшина чернолощеного	6, 1
1114	23; камеры 9, 10	-340/-360 -354	9		XVII в.	Не читается	Ручка кувшина чернолощеного	10, 5
1221	26	-710/-730 (-727)	3	Об. 552	XVII/XVIII вв.	Крест	Ручка кувшина чернолощеного	8, 6
1278	23	-438	5	Об. 495Б, ров III	XVI/XVII вв.	А	Под венчиком (сливом) кувшина чернолощеного (диам. 10–11 см)	6, 2
1351	27	-390/-410	1, 4		кон. XVI – нач. XVII в.	Б	Горло кувшина чернолощеного	6, 4

Таблица 1. Граффити на сосудах из раскопов Троице-Сергиевой лавры (основные характеристики) (окончание).

№ по оп.	Раскоп	Глубина, см	Квадрат	Комплекс	Датировка	Содержание	Расположение	№ рис.
1359	30	-150/-170 (-165)	8		слои XVIII в.	Крест	Ручка кувшина чернолощеного	8, 2
1383	27	-410/-430	6		XVI/XVII вв.	ЮТАПО/БЪ	Плечки кувшина краснолощеного (2 фр-га)	4, 5
1385	27	-390/-410	6, 9		XVI/XVII вв.	Т	Плечко кувшина краснолощеного	6, 8
1396	18	-590/-610	4, 7, 8		XVII в.	Крест	Под корнем ручки кувшина чернолощеного	8, 5
1397	18	с -670	19			Не читается	Стенка кувшина чернолощеного	10, 6
1401	27	-390/-410	1, 4		XVI/XVII вв.	Т	Горло сосуда красноглиняного	6, 9
1449	27	-410/-430	10		XVI/XVII вв.	Монограмма	Плечко кувшина краснолощеного	7, 11
1471	27	-450/-470 (-454)	4	Об. 565	XVII в.	†	Стенка сосуда красноглиняного	7, 10
1494	25	-430/-450	19	Об. 618	XVI/XVII вв.	Не читается	Горло кувшина чернолощеного	10, 7
1563	27	-470/-490	22	Об. 565	XVII в.	Голгофский крест	Плечко кувшина чернолощеного	8, 1
1565	30	-159/-160			кон. XVII – 1-я пол. XVIII в.	2 параллельные линии	Ручка кувшина чернолощеного	9, 4
1681	38		1, 2, 3, 4, 5			Не читается	Стенка кувшина чернолощеного	10, 8
1700	38	-270/-290	12, 14		кон. XVII – 1-я пол. XVIII в.	2 параллельные линии	Ручка кувшина чернолощеного	9, 5
1769	38	-230/-250	8, 10		XVII в.	Крест	Под корнем ручки кувшина белоглиняного с граффити	8, 4
1770	38	-270/-290 (-267)	6, 8	Об. 705	XVII в.	Не читается	Плечко кувшина чернолощеного	10, 9
1861	24 (мостовая)	-363	1			Не читается	Горло кувшина чернолощеного	10, 10
1935	Зона набл. № 18; камеры 16, 15 (сев. стор. Звонковой башни)				–	Перевернутая буква У	Под венчиком кувшина чернолощеного (диам. 11 см)	7, 9

При датировке граффити на керамических сосудах Московской Руси применимы те же методические приемы, что сложились в античной эпиграфике при датировке аналогичных надписей, а именно (см.: Шелов-Коведяев, 2020. С. 225):

– от лапидарных надписей граффити на сосудах отличаются большая индивидуализация почерка, что препятствует их точной датировке;

– время существования граффити может быть выведено из археологического контекста находки и датировки сосуда с надписью.

Вместе с тем граффити на керамических сосудах времени Московской Руси в силу разницы эпох обладают своей спецификой. В частности, ключом для интерпретации граффити, найденных на территории монастырей, служат их связь с топографией обителя, а также уставы общежительных монастырей, регламентировавшие повседневную жизнь насельников обители. Тем не менее возможности использования иных письменных источников (актов, переписных книг, синодиков и т.п.) для привязки граффити с личными именами к конкретному владельцу ограничены, так как в один и тот же период в обители подвизались несколько соименных друг другу иноков.

Шрифт публикуемых граффити связан с основными рукописными почерками, зависит от причастности их создателя к книжной культуре и по характеру начертания букв делится на:

– книжный полуустав, связанный с книжной культурой;

– бытовой полуустав, характерный для письменных памятников, употреблявшихся вне сферы книжной культуры; его использование в граффити отличают общая неаккуратность почерка, сочетающаяся с угловатыми начертаниями букв, что чаще обусловлено твердой поверхностью сосуда;

– скоропись.

Всю коллекцию лаврских граффити мы разделили на четыре группы:

– буквенные граффити, делящиеся на три подгруппы: личные имена, написанные полностью и сокращенно; отдельные буквы; буквенные граффити, не имеющие точной интерпретации;

– монограммы;

– граффити с изображением крестов;

– орнаментальные граффити и граффити неясного назначения.

Группа I

Буквенные граффити. Всего 31 надпись (рис. 4; 5; 6; 7; 1–9). Расположение их следующее: под венчиком – 6, под верхним корнем ручки – 1; на горле – 13, на плечике – 5, на середине ручки – 3,

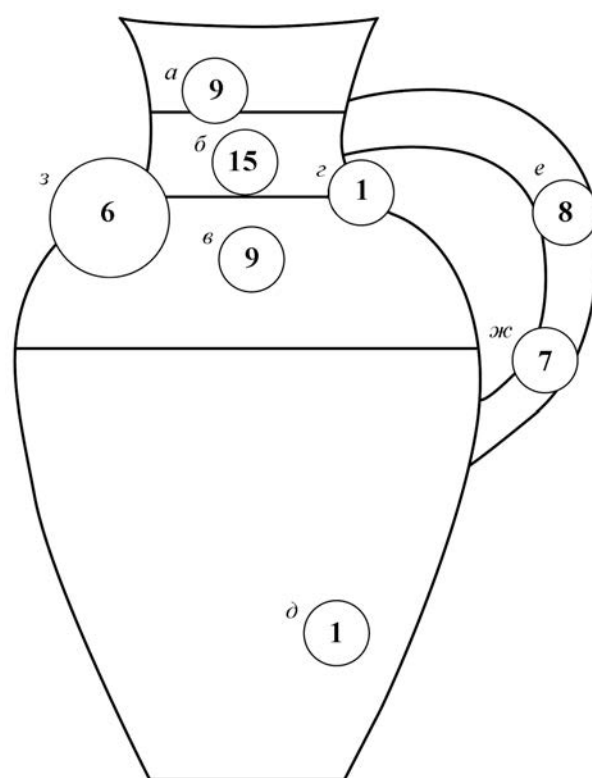

Рис. 3. Расположение граффити на сосуде (цифра в кружке означает количество граффити)

a – под венчиком (№ 54, 204, 287, 626, 1088, 1096, 1097, 1278, 1935); *б* – на горле (№ 60, 125, 126, 147, 170, 181, 185, 360, 862, 1019, 1098, 1351, 1401, 1494, 1861); *в* – на плечике (№ 6, 72, 224, 1383, 1385, 1449, 1471, 1563, 1770); *г* – под корнем ручки (верхняя часть) (№ 183); *д* – на придонной части (№ 71); *е* – на середине ручки (№ 166, 178, 228, 769, 1221, 1359, 1565, 1700); *жс* – у корня ручки (нижняя часть) (№ 280, 422, 966, 1114, 1067, 1396, 1769); *з* – неясное расположение (верх сосуда, стенка) (№ 88, 176, 177, 184, 1397, 1681)

у корня ручки (нижняя часть) – 2, на стенке (неясное положение) – 1. Данные граффити включают как отдельные буквы, так и слоги и целые слова. В результате в данной группе выделено несколько подгрупп.

Подгруппа 1. Личные имена.

А. Личные имена, написанные полностью. К этой подгруппе отнесены 6 граффити (рис. 4):

– **ИОСА[Ф]** (раскоп 3, слой объекта 46, XVI/XVII вв.) на горле чернолощеного кувшина (№ 126; рис. 4, 1). Бытовой полуустав. Высота букв 18 мм, толщина черепка 64 мм. Окончание имени утрачено. Обыденная форма календарного имени Иоасаф, одного из наиболее распространенных монашеских имен. По особенностям начертания И (перекладина направлена снизу вверх, с сильным наклоном и почти доходит до концов правой мачты) и С

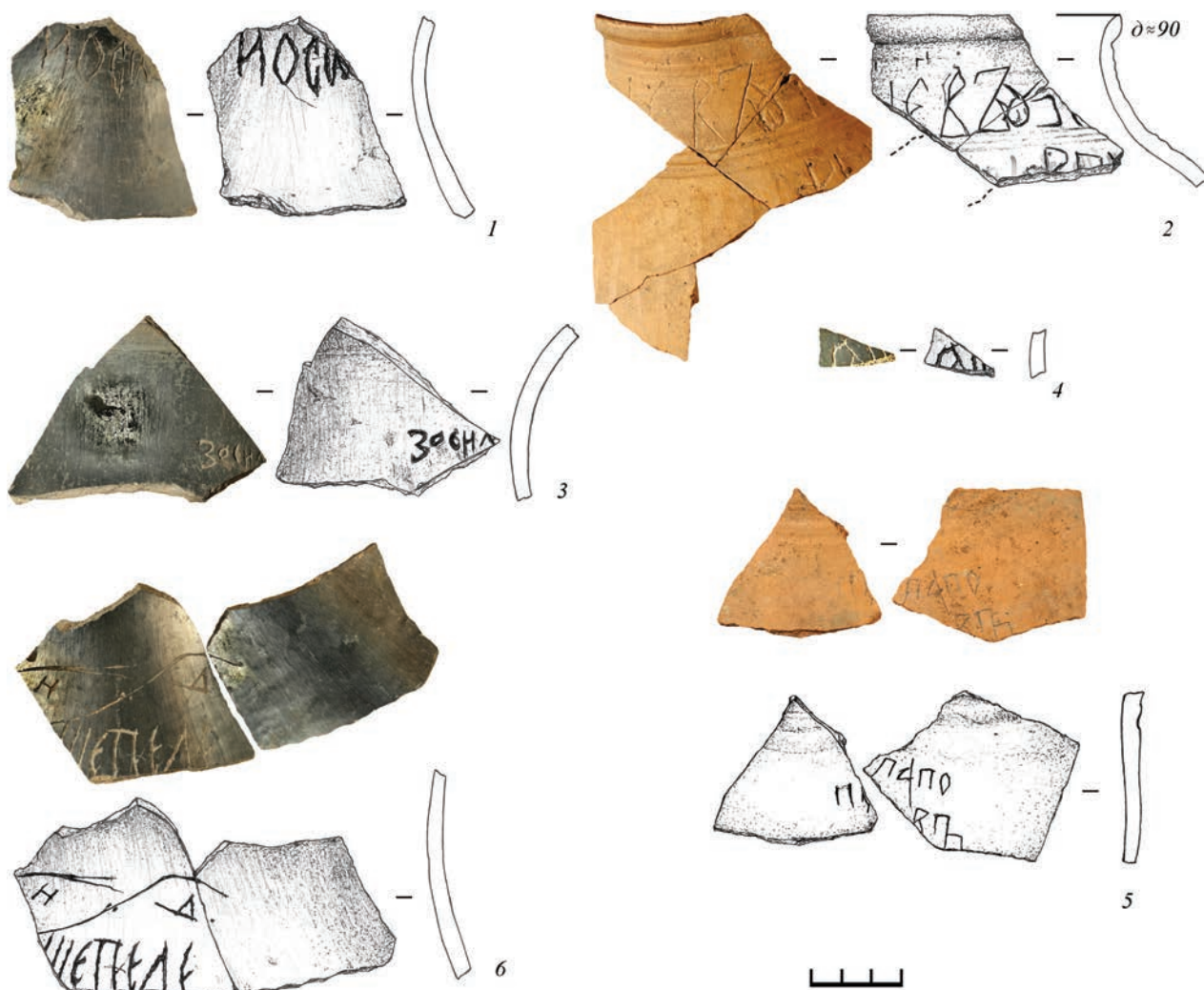

Рис. 4. Буквенные граффити. Личные имена, написанные полностью

1 – № 126 (р. 3); 2 – № 626 (р. 17); 3 – № 170 (р. 3); 4 – № 177 (р. 3); 5 – № 1383 (р. 27); 6 – № 185 (р. 3)

(вертикальные засечки на концах) следует относить скорее к рубежу XVI–XVII вв.;

– **ИЕВЪ** [---] / [1]РТ[---] vel [1]БТ[---] (раскоп 17, слой рубежа XVI/XVII вв.) под венчиком краснolощеного кувшина диаметром 9–10 см (№ 626; рис. 4, 2). Бытовой шрифт. Граффито в две строки сохранилось фрагментарно. Высота букв в первой строке 17–22 мм. Толщина черепка 5,4 мм. В первой строке читается личное имя Иев (обыденная форма календарного имени Иовъ) с титлом над второй буквой, буква У и фрагменты двух несохранившихся букв – вероятно, начало фамилии. Находящиеся во второй строке буквы фрагментированы и могут читаться как РТ или БТ (вторая буква – треногое Т), но не дают связного чтения. Среди монашествующих имя Иов было популярно. В частности, два инока, носившие имя Иев, впи-

саны в Синодик убиенных при осаде Троице-Сергиева монастыря Яном Петром Сапегой (РГБ. ОР. Ф. 304.1. № 818. Л. 204 об.). Нижняя дата граффито – конец XVI в.;

– **ЗОНМ[А]** (раскоп 3, под объектом 76А, вторая половина XVI в.) на горле чернolощеного кувшина (№ 170), первая буква по высоте больше остальных (10 мм); высота остальных букв 3–7 мм; толщина черепка около 6 мм (рис. 4, 3). Бытовой полуустав. Буква М сохранилась не полностью, окончание имени утрачено. Начертание буквы **З** напоминает арабскую цифру 3 с широко разведенными концами дуг. Нижняя дуга заканчивается вертикальной зарубкой, что скорее характерно для начерков XVII в.;

– **ИВ[А]** (раскоп 3, объект 76В, вторая половина XVI в.) фрагмент граффито на стенке чернolощеного кувшина; сохранившаяся высота

букв около 7 мм; толщина черепка 5,6 мм. (№ 177; рис. 4, 4). В правой части граффито хорошо видны остатки верхней петли буквы **Б**, что позволяет восстановить обыденную форму календарного имени Иоаннъ – Иван. Датировка по слою;

– ПОТАПО/БЪ (раскоп 27, слои конца XVI – начала XVII в.) на плечике краснолощеного кувшина (№ 1383; рис. 4, 5). Граффито состоит из двух фрагментов с утратой части текста между ними. Надпись в две строки. Высота букв: фрагмент 1 – 7,3 мм, фрагмент 2: стк. 1 – 7–14 мм, стк. 2 – 11 мм. Толщина черепка 5,6 мм. Скоропись с чертами бытового полуустава. На первом фрагменте сохранились буква **П** и правая часть буквы **О**. На втором черепке видна надпись ТАПО (утрачена левая мачта треногого **Т**) и ниже – БЪ. Граффито может трактоваться как фамилия при утраченном личном имени или как притяжательная форма от личного имени Потап (*e.g.* кувшин) – обыденной формы календарного имени Патапій. Особенности начертания букв (скорописная **А** с треугольной петлей и удлиненной наклонной спинкой, скорописное треногое **Т** с разновеликими мачтами, полууставное начертание **Ъ** с прямой мачтой, прямоугольной петлей и вертикальной зарубкой на конце покрытия) позволяют датировать надпись по слою концом XVI – началом XVII в.;

– [---] ШЕПЕЛѢ (раскоп 3, объект 76В, вторая половина XVI в.) на плечике чернолощеного кувшина (№ 185; рис. 4, 6). Начало граффито утрачено. Четкий полуустав с чертами скорописи (оформление окончаний личного имени и фамилии с помощью буквенных титл, обозначающих пропуск конечного **Ъ**). Высота букв около 15 мм. Толщина черепка около 6 мм. Выносная буква **Б** на конце второго слова украшена изящным титлом, достигающим до начала первой буквы слова. Предшествующее фамилии личное имя, оканчивающееся на выносное **Н** под титлом, *e.g.* могло звучать как Иоанн, Симон, Симеон и т.п. Сохранившаяся фамилия позволяет соотнести владельца сосуда с представителем служилого рода Шепелевых, возводивших себя к потомкам Облагини³. Возможно, что один из них во второй половине XVI в. принял постриг в Троице-Сергиевом монастыре, однако утрата монашеского имени в граффити не позволяет отождествить его с конкретным представителем рода. Написание буквы **Ѣ** якорного типа характерно для XVI в., что соотносится с датировкой объекта, в заполнении которого найден фрагмент.

Сохранение фамилии (от фамильного прозвища) при иноческом имени – стабильная традиция Московской Руси, в частности, прослеживаемая в эпитафиях на белокаменных надгробиях (напр.: *Беляев*, 1996. № СУМ 2. Фото 139). В Троице-Сергиевом монастыре она сохранялась в том числе и на бытовом уровне.

Среди граффити из раскопок Троице-Сергиева монастыря, изданных Т.Н. Новоселовой, также есть экземпляры именных надписей, относимых к первой группе, которые исследовательница датирует в целом XVII в.:

– фрагментированное граффити под венчиком чернолощеного сосуда, у которого издательница прочитала только окончание имени – ОД (*Новоселова*, 2004. С. 115. Рис. 22а) (рис. 2, 1), хотя на прориси четко читается скорописная буква **В** с характерным для скорописи треугольным начертанием. Насколько позволяет судить прорись, в начале слова хорошо видна верхняя часть буквы **П** с косым навершием, далее следует остаток дуги (вероятно, буквы **Ѣ**), прямое навершие с зарубкой, которое можно отождествить с буквой **Т**, петля буквы **Р** с титлом, что в целом дает чтение ПЕТРЪОДЪ;

– начертанная на стенке чернолощеного сосуда бытовым шрифтом притяжательная форма имени Иоасаф – ИАСАФЪОБЪ (имя дано в обыденной форме с гиперкорректной меной этимологического **Ф** на **Ѡ**) (*Новоселова*, 2004. С. 115. Рис. 22б) (рис. 2, 2);

– начертанная у нижнего корня ручки чернолощеного сосуда бытовым шрифтом притяжательная форма имени Федосий – ФѢДОСѢБЪ с пропуском смягчения после буквы **С** (имя дано в обыденной форме с меной этимологического **Ѡ** на **Ф**) (*Новоселова*, 2004. С. 115. Рис. 22в) (рис. 2, 3);

– граффити на ручке чернолощеного сосуда, начертанное бытовым шрифтом, вероятно являющееся написанием фамилии или отфамильного прозвища – ПАНЮБ (*Новоселова*, 2004. С. 116. Рис. 23а) (рис. 2, 4).

Б. Сокращения личных имен. К этой подгруппе отнесены граффити, выполненные как в виде нескольких букв (слогов), так и начертания, которые можно интерпретировать как сокращенное написание начала личного имени (рис. 5). Всего зафиксировано 5 граффити:

– ИРО (раскоп 3, объект 9 (верхнее заполнение), вторая половина XVI в.) на горле чернолощеного сосуда (№ 125; рис. 5, 1). Бытовой полуустав. Высота букв 7–33 мм. Толщина черепка около 6 мм.

³ См.: Генеалогическое древо рода Шепелевых // <http://shepelevy.net/index.html>.

Рис. 5. Буквенные граффити. Личные имена сокращенные

1 – № 125 (р. 3); 2 – № 166 (р. 3); 3 – № 1019 (зона наблюдений); 4 – № 1097 (р. 3); 5 – № 228 (р. 3)

Обращает на себя внимание начертание буквы *o*, напоминающее скорописное написание буквы *Б* или *Д*. Граффито представляет собой начальные буквы календарного имени Иродион;

– *СЄРА* (раскоп 3, объект 76А, конца XVI в.) на ручке чернолощеного кувшина (№ 166; рис. 5, 2). Бытовой полуустанов. Высота букв 10–12 мм. Якорная форма буквы *Є* с опущенным язычком, а также начертание буквы *А* с прямой мачтой и овальной петлей позволяют отнести надпись к XVI в. Маловероятно, что граффито могло быть словом, обозначающим вещество – серу, поскольку слово писалось через этимологический *Ъ* (Словарь... 2000. С. 74–75). Вероятно, с учетом специфики надписей это-

го периода на кувшинах (имена собственные) можно предполагать, что граффито содержит начальные буквы имени Серапион, одного из распространенных монашеских имен в Троице-Сергиевом монастыре. В частности, в Синодике в числе погибших во время осады монастыря Яном Петром Сапегой названы крылошанин Серапион и два инока Серапиона (РГБ ОР. Ф. 304.1. № 818. Л. 203, 203 об., 206), что близко по времени бытованию сосуда;

– *ТНХО* (зона наблюдений, камеры 125–126, слой конца XVI в.) на горле чернолощеного кувшина (№ 1019; рис. 5, 3). Полуустанов высокого качества. Граффито представляет сокращение личного имени Тихон. По слою и палеографии – конец XVI в.;

– Ө (раскоп 3, объект 76А, конец XVI в.) под венчиком чернолощеного кувшина диаметром 11 см (№ 1097; рис. 5, 4). Полуустав. Высота букв 17 мм. Толщина черепка 6 мм. Заполнение буквы Ө оформлено в виде перекладки в середине овала и вертикальной мачты. «Ложная» лигатура: перекладка буквы Ө переходит в язычок буквы Ө. По начертанию буква Ө якорной формы с прямым язычком надпись так же, как и сам объект, относится к XVI в.;

– Ө (раскоп 3, объект 9 (просадка), слой конца XVI – начала XVII в.) на ручке чернолощеного кувшина (№ 228; рис. 5, 5). Полуустав высокого качества. Высота первой буквы – 16 мм, второй – 8 мм.

Оба граффити можно связать с начальными буквами имен владельцев сосудов. В Синодике убиенных при осаде Троице-Сергиева монастыря Яном Петром Сапегой, например, упомянуты иноки Феодорит, Феодосий, Феофилакт, Феохтист (РГБ ОР. Ф. 304.1. № 818. Л. 202 об., 203, 204, 205, 205 об. 206, 206 об.), имена которых написаны не через этимологическую Ө, а через ее аллографичную форму Ф. Учитывая возможную гиперкоррекцию написания имени в граффити, к данным примерам можно отнести также имя Ферапонт (РГБ ОР. Ф. 304.1. № 818. Л. 203 об., 204, 205 об.).

Подгруппа 2. Отдельные буквы. Всего рассмотрено 11 надписей (рис. 6):

– А (раскоп 3, объект 76, конец XVI – начало XVII в.) на горле чернолощеного кувшина (№ 1098; рис. 3, 1). Начертание буквы с вертикальной мачтой и горизонтальной верхней перекладкой близко полууставному. Высота буквы 20,6 мм; толщина черепка около 5 мм. В верхней части горла процарапана вертикальная черта. Нижняя дата надписи – конец XVI в.;

– А (раскоп 23, объект 495Б, XVI/XVII вв.) под венчиком (сливом) чернолощеного кувшина диаметром 10–11 см (№ 1278; рис. 6, 2). Полууставное начертание со старопечатной основой с крупной петлей и характерное для рукописей второй половины XVII в. (*Костюхина*, 1999. С. 46). Высота буквы 14 мм. Толщина черепка 7 мм. Дата надписи имеет широкое значение – XVII в.;

– Б (зона наблюдений 18, камеры 21–22, слои перемешаны) у корня ручки чернолощеного кувшина (№ 966; рис. 6, 3). Уставное начертание. Высота буквы 26 мм. По особенностям начертания (треугольные петли) граффито можно отнести к середине – второй половине XVI в.; в XVII в. начертание веда приобретает трапециевидные очертания (*Костюхина*, 1999. С. 28);

– Б (раскоп 27, слой конца XVI – начала XVII в.) на горле чернолощеного кувшина (№ 1351; рис. 6, 4).

Уверенное полууставное начертание с угловатыми петлями и горизонтальным основанием, подчеркнутым тонкой горизонтальной линией, выходящей за контуры буквы. Высота буквы 10,6 мм; толщина черепка 6 мм. Нижняя дата надписи – конец XVI в.;

– И (раскоп 3, слой объекта 76Б, конец XVI в.) под верхним корнем ручки чернолощеного кувшина с венчиком диаметром 13 см (№ 183; рис. 6, 5). Бытовой полуустав. Высота буквы 16 мм. Толщина черепка 5,5 мм. Особенности начертания буквы – равновеликие мачты, перекладка, слабо наклоненная перекладка, направленная снизу вверх и не доходящая до концов мачт, что соответствует традициям XVI в. Датируем надпись по слою концом XVI в.;

– К (раскоп 3, объект 9 (верхнее заполнение), конец XVI в.) на ручке чернолощеного сосуда (№ 178; рис. 6, 6). Бытовой полуустав. Сомкнутые косые; верхняя косая направлена к мачте. Высота буквы 44 мм. Датировка по слою;

– М (раскоп ЗН-13, траншея, XVII – начало XVIII в.) на плечике чернолощеного сосуда (№ 72; рис. 6, 7). Высота буквы около 22 мм. Толщина черепка 6 мм. Фрагмент может быть датирован XVII в.;

– Т (раскоп 27, слой конца XVI – начала XVII в.) на плечике краснолощеного кувшина (№ 1385; рис. 6, 8). Берущее начало от полуустава скорописное начертание. Высота буквы 4 (слева) – 8 (справа) мм. Толщина черепка 5,4 мм. Трехмачтовая буква с удлиненным покрытием. Мачты разновысокие. В полууставных почерках исчезает к началу XVII в. (*Костюхина*, 1999. С. 45), в скорописных почерках встречается до конца этого столетия, чаще в середине слов (*Городилова*, 2000. С. 22). Нижняя дата надписи – конец XVI в.;

– Т (раскоп 27, слой XVI/XVII вв.) на горле красноглиняного кувшина (№ 1401; рис. 6, 9). Бытовой полуустав. Высота буквы 9 мм. Толщина черепка 4 мм. Трехмачтовая буква. Вероятная дата надписи – конец XVI в.;

– Ү (раскоп 27, объект 565, XVII в.) на плечике красноглиняного сосуда (№ 1471; рис. 6, 10). Высота буквы 38 мм, толщина черепка около 4 мм. Ввиду редкости употребления буквы (возможно, начало личного имени Псой – единственного, начинающегося на букву пси в святцах). Датируем по слою;

– Ю (раскоп 13, слой конца XVI – начала XVII в.) у слива чернолощеного кувшина (№ 360; рис. 6, 11). Полуустав высокого качества. Высота буквы 23 мм. Толщина черепка 5,8 мм. Возможно, граффито выполнено человеком, работавшим

Рис. 6. Буквенные граффити. Отдельные буквы

1 – № 1098 (р. 3); 2 – № 1278 (р. 23); 3 – № 966 (зона наблюдений 18); 4 – № 1351 (р. 27); 5 – № 183 (р. 3); 6 – № 178 (р. 3); 7 – № 72 (зона наблюдений 13); 8 – № 1385 (р. 27); 9 – № 1401 (р. 27); 10 – № 1471 (р. 27); 11 – № 360 (р. 13)

в монастырском скриптории и специализировавшимся на переписке книг. В скорописных почерках XVII в. буква **Ѧ** употребляется как аллограф буквы **Ѧ** (Городилова, 2000. С. 29). Нижняя дата надписи – конец XVI в.

Большинство букв, представленных в данной подгруппе, имеет цифровое значение, однако титла над ними не обозначены. Вероятно, такие граффити по аналогии с предыдущей группой могли означать первые буквы имен насельников. Аналогичные граффити на чернolощеных сосудах встречены в московском Новодевичьем монастыре (Авдеев, Бугров, 1995), а также на более ранних керамических сосудах (Кадиева, 2003. С. 330. Рис.10, 6).

Подгруппа 3. Буквенные граффити, не имеющие точной интерпретации. Всего 9 надписей (рис. 7, 1–9):

– [---]ННО (раскоп 3, слои XVI/XVII вв.) на горле чернolощенного кувшина (№ 60; рис. 7, 1). Бытовой полуустанов. Высота букв 21–22 мм, толщина черепка 6,4 мм. Фрагмент обломан слева, и граффито может считаться окончанием слова. Возможна интерпретация этого граффито как сокращение личного имени *e.g.* [3]ино(н) или, менее вероятно, [3]ино(вий). Начертание буквы **Н** (разновеликие мачты и переключина, идущая сверху вниз со слабым наклоном) остается практически неизменной на протяжении XVI и XVII вв. Буква **О** имеет яйцевидную форму, что связано с техникой ее нанесения. Граффито может быть датировано в широком промежутке XVI–XVII вв., для более узкой датировки палеографических данных недостаточно;

– [---]БА (раскоп 3, слои конца XVI в.) под венчиком чернolощенного кувшина диаметром 12 см (№ 1096; рис. 7, 2). Высота букв 28–32 мм. Толщина черепка 5,6 мм. Бытовой полуустанов. Утрата левой части фрагмента свидетельствует о том, что граффито является окончанием притяжательной формы иноческих имен Иаков – названы в Синодике погибших во время осады Троице-Сергиева монастыря Яном Петром Сапегой (РГБ. ОР. Ф. 304.1. № 818. Л. 204) или Иев – названы в Синодике погибших во время осады Троице-Сергиева монастыря Яном Петром Сапегой (РГБ. ОР. Ф. 304.1. № 818. Л. 204 об., дважды; 206 об., дважды) и им подобных. Начертание буквы **А** с округлой петлей, примыкающей к средней части мачты, соответствует датировке слоя;

– ГА [-4-] С (vel O) (раскоп 6, слои XVI/XVII вв.) на плечике чернolощенного сосуда (№ 224; рис. 7, 3). Бытовой полуустанов. Высота букв 29 мм. Толщина черепка 4,7 мм. Граффито представляет начальные буквы личного имени, начинающегося

на ГА, после которых идут нижние окончания мачт двух букв и остатки буквы **О** или **С**. Вероятно восстановление обыденной формы календарного имени Герасимъ – Герасим. Возможна дата XVII в.;

– НК (vel НН) / Ш (раскоп 15, объект 212, слои XVII в.) на ручке чернolощенного кувшина (№ 422; рис. 7, 4). Бытовой полуустанов. Буквы расположены в две строки. Высота букв: стк. 1 – 7 мм, стк. 2 – 17 мм. Верхняя – лигатура НК или НН, нижняя – Ш. Верхняя строка может читаться как лигатура НК или НН (высота 7 мм). Буква Ш имеет разновысокие мачты и косую переключину в центре. Для уточнения даты палеографических данных недостаточно, датируем в широком промежутке – XVII в.;

– К[---] (раскоп 3, объект 76А, конец XVI в.) на горле чернolощенного сосуда, вероятно, начало слога или целого слова: после буквы фрагмент обломан (№ 862; рис. 7, 5). Полуустанов. Высота буквы 34 мм. Толщина черепка 5,3 мм. Может быть началом личного мужского имени (*e.g.* Кирилл). Нижняя дата – конец XVI – начало XVII в.;

– ЛС (раскоп 3, объект 76А, конец XVI в.) под венчиком красноглиняного кувшина диаметром 10 см (№ 1088; рис. 7, 6). Бытовой полуустанов. Высота букв около 9 мм. Толщина черепка 5,4 мм. Связному прочтению граффито не поддается;

– МН[---] (раскоп 3, объект 76В, вторая половина XVI в.) на горле чернolощенного кувшина (№ 181; рис. 7, 7). Бытовой полуустанов. Высота букв около 13 мм. Толщина черепка 5,6 мм. Буквы соединены в лигатуре и, вероятно, являются началом личного имени Михаил, Мисаил или Михей;

– [---]ХІЕ[---] (раскоп 3, объект 41, конец XVI в.) на горле красноглиняного сосуда со сплошным белым ангобом с внешней стороны (№ 147; рис. 7, 8). Полуустанов. Высота букв 10–17 мм. Толщина черепка 5,8 мм. В правой части фрагмента сохранилась вертикальная мачта нечитаемой буквы, возможно, **І** или **Н**. Буква **Е** узкая, с треугольными концами дуг и коротким язычком, слегка приподнятым вверх, скорее свидетельствует в пользу конца XVI в. Граффито, вероятно, является средней частью личного имени в притяжательной форме, *e.g.* [Евт]ихие[в];

– граффито под венчиком чернolощенного сосуда, напоминающее зеркально написанную букву **У** (№ 1935) (зона наблюдений 18, Звонковая башня; рис. 7, 9). Высота знака 26 мм. Толщина стенки 4,6 мм.

Группа II

Монограммы. Под монограммами в данном случае мы понимаем сложные лигатуры из четырех

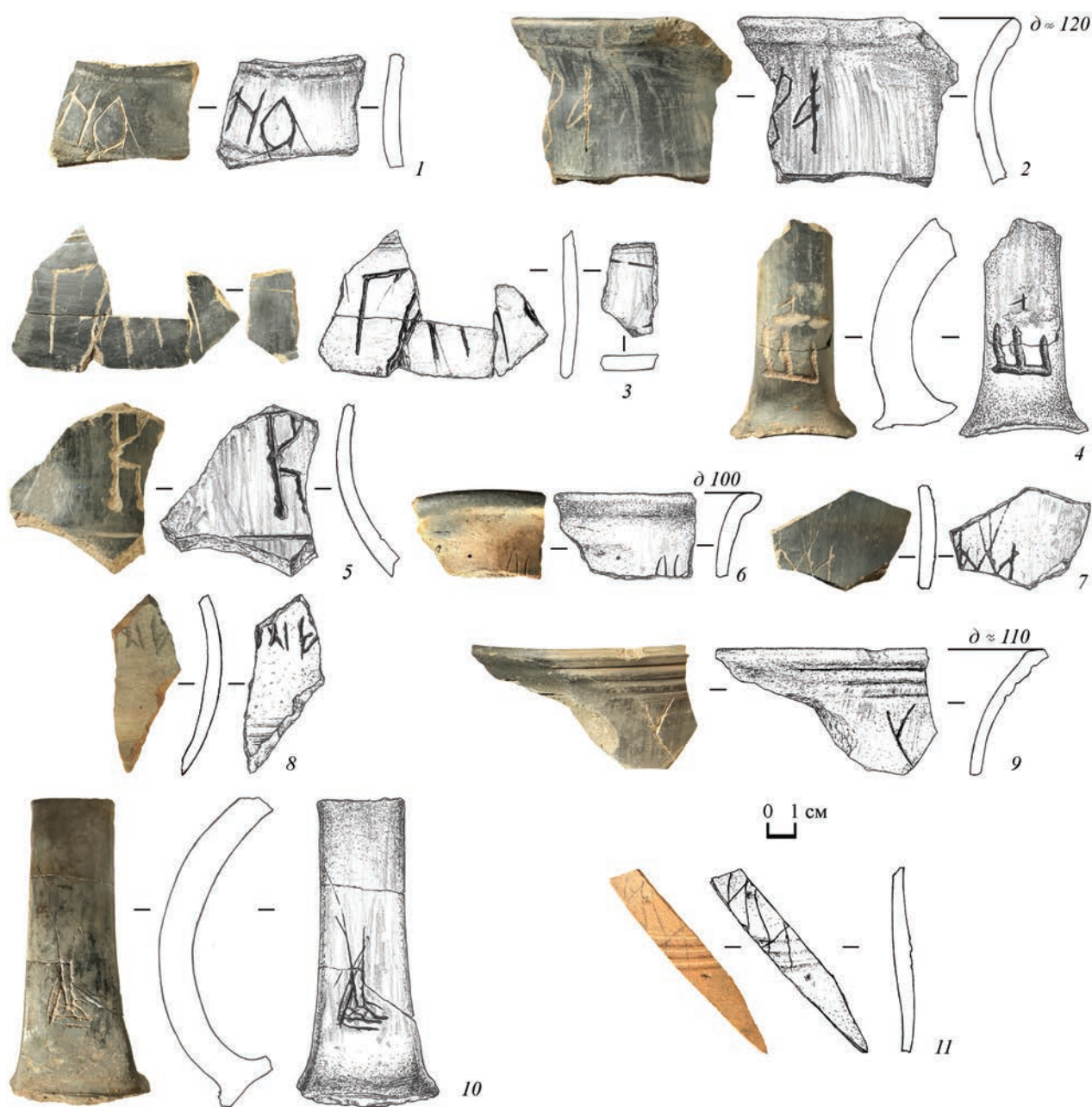

Рис. 7. Буквенные граффити, не имеющие точной интерпретации. Монограммы

1 – № 60 (р. 3); 2 – № 1096 (р. 3); 3 – № 224 (р. 6); 4 – № 422 (р. 15); 5 – № 862 (р. 3); 6 – № 1088 (р. 3); 7 – № 181 (р. 3); 8 – № 147 (р. 3); 9 – № 1935 (зона наблюдений 18); 10 – № 1067 (р. 6); 11 – № 1449 (р. 27)

и более букв, сгруппированные в сложный узор, не имеющий отношения к вязи. Отмечено два подобных граффити (рис. 7, 10, 11):

– монограмма у корня ручки чернолощеного кувшина (№ 1067; раскоп 6, объект 66, начало XVII в.; рис. 7, 10). Сложная монограмма, вписывающаяся в треугольник. Высота около 27 мм. Угадываются буквы *А*, *К* и *Д*. В нижней части надписи

прочерчен волнообразный узор. Связному прочтению монограмма не поддается;

– фрагмент монограммы на плечике краснолощеного кувшина (№ 1449; раскоп 27, слой XVI/XVII вв.), представляющий три ступенчато расположенные лигатуры, соединенные друг с другом и образующие личное имя *НБАН* (рис. 7, 11). Высота монограммы около 39 мм. Толщина черепка 5,2 мм.

Группа III

Кресты. Всего выявлено 6 начертаний, среди них: под венчиком – 1, на плечике – 1, на середине ручки – 2, у корня ручки (нижняя часть) – 2 (рис. 8):

– шестиконечный Голгофский крест (раскоп 27, объект 565, XVII в.) на плечике чернолощеного кувшина (№ 1563) (рис. 8, 1). Высота знака 30,2 мм. Толщина черепка около 5 мм. Возможно, изображение креста без короткой верхней перекладины следует отнести к первой половине XVII в., до реформ патриарха Никона, когда широко распространяются изображения восьмиконечного Голгофского креста;

– четырехконечный крест (раскоп 30, слои XVIII в.) на ручке чернолощеного кувшина (№ 1359; рис. 8, 2). Прочерчен очень ровно. Высота знака 25 мм;

– четырехконечный крест (раскоп 5, балласт) под венчиком чернолощеного сосуда (№ 54; рис. 8, 3). Высота знака 12 мм, толщина черепка 6,6 мм;

– четырехконечный крест (раскоп 38, слои XVII в.) у корня ручки белоглиняного кувшина (№ 1769; рис. 8, 4). Высота знака 13 мм;

– четырехконечный крест с двумя направленными вниз засечками, маркирующими концы горизонтальной перекладины (раскоп 18, слои XVII в.) у корня ручки чернолощеного сосуда (№ 1396; рис. 8, 5). Высота знака около 47 мм;

– четырехконечный крест (раскоп 26, объект 552, XVII/XVIII вв.) на ручке чернолощеного сосуда (№ 1221; рис. 8, 6). Высота знака 18,3 см. Из-за соскока резца крест получил дополнительную короткую линию, параллельную горизонтальной перекладине.

Вне зависимости от места нанесения кресты данной формы носили апотропеические функции, предохраняя сосуды от проникновения внутрь нечистой силы. В связи с этим можно вспомнить эпизод из «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бес»: у подвижника в келье был «святой сосуд с водою стоящъ, из негоже умывашеся»; во время ночной молитвы в него проник бес, но «святой <...> сотвори молитву и огради сосуд крестомъ, и запрети бѣсу» (Повесть... 1999. С. 450). Не исключено, что сосуды, помеченные граффити в виде креста, предназначались для хранения святой воды.

Группа IV

Орнаментальные граффити и граффити неясного назначения. Всего 7 начертаний (рис. 9). Расположены они следующим образом: под венчи-

ком – 1, на плечике – 1, на придонной части – 1, на середине ручки – 3, на нижней части ручки – 1.

А. Орнаментальные граффити. К этой группе отнесены граффити (всего 3), которые можно интерпретировать как элементы орнамента:

– два граффити, на которых изображены по три косых (Андреевских) креста (раскоп 13, слои XVII в.). Зафиксированы на фрагментах чернолощеного сосуда – под венчиком (диаметр 12 см) и у основания ручки (№ 280, 287; рис. 9, 1, 2). Вполне вероятно, что эти фрагменты принадлежали одному кувшину. Высота крестов на венчике 20 мм; толщина черепка 6,6 мм. Высота крестов на ручке 10–18,6 мм;

– восьмиконечная звезда (раскоп 1, слои конца XVI – начала XVII в.) на плечике чернолощеного сосуда (№ 6; рис. 9, 3). Высота знака 17,6 мм. Толщина черепка 6,3 мм. Функциональное назначение знака неясно, хотя подобные знаки на иконах обычно помещаются на мафории Богородицы.

Б. Граффити неясного назначения.

Четыре начертания:

– две параллельные линии (раскопы 30, 38, слои второй половины XVII – начала XVIII в.). Всего найдено два подобных граффити. Оба проставлены на ручках чернолощеного кувшинов (№ 1565, 1700; рис. 9, 4, 5). Назначение граффити неясно, т.к. боковые грани ручек не содержат следов трения от веревки, что было бы возможно при подвешивании сосуда (рукомойника?);

– два единичных изображения креста. Смысл таких начертаний не вполне ясен. Хозяйственной меткой по месту нанесения – на придонной части чернолощеного толстостенного сосуда – может быть граффито № 71 (раскоп 3, слои второй половины XVI – начала XVII в.; рис. 9, 6). Высота граффито 27 мм. Толщина стенки 10 мм. Аналогичной меткой мог быть и косой (Андреевский) крест на ручке чернолощеного сосуда (раскоп 18, объект 353, вторая половина XVI в.; № 769; рис. 9, 7). Высота граффито 14 мм. Однако оба граффити могли быть и начальной буквой имени, начинающегося на Х.

Неопределимые граффити. К ним отнесены фрагментированные надписи, не поддающиеся связному прочтению, однако, судя по характеру прочерченных линий, они не являются случайными царапинами.

К ним относятся два из опубликованных Т.Н. Новоселовой (одно под венчиком, другое на стенке чернолощеного сосуда) (рис. 2, 5, 6). В нашей коллекции неопределимых граффити 10 (все они сделаны на фрагментах чернолощеного

Рис. 8. Кресты

1 – № 1563 (р. 27); 2 – № 1359 (р. 30); 3 – № 54 (р. 5); 4 – № 1769 (р. 38); 5 – № 1396 (р. 18); 6 – № 1221 (р. 26)

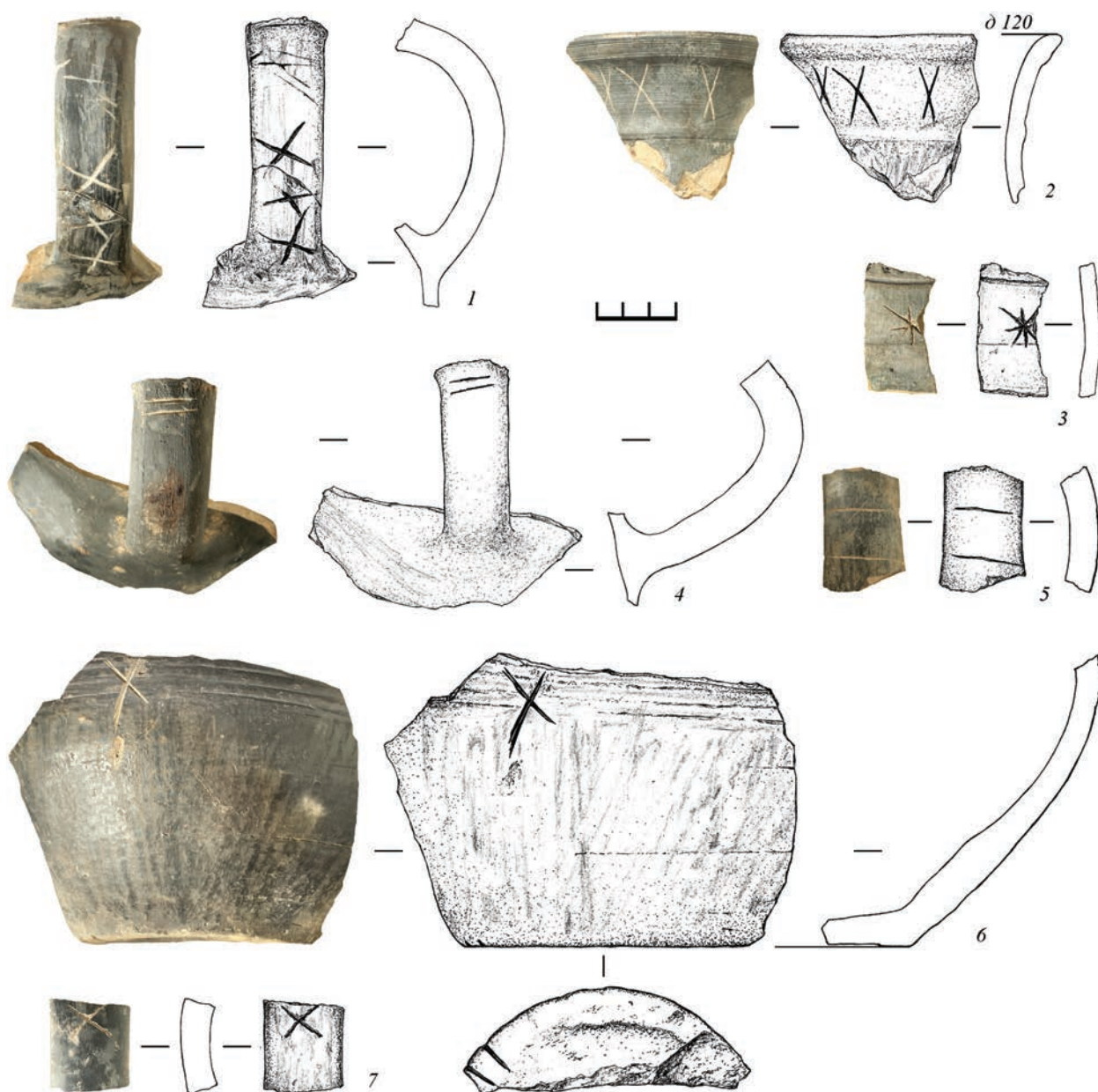

Рис. 9. Орнаментальные граффити и граффити неясного назначения

1 – № 280 (р. 13); 2 – № 287 (р. 13); 3 – № 6 (р. 1); 4 – № 1565 (р. 30); 5 – № 1700 (р. 38); 6 – № 71 (р. 3); 7 – № 769 (р. 18)

сосудов). Из них 3 зафиксированы на горле сосудов, по одному граффито – под венчиком и на нижней части ручки и 5 – на стенках (рис. 10).

Подведем предварительные итоги. При изучении граффити на сосудах из Троице-Сергиевой лавры отмечен ряд особенностей, связанных с различными аспектами повседневного монастырского быта.

1. Большинство надписей (47 из 56) выполнены на чернолощенной керамике, лишь четыре граф-

фити зафиксированы на краснолощенной посуде, три – на красноглиняной и по одному граффито на красноглиняном со сплошным белым ангобом и белоглиняном сосудах (табл. 1). Примечательно, что процесс возникновения и начального распространения чернолощенной посуды в монастыре был тесно связан с изменениями в московских керамических традициях, подробно описанных в ряде публикаций (Коваль, 2019. С. 397–398; 2001. С. 103). Мода на чернолощеную столовую керамику в богатом и влиятельном монастыре как

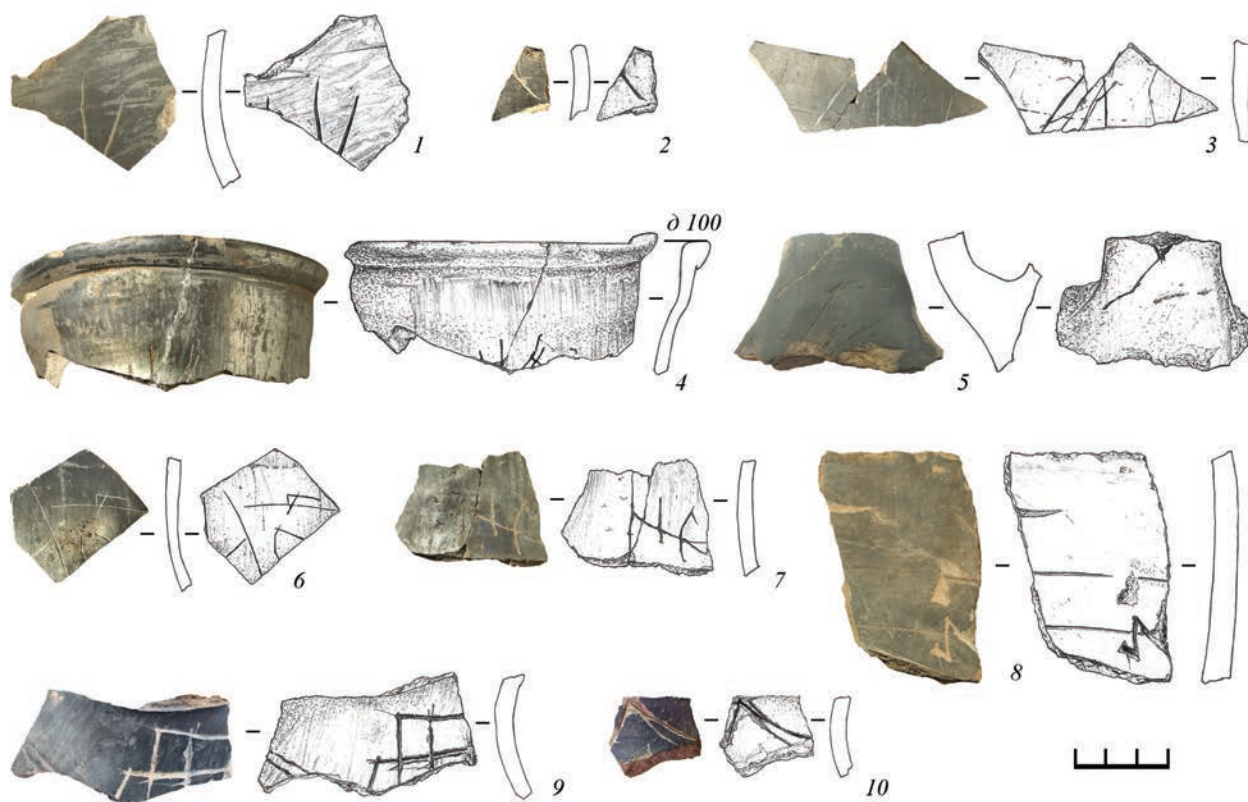

Рис. 10. Неопределимые граффити

1 – № 88 (р. 3); 2 – № 176 (р. 3); 3 – № 184 (р. 3); 4 – № 204 (р. 6); 5 – № 1114 (р. 23); 6 – № 1397 (р. 18);
7 – № 1494 (р. 25); 8 – № 1681 (р. 38); 9 – № 1770 (р. 38); 10 – № 1861 (р. 24)

раз сформировалась в середине – второй половине XVI в. За достаточно короткий период (25–30 лет) доля этой керамики возросла с 3 до 37% (статистика керамики выполнена Е. К. Кадиевой). Кроме того, на такой посуде, имеющей темный цвет с металлическим отливом, граффити очень хорошо просматривались по сравнению, например, с белоглиняной или красной керамикой.

2. Относительно большое количество граффити в определенной мере отражает уровень грамотности насельников Троице-Сергиева монастыря, при этом тщательно выполненные надписи с использованием полууставного и скорописного письма позволяют предположить уверенное владение иноками навыками деловой и книжной письменности и, возможно, работу в скриптории монастыря.

3. Обращает на себя внимание частое использование монашеских имен в обыденной форме (Иван, Иев и т. п.), что в полной мере справедливо и для синодиков, и для эпитафий на белокаменных надгробных плитах (см.: *Вишневатский*, 2016. С. 534–536).

4. Наличие на исследуемом памятнике значительного количества граффити с личными име-

нами отражает, видимо, келейный, а возможно, и больничный быт насельников Троице-Сергиева монастыря.

Келейные вещи, которыми пользовались монахи, согласно 6-му правилу Поместного Константинопольского (Двукратного) собора 861 г., являлись собственностью монастыря (Книга Правил... 1893. С. 254). При этом в отношении них уставы общежительных обителей, основанных на Руси в XIV–XV вв., отличались большой строгостью. Так, легший в их основу Студийский (Алексеевский) устав вводит запрет – во избежание греха *тайноядения* – только на «притяжение» в кельях укропницы и горнца (*Феодосий (Коротков), архим.*, 2017. С. 331) – сосудов для приготовления пищи (Словарь... 1977. С. 87. s.v. горнец; Словарь... 2019. С. 352. s.v. укропник, укропница). Уставы русских общежительных монастырей XV в. более строго регламентировали наличие в кельях предметов повседневного обихода. Так, Устав прп. Нила Сорского предписывал «себѣ же въ кѣліахъ нашихъ съуди и прочія вещи многоцѣнны и украшены не подобает имѣти» (*Боровкова-Майкова*, 1912. С. 9).

Прп. Иосиф Волоцкий считал, что в кельях должны быть только иконы, ибо насельники «в киновии живущей ниже словом глаголати должны суть о чесом же “твое” или “мое”, или “сего” и “онаго”» (Послания... 1959. С. 308).

Как свидетельствует Житие Кирилла Белозерского, все необходимое «к телеснѣй потребѣ» братия получала из монастырской казны (Житие... 1999. С. 160), что, согласно уставам общежительных монастырей XV–XVI вв., было общим правилом (Древнерусские... 2004. С. 161, 177).

Все это позволяет интерпретировать граффити на стенках сосудов с личными именами скорее не как знаки, отмечавшие личную собственность монахов (к этому выводу приходит Т.Н. Новоселова), а как «личные метки» людей, находящихся довольно длительное время в одном помещении (живших в одной келье или, возможно, лежащих в больничной палате).

1. Значительный процент посуды с граффити, найденный в последние два года в монастыре, обусловлен, вероятно, спецификой исследованной территории: большинство раскопов, где найдены фрагменты сосудов с надписями, располагалось недалеко от келарских и больничных палат (рис. 1). Это позволяет весьма осторожно поставить вопрос о связи сосудов с граффити, в том числе, возможно, с больничным бытом обители.

Из источников XVI–XVII вв. известно о существовании монастырских больниц, где призревались больные иноки (при этом многие миряне, понимая неизлечимость недуга, сознательно принимали постриг). В частности, Стоглав предписывал помещать престарелых иноков в монастырские больницы, снабжая их «пищею и одежею» (Стоглав... 2018. С. 194–195).

Возможно, буквенные и именные граффити могут свидетельствовать о принадлежности сосудов, в которое наливали питье, конкретным больным, немощным монахам и старцам, не имевшим возможности выйти к общей трапезе.

Вероятно, таким образом монахи могли получать индивидуальные лекарственные снадобья и/или в силу характера заболевания соблюдать определенные правила личной гигиены.

Судя по фрагментам, керамические кувшины с граффити имели средние размеры: диаметр венчика варьировался от 9 до 11 см, вместимость – 2,5–3,5 л, что составляло примерно четверть ведра. Количество жидкости, подаваемой в таких сосудах, вполне соответствовало норме ее потребления в день одним человеком. Следует отметить, что кувшины были самым распространенным видом среди сосудов этой категории в монастыре и использова-

лись именно для подачи напитков (подробнее см.: *Кадиева, Энгватова, 2020. С. 97–99*).

Разливали питье в более мелкую посуду (стаканы, чарки), которые, как и сосуды для еды (миски), могли быть деревянными и также могли помечаться граффити. К сожалению, такая посуда в силу плохой сохранности органики в культурном слое пока на территории лавры не обнаружена. Но подобный наш вывод подтверждается именными граффити на деревянных ложках и тарелках XVI–XVIII вв. из мест промыслов русских поморов, например, на архипелаге Шпицберген (*Старков, 2008*) и в культурных слоях Мангазеи, где сохраняются деревянные сосуды этого времени (*Визгалов, Пархимович, 2008*).

Этот вывод также дает объяснение, почему именных граффити нет на посуде для хранения или приготовления еды.

Впрочем, все вышеперечисленное не исключает характеристики граффити как личных меток на сосудах, использовавшихся в келейном быту.

Известно, что при общей суровости уставных требований для иноков существовали определенные послабления. Так, устав Иннокентиева Комельского монастыря предписывал иноку при необходимости воспользоваться для келейных нужд какой-либо вещью, в том числе и «сосудом каковым», испросив благословение настоятеля или келаря (Древнерусские... 2004. С. 179–180). При этом среди постриженников Троице-Сергиева монастыря находилось значительное количество лиц из высших аристократических кругов, которые не считали для себя обязательным соблюдение строгих уставных правил, на что сетовал Иван Грозный: «А дотолѣ у Троицы было крепко житие, <...> да то мирянину, а не чернѣцу <...> и Васиян Шереметев у Троицы в Сергиевом монастыре <...> постническое житие своим злокозньством опроверже <...> у Троицы при отце нашем келарь был Нифонт, Ряполовского холоп, да з Бельским з блюда едал» (Послания... 2005. С. 175–176, 179).

2. Именные граффити на сосудах из Троице-Сергиева монастыря встречаются со второй половины XVI в. и бытуют на протяжении всего XVII в., что может свидетельствовать об устойчивости традиции помечать сосуды личными именами.

В конце XVII в. фрагменты сосудов с именными граффити в монастыре пропадают. Датирование Т.Н. Новоселовой некоторых надписей такого порядка XVIII в., кажется нам несколько омоложенным (*Новоселова, 2004. С.116. Рис. 23*). Исходя из характеристик чернолощеной керамики (наличие лощения на ручках и на верхней части горла

сосудов), а также из особенностей шрифта, все граффити, описанные исследовательницей, можно скорее уложить во временной диапазон, соответствующий XVII в.

Причины исчезновения именных граффити на рубеже XVII/XVIII вв. пока не вполне понятны. Вместе с тем граффити неименного характера (кресты и черты) зафиксированы и в более поздних слоях, в первой половине XVIII в., но они единичные.

Возможно, исчезновение именных граффити можно связать с решением Освященного Собора 1682 г. о возрождении в монастырях пошатнувшегося «крѣпкаго житія». В частности, Собор предписал «во вѣхъ монастырѣхъ <...> пѣанственнаго питія не держати <...> особыя пици и питія не держати, и въ келіяхъ своихъ съ гостыи осо-

быхъ трапезъ не поставляти, ходити по вся дни въ трапезу съ братією ясти и пити обще, а изъ трапезы хлѣба и всякія пици и питія не износити и въ келіяхъ не держати; а пицу и питіе въ трапезѣ поставляти по уставу».

Соборное решение о престарелых, немощных и больных иноках, не имеющих физической возможности присутствовать при общей трапезе, предписывало, чтобы у них «предъ прочією братією како-го оскуденія въ пици и питіи не было» (АИ. Т. V. СПб., 1842. С. 112113. № 75).

Следует надеяться, что дальнейшие исследования на территории Троице-Сергиевой лавры позволят значительно пополнить керамическую коллекцию данного памятника, что, соответственно, повысит вероятность обнаружения новых граффити на сосудах и уточнения их интерпретации.

Литература

Авдеев А. Г., Бугров А. В., 1995. Два граффити на керамике из Москвы // Эпиграфический вестник. № 4. С. 3–6.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус Граффити. 563 с.

Боровкова-Майкова М. С., 1912. Нила Сорского Предание и Устав. Вступ. статья. СПб.: Тип. М. А. Александрова. LV, 92, XXXI с. (ПДПИ. Вып. 179).

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург – Нефтеюганск: Магеллан. 296 с.

Вишневский В. И., 2016. Ономастикон средневекового некрополя Троице-Сергиева монастыря // Вопросы эпиграфики. Вып. IX. М.: Унив. Дмитрия Пожарского. С. 521–542.

Городилова Л. М., 2000. Русская скоропись XVII века. Хабаровск: Изд. Хабаровского пед. ун-та. 140 с.

Древнерусские иноческие уставы / Сост. Т. В. Суздальцева. М.: Северный паломник, 2004. 304 с.

Житие Кирилла Белозерского // БЛДР. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. С. 132–217.

Золотов Ю. М., 1959. Чернолощенный кувшин XVII в. с надписью // СА. 1959. № 1. С. 284–286.

Кадиева Е. К., 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII в. (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука. С. 315–339.

Кадиева Е. К., Энговатова А. В., 2020. Чернолощенные кувшины Ярославля и Троице-Сергиева монастыря XVI–XVIII вв. (опыт сравнительной характеристики) // Археология: история и перспективы: Девятая межрегион. конф., Ярославль: ГАУК Ярославской области ЯГИА ХМЗ. С. 94–109.

Книга Правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. М.: Синодальная тип., 1893. (репр.: Троице-Сергиева лавра, 1992). 508 с.

Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. С. 98–109.

Коваль В. Ю., 2018. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 414–441.

Коваль В. Ю., 2019. Московская чернолощенная посуда // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 383–400.

Медведь А. Н., 2017. Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб.: Изд. Олега Абышко. 288 с.

Медынцева А. А., 2000. Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII в. М.: Наука. 290 с.

Новоселова Т. Н., 2004. Надписи-граффити на керамической посуде Троице-Сергиевой лавры (по материалам археологических раскопок 1999–2001 гг.) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Матер. III Междунар. конф. 25 сентября 2002 г. Сергиев Посад. С. 111–118.

Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе // БЛДР. Т. 6: XIV – середина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 450–459.

Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Пер. коммент. Я. С. Лурье / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 2005.

Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста Я. С. Лурье, А. А. Зимина. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1959. 390 с., ил.

Рисунки-граффити на предметах X–XVIII веков из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Сост. Королева А. М. Владимир, 2017. 56 с.

Рожественская Т. В., 1991. Древнерусская эпиграфика X–XV веков. СПб.: СПбГУ, 95 с.

Романенко Е. В., 2002. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия. 329 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 403 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. М.: Наука, 2000. 254 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 31. М.: ООО «ЛЕКСРУС», 2019. 392 с.

Старков В. Ф., 2008. Тексты и надписи из мест удаленных промыслов русских поморов // ВЭ. Вып. 2. М. С. 202–217.

Стоглав. Текст. Словоуказатель. М.; СПб.: ИРИ РАН; ЦГИ, 2018. 320 с. (*Historia Russica*).

Феодосий (Коротков), архим., 2017. Первоначальный общежительный устав русских монастырей. М.: Торговый дом «Абрис». 688 с.

Франклин С., 2010. Письменность, общество и культура Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин. 552 с.

Шелов-Коведяев Ф. В., 2020. Три методических соображения о работе с надписями // Боспорские исследования. Вып. XL. Керчь; Симферополь. С. 223–228.

Энговатова А. В., Яганов А. В., 2017. Восточный участок Троице-Сергиевой Лавры в XVI–XVIII веках // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. М.: ИА РАН. (Материалы спасательных археологических исследований). Т. 19. С. 232–239.

Энговатова А. В., 2020. Отчет «О выполнении спасательных археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения “Исторический культурный слой на землях Троице-Сергиевой Лавры”» / Архив ИА РАН. Р-1.

A. V. Engovatova, A. G. Avdeev, E. K. Kadieva

Graffiti on vessels of the second half of the 15th – early 18th century from the excavations of the Trinity-Sergius Lavra: attribution, classification, chronology

Summary

The article is devoted to the findings of graffiti on fragments of ceramic vessels that were discovered during the research of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences on the territory of the Trinity-Sergius Lavra. During excavations in 2018–2020, 56 numbers of graffiti were found on fragments of mostly black-polished vessels from the 16th to 18th centuries. The finds are concentrated in the western part of the cloister, between the monastery enclosure, Treasury housing and Hospital chambers. Four groups of inscriptions have been identified: alphabetic (personal names written in full and in abbrevi-

ated form; separate letters; not having an accurate interpretation); monograms; graffiti depicting crosses; ornamental graffiti and graffiti of unclear purpose.

The presence of a significant amount of graffiti with personal names scratched on the vessels, shows the everyday life of the inhabitants of the Trinity-Sergius Monastery. Based on the concentration of finds near the territory of the cellar and hospital wards, the studied graffiti can be interpreted as personal marks of people who have been in the same room for a long time (who lived in the same cell or, possibly, who were lying in a hospital ward).

List of figures

Fig. 1. Archaeological investigations in the territory of the Trinity Lavra of St. Sergius with showing the locations of finds of ceramic fragments with graffiti

a – archaeological research areas in 1978–2021; *b* – graffiti discovered by the Moscow Region Archaeological Expedition in 2019–2021; *c* – the number of graffiti found by the by the Moscow Region Archaeological Expedition in 2019–2021.; *d* – graffiti discovered in 1999-2001 (*Novoselova*, 2004. pp. 111–118)

Fig. 2. Fragments of ceramic tableware XVII-XVIII centuries. with graffiti inscriptions. Excavations 1999-2001 (Novoselova, 2004. P. 111–118)

1–3 – XVII c.; 4–6 – late 17th – mid-18th c.

Fig. 3. The location of the graffiti on the vessel (the number in the circle means the amount of graffiti)

a – under the rim (№ 54, 204, 287, 626, 1088, 1096, 1097, 1278, 1935); *б* – on the neck (№ 60, 125, 126, 147, 170, 181, 185, 360, 862, 1019, 1098, 1351, 1401, 1494, 1861); *в* – on a shoulder (№ 6, 72, 224, 1383, 1385, 1449, 1471, 1563, 1770); *г* – under the base of the vessel handle (upper part) (№ 183); *д* – on the bottom (№ 71); *е* – in the middle of the handle (№ 166, 178, 228, 769, 1221, 1359, 1565, 1700); *ж* – under the base of the vessel handle (lower part) (№ 280, 422, 966, 1114, 1067, 1396, 1769); *з* – unclear location (upper part of the vessel, wall) (№ 88, 176, 177, 184, 1397, 1681)

Fig. 4. Letter graffiti. Personal names written in full

1 – № 126 (p. 3); 2 – № 626 (p. 17); 3 – № 170 (p. 3); 4 – № 177 (p. 3); 5 – № 1383 (p. 27); 6 – № 185 (p. 3)

Fig. 5. Letter graffiti. Personal names abbreviated

1 – № 125 (p. 3); 2 – № 166 (p. 3); 3 – № 1019 (survey area); 4 – № 1097 (p. 3); 5 – № 228 (p. 3)

Fig. 6. Letter graffiti. Individual letters

1 – № 1098 (p. 3); 2 – № 1278 (p. 23); 3 – № 966 (survey area 18); 4 – № 1351 (p. 27); 5 – № 183 (p. 3); 6 – № 178 (p. 3); 7 – № 72 (survey area 13); 8 – № 1385 (p. 27); 9 – № 1401 (p. 27); 10 – № 1471 (p. 27); 11 – № 360 (p. 13)

Fig. 7. Letter graffiti with no precise interpretation. Monograms

1 – № 60 (p. 3); 2 – № 1096 (p. 3); 3 – № 224 (p. 6); 4 – № 422 (p. 15); 5 – № 862 (p. 3); 6 – № 1088 (p. 3); 7 – № 181 (p. 3); 8 – № 147 (p. 3); 9 – № 1935 (survey area 18); 10 – № 1067 (p. 6); 11 – № 1449 (p. 27)

Fig. 8. Crosses

1 – № 1563 (p. 27); 2 – № 1359 (p. 30); 3 – № 54 (p. 5); 4 – № 1769 (p. 38); 5 – № 1396 (p. 18); 6 – № 1221 (p. 26)

Fig. 9. Ornamental graffiti and graffiti of unknown purpose

1 – № 280 (p. 13); 2 – № 287 (p. 13); 3 – № 6 (p. 1); 4 – № 1565 (p. 30); 5 – № 1700 (p. 38); 6 – № 71 (p. 3); 7 – № 769 (p. 18)

Fig. 10. Indeterminable graffiti

1 – № 88 (p. 3); 2 – № 176 (p. 3); 3 – № 184 (p. 3); 4 – № 204 (p. 6); 5 – № 1114 (p. 23); 6 – № 1397 (p. 18); 7 – № 1494 (p. 25); 8 – № 1681 (p. 38); 9 – № 1770 (p. 38); 10 – № 1861 (p. 24)

Л. И. Фёдорова, В. А. Ткаченко, В. В. Фёдоров
Институт географии РАН, Москва

Приемы изготовления некоторых зооморфных глиняных игрушек в Калужском крае

Светлой памяти Людмилы Ивановны Фёдоровой (1947–2019) посвящается.

Это исследование мы начали в соавторстве с Людмилой Ивановной в 2019 г. по плану подготовки материалов для участия в работе 18-го научного семинара «Археология Подмосковья» в Институте археологии РАН.

Людмила Ивановна Федорова – заслуженный работник культуры РФ, основатель и бессменный директор Музея ремесла, архитектуры и быта г. Калуги, мастер-наставник народного художественного промысла глиняной игрушки г. Калуги, автор более сотни научных работ, посвященных исследованию бытовых, художественных и ремесленных традиций, археологии Калужского края. Так случилось, что это исследование стало последним в жизни Людмилы Ивановны, и мы представляем его в память о благословенных днях совместной жизни, работы и общения.

Изучение старокалужской традиционной керамики показало достаточное количество и разнообразие зооморфных фигурок медведя, что может являться подтверждением распространения на этой территории различных традиционных воззрений, связанных с этим образом, в том числе доживших до нашего времени в виде изделий народных художественных промыслов. При этом среди носителей и продолжателей этих традиций не только в Калужской области, но и в других регионах отсутствует четкое понимание исторической обусловленности формы и специфики внутреннего содержания этих изделий. Стоит отметить, что на протяжении многих столетий на территории России сохранялись обычаи и поверья, связанные с различными животными, как дикими, так и домашними, отражающиеся в археологических находках различных зооморфных фигурок, выполненных в характерной для изучаемой местности стилистике, а также в устной традиции. Особое место среди них занимают фигурки медведя. Являясь частью материальной и духовной культуры русского народа, глиняная игрушка медведь в своих вариантах и образах сосредотачивает и хранит как внешнюю, так и скрытую внутреннюю информацию о полузабытых отголосках и остатках почитания медведя, его значении и роли в повседневной жизни населения Центральной России (Максимов, 2014. С. 166–170). В настоящей работе произведена попытка совмещения археологической информации с прочими задокументированными историческими источниками, что позволит добиться более целостной картины понимания особенностей появления, распространения, назначения, использования и эволюции сюжетов, а также пластики

образов керамических зооморфных фигурок, изображающих медведя. Кроме того, дано описание выявленных технологий изготовления отдельных изучаемых изделий.

Исследователи быта и образа жизни русского народа во второй половине XIX – первой половине XX в. отмечают, что в Центральной России медведь с древнейших времен и по настоящее время является существом, с которым связано много народных обрядов и поверий, мифов и сказок, обычаев и традиций, примет и суеверий (Афанасьев, 1983. С. 21–37). Амулеты из медвежьей головы (черепа или клыков), а также медвежьих лап, медвежья шерсть повсеместно рассматриваются как средство, обеспечивающее охрану и защиту скота и всякой иной живности, как обладающие оздоравливающей силой, способствующие размножению и плодовитости. Эти сведения подтверждает, например, А. Б. Зернова, в 1932 г. писавшая, что подмосковные крестьяне вывешивали во дворах медвежью лапу для охраны скота (Зернова, 1932. С. 40–49).

По воспоминаниям дальневосточника В. А. Ткаченко (одного из соавторов данной статьи), в 1950-е годы у многих семей переселенцев XIX – начала XX в. на Дальний Восток, в Приморский край с Дона, из Малороссии и Белороссии имелись в домах или в хозяйственных постройках дворов медвежья лапа, комки шерсти и челюсти с клыками. Они хранились в недоступных для детей местах в качестве оберегов и амулетов для здоровья и удачи, защиты от всяческих напастей и болезней. В доме его родителей (с. Ново-Сысоевка) высушенная медвежья лапа, комок шерсти и высушенная медвежья желчь в холщовой тряпице лежали на специальной полочке в виде корытца, над входом на кухню. Клыки медведя хранились у отца в неприкосновенном для детей сундучке с охотничьими припасами и приспособлениями. Желчь и вытопленный медвежий жир, хранимый в погребе, постоянно употреблялись в семье в лечебных целях в самых разнообразных случаях. В. А. Ткаченко отмечает поразительное сходство медведя, после того как с него сняли шкуру, с человеком. Это подтверждается и опубликованными исследованиями А. Ф. Миддендорфа и прочими авторами (Леонтьев, Леонтьева, 2007. С. 115, 131). Можно сказать, что особый почет медведю оказывался в старину по причине веры в исцеляющую силу живого зверя и его мертвых частей и органов, веры в защитную силу его духа, во всеведение зверя, веры в его человеческое происхождение. Эта вера не изжита и сегодня (Максимов, 2014. С. 136).

Еще одним направлением в изучении традиций, связанных с медвежьими культурами, нашед-

шими отражение в старокалужской керамике, является образ медведя, использовавшегося для травли и медвежьих боев, что было достаточно распространенным явлением на территории европейской части России. Так, в частности, В. В. Иванов и В. Н. Топоров в своих работах отмечают возникновение еще в стародавние времена промысла по воспитанию ручных медведей (Иванов, Топоров, 1974. С. 59). В XVI–XVII вв. медвежья потеха распределялась на четыре вида: медвежья травля, бой с медведем, борьба с медведем и медвежьих представления разнообразного репертуара (Московское государство... 2000. С. 160–161). Все медвежьих потехи управлялись жокаками медведей, которых еще называли поводчиками (в более позднее время их стали называть поводырями). Состязания и другие медвежьих представления устраивались обычно отдельно для государя и высших сословий, а на площадях городов и на подходящих лужайках в селениях жокаки со своими медведями совершали разнообразные потехи, представления и действия на увеселение и развлечение народа. Об этих увеселениях, потехах и зрелищах, о старом русском домашнем быте более всего сохранилось сведений XVI–XVII вв., прежде всего в сказаниях иностранцев о Москве и Русском государстве (Московское государство... 2000. С. 219–244).

Выступления медведя с жокаком пользовались большим успехом у народа как в XVI–XVII вв., так и в более позднее время и даже в первой половине XX в. (Шереметева, 1930. С. 61–66). Медвежьих потехи нашли яркое отражение в игрушечных народных художественных промыслах Центральной России.

Рассматривая массовые находки московских глиняных игрушек – медведей, надо особо отметить, что они изготавливались из красножгущихся горшечных глин, дающих после окислительного обжига красно-коричневый цвет черепка, а использование технологических процессов восстановительного (без кислорода) обжига (морения) в сочетании с приемом лощения изделий обеспечили распространение в XVI–XVII вв. мореной и чернолощеной игрушки наряду с другими гончарными изделиями (Коваль, 2019. С. 384). Игрушки по величине разделяются на две группы: больших размеров с полым туловищем и небольшие со сплошным туловищем. Стоящие на четырех лапах фигурки медведей формовались вручную. В изготовлении использовалась технология ручной лепки – как для выделяемых из цельного куска формовочной массы, так и для изделий поэтапного изготовления, при котором сначала изготавливался

Рис. 1. Фигурка медведя XVI–XVII вв.
из московских находок

Рис. 2. Фрагмент фигурки медведя.
Калуга, XVI–XVII вв.

корпус животного, а потом примазывались отдельно вылепленные голова, ноги и хвост. Несмотря на упрощенную, условную лепку, готовые изделия довольно точно передают облик хозяина наших лесов: массивное туловище, средней длины лапы, при этом задние лапы всегда короче передних, короткий хвост, горбатая спина, крупная голова со сравнительно тонкой мордой, точащие уши. Ниже хвоста в большинстве случаев присутствует накол острой палочкой (рис. 1).

Изученные фигурки глиняных медведей можно разделить на изображения дрессированных медведей в намордниках, ошейниках, соединенных между собой одним или тремя ремешками, и медведей без этих атрибутов (Ткаченко, Федорова, 1998. С. 346). Прокол верхней губы и ноздри («рваная» губа или ноздря), сделанный слегка сдвинутым от центральной линии морды животного, встречается как у фигур в намордниках и с ошейниками, так и без них. В жизни к продетому через губу и нос медведя кольцу крепилась железная цепь для управления животным. Эти ученые медведи предназначались для рукопашной борьбы или для потехи и увеселения публики театрализованными представлениями. Некоторые фигурки медведей без намордника и уздечки, без рваной губы и ноздри, по нашему мнению, изображают диких неприрученных зверей, предназначенных для травли или смертного боя охотника с ними или иных неизвест-

ных нам целей. Подавляющее большинство игрушек-медведей, изготовленных до XIX в., не имеют свистков, то есть относятся к семейству безмолвных глиняных игрушек. Однако отдельные экземпляры представляют собой пустотелые керамические фигурки – погремушки из семейства озвученных игрушек, относящихся к типу шумовых, особой разновидности погремушек-«грематух» (Федорова и др., 2000. С. 22–24). Их назначение пока не определено. Большой неожиданностью стала находка в Калуге в 2001 г. в затоне старокалужской пристани, ниже наплавного моста Воробьевского спуска большого обломка чернолощеной фигурки в виде головы крупного медведя в широком наморднике с уздечкой на трех ремешках (ошейник не сохранился): двух щечных и верхнего, проходящего между ушами. Уши имеют наколы слуховых каналов, что встречается крайне редко. Неглубокий нарез по линии рта выполнен плоской широкой (17 мм) палочкой. Круглый прокол «рваная ноздря» выполнен не как обычно, чуть сбоку, а строго по центру сквозь линию рта в направлении вверх. Отверстие прокола имеет диаметр 10 мм и выполнено после наlepки намордника и ремешков (рис. 2).

Уникален фрагмент помимо прочего озвученностью медведя на четырех лапах, но не традиционным свистком, а ревуном, возможно, язычковой конструкции. В этой сложной конструкции в гнез-

Рис. 3. Фрагменты чернолощенных медведей из раскопок 1995–1996 гг. на Воротынском городище. XVI в.

до мог вставляться мундштук особого музыкального инструмента для создания имитации звериного рева.

Фигурки керамических медведей отражают взаимоотношения медведя и человека в природе и быту: если медведя ведет поводырь, то необходимы атрибуты ученого животного, так как общение с большим количеством людей может вызывать непредсказу-

емые агрессивные реакции. Если фигурка изображает медведя, необходимого для других забав – травли, боя охотника и зверя, то ошейник и намордник могут отсутствовать. Наиболее массовые и разнообразные находки сосредоточены в Москве – общим числом более 200 единиц (*Векслер и др.*, 2016. С. 129; 280–281). Более 60 керамических медведей нашли в Зарядье, 75 целых и в обломках – в яузской Гончарной слободе, поблизости от горна, где они обжигались. Последние по времени игрушки-медведи встречены в слоях середины XVII в. в Москве, в Зарядье. Все вышеперечисленные игрушки-медведи изготовлены стоящими на четырех ногах. Похожие игрушки в виде медведей на четырех лапах находят в Твери, Владимире, Калуге и других городах России. Например, на раскопках в пер. Крутом Нижнего Новгорода найден обломок фигурки медведя из красножгущейся глины, качественного горнового обжига. Изделие датируется XVI – первой половиной XVII в. Игрушка сформована вручную, полая внутри, предположительно погремушка, размером 9×3 см, на животе два круглых прокола диаметром 0,3 см. Медведь имеет уплощенное туловище, горбатую спину, крупную голову с короткими торчащими ушами. Игрушка изображает ручного медведя, так как на тонкой морде сделано сквозное круглое отверстие диаметром 2 мм для кольца поводка (*Иванова*, 2000. С. 87).

Среди археологических находок игрушек-медведей в Калужском крае преобладают лишь фрагменты фигурок разной степени сохранности. Часто это туловище без головы, голова без туловища. Большинство обломков имеют дополнительные утраты. Всего изучено 27 фрагментов фигурок. К их числу относятся чернолощенные обломки двух фигурок медведей, найденных Г. А. Массалитиной

Рис. 4. Фрагмент головы медведя из красножгущейся глины из раскопок 1995–1996 гг. на Воротынском городище. XVI в.

при раскопках на городище Воротыньск на р. Выссе под Калугой в 1995–1996 гг. (рис. 3; 4). Известно, что жизнь на городище прекратилась в XVI в. (Ткаченко, Массалитина, 2001. С. 96–97). На голове красноглиняной фигурки медведя, найденной в том же культурном слое, что и чернолощенные обломки игрушек, не сохранились остатки уздечки, нет и следов покрытия поверхности ангобом.

В 1993 г. при раскопках под руководством О.Л. Прошкина на городище Воротыньск из культурного слоя XVI в. извлечена поврежденная чернолощенная голова медведя в уздечке (Прошкин, 1995) (рис. 5). Несмотря на значительные утраты, в обнаруженных обломках легко узнается медведь, стоящий на четырех ногах, с горбатой спиной.

Обломки игрушек на Воротыньском городище дают представление о технологии их изготовления из цельного куска глины, с легко узнаваемыми формами туловища, головы и ног, изготовленными по тем же технологиям, что в Москве и Калуге. Работая с сохранившимися обломками черномореных и чернолощенных фигурок медведей, можно реконструировать размеры отдельных частей фигурок, форму ушей, морды животного, уздечку по заметным отпечаткам утраченных элементов, а также изучить особенности изготовления объемов изделия. Необходимо отметить высокое качество используемых формовочных масс, хорошее лощение и чернение в процессе восстановительного обжига керамики в технологических традициях изготовления чернолощенной керамики в рассматриваемое время – XVI–XVII вв. (Коваль, 2019. С. 384, 397).

Основная масса находок гончарной керамики «медвежьей» тематики в Калуге непосредственно связана с исторической частью города, с территориями, занятыми посадами вокруг укрепленной калужской крепости, и тяготеет прежде всего к береговой линии Оки под крепостью, месту древней переправы, послужившей началом ул. Воробьевской, и ниже по течению, к бывшей торговой пристани. Именно там найден хорошо сохранившийся фрагмент керамической фигурки большого чернолощенного медведя без передней части. Левая задняя нога не повреждена, а правая наполовину утрачена. В создании образа этого медведя использована местная технологическая традиция ручной лепки из единого куска глины (рис. 6). Уникальность находки обусловлена наличием открытой со стороны живота корытообразной тонкостенной полости со слегка загнутыми внутрь боковыми краями. В этом состоит ее принципиальное отличие от московских больших пустотелых

Рис. 5. Фрагмент чернолощенной фигурки медведя из раскопок 1993 г. на Воротыньском городище. XVI в.

керамических медведей. Форма фигуры, несмотря на ее условность, точно передает облик этого могучего зверя. Сзади, пониже хвоста, острым концом рабочего инструмента сделан накол глубиной 23 мм. Длина сохранившейся части фрагмента – 95 мм, высота – 82 мм. В целом виде фигурка могла иметь длину до 170 мм. Описываемый образец найден среди скопления обломков мореной и чернолощенной керамики в нетронутом культурном слое XVI в. на глубине 1,35 м от поверхности во время строительных работ при рытье котлована (Болдин, 2012. С. 114, 152).

Еще одной интересной находкой у восточного предела городской крепости стала сероглиняная головка медведя со следами уздечки и ошейника

Рис. 6. Фрагмент чернолощенной фигурки медведя. Калуга. XVI–XVII вв.

Рис. 7. Фрагмент серомореной фигурки медведя. Калуга. XVI в.

из числа случайных находок при земляных работах на ул. Красная Горка, при пересечении с ул. Воробьевской (рис. 7). Удлиненная морда медведя деформирована еще до обжига, а глаза наколоты тонким острием палочки насквозь. Причем вокруг глаз видны следы ресниц в виде вдавлений. Обломок найден с сопутствующими предметами XVI в. Длина его 36 мм, высота 29 мм.

После обучения медведям подпиливали зубы и когти, продевали через верхнюю губу и нос железное кольцо с прикрепленной к нему цепью. С изменением способов и техники дрессировки

Рис. 8. Фрагмент красноглиняной фигуры медведя. Козельск. XVII в.

появляются фигурки медведей, стоящих на задних лапах. Они встречаются среди калужских находок XVII–XVIII вв. и в Козельске Калужской обл. Обломок фигурки красноглиняного медведя из Козельска (рис. 8) представляет собой голову и часть шеи высотой 52 мм (Ткаченко, Федорова, Федоров, 2012), примазанной к отдельно вылепленному туловищу. Уши (реставрированы) имели утраты: правое отбито полностью, левое – наполовину. Глаза наколоты тонким острием палочки на глубину до 10 мм, ноздри – до 9 мм, рот прорезан плоской палочкой, намордника нет. Судя по всему, изображался медведь без поводья, предназначенный для травли. Несмотря на фрагментарность, по положению и форме головы можно уверенно предположить, что данная фигурка показывала стоящего медведя. Найдено изделие в Козельске при земляных работах с сопутствующими предметами XVII–XVIII вв. Вторая, подобная козельской, фрагментированная фигурка стоящего медведя выявлена в Калуге при земляных работах на ул. Воскресенской, напротив церкви Георгия за лавками, вместе с сопутствующими предметами XVI – начала XVIII в. (Ткаченко, Федорова, Федоров, 2012). Голова медведя без правого уха с прижатой к шее мордой, высотой 55 мм, покрыта светло-коричневым ангобом, намордник и ошейник нарисованы краской другого цвета, оставившей следы в местах нанесения (рис. 9).

В настоящее время в Калуге сохранена традиция средневековых приемов и пластики изготовления глиняных игрушек-медведей, стоящих на четырех лапах, а также вертикальных скульптур медведей, стоящих на задних лапах, на базе технологической традиции «колокол» народного художественного промысла глиняной игрушки г. Калуги при Музее ремесла, архитектуры и быта (Ткаченко, Федорова, 2000. С. 103–114).

Таким образом, известные нам археологические изображения медведей на четырех лапах (московские, суздальские, тверские, калужские, воротынские) позволяют говорить, что данный сюжет был распространен в XVI–XVII вв. Позднее на лубках можно увидеть изображение медведя на задних лапах в сопровождении поводчика. Таким медведь вошел в русскую глиняную игрушку более позднего времени – дымковского, каргопольского, скопинского, хлудневского и калужского промыслов. Причем для обогащения смыслового содержания изделий в лапах медведей присутствуют цветы, птицы, медвежата и даже люди и предметы как дополнительные народные символы со своей особой семантикой.

Древний промысел вождения медведя прекратился в 70-х годах XIX в. по правительственному распоряжению на основании ходатайства Общества покровительства животным. После революции распоряжения царского правительства утратили силу, и промысел возродился в семьях наследственных вожakov медведей. Появились они в 30-х годах XX в. и в Калуге, о чем пишет М. Е. Шереметьева (1930. С. 61–66). Во второй половине XX столетия образ медведя вновь получил широкое распространение в центрах народных художественных промыслов глиняной игрушки России, сохраняясь до настоящего времени. На бытовом уровне народная глиняная игрушка-медведь продолжает восприниматься защитником и покровителем семьи, символом благополучия, здоровья, мужской силы и детородных возможностей. Удивительно, но до сих пор в Калужском крае существует поверье, что для рождения мальчика надо положить под подушку молодоженам игрушку медведя или какой-либо его амулет, а окна домов в городе еще в недалеком прошлом украшались наличниками с изображениями медведей. Как видим, пережитки культа медведя стали неотъемлемой частью нашей материальной и духовной культуры, символом, дающим нам силы и уверенность в благополучном будущем «русского медведя» (Ткаченко, Федорова, 2001. С. 280, 282, 284).

Рис. 9. Фрагмент ангобированной фигуры медведя. Калуга. XVI–XVII вв.

Литература

- Афанасьев А. Н., 1983. Древо жизни. Избранные статьи. М.: Современник. 464 с.
- Болдин И. В., 2012. Круговая керамика бассейна верхней Оки во II тыс. н. э. (Проблемы периодизации и хронологии). Калуга: КОКМ. 171 с.
- Векслер А. Г., Кондрашев Л. В., Беркович В. А., Гусаков М. Г., Генинг В. В., 2016. Москва. Раскопки на Великом посаде. Московская керамика по материалам исследований. М.: ДКН г. Москвы. 496 с.
- Забелин И. Е., 1915. Домашний быт русского народа в XVI–XVII столетиях. Т. 1. М.: Синодальная типография. 900 с.
- Зернова А. В., 1932. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // СЭ. № 3. С. 15–52.
- Иванов В. В., Торопов В. Н., 1974. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука. 341 с.
- Иванова Н. В., 2000. Нижегородская глиняная игрушка. По материалам археологических раскопок 1999 г. в Крутом переулке // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород: НГЦ. С. 87–93.
- Коваль В. Ю., 2019. Московская чернолощенная посуда // АП. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 383–400.
- Леонтьев А. И., Леонтьева М. В., 2007. Истоки медвежьей Руси. М.: Алгоритм. 240 с.
- Максимов С. Г., 2014. Волхвы, скоморохи и офени. М.: Вече. 320 с.
- Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев / Сост. Н. В. Бочкарев. М.: Крафт+, 2000. 240 с.
- Прошкин О. Л., 1995. Археологическое исследование летописного Воротынского в 1993 г. // Древний Воротынский и его окрестности. Калуга. С. 32–35.
- Ткаченко В. А., Федорова Л. И., 1998. Глиняные игрушки XVI–XVII вв. из Калужских находок // Тр. VI Междунар. конгресса славян. археологии. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М.: Эдиториал УРСС. С. 345–348.

Ткаченко В. А., Фёдорова Л. И., 2000. Искусство глиняной игрушки в городе Калуге XVI–XX вв. // Калуга в шести веках. Матер. 3-й город. краевед. конференции. Калуга: Полиграф-Информ. С. 103–114.

Ткаченко В. А., Массалитина Г. А., 2001. Глиняные игрушки с городища Воротынский // Родная старина. Матер. II и III научно-практических конференций по проблемам сохранения и развития фольклора. Калуга: Фридрихсбург. С. 96–97.

Ткаченко В. А., Фёдорова Л. И., 2001. Проблемы сохранения национального культурного, исторического и духовного наследия // Экономико-психологические и правовые проблемы национальной безопасности. Науч. сб. пленарных докладов

Первых Всероссийских чтений памяти профессора В. Ф. Агеева. М., Калуга: ИВ РАН, МАН ПНБ, КФ МГЭИ. С. 280–284.

Ткаченко В. А., Фёдорова Л. И., Фёдоров В. В., 2012. Медвежий культ и калужская игрушка // Родная старина. Калуга: Ноосфера. С. 93–100.

Фёдорова Л. И., Ткаченко В. А., 2000. Глиняная игрушка города Калуги как музыкальный инструмент // Музыкальное краеведение. Матер. 2-й науч.-практ. конференции. Калуга: Полиграф-Информ. С. 22–24.

Шереметева М. Е., 1930. Вожаки медведей в Калуге // Сб. Калужского государственного музея. Вып. 1. Калуга: КГМ. С. 61–66.

L. I. Fedorova, V. A. Tkachenko, V. V. Fedorov

Techniques for making some zoomorphic clay toys in the Kaluga region

Summary

The study of old Kaluga traditional ceramics showed a large number and variety of zoomorphic bear figurines. This indicates the spread here of various traditional views associated with this image, including those that have survived to our time in the form of products of folk art crafts.

The archaeological images of bears on four legs

known to us (Moscow, Suzdal, Tver, Kaluga, Vorotynsk) allow us to speak of the spread of this plot in the 16th – 17th centuries. Later, on cheap wood prints, you can see the image of a bear on its hind legs, accompanied by a guide. This is how the bear entered the Russian clay toy of a later time – Dymkovo, Kargopol, Skopinsky, Khlundnevsky and Kaluga crafts.

List of figures

Fig. 1. Figurine of a bear of the 16th – 17th cc. from Moscow

Fig. 2. Fragment of a figurine of a bear. Kaluga, 16th – 17th cc.

Fig. 3. Fragments of black-polished bears from excavations in 1995–1996. At the Vorotynskoye settlement. 16th c.

Fig. 4. Fragment of a bear's head made of red-burning clay from the excavations of 1995–1996 at the Vorotynskoye settlement. 16th c.

Fig. 5. Fragment of a black-polished bear figurine from the 1993 excavations at the Vorotynskoye settlement. 16th c.

Fig. 6. Fragment of a black-polished bear figurine. Kaluga. 16th – 17th cc.

Fig. 7. Fragment of a gray-moored bear figurine. Kaluga. 16th c.

Fig. 8. Fragment of the red clay figure of a bear. Kozelsk. 17th c.

Fig. 9. Fragment of the engobed figure of a bear. Kaluga. 16th – 17th cc.

In memoriam

**Михаил Иванович Гоняный
(1953–2020)**

Ученый, учитель, человек. Памяти Михаила Ивановича Гоняного

7 июля 2020 г. стало черной датой в жизни множества наших коллег, друзей и просто всех, кто знал и любил «дядю Мишу» – Михаила Ивановича Гоняного. Скоропостижно ушел из жизни человек, бесконечно преданный своему делу, талантливый организатор, археолог, великий труженик, подлинный патриот России. Весь жизненный путь Михаила Ивановича – яркий пример изучения, сохранения и созидания на почве историко-культурного и природного наследия нашей Родины.

Будущий ученый родился 4 июля 1953 г. в г. Подольске Московской обл. В 1970 г. окончил городскую среднюю школу № 5. После службы в рядах Советской армии он работал в горкоме комсомола г. Подольска, в 1975–1980 гг. проходил обучение на историческом факультете

Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Еще в школе Михаил Иванович увлекся археологией и позднее участвовал в археологических раскопках и разведках в Подмосковье.

Важным рубежом в научной карьере М. И. Гоняного стало поступление его на работу в 1981 г. в Государственный исторический музей (ГИМ). В это время Россия широко праздновала 600-летний юбилей Куликовской битвы, одним из итогов которого стало создание на базе ГИМ комплексной археолого-географической экспедиции по изучению древностей Куликова поля с акцентом на обнаружение следов Мамаева побоища. Необходимо было изучить древнюю историю этой территории, локализовать место Куликовской битвы,

М. И. Гоняный на Красном холме Куликова поля, 1980-е

реконструировать подлинный рельеф поля сражения, отыскать его материальные следы в виде предметов вооружения и снаряжения, братских могил русских воинов, павших в битве.

Исследования на Куликовом поле поручили возглавить сотруднику ГИМ археологу Б. А. Фоломееву (1942–2001). Понимая масштабность поставленных задач по исследованию практически неизученного региона, ученый пригласил принять участие в работах на Куликовом поле сотрудников ГИМ – уже имеющего опыт полевых исследований в Подмоскowie археолога М. И. Гоняного и известного историка-географа А. К. Зайцева (1939–2009). Для решения задач изучения комплекса палеогеографических исследований были

привлечены сотрудники Института географии РАН М. П. Гласко (1943–2014), Н. А. Хотинский (1930–2005), М. А. Гуман, А. Л. Александровский, Л. Н. Былинская и др.

В ходе работ на Куликовом поле в составе экспедиции появилось и профессионально росло молодое поколение тульских археологов – студентов исторического факультета Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого: В. П. Гриценко, Р. В. Клянина (1963–2012), А. Н. Наумова, А. В. Шекова, О. Н. Заидова (1962–2014).

В организационных целях в 1982 г. была создана Окско-Донская археологическая экспедиция ГИМ с выделением Донского отряда, возглавить который поручили М. И. Гоняному. Так

М.И. Гоняный на раскопках городища в с. Красные Буйцы, 1984 г.

ученый впервые побывал на Куликовом поле, исследование которого стало делом всей его жизни. В 1985 г. Б. А. Фоломеев передал руководство научной программой «Куликово поле. История. Ландшафт» М.И. Гоняному и А.К. Зайцеву. Тогда же была образована Верхне-Донская археологическая экспедиция (ВДАЭ) ГИМ, которая 35 лет вела исследования на Куликовом поле.

Созданный научный коллектив развернул активные археологические и палеогеографические исследования на Куликовом поле. Отправной точкой комплексных археолого-географических исследований выбрали участок слияния Дона и Непрядвы как главный географический ориентир Куликовской битвы. Совместные работы ар-

хеологов и палеогеографов позволили воссоздать общую динамику ландшафта и растительного покрова Куликова поля за последние 8000 лет и получить первые данные о материальной культуре племен и народов, населявших эту территорию начиная с каменного века. Здесь же М.И. Гоняный провел первые на Куликовом поле раскопки древнерусского памятника – селища Монастырщина 2.

Одновременно начались широкомасштабные разведочные исследования, охватившие не только берега и долины верховьев Дона и его притоков. Была выполнена масштабная задача обследования в археологических целях всей овражно-балочной системы Куликова поля. За 30 лет исследований (1982–2012) разведочными отрядами ВДАЭ

М. И. Гоняный на исследованиях Устьинского археологического комплекса, 2013 г.

на площади около 2,5 тыс. кв. км обнаружено и обследовано более 320 памятников археологии различных эпох. В результате проведенных исследований по степени изученности Куликово поле стало одной из самых археологически обследованных территорий России.

Основной акцент разведочных работ М. И. Гоняный сделал на памятниках древнерусского этапа заселения Куликова поля. В процессе полевых исследований археолог начал разрабатывать серию методических приемов детального разведочного обследования археологических объектов. Многие уже изученные районы исследовались М. И. Гоняным по нескольку раз с уточнением границ, датировок памятников и открытием новых объектов. Особое внимание уделялось определению и подсчету площади селищ, плотности застройки, количества крестьянских дворов, границ жилых и хозяйственных зон памятников.

На Куликовом поле М. И. Гоняный впервые работал и активно применял качественно новый тип исследований – детальное исследование территорий древнерусских селищ и городищ методом сбора подъемного материала по координатной сет-

ке, с применением металлодетекторов и привязкой обнаруженных находок на топографическом плане. На наиболее интересных участках проводилась геофизическая разведка, шурфовка или небольшие раскопки. Работы с применением подобной методики велись на территории более 20 селищ. Результатом их стало выявление жилых, хозяйственных, производственных зон памятников, типов ремесленной деятельности, планиграфии памятников, выделение узко датированных скоплений находок на многослойных памятниках.

Широкомасштабные археологические работы на древнерусских памятниках Куликова поля, огромный и разноплановый банк данных дали возможность приступить к предварительным обобщениям и историческим реконструкциям социально-экономических и политических процессов в XII–XIV вв. на этой территории при практически полном отсутствии письменных источников. В публикациях М. И. Гоняного и А. К. Зайцева прослежена динамика заселения территории в домонгольский и золотоордынский периоды, проведены статистические подсчеты численности населения, крестьянских дворов, количества общин, опреде-

М. И. Гоняный во время археологических работ в Южном Подмоскowie. Рядом с ним стоят (слева направо) Анатолий Жиганов и Игорь Фида, 2010-е

лены территории, из которых шла колонизация Куликова поля, установлены трассы сухопутных торговых путей, пересекавших верховья Дона, и др.

Параллельно с разведочными исследованиями разворачивались раскопки памятников археологии, прежде всего памятников, хронологически близких Куликовской битве. Раскопки в 1982–1984 гг. древнерусских селищ Монастырщина 2 и 3 в районе слияния Дона и Непрядвы были продолжены широко-масштабными работами на селище Монастырщина 5 в среднем течении р. Непрядвы, они без перерыва велись 11 лет. По объемам выполненных раскопочных работ (более 7000 кв. м) и уровню исследованности этот памятник стал центральным в области изучения планировки древнерусских сельских усадеб Куликова поля. Объем работ на древнерусских селищах постоянно расширялся.

Помимо селищ М.И. Гоняный на Куликовом поле начал изучение других типов археологических объектов древнерусского времени – городищ, грунтовых могильников, производственных мастерских.

В 1988–1990-х годах М.И. Гоняный проводил раскопки известных ранее городищ у деревень Колодези, Устье, Красные Буйцы. Результатами этих работ стало детальное изучение датировки, планировки, конструктивных особенностей крепостных сооружений, осуществление архитектурных реконструкций и изучение функционального назначения этой категории древнерусских памятников Куликова поля при участии архитектора А. В. Шишкова.

Другим типом древнерусских памятников, которые начали изучаться в 1980-е годы, стали грунтовые могильники Куликова поля. В 1983–1991 гг. М.И. Гоняный и археолог ГИМ Н.Г. Недошивина провели раскопки на могильниках в с. Монастырщина, у деревень Бутырки, Устье, Федоровка. Эти работы велись параллельно с масштабными раскопками на могильнике у д. Исаковские Выселки, где в 1989–1997 гг. обнаружено 564 погребения. Полевая документация и инвентарь, полученные в ходе работ, дали обширную информацию для обобщений в области погребального обряда

**М. И. Гоняный выступает на заседании ученого совета ГМЗ «Куликово поле»,
рядом А. В. Лаврентьев, 2014 г.**

и этнической принадлежности древнерусского населения Куликова поля.

При изучении территории отдельных селищ выявлены яркие следы сельского древнерусского ремесла – производства и обработки железа и гончарства. В 1980–1990-х годах М. И. Гоняный совместно с А. Н. Наумовым, Н. А. Кокориной, В. П. Гриценко и Р. В. Кляниным изучили объекты и сооружения ремесленных мастерских на селищах Монастырщина 5, Березовка 5, Вединец 1. Изучение объектов древнерусского ремесла продолжилось серией раскопок в 1996–2020 гг. на селищах Грязновка 2, Себино 2, 3, 8, 9, Колесовка 1, Горки 10.

М. И. Гоняный постоянно привлекал специалистов для изучения археологических памятников других эпох. Работы по изучению памятников эпохи каменного века на Куликовом поле вела Т. В. Наумова. Исследования поселений эпохи бронзы верховьев Дона в 1990–2000-х годах проводили архео-

логи Тульского областного краеведческого музея и ГИМ Ю. Г. Екимов и Е. И. Гак. Раскопки на позднесредневековых селищах, остатках епифанских казацких слобод XVI–XVII вв., в 1990–1996 гг. проводила экспедиция В. П. Гриценко.

В ходе работ на памятниках Куликова поля М. И. Гоняный и его соратники широко применяли геофизические изыскания, электроразведку, геологию, спутниковую геодезию, привлекали специалистов в областях карпологии, остеологии, териологии, металлографии, химии и других наук. Определялись закономерности ландшафтной приуроченности древнерусских селищ. С этой целью на более чем 250 памятниках XII–XIV вв. проведено археолого-географическое картографирование с привязкой к элементам рельефа.

Широкая программа исследований на древнерусских памятниках Куликова поля способствовала главной задаче – поиску находок и объектов Ма-

маева побища. В 1983–1984 гг. были организованы раскопки кургана в пойме р. Смолки, связываемого многими исследователями с событиями Куликовской битвы. В 1985 г. с целью поиска захоронений Куликовской битвы в с. Монастырщина у храма Рождества Богородицы и по высокому коренному берегу Дона была заложена серия поисковых траншей общей протяженностью 600 м. Проводилось археолого-геофизическое зондирование вокруг храма. Важным этапом в развитии наших представлений о месте сражения стало проведение большой комплексной многолетней работы по научной реконструкции исторического ландшафта поля битвы. Основной объем этих работ выполняли А. Л. Александровский, М. П. Гласко и С. А. Сычева.

Методика разведочных работ на памятниках археологии, апробированная М. И. Гоняным в 90-х годах XX в. на древнерусских памятниках, позволила сделать прорыв в области изучения территории поля Куликовской битвы. С 1995 г. уже 25 лет непрерывно ведутся целенаправленные поиски реликвий сражения с использованием металлодетекторов. Эти работы, начатые М. И. Гоняным, впоследствии продолжили экспедиции ГИМ и Государственного музея-заповедника «Куликово поле» под руководством О. В. Двуреченского и А. И. Крухмалея. В результате внушительной серии находок сражения (более 100 артефактов) уже к 625-й годовщине был локализован основной центр Куликовской битвы, районы наиболее ожесточенных стычек, пути преследования бегущих ордынцев. Активизировались поиски могильника русских воинов, павших в сражении.

Промежуточным итогом широкомасштабных археологических работ на Куликовом поле стала успешная защита Михаилом Ивановичем на кафедре археологии МГУ кандидатской диссертации «Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. района Куликова поля». Положения диссертационного исследования дополнены и конкретизированы в последующих коллективных монографиях о Куликовом поле середины 2000-х годов.

В последние десятилетия своих работ на Куликовом поле М. И. Гоняный сосредоточил усилия на изучении самого представительного памятника древнерусского периода в регионе – Устьинского археологического комплекса. Многократное обследование его территории позволило М. И. Гоняному выделить яркие и показательные серии древнерусских артефактов, наиболее полно представляющих материальную культуру населения Куликова поля XII–XIV вв. Параллельно исследовался раннеславянский слой комплекса.

В последние годы М. И. Гоняный выделил на Куликовом поле группу находок, датированных серединой – второй половиной XII в., что позволило ему сделать предварительный вывод о более раннем импульсе заселения этой территории. Пятисотлетний юбилей строительства Тульского кремля и Большой засечной черты побудил ученого вернуться к теме изучения неукрепленных слобод Епифанского острога XVI–XVII вв. Однако преждевременная смерть оборвала реализацию этих перспективных проектов.

Значение научной, музейной и организационной деятельности Михаила Ивановича Гоняного на Куликовом поле трудно переоценить. Сегодня по степени изученности и богатству фактологической базы Куликово поле является одним из самых представительных сельских регионов в славяно-русской археологии. Во многом благодаря М. И. Гоняному на месте средневековых сражений разработаны алгоритмы поисковых работ, впервые апробированные и успешно реализованные на Куликовом поле. Не случайно Михаила Ивановича называют первооткрывателем места Куликовской битвы.

Много и плодотворно занимаясь Куликовым полем, Михаил Иванович Гоняный никогда не забывал о своей малой родине. Родившийся и выросший в г. Подольске, Михаил Иванович на протяжении всей своей жизни не терял интереса к истории Подмосковья. Именно на изучение памятников археологии Подольского района М. И. Гоняный в 1981 г. получил первый в своей жизни открытый лист. Во время многолетних исследований в южном Подмосковье им выявлено и обследовано более 100 памятников археологии, среди которых были ранее неизвестные курганные группы, городища, каменоломни и множество поселений от эпохи бронзы до позднего Средневековья.

Результаты обширных исследований археолог опубликовал более чем в 50 статьях по вопросам, связанным с дьяковской культурой, с процессами славянской колонизации южного Подмосковья в IX–XIII вв., с проблематикой сельских поселений и погостов Подмосковья периода формирования Московского государства, с изучением исторических частей г. Подольска и Серпухова.

При проведении работ в Подмосковье М. И. Гоняный успешно использовал и совершенствовал различные методики, опробованные на Куликовом поле. Это позволяло уже на этапе разведочных исследований получить информацию о датировке, мощности, насыщенности и планиграфических особенностях культурного слоя памятников археологии. В Подмосковье и на Куликовом

М.И. Гоняный – участник международной научной конференции, посвященной 90-летию исследования памятников донских славян экспедицией ГАИМК, 2018 г.

поле Михаил Иванович успешно применял методику планшетного бурения на задернованных памятниках.

Разработав и применив основные методики поисковых исследований при изучении поля Куликовской битвы 1380 г., впоследствии он успешно использовал их при работах на других полях сражений более поздних эпох. Тем самым М.И. Гоняный стал родоначальником нового направления в российской археологии – военной археологии на полях сражений.

В 2004–2016 гг. М.И. Гоняный возглавил работы по проведению археологических исследований на территории Бородинского поля. Исследования проводились у руч. Огник и д. Псарёво, в результате чего вырисовалась убедительная картина серьезного боестолкновения французов с русскими частями в непосредственной близости от русских артиллерийских резервов. Одновременно велись археологические раскопки на Семёновских высотах и у д. Семёновское с целью поиска следов застройки начала XIX в. и артиллерийских укреплений, возведенных в 1812 г.

Масштабные поисковые работы осуществлялись возле батареи Раевского, около Багратионовых флешей, в окрестностях деревень Семёновское, Горки, Головино, Фомкино, Валуево, Шевардино, с. Бородино, на руч. Каменка, р. Воинке. При обследовании местности, прилегающей к Шевардинскому редуту, обнаружены следы маршрута французского 30-го линейного полка, выдвигавшегося к месту атаки на Центральную батарею. В Шевардинском парке и на курганной высоте раскопками найдены ружейные пули и детали военно-полевой фурнитуры, полностью изучена северная окраина манежа укрепления, обнаружены места установки орудий и зарядных ящиков во время сражения. Проводилась шурфовка склонов и археологические раскопки на батарее Раевского. В результате получены любопытные свидетельства, уточняющие события первой атаки французов на батарею Раевского, а также устройства укреплений. В 2013–2016 гг. велись работы по отработке и применению методики поиска братских могил на поле битвы возле Спасо-Бородинского монастыря и у батареи Раевского с помощью закладки буровых планшетов.

В течение 11 полевых сезонов экспедиция М.И. Гоняного обследовала территорию общей площадью 111 га. Впервые получен значительный комплекс предметов материальной культуры Нового времени, связанных со сражением и найденных *in situ*. Методика обнаружения, фиксации и интерпретации находок позволила локально воссоздавать геопространственные модели этапов Бородинского сражения. В отечественной науке это один из удачных опытов столь масштабных археологических работ на полях сражений.

Исследования на полях сражений Отечественной войны 1812 г. М.И. Гоняный продолжил на месте боев русской армии в районе Тарутинского лагеря. Здесь в 2009–2012 гг. локализованы места боестолкновений между русской и французской армиями в районе урочища Кашеево, деревень Чернишня, Петрово, Тетеринки, Гремячево, сел Спас-Купля и Рождественно. Поисковыми работами выявлены следы ожесточенных боев ноября – декабря 1941 г. на Нарском оборонительном рубеже. За годы работ на месте Тарутинского сражения экспедиция под руководством Михаила Ивановича обследовала 195 га, собрано более 5 тыс. находок, большая часть которых относилась к боевым действиям 3–18 октября 1812 г.

В 2009 г. экспедиция под руководством М.И. Гоняного начала работы на месте еще одного известного в отечественной истории сражения – Молодинской битвы 1572 г. Здесь по методике планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла обследовали участок площадью 2,3 га. Спустя восемь лет, в 2017–2019 гг., уже на комплексной основе М.И. Гоняный продолжил работы на поле этой битвы. Изучение предполагаемого места сражения включало в себя как поисковые работы, так и историко-географический анализ письменных источников, позволяющий локализовать упоминаемые в них топонимы.

С опорой на архивные материалы выявлено шесть памятников археологии, синхронных событиям 1572 г. Обнаруженные селища и грунтовый могильник «Погост Молоди» позволили надежно локализовать упомянутый в письменных источниках исторический ориентир битвы «у Воскресенья на Молодях» 1572 г. Всего за четыре года здесь обнаружено более 420 индивидуальных находок, соотносимых с Молодинской битвой.

Помимо научных исследований М.И. Гоняный вел активную работу в области сохранения

культурного наследия и развития музейного дела России.

Во многом благодаря неустанным заботам и организационным усилиям ученого на Куликовом поле в 1996 г. создано федеральное государственное учреждение культуры «Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», по праву вошедший в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Археолог стоял у истоков создания Историко-мемориального музея-заповедника «Подолье» и других музеев Подмоскovie.

Собранные коллекции (более 11 тыс. артефактов) легли в основу музея, обновленного к 200-летию Бородинского сражения. Результаты работ ученого экспонируются в Музее истории Отечественной войны 1812 г. на Манежной площади в Москве, Государственном историческом музее, Подольском краеведческом музее, музейной экспозиции «Сказание о Мамаевом побоище». Новое прочтение на Куликовом поле, многих музеях Тульской, Калужской и Московской областей.

Свыше 20 лет М.И. Гоняный являлся региональным археологом Министерства культуры Московской области, а с 2014 г. – аттестованным экспертом Государственной историко-культурной экспертизы. Археологические отряды под его руководством провели инвентаризацию нескольких сотен археологических объектов Подмоскovie. На памятниках проводился мониторинг технического состояния, детализация границ, научные и охранные раскопки. В 2019 г. научный коллектив под руководством М.И. Гоняного разработал учетную документацию по объекту культурного наследия «Достопримечательное место «Поле Молодинской битвы 1572 г.», поставленное на государственную охрану как выявленный объект культурного наследия Московской области.

Трудно в небольшом очерке осветить все стороны многогранной и активной работы Михаила Ивановича Гоняного на ниве науки и культуры России. Его смерть притормозила многие интересные и важные научные и музейные проекты. Но есть уверенность, что эти проекты и направления деятельности будут развиваться и далее. Залогом тому является внушительный задел, созданный ученым при его жизни. И главное, есть ученики, которые призваны продолжать дело своего учителя и наставника.

О. А. Брусенцов, Д. Б. Соловьев, Г. А. Шебанин,
Е. С. Шевяков, А. Н. Наумов

Публикации М. И. Гоняного¹

Александровский А. Л., Гласко М. П., Гоняный М. И., 1996. Ландшафты Куликова поля времени битвы по данным комплексных почвенно-археологических исследований // Тез. докл. отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.: ГИМ. С. 124–126.

Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2009. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождественно Одинцовского района Московской области // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 281–326.

Богомолов В. В., Гоняный М. И., Дедук А. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2011. Археологические исследования усадьбы второй половины XVII – начала XVIII века в деревне Фирино // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 331–365.

Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2012. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождественно // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 366–388.

Богомолов В. В., Брусенцов О. А., Володин Е. О., Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2016. Раскопки средневекового селища Боброво 2 // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 173–205.

Булынкин С. Н., Гоняный М. И., Ковалевский В. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2008. Средневековое селище Захарово 1 на реке Беляна // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 242–266.

Гак Е. И., Гоняный М. И., 2007. Многослойное поселение Подол 1 в исторической части города Подольска: результаты исследований и интерпретации материалов // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 9–19.

Гоняный М. И., 1993. К вопросу о динамике заселения района Куликова поля древнерусским населением в XII–XIV вв. // Археология и история Юго-Востока Древней Руси / Ред. М. В. Цыбин, А. Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ. С. 74–76.

Гоняный М. И., 1999. Археологические памятники начала славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сб. памяти Марии Васильевны Фехнер. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 111). С. 128–146.

Гоняный М. И., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV вв. района Куликова поля: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. М.

Гоняный М. И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 150). С. 95–162.

Гоняный М. И., 2005. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука. С. 85–100.

Гоняный М. И., 2005. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. в нижнем течении р. Мокрая Табола на Куликовом поле // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли. С. 361–396.

Гоняный М. И., 2009. Методика комплексных разведочных археологических исследований на средневековых селищах в Подмосковье // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 23–42.

Гоняный М. И., 2011. Следы ювелирной мастерской XIV в. на Устьинском археологическом комплексе в районе Куликова поля // Золотоордынское наследие. Матер. Второй междунар. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Вып. 2. Казань: Фолиант. С. 279–295.

Гоняный М. И., 2014. Находки вятического круга древностей конца XII–XIII вв. на сельских археологических памятниках бассейна верховьев Дона // Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 198). С. 65–91.

Гоняный М. И., 2017. Предварительные итоги археологических разведок с использованием детекторов металла на Устьинском археологическом комплексе на Куликовом поле // Тр. V (XXI) ВАС. Т. II. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 165–170.

¹ Это не полный список публикаций М. И. Гоняного. Здесь представлены работы, связанные тематикой с названными в тексте работами, и все статьи из выпусков «Археология Подмосковья. Материалы научного семинара».

Гоняный М. И., 2020. Предварительные результаты археологических исследований на селище IX – начала X века Устье 2 в верховьях Дона // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья. Матер. Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Анны Николаевны Москаленко (1918–1981) и 90-летию исследования памятников донских славян экспедицией ГАИМК 24–26 октября 2018. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 32–61.

Гоняный М. И., Александровский А. Л., Гласко М. П., 2007. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М.: ГИМ. 207 с. с илл.

Гоняный М. И., Аносов Д. В., 2019. Новые материалы об археологических памятниках в с. Беседы под Москвой // De mare ad mare: Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н. А. Кренке. М.; Смоленск: Свиток, 2017. С. 194–234.

Гоняный М. И., Гриценко В. П., 1996. Древнерусское поселение второй половины XIII в. Березовка 5 на р. Непрядва // Тез. докл. отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.: ГИМ. С. 88–91.

Гоняный М. И., Гриценко В. П., 1997. Куликово поле в XII–XVII вв. // Краеведческие чтения, посвященные 220-летию образования Тульской губернии: Сб. тез. докл., 18–19 дек. 1997 г. Тула: Гриф и К°. С. 18–20.

Гоняный М. И., Гриценко В. П., 1997. Памятники археологии XVI–XVII вв. Куликова поля // Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого. Материалы. Вып. 1. Тула: Гос. музей-заповедник ГМЗ «Куликово поле». С. 64–66.

Гоняный М. И., Гриценко В. П., 2000. Поселение второй половины XII – начала XIV в. Березовка-5 на Куликовом поле // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия: Тр. науч.-практич. конф. Тула: Тульский полиграфист. С. 144–165.

Гоняный М. И., Гриценко В. П., Зайцев А. К., 1999. Задачи сохранения и использования археологического наследия Куликова поля // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. М. – Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 27–33.

Гоняный М. И., Двуреченский О. В., 2013. История и некоторые методические подходы археологического изучения Бородинского сражения // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино 1812–2012: Матер. междунар. науч. конф., 3–7 сентября 2012 г. / Сост. А. В. Горбунов. Можайск. С. 333–350.

Гоняный М. И., Двуреченский О. В., 2014. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XII – последней трети XIV вв., происходящий с территорий поселений древнерусского и золотоордынского периодов, расположенных в верховьях Дона // Военная археология. Сб. матер. Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 3. М.: МедиаМир; Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 102–146.

Гоняный М. И., Дедук А. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2019. К вопросу о топографии позднесредневековых погостов Подмосковья // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 353–364.

Гоняный М. И., Заидов О. Н., 1991. Древнерусские грунтовые могильники XII–XIV вв. верхнедонского региона // Археология и история Юго-Востока Руси: Сб. тез. конф. Курск: Курский обл. краев. музей. С. 29–30.

Гоняный М. И., Зайцев А. К., 1990. Предварительные итоги и задачи изучения древнерусских памятников районов Куликова поля // VI Междунар. конгресс славянской археологии, г. Прилеп, Югославия, 1990 г.: Тез. докл., подгот. советскими исследователями. М.: Наука. С. 147–150.

Гоняный М. И., Зайцев А. К., Александровский А. Л., Гласко М. П., Янович Я. Д., 1997. Проблемы музейфикации и разработки зон охраны Куликова поля в свете междисциплинарных исследований // Археологический фактор в планировочной организации территории: Материалы семинара. М.: РНИИ культур. и природ. наследия. С. 120–145.

Гоняный М. И., Зайцев А. К., Маркина Е. Д., Фоломеев Б. А., 1985. Куликово поле и его археологические памятники // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М.: ИА РАН. С. 49–50.

Гоняный М. И., Кац М. Я., Наумов А. Н., 2000. Опыт разведочных археолого-геофизических исследований на древнерусских поселениях конца XII – середины XIV вв. района Куликова поля // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? Тез. докл. междунар. науч. конф. М.: ИА РАН. С. 25–28.

Гоняный М. И., Кац М. Я., Наумов А. Н., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XIII – третьей четверти XIV вв. в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке: древности Темного времени. М.: Наука. С. 228–252.

Гоняный М. И., Клянин Р. В., 1991. Древнерусские поселения в верховьях р. Смолки на Куликовом поле // Елец и его окрестности: тез. науч. конф., посвященной Международному дню памятников и исторических мест. Елец: Елецкий гос. ун-т. С. 116–117.

Гоняный М. И., Кокорина А. Б., Свирина А. Б., 1993. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Средневековые древности Восточной Европы / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 82). С. 143–160.

Гоняный М. И., Кренке Н. А., 1988. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры в Подмоскowie // СА. № 3. С. 54–62.

Гоняный М. И., Наумов А. Н., 1992. К вопросу об изучении поселения XII–XIV вв. Монастырщина 5 // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Сб. тез. конф. Липецк: Липецкий госпединститут. С. 206–208.

Гоняный М. И., Наумов А. Н., 1994. Исследование древнерусских памятников в районе Куликова поля и в Ясногорском районе Тульской области // АО 1993 года. М.

Гоняный М. И., Наумов А. Н., 1996. Metallургический комплекс XIV в. на поселении Монастырщина-5 на Куликовом поле // Тез. докл. отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.: ГИМ. С. 86–87.

Гоняный М. И., Недошивина Н. Г., 1991. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. № 1. С. 246–254.

Гоняный М. И., Пуцко В. Г., 2009. Находка креста-энколпиона XIII в. на Чур-Михайловском (Архангельском) археологическом комплексе // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород – СПб. – М. С. 199–204.

Гоняный М. И., Сарачева Т. Г., 2020. Химический состав металла нательных крестов из поселений Устье 2, 3 на Куликовом поле // «На одно крыло – серебряная, на другое – золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Кишинэу: Stratum Plus. С. 369–380.

Гоняный М. И., Сарачева Т. Г., 2020. «Только у молодца и золотца, что пуговка оловца»: средневековые изделия из легкоплавких сплавов с территории Устьянского археологического комплекса на Куликовом поле // АП. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 162–201.

Гоняный М. И., Соловьев Д. Б., 2020. Батарея Раевского как артиллерийская позиция // Отечественная война 1812 года и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Источники. Памятники. Проблемы: Матер. XXIII Междунар. науч. конф., 3–5 сентября 2019 г. Бородино. С. 179–188.

Гоняный М. И., Фатков А. М., Шебанин Г. А., 2017. Детализация границ средневекового селища Львовский 1 в Подмоскowie по методике планшетного бурения // Тр. V (XXI) ВАС в Барнауле – Белокурихе: сборник научных статей. Т. III. Барнаул: Изд. Алтайского гос. ун-та, С. 172–175.

Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2005. Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово 1 в Истринском районе Московской области // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 184–210.

Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2010. Средневековое поселение у д. Большое Саврасово в Ленинском районе Московской области // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 164–179.

Гоняный М. И., Шеков А. В., 1996. Древнерусское гумно середины XIV в. в верховьях р. Вединец на Куликовом поле // Тез. докл. отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.: ГИМ. С. 91–93.

Гоняный М. И., Шишков А. В., 1991. К вопросу о древнерусских городищах XII–XIII вв. бассейна Верхнего Дона // Археология и история Юго-Востока Руси: Сб. тез. конф. Курск: Курский обл. краев. музей. С. 31–33.

Сарычева Т. Г., Гоняный М. И., Аносов Д. В., 2019. Химико-технологическое исследование изделий из цветных металлов, обнаруженных на археологических памятниках в селе Беседы под Москвой // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 126–144.

Фоломеев Б. А., Александровский А. Л., Гласко М. П., Гоняный М. И., Гуман М. А., 1990. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы // Куликово поле: Материалы и исследования. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 73). С. 10–53.

Шебанин Г. А., Богомоллов В. В., Володин Е. О., Гоняный М. И., Шеков А. В., Фатков А. М., 2017. Селище Львовский 1 // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19). С. 226–231.

**Александр Васильевич Трусов
(1951–2020)**

**Душа его рвалась в палеолит...
Памяти Александра Васильевича Трусова**

После тяжелой болезни 21 декабря 2020 г. в возрасте 69 лет скончался Александр Васильевич Трусов – неутомимый талантливый исследователь, посвятивший всю свою жизнь поиску и изучению палеолитических памятников Русской равнины. Обрвалась жизнь человека, не снискавшего высоких званий, но беззаветно служившего науке и бесконечно преданного ей.

Он родился 11 апреля 1951 г. в Москве. Интерес к археологии проявился уже в школьные годы. Его первым «университетом» стал кружок во Дворце пионеров на Ленинских горах, который он начал посещать с 13-летнего возраста. «Отцом-наставником» в нем был Ростислав Леонидович Розенфельдт, давший путевку в жизнь многим впоследствии известным археологам – Е. М. Беспрозванному, М. Г. Гусакову, В. И. Кулакову, А. Е. Леонтьеву, Г. Н. Пронину, А. С. Смирнову, Л. Т. Яблонскому и др. Вместе с ними уже в 1965 г. Саша впервые побывал на раскопках подмосковного го-

родища дьяковской культуры Сетунь и славянских курганов. В 1966 г. ему посчастливилось поехать на раскопки летописного городища Старая Рязань, которые велись под руководством А. Л. Монгайта. Любопытный школьник изводил вопросы о черепках все тогдашнее экспедиционное начальство, пока кто-то не сообразил переключить его интерес на старожилы села Шатрищи. Наслушавшись их баек «об оснащении золотыми доспехами белом слоне Наполеона», якобы зарытом при отступлении французов из Москвы в одном из местных оврагов, Саша подбил несколько школьников, и в свободное от раскопок городища время они в поисках клада пунктуально прочесали все окрестные балки. Ко всеобщему удивлению, на одном из обнажений им вскоре посчастливилось обнаружить череп и кости мамонта, которые до сих пор хранятся в фондах Спасского краеведческого музея. Череп с бивнями диковинного зверя произвел такое сильное впечатление на юное во-

ображение, что, судя по всему, и спровоцировало его «заболевание палеолитом». С тех пор, в отличие от других сверстников-кружковцев, любителей «понятных древностей», Александра влек древний каменный век – палеолит. То связанное с ним неизвестное и таинственное, где бивни мамонта и кости шерстистого носорога прячутся в толще лессовых напластований, перекрытых многометровым балластом, где в маленьком, едва заметном углистом пятнышке некогда затерялся изящный кремневый наконечник с боковой выемкой, а в ямке, прикрытой плоским валуном или лопаткой, затаилась статуэтка первобытной Венеры. И тот ни с чем неповторимый миг соприкосновения с прошлым, когда восторг открытия перехватывает дыхание и ты забываешь об отвалах перелопаченной земли, ноющей поясице, терпком запахе пота, гнусе, слепнях и вообще всей кровососушей дряни.

Тем не менее путь в профессию не был ни кратким, ни легким: он рано лишился родителей, никаких родных поблизости тоже не было, поэтому заботу о хлебе насущном переложить было не на кого. Он знал, что профессии археолога нужно учиться, но дневная форма обучения была не для него. Надо было как-то совмещать обретение знаний с работой и осваивать все, начиная с азав. Чтобы выжить, пришлось постигать мастерство каменщика, быть лаборантом кафедры английского языка, разнорабочим в хозяйственном отделе Института археологии АН СССР, полотором Московского областного краеведческого музея, инструктором противопожарной безопасности Ленинградского государственного музея театрального и музыкального искусства, художником-реставратором Государственного исторического музея, лаборантом лаборатории абсолютного возраста и геохимии стабильных изотопов Геологического института АН СССР и, наконец, вновь каменщиком, правда, уже 4-го разряда, Специальной экспериментальной научно-реставрационной производственной мастерской. Временами удавалось устроиться на работу по договорам в Институт археологии – старшим лаборантом Северной палеолитической (руководитель – О.Н. Бадер), Верхневолжской (начальник – Д.А. Крайнов) и Московской (К.А. Смирнов) экспедиций, в которые, за отсутствием постоянных круглогодичных ставок, он устраивался на лето – осень, чтобы дольше бывать в поле. Пытался он себя реализовать и в качестве лаборанта и научного сотрудника Музея-заповедника «Коломенское», Ново-Иерусалимского и Звенигородского музеев. Дольше всего, однако, он задержался на должности старшего археолога Управления

государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы (1989–1993 гг.), но она, хоть и неплохо кормила в те нелегкие для всех годы, была явно не по душе. Палочкой-выручалочкой все это время были поездки летом в экспедиции – в Капову пещеру и на Сунгирь к О.Н. Бадеру, на Маслово болото, Тростенское, Круглое и Нерское озера к В.В. Сидорову, на Старую Рязань к В.П. Даркевичу и А.В. Чернецову. Успел он съездить и с геологической партией на Камчатку. Продолжалось, хоть и затянувшись, его обучение на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1973–1981 гг.). Темой дипломной работы стал «Поздний мезолит и ранний неолит озер Круглое, Долгое, Нерское в верховьях реки Клязьмы», материалы для которой были добыты самим дипломником. Правда, оценка «хорошо» свидетельствует, что особого усердия ни к учебе, ни к защищаемой теме он все же не прикладывал. Полевая работа привлекала гораздо больше.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. его все более влечет к себе плейстоцен. Немаловажную роль в смене парадигмы сыграли открытия верхнепалеолитических стоянок Шатрицы (1979) и Зарайской (1980) и их последующие раскопки. Результатом стало прикрепление А.В. Трусова к отделу неолита и бронзы ИА АН СССР в качестве соискателя ученой степени кандидата исторических наук сроком с 1988 по 1992 г. Тема его диссертационного исследования была сформулирована как «Палеолит бассейна Средней Оки» (научный руководитель – С.В. Ошибкина). Однако ее успешному завершению помешала казенная служба в Управлении по охране памятников, отрывавшая много времени и сил от научной работы. А в 1994 г. сбылась наконец давняя мечта и он стал сотрудником отдела каменного века Института археологии РАН. В этот период (1994–1998 гг.) А.В. Трусов активно трудился над рукописью «Палеолит бассейна Оки», которая позже была издана в виде монографии (2011 г.). Казалось бы, самое время ему было развернуться по всему фронту – и на научном, и на полевом поприщах, но эйфория опять продлилась недолго: утомляли бесконечные административные отчеты, выполнение плановых заданий, которые нужно было сдавать к определенному сроку, да и командная экспедиционная работа оказалась не в меру обременительной. В результате долгих раздумий в 1998 г. Александр Васильевич принимает нелегкое решение обрести «спокойную гавань» и переходит на должность старшего научного сотрудника в сектор «Древняя и сред-

невековая Москва» в Музее Москвы. Судя по всему, свою роковую роль в этом выборе сыграли, при всей присущей ему неуверенности в себе, упрямство и упертость в том, что свое дело надо делать самому, не обременяя других. В секторе археологии Музея Москвы он и работал вплоть до своей кончины. Это было время его наиболее плодотворной деятельности: выходят в свет три монографии, первая из них коллективная, где Трусовым написана глава, в которой рассматриваются материалы памятников финального палеолита (2009), вторая посвящена итогам исследований палеолитических памятников Оки в целом (2011), и, наконец, в третьей предметно обсуждаются результаты авторских раскопок Зарайской стоянки (2014). Этими книгами, значимость которых сложно переоценить, был впервые подведен итог более чем столетней истории изучения окских позднелепесточных древностей.

И все-таки он вошел в историографию отечественной археологии прежде всего в качестве удачливого разведчика. Как и многие археологи-профессионалы, он не мыслил своей жизни без ежегодных экспедиций. Его неутомимая полевая деятельность началась еще в студенческие годы. В 1975 г. в ходе своей первой самостоятельной разведки по Великим Мещерским озерам он помимо прочего находит многослойную стоянку Шагара 1. Этот памятник уже более 40 лет исследуется экспедицией Государственного исторического музея под руководством Е. Д. Каверзневой и принес ряд сенсационных находок. Наиболее значимые из них характеризуют древности волосовской культуры. А чуть позже (1977) он вернулся в окрестности Старой Рязани и нашел-таки в знакомой ему с детства балке верхнепалеолитическую стоянку Шатрищи 1. Потом были Польное-Ялтуново, Золотариха, Карачарово, Зарайск, Трегубово, Ростиславль и многие-многие другие. А. В. Трусов щедро раздаривал другим исследователям свои открытия: так было с Шагарой 1, Зарайской стоянкой, да и большинством других памятников. На недоуменные вопросы коллег, зачем ему это, он неизменно отвечал: «На мой век хватит, а одному мне с ними все равно не справиться».

Поиск памятников палеолита был самой главной целью жизни Александра Васильевича. В сборе исходной информации он с присущим ему буквоедством изучал дневники, штудировал отчеты и разнообразные, особенно периферийные, издания, выискивая в них любые упоминания о находках мамонтовой фауны и камней палеолитического облика. Пунктуально заполнял карточки

и составлял каталог распределения остатков, объезжал районные и областные музеи, опрашивал местных жителей о находках странных предметов и никогда не ленился осматривать все гипотетические места. Его медлительность и занудство в ряде случаев давали положительные результаты, и ему нередко удавалось локализовать точное расположение памятников. А где артефактов не было или в шурфах заканчивались, как он говорил, «кремушки», где с появлением явного материка интерес большинства полевых исследователей обычно иссякает, он продолжал копать и зарываться «до скалы». Не раз это приносило весомые плоды – и в Шатрищах, и в Золотарихе, и в Польном-Ялтуново, да и в других местах. Научное чутье и внимание к деталям, невнятным сообщениям старожилов, неопределенным упоминаниям в пожелтевших отчетах и рассыпающихся публикациях, включая дореволюционные, а также невероятное упорство в процессе проверки скудных, порой противоречивых данных, которое неизменно проявлял Александр Васильевич, и позволяли ему открывать памятники там, где, казалось бы, ничего нет. Он проявлял напористость в повторном обследовании того, что было некогда обнаружено и оставлено за ненадобностью другими, что нимало не предвещало в перспективе сколько-нибудь значимых открытий, и в результате его усилий совершалось маленькое чудо – земля раскрывала свои тайны и делилась с ним тем, что таила от других. Недаром с некоторых пор, перефразируя известные слова столпа отечественной археологии В. А. Городцова, стали восклицать: «Палеолита нет там, куда еще Трусов не добрался!»

Неудивительно, что он первым откликнулся на сообщение сотрудницы (а ныне главного хранителя) музея в г. Зарайске Л. И. Максимовой о находках крупных костей и расщепленных кремней, вымываемых весной около кремля, и в результате в 1980 г. открыл теперь всемирно известную Зарайскую стоянку. С Зарайским районом Московской области и непосредственно с названным памятником связан значительный отрезок пути становления А. В. Трусова в качестве исследователя палеолита. Раскопки в Зарайске он вел в 1980, 1982, 1983, 1989, 1990, 1994 и 1995 гг., их результаты опубликованы в серии статей и двух монографиях (Трусов, 2011, 2014). В них он отразил свое видение памятника и связанной с ним проблематики. К сожалению, их издание было осуществлено по прошествии почти 20 лет с момента окончания раскопок, поэтому в ряде случаев была утрачена свежесть наблюдений. Не все прозвучавшие

в текстах заключения с позиций современного этапа исследований выглядят строго обоснованными, однако главный вывод о значимости стоянки и принадлежности ее материалов к костенковско-авдеевской культуре сомнений не вызывает. Более того, в публикациях Александра Васильевича можно найти упоминания о перспективных для раскопок местах, которые впоследствии нашли свое подтверждение. Например, он пишет об одном из участков, где в ходе его шурфовки в перемещенных отложениях было встречено множество кремневых изделий: «Остается сожалеть, что в свое время я не нашел средств для закладки здесь (к юго-западу от Караульной башни кремля, за западной стеной) еще одного раскопа. Во всяком случае, тут можно прогнозировать наличие еще одной жилой площадки» (Трусов, 2014). И действительно, в 2016 г. при проведении охранных работ, но уже внутри кремля, были найдены две новые жилые площадки с непотревоженным культурным слоем, раскопки которых ведутся и по сей день.

Нельзя сказать, что все в поисках было непротиворечиво и гладко. Были и явные неудачи: Дядьково, Карачарово, Спасский затон, Ясаково, Заозерье, Григорово... Но горечь провалов, к счастью, забывается, уходит, и постепенно ее перевешивают несомненные успехи. Особый вклад кроме Зарайска и Шатрищ в центре Русской равнины и Медвежьих пещер на Южном Урале А. В. Трусов внес открытием целого ряда окских памятников поздней поры верхнего палеолита, в том числе стоянок Клушино 1, Колтово 7, Куково 3, Трегубово 2, Умрышенка 3 и др.

Материалов финально-плейстоценового возраста в бассейне Оки, да и на прилегающих территориях, до сих пор известно немного. К глубокому сожалению, большая их часть представлена сборами с поверхности или изделиями, залегающими в переотложенном состоянии, она не очень информативна в целом и практически бесперспективна в естественнонаучном плане. Однако изыскания Александра Васильевича на средневековом летописном городище Ростиславль, где в пахотном слое и выбросах позднейших ям эпизодически попадались кремневые артефакты, увенчались несомненным успехом. Под распахкой XX в., на площадке городища, в чудом сохранившихся остатках почвенного горизонта, не затронутого жителями средневекового города, А. В. Трусов обнаружил следы базовой стоянки, время бытования которой им было отнесено к самому рубежу плейстоцена – голоцена. Этот исторический отрезок недаром называют «самым темным веком» изучаемого

региона. Другой геоархеологический объект того же возраста он обнаружил уже за пределами городища, на крайне неудобном участке местности, где по всем приметам быть ничего не могло. Но он упрямо искал и нашел в криотурбированной солифлюкцией погребенной почве расщепленный кремль. По этому памятнику, названному им Ростиславль 2, который он исследовал последние пять лет, уже были получены данные целого ряда естественнонаучных анализов, систематизированы и отрисованы каменные изделия, готовилось монографическое издание материалов. В нелегком для полевых изысканий 2020 г. коллекция пополнилась новыми неординарными находками, но Александру Васильевичу уже не суждено было обсудить добытое с большим трудом с нами... И тем не менее «самый темный век» стал благодаря его изысканиям более осязаемым и предметным.

Нельзя не упомянуть и еще одно несомненное дарование Александра Васильевича. Рисование каменных изделий – атрибут, подвластный далеко не всем археологам. Технике рисования обучают в археологических кружках и в вузах, но не каждый археолог-профессионал ее в конечном счете осваивает. А. В. Трусов владел этим искусством в совершенстве. Сравнивая порою его рисунок и сам артефакт, невольно поражаешься не столько технической грамотности в точности передачи скелов, всей фактуры материала – это доступно многим, порой даже студентам-археологам, но и тому, как им оттенялось смысловое содержание предмета, который буквально оживал, без малейшего преувеличения, одушевлялся. Прежде всего это относится к тем артефактам, которые датируются оледованием – зарей камнеобработки, когда далекие предки только-только приняли вертикальное положение, стали пытаться осваивать орудийную деятельность и начинали свое эволюционное восхождение к человеку разумному.

Многие шутили над Сашинной медлительностью, порой нерешительностью, и одновременно удивлялись его деликатности, боязни обидеть резким словом кого бы то ни было. На раскопках Старой Рязани был такой случай. В раскопе, где профиль был выровнен скальпелем с помощью уровня до состояния идеальной вертикали, Трусов увидел, что практикантка, расчищавшая небольшую косточку, уперлась в драгоценный профиль ногами в кедах, и закричал: «Марина, уберите ноги», но тут же спохватился, решив, что был безмерно груб, и без паузы уже совсем другим, извиняющимся тоном выдохнул: «Вам же неудобно». С тех пор сотрудники Старорязанской экспедиции часто при

каких-то косяках студентов-практикантов (хождении по бровкам, прыжках с борта в раскоп и пр.) повторяют: «Не прыгайте», «слезьте», «обойдите», добавляя вслед тихим ровным и всегда вежливым (но с ехидной, угрожающей интонацией) голосом: «Вам же неудобно».

Все, кто когда-либо общался с Александром Васильевичем, помимо высокого профессионализма отмечали его спокойный, уравновешенный, добрый характер и заботливое отношение к окружающим. Чуть грустные и беззлобно-шутливые «рассказки», которые писал этот «угрюмчик», доставили всем нам немало веселых минут. А некоторые сказанные им во время раскопок фразы, подобные упомянутой выше, стали крылатыми.

Отечественная археология потеряла в лице Александра Васильевича Трусова пытливого уче-

ного, высококлассного специалиста, удачливого поисковика, который своим незаметным, бескорыстным, но чрезвычайно важным трудом служил науке. Его печатное наследие не очень велико, тем не менее опубликованные им данные будут, без сомнения, востребованы еще не одним поколением исследователей каменного века России.

Авторы искренне благодарят всех, кто поделился своими воспоминаниями, за помощь в работе над библиографией и за предоставленные фотоматериалы: Н.В. Александрову, Е.М. Беспозванного, Е.В. Буланкину, С.А. Володина, С.В. Гусева, В.Л. Державина, В.С. Житенёва, В.И. Завьялова, Е.Д. Каверзневу, А.Р. Канторовича, Е.В. Леонову, Н.В. Мартынову, Г.Н. Пронина, В.В. Сидорова, М.Ф. Третьякова и М.Н. Фурсова.

*Сорокин А.Н., Коваль В.Ю., Лев С.Ю.,
Святицкая Е.Н., Энговатова А.В.*

Роман с палеолитом

Рассказывал как-то Ростик – Ростиславу Леонидовичу Розенфельду – о делах экспедиции в пожарном 1972 г., упомянул наше главное приобретение – Сашу Трусова, который входил в его кружок с 15 лет. «А! Молочко-о-о!» – и Ростик изобразил смущенную улыбку Трусова. Это было Сашиным прозвищем в Рязанской экспедиции: так он радовался полевой кружке молока на перекусе.

А запомнить его нетрудно: похожего на него не существует. Упрямый и упертый, что и обеспечивало успех дела при всей Сашиней неуверенности в себе. Он упрямо делал все сам, с особой, свойственной ему тщательностью, предупреждая помощь коллег и друзей.

Там, на раскопках Старой Рязани, у него начался роман с палеолитом. Он лазил по обрывам и оврагам, заглядывал в разрытия. В Шатрище, на краю Старой Рязани, коммунальщики вели какие-то работы, и в траншее попался бивень. Археологов он не взволновал: не по теме, покупать его не стали. А вот странный парнишка пошел на это. За бутылку удалось узнать место, где сделали находку, выкупить у работяг сам бивень. Сверхплановые шурфы до трех метров глубиной – это же территория памятника! – Саша копал в одиночку. Небольшая, скромная, но настоящая стоянка проявилась. И уже зарождался разведчик палеолита, к которому потом памятники сами шли.

Смерть матери и одиночество, служба в армии и работа столяром. Не обученный, но все умеющий, рукастый – перфекционист! Прикрепился (рукастые всюду нужны) к Музею истории и реконструкции Москвы (МИРМ) – лазить по разрытиям. Равнодушный к быту, но строгий к себе, пускающийся в эксперименты над собой. Через них он пытался найти понимание тех, кого исследовал...

И начался университет, хоть и вечерний, но как раз вечерние не бывают случайными.

Опыт найденной стоянки побудил его поставить себе задачу, пусть не оригинальную (ее еще О. Бадер ставил): проверить точки находок фауны, раз она первой в глаза бросается, нет ли тут же и артефактов – их труднее увидеть. Точек с фауной встречалось много, но мало какие из них были доступны. В итоге все они вошли в «Палеолит Оки». Это опять километры траншей и береговых обрывов (в ту пору разведка не предшествовала стройке, а велась параллельно, выявляя обрывки памятников, или проводилась попутно с раскопками). Кость оказалась недостаточно надежным источником. Большинство памятников финала палеолита оказались без кости. А искать палеолит шурфами в одиночку? Это какие же кубометры перелопачивать!

И Трусов выбирает другую тактику. Экспедиций много, вот и пусть во всех шурфах определя-

ется перспективность с точки зрения палеорельефа, пусть археологи повнимательнее относятся к камешкам, не ограничиваясь почвенной толщей.

В Московском областном музее была возможность иметь дело с памятниками: где рушат, туда и бежать! Пожары 1972 г. обнажили на торфяниках и противопожарных срезах новые памятники, но фиксировать их было некому. А тут обученный кадр и инициативный! Пока я спасал стоянку «Маслово Болото 7», оказавшуюся на дачной тропе, Трусов среди обширного выгоревшего торфяного поля нашел такую же раскрывшуюся от пожара стоянку «Луково Озеро 1» – в один дом, под которой материковый торф не выгорел, то есть план явлен был вне раскопок. Это была цепочка из четырех песчаных насыпей очагов, под песком постелены листы бересты. Все очаги окружены плотным кольцом развалов сосудов. И все чиненые: в них готовили пищу. Материковый торф уцелел. При этом на всей площади дома не нашлось ни одного столба! Случай не единственный.

Эта публикация была посвящена первому чистому и однослойному льяловскому жилищу. Студент-исследователь имел возможность проделать цикл обработки памятника полностью самостоятельно, набрав в свой отряд друзей (там был его сокурсник В. Завьялов). Дома он развернул камеральную мастерскую, и вставляли красавцы – льяловские сосуды, любовно реставрированные. А его рисунки кремня отличались, на мой взгляд, непревзойденной красотой и точностью. Он стал работать в Московском областном музее, часто оставаясь ночевать в нашей келье, где была хоть и маленькая, но настоящая русская печь с коротковатой для рослого Трусова лежанкой.

Район работ определялся возможностью отряду добраться в выходные общественным транспортом, объем работы – сроками: надо было укладываться в два дня. Большого раскопа не размахнешь, незаконченным не оставишь: дачники вытопчут. Новым участком стало озеро Круглое в верховьях Клязьмы. Здесь маленькая речка Альба между озерами, и место ее впадения в озеро оказались плотной гроздью памятников иеневских, залегавших в лёссе на склонах моренных холмов, бутовских на озерных террасах у их подножья, а на речных террасах – неолитические стоянки. На одной из них, весьма насыщенной кремнем, оказалось фатьяновское погребение – копия, в том числе по сосуду, погребения № 4 на Тростенском

могильнике, на расстоянии 70 км. Все эти памятники оказались, как и памятники Маслова болота, в дальнейшем жертвами диких российских представлений о дачной собственности.

Незаконченность исследований, которые велись Трусовым фактически на общественных началах, помешала публикации. Полные раскопки бедных кратковременных неолитических стоянок «Альба 7, 8», которым повезло попасть на территорию землеотвода, никак их не заменяют.

Археологическая работа в музее после 1976 г. начала свертываться в связи с изменением его статуса. Он стал еще и архитектурным заповедником. Экспозицию свернули, а основная деятельность свелась к изготовлению бессмысленных карточек. Трусов ушел в Звенигородский музей, прихватив туда индивидуальные находки памятников группы Альба. Но районный уровень этого музея не давал возможности искать палеолит, который не признает административных границ. Неприемлем для Трусова был и принцип исключения из коллекций массового материала, принятый в этом музее. Воевать с ним он не стал. Главная беда Трусова – противостоять административному прижиму он не мог. Просто уходил.

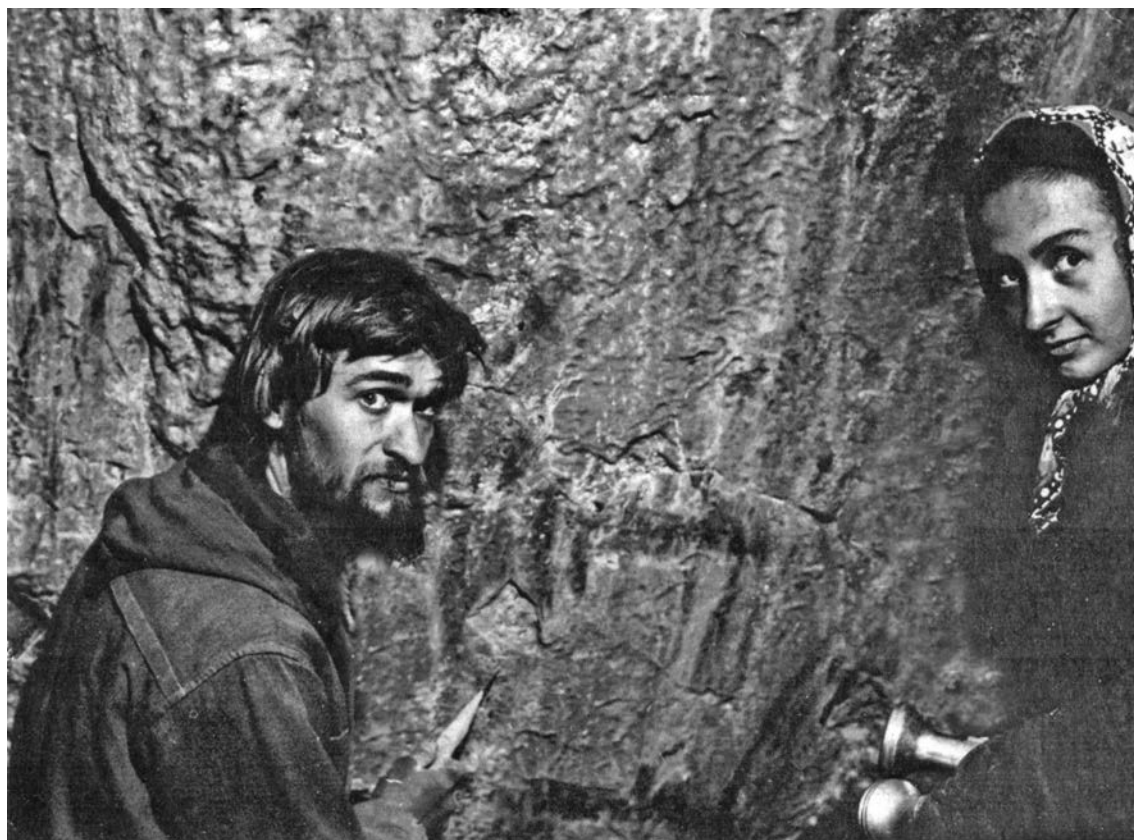
Но уже сложился дружный отряд на базе Музея истории Москвы, готовый с минимальным договором кинуться под руководством Трусова на раскопки любого памятника. Это была их жизнь, их социальная роль. Среда этого музея в конце 1970-х оказалась наиболее благоприятной для него.

Таким договором, позволяющим экспедиции быть (она хоть как-то кормила!), стали поиски мощей Евфросиньи Зарайской. Для раскопок монастырского кладбища такая экспедиция – авантюра. Но когда экспедиция прибыла на место, на нее свалилась настоящая срочная работа. Водопродная траншея у ворот Зарайского кремля врезалась в культурный слой с тысячами кремней при отличной сохранности мамонтовой фауны. Отряд захватил траншею и оборонял ее в течение месяца. Удерживал плацдарм, на котором затем развернулась работа разносторонне сложной экспедиции.

Больше великих стоянок не попадалось. Но участие в новостроечных экспедициях подтверждало поговорку «где палеолита нет, туда еще Трусова не пригласили». Памятники получались серией чистые, с жилищными пятнами, правда, без фауны: Ростиславль, Льялово, Настасьино, Умрышенка. Что-то, может быть, новое они пытались сказать Трусову?..

На Шагре 1 с В. Окорочевым, 1975 г.

С Н. В. Александровой в Каповой пещере, 1976 г.

Отдел каменного века ИА РАН. Сидят (слева направо): Е. В. Леонова, М. П. Зими́на, С. В. Ошибкина, М. В. Александрова, Е. В. Булочникова; стоят (слева направо): А. В. Трусов, А. Б. Селезнев, К. Н. Гаврилов, Л. В. Кольцов, Х. А. Ами́рханов, В. Я. Серге́н, С. Ю. Лев, М. Г. Жилин, 1995 г.

А. В. Трусов

В Музее Москвы, 2002 г.

Обряд посвящения в археологи
в Ростиславльской экспедиции, 2005 г.

В разведке, 2012 г.

Разведочный шурф, 2012 г.

Ясаково, 2014 г.

Раскоп в Ростиславле, 2015 г.

За работой. В отделе археологии Музея Москвы, 2020 г.

Список печатных работ А. В. Трусова

1. Фролов А. С., Трусов А. В., Сорокин А. Н., 1976. Разведки в Мещере // АО 1975 года. М.: Наука. С. 94–95.
2. Фоломеев Б. А., Сорокин А. Н., Стогов В. Е., Трусов А. В., Фролов А. С., Челябинов В. П., Чернай И. Л., 1977. Разведки в бассейне Средней Оки // АО 1976 года. М.: Наука. С. 76–77.
3. Фоломеев Б. А., Стогов В. Е., Трусов А. В., Челябинов В. П., Чернай И. Л., 1978. Работы в бассейне Средней Оки // АО 1977 года. М.: Наука. С. 91.
4. Фоломеев Б. А., Гласко М. П., Свирина А. Б., Трусов А. В., Челябинов В. П., Чернай И. Л., 1979. Работы в бассейне Средней Оки // АО 1978 года. М.: Наука. С. 101–102.
5. Фоломеев Б. А., Трусов А. В., Гаврилов А. И., 1980. Работы в бассейне Средней Оки // АО 1979 года. М.: Наука. С. 85–86.
6. Трусов А. В., 1980. Работы Московского областного краеведческого музея // АО 1979 года. М.: Наука. С. 82.
7. Сидоров В. В., Трусов А. В., 1980. Луково озеро I – стоянка льяловской культуры // Dissertation. Abstracts International. № 2. С. 126.
8. Сидоров В. В., Трусов А. В., 1980. Луково озеро I – стоянка льяловской культуры // СА. № 2. С. 126–143.
9. Трусов А. В., 1983. Раскопки верхнепалеолитической стоянки Шатрищи // АО 1981 года. М.: Наука. С. 93.
10. Трусов А. В., 1983. Могильник Облачинская дюна // КСИА. Вып. 175. С. 82–83.
11. Трусов А. В., 1984. Раскопки Зарайской палеолитической стоянки // АО 1982 года. М.: Наука. С. 91–92.
12. Трусов А. В., 1985. Зарайская верхнепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение) // СА. № 3. С. 110–118.
13. Сидоров В. В., Трусов А. В., 1986. Фатьяновцы на Круглом озере // КСИА. Вып. 185. С. 98–103.
14. Власов В. К., Куликов О. А., Трусов А. В., 1987. Определение возраста Зарайской палеолитической стоянки РТЛ-методом // Методы изотопной геологии. Тез. докл. Всесоюзной школы-семинара. Ч. 2. Звенигород: Звенигородский музей.
15. Трусов А. В., 1988. Новая верхнепалеолитическая стоянка Шатрищи 2 // Науч. чт. «Археология Рязанской земли». Тез. докл. Рязань: Б. и. С. 9–10.
16. Трусов А. В., 1989. Верхнепалеолитическая стоянка Шатрищи на Средней Оке // СА. № 3. С. 96–112.
17. Сидоров В. В., Эгватовая А. В., Воронин К. В., Лозовский В. М., Трусов А. В., 1993. Работы Подмосковной экспедиции в 1986–1990 гг. // КСИА. Вып. 210. С. 55–63.
18. Трусов А. В., 1994. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки // Тр. ГИМ. Вып. 85. С. 94–116.
19. Трусов А. В., 1995. Раскопки Зарайской палеолитической стоянки // АО 1994 года. М.: Наука. С. 143–144.
20. Селезнев А. Б., Трусов А. В., 1995. Раскопки Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума ИИМК 11–14 апреля 1995 года / Археологические изыскания. Вып. 22. СПб.: ИИМК РАН. С. 76.
21. Трусов А. В., 1997. Кремневый комплекс Зарайской палеолитической стоянки // Восточный граветт. Тез. докл. междунар. коллоквиума (Зарайск – Москва, 1–7 сентября 1997). М.: ИА РАН. С. 69–71.
22. Трусов А. В., 1998. Кремневый комплекс Зарайской палеолитической стоянки // Восточный граветт. М.: Научный мир. С. 279–298.
23. Трусов А. В., 2000. Куково I – новый памятник иеневской культуры на р. Осетре в Зарайском районе Московской области // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.: МИГМ. (Тр. МИГМ. Вып. 10). С. 7–14.
24. Трусов А. В. Поречье – памятник иеневской мезолитической культуры на р. Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.: МИГМ. (Тр. МИГМ. Вып. 10). С. 19–25.
25. Трусов А. В., 2002. Культурный слой Зарайской палеолитической стоянки (морфология – стратиграфический аспект) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН. (Костенки в контексте палеолита Евразии. Исследования. Вып. 1). С. 151–159.
26. Кравцов А. Е., Коннов С. Б., Трусов А. В., 2003. Работы на стоянках Ладыжино 3 и 3а в Калужской области // АО 2002 года. М.: Наука. С. 140–141.

27. Дробышевский С. В., Богатенков Д. В., Трусов А. В., 2004. Лобная кость человека из села Дядьково (Рязанская область) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭ. Т 1 (17). № 17. С. 132–142.
28. Трусов А. В., 2004. Трегубово 2 – палеолитическая мастерская по первичной обработке кремневого сырья // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир. С. 218–230.
29. Трусов А. В., 2004. Финально-палеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // АП. М.: ИА РАН. С. 42–52.
30. Трусов А. В., Энговатова А. В., Панченко К. И., 2004. Настасьино 2 и 4 – стоянки иеневской культуры на реке Северке // АП. М.: ИА РАН. С. 90–97.
31. Трусов А. В., 2005. Стоянка эпохи мезолита Мякинино // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 5–9.
32. Трусов А. В., 2005. О возможности выделения остатков жилого сооружения на стоянке Русаниха и некоторых отличиях хозяйственного типа Русанихи и Сунгирия // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: Academia. С. 7–17.
33. Лев С. Ю., Леонова Е. В., Стрикалов И. Ю., Трусов А. В., Энговатова А. В., 2005. Московский край в эпоху камня // Московская область: История. Культура. Экономика. Атлас. М.: Дизайн.Информация.Картографирование. С. 70–79.
34. Trusov A., 2006. The Final Paleolithic site of Rostislav 1 (Preliminary report) // Archaeologia Baltica. 7. Klaipeda. P. 149–159.
35. Трусов А. В., Житинёв В. С., 2008. Ожерелье из зубов песка Зарайской стоянки // Человек, адаптация, культура / Ред. А. Н. Сорокин. М.: ИА РАН. С. 427–434.
36. Трусов А. В., 2009. Клушино 1 – новый палеолитический памятник в Подмосковье // РА. № 4. С. 107–112.
37. Трусов А. В., 2015. О возможных следах тотемизма на Зарайской палеолитической стоянке // ТАС. Вып. 10. Т. 1. Тверь: Триада. С. 428–433.
38. Трусов А. В., 2015. Памятники эпох палеолита и мезолита в собрании Музея Москвы // Московия: материалы и исследования по истории и археологии. М.: Музей Москвы. С. 124–137.
39. Трусов А. В., 2015. Памятники эпох неолита и бронзы в собрании Музея Москвы // Московия: материалы и исследования по истории и археологии. Вып. II. М.: Музей Москвы. (Тр. Музея Москвы; № 12). С. 128–137.
40. Сорокин А. Н., Ошибкина С. В., Трусов А. В. На переломе эпох. М.: Гриф и К. 2009. 388 с.
41. Трусов А. В. Палеолит бассейна Оки. М.: Репроцентр-М, 2011. 312 с.
42. Трусов А. В. Каменные изделия и хозяйственные объекты Зарайской стоянки. 1980, 1982–83, 1989, 1990, 1994–95 гг. раскопок. М.: Репроцентр-М. 2014. 132 с.
43. Трусов А. Рассказки. М.: Дипак, 2016. 296 с.

Список научных отчетов А. В. Трусова

- Трусов А. В. Отчет о разведке в Спас-Клепиковском районе Рязанской области Среднеозерным отрядом Окской экспедиции в 1975 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6025, 6025а.
- Трусов А. В. Отчет о разведке в Клепиковском и Спасском районах Рязанской области отдельной группой Мещерского отряда Окской экспедиции в 1976 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6504, 6504а.
- Трусов А. В. Отчет о разведке в Клепиковском, Спасском и Шиловском районах Рязанской области и раскопках стоянок Совка I и Совка III (г. Клепики Рязанской области), а также о раскопках стоянки Альба I (Дмитровский район Московской области) в 1977 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6565, 6565а.
- Трусов А. В. Отчет о работе в Спасском районе Рязанской области и о работах на стоянке Альба I в Московской области в 1978 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7021, 7021а.
- Трусов А. В. Отчет о разведках и раскопках в Рязанской и Московской областях в 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7676, 7676а.
- Трусов А. В. Отчет о работах в Московской области в 1980 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7677, 7677а.
- Трусов А. В. Отчет об археологических раскопках верхнепалеолитической стоянки Шатрищи в 1981 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8854, 8854а.
- Трусов А. В. Отчет о работе Зарайского отряда Московской экспедиции в 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10085, 10085а

Трусов А. В. Отчет о разведке по р. Непрядве (Тульская область) и раскопках Зарайской верхнепалеолитической стоянки в Московской области в 1983 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10693, 10693а.

Трусов А. В. Отчет о разведке по палеолиту в бассейне Средней Оки в 1987 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 12267, 12267а.

Трусов А. В. Отчет о разведке памятников эпохи палеолита в бассейне р. Оки в Московской и Рязанской областях в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 12991, 12992.

Трусов А. В. Отчет о раскопках Зарайской палеолитической стоянки и обследовании местонахождения кремневых изделий у с. Поречье в 1989 г. (Московская область) / Архив ИА РАН. Р-1. № 14427, 14428.

Трусов А. В. Отчет о работе в Каширском, Ступинском и Зарайском районах в 1990 г. (Московская область) / Архив ИА РАН. Р-1. № 15908, 15909.

Трусов А. В. Отчет о полевых исследованиях в зоне строительства района Митино в 1991 г. (г. Москва) / Архив ИА РАН. Р-1. № 15961, 15962.

Трусов А. В. Отчет об археологических исследованиях селища Мякинино в 1992 г. (г. Москва) / Архив ИА РАН. Р-1. № 17186, 17187.

Трусов А. В. Отчет об охранных раскопках Зарайской палеолитической стоянки в 1994 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 18271, 18272.

Трусов А. В. Отчет о разведочных работах на Карачаровской палеолитической стоянке (г. Муром, Владимирская область) и местонахождении ископаемой фауны и кремневых изделий «Золотариха» (г. Белёв, Тульская область) в 1996 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 20209.

Трусов А. В. Отчет Окской палеолитической экспедиции о разведочных работах на Карачаровской стоянке (Владимирская обл., г. Муром) и раскопках палеолитической стоянки Шатрищи 2 (Рязанская обл., Спасский район) в 1997 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 21458.

Трусов А. В. Отчет о разведочных работах в Зарайском районе Московской области летом 1998 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 22105.

Трусов А. В. Отчет о раскопках стоянки Трегубово 2 (Московская обл., Зарайский район) и разведках в Коломенском районе Московской области и Шиловском районе Рязанской области в 1999 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 22485, 15909.

Трусов А. В. Отчет о раскопках стоянки Трегубово 2 (Московская обл., Зарайский район) и стоянки Шатрищи 2 (Рязанская обл., Спасский район) в 2000 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 24280.

Трусов А. В. Отчет о раскопках палеолитической мастерской Трегубово 2, шурфовке стоянки Иванчиково (Московская область, Зарайский район) и раскопках стоянки Шатрищи 2 (Рязанская обл., Спасский район) в 2001 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 24984.

Трусов А. В. Отчет о разведочных работах на фаунистическом местонахождении Стерлигово (Рязанская обл., Шиловский р-н) и в районе д. Иванчиково и с. Струпна (Московская обл., Зарайский р-н) в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 27760.

Трусов А. В. Отчет об археологической разведке, проведенной отрядом Подмосковной археологической экспедиции ИА РАН по трассе строительства ВОЛС Москва – Рязань – Никольское в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 27782.

Трусов А. В. Отчет о работах на стоянке Ладыжино 3 (Калужская область, Тарусский район) и раскопках Ростиславльской стоянки (Озерский район Московская область) в 2003 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 33581.

Трусов А. В. Отчет о раскопках Ростиславльской стоянки (Озерский район, Московская область) в 2004 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 31243.

Трусов А. В. Отчет об охранных археологических раскопках на селище «Карьер» в Рузском районе Московской области в 2004 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 31656.

Трусов А. В. Отчет о раскопках Ростиславльской стоянки (Озерский район, Московская область) в 2005 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 26919.

Трусов А. В. Отчет о раскопках стоянки Альба 6 (Дмитровский район, Московская область) в 2005 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 26920.

Трусов А. В. Отчет об археологических исследованиях селища Ивановское I в Химкинском районе Московской области в 2005 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 26380.

Трусов А. В. Отчет о разведочных работах в окрестностях с. Хатунь (Ступинский район, Московская область) в 2006 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 53274.

Панченко К. И., Трусов А. В. Отчет об охранных археологических раскопках на селище «Перевицкий Торжок-3» в Луховицком районе Московской области в 2007 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 48725, 48726, 48727.

Трусов А. В. Отчет об археологической разведке в зоне землеотвода у д. Замошье Осташковского района Тверской области в 2007 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 48707.

Трусов А. В. Отчет о раскопках стоянок Клушино 1 (Солнечногорский район Московской области) в 2008 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 43875.

Трусов А. В. Отчет. Научно-исследовательские охранные работы (разведки) в зоне отвода земли около с. Лужки Серпуховского района Московской области в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 29127.

Трусов А. В. Отчет. Научно-исследовательские охранные археологические работы (разведки) в зоне отвода земли ФОК на территории Серпуховского района Московской области в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 29130.

Трусов А. В. Отчет о проведении научных археологических исследований «инвентаризация объекта культурного (археологического) наследия федерального значения «Стоянка, поселение, I тыс., XIII–XIV вв.» в овраге Подпольщиков, на левом берегу р. Волга и Загородном парке г. о. Самары Самарской области» в 2013 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 41481, 41482–41484.

Трусов А. В. Отчет о раскопках стоянки Ростиславль 2 в Озёрском районе Московской области в 2015 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 49809.

Трусов А. В. Отчет о раскопках стоянки Ростиславль 2 в Озёрском районе Московской области в 2016 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 53037.

Трусов А. В. Отчет о разведочных работах на территории Ростиславльского 3-го селища в Озёрском районе Московской области в 2017 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 56891.

Трусов А. В. Отчет о раскопках стоянки Ростиславль 2 в Озёрском районе Московской области в 2018 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 60994.

Список сокращений

АВ	– Археологические вести
АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара
АИ	– Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией
АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова
АКР	– Археологическая карта России
АН СССР	– Академия наук СССР
АНО НИЦ	– Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия»
АО	– Археологические открытия
АП	– Археология Подмосковья. Материалы научного семинара
АС	– Археологический сборник
АС	– Археологический съезд
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГУ	– Брянский государственный университет
БЛДР	– Библиотека литературы Древней Руси
ВАС	– Всероссийский археологический съезд
ВЭ	– Вопросы эпиграфики
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГИН РАН	– Геологический институт РАН
ГКМФ РФ	– Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации
ГММК	– Государственные Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ДКН	– Департамент культурного наследия города Москвы
ИА НАНУ	– Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИГ РАН	– Институт географии РАН
ИИМК	– Институт истории материальной культуры РАН
КАЭ	– Костромская археологическая экспедиция
КМЗ	– Костромской музей-заповедник
КОКМ	– Калужский областной краеведческий музей
КСИА	– Краткие сообщения института археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения института истории материальной культуры
КФ МГЭИ	– Калужский филиал Московского гуманитарно-экономического института
МАР	– Материалы по археологии России
МВД	– Министерство внутренних дел
МГУ	– Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МГУ им. Н. П. Огарева	– Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ	– Музей истории города Москвы
МОАИ	– Материалы охранных археологических исследований
НАЭ	– Новгородская археологическая экспедиция
НВФ	– Научно-вспомогательный фонд
НГОМ	– Новгородский государственный объединенный музей
НГЦ	– Нижегородский гуманитарный центр
НИОКТР	– Научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения
ННЗ	– Новгород и Новгородская земля. История и археология
НПФ	– научно-производственная фирма
НС	– Новгородский сборник
ОЛДП	– Общество любителей древней письменности

ОР	– Отдел рукописей
ПА	– Поволжская археология
ПДПИ	– Памятники древней письменности и искусства
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГБ	– Российская государственная библиотека
РИАМЗ	– Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РИО БГУ (РИСО БГУ)	– Редакционно-издательский отдел (совет) Брянского государственного университета
РНФ	– Российский научный фонд
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СА	– Советская археология
САБ	– Строительно-археологическое бюро
СамГУ	– Самарский государственный университет
СГСПУ	– Самарский государственный социально-педагогический университет
СГЭ	– Сборник Государственного Эрмитажа
СОИКМ	– Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина
СПГИХМЗ	– Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
СПМЗ	– Сергиево-Посадский музей-заповедник
СЭ	– Советская этнография
ТАС	– Тверской археологический сборник
ТГОМ	– Тверской государственный объединенный музей
ТТЗ	– Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
ЦАИ	– Центр археологических исследований
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей российских
ЯРК	– Языки русской культуры
ЯСК	– Языки славянских культур

Научное издание

Археология Подмосковья. Выпуск 17
Материалы научного семинара

Корректор: Е. В. Буйда
Верстка: В. Б. Степанов
Художник: А. В. Голикова

Подписано в печать 11.02.2021
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 52,9. Уч.-изд. л. 49,5.
Тираж 100 экз. Заказ № .

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макетов
ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-94375-334-3

9 785943 753343